РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

BYZANTINA XPONIKA

Том 60 (85)

Ответственный редактор
академик Г. Г. ЛИТАВРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 2001

УДК 94/99
ББК 63.3(0)4
В 42

Редакционная коллегия:

академик РАН Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
доктор исторических наук С.П. КАРПОВ,
кандидат исторических наук Д.А. КОРОБЕЙНИКОВ,
член-корреспондент РАН И.П. МЕДВЕДЕВ (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения О.С. ПОПОВА,
кандидат исторических наук З.Г. САМОДУРОВА (отв. секретарь),
доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ (и.о. зам. отв. редактора)

Редакционный совет:

доктор исторических наук Р.М. БАРТИКЯН (Ереван),
доктор исторических наук О.Р. БОРОДИН,
доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ,
доктор исторических наук Г.Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ (Тбилиси),
академик АН Украины П.П. ТОЛОЧКО (Киев),
доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА,
доктор исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА,
профессор И.И. ШЕВЧЕНКО (Бостон),
член-корреспондент РАН Я.Н. ЩАПОВ

Бригадир тома – А.Ю. НИКИФОРОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ,
доктор исторических наук Л.Е. СЕМЕНОВА

Ежегодник основан
академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ в 1894 году

Византийский временник. Т. 60. – М.: Наука, 2001. 256 с.
ISBN 5-02-010186-9

Том традиционно состоит из четырех разделов: статьи, рецензии, публикация источников, хроника научной жизни (конференции, защиты диссертаций и т.д.). В нем опубликованы статьи и рецензии видных российских византинистов (С.П. Карпова, О.С. Поповой, И.П. Медведева, В.В. Кучмы, Я.Н. Любарского и др.) по проблемам истории византийского города, истории церкви, социально-экономическому развитию. Отдел критики и библиографии включает обзоры и рецензии на значительное число новейших зарубежных и отечественных монографий по византиноведению. В отделе публикаций впервые вводится в научный оборот «Душеполезная история» о раскаявшемся разбойнике по одному из греческих списков ГИМ.

Для историков, историков культуры, преподавателей и всех интересующихся историей Византии.

ТП-2000-II-№ 8

ISBN 5-02-010186-9

© Издательство "Наука", 2001
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Византийский временник"
(разработка, оформление),
1894 (год основания), 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

С.П. Карпов (Москва)
Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) 5

К. Шилов (Санкт-Петербург)
К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях 30

В.В. Серов (Барнаул)
К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект 46

М.В. Кривов (Солнечногорск)
Притязания арабов на Палестину при Мухаммеде 56

В.В. Кучма (Волгоград)
Теория и практика ведения горной войны по данным византийской полемологии 59

П.И. Жаворонков (Москва)
Первый поход Иоанна III Ватаца на Фессалонику (1243 г.) и смерть Ивана II Асеня (1242 г.). Проблема датировки 69

М.М. Бандиленко (Москва)
Иоанн Евгеник и представители семьи Асанов 75

А.А. Войтенко (Москва)
"Житие преп. Антония Великого" свт. Афанасия Александрийского и начало христианского монашества 83

М.И. Чернышева (Москва)
"Человек" в древнерусских и христианско-византийских памятниках. Очерк третий. Лице 99

К.А. Панченко (Москва)
К истории православного летописания в Халифате (Источники хроники Агапия Манбиджского для VII–VIII вв.) 109

А.В. Бармин (Москва)
Кто написал "Другой свод против латинян"? 121

А.Ю. Казарян (Москва)
Архитектура Армении IV–VI веков и особенности раннехристианской традиции в соседних странах 126

О.С. Попова (Москва)
Образ Христа в византийском искусстве V–XIV веков 159

А. Семоглу (Афины)
Воскресающий Моисей. О редкой иконографической особенности сцены "Преображения" в настенной монастырской живописи Северо-Западной Греции XVI века. Исследование русского влияния 174

Клаудиа Соде (Берлин)
А.Д. Мордтман младший (1837–1912) и начало византийской сигиллографии 178

И.П. Медведев (Санкт-Петербург)
Малоизвестный проект первого издания "Хронографии" Михаила Пселла 183

Рецензии и аннотации

А.В. Бармин (Москва)
Иеромонах Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. Крутицкое Патриаршее Подворье. М., 1998 192

Л.Г. Хрушкова (Москва)
Ristow Sebastian. Frühchristliche Baptisterien // Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband 27, 1998. Münster. 384 S. 193

А.А. Войтенко (Москва)
Tomasz Derda. Deir el-Naqlun: Tne Greek Papyri (P. Naqlun I.). [Studia Antiqua]. Wydawnictwa Universytetu Warszawskiego, Warszawa, 1995. 195 p. XVI Plates 197

Д.Е. Афиногенов (Москва)
Еще раз о пользе чтения "между строк". Методологические размышления 201

И.П. Медведев (Санкт-Петербург)
Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М.: Изд-во "Индрик", 1997. 291 с. ... 203

Я.Н. Любарский (Санкт-Петербург)
La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre. Introduction, Édition et Traduction Marie-France Auzépy / Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 3, Variorum, 1997 ... 205

И.А. Орецкая
Corrigan K. Visual Polemics in the Ninth-Century Byzantine Psalters. Cambridge Mass. Univ. Press, 1992. 325 p. 86 ill. ... 207

Н.В. Герасименко
Natalia B. Teteriatnikov. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. OCA 252. Roma, 1996 ... 209

С.М. Перевалов (Владикавказ)
McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Wash., D.C. 1995. XVIII + 405 p. ... 210

С.А. Иванов (Москва)
Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М.: "Языки русской культуры", 1998. 574 с. ... 213

В.Г. Пуцко (Калуга)
Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус–Граффити, 1996. 563 с. ... 215

Священник Виталий Головатенко (Санкт-Петербург)
Герцман Е.В. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог. Том I. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург: "Глаголъ", 1996. 736 с. (Серия "Основания христианской культуры") ... 218

М.А. Поляковская (Екатеринбург)
Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 631 с. ... 222

Георгий Львович Курбатов ... 226

Карен Никитич Юзбашян ... 234

Хроника

С.П. Карпов (Москва)
Международный коллоквиум в Конке (Франция) "Миграция и диаспоры в Средиземноморье. XI–XVI вв." (14–16 октября 1999 г.) ... 237

Л.Г. Хрушкова (Москва)
XIV Международный конгресс по христианской археологии ... 238

А.Ю. Никифорова (Москва)
Третья Всероссийская конференция молодых специалистов по византинистике и неоэллинистике (Москва, 8–10 апреля 2000 года) ... 243

Публикации

С.А. Иванов (Москва)
"Душеполезная история" о раскаявшемся разбойнике (BHG, 1450m) ... 247

Список сокращений ... 254

С.П. Карпов

ОБРАЗОВАНИЕ ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ (1204–1215 гг.)

Образование Трапезундского государства почти одновременно со взятием Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. было не одномоментным и не простым событием. Разные силы внутри империи и вне ее пытались существенно модифицировать как сам тип возникающего государства (универсалистская монархия, буферное княжество или региональное, собственно понтийское образование), так и его внешнеполитическую ориентацию.

Обратимся вначале к историографии проблемы, насчитывающей несколько столетий. В ней выделяется ряд основных проблем: 1. Была ли Трапезундская империя преемницей Византии, ее институтов и порядков, и если да, то в какой степени? 2. Какую роль сыграла Грузия в основании империи? 3. Какие внутренние силы способствовали процессу децентрализации Византии? 4. В какой степени образование Трапезундской империи связано с IV Крестовым походом? 5. Какие задачи ставили перед собой основатели и первые правители нового государства? Каким образом они оформляли идеологически свой суверенитет и на какие традиции при этом опирались? Помимо этих, более общих тем, научная литература затрагивала и многие частные сюжеты.

Три первые проблемы рассматривались чаще всего во взаимной связи. Еще до того, как стали известны основные источники по начальной истории Трапезундской империи ("Хроника" Михаила Панарета, "Картлис Цховреба", речи Николая Месарита и др.), представления о ней были крайне неполными, а то и просто фантастическими[1]. Много сделавший для сбора и систематизации сведений византийских историков Шарль Дюканж считал, тем не менее, что Алексей I Комнин управлял Колхидой или Трапезундской провинцией еще при Ангелах с титулом дуки и получил самостоятельность после падения Константинополя в 1204 г.[2] Этот взгляд получил свое полное оформление в "Истории упадка и разрушения Римской империи" Э. Гиббона[3], был подхвачен в истории Византии Ш. Лебо и М. Броссе, где было добавлено, что константинопольские императоры ежегодно назначали в Трапезунд губернатора-дуку[4]. Однако знание Броссе "Картлис Цховреба" (которую он впервые перевел на французский язык) позволило ему ввести новый компонент: помощь ивирского наемного войска и сторонников династии Комнинов удалившимся

[1] См. о них подробнее: *Vasiliev A.A.* The Empire of Trebizond in History and Literature // Byz. 1940–1941. T. XV. Fasc. 1. P. 318–322.

[2] *Ducange du Fresne Ch.* Historia byzantina duplici commentario illustrata, prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum nomismatibus… P., 1680. P. 192.

[3] *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. М., 1886. Ч. VII. С. 11–12.

[4] *Lebeau Ch.* Histoire du Bas-Empire. Nouvelle éd., augmentée d'après les historiens orientaux par M. de Saint Martin et continuée par M. Brosset. P., 1835. T. 17. P. 254. Поводом для таких построений могла быть фраза армянского историка начала XIV в. Гетума (Гайтона), относящаяся, видимо, к византийскому периоду истории Понта, о том, что константинопольский император назначал в Трапезунд губернаторами дук. Один из них, продолжал Гетум, восстал и, захватив власть в Трапезунде, сам стал называться императором. Здесь содержится, вероятно, провизантийская версия событий. См.: *Hayton.* La Flor des Estoires de la Terre d'Orient // RHC, DA. 1906. T. 2. P. 133; ср.: Mandeville's Travels. Texts and Transl. by M. Letts. L., 1953. T. 1. P. 104; T. 2. P. 311.

на Понт после свержения Андроника его внукам Алексею и Давиду, основавшим независимое государство[5].

Первую обоснованную и фундированную им же открытыми новыми источниками концепцию образования Трапезундской империи выдвинул Я.Ф. Фальмерайер (1790–1861). Немецкий ученый пришел к выводу, что к образованию империи привели внутренние закономерности: обитатели Понта издавна тяготели к самостоятельности и образованию "торговых республик", чему препятствовала правящая клика константинопольских богачей, "чьими интересами и ненасытным корыстолюбием расшатывалась империя и истощались силы подданных"[6]. По мнению Фальмерайера, империя основывается, дабы отстоять независимость жителей равным образом и от посягательств Константинополя, и от грабительских набегов туркменов и сельджуков, и для защиты от притязаний грузин. Но как только трапезундские правители пытались ставить более широкие задачи, они неизменно теряли активную поддержку своих подданных, которые, однако, в силу упадка эллинского воинского духа, сами не были в состоянии оказать сопротивление честолюбию и гегемонизму своего нового монарха[7]. Прямую преемственность от Византии Фальмерайер видел лишь в том, что вместе с Алексеем I на Понт прибыла группа византийской знати, чужеродной местному населению и поддерживавшей в императоре продолжателя византийских традиций[8]. Для обоснования своих положений Фальмерайер привел экскурс о давнем сепаратизме Понтийской области[9]. Исходя из неверно установленной даты смерти царицы Тамар (1202 г.), Фальмерайер фактически отрицал какое-либо грузинское влияние в образовании империи, а известные сведения "Картлис Цховреба" относил к более раннему времени, считая поход грузинского отряда грабительским набегом[10]. Данные Панарета о том, что Алексею I оказала помощь его тетка по отцу Тамар, Фальмерайер истолковал как свидетельство о некоей грузинской родственнице Комнинов, но не о царице Грузии[11]. Фальмерайер через широкое изучение разнообразных источников впервые поставил вопрос об образовании Трапезундской империи на научную основу. Он наметил линию изучения через рассмотрение внутренних закономерностей развития Понта. Им было также отмечено, что необходимость образования империи стимулировалась внешнеполитической ситуацией. Однако Фальмерайер не понял роль Грузинского царства в этом процессе и недооценил глубокой внутренней связи византийской и трапезундской культур, включая и государственные институты.

Все последующие историки Трапезунда не могли пройти мимо основных положений Фальмерайера, и хотя отдельные построения немецкого ученого пересматривались, многие исследователи на себе испытали влияние этого труда. Это характерно и для Дж. Финлея, который, однако, в противоположность своему предшественнику, отрицая закономерность образования государства на Понте, считал, что все величие этой империи существует лишь в романах и никакой необходимости в ее создании не было[12]. Порожденная тенденциозным панэллинизмом автора (понимаемым как поступательное движение "эллинского духа"), а также неразработанностью в его время экономической истории Понта, такая концепция давно была критически пересмотрена[13]. Финлей продолжил линию на отрицание позитивной роли Грузии в основании империи, утверждал, что братья Комнины бежали в Колхиду лишь накануне захвата Константинополя крестоносцами, в 1203–1204 гг.[14] Единственным оправданием независимости империи Финлей считал мусульманскую угрозу, консолидирующую понтийский регион вокруг Трапезунда[15].

Новую струю в разработку проблемы внес акад. А.А. Куник, написавший первую специальную работу об основании Трапезундской империи[16]. Отметив давние следы сепаратизма, А.А. Куник убедительно доказал, сравнив тексты "Трапезундской хроники" Панарета и "Картлис Цховреба", что именно грузинская царица была инициатором похода 1204 г.[17] Это объяснялось желанием Тамар устроить сильное христианское государство на Босфоре и в Малой Азии для борьбы с сельджуками[18]. Для обоснования положения о роли Грузии А.А. Куник обратился к генеалогическим связям Комнинов и Багратидов[19]. Куник отметил весьма примечательное именование в "Картлис Цховреба" сына Андроника I Алексея "близким родственником Тамары"[20]. По его мнению, существовали возможные альтернативы: либо сестра Тамар была женой Мануила, сына Андроника I, тогда грузинская царица – действительно тетка Алексею и Давиду, но не по отцу, как писал Панарет, а по матери[21], либо, вероятнее, первая супруга Андроника I была родственницей матери царицы Тамар[22]. Вопрос был поставлен Куником, но не решен из-за скудости источников. Куник первым предположил, что еще детьми потомки Андроника после 1185 г. попали в Грузию, откуда и совершили поход 1204 г.[23]

---

[5] *Lebeau Ch.* Histoire... T. 17. P. 254, 256.

[6] *Fallmerayer J.-Ph.* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827 (repr.: Hildesheim, 1964).

[7] Ibid. S. 55–56.

[8] Ibid. S. 47–48.

[9] Ibid. S. 17–22.

[10] Ibid. S. 23–27, ср.: S. 48, 59.

[11] Ibid. S. 41–42. См. также: *Pfaffenhoffen F., de* Essai sur les aspres comnénants, ou blanc d'argent de Trébizonde. P., 1847. P. 19–20; П. Медовиков считал Тамар дочерью Андроника I, спасшей своих племянников, отвезя их в Колхиду (*Медовиков П.* Латинские императоры в Константинополе. М., 1849. С. 79).

[12] *Finlay G.* The History of Greece from its Conquest by the Crusaders to its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond 1204–1461. Edinburgh; London, 1851; *Finlay G.* A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. B.C. 146-to A.D. 1864. Oxford, 1877. T. IV. P. 307–308. Подобные суждения см. также: *Fischer W.* Trapezunt und seine Bedeutung in der Geschichte // Zeitschrift für allgemeine Geschichte. 1886. Bd. 3. S. 25–26; *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. М., 1910. Ч. 1. С. 100.

[13] См. критику в работах: *Успенский Ф.И.* Трапезунтская империя // Анналы. 1924. № 4. С. 20; *Vasiliev A.A.* The Empire... P. 341.

[14] *Finlay G.* A History... P. 317–318. Это мнение разделяли: *Ioannides S.* Ιστορία και στατιστική της Τραπεζούντος και της περί ταύτην χώρας. Εν Κωνσταντινούπολει, 1870. Σ. 48, 50–51; *Fischer W.* Trapezunt und seine Bedeutung... S. 23; *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1897. С. 565; *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 14; *Karolides P.* Βυζάντιον–Αρμενία–Ιβηρία (Γεωργία) // ΕΕΒΣ. 1929. Т. 6. P. 20–21. Not. 2.

[15] *Finlay G.* A History... P. 371.

[16] *Куник А.А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗ имп. АН по I и III отделениям. 1854. Т. 2. С. 705–733.

[17] Там же. С. 724–725.

[18] Там же. С. 727–728; ср.: *Джанашвили М.Г.* Царица Тамара. Тбилиси, 1900. С. 59 и примеч. 19.

[19] *Куник А.А.* Основание... С. 708–711; *Он же.* О грузинском происхождении бабушки первого трапезундского царя // УЗ имп. АН по I и III отделениям. 1854. Т. 2. С. 788.

[20] *Куник А.А.* Основание... С. 719–720.

[21] Там же. С. 713. Примеч. 8. Эту точку зрения разделяли: *Гельцер Г.* Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича. СПб., 1912. Вып. 1. С. 170; *Bréhier L.* Vie et mort de Byzance. P., 1947. P. 373; *Mélikoff I.* Géorgiens. Turcomans et Trébizonde: notes sur le "Livre de Dede Korkut" // Bedi Kartlisa. 1964. Т. 17/18. P. 19–20.

[22] *Куник А.А.* О грузинском происхождении... С. 788. Куник обратил также внимание на редкие для византийских Комнинов преномы Давид и Георгий, которые, напротив, часто встречались у Багратидов: *Он же.* Основание... С. 718–719. См. также, *Vasiliev A.A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222) // Speculum. 1936. Vol. II. Fasc. 1. P. 5. *Bryer A.* Trebizond: the Last Byzantine Empire // History Today. 1960. Т. 10. N 2. P. 129.

[23] *Куник А.А.* Основание... С. 723. В дальнейшем это мнение было развито или принято в трудах: *Hopf K.* Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // *Ersch J.S., Gruber G.* Allgemeine Encyklopädie. Leipzig, 1867. Bd. 85. S. 209–210; *Gerland E.* Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Homburg, 1905. Bd. 1. S. 34–35; *Гельцер Г.* Очерк... С. 170; *Безобразов П.В.* Трапезунт, его святыни и древности. Пг., 1916. С. 4–5; *Успенский Ф.И.* Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929. С. 29–30; *Он же.* История Византийской империи XI–XV вв. М., 1997. С. 479; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 9–12; *Laurent V.* Sceau inédit de David Comnène, libérateur du Pont et co-fondateur de l'empire de Trébizonde // АП. 1954. Т. 19. Σ. 156; *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1. С. 56–57; *Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхиа Ш.А.* История Грузии. Тбилиси, 1962. Т. 1. С. 204; История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 46; *Vryonis Sp.* Byzantium and Europe. L., 1967. P. 181; *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. Revised ed. New Brunswick, 1969. P. 426; *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 61; *Salia K.* Quelques pages de l'histoire de Géorgie // Bedi Kartlisa. 1971. T. 28. P. 181; *Ангелов Д.* История на Византия. 1204–1453. Трета част. 4 изд. София, 1972. С. 16; *Берадзе И.И.* К вопросу основания Трапезундской империи. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.). С. 14–18.

Меньше внимания Куник уделил внутренним причинам консолидации Понтийских областей. По его мнению, в Малой Азии Комнинов принимали с радостью лишь потому, что альтернативой им была власть одинаково ненавистных франков или сельджуков[24].

А.А. Куник побудил ученых обратиться к вопросу о роли Грузии в основании империи. Многие, преимущественно греческие, исследователи не приняли его положений, по-прежнему настаивая на ведущей роли выходцев из Константинополя, византийских воинов и мобилизованных местных жителей Пафлагонии и Понта. Учитывались (по Хониату) и лазы, но лишь как наемные отряды[25]. В отечественной историографии, напротив, теория о доминирующей роли Грузии заняла прочное место[26].

В развернувшейся полемике английский историк У. Миллер, автор следующей монографии по истории Трапезундской империи, принял компромиссную позицию, считая оба фактора – грузинскую помощь и поддержку местного населения одинаково важными[27]. Но Миллер не создал цельной концепции образования империи, как это сделал выдающийся русский византинист акад. Ф.И. Успенский. Тщательно изучив предпосылки образования империи, конкретные следы сепаратизма, Ф.И. Успенский поставил вопрос: представляла ли Трапезундская империя продолжение и естественную эволюцию византинизма, или она – самостоятельное образование с другими целями?[28] Так был сформулирован важный вопрос о роли византийского наследия при сложении Трапезундского государства. Но причины обособления Трапезунда и его округи Успенский видел не в эволюции "византинизма". Анализируя пестрый этнический состав населения, исследователь считал, что греки, притом усвоившие лишь внешние формы эллинизма, составляли менее половины населения. Главнейшее место на востоке принадлежало лазам, на западе – тцанам и армянам[29]. Сам правящий класс, кроме небольшой греческой прослойки, прибывшей из Константинополя в XII–XIII вв., состоял из грузинских, лазистанских и армянских элементов. Поэтому, заключал Успенский, образование империи прямо противоречило интересам эллинизма, группировавшегося вокруг Никеи[30]. Ф.И. Успенский противопоставлял местные греческие и негреческие элементы господствующего класса, боровшиеся за власть. Первые постоянно усиливались притоком из Константинополя (сведений о такой массовой эмиграции в источниках нет) и стали доминировать с середины XIV в.[31] Автор признавал, что Трапезундская империя с экономической стороны, при всех местных особенностях, являла собой аналог Византии[32]. И все же, для Успенского основание империи – эпизод в борьбе Грузии за преобладание в Восточном Причерноморье, продолжение Тамарой политики своего отца, чьи войска доходили до Эрзерума и Трапезунда[33].

[24] *Куник А.А.* Основание... С. 729; *Ioannides S.* Ιστορία... P. 52; *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 366.

[25] Свидетельство Никиты Хониата о наемниках с Фасиса (см. ниже) рассматривалось в этом случае обособленно от "Хроники" Панарета или "Картлис Цховреба" (при этом грузинские источники нередко вовсе игнорировались). См., например, *Ioannides S.* Ιστορία... P. 52–53; *Meliarakes A.* Ιστορία της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου (1204–1261). Athenai, 1898, P. 44.

[26] См., например *Васильевский В.Г.* Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. CLXXVII–CLXXVII; *Джанашвили М.Г.* Царица Тамара. С. 15; *Крымский А.Е.* История Турции... С. 4–5; *Безобразов П.В.* Трапезунт... С. 4–5 и др. работы (см. ниже).

[27] *Miller W.* Trebizond... P. 15.

[28] *Успенский Ф.И.* Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // Seminarium Kondakovianum. 1927. Т. 1. P. 21.

[29] *Успенский Ф.И.* Трапезунтская империя. С. 29–31.

[30] Там же. С. 26. Создание Трапезундской империи Успенский рассматривал через призму процессов децентрализации Византии и неспособности ее господствующего класса цементировать разноплеменный состав державы ромеев: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI–XV вв. М., 1997. С. 295.

[31] *Успенский Ф.И.* Очерки... С. 140.

[32] *Успенский Ф.И., Бенешевич В.Н.* Вазелонские акты. Л., 1927. C.LXXXVII, LXXXIX.

[33] *Успенский Ф.И.* История... С. 479–480.

Ф.И. Успенский продвинул изучение проблемы значительно вперед, видя истоки образования империи не только во внешних условиях, но и в этнических особенностях Понта, внутренних закономерностях его развития. Но Успенский схематизировал проблему, сведя ее в основном к борьбе эллинских и неэллинских начал. Его представление о "греческой партии" только как о выходцах из Константинополя принципиально неверно и игнорирует местную греческую понтийскую городскую и землевладельческую элиту и активную роль греков-понтийцев в целом. Правда, Успенский пытался показать, что оплотом греческого влияния были города, но не развернул доказательств. Ф.И. Успенский, вслед за А.А. Куником, наметил путь изучения истории Трапезундской империи в тесной связи с Кавказом и Востоком. Именно по этому пути пошел А.А. Васильев. Вопросом № 1 при создании империи автор считал роль Грузии, давние династические связи грузинских Багратидов и византийских Комнинов[34]. А.А. Васильев полагал, что первая жена Андроника I была грузинской царевной[35]. Исследовав предшествующую историографию, Васильев примкнул к той точке зрения, что Алексей и Давид были привезены в Грузию сразу после 1185 г. Получив здесь воспитание и усвоив грузинский язык, они стали послушным орудием в политике грузинской царицы, чьи планы не простирались до Константинополя, но питались лишь враждой к Ангелам[36]. А.А. Васильев не уделил никакого внимания внутренним закономерностям образования империи, не показал те силы, опираясь на которые Комнины могли стать во главе государства. С другой стороны, называя империю "греческой", А.А. Васильев совсем не остановился на преемственности от Византии, лишь отметив, что жители Понта, якобы, охотно приняли близкую им династию (владения которой лежали и на Понте, и в Пафлагонии) и что при восстановлении монархии Комнинов сохранялся ореол законности[37]. Постановкой проблемы статья Васильева уступает работам Успенского, но в ней впервые был собран почти весь материал, касающийся образования Трапезундской империи, известный в то время.

После появления труда Васильева в историографии особенно четко наметились два направления: продолжение и развитие взглядов Куника–Успенского–Васильева и попытка их ревизии, доказательства первостепенной важности византийского "континуитета". По первому пути шли разыскания. К. Туманова о степени родства Алексея и Давида Комнинов с Тамар. Туманов предположил, что определение Тамар у Панарета как тетки Алексея I по отцу следует понимать шире: как двоюродное родство по отцовской линии. Туманов присоединился к суждению о существовании грузинской жены Андроника I, но считал ее скорее сестрой отца Тамар, Георгия III[38].

Положения Куника–Васильева о ведущей роли Грузинского государства в основании Трапезундской империи заимствовались и развивались в ряде трудов отечественных и иностранных медиевистов[39] . М.Д. Лордкипанидзе, например, обратила

[34] *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 4–6, 14, 18–20.

[35] Ibid. P. 5.

[36] Ibid. P. 9–12, 17–18.

[37] Ibid. P. 3, 7.

[38] *Toumanoff C.* On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgian Queen Thamar // Speculum. 1940. T. 15. N 3. P. 299–312; *Idem.* Armenia and Georgia // The Cambridge Medieval History. Vol. IV. The Byzantine Empire. Cambridge, 1966. Part 1. P. 624. О матримониальных связях Великих Комнинов и грузинских Багратидов см. также: *Toumanoff C.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucase chrétienne. Arménie – Géorgie – Albanie. Rome, 1976; *Kuršanskis M.* Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens // Bedi Kartlisa. 1976. T. XXXIV. P. 112–127; *Idem.* L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // REB. 1977. T. 35; *Vajay S., de* . Essai chronologique à propos de la famille du Grand Comnène Manuel, 1238–1263 // BF. 1979. Bd. 6. S. 281–291.

[39] *Левченко М.В.* История Византии. Краткий очерк. М.–Л., 1940. С. 234; *Он же.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 500; История Византии. Т.3. С. 46, 48; *Бердзенишвили Н.А.* и др. История Грузии. Т. 1. С. 203–204; *Каухчишвили С.Г.* Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1967. Т. 7. С. 163 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе О.* К вопросу о возникновении Трапезундского царства // Сб. науч. работ студентов Тбилисского ГУ. Тбилиси, 1953. С. 145–170 (на груз. яз.); *Берадзе И.И.* К вопросу основания...; *Allen W.E.D.* A History of the Georgian People. L., 1932. P. 108; *Mélikoff I.* Géorgiens: P. 19–20; *Salia K.* Quelques pages ... P. 183; *Лордкипанидзе М.Д.* История Грузии XI – начала XIII в. Тбилиси, 1974. С. 161.

внимание на то, что Грузия могла после 1204 г. претендовать на роль наследницы Византии на Востоке. В период Тамар ориентация на византийскую культуру грузинского двора была особенно сильной, и образование Трапезундской империи стоит в связи с этой политикой Грузии[40].

Наряду с признанием ведущей роли Грузии в создании Трапезундской империи со все большей силой звучала и противоположная точка зрения. В наиболее резкой форме она впервые была высказана в рецензии Н. Йорги на упомянутую статью А.А. Васильева. Сочтя сомнительными отношения юных Комнинов с Грузией до 1204 г., рецензент указывал, что во взятии Трапезунда надо видеть не грузинскую акцию, но действия эмигрантов из Константинополя при поддержке сторонников Комнинов изнутри Трапезунда. Васильев на ложном пути, писал румынский ученый, приписывая Тамаре ту роль, которую она никогда не играла: в дальнейшем Грузия выступала лишь как враг и соперник[41].

О. Лампсидис также ставил основание Трапезундской империи в прямую связь с судьбой Византии, считая, что с 1204 г. "территория государства Великих Комнинов непосредственно зависела от Византии, так же, как и его цивилизация и население"[42]. О. Лампсидис уделил много места критике положений Васильева, считая жизнь двух царевичей при грузинском дворе недоказанной, а их бегство относящимся лишь к июлю 1203 г., времени IV Крестового похода, следствием которого он и считал образование империи. Стремясь преуменьшить роль помощи из Грузии, греческий ученый искал начало похода не в Иверии, а в каком-то порту, недалеко от Трапезунда и Колхиды, куда бежали Комнины. Лампсидис подробно проанализировал все возможности родственных связей между домом царицы Тамар и Великими Комнинами и все существующие на этот счет гипотезы. Ни одну из них он не счел убедительной[43]. Он также отрицал, что образование империи было следствием политики Тамары, как и вообще значение Грузии. В качестве аргумента он приводил ослабление трапезундско-грузинских связей после смерти Тамар (1212 г)[44].

О прямой преемственности Трапезундской империи от Византии писали Д. Закифинос, А. Вакалопулос, Д. Никол[45], М. Куршанскис[46], Э. Брайер[47]. Автор последней обобщающей монографии по истории Трапезунда Э. Жансан не высказал своего мнения столь же непосредственно. Однако фактически он разделял взгляды вышеназванных исследователей"[48].

От решения в историографии трех основных проблем вытекал и подход к производным – было ли образование империи связано непосредственно с IV Крестовым походом и какие задачи ставили перед собой основатели государства? Большинство историков, сторонников "византийского континуитета", естественно связывало основание понтийского государства с разрушительными для Византии последствиями IV Крестового похода. Примечательно, что так смотрели на проблему сами византийские писатели XIII–XIV вв. Никита Хониат прямо выводил образование новых греческих государств из катастрофы 1204 г., когда новоявленные греческие правители, "потеряв голову от стремления к славе и желая называться государями, по неразумию вооружились друг против друга", обеспечив тем самым победу латинским разбойникам[49]. Акрополит начало новых государственных образований искал среди смут, последовавших за взятием Константинополя[50]. Никифор Григора нарисовал красочную картину гибели государства ромеев, уподобившегося застигнутому бурей кораблю, распадающемуся на множество обломков[51]. Но позиция современников событий, к тому же переживших тяжелый кризис или ощутивших на себе его последствия, не может быть правильным мерилом событий, тем более, что византийские авторы в той или иной мере разделяли ромейскую имперскую неприязнь к партикуляризму.

На других позициях стояли сторонники грузинского влияния в образовании империи. Еще А.А. Куник, сравнив данные Панарета и "Картлис Цховреба", показал, что взятие крестоносцами Константинополя в апреле 1204 г. и образование Трапезундской империи – события независимые: ведь подготовка к походу должна была начаться ранее зимы 1203/4 г.[52] Ф.И. Успенский углубил этот взгляд, заметив, что общий ход IV Крестового похода благоприятствовал юным Комнинам, хотя сами события 1204 г. послужили лишь внешним толчком[53]. Признавая эту общую связь, А.А. Васильев считал, что захват Алексеем Трапезунда не был результатом падения Константинополя, однако капитуляция Ангелов 18 июля 1203 г. могла вдохновить Тамару[54]. Чаще всего в исследованиях просто констатируется одновременность падения Константинополя и образования Трапезундской империи[55].

Как мне представляется, для решения этого вопроса надо учесть, что фактически было ДВА этапа становления Трапезундского государства: 1) захват самого города и консолидация вокруг него областей Понта и 2) дальнейшая экспансия на Запад, отчасти с реставраторскими целями и возможным привлечением бежавшего из захваченных крестоносцами территорий населения. Падение столицы в тот момент, когда военная экспедиция Комнинов была начата и успешно осуществлялась, могло создать новую альтернативу, и тут встает вопрос о первоначальных планах основателей империи.

Я. Фальмерайер справедливо разделил проблему на две части: сами Комнины и их константинопольские приверженцы стремились к восстановлению Византийской империи, но объективные потребности и желания жителей Синопа и Трапезунда требовали образования самостоятельного государства, свободного от притязаний Константинополя и грабительских походов туркменов и сельджуков[56]. А.А. Куник, напротив, твердо отстаивал взгляд, согласно которому Комнины не могли ставить задач восстановления империи не зная при начале похода о падении Константинополя. Они следовали планам Тамар, направленным на то, чтобы

---

[40] *Лордкипанидзе М.Д.* О византино-грузинских культурных взаимоотношениях VII–XIII вв. // Византийские очерки. М., 1982. С. 160, 179.

[41] *Iorga N.* Une nouvelle théorie sur l'origine et le caractère de l'empire de Trébizonde // Revue historique du Sud-est européen. 1936. T. 13. P. 173–175; *Idem.* Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation. Bucureşti. 1934. Vol. 3. P. 104.

[42] *Lampsides O.* Où en sommes-nous de l'histoire des Crands Comnènes? // Actes du XIIe Congrès Int. d'Études Byzantines. Beograd, 1964. T. 2. P. 165.

[43] *Lampsides O.* Περί την ίδρυσιν του κράτους τών Μεγάλων Κομνηνών // ΑΠ. 1971–1972. Т. 31. Σ. 4–17.

[44] Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ekd. O. Lampsides // ΑΠ. 1958. Т. 22. (Далее: Panaretos). P. 110–114.

[45] *Zakythinos D.A.* Le despotate grec de Morée. T. 2: Vie et institutions. Athènes, 1953. P. 379; *Vacalopoulos A.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period. 1204–1461. New Brunswick, 1970. P. 222; *Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. 2nd ed. Cambridge, 1993. P. 16, 401–402.

[46] *Kuršanskis M.* Autour des sources géorgiens de la fondation de l'empire de Trébizonde // АП. 1970–1971. Т. 30. P. 107–116; *Idem.* L'Empire... P. 246–247.

[47] *Bryer A.* Trebizond... P. 130; *Idem.* Some Notes on Laz and Tzan. I–II // *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. London: Variorum Reprints, 1988. N XIVa, XIVb. P. 179–180 (отмечал неустойчивость грузинского влияния и культурную традицию от Константинополя, не Тбилиси).

[48] *Janssens E.* Trébizonde... P. 65–67.

[49] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I.A. van Dieten. B., 1975. (Далее: Nic. Chon. Historia). P. 636.

[50] Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1. Cur. P. Wirth. Stuttgart, 1979. (Далее: Acrop.). P. 12, 203.

[51] *Nicephori Gregorae.* Byzantina historia / A cura L. Schopeni. Bonnae, 1829. T. 1. (Далее: Nic. Greg.). P. 13.

[52] *Куник А.А.* Основание... С. 725; *Гельцер Г.* Очерк... С. 171; *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 56–57; *Ostrogorsky G.* History... P. 425–426; *Ангелов Д.* История... Ч. 3. С. 16 и др.

[53] *Успенский Ф.И.* Очерки... С. 30; *Он же.* История... С. 477–478.

[54] *Vasiliev A.A.* Foundation... P. 3, 19, см. также примеч. 52.

[55] См., например, *Janssens E.* Trébizonde... P. 62; История Грузии... Ч. 1. С. 204.

[56] *Fallmerayer J.Ph.* Geschichte... S. 47, 55–56, см. также: *Ioannides S.* Ιστορία... Σ. 53; *Meliarakes A.* Ιστορία... Σ. 14.

с помощью дружественной династии на Понте сокрушить силу сельджуков[57]. Н. Йорга, напротив, настаивал на примате именно реставраторских планов Алексея и Давида, в подтверждение чего указывал на принятие Алексеем императорского титула[58]. А.А. Васильев синтезировал оба направления: экспедиция Тамар 1204 г. не ставила своей целью восстановление империи: в начале кампании ни Алексей, ни Давид не думали о том, чтобы отнять Константинополь у латинян. Затем их пути разошлись: Алексей остался в Трапезунде, а его брат с 1205 г. пытался восстановить Византию[59]. Э. Брайер, обратив внимание на то, что выступление братьев Комнинов произошло ранее 1204 г., резонно полагал, что если это и был сепаратистский мятеж, то он был направлен тогда скорее против уже низложенных Ангелов, чем против латинян, Ласкаридов или сельджуков[60]. В связи с полемикой по поводу реставраторских планов Комнинов большое место в литературе занял вопрос о времени и значении принятия ими титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ[61].

Анализ научной литературы показывает, что изучаемая тема не нова в историографии. И все же в ней есть еще большие лакуны, неясности, вопросы, на которые нет ответа из-за фрагментарности источников. М. Куршанскис справедливо замечал: "Трапезундская империя была основана при обстоятельствах, которые остаются таинственными, несмотря на все исследования вплоть до наших дней"[62].

Новыми тенденциями в историографии, четко обозначившимися с 70-х годов, особенно после XV Международного конгресса в Афинах, посвятившего специальную сессию этой теме, стало рассмотрение нашей проблемы через призму борьбы сил децентрализации и централизации в Византии, с учетом экономических, социальных, географических факторов[63]. Нет нужды повторять выводы этих исследований. Достаточно сказать, что подспудные процессы регионализации провинций, протекавшие в Византии, были многократно усилены географическим и этническим факторами на Понте. Не случайно, именно понтийский вариант полунезависимого государства Гавров в конце XI–XII в. Й. Хоффман назвал "классическим примером" (Paradebeispiel)[64]. Но особенности регионального сепаратизма, развивавшегося во всегдашнем взаимодействии (и взаимоотталкивании) с силами централизации, заключались в том, что, раз начавшись, он как бы прорастал в глубь территории, уже вроде бы и отторгнутой от первоначального общеимперского ядра. Так, первые ростки его обнаружились в "двуперсонности" основателей самой Трапезундской империи – Алексея и Давида, а затем, с особой силой, в ходе гражданской

[57] *Куник А.А.* Основание... С. 727–729; см. также: *Безобразов П.В.* Трапезунт... С. 5–6; История Грузии... Ч. 1. С. 203–204.

[58] *Iorga N.* Histoire de la vie byzantine ... T. 3. P. 104. Близкую позицию отстаивал и М. Куршанскис, полагая, что Трапезундская империя была, как и Никейская, "империей в изгнании", а сам Трапезунд – базой борьбы против Никейской и Латинской империй с реставраторскими целями: *Kuršanskis M.* Autour... P. 108, 113.

[59] *Vasiliev A.A.* Foundation... P. 20, 30, см. также: *Bryer A.* Trebizond and Rome // АП. 1964. T. 26. P. 290.

[60] *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988–1989. T. 42. P. 178.

[61] См. разбор этой полемики и нашу точку зрения в статье: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101–105.

[62] *Kuršanskis M.* Autour... P. 107.

[63] См. о нем: *Удальцова З.В., Наследова Р.А., Фонкич Б.Л., Банк А.В.* XV Международный конгресс византинистов в Афинах // ВВ. 1978. Т. 39. С. 17–45; *Удальцова З.В.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071–1261) // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976; *Каждан А.П.* Центростремительные и центробежные силы в византийском мире (1081–1271 гг.) // Ibid.; *Oikonomidès N.* La décomposition de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la "Partitio Romaniae" // Ibid.; *Savvides A.G.C.* Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα και στη Μικρά Ασία 1189 – c. 1240 μ.Χ. Athenai, 1987; *Idem.* Internal Strife and Unrest in Later Byzantium, XIth–XIIIth Centuries (A.D. 1025–1261). The Case of Urban and Provincial Insurrections (Causes and Effects) // Σύμμεικτα. 1987. T. 8. Σ. 237–274; *Cheynet J.-C.* Pouvoir et contestations...

[64] *Hoffmann J.* Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071–1210). München, 1974. S. 21.

войны феодальных кланов империи в середине XIV столетия, о чем речь пойдет ниже. Его преодоление при Алексее III дорого обошлось империи, но это был возврат к прежней централизации, оспариваемой по отношению к Византии в целом вначале Гаврами и (поневоле, после 1214 г.) Великими Комнинами, решение задач централизации силами децентрализации, подобно "загадке" константинопольских Комнинов в XI–XII вв.[65]

Исследуя феномен с идеологической стороны, Э. Арвейлер определила подоплеку понтийского сепаратизма как греческий "провинциальный патриотизм", усиленный антилатинскими настроениями[66].

Наконец, совсем недавно французский историк М. Баливе так изложил географические и политические факторы образования и существования Трапезундской империи: изолированность цепью Понтийских гор, прибежище стойкого комниновского легитимизма, поддерживаемого партикуляризмом туркоманских эмиратов Северной Анатолии, что позволяло долго избегать сельджукидской централизации, связи с кавказско-иверийским миром[67]. Конечно, это далеко не полные объяснения, но и они не лишены рационального зерна.

Социальными силами, заинтересованными в отделении Понта от Византии, были и местные крупные и средние земельные собственники, и торгово-ремесленное население крупных городов, и крестьянство, страдавшее как от внешней угрозы и неспособности Константинополя противостоять ей, так и от налогового бремени, отождествляемого с неэффективной столичной бюрократией. Не случайно сепаратист в глазах византийских василевсов Феодор Гавра стал на Понте и местным героем, и почитаемым святым[68].

Автор единственного дошедшего до нас местного источника, систематически освещающего историю Великих Комнинов, Михаил Панарет записал: "Прибыл Великий Комнин кир Алексей, вышедший (ἐξελθών) из благополучного Константинополя, выступив с войском из Иверии при помощи и содействии его тетки по отцу Тамар и овладел Трапезундом в апреле 7 индиктиона 6712 (1204. – *С.К.*) года, имея 22 года от роду"[69]. Хронист не отметил никаких других приобретений Алексея, кроме Трапезунда, не упомянул брата василевса полководца Давида. Неполнота приведенной фразы и двусмысленность причастия ἐξελθών приводили исследователей к мысли, что поход начался из Константинополя сразу или же через короткое время после того, как внуки Андроника I покинули Город. Однако ἐξελθών может означать и происхождение, в смысле *выходец* из древней столицы Византии. Именно эта мысль наиболее соответствует идейной направленности "Хроники" Панарета, династической истории, прославляющей древность рода правящих государей, его легитимность и связь с византийской императорской династией. К тому же, Панарет называет в этой же фразе Константинополь "благополучным" (εὐδαίμων), что с трудом приложимо к осажденному врагами и взятому впоследствии городу. Даже привычное клише похвалы Новому Риму выглядело бы в этом контексте кощунственно. Скорее Панарет (абсолютно, кстати, далекий от риторики) апеллирует именно к благополучному прошлому византийской столицы, к тому времени, когда Алексей был там рожден.

Реальных данных для установления местопребывания Алексея и Давида в 1185–1203 гг. нет. Ясно, что они начинали поход с войском Тамар из Грузии в 1203 г. Но как, когда и при каких обстоятельствах попали туда, неизвестно.

[65] *Каждан А.П.* Загадка Комнинов. (Опыт историографии) // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53–98.

[66] *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 87–102.

[67] *Balivet M.* Romanie Byzantine et Pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication Gréco-Turque. Istanbul, 1994. P. 100.

[68] См. подробнее о социальных силах: *Карпов С.П.* От фемы Халдия – к империи Великих Комнинов // АДСВ. 1982. Вып. [19]. С. 54–61; *Idem.* Empire of Great Comnenoi: Some Remarks on Particularities of its Foundation // Actes du XVe Congrès Int. d'Études Byzantines. Athènes, Sept., 1976. T. IV. Histoire. Communications. Athènes, 1980. P. 153–159.

[69] Panaretos. P. 61.1–5.

"Картлис Цховреба" разъясняет, что побудительным импульсом похода 1204 г. была месть Тамар Ангелам за ограбление Алексеем III монахов, отправлявшихся в Иерусалим и получивших от грузинской царицы большие дары. Узнав об этом, Тамар отправила отряд ивирийского войска (небольшое число залихских имеритинцев, как сообщает летописец), который захватил Лазику, Трапезунд, Лимон, Самсун, Синоп, Керасунт, Китиору, Амастриду, Ираклию, все земли Пафлагонии и Понта. Все эти владения были переданы родственнику Тамар Алексею Комнину[70]. При этом анонимный хронист указывает, что, благодаря Тамар, владетель Трапезунда получил независимое владение и правил не обеспокоенный врагами[71].

Приобретенная территория была весьма обширна, ее западные области были отдалены от Грузии на очень большое расстояние, южный фланг оставался открытым для нападений сельджуков. И могла ли одна небольшая грузинская армия в таких условиях контролировать всю эту территорию? Необходимо учесть, что именно в 1203–1206 гг. шла ожесточенная борьба Грузии с Румским султанатом, азербайджанскими и иранскими атабеками. Наступательные операции войска Тамар вели в Араратской долине, в Азербайджане. Шли упорные бои за крепости Карс, Манаскерт, Хлат. Наконец, Грузии удалось нанести сельджукам сокрушительное поражение в битве при Басиане в 1203/4 г.[72] Эти войны требовали мобилизации всех ресурсов государства Тамары и не давали возможности отвлечь большую армию на нужды Комнинов. Да и сам историк Тамар Басили писал лишь о "небольшом отряде залихских бойцов"[73]. Но была ли нужда в значительной экспедиции? После Басианской битвы силы Румского султаната были подорваны. Царица Тамар прекрасно знала о сложившемся накануне 1204 г. положении в Византии. Она имела разветвленную сеть осведомителей и располагала информацией от щедро одариваемых дальних монастырей[74]. Получаемые данные недвусмысленно свидетельствовали о бедственном положении осажденного крестоносцами Константинополя, лишенного возможностей вмешиваться в дела далекого Понта. Силы сельджуков были серьезно ослаблены 20-летней войной, хотя не считаться с ними вовсе еще было нельзя. Практически же прежняя фема Халдия на какой-то промежуток времени была предоставлена сама себе и при определенных обстоятельствах могла стать жертвой агрессии главных врагов Тамар – сельджуков. Защищая Понт и оказывая помощь Комнинам, Тамар получала естественного союзника на северо-западных границах своей державы[75]. Выполнению этой задачи способствовали длительные традиции понтийского сепаратизма, легитимность и авторитет в греческом мире отпрысков Комниновской династии, вставших во главе предприятия, полководческий талант Давида Комнина и, наконец, то, что лазы, родственные картвелам, составляли значительную часть населения будущей империи, особенно на ее востоке[76]. Грузинские

[70] *Brosset M.* Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. SPb., 1849. I-ère partie. P. 464–465; *Дондуа В.* (изд.). Басили, историк царицы Тамары // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 69–70; *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси. 1974. Т. 1. С. 132–135, 148–149. Залихские имеритинцы – грузины, живущие к западу от Лихского (Сурамского) хребта.

[71] *Brosset M.* Histoire... P. 478.

[72] О дате сражения в связи с образованием Трапезундской империи см.: *Гамкрелидзе А.* Дата Басианского сражения и некоторые вопросы основания Трапезундской империи // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 245–256 (на груз. яз.); *Силагадзе Б.* Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели в свете сведений Ибн ал-Асира // Грузия эпохи Руставели. Тбилиси, 1966. С. 117–124 (на груз. яз.); *Абдаладзе А.* Армянская памятная запись о Басианской битве // Мацне. Вестн. Акад. наук ГрузССР. Отделение обществ. наук. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1972. № 1. С. 133–139 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе М.Д.* История Грузии... С. 156–162; *Шенгелия Н.Н.* Грузия и Ближний Восток на рубеже XII–XIII вв. // Тюркологический сб. 1976 г. М., 1978. С. 191–192.

[73] *Дондуа В.* (изд.). Басили... С. 69; *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники... С. 18–19, 148–149.

[74] *Brosset M.* Histoire... P. 464–465; *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники... С. 132–133.

[75] Ср.: *Béridzé Ch.* Byzance et le Caucase // Studi bizantini e neoellenici. 1939. T. V. P. 19; *Лордкипанидзе М.Д.* История Грузии... С. 161.

[76] *Bryer A.* Some Notes... XIVa. P. 174–195; XIVb. P. 161–168.

войска в этих условиях не рассматривались местным населением как агрессоры. Так, в благоприятной исторической ситуации понтийский сепаратизм сомкнулся с внешнеполитической активностью Грузии и планами ее правителей. Поэтому роль Грузии в образовании империи заключалась не только и не столько в военной помощи, сколько в обеспечении безопасности перед лицом сельджукской угрозы. Царство Тамар на этом историческом этапе было ГЛАВНЫМ ГАРАНТОМ самого существования Трапезундского государства.

В источниках нет данных о каком-либо сопротивлении отрядам Комнинов до их столкновения с Феодором Ласкарем. Напротив, Виссарион Никейский и Критовул, независимо друг от друга и следуя и в XV в. устоявшейся традиции, писали, что передача власти Комнинам на Понте происходила мирно[77]. По Халкокондилу, первый император "получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес свое царство в Трапезунд в Колхиде"[78]. Современник событий Никита Хониат отмечает в своей "Хронике": "Давид же Комнин, набрав войско из Пафлагонии и Ираклии Понтийской и частично ивирийских наемников, живущих в долине Фасиса, подчинил себе деревни и города. Расширив владения брата, которого звали Алексей, он стал его предтечей и глашатаем"[79]. Панегирик Никиты Хониата никейскому государю Феодору Ласкарю (1206 г.) содержит еще одно указание на быстрый переход понтийских жителей под знамена Комнинов[80]. Трапезунд, как и Константинополь, был взят в апреле 1204 г. Значит первоначально войско Алексея и Давида состояло исключительно из небольшого грузинского отряда (который Хониат назвал ивирийскими наемниками, а "Картлис Цховреба" – "отрядом залихских бойцов") и непосредственного окружения царевичей. Однако понтийский сепаратизм и сама внешнеполитическая ситуация стали консолидирующим фактором. Давид, как, видимо, и Алексей, быстро перешел к мобилизации местного населения. В Малой Азии после 1204 г. между уцелевшими греческими династами и латинскими правителями началась борьба за византийское наследство, за выход к Константинополю, не только за приобретение отдельных территорий, но и за привлечение симпатий населения[81]. Количество войск и поддержка местных жителей определяли успех: так было при овладении Феодором Ласкарем Никеей и Вифинией, так было и при утверждении Комнинов на северном побережье Малой Азии. Никита Хониат бичует жителей, поддержавших Комнинов, как людей легкомысленных и неразумных, идолопоклонников и трусливых отступников. Но что делает в его описании восхваляемый им герой, Феодор Ласкарь? Разгромив авангард Давида Комнина и взяв, по словам панегириста, тысячи пленных, взывающих о пощаде, Ласкарь не наказывает их, лишь слегка журит, убеждая отступиться от того, кто не может даже сам себя защитить, и стать под никейские знамена. Высшая награда для Ласкаря, по словам

[77] *Bessarionos.* Ὁ εἰς Τραπεζοῦντα Λόγος τοῦ Βησσαρίωνος / Ekd. O. Lampsides // ΑΠ. 1984. Τ. 39. Σ. 184; Critobuli Imbriotae Historia / Rec. D.R. Reinsch. B.; N.Y., 1983. P. 152.28–32.

[78] Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes / Ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. T. 2. P. 218. 24–219.2.

[79] *Nic. Chom.* Historia. P. 626.57–61. Ср. также: Acrop. P. 12, 18; Ephraem Aenii Historia chronica / Rec. O. Lampsides. Athenis, 1990. P. 267.7545–268.7561.

[80] Nicetae Choniatae Orationes et epistulae / Rec. I.A. van Dieten. B., 1972. P. 139.14–29; *Никита Хониат.* Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем / Пер. П.И. Жаворонкова // ВО. 1991. С. 226.

[81] *Lampsides O.* Ο ανταγωνισμός μεταξύ των κρατών της Νικαιάς και των Μεγάλων Κομνηνών δια την κληρονομίαν της Βυζαντινής Ιδέας // ΑΠ. 1977–1978. Τ. 34. Σ. 3–19; *Idem.* La rivalité entre l'État des Grands Comnènes et celui de Nicée à propos de l'héritage de l'idée byzantine // Actes du XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Athènes, 1980. T. IV. P. 186–191; *Prinzing G.* Das Byzantinische Kaisertum im Umbruch zwischen regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204–1282 // Legitimation und Funktion des Herrschers. Vom ägyptischen Pharao zum neuzeitlichen Diktator / Hrsg. von R. Gundlach, H. Weber. Stuttgart, 1992. S. 129–183; *Карпов С.П.* После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований "От Рима к Третьему Риму". Москва, 28–30 мая 1986. М., 1997. С. 135–143.

Хониата, то, что бывшие противники примкнули к нему, отложившись от Давида, за которого три дня тому назад вступали в бой. "Брань соединила воедино ранее разделенных"[82].

Перед нами не просто традиционная хвала доброму правителю, но курс никейской политики, зафиксированный ее апологетом. Помимо "Панегирика" и "Хроника" Хониата отмечает, что, подойдя к городу Плусиада, перешедшему на сторону Давида, Ласкарь сумел привлечь к себе его население, лишив понтийского правителя поддержки. Это был значительный успех, так как гарнизон города славился искусными лучниками[83]. В свою очередь Давид Комнин, перейдя через р. Сангарий, захватил ряд крепостей и вновь приобрел Плусиаду, получив оттуда заложников, часть из которых он "заключил в оковы, потому, что они перебежали к Ласкарю"[84]. Большое значение соперничающие стороны придавали поддержке духовенства. Феодору I удалось добиться того, что патриарх и все никейское духовенство клятвенно обязались всегда хранить верность Ласкарю и не поддерживать никого из его врагов, "даже внуков кира Андроника". Священники должны были способствовать тому, чтобы "мысли и действия людей в наших провинциях, какого бы рода, славы и достоинства они ни были, были направлены к славе и поддержанию" никейского императора[85]. О том, что после падения Константинополя во владения Комнинов устремлялось эллинское население столицы, свидетельствуют записанные митрополитом Эфесским Николаем Месаритом слова православных монахов, сказанные в ответ на упреки папского легата кардинала Бенедикта в гордыни: "Если бы мы были гордыми, как ты говоришь, то и мы могли бы, как остальные жители Константинополя, идти в земли императора кира Феодора Ласкаря Комнина, и в земли кира Давида Комнина ... как это сделали многие, убегая от вашего постоянного угнетения и угрозы ежедневной гибели"[86]. Значит, силы и понтийских правителей, и никейского императора пополнялись в известной мере не только за счет местного населения, но и за счет жителей столицы. Кроме того, как сообщает Акрополит, во вспыхнувших смутах само население призывало на защиту того или иного правителя, признавая его власть[87]. Проигрыш в борьбе за поддержку населения означал и общее поражение.

К 1205 г. Понтийское государство (мы называем его так, ибо это еще не была собственно ТРАПЕЗУНДСКАЯ империя) сложилось из ДВУХ частей. Одной владел непосредственно император Алексей; она в основном совпадала со старой византийской фемой Халдия. Никита Хониат отметил, что Алексей владел трапезундскими областями[88], в то время как его брат Давид – землями Пафлагонии и Ираклией Понтийской, осуществляя в дальнейшем продвижение к Никомидии[89]. Иных анклавов в составе империи не было, и для утверждений о том, что на территории Великих Комнинов в 1204–1208 гг. образовались полунезависимые апанажи иных

[82] Nicetae Choniatae Orationes... P. 136, 142, 144.

[83] *Nic. Chon.* Historia... P. 640–641.

[84] Ibid. P. 641.

[85] Патриаршая и соборная грамота, данная Ласкарю 20 марта – 6 апреля 1208 г.: *Oikonomides N.* Cinq actes inédits du patriarche Michel Autôreianos // REB. 1967. T. 25. P. 123.33–40; *Laurent V.* Les Regestes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I. Fasc. 4: les regestes de 1208 à 1309. P., 1971. P. 7–8.

[86] *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. Bd. 1 // Sitzungsberichte der Bayer. Ak. der Wissenschaften, Philos.-philol. und hist. Klasse. Abh. 1. München, 1922. S. 62.

[87] Acrop. P. 12, 203.

[88] *Nic. Chon.* Historia. P. 626.60–62; Σύνοψις Χρονική // *Sathas C.* Bibliotheca graeca medii aevi. P., 1894. T. VII. P. 453.4–6; Ephraem Aenii Historia... P. 267.7546–7547.

[89] *Nic. Chon.* Historia. P. 626.57–60, 64–71; Acrop. P. 12, 204 (Акрополит постоянно называет Давида "владетелем Пафлагонии" и сообщает о принятии титула Великий Комнин лишь Алексеем: Ibid., см. также: P. 18, 209); *Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского // ВВ. 1896. Т. 3, вып. 2. С. 275.28–31 (владел Амастридой); Σύνοψις Χρονική. P. 453.3–4; 457.11–14; Ephraem Aenii Historia... P. 267.7545.

правителей, вроде мифического Феодора II Гавры[90], нет никаких оснований в источниках.

Давид, очевидно, не собирался замыкаться в этих пределах, стремясь прорваться в Вифинию, где укреплялось Никейское государство, и к Константинополю. Алексей в этих походах брата не участвовал, оставаясь все время в районе Трапезунда, и, по словам Хониата, "как вошедший в поговорку Гилас, появлялся слышанным, но не видимым"[91]. Об отношениях между двумя территориальными комплексами можно только догадываться. Во всяком случае, Давид, не принял императорского титула и, по Хониату, признавал главенство брата (был его "глашатаем"). Практически же он действовал на свой страх и риск.

Возможно, более активные действия Алексея сковывались постоянной сельджукской угрозой, заставлявшей его не покидать пределы Понта. Почти сразу после утверждения в Трапезунде, в 602 г. хиджры (18/VIII 1205 – 7/VIII 1206 г.), Алексей подвергся нападению султана Икония Гийяс ал-дина Кай Хусрау I (1192–1196, 1204–1210). Сообщивший об этом арабский хронист Ибн ал-Асир полагал, что причиной атаки было то, что после завоеваний Комнинов Иконийский султанат оказался отрезанным от черноморских портов, прервались торговые связи, была парализована крупнейшая мусульманская ярмарка в Сивасе. Султан осадил Трапезунд, но не смог взять его и прорваться к морю[92]. Реальной причиной нападения сельджуков на Трапезунд мог стать союз Кай Хусрау с Феодором I Ласкарем (весна 1205 г.)[93]. Вероятно, действия союзников были согласованы, и потому датировка похода осенью–зимой 1205 г. (одновременно с захватом Плусиады Ласкарем)[94] представляется предпочтительной. Эта неудача толкнула позднее сельджуков на новый поход в 1214 г.

До начала мая 1205 г. войска Давида на западе не встречали сопротивления и территория под его контролем простиралась до р. Сангарий. Силы Ласкаря до той поры были заняты борьбой с крестоносцами, нанесшими ему в декабре 1204 г. поражение при Пиманионе и захватившими в марте 1205 г. Адрамиттий. В начале апреля 1205 г. началась война Латинской империи с болгарами, оттянувшая силы рыца-

[90] *Savvides A.* G. Byzantium in the Near East: Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A.D. c. 1192–1237). Thessaloniki, 1981. P. 60–61; *Idem.* Βυζαντινά στασιαστικά... P. 252–259; *Idem.* Theodore II Gabras, lord of Amisos in the Early Thirteenth Century // АП. 1985. Т. 40. P. 44–46 (приводимые в качестве аргумента ссылки на тексты греческого историка К. Папарригопуло или на К. Хопфа, путавшего Савву Асидена с Гаврой, не могут служить доказательством существования этого лица. Никаких данных о нем в современных событиям источниках нами не обнаружено).

[91] *Nic. Chon.* Historia. P. 626.60–63.

[92] *Ibn al Athir.* Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh // RHC, HO. 1887. Vol. II. Partie 1. P. 101–102. Об этом походе и торговом значении Сиваса см.: *Cahen C.* Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // *Idem.* Turcobyzantina... N XII. P. 92–93; *Savvides A.G.K.* Οι Μεγάλοι Κομνηνοί του Πόντου και οι Σελτζούκοι του Rûm (Ικονίου) την περίοδο 1205/6–1222 // АП. 1984. Т. 39. Σ. 176–179. Д.А. Коробейников предполагал, что до похода Гийаc ал-дина между Трапезундской империей и Румским султанатом существовал договор, предусматривавший свободный проезд мусульманских купцов через территорию империи (*Коробейников Д.И.* Северная Анатолия XI–XV вв.: наследие Византии в эпоху тюркских завоеваний: Дис. канд. ист. наук. М., 1998 (ркп). С. 195. Мы считаем такое предположение сомнительным, учитывая смерть предыдущего султана Рукн ал-дина, разгромленного Тамар, 6 июля 1204 г. и для ведения переговоров и соглашений с ним у Трапезундской империи оказалось бы слишком мало времени (май–июнь 1204 г.). Вероятнее, что сельджукский султан использовал иной правовой повод: договоры с византийскими императорами, преемниками которых он считал Великих Комнинов. Безопасность же трапезундских правителей в их продвижении на Запад гарантировал не договор с Рукн ал-дином, но дипломатическая и военная поддержка Грузии.

[93] *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 3 Teil: Regesten von 1204–1282, 2 Auflage/bearb. von P. Wirth. München, 1977. N 1668b (весна 1205 г.); *Жаворонков П.И.* Дополнения к Третьему тому "Регест" Ф. Дэльгера периода Никейской империи // ВВ. 1980. Т. 41. № 3. С. 184.

[94] *Коробейников Д.И.* Северная Анатолия... С. 201.

рей на Балканы[95] и после перемирия "латинян" с Никеей в мае 1205 г. освободившая Ласкарю руки[96].

Первое прямое столкновение войск Ласкаря и Давида произошло чуть позднее, когда последний подошел к Никомидии. В "Хронике" Хониата это изложено после описания отправки латинского правителя Генриха Фландрского на войну против болгарского царя Калояна[97]. Попробуем сравнить эти данные с "Хроникой" Жоффруа де Виллардуэна и "Деяниями" папы Иннокентия III. По Виллардуэну поход начался в июне 1205 г. и продолжался до зимы того же года[98]. "Деяния" вносят некоторое уточнение в последнюю дату: включенное в это анонимное сочинение письмо самого Генриха папе (от февраля 1206 г.) недвусмысленно свидетельствует, что Генрих прибыл в Константинополь к празднику св. Ремигия (1 октября 1205 г.)[99]. Тогда битва при Никомидии, произошедшая, по Хониату, вскоре после выступления Генриха, должна была произойти между июлем и октябрем 1205 г., вероятнее всего, – ранней осенью.

Когда авангард Давида Комнина под командованием юного полководца Синадина приближался к Никомидии, Ласкарь, предприняв обходной маневр, напал на него с тыла. Синадин был застигнут врасплох и потерпел поражение. Часть его отряда была изрублена, часть бежала, а часть попала в плен, как о том говорилось в "Панегирике" Хониата. Итогом этих событий стало ограничение передвижения войск Давида к западу от Пафлагонии[100]. Никомидия имела большое стратегическое значение для противников. Приобретя ее, Давид, по меткому замечанию В. Лорана, "соединял" два моря и отрезал никейскому сопернику выход к Константинополю[101]. Но хотя это поражение и приостановило наступление Давида, оно еще не создавало угрозы его непосредственным владениям в Пафлагонии, где он опирался на мощные приморские крепости Ираклии и Амастриды. Именно тогда Давид предпринимает меры по укреплению этих городов, возводит стены и башню Ираклии Понтийской[102]. Но в течение последующего периода могущество и авторитет Ласкаря росли, а у Давида, отрезанного от областей Вифинии, сил не прибавлялось. Единственным выходом для него было обратиться за помощью к естественному союзнику, врагу Ласкаря – правителю (с 20 августа 1206 г. – императору) Латинской империи Генриху. С заключением этого союза хоронились планы Комнинов восстановить Византию, и Давид переходил к глухой обороне. Союзные отношения были установлены до 23 августа 1206 г.[103]

Инициатором второго столкновения был Феодор Ласкарь, предпринявший в октябре–декабре 1206 г. поход в Пафлагонию[104]. Ласкарь сумел привлечь на свою сторону население пограничной Плусиады и подойти к Ираклии[105]. Для никейской армии поход был нелегким: пришлось переправляться через р. Сангарий, где был обращен в бегство небольшой заслон противника. Давид осуществил ряд мер для обороны: завалив путь через горные проходы и поставив искусственные заграждения на дорогах, он расставил часть войск на выгодных рубежах в горах, вооружив их метательным оружием. Однако, расчистив проходы, Ласкарь сумел преодолеть заграждения и сжечь заслоны, никейцы проложили удобную дорогу. Войска, оставленные Давидом в горах, не получили обещанной поддержки и были разгромлены, попав в ловушку. Часть их оказалась в плену, другая – бежала. Пополнив свою армию за счет пленных, Феодор Ласкарь приблизился к Ираклии, где за стенами скрывался его главный противник. "Панегирик" рисует обреченность осажденного, которого спасла лишь вовремя подоспевшая помощь латинян[106]. Хониат сгущает краски: Ираклия была сильной крепостью, с большими запасами продовольствия, излишки которого Давид Комнин позже отправит в Константинополь. Да и последующие приступы Ласкаря под стены Ираклии, как писал Месарит, долгое время были бесплодны[107].

Итак, "франки" в конце 1206 г. в критический для Давида момент выступили ему на помощь. Виллардуэн, не упомянув самого Давида, отметил, что военные действия велись из-за нарушения Ласкарем условий перемирия[108]. Сопоставим изложение военных действий Хониатом и Виллардуэном. Первый писал, что латиняне, заняв Никомидию, создали угрозу для Феодора I, заставив его колебаться между штурмом Ираклии и спешным отходом к Никомидии, навстречу "франкам". Ласкарь избрал последнее[109], так как захват Никомидии отрезал его от Никеи и Пруссия. По Виллардуэну, в районе Никомидии действовал сенешаль Романии Тьерри де Лоос[110]. Но западнее наносился и другой удар – нацеленный в глубь никейской территории. Латиняне укрепились в г. Кизик и брали большую добычу от набегов на никейские земли[111]. Ласкарь, бросив осаду Ираклии, напал на латинский отряд, действовавший у Никомидии. Но тот не принял боя (вероятно, из-за малочисленности), и, по Хониату, бросив обоз и терпя потери, отошел к Константинополю. Ласкарь,

---

[95] См.: *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985. С. 61–73.

[96] *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum nach dem vierten Kreuzzug // BZ. 1952. S. 349.

[97] *Nic. Chon.* Historia. P. 619–625. О событиях см.: *Longnon J.* L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. P., 1949. P. 81–87; *Макушев В.* Болгария в конце XII и в первой половине XIII в. // Варшавские университетские известия. 1872. № 3. С. 39–46; *Златарски В.Н.* История на Българската държава през средните векове. София, 1972. Т. 3. С. 234; *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя... С. 68–69.

[98] *Villehardouin Geoffroi, de.* La conquête de Constantinople / Ed. par E. Faral. P., 1939. T. 2. (Далее: Villeh.). § 390–391. P. 198–202 (начало похода); § 397, 402–403. P. 208, 212–216 (конец похода).

[99] Gesta Innocentii tertii // PL. 1890. T. 214. Col. CXLVI. Ср. примеч. у Э. Фараля: Villeh. P. 217. Not. 1. Значение зимы у Виллардуэна тогда следует понимать шире.

[100] *Nic. Chon.* Historia. P. 626.64–71.

[101] *Laurent V.* Sceau... P. 159. А. Гарднер даже предполагала, что захватом Никомидии преследовалась цель овладения самой Никеей: *Gardner A.* The Lascarids of Nicea. The Story of an Empire in Exile. L., 1912. P. 75.

[102] На башне Ираклии была сделана надпись следующего содержания, отражающая специфическое направление имперской пропаганды Комнинов, подчеркивание их легитимности и константинопольских корней: "Порфироносный Давид, цветущий побег, происходящий от царственного деда Андроника, от основания построил новую башню и искусно восстановил разрушенную вр(еменем) всю Понтоираклию". См.: *Grégoire H.* Notes épigraphiques // Revue de l'Instruction Publique en Belgique. NS. 1909. T. LII. P. 3–6. N 8; *Bees A.N.* Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien) // Texte und Forschungen zur Byzantinisch-neugriechischen Philologie. Berlin; Wilmersdorf, 1922. S. 69; *Kalinka E.* Aus Bythynien und Umgegend // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes. 1933. Bd. 28. S. 101; *Карпов С.П.* У истоков... С. 104–105.

[103] *Nic. Chon.* Historia. P. 640; Villeh. § 452–453. P. 266–268. С. 23 августа по начало ноября 1206 г. император Генрих не был в Константинополе. Вернувшись в столицу, он послал помощь находившемуся в затруднительном положении Давиду (см. ниже).

[104] Ряд авторов датировал этот поход весной 1206 г. (*Gerland E.* Geschichte... S. 107. Anm. 4; *Longnon J.* L'Empire... P. 89–90; *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum... S. 350; *Stadtmüller B.* Zur Biographie des Niketas Choniates (um 1150–um 1214) // BF. 1966. Bd. 1. S. 326). Контексты произведений Никиты Хониата и Жоффруа Виллардуэна, на наш взгляд, противоречат такой датировке. Следствием похода Ласкаря стало выступление против него латинян. Однако, по Виллардуэну, до конца 1206 г., после заключения перемирия с Ласкарем, латиняне не вели против никейцев военных действий (Villeh. § 453. P. 266). В тяжелое время войны с болгарами выступление в Малой Азии было маловероятно. Поход императора Генриха к Никомидии мог произойти лишь после возвращения императора в Константинополь, т.е. после 1 ноября 1206 г. (Villeh. § 452–453. P. 266–268). Сведения об этой кампании находятся также в уже упомянутом "Панегирике" Никиты Хониата, написанном в конце 1206 г. (*Dieten I.A., van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. B.; N.Y., 1971. S. 146–152). П.И. Жаворонков отнес поход Феодора к лету–осени 1206 г. (*Никита Хониат.* Речь... С. 217); *Радошевић Н.* Никејски цареви у савременој им реторици // ЗРВИ. 1987. Т. 26. С. 79.

[105] *Nic. Chon.* Historia. P. 640.13–15.

[106] *Nic. Chon.* Orationes... P. 140–145; *Nic. Chon.* Historia. P. 640.

[107] *Heisenberg A.* Neue Quellen... 1923. Bd. 3. S. 25–26.

[108] Villeh. § 453. P. 266–268.

[109] *Nic. Chon.* Historia. P. 640–641; *Nic. Chon.* Orationes... P. 144–145.

[110] Villeh. § 455. P. 270.

[111] Villeh. § 453–454. P. 268–270.

видимо, не преследуя "франков", возвратился к Кизику и несколько раз пытался взять его штурмом. Борьба шла с большими потерями для двух сторон и приняла затяжной характер[112].

После того, как Давид Комнин убедился в реальности помощи, которую ему могли оказать крестоносцы, он решил укрепить связи с ними. О новом договоре Хониат написал так: "Он (Давид Комнин. – *С.К.*) отправил в Византий к латинянам несколько продовольственных судов со свиным засоленным мясом, обмениваясь за помощь войском. И за это он просил заключить с ним второй договор и записать его в условия письменного соглашения их с Ласкарем, а также признать все его земли зависимыми от латинян"[113]. Второй договор Давида с Латинской империей, в отличие от первого, устанавливал прямые отношения вассалитета. Но они, очевидно, распространялись не на всю территорию Трапезундской империи, а лишь на владения Давида, что в общих чертах соответствовало договору о Разделе Византии (Partitio Romaniae), по которому Понт не входил в подлежащую разделу часть, а Пафлагония предназначалась латинскому императору, правда, наряду с Синопом и Инеем, которыми управлял Алексей[114]. После заключения союза Давид не потерял независимости[115] и установленный союз был чисто военно-политическим и не имел религиозных последствий. Местная церковь не признала унии и католических доктрин, а земли Давида и в 1206 г. рассматривались как прибежище для православного клира[116]. Латинская империя получила первого союзника в Малой Азии, при помощи которого можно было сдерживать натиск со стороны Никеи и снабжать Константинополь продовольствием. О приобретении же Пафлагонии в тех условиях Латинская империя не могла и мечтать[117].

Военные последствия союза не заставили себя долго ждать: в самом конце 1206 г., или скорее в январе–марте 1207 г.[118], узнав, что Ласкарь ушел из Никеи в Пруссий, латиняне и Давид начали совместное наступление на его территорию. Давид, переправившись через р. Сангарий, разгромил укрепленные пункты Ласкаря и вновь приобрел Плусиаду, получив оттуда заложников. А 300 латинских рыцарей выступили из Никомидии на восток, но были застигнуты врасплох полководцем Ласкаря Андроником Гидом. Большинство из этого отряда погибло, а бежавшие попали в засаду и не смогли сообщить о поражении Давиду[119]. Однако вскоре между Ласкарем и императором Генрихом было заключено перемирие сроком на 2 года. В договоре оговаривалась неприкосновенность Давида как вассала и союзника императора (апрель–июнь 1207 г.)[120]. В 1208 г. сила и авторитет никейского правителя

[112] *Nic. Chon.* Historia. P. 640; *Nic. Chon.* Orationes... P. 145–146; *Villeh.* § 454. P. 268–270.

[113] *Nic. Chon.* Historia. P. 640. 30–35.

[114] *Carile A.* Partitio terrarum Imperii Romanie // SV. 1966. T. VII. P. 217.6–12; *Canale, da, Martin.* Les estoires de Venise (Cronaca veneziana in lingua francese dalle origini al 1275) / A cura di A. Limentani. Firenze, 1972. P. 64; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 20–21.

[115] Ср.: *Longnon J.* L'Empire... P. 133.

[116] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 1. S. 62. Ср.: *Norden W.* Das Pappstum und Byzanz. B., 1903. S. 183. Anm. 2; *Bryer A.* Trebizond and Rome. P. 290–291.

[117] *Fallmerayer J.-Ph.* Geschichte... S. 86–87.

[118] Нижнюю хронологическую границу дают наблюдения над текстом "Хроники" Хониата. Историк подробно описал неудачную экспедицию румского султана против правителя Атталии Альдебрандина в 1206 г., но не привел данных о ее завершении – взятии султаном этого города в марте 1207 г. См.: *Fallmerayer J.-Ph.* Geschichte... S. 88–89.

[119] *Nic. Chon.* Historia. P. 640.35–641.49. Об этом поражении латинян, правда, довольно туманно, упомянуто Николаем Месаритом в "Петиции" греческого духовенства Константинополя Феодору Ласкарю (1208 г.). В сочинении сказано, что "энейды" были разгромлены и многие из них попали в плен, но некто из врагов Ласкаря по-прежнему возвышался, не склонив спину. Его покорение считалось делом будущего. Полагаем, что намек сделан на Давида Комнина: *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 2. S. 27, ср.: *Vasiliev A.A.* Mesarites as a source // Speculum. 1938. Vol. 13. P. 180–181 (А.А. Васильев неточно перевел глагол νεύσει прошедшим временем, исказив смысл отрывка. Это явно Futurum: речь шла не о свершившемся разгроме Давида, а об ожидаемом).

[120] *Villeh.* § 487–490, P. 302–304; *Dölger F.* Regesten: 3 Teil, 1977. N 1675 (после 15 апреля – до 24 июня 1207 г.); *Gerland E.* Geschichte... S. 108; *Longnon J.* L'Empire... P. 99.

заметно возросли: 6 апреля он был коронован в качестве императора Михаилом IV Авторианом, избранным на патриаршую кафедру 20 марта того же года[121]. В 1208 г., как отмечалось выше, никейское духовенство во главе с патриархом присягнуло Феодору I в том, что не будет поддерживать никого из его соперников, включая трапезундских Комнинов. Была одержана победа еще над одним греческим конкурентом – независимым правителем Сампсона Саввой Асиденом[122]. Осенью 1208 г. собиратель греческих земель Феодор I Ласкарь вновь попытался овладеть Пафлагонией и обеспечить выход к Черному морю. Осажденный в Ираклии Давид вновь прибегнул к помощи союзников, находившихся в то время в крепости Памфилии[123]. Император Генрих счел нападение Ласкаря нарушением перемирия и лично отправился в Константинополь, чтобы начать поход в Малую Азию[124]. В октябре 1208 г.[125] быстрым маршем переправившись через Босфор, Генрих стал продвигаться на восток, чтобы отрезать Ласкарю путь к отступлению. Видимо, поход был так неожиданен, что войска никейцев бежали самым поспешным образом, оставив осаду Ираклии. По Анри де Валансьенну, в реках утонуло более 1000 человек. Всего четыре дня не достало латинянам, чтобы пленить Феодора I. Преследование было немыслимо из-за разливов рек и начавшихся ранних холодов[126], да оно и не имело смысла, коль скоро Ласкарь успел скрыться за стенами Никеи.

События 1209–1213 гг. нам практически неизвестны. Из "Панегирика" Месарита ясно лишь, что Феодор продолжал свои попытки подчинить Пафлагонию как выгодный плацдарм для борьбы с латинянами и турками. Предпринимались набеги на пафлагонскую территорию, опустошались земли, уводился полон, угонялся скот, разрушались небольшие укрепления[127]. Но незыблемо стояли основные твердыни – Ираклия и Амастрида, без взятия которых не была подчинена и область. Разорение территории безусловно способствовало ее покорению. Успех Ласкарю обеспечивали и его победы над сельджуками в битве при Антиохии на Меандре в 1211 г. и отвоевание у них Атталии в 1214 г.[128]

Применялось и другое средство воздействия – через церковную политику контролируемого никейским василевсом Вселенского патриархата. Однако здесь, как кажется, Никея проигрывала. Епископы, назначаемые патриархом в подконтрольные Великим Комнинам земли, не принимались местными правителями, которые справедливо усматривали в них никейских агентов. Давид Комнин, например, "обесчестил ударами плети" и изгнал рукоположенного во епископы Амастридские диакона. Он не желал, чтобы "в его землях епископ был назначен другой властью"[129].

[121] *Laurent V.* La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe s. (1208–1309) // REB. 1969. T. XXVII. P. 131–133; *idem.* Les Regestes... Vol. I. Fasc. 4. N 1207.

[122] До середины 30-х годов XX в. господствовало общепринятое мнение, что Савва был правителем причерноморского Амиса. В независимых друг от друга исследованиях Г. Жерфаньон и П. Оргельс привели серьезные аргументы в пользу того, что византийские историки, описывавшие эти события, имели в виду не Амис, а Сампсон на средиземноморском побережье Анатолии близ Милета. П. Оргельс открыл также патроним Саввы – Асиден: *Jerphanion G., de.* Σαμψών et Ἄμισος. Une ville à déplacer de neuf cents kilomètres // OCP. 1935. T. 1. P. 257–267; *Orgels P.* Sabas Asidénos, dynaste de Sampsôn // Byz. 1935. T. X. Fasc. 1. P. 67–80; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 24–25; *Hoffmann J.* Rudimente... S. 64–65.

[123] *Valenciennes H.de.* Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople // Publ. par J. Longnon. P., 1948. § 551. P. 51. (Далее: Valenciennes).

[124] Ibid. § 551–552. P. 51.

[125] Дата установлена Ж. Лоньоном: *Valenciennes.* P. 52. Not. 4; *Longnon J.* L'Empire... P. 105; *Idem.* Sur l'Histoire de l'empereur Henri de Constantinople par Henri de Valenciennes // Romania. 1946. T. LXIX. N 274. P. 198–200.

[126] Valenciennes. § 552–554. P. 51–52.

[127] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 25–26.

[128] См.: *Жаворонков П.И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–61.

[129] *Васильевский В.Г.* Epirotica... P. 275; *Karpozilos A.* The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973. P. 50–51.

Поставленные Никеей епископы в Херсонес и Сугдею, признавшие, видимо, сюзеренитет Великих Комнинов, были также отосланы назад. Избрания и хиротония епископов на Понте и в Лазике, "которые суть Трапезунд и Неокесария", осуществлялись местными архиереями Гангр, Керасунта, Неокесарии с ведома светской власти. Патриарх был вынужден уступить[130].

Но ситуация постепенно складывалась не в пользу Комнинов. Зимой 1212 г. между Латинской империей и никейцами было заключено перемирие, что освободило Ласкарю руки на севере[131]. 13 декабря того же года неожиданно умирает Давид Комнин, принявший перед смертью монашескую схиму с именем Даниила[132]. Воспользовался ли Ласкарь этим обстоятельством сразу же, весной 1213 г., как полагает П.И. Жаворонков[133], или же Месарит, на которого он ссылается, писал все же о событиях 1214 г., нам неизвестно.

Роковые для Великих Комнинов события, которые и определили будущие условия существования Трапезундской империи, свершились в 1214 г. Этот год и завершил этап формирования собственно Понтийского государства. Удар был нанесен почти одновременно сельджуками и никейцами, вероятно, действовавшими согласованно.

В правление султана Изз ал-дина Кайкауса I (1210–1219) сельджукское государство вновь значительно укрепляется. Его внешняя политика в значительной мере заключалась в территориальной экспансии в Анатолии за счет пограничных христианских государств[134]. Как и его предшественник Кайхусрау I, Изз ал-дин прежде всего лелеял планы получить выход к Черному морю и захватить один из его главных портов. "История сельджуков" Ибн Биби повествует, что с ранней весны 1214 г. султан планировал поход в области Сиваса[135]. Для того чтобы оправдать нападение, были вызваны пограничники из области Синопа, которые принесли весть о нападении "кира Алекси, тегвура[136] Джанита" на владения султана[137]. Такого нападения не могло быть: Синоп уже давно находился в составе Трапезундской империи, а император Алексей в то время беспечно охотился в своих владениях с 5 сотнями всадников, как о том написал сам Ибн Биби[138]. Мнимый инцидент нападения был использован для воодушевления эмиров, воспламенившихся желанием опустошить поля и земли злодея "серпом насилия"[139]. Впрочем, поводом для нападения, как полагают М. Куршанскис и Р.М. Шукуров, могло быть какое-то вмешательство трапезундцев в династические распри сельджукских султанов на стороне мятежного брата царствующего султана Изз ал-дина – Ала ад-дина Кай Кубада в 1211 – начале 1214 г., оставившие весьма туманный след в источниках[140].

Целью похода был Синоп. Султан собирал о нем информацию у сведующих людей. Получаемые ответы не утешали его: город нельзя было взять неожиданным приступом; стены его были крепки и требовалась длительная осада, чтобы, блокировав его с суши и с моря, уморить гарнизон голодом. Военный совет разработал план: опустошать округу систематическими набегами в течение нескольких лет, уводить жителей в полон, т.е. использовать ту же тактику, что и Ласкарь в Пафлагонии. На следующий день султан выступил в поход. Быстрому осуществлению его цели помогла случайность: Алексей I вместе со своей свитой попал в плен во время охоты. Милостиво приняв пленника, султан не раскрыл ему своих планов, пока его войско не окружило Синоп. Лишь затем он потребовал от "тегвура" послать в город одного из его "эмиров", чтобы склонить Синоп к капитуляции от имени императора[141]. Алексей был вынужден сделать это, но жители ответили его послу, что не собираются сдаваться: "Если кир-Алекси в плену, у него есть благородные сыновья. Одного из них мы сделаем своим господином и не отдадим этой земли мусульманам"[142]. Вторичное посольство также не имело успеха. Тогда султан приказал пытать Алексея перед стенами Синопа. На второй день мучений, когда император был подвешен вниз головой, обороняющиеся попросили прекратить пытку и прислать для переговоров "вестника от тегвура". Город был сдан на условиях свободного отъезда императора в свои земли, дарования жизни и имущества всем жителям и разрешения им свободно уйти, куда они пожелают. Сдаче способствовало и сожжение синопских кораблей сельджукским военачальником Бахрамом Таранблуси[143]. В субботу, 1 ноября 1214 г. над Синопом был поднят флаг султана[144]. Находящиеся в городе 30 латин-

130 *Васильевский В.Г.* Epirotica... P. 274–275, 290. *Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // ВО. 1982. С. 184.

131 *Dölger F.* Regesten... 3 Teil. 1977. N 1684 (после 13 января 1212 г.); *Жаворонков П.И.* Никейско-латинские... С. 54–56.

132 Сведения об этом содержит приписка к Афонской рукописи, Ватопедской псалтири 760 (Cod. Athos. Vatop. 760, fol. 294г.). Текст ее гласит: "13 декабря, в четверг, 1 индиктиона 6721 г. скончался благочестивейший Великий Комнин кир Давид, в божественной и ангельской схиме нареченный монахом Даниилом". Издание с факсимильной вклейкой: *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζοῦντος // ΑΠ. 1933 (репринт). Т. 4–5. Σ. 355, 360; *Evangelatou-Notara Ph.* Συλλογή χρονολογημένων "σημειωμάτων" ελληνικών κωδίκων 13ος Αι. Athenai, 1984. P. 15. N 49. Анализируя указанную приписку о пострижении и смерти Давида в контексте событий того времени, Р.М. Шукуров сделал смелое предположение о том, что Алексей I вынудил своего младшего брата Давида, якобы претендовавшего на трон, принять постриг в далеком афонском монастыре. Аргументация не представляется нам доказательной, несмотря на всю оригинальность и остроумие гипотезы, ибо нет оснований считать, что приписка обязательно была сделана на Афоне, равно как и сама рукопись, которая могла быть привезена туда в более позднее время, учитывая тесные связи Понта с Афоном особенно со второй половины XIV в. Необходимо в этой связи обратить внимание на анализ миниатюр рукописи и вывод В.Н. Лазарева. Он полагает, что манера письма указывает на Анатолию (*Лазарев В.Н.* История Византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 125). Кроме того, и в случае менее вероятного афонского происхождения приписки, нельзя исключить, что она фиксирует просто полученное откуда-то сведение (*Shukurov R.* How Did the Grand Komnenos David Become a Monk (в печати).

133 *Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские... С. 184–185.

134 *Savvides A.G.K.* Byzantium's Oriental Front in the First Part of the Thirteenth Century: the Empires of Nicaea and Trapezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace // ΔΙΠΤΥΧΑ. 1982/83. Т. 3. P. 168.

135 *Ibn Bibi.* Die Seltschukengeschichte / Hrsg. von H.W. Duda. København, 1959. S. 64; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех как источник истории Византии в XII и XIII вв. // ВВ. 1894. Т. 1. С. 631.

136 *Тегвур, текфур* – титул, применяемый мусульманскими авторами к византийским правителям, включая императоров и владетельных династов. См.: *Savvides A.G.K.* "Τεκφούρ": οι Χριστιανοί ηγεμόνες και στρατιωτικοί αρχηγοί του βυζαντινοτουρκικού μετώπου (13ος-15ος αιώνας) // Βυζαντιακά. 1997. Т. 17. Σ. 367–377.

137 Ibn Bibi. S. 64; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 632; ср.: *Шукуров Р.М.* "Новый Манцикерт" императора Феодора I Ласкариса // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 413.

138 Ibn Bibi. S. 64; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 633.

139 Ibn Bibi. S. 64.

140 *Kuršanskis M.* L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle // REB. 1988. T. 46. P. 112; *Шукуров Р.М.* "Новый Манцикерт"... С. 414–416.

141 Ibn Bibi. S. 64–66; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 632–634.

142 Ibn Bibi. S. 66; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 634. Турецкая версия содержит дополнения о том, что у Алексея были в Джаните и Трапезунде взрослые и способные управлять сыновья. В 1214 г. Алексею I было, по Панарету, 32 года (*Panaretos.* P. 61.4–5). По источникам достоверно известен один сын Алексея – Иоанн I Аксух и одна дочь, жена Андроника Гида, ставшего преемником Алексея I (Panaretos. P. 61.7–13). Возможно, сыновьями Алексея были также Иоанникий, принявший монашество в 1238 г., и Мануил, тогда же коронованный императором. Но Иоанн Аксух, которого Панарет называет первородным (Ibid. P. 61.12) был еще ребенком. Это обстоятельство заставляет усомниться в точности версий Ибн Биби, так как в любом случае старший из его сыновей в 1214 г. был малолетним, если он считался таковым и в год смерти отца, в 1222 г.

143 *Шукуров Р.М.* "Новый Манцикерт"... С. 419.

144 Ibn Bibi. S. 66–67; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 634–635: дата 26 джуммадия 611 г. Она подтверждается надписью на башне Синопа, сделанной по-арабски и по-гречески при ее постройке в сентябре 1215 г. Первая часть греческой надписи гласит: 1 ноября, в субботу крепость (κάστρου) Синопа была взята великим султаном Азатином Кайкаусом"; *Bees A.N.* Die Inschriftenaufzeichnung... S. 53–54; *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 71–72; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. T. 1. (Dumbarton Oaks Studies, XX). T. 1. P. 71–72. О взятии Синопа сообщил и сирийский хронист Григорий Абульфарадж Бар Эбрайя: "В 611 г. арабов султан Иззаддин Кейкаус взял Синоп, который на берегу Понтийского моря, и убил его господина кир Аликса" (*Bar Hebraeus.* The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, the Son of Aaron, the Hebrew Physician, Commonly Known as Bar Hebraeus / Ed. E.A.W. Budge. L., 1932 (repr. 1976). Vol. 1. P. 369). Очевидно, Бар Эбрайя ошибается, говоря о смерти Алексея, но он точно определяет правителя (Алексей, а не Давид). К этому же событию следует отнести и сообщение "Мусульманских анналов" Абульфиды о пленении султаном в 611 г. некоего Ascharius – Ласкаря. Арабский историк и географ XIV в. смешивает Феодора Ласкаря с Алексеем Комнином, хотя ему было хорошо известно, что именно Ласкарь убил в бою султана Кей Хюсрею I. *Abulféda.* Annales // RHC, HO. T. 1. P., 1872. P. 87. См. также: *Fallmerayer J.-Ph.* Geschichte... S. 96–99; *Vasiliev A.A.* The Foundation, P. 28–29.

ских наемников или союзников Алексея были преданы мучительной казни – с них, если верить анонимному сельджукскому источнику начала XIV в., живьем содрали кожу[145]. В качестве дополнительных условий своего освобождения по договору Алексей I был обязан ежегодно выплачивать за Джанит дань 10 000 золотых динаров, доставлять 500 лошадей, 2000 коров, 10 000 баранов, 50 тюков разных товаров и предоставлять султану, в случае необходимости, отряд вспомогательных войск. Представители знати обеих сторон подписали договор в качестве свидетелей[146]. Если Ибн Биби не преувеличил (а он, вероятно, имел текст договора, занимая позже пост государственного секретаря)[147], условия были крайне тяжелы для Трапезундской империи, хотя, как кажется, дань выплачивалась не за всю ее территорию, а за признаваемый вассальным Джанит.

Султан придал приобретению Синопа особое значение. Он издал указ об отправке в город по одному состоятельному купцу из всех подвластных ему городов. Для налаживания морской торговли не жалели денег: перемещенные купцы получали из султанской казны полную компенсацию за недвижимое имущество. Принимались меры для возвращения в город ушедшего населения. Во все столицы мусульманского мира, включая Багдад, были посланы гонцы с известиями о радостном событии[148]. От падения Синопа Трапезундская империя теряла вдвойне, приобретая торгового конкурента и политического соперника.

Сразу вслед за Кай Ка'усом на захват пафлагонских владений Трапезундской империи выступил и Феодор Ласкарь. После смерти Давида[149] Пафлагония, вероятнее всего, находилась в прямом управлении из Трапезунда. Когда сульджуки напали на Джанит, она оказалась фактически изолированной. Месарит сообщает, что в это время находящийся в Никее Феодор Ласкарь получил "радостную весть", касающуюся Алексея Комнина[150]. Как писал Месарит, Феодор сразу бы отправился в Пафлагонию, сев на коня, но его задержали церковные дела: 26 августа 1214 г. скончался патриарх Михаил IV Авториан, и выборы нового патриарха были затруднены из-за разногласий. Присутствие императора было необходимо для поддержания "церковного мира"[151]. Наконец, 28 сентября был избран и интронизирован новый патриарх Феодор II Ириник (1214–1216)[152], и Ласкарь смог начать поход в Пафлагонию столь стремительно, что "едва даже вкусил пищу"[153]. Очевидно, что полученная в Никее радостная весть не могла касаться взятия Синопа: он был сдан лишь 1 ноября 1214 г. Сомнительно, чтобы радостной была названа и весть о выступлении сельджуков против тех территорий, на которые претендовал и сам Ласкарь, недаром он столь поспешно двинулся в поход. Очевидно, речь шла о пленении Алексея; нельзя было не воспользоваться ослаблением трапезундского соперника и дать возможность туркам осуществить захват территорий в Пафлагонии.

Экспедиция Ласкаря началась в конце сентября – начале октября 1214 г. и была весьма непродолжительной, до конца октября. Никейцы взяли основные укрепления Пафлагонии – Ираклию и Амастриду вместе с другими городами и крепостями[154]. Император Генрих на сей раз не оказал помощи пафлагонцам: его союзника и вассала уже не было в живых, а с Алексеем его не связывали соглашения. Кроме того, в 1212 г. он заключил перемирие с Феодором I. Вскоре Ласкарь заключил договор с Латинской империей, подтвердивший условия этого перемирия со значительными уступками Генриху. Пафлагония была одной из компенсаций за них[155].

Через небольшой промежуток времени борьба за Пафлагонию возобновилась. В начале зимы 1214/1215 г. Феодору опять пришлось отправиться в Ираклию из-за того, что в Пафлагонии, по Месариту, "еще шевелило хвостом змеиное исчадье"[156]. Видимо, заключив мир с турками, Алексей попытался продолжить борьбу, но после потери ключевых крепостей и Синопа как связующего звена она была безнадежна. Это и определило поражение в ней Трапезундской империи.

Вместе с тем, и для Никеи выход иконийцев к морю в исторической перспективе был стратегическим поражением, а распад малоазийского эллинизма на два отдаленных анклава привел к потере византийцами Северо-Западной Анатолии и решающим успехам тюркизации[157]. Кроме того, завоевание Ласкарем Пафлагонии, на которую претендовали и сельджуки, почти немедленно обострило отношения между Никеей и Иконием. Месарит отмечал, что после таких приобретений никейский василевс стал весьма опасен для соседей[158]. Той же зимой иконийские турки совершили набег на никейские земли, вплоть до р. Сангарий, но были остановлены греческими воинами[159].

Итак, после 1215 г. Трапезундская империя простиралась с запада на восток от Термодонта до Чороха. Она была отделена от никейской территории сельджукскими владениями, локализовалась в собственно понтийской области и вышла из борьбы за восстановление Византии, став самостоятельным греческим государством, что не означало, однако, отказа от идеологических претензий Великих Комнинов на роль общевизантийских василевсов[160]. Ресурсы империи и роль ее городов в ме-

---

145 *Шукуров Р.М.* "Новый Манцикерт"... С. 420.

146 Ibn Bibi. S. 67; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 636. В турецкой версии отличия: 12 тыс. золотых, 50 тюков товаров. Абульфида также сообщает, что пленник был выкуплен за большую сумму денег и уступку нескольких крепостей и городов: *Abulféda.* Annales... P. 87.

147 Известно, что он и лично составлял документы для султанской канцелярии: Ibn Bibi. S. 343.

148 Ibn Bibi. S. 68–69; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех... С. 637. Турецкий перевод отмечает взятие города *франками,* возможно, путая это событие с последующими.

149 Акрополит и другие зависящие от его сочинения источники указывают, что Ласкарь вырвал Пафлагонию именно из рук Давида: *Acrop.* P. 18, 209; Σύνοψις Χρονική ... Σ. 453; Ephraem Aenii Historia... P. 268. 7556–7561. Однако ныне известно, что Давид умер двумя годами ранее. Ошибка Акрополита, писавшего значительно позднее, проистекала от того, что завоевание Пафлагонии и борьба за нее у современников персонифицировалась с именем Давида. Часто повторяемое в научной литературе прошлых лет положение, что Давид погиб при обороне Синопа следует исправить еще и потому, что Синопом владел не Давид, а Алексей. Ср.: *Fallmerayer J.-Ph.* Geschichte... S. 96–99; *Finlay G.A.* History... Vol. IV. P. 326; *Гельцер Г.* Очерк... С. 171; *Miller W.* Trebizond... P. 18; *Успенский Ф.И.* История... С. 480; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 26; История Византии... Т. 3. С. 55; The Cambridge Medieval History. Vol. IV/1. P. 300– 301; *Bratianu G.I.* La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. Münschen, 1969. P. 180–181; *Janssens E.* Trébizonde... P. 70 и др.

150 Месарит сообщает о походе сельджуков и бедах Алексея дважды: в первый раз, говоря о гонце, прибывшем из северных климатов в Никею с хорошими для никейцев вестями об их враге Алексее (текст рукописи в этом месте оборван), во второй – через несколько страниц – о радостной вести, после которой Ласкарь выступил в поход на Пафлагонию: *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 11.7–15; 18.14–25. П.И. Жаворонков, предполагает, что фактически Ласкарь совершил две краткосрочных экспедиции, в конце сентября – начале октября и в конце октября – 11 ноября, считая, что первое свидетельство касалось пленения Алексея сельджуками, а второе – "нападения султана на Трапезунд" (*Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские... С. 185–186). В этом случае, однако, нарушается логика повествования Месарита и более позднее событие (пленение) помещается раньше последующего (выступления войска сельджуков, притом, не на Трапезунд, а лишь на область Джанита). Текст Месарита не дает оснований предполагать, что Ласкарь прерывал поход, начатый в конце сентября, и возвращался в Никею. Фразу о покорении земли пафлагонов одним военным кличем за 7 дней нельзя рассматривать иначе, нежели риторический прием и видеть в ней нечто большее указания на краткосрочность экспедиции. Она и была таковой, продлившись около полутора месяцев. Итак, мы принимаем как более обоснованную традиционную точку зрения, что в сентябре–ноябре 1214 г. Ласкарь предпринял один, а не два похода на Пафлагонию. Такого же мнения придерживается и Р.М. Шукуров в недавней публикации: *Шукуров Р.М.* "Новый Манцикерт"... С. 418.

151 *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 18.

152 *Laurent V.* La chronologie... P. 133–134.

153 *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 19.1.

154 *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 19, 26; Acrop. P. 18, 209; Σύνοψις Χρονική ... Σ. 453; Ephraem Aenii Historia... P. 268. 7556–7561 (Ефрем дополняет известия Акрополита данными о захвате городов Китора и Кромны).

155 *Жаворонков П.И.* Никейско-латинские... С. 54–61.

156 *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 33.

157 Подробное и справедливое, на наш взгляд, обоснование этого приведено в ст.: *Шукуров Р.М.* "Новый Манцикерт"...

158 *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd. 3. S. 26.

159 Ibid. S. 33.

160 Ср.: *Varzos K.* La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prédiction AIMA (sang) et l'héritage des Grand Comnènes de Trébizonde et des Anges-Comnènes-Doukas d'Epire face au Lascarides de Nicée // JÖB. 1982. Bd. 32/2. S. 355–360.

ждународной торговле обеспечили ей устойчивое развитие и важное место среди стран региона. Внутренние факторы, консолидирующие государство и дававшие ему социальную опору, должны были найти подкрепление и в устойчивой и привлекательной государственной идеологии. Она основывалась, естественно, на византийских традициях, черпала арсенал понятий и знаковых символов из комниновской и докомниновской практики, опиралась на общие религиозные основы и атрибуты и на культ местных святых. Она должна была закрепить легитимность императорской власти рода Комнинов на Понте, а временами и во всей византийской ойкумене. Этого не могло не произойти без острой конфронтации с другими претендентами на византийское наследие, прежде всего Никеей, а затем – Палеологовской Византией.

Представления о власти в Византийской империи черпались из обширного набора политико-правовых идей античности и христианства. В сформированном, общепризнанном и юридически оформленном виде они составили государственную идеологию империи (термин, на наш взгляд, более точный, чем "политическая идеология"). Ее важными компонентами были представления о вселенском, универсальном характере богоизбранной империи ромеев, воплощении в ней божественного порядка, таксиса, о сакральности власти императора-самодержца (автократора), о неограниченности его полномочий и, вместе с тем, их строгом соответствии законам. В числе этих представлений была и тесная неразрывная связь государя с Царственным градом, Константинополем. Только тот, кто владел столицей, владел ойкуменой. Постепенно, несмотря на существовавшую в теории идею выборности государя синклитом и народом, укореняются представления о необходимой знатности монарха, его связи с правящей династией, наличии у него царственных предков. В теории были свои обязательные и лишь желательные составляющие. Так, например, если принадлежность к царственной династии была лишь желательной для воцарявшегося, мысль о возможности двух независимых василевсов ромеев, если они только не были соправителями, не допускалось. Представление о единстве империи было одним из наиболее устойчивых, и претензии на самодержавное правление в отдельных частях ромейской державы не могло рассматриваться иначе, чем узурпация любого, правившего вне Константинополя[161]. Так было до 1204 г. Великая катастрофа, падение столицы империи породила и глубочайший кризис государственной идеологии.

Борясь за византийское наследие, трапезундские Комнины, как и их никейские или эпирские соперники, поначалу исходили из прежних универсалистских представлений, опирались на единую идейную традицию и решали одну и ту же задачу: каким образом оформить императорскую власть, не обладая "театром ойкумены", Царственным градом, захваченным вообще неромейским правителем? Они выбрали в целом один и тот же вариант: создания "вторых" Константинополей в Никее, Трапезунде или даже в Тырново (ибо и болгарский царь принял участие в возможной "реконкисте")[162]. И здесь они были в разных условиях. Никейские правители вскоре смогли опереться на авторитет Вселенского патриарха, что значительно усилило их позиции. Для трапезундских Комнинов один из аргументов в борьбе за симпатии греческого населения Малой Азии был ясен, и они сделали ставку на него: только они были прямыми потомками и наследниками по мужской линии константинопольских Комнинов, притом незапятнавшими себя связями с непопулярной и ответственной за катастрофу династией Ангелов, как Ласкари или Дуки. Принимая такой же титул, как и византийские государи ("NN во Христе Боге верный царь и автократор ромеев"), Алексей и Давид добавили к эпониму Комнин слово "Великий", для обозначения старшинства своего рода, своей генеалогической линии среди других претендентов[163]. В полемике с ними противники апеллировали к тому, что их непосредственным прародителем был тиран Андроник I, называя трапезундских Комнинов "ехидниным исчадьем"[164]. Но этот аргумент не снимал легитимной правоты династических притязаний Алексея и Давида.

И если возврат к идеям старой императорской идеологии был простым и естественным, то поиск "своего" культа, объединяющей идеи был сложен. Мы знаем об этом по немногим отрывочным и косвенным данным, в первую очередь – по печатям и монетам первых Великих Комнинов.

Печати Алексея I до недавнего времени не были известны. В 1963 г. на трапезундском акрополе был найден моливдовул с изображением на лицевой стороне полководца в воинских доспехах и островерхом шлеме, которого за руку ведет св. Георгий. Надпись над изображением полководца гласит: "Алексей Комнин". На обратной стороне мы видим сцену Воскресения, сошествия Христа во ад, более традиционную для печатей архиереев[165]. Такой же (этот же?) моливдовул из коллекции известного ученого и собирателя Георгия Закоса был продан в 1998 г. на аукционе Спинк в Лондоне[166]. Образы печати выбраны безусловно не случайно и отражают как официальную "идею", так и памятные или важные для владельца события или обстоятельства. События эти связаны с военной кампанией или походом – св. Георгий как бы вводит одержавшего победу государя в крепость или в город, жестом левой руки открывая ворота или представляя владельца печати небесному покровительству. Из текста "Трапезундской хроники" Михаила Панарета нам известна самая выдающаяся победа Алексея – его вход в Трапезунд в апреле 6712 (1204) г.[167] Более точную дату он не сообщает. В 1204 г. Пасха – праздник Воскресенья – приходилась на 25 апреля, а день памяти великомученика Георгия Победоносца – на 23 апреля. Не связаны ли с двумя этими датами главные события в жизни Алексея и в истории Трапезундской империи: его вступление в город и провозглашение императором? В конце апреля он уже мог знать о захвате 12–13 апреля крестоносцами Константинополя и бегстве Алексея V Мурзуфла, что давало ему основание для прямых претензий на византийский трон. Появление на печати св. Георгия могло быть связано и с его особым почитанием как византийскими Комнинами, так и грузинскими Багратидами, игравшими немалую роль в утверждении Алексея на престоле. Примечательно в этой связи, что на медных монетах трапезундских Комнинов XIII в. также изображен св. Георгий[168].

---

[161] См. подробнее: *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. P., 1975; *Karayannopoulos I.E.* Η πολιτική θεωρία των Βυζαντινών. Thessaloniki, 1988; *Pertusi A.* Il pensiero politico bizantino / Ed. a cura di A. Carile. Bologna, 1990; *Irmscher J.* Il pensiero politico a Bisanzio // Lo spazio letteratio della Grecia Antica. Roma, 1995. T. 2. P. 529–561; *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997. С. 102–124; Культура Византии. М., 1984–1991. Т. 1–3 (главы о политической мысли).

[162] См. подробнее: *Карпов С.П.* После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь?.. С. 135–143.

[163] См.: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи...

[164] О злосчастном правлении (ἐπὶ τῆς ... δυσδαίμονος βασιλείας) Андроника писали многие современники, в том числе и сочувствовавший в целом Комнинам Евстафий Солунский: *Eustazio di Tessalonica.* La espugnazione di Tessalonica / Ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961. P. 3.2–3. О полемике подробнее см.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164.

[165] Не очень четкая фотография печати была опубликована в греческой газете "Катимерини": Σταυροφορίες // Η Καθημερίνη κυριακή. 1/XI 1998. P. 21. Очень близкое изображение сцены Воскресения встречается, например, на моливдовулах латинского патриарха Иерусалима Амальрика (1157–1180): *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор коммент. В.С. Шандровская. М., 1991. С. 172–173. Табл. LXIX. N 134; Spink. Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. Part 2. London, Tuesday 25 May 1999. N x145-x147. P. 20–21.

[166] Spink. Auction 127. Byzantine Seals from the collection of George Zacos. Part 1. London, Wednesday, 7 October. 1998. N 93. P. 48–49. За информацию и фотокопию каталога сердечно благодарю проф. Ж.-К. Шене (Париж). Издатели каталога не отождествили Алексея Комнина с трапезундским императором или каким-либо другим представителем Комниновской династии.

[167] Panaretos. P. 61.4–5.

[168] *Kuršanskis M.* Une nouvelle monnaie de l'Empire de Trébizonde // Revue Numismatique. Ser. 6. 1972. T. 14. P. 269–270 (медная монета сына Алексея I, Иоанна I Аксуха, 1235–1238); *Соколова И.В.* Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // НЭ. 1984. Т. 14. С. 69–70 (монеты Иоанна I и Георгия, 1267–1280).

Печати брата Алексея I, Давида, напротив, известны давно и основательно изучались. На одной из них изображен царь Давид на троне. Надпись на обороте гласит: "Царь Давид, сделай незыблемой силу письмен Давида Комнина, царского внука". Здесь примечательно лишь подчеркивание уже упомянутой нами линии родства и вполне традиционное обращение к святому, покровителю владельца. Никаких указаний на возможные события или на особую символику нет[169]. Другая печать породила научную дискуссию. На ней изображен в рост св. Елевферий, а надпись гласит: "Давида Порфирородного слова утверди Елевферий, святитель Божий"[170]. Первый исследователь печати Н.П. Лихачев без колебаний отнес печать к брату основателя Трапезундской империи Давиду и отождествил Елевферия как священномученика, епископа Иллирийского, "совместив" этого святого с другим, кубикуларием Максимиана, погребенным в Тарсе. Н.П. Лихачев не привел каких-либо объяснений причин появления изображения этого святителя на понтийской печати. В. Лоран отнес моливдовул к 1205–1206 гг. и интерпретировал имя Елевферия согласно его прямой символике – "Освободитель", полагая, тем самым, что так Давид хотел выразить свои цели – освобождения Понта и Византии. Э. Брайер посвятил детальное исследование этому сюжету. По его мнению, св. Елевферий из Тарсии (области на р. Сангарий, севернее Плусиады) был выбран для печати как патрон ключевого района, оспариваемого в борьбе между Ласкарем и Давидом в 1205–1208 гг. Э. Брайер настаивал на независимости действий Давида от брата в его планах выйти к Константинополю. Д.И. Коробейников предложил недавно другую интерпретацию. Печать Давида с изображением св. Елевферия Тарсийского, чья память отмечается 15 декабря, возможно, говорит об одной из побед Давида, приходившейся на эту дату, вероятно, снятии осады с Ираклии Понтийской Ласкарем (при помощи отряда латинян) в 1206 г.[171] Ни одну из гипотез нельзя исключить, но ни одна из них – не больше, чем предположение, допускающее и другие версии. С очевидностью можно говорить лишь об одном: Великие Комнины "искали" своего святого патрона, паладиум своего государства. И св. Елевферий, как кажется, не был случайным в этом поиске. Неизвестная до недавнего времени печать Катакалона Гавры (второй половины XII в.) также имела на аверсе изображение этого святого, притом тоже в рост, в омофоре и с Евангелием[172]. Катакалон Гавра не известен нам из других источников. Ясна лишь его принадлежность к понтийскому роду, но все более очевидным представляется какая-то, непонятная до конца, связь этого святителя со знатными понтийскими правящими семействами.

В качестве патрона и защитника своей державы Великие Комнины рассматривали и Богородицу[173], и св. Георгия, и пророка Давида, и св. Евгения, и Елевферия Тарсийского... Поразительно, но на этом этапе в такой роли не фигурировал основной истинно местный святой воин Феодор Гавра. Причин тому, наверное, было две. Созвучие имени святого главному врагу – Феодору Ласкарю и, что важнее, *иной* смысл идеологических устремлений Комнинов в этот ранний период: не создание местного Понтийского государства, а реставрация византийской монархии. Для этой цели местный трапезундский святой, к тому же оспаривавший власть у константинопольских прародителей Великих Комнинов, подходил мало.

Выбор покровителя державы был сделан после утраты Пафлагонии и Синопа. Когда стало ясно, что предстоит создавать "местную империю" склонились к обоснованию и воссозданию культа св. Евгения. И хотя основа всеобъемлющего почитания святителя была создана в царствование Алексея II и Алексея III, уже на первых известных серебряных аспрах Великих Комнинов, Иоанна I (1235–1238) и Мануила I (1238–1263), равно как на медных монетах Мануила и Георгия (1266–1280) помещается изображение св. Евгения[174]. Оно станет затем неотъемлемым для всех последующих типов монет Трапезундской империи.

С потерей надежды на восстановление Византии под скипетром Великих Комнинов и превращением Трапезунда в столицу империи в нем возводятся или реконструируются храмы, которые должны были символизировать и освящать новую империю. Особое значение придавали постройке и украшению храма Св. Софии. В то время как Константинопольская София была в руках "латинян", трапезундская мыслилась как ее аналог и символ. Для нее выбрали место на возвышенном месте от моря, храм поставили на высокий подиум (уникальная черта в византийской архитектуре), интерьер и наружные стены украшали лучшие мастера по особой своеобразной живописной программе. Ктитором и строителем был император Мануил I, в правление которого были достигнуты немалые внешнеполитические успехи, раздвинуты границы империи. В 1214–1235 гг., по данным Э. Брайера, в Трапезунде полностью перестраивается храм Богородицы Златоглавой (Хрисокефал). Он превращается в место коронации и погребения императоров, для чего в нем были устроены метаторий, галереи и амвон в центре храма, что позволяло служить особую литургию при коронации василевса[175]. Широкое городское строительство, возведение нового пояса крепостных стен, новых храмов – все это должно было придать Трапезунду облик столицы.

Создавая новую империю, трапезундские императоры по существу не пересматривали старую универсалистскую византийскую концепцию. Они воссоздавали на Понте "малую Византию", не считая, вплоть до 1282 г., своих соперников подлинными василевсами. Вместе с тем, после 1214 г. политическая реалия четко указала им ориентир на консолидацию власти именно и только на Понте. Так св. Евгений и стал символом и защитником его родины и династии Великих Комнинов.*

[169] См. подробнее: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи... С. 103–105; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 289–294.

[170] *Laurent V.* Sceau inédit de David Comnène, libérateur du Pont et co-fondateur de l'empire de Trébizonde // АП. 1954. Т. 19. Σ. 150–160; *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи... С. 105. Примеч. 20; *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988–1989. Т. 42. P. 161–188; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 77–78.

[171] *Коробейников Д.И.* Северная Анатолия... С. 208–209.

[172] Spink. Auction 135. Byzantine Seals from the collection of George Zacos. Part 3. London, Wednesday, 6 October 1999. N x-288. P. 63.

[173] Видимо, следуя византийской традиции, Андроник I чеканил изображение Богоматери на троне и Оранты на своих медных монетах: *Metcalf D.M., Roper I.T.* A Hoard of Copper Trachea of Andronicus I of Trebizond (1222–1235) // Numismatic Circular. 1975. Т. LXXXIII. N 6. P. 237–238; *Veglery A., Millas A.* Copper Coins of Andronicus I, Comnenus Gidon (1222–1235) // Numismatic Circular. 1977. Т. LXXXV. N 11. P. 487–488; *Bendall S.* Andronicus I of Trebizond // Numismatic Circular. 1980. Т. LXXXVIII. P. 400–401.

[174] *Retowski O.* Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // Нумизматический сб. М., 1911. Т. 1. С. 113–302; *Mattingly H.* The Platana Hoard of Aspers of Trebizond // Proceedings of the Royal Numismatic Society. Numismatic Circular, 5th Series. 1939. Vol. 19. Pt. 2. P. 120–127; *Соколова И.В.* Медные монеты Трапезундской империи...; *Она же.* Трапезундские аспры с именами Мануила I и Иоанна II Комнинов // НЭ. 1974. Т. XI. С. 129–143.

[175] *Bryer A.* Une église "à la demande du client" à Trébizonde // Proche-Orient Chrétien. 1982. Т. 32. P. 216–232.

* Исследование поддержано грантом РГНФ (00-01-001080).

К. Шилов

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ РЕФОРМАХ НИКИФОРА II ФОКИ И ИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

История военных реформ Никифора Фоки (963–969) в последнее время привлекает особое внимание специалистов, порождая новые вопросы и дискуссии. Интерес к данной теме во многом обусловлен яркостью и неоднозначностью самой личности императора-полководца, правление которого положило начало быстрому взлету военно-политического могущества Византии. Однако изучение этого периода связано с рядом объективных трудностей.

Правление Никифора было очень коротким, так что хроники и истории, сообщающие о нем, не изобилуют подробностями и деталями. Другие источники, которые могли бы восполнить недостаток информации (законодательные акты, трактаты и т.п.), зачастую невозможно с достаточной точностью отнести именно к правлению Никифора. Подобная ограниченность источниковой базы допускает различные, порой диаметрально противоположные точки зрения на его политику.

Особенно актуальной в связи с непродолжительностью правления императора становится проблема перспективы, исторической преемственности и социально-политических последствий его деятельности.

Литературу, посвященную Никифору, никак нельзя назвать скудной. Между тем, следует отметить, что чаще всего историки увлекаются событийной стороной его правления – описанием походов и военных действий, оставляя в стороне собственно политику императора, ее социальный и военный аспекты[1]. Внутренняя политика Никифора попадает в основном в поле зрения историков, изучающих (преимущественно на материале законодательных актов) проблемы государственного устройства и аграрных отношений в Византии, и рассматривается главным образом в контексте эволюции фемного строя[2].

[1] Правлению Никифора посвящено несколько специальных работ: *Schlumberger G.* Un empereur byzantin au Xe siècle. Nicéphore Phocas. P., 1890; *Djurič I.* "Porodica Foka" // ЗРВИ. 1976. 17. С. 189–292; *Markopoulos A.* Zu den Biographien des Nikephoros Phokas // JÖB. 1988. Bd. 38. S. 225–233; *Morris R.* The Two Faces of Nikephoros Phokas // BMGS. 1988. 12. P. 83–115; *Δετοράκης Θ.* Ο Νικηφόρος Φωκάς στήν ιστορία καί στή λογοτεχνία // Πρακτικά τού Α' Διεθνούς Συνεδρίου "Η Καθημερινή ζωή στό Βυζάντιο", Αθήνα, 1989. Ο военных походах Никифора см.: *Schlumberger G.* L'epopée byzantine à la fin du Xe siècle, P., 1896–1905; *Κόλιας-Δερμιτζάκη Α.* Ο Βυζαντινός ιερός πόλεμος. Η έννοια και η προσβολή τού θρσκευτικού πολέμου στό Βυζάντιο (Ιστορικές μονογραφίες 10). Αθήνα, 1991; *Αποστολοπούλου Σ.* Η άλωση τής Μοψουεστίας και τής Τάρσου από βυζαντινές καί αραβικές πηγές // Graeco-Arabica, 1982. 3. P. 157–167; *Καραγιαννόπουλος Ι.* Οι Βυζαντίνο-Βουλγαρικές σχέσεις στά έτη 963–969 (Χρόνολογικές παρατηρήσεις) // Δίπτυχα. 1986–1987. 4. Σ. 183–199; *Cheynet J.-C.* Les Phocas // *Dagron G., Mihaecu H.* Le traité sur la guérilla (De vellitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). P., 1986, P. 289–315.

[2] Непосредственно новелл Никифора касаются следующие работы: *Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX–XI siècles // Bulletin de correspondance hellénique. 1960. 84. P. 1–109; *Svoronos N.G.* Histoire des institutions de l'Empire Byzantin // Ecole politique des autes ètudes (IVe section). Annuaire 1969–1970. P. 331–346, 1970–1971. P. 353–365; *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century. The Sources and Problems. Galway, 1979; *Haldon J.F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army, c. 550–950. A Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata (Österr. Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl. Sitzungsber, 357). Wien, 1979; *Γρηγορίου-Ιωαννίδου М.* Παρακμή και πτώση τού θεματικού θεσμού. Συμβολή στήν εξέλιξη τής διοικιτικής και τής στρατιωτικής οργάνωσης τού

Основной упор на социальный аспект внутренней (в том числе военной) политики Никифора был сделан югославским исследователем Г. Острогорским и отечественными византинистами А.П. Кажданом, М.Я. Сюзюмовым, Г.Г. Литавриным, В.В. Кучмой. Сопоставив данные различных типов источников (хроник, военных трактатов, законодательных актов), они положили начало трактовке политики Никифора как серии реформ феодальной ориентации[3]. Сущность этих реформ состояла в создании императором особых подразделений тяжеловооруженных всадников-катафрактов и наделении их особыми земельными наделами, которые обеспечивали их службу в этом качестве. Таким образом, были созданы предпосылки для формирования института служилого землевладения, преобразования социальной базы византийской армии, превращения ее в феодальное ополчение рыцарского типа[4].

И хотя далеко не все историки приняли столь "революционную" оценку мероприятий Никифора, сам факт военных реформ, имевших место во время его правления, казался неоспоримым[5]. Однако в последнее время появились работы частично или полностью отрицающие реформаторский характер правления Никифора и его военные преобразования. Так, например, инициатор нового издания трактата "Nicephori Praecepta Militaria" американский ученый Э. МакГир считает, что катафракты появились в византийской армии несколько раньше Никифора[6], а греческий византинист Т. Колиас в специально посвященной Никифору работе пришел к выводу, что ни одно из приводящихся сегодня в пользу реформ Никифора свидетельств не доказывает, а при более детальном изучении даже опровергает сам факт этих реформ. Согласно мнению ученого, военные успехи Византии во второй половине X в. были подготовлены всем ходом ее предшествующего развития[7].

Работа Т. Колиаса построена на рассмотрении трех главных свидетельств источников в пользу реформ Никифора: главы приписываемого Никифору трактата

Βυζαντίου από τό 10ο αι. κ.ε. Θεσσαλονίκη, 1985; *Idem.* Στρατολογία και έγγεια στρατιωτική ιδιοκτησία στο Βυζάντιο (Εταιρεία Βυζαντινών Σπουδών 4). Θεσσαλονίκη, 1989. Новеллам о стратиотском землевладении посвятил специальное исследование русский ученый В.Г. Васильевский (Материалы по внутренней истории Византии // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 4. Л., 1930).

[3] *Острогорски Г.А.* Пронија // Српска академија наука. Посебна изданъе. 176. Београд. 1951; *Он же.* История Византије, Београд, 1959; *Каждан А.П.* Византийская армия в IX–X вв. // Ученые записки Великолукского пед. института. 1954. 1; *Он же.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1961; *Кучма В.В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии IX–X вв. // Византийские очерки. М.,1971; *Он же.* Военное дело в Византии по "Тактике Льва": Дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1966; *Он же.* Теория и практика военного дела в Византийской империи по данным трактатов X в. // Византийские очерки. М., 1982: *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство X–XI вв. М., 1977; *Он же.* Как жили византийцы. М., 1974. С. 91.

[4] Если Г. Острогорский (Пронија. С. 9) и М.Я. Сюзюмов (см. примечания к: "Истории". *Лев Диакон.* История / Пер. М. Копыленко. М., 1988. С. 44), указывая на феодальный характер пронии эпохи Комнинов, видят ее истоки в реформах Никифора Фоки, то А.П. Каждан (Византийская армия... С. 30) и В.В. Кучма (Командный состав... С. 96–97; Военное дело... С. 290; Теория и практика... С. 112–113) прямо идентифицируют катафрактов Никифора с европейскими рыцарями. По их мнению, переход византийской армии к феодальному ополчению произошел уже в конце X в. Более осторожен Г.Г. Литаврин, который, относя катафрактов Никифора к средней и мелкой знати, считает, что в XI в. фемные контингенты не были окончательно вытеснены профессионалами-катафрактами (Византийское общество... С. 95, 250, 255).

[5] См., например: *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata (Byzantinische Geschichtsschreiber, Ergänzungsband 2). Wien, 1992. S. 123; Г. Дагрон в работе: *Dagron G., Mihaescu H.* Le traitè... P. 153.

[6] В работе даются ссылки на текст докторской диссертации Э. МакГира (*McGeer E.* The Byzantine Army in the 10th Century. The Praecepta Militaria of the Emperor Nicephorus Phokas (963–969). Université de Montreal, 1990. Издание вышло в 1995 г. и, к сожалению, оказалось для нас недоступным (*McGeer E.* Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century (Text and Translation). Washington, 1995. Э. МакГир в целом признает роль Никифора в поддержке катафрактов, в том числе законодательными мерами (Op. cit. P. 235–236).

[7] *Κόλιας Τ.Γ.* Νικηφόρος Β' Φωκάς (963–969). Ο στρατηγός αυτοκράτωρ καί τό μεταρρυθμιστικό τού έργο. (Ιστορικές μονογραφίες 12). Αθήνα. 1993. Σ. 1–152.

"Praecepta Militaria" о катафрактах, новеллы XXII о стратиотских землях и свидетельства хрониста Иоанна Зонары о произведенных Никифором изменениях в стратиотских каталогах.

Военный трактат "Ἡ Στρατεγική ἔκθεσις καί σύνταξις Νικιφόρου δεσπότου", получивший в науке название "Praecepta Militaria", действительно привлек всеобщее внимание именно наличием в нем специальной главы о панцирных конниках ("Περὶ τῶν καταφράκτων")[8]. Оригинальный характер произведения и наличие этой главы позволило историкам говорить о катафрактах как о нововведении императора[9].

Т. Колиас, поддерживая гипотезу А. Дэна о том, что дошедшие до нас 6 глав "Praecepta Militaria" являются только частью более обширного произведения, считает, что нет оснований настолько преувеличивать значение одной главы, трактуя ее как изложение новой военной программы императора[10]. Против данного тезиса можно найти ряд существенных возражений. Во-первых, вряд ли сегодня есть основания подвергать сомнению обоснованное обоими издателями трактата мнение о его единстве[11]. Сам текст произведения нигде не содержит намека на существование других глав.

Во-вторых, очень подробное описание вооружения и тактики катафрактов в отдельной главе (при наличии общей главы о кавалерии "...περὶ καβαλλαρικῆς συντάξεως", где можно было бы поместить это описание) наводит как раз на мысль о военной программе. Для сравнения воспользуемся "Тактикой Льва" – военным трактатом, созданным на полвека ранее "Praecepta Militatia" и являющимся, по общему убеждению, сводом всех известных на тот момент сведений по военному делу[12].

В "Тактике Льва" мы встречаем только одно упоминание о катафрактах как воинах, существовавших в прежние времена[13]. Мы также находим существенные различия в описаниях боевых порядков кавалерии. В "Praecepta Militaria" первую "фалангу" при общем трехлинейном боевом порядке занимают катафракты, построенные в форме трапеции и прикрытые с флангов легкими кавалеристами дифензорами[14]. Сценарий боя таков: стрелки пытаются расстроить боевые порядки противника, после чего удар наносится фалангой катафрактов. Если противник не выдерживает удара и отступает, его преследуют легкие конники, а катафракты медленно продвигаются вперед, сохраняя порядок. Если атака отражена, катафракты уходят в тыл через специально устроенные проходы в порядках второй фаланги, состоящей из пехоты. Пехота, смыкая ряды, сдерживает противника, давая катафрактам перестроиться для нового удара[15]. По "Тактике Льва" кавалерия располагается на флангах, и ее задача – обойти противника, связанного боем с фалангой тяжелой пехоты[16].

Обращает на себя то внимание, которое автор "Praecepta Militaria" уделяет безопасности катафрактов, формированию постоянного прикрытия, принятию мер, оберегающих от попадания в засады, что было вызвано их небольшой численностью (384–504 чел.)[17]. Малая численность катафрактов, по мнению Т. Колиаса, никак не позволяет согласиться с тезисом об их ведущей роли в армии Никифора[18]. Между тем, по замыслу трактата, именно удар катафрактов и должен решать исход боя.

В-третьих, есть трактат "Περὶ παραδρομῆς" (или "De vellitatione bellica"), относимый исследователями также к периоду правления Никифора Фоки и имеющий принципиально иное содержание[19]. Являясь, по общему убеждению, практическим руководством по военным действиям против арабов, он обосновывает сугубо оборонительную тактику "партизанской войны" (по Г. Дагрону – "guérilla"), позволяющую небольшими силами противостоять превосходящему противнику[20].

Столь разный характер принципов, излагаемых двумя почти одновременно написанными трактатами, опять наводит на мысль о новаторстве "Praecepta Militaria"[21]. Т. Колиас считает неправомерным сопоставление этих произведений, полагая, что "De vellitatione" преследует совсем другие цели и потому сознательно ограничивает себя пограничными горными районами Малой Азии[22]. Заметим, однако, что автор трактата обращается не к пограничным командирам (клисурархам, топархам и т.п.), а к стратигам крупных фем, "выдающимся полководцам". И в качестве примера он приводит боевые действия Варды Фоки на посту стратига Анатолика и Каппадокии – крупнейших в империи фем[23]. Отсутствие каких-либо намеков на существование крупной экспедиционной армии позволяет предположить, что автору "De vellitatione" действительно более близки реалии эпохи отца Никифора. В противном случае трудно объяснить, почему предпринятое самим императором широкое и успеш-

[8] На это обратил внимание первый издатель трактата Ю. Кулаковский (*Кулаковский Ю.* Стратегика императора Никифора // Записки Имп. Акад. наук. Сер. XIII. Ист.-фил. VIII. 9. СПб., 1908). Вопрос об авторстве трактата оспаривался А. Дэном (*Dain A.* Les Stratégistes byzantins // Travaux et Mémoires. 1967. 2. P. 317–392; *Idem.* Le Tactique de Nicéphore Ouranos. P., 1937. P. 47–51) и долгое время оставался дискуссионным (см., например: *Кучма В.В.* Византийские военные трактаты VI–X вв. как источники по изучению военного искусства Византийской империи // АДСВ. 1966. 4; *Он же.* Византийские военные трактаты как исторический источник // ВВ. 1979. 40; *Он же.* Военно-теоретическая мысль // Культура Византии / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1989. Т. 2. С. 276–296; *Mihaescu H.* Pour une nouvelle édition des Praecepta Militaria du X siècle // Rivista di studi Bizantini e Slavi. 1982. 2. P. 315–332). Результаты исследования Э. МакГира позволяют считать этот вопрос решенным.

[9] *Svoronos N.G.* Histoire des institutions... P. 356; *Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration... P. 16; *Lemerle P.* The Agrarian History... P. 130; *Dagron G.* La traité... P. 153.

[10] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 24–25.

[11] *McGeer E.* Op. cit. P. 57–58. Так или иначе, другие части этого трактата сегодня не найдены (см. также: *Кучма В.В.* Военно-теоретическая мысль).

[12] "Тактике Льва" посвящена обширная литература. Наиболее детально трактат исследован В.В. Кучмой (Военное дело в Византии по "Тактике Льва"; "Тактика Льва" как исторический источник // ВВ. 1969. Т. 30; *Он же.* "Тактика Льва" в исторической литературе // ВВ. 1972. Т. 33; *Он же.* К вопросу о критериях достоверности "Тактики Льва" // АДСВ. 1972. 8; наиболее полный список работ В.В. Кучмы приводится в его докторской диссертации (Античные традиции в развитии политической мысли ранней Византии (по данным трактатов IV–VII вв.): Дис. д-ра ист. наук. М., 1980), см. также: *Кучма В.В.* Военно-теоретическая мысль.

[13] Leonis Imperatoris Tactica // PG. 107. Col. 724C. См. также: *Кучма В.В.* Византийские военные трактаты... С. 59. Недавно стало известно, что новое комментированное издание "Тактики Льва" подготовил Дж. Дэннис (выходные данные работы не известны).

[14] Praecepta Militaria. 10,16–10,22.

[15] Ibid. 8, 1–5; 16, 25.

[16] Подробнее о боевом построении войск в "Тактике Льва" см.: *Кучма В.В.* Военное дело в Византии по "Тактике Льва"; *Он же.* Из истории военного искусства Византии IX–X вв. Подготовка и ведение боя // ВВ. 1977. 36.

[17] Praecepta Militaria. 10,17–10, 28.

[18] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 26.

[19] Вопрос об авторстве Никифора оспаривается (см. об этом: *Кучма В.В.* Византийские военные трактаты... С. 58. В 80-е годы вышло два новых издания трактата: *Dagron G., Mihaescu H.* Le traité... и *Dennis G.T.* Three Byzantine Military Treatises (Skirmishing) (CFHB 25). Washington, 1985. (Далее: De vellitatione). Гипотеза Дж. Дэнниса о принадлежности трактата брату Никифора Льву Фоке была подвергнута достаточно убедительной критике В.В. Кучмой (К проблеме авторства трактата "De vellitatione bellica". Новая гипотеза // ВВ. 1994. Т. 55; Трактат "De vellitatione bellica". Проблемы жанра и основы содержания // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 26. 1992).

[20] Обоснование этой тактики дается автором уже в самом начале (De vellitatione... P. 13–23).

[21] Г. Дагрон (Le traité... P. 245) выдвинул гипотезу о том, что Никифор перешел от тактики партизанской войны к войне экспедиционной (guérre). В.В. Кучма (Военно-теоретическая мысль), отмечая сугубо оборонительную тактику "De vellitatione", считал, что появление трактата вызвано кризисом фемного строя. В последнее время историк существенно скорректировал свои взгляды на характер трактата, придя к выводу, что методы, описанные автором, имеют целью выиграть время до подхода экспедиционной армии. Таким образом, трактат является обоснованием не столько оборонительной стратегии, сколько руководством по тактике локальных сил в конкретной географической обстановке (см.: *Кучма В.В.* Метод παραδρομή. Феномен военной теории и боевой практики X в. // ВО. 1996. С. 132).

[22] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 30.

[23] De vellitatione. P. 13–23.

ное наступление на восточном фронте не нашло никакого отражения в трактате. Из сообщений хронистов нам известно, что в период правления Никифора практически ежегодно совершались походы в Киликию и Сирию[24], причем в большинстве случаев войско возглавлял лично император (подходы 964[25], 965[26], 966[27] и 968 гг.[28]). Создается впечатление, что "De vellitatione bellica" задумывался еще до прихода Никифора к власти и не успел отразить произошедшего за 6–8 лет резкого изменения положения на восточных границах империи[29].

Таким образом, анализ военных трактатов X в. не подтверждает тезиса Т. Колиаса о существовании катафрактов в Византии на всем протяжении ее истории. Ссылка же греческого историка на сообщение "Анонима" VI в. не выглядит убедительной в свете полного молчания источников о катафрактах вплоть до "Praecepta Militaria"[30]. Представляется, что и характер описания действий катафрактов в "Praecepta Militaria" не позволяет сделать вывод о том, что тактика, излагаемая трактатом, была многократно опробирована в предшествующих боях. Ни один источник эпохи Никифора (и ранее) не приводит описаний действий конницы, сколько-нибудь напоминающей содержание главы "Περὶ τῶν κατα-φράκτων". Нечто похожее содержат только два пассажа Льва Диакона – один о построении тяжелой кавалерии в первой "фаланге" войска Никифора в походе 965 г.[31], другой – о построении тяжелой кавалерии Иоанна Цимисхия по бокам "фаланги" в сражении под Доростолом[32]. В остальных случаях мы имеем дело скорее с тактикой образца "De vellitatione bellica"[33]. Все это свидетельствует о том, что "Praecepta Militaria" действительно излагает принципы новой тактики. Суть ее состояла в использовании особого тактического звена – "фаланги" тяжеловооруженных катафрактов, опыт применения которых только начал накапливаться.

Вышеприведенные аргументы позволяют согласиться с предложенной Э. МакГиром датировкой трактата "Praecepta Militaria" 965 г. (а возможно, даже 966/7 г., когда у Никифора была небольшая передышка между походами)[34].

Заслуживает внимания еще один аргумент Т. Колиаса против военных реформ Никифора – сообщение Лиутпранда Кремонского о его посещении Константинополя в 967 г.[35] Лиутпранд в частности передает один из своих разговоров с Никифором, в котором император нелестно отзывался о рыцарях Оттона, которые из-за тяжелого вооружения не могут хорошо сражаться ни в пешем, ни в конном строю[36]. Вряд ли, впрочем, стоит трактовать этот пассаж как доказательство отсутствия в

[24] Хронология походов Никифора подробно восстанавливается по сочинениям Иоанна Скилицы и Льва Диакона. Ссылки приводятся на издания: Georgius Cedrenes Ioannis Scylitzae Σύνοψις Ἱστοριῶν // Ed. I. Bekker (CSHB). T. II. Bonnae, 1839; Leonis Diaconis Caloensis. Historiae libri decem. Bonnae, 1828.

[25] Scyl.-Cedr. 361; Diac. III. 10.

[26] Scyl.-Cedr. 364; Diac. IV. 1.

[27] Diac. IV. 8.

[28] Diac. IV. 10. Крупный поход в Азию был совершен Никифором также в 962 г. (Diac. II. 9), поход 963 г. возглавлял Иоанн Цимисхий (Scyl.-Cedr. 360).

[29] Поддерживаем вывод Г. Дагрона о том, что военная программа "De vellitatione bellica" обнаруживает полный отрыв автора от военных реалий второй половины X в. (Le traité... P. 259–260).

[30] Anonymus. Περὶ στρατεγικῆς, ιζ'. 12. ссылка на издание: *Dennis G.T.* Three Byzantine Military Treatises.

[31] Diac. IV. 3.

[32] Diac. VIII. 9.

[33] Ср. с засадной тактикой Льва Фоки в 960 г. (Diac. II. 2–6) и Варды Склира в 970 г. (Diac. IV. 12–13). Аналогичную тактику использовал, по-видимому, Цимисхий в 963 г., всадники которого могли вести бой спешившись (Scyl.-Cedr. 360).

[34] Э. МакГир полагает, что катафракты впервые были применены в битве при Аль-Адате в 954 г. (Op. cit. P. 235–236), что в принципе не умаляет роли Никифора в развитии тяжелой конницы.

[35] *Liutprands von Cremona.* Relatio de legatione Constantinopolitana / Ed. I. Bekker. Monumenta Germaniae Historica. Script. rer. Germ. in usum scholarum 41. Hannover; Leipzig, 1915.

[36] Ibid. XI: "...domimi tuo milites equitandi ignare pedestris pugnae sunt inscii, scutorum magnitudo, loricarum gravitudo, ensium longitudo galearumque pondos neutra parte eos pugnare sinit".

армии Никифора тяжелой конницы[37]. Лиутпранд вообще крайне тенденциозен в описаниях едва ли не всего, что он видел в Византии. Не исключено, что посланец Оттона лишний раз хотел принизить византийцев в глазах своего императора в стремлении оправдать неуспех своей миссии. Можно также трактовать слова Никифора как понимание различий между ромейскими воинами и германскими рыцарями, что само по себе значимо. Рыцари действительно были уязвимы без коня, а индивидуальная рыцарская тактика недостаточно годилась для войны с арабами. Тактика византийцев, если судить по трактату "Praecepta Militaria", основывалась на взаимодействии всех видов войск. При этом основная часть кавалерии была все-таки легкой, а тяжелая могла иметь более легкое, чем у рыцарей, вооружение. Так или иначе, свидетельство Лиутпранда не дает почвы для каких-либо бесспорных выводов.

Перейдем теперь к анализу приписываемой Никифору новеллы XXII "О стратиотах, продавших свои участки и требующих их назад"[38]. Этот законодательный акт действительно рассматривается большинством исследователей как мера, направленная на поддержание тяжелой кавалерии[39]. Основным содержанием новеллы считалось трехкратное увеличение неотчуждаемого надела панцирных воинов (τῶν κλιβανοφόρων καὶ ἐπιλωρικοφόρων κίνησιν)[40], а ее появление логически связывалось с набиравшим силу процессом оскудения стратиотского землевладения и падения профессионального уровня фемного ополчения[41].

В самом деле на протяжении второй четверти X в. мы встречаем несколько новелл Романа I (922 и 934 гг.), Константина VII (947 г.), Романа II (962 г.), пытающихся установить неотчуждаемость стратиотских земель[42]. Минимальный надел неотчуждаемого участка для конного стратиота определялся в 4 литры золота. Такой участок, согласно подсчетам исследователей, приносил 15 номисм чистого годового дохода[43]. Стоимость боевого коня в Византии составляла 12 номисм[44], меча – 3–5 номисм, панциря – 12 номисм, шлема – 6 номисм[45]. Как видим, высокая стоимость вооружения с трудом позволяла владельцу такого участка нести службу в легкой кавалерии и тем более приобрести вооружение для службы в тяжелой кавалерии (принимая во внимание необходимость содержания нескольких боевых лошадей и слуг). Троекратное увеличение стратиотского участка решало эту проблему. Сами размеры такого владения, соответствовавшие 15–20 средним крестьянским

[37] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 27.

[38] *Zachariae von Lingenthal C.E.* Jus Graeco-Romanum. Lipsiae. 1857. Pt. III. P. 299–300.

[39] *Treadgold W.T.* The Byzantine State Finances in the Eighth and Ninth Centuries (East European Monographs 12, Byzantine series 2). N. Y., 1982. P. 30; *Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration... P. 17; *Haldon J.* Recruitment... P. 526; *Литаврин Г.Г.* Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X – первой четверти XI в. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 212; см. также примеч. 3.

[40] JGR. 300. Катафракта и клибаний – виды чешуйчатого панциря, последний был длиннее и закрывал колени всадника при посадке.

[41] Одним из первых на симптомы кризиса фемного строя в X в. указал А.П. Каждан (Деревня и город...), благодаря работам Г.Г. Литаврина и В.В. Кучмы (см. примеч. 3) представление о кризисном состоянии в византийской армии и его преодоления в результате реформ Никифора, стало господствующим в отечественной историографии. Большинство зарубежных историков (Э. Арвейлер, Дж. Хэлдон, Т. Колиас) оценивают происходящие изменения с позиций эволюционности, не применяя самого понятия "кризис".

[42] JGR. 235–241, 243–252, 253–256, 287.

[43] Эта цифра выведена Т. Колиасом (Νικηφόρος... Σ. 44–48) на основе работ Н. Звороноса, М. Каплан, Г. Острогорского и У. Трэдголда (см. примеч. 45).

[44] *Haldon J.F.* Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions (CFHB 28). Wien, 1990. P. 98, 186–187; *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise in Byzanz // BZ. 1932. Bd. P. 329.

[45] *Κόλιας Τ.* Τά ὅπλα στή Βυζαντινή κοινωνία // Πρακτικά τού Α'Διεθνούς Συνεδρίου "Η Καθημερινή ζωή στό Βυζάντιο". Αθήνα, 1989. Σ. 489–471. см. также: *Lemerle P.* Agraian History... P. 63; *Hendy M.F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy. Cambridge; London; New York; Rochelle; Melbourne; Sidney, 1985. P. 636; *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 49.

хозяйствам, дали повод говорить о зарождении в Византии служилого землевладения феодального типа[46].

Т. Колиас обратил внимание на ряд моментов, ставящих, как он считает, под сомнение принадлежность новеллы Никифору Фоке. Во-первых, вводная часть новеллы, где говорится, что в принципе не запрещается продажа собственности логически противоречит содержанию обоих параграфов, согласно которым устанавливается принцип неотчуждаемости части владения стратиота и регламентируются условия возврата проданных стратиотами участков[47]. Во-вторых, последующие новеллы о стратиотском землевладении не упоминают об участках 12 литр[48]. В-третьих, не понятны сами причины, побудившие императора увеличить стратиотский надел до таких невероятных размеров[49] (исследователь посвятил специальную главу рассмотрению экономического положения Византии в годы правления Никифора, приходя к выводу, что это увеличение не могло быть вызвано ростом цен)[50]. Историк выдвигает три гипотезы, объясняющие возникновение противоречия: 1) новелла XXII – это позднейшая фальсификация, 2) это часть другой новеллы (возможно, Романа I), по ошибке попавшая в текст новеллы Никифора, 3) это новелла издана не Никифором Фокой, а столетием позже Никифором Вотаниатом[51].

Предположения Т. Колиаса не бесспорны. Можно выдвинуть много других гипотез, с большей или меньшей убедительностью разрешающих отмеченные выше противоречия. Более конструктивным представляется поиск решения в тесной связи с другими мероприятиями внутренней политики Никифора Фоки, уделявшего в отличие от Вотаниата большое внимание стратиотскому землевладению[52].

Из дошедших до нас шести новелл Никифора Фоки еще две (помимо упомянутой новеллы XXII) касаются стратиотского землевладения: новелла XVIII "Об армянских стратиотах" и новелла XX "О предпочтении, оказываемом беднякам перед динатами при покупке земель, ранее проданных динатам".

Согласно новелле XVIII, если стратиот-армянин, вернувшись после 3-летнего отсутствия, находит свой участок отданным лицу из военного сословия (εἴτε τισὶ στρατιώταις... ἢ καί ἄρχουσι θεματικοῖς καὶ ταγματικοῖς εἴτε στρατιγοῖς...), он не может требовать его назад, но ему должны выделить землю в другом месте. Если же его участок находится у частного лица, церковника или дината (...εἴτε τᾷ

[46] Согласно современным подсчетам надел простого конного стратиота стоимостью 4 литры соответствовал примерно 25 га земли (см.: *Treadgold W.* The Byzantine State Finances... P. 62–64; *Idem.* The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire // *Mango C., Pritsak O.* Okeanos. Essays presented to Ihor Sevčenko on his Sixtieth Birthday (Harvard Ukrainian Studies 7). 1983. P. 624; *Lilie R.-J.* Die byzantinischen Staatsfinanzen im 8–9. Jahrhundert und die στρατιωτικά κτήματα // BS. 1987. 48. S. 64; *Σβορῶνος N.* Οἰκονομία – Κοινωνία 642–1071 // Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Τ.Ζ'. Ἀθήνα. 1978. Σ. 298.). Размер среднего крестьянского хозяйства оценивается исследователями в 4–6 га (*Treadgold W.* The Byzantine State Finances... P. 55–57; *Lilie R.-J.* Die Byzantinischen Staatsfinanzen... S. 53; *Svoronos N.* Sur Quelques formes de la vie rurale à Byzance. Retite et grande exploitation // Annales ESC. 1956. 11. P. 331–332; *Kaplan M.* L'économie paysanne dans l'Empire Byzantin du Ve–Xe siècle // Klio. 1986. 68. P. 205–207), надел катафракта имел размер порядка 100 га.

[47] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 106–107.

[48] Ibid. Σ. 90. Имеется в виду новелла Мануила Комнина (*Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. München; Berlin, 1924–1965. N 1535).

[49] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 117.

[50] Ibid. Σ. 81–89. Увеличение надела, по мнению историка, могло быть вызвано только соображениями налоговой политики. Связь кливанофоров новеллы XXII с катафрактами "Praecepta Militaria" отрицается, поскольку последние были наемными профессионалами (см. Ibid. Σ. 25).

[51] Ibid. Σ. 105–109. Относительно связи новеллы XXII с новеллой Романа 922 г. действительно имеется ряд гипотез. П. Лемерль (The Agrarian History... P. 85–96) в частности предполагал, что текст новеллы Никифора более огранично вписывается в третий параграф новеллы Романа, Э. Арвейлер (Recherches sur l'administration... P. 16), наоборот, предлагала дополнить Никифору третьим параграфом новеллы Романа.

[52] Сам Т. Колиас (*Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 109) признает факт отсутствия интереса этой Вотаниата к этой проблеме.

...μόνᾷ, εἴτε κουρατωρείας, ἢ καί τινὶ τῶν δυνατῶν), то право на возвращение своей земли воин сохраняет в течение 30 лет. Если стратиот запятнал себя убийством, то и тогда его земля не может быть использована в качестве компенсации наследникам убитого[53].

Новелла XX регулирует процесс выкупа крестьянами земель, проданных когда-то динатам. Упрекая прежних правителей в том, что они не поддерживали крупных состояний, обеспечивающих благоденствие государства, законодатель повелевает не оказывать предпочтения беднякам при выкупе земель у динатов. Фактически операции по купле–продаже земли должны были быть ограничены рамками сословий (καί τοὺς μέν δυνατούς ἐκ δυνατῶν μόνον ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνήσιεις βουλόμεθα, τούς δὲ στρατιώτας καὶ πένητας ἐκ τῶν τήν ὁμοίαν τάξιν λαχόντων αὐτοῖς)[54]. Второй параграф новеллы прекращал иски относительно земель, проданных более 40 лет назад[55]. К этим двум новеллам логически примыкает новелла XXI "О постройках", устанавливающая двойную цену при выкупе участков с возведенными постройками[56]. Все новеллы датируются 967 г.

Тексты новелл подробно анализировались историками аграрных отношений и фем, потому остановимся лишь на нескольких моментах. Во-первых, обращает на себя внимание разделение военных и динатов в новелле об армянских стратиотах. По-видимому, следует предположить, что к динатам не относились стратиоты и архонты фем, а следовательно, динаты – лица гражданские. Новелла XX, как мы видели,также выделяет сословия (τάξεις) динатов, стратиотов и бедняков. И если отмена принципа предпочтения касается только бедняков, то как регламентируется выкуп земли стратиотами. Логично увидеть это в первом параграфе новеллы XXII, где говорится, что, если воин требует участок сверх установленной меры (4 литры), он имеет право на преимущество при его покупке, если у воина при этом собственность не достигает 4 литр, он получает требуемый участок безвозмездно[57]. То же самое касается стратий кливанофоров, о чем идет речь во втором параграфе, с той лишь разницей, что для них размеры участка установлены в 12 литр. Как видим, для стратиотов преимущество при выкупе земли сохранялось.

Нам представляется, что во втором параграфе действительно идет речь о новой стратии (обратим внимание на начало обоих параграфов: μέχρι μὲν τοῦ νῦν ἐπὶ τοῖς διαπωλήσασι στρατιώταις – в первом и ἀπὸ δὲ τοῦ νῦν ἐπεὶ τὰ τῶν κλιβανοφορων καὶ ἐπιλωρικοφόρων κίνησιν ἔλαβε – во втором)[58]. Согласно началу первого параграфа, признается факт продаж стратиотских участков до 967 г., тогда как во втором идет речь об общих принципах продаж начиная с 967 г. При этом новелла давала кливанофорам возможность увеличить свой надел до необходимых 12 литр за счет земель, проданных ранее. Факт нового установления ранее существовавшей стратии в 4 литры (τεσσάρων λιτρῶν ἀκίνητον περιουσίαν εὐπρόσοδον ἀφοριζεσθαι) может быть объяснен тем, что прежние установления не привели к желаемым результатам, а наоборот, процесс оскудения стратиотского землевладения продолжал набирать силу.

Подмеченное Т. Колиасом несоответствие между введением к новелле и ее основным содержанием (τοῦτο δυσχερὲς εἶναι δοκεῖ τὸ μὴ ἔχειν ἐξουσίαν τινὰ ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῷ τοπίων ἀλλαχοῦ διαπιπράσκειν) действительно создает проблему. Новелла, разрешая стратиотам продавать ту часть собственности, которая не входила в состав его 'ακίνητης περιουσίας, но одновременно давая им право получать проданное назад, затрудняла саму эту продажу (ибо кто же согласиться ку-

[53] JGR. 290–291.

[54] Ibid. 298.

[55] Ibid. Этот принцип был введен новеллой Константина VII 947 г.

[56] Ibid. 299.

[57] JGR. 300.

[58] Ibid.

пить то, что потом внезапно придется отдать и, может быть, безвозмездно). Не исключено, однако, что император стремился именно воспрепятствовать распылению земельной собственности стратиотов, формально не посягая на их права распоряжаться своим имуществом. Это лишний раз подтверждает заинтересованность Никифора в сохранении стратиотской общины.

Подтверждение существованию стратий тяжелых кавалеристов мы находим также у Зонары, сообщающем, что в правление Никифора чиновниками налогового ведомства повсеместно была произведена новая перепись стратиотских каталогов. При этом тех, кто ранее не нес повинности, записали в моряков, прежних моряков – в пехотинцев, пехотинцев – в кавалеристов, а последних – в катафрактов[59]. Это свидетельство дало многим исследователям основание говорить о том, что Никифор дал резкий толчок "фискализации" стратий, вылившейся в XI в. в замену личной воинской повинности уплатой соответствующего налога[60]. Основываясь на этом замечании, Т. Колиас отрицает всякую связь катафрактов у Зонары с кливанофорами в новелле XXII, которая имеет дело с реальной стратией. Сообщение Зонары следует трактовать как повышение налога[61].

Действительно, трудно представить себе, что моряки вдруг стали пехотинцами, а последние научились ездить на лошади и приобрели соответствующее вооружение. Безусловно, новая перепись была произведена прежде всего с целью повышения налогов. И между тем, мы не имеем установленного факта параллельного существования в Византии в середине X в. "фискальных" и "боевых" стратий. Стратия была одна, только ее владелец обязан был либо сам выставлять воина[62], либо внести в казну средства, на которые, условно говоря, она могла нанять воина сама[63]. В случае с переходом стратии в более высокий разряд взнос ее держателя на содержание более "дорогого" воина соответственно возрастал. Однако нельзя исключить и того, что вновь переписанные стратиоты могли служить в войске именно в своем новом качестве (например, пехотинцы-моряки или кавалеристы). Во всяком случае целый ряд свидетельств источников подтверждает использование Никифором большого числа новобранцев из фемных стратиотов: 1) Никифор вынужден был много времени посвящать обучению набранных воинов как перед выступлением в поход, так и прямо в походе[64]; 2) войско императора после похода распускалось по домам[65]; 3) воины в походе занимались обменом военного имущества на предметы домашнего обихода[66] ; 4) сообщение Лиутпранда о том, что Никифор при подготовке похода 968 г. больше заботился о количестве, нежели о качестве воинов, при всем нерасположении автора к императору все-таки свидетельствует против гипотезы о преобладании в армии Никифора профессионалов[67].

В случае с Зонарой можно также предположить, что при перезаписи в каталоге регистрировалось больше имущества (т.е. в стратии кавалеристов записывались не просто прежние пехотинцы, а пехотинцы, имевшие 4 литры имущества). Это допущение прямо выводит нас на проблему формирования стратий катафрактов, а именно: за счет чего происходило увеличение ἀκινητης πεπριουσίας с 4 до 12 литр.

Одним из путем формирования стратии 12 литр могла быть, как уже говорилось, запись в каталог еще 8 литр имеющейся у стратиота собственности. В катафракты могли быть записаны, например, офицеры фемного войска, о состоятельности которых можно судить по новелле VIII Константина VII. Новелла утверждает систему штрафов, налагаемых на фемных архонтов, использующих в своем хозяйстве рядовых стратиотов. Для стратига этот штраф составлял 72 номисмы, для турмарха – 36, друнгврия – 24, комита – 12 номисм[68]. Надо полагать, такой штраф мог быть реально уплачен и вряд ли грозил стратиоту полным разорением или неспособностью приобрести вооружение для похода. Расходы архонтов ранга сотника или комита на экипировку можно оценить не менее, чем в 20–24 номисмы[69]. Если так, то годовой доход комита может быть оценен не менее, чем в 45 номисм – доход, который мог быть получен с имения стоимостью не менее 12 литр. Феме Анатолик, например, полагалось иметь 20 комитов и 40 сотников[70]. Таким образом, в наиболее крупных фемах в катафракты могло быть записано не менее 50–60 архонтов среднего звена.

Другим путем формирования стратий 12 литр могло быть наделение стратиотов соответствующими земельными участками. Косвенные доказательства этому можно найти в упомянутой выше новелле об армянских стратиотах. На положение новеллы о выделении для стратиота участка в случае, если его собственный попал в руки другого стратиота, обратил внимание Г.Г. Литаврин[71]. Примечателен и еще один момент: трехлетний срок отсутствия воина-армянина. Если новелла действительно касается приграничных с Финикией областей и нацелена на укрепление границ посредством расселения воинов-армян, то трехлетний срок может быть объяснен тем, что эти участки были пожалованы воинам три года назад – в 964–965 гг. Если участки жаловались из земель, захваченных в результате походов Никифора в Киликию, то к 967 г., по-видимому, назрела проблема, потребовавшая издания специального закона[72].

---

[59] *Zonaras I.* Epitome istorian / Ed. Th. Büttner–Wobst. T. 1 // CSNB. Bonnae, 1897. P. 505, 6–506, 10, "...βασιλεύοντος ὑπογραφεῖς στελλόμενοι... ταῖς δρομικαῖς στρατείαις ἐγγράφοντες, τοὺς δὲ πρῴην ταύταις ὑποκειμένους εἰς ταῦς πλευστικὰς μετεγράφοντες, τοὺς δὲ πλωίμους μετατιθέντες εἰς στρατιώτας πεζούς, τοὺς δὲ πρὶν τοιούτους τοῖς ἱππόταις ἐγκαταλέγοντες καὶ τοὺς ἱππότας εἰς καταφράκτους ἀμείβοντες καὶ ἑκάστῳ βαρύτερον στρατιωτικὸν ἐπιτιθέντες λειτούργημα".

[60] Э. Арвейлер датирует почти полную фискализацию стратий уже началом XI в. (Recherches sur l'administration... P. 20), Дж. Хэлдон (Rectuitment... P. 57–60) присоединяется к ее точке зрения. П. Лемерль считал, что этот процесс получил широкое распространение еще в первой половине X в., но завершился в начале XII в. (*Lemerle P.* Prolégomènes à une édition critique et commentée des "Conceils et Récits" de Kékaumènos. Bruxelles, 1960. P. 86–87. Литаврин Г.Г. (Византийское общество... С. 252) полагал, что фемное войско продолжало играть заметную роль и при Комнинах.

[61] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 74.

[62] Исследование Дж. Хэлдона (Recruitment... P. 526) показывает, что в середине X в. еще не сложилась даже практика заместительства, т.е. когда владелец стратии нес службу не сам, а нанимал заместителя. Однако обязанность поставлять катафрактов, по мнению историка, во многом способствовала развитию заместительства.

[63] В Византии X в. известны случаи выкупа воинской повинности. Роман II, например, разрешил заменить повинность для фемы Пелопоннес выплатой кентинария золота и поставкой 1 тысячи коней (см.: DAI. 51; цит. по: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Изд., пер. и коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1991. С. 244). "Книга церемоний" упоминает о факте выплаты стратиотами фемы Фракисиев 4 номием за неучастие в походе 949 г. (этот и еще несколько фактов, относящихся к IX в. приводит Н. Икономидис, см.: *Oikonomides N.* Middle Byzantine Provincial Recruits. Salary and Armament: in Gonimos. Buffalo; New York, 1988. P. 127, 135–136). Эти случаи все-таки редки, чтобы можно было говорить о существовании в X в. широкой практики замены реальной повинности выплатой налога.

[64] Diac. I. 4; 1. 9; II. 1; III. 9; Зонара (XVI. 23) сообщает, что Никифор, собрав войско, "обращает серпы в мечи, плуги в копья".

[65] Так было после похода 962 г. (Diac. II. 9), после похода 964 г. (Diac. III. 10), именно то, что воины зиму проводили дома, не позволило Никифору захватить престол весной 963 г. (Diac. II. 11).

[66] De castrametatione. XVIII. 13–25.

[67] Лиутпранд дает следующее описание войска Никифора (Relatio de legatione... XLIV. 6–12): «...non homines, sed hominibus similes, quibus lingua tantum proxat, sed, "frigida bello dextera"».

[68] JGR. 286. Факты использования архонтами рядовых стратиотов в хозяйстве подмечает также "Тактика Льва" (см.: *Кучма В.В.* Командный состав...).

[69] Расходы на покупку коня и панциря уже составили бы 20–24 номисм. Панцирь, согласно требованиям "Стратегикона Маврикия" (I, 1), должны были иметь все офицеры до пентекостера (*Dennis G.T.* Das Strategikon des Maurikios (CFHB 17). Wien, 1981.

[70] *Кулаковский Ю.* Друнг и друнгарий // ВВ. 1902. Т. IX. С. 23. В число средних архонтов можно включить также пентекостеров (в феме Анатолик соответственно 80).

[71] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество... С. 245–246.

[72] Армяне считались хорошими воинами, необходимость их привлечения на службу в армию обосновывается уже во вводной части "Praeceрta Militaria" (I. 1–3). При Никифоре этот процесс принял, по-видимому, массовый характер. О расселении им армян на Крите после отвоевания острова у арабов сообщает Лев Диакон (II. 8). Большой отряд армян находился в Константинополе (Diac. IV. 7; Scyl.-Cedr. 370). Не исключено, что земли воинам-армянам жаловались не только в отвоеванных областях, но и внутри империи.

строительство сделало заметные успехи, более последовательно, чем его предшественники, принимал меры к превращению курий в элемент административно-финансовой системы.

Императоры V в. развивали сложившееся направление в финансовой политике. В течение первой половины V в. был запрещен уход из курий на провинциальные и некоторые придворные должности[17], на церковные посты среднего уровня (C. Th. 12. 1. 172), а также при получении сенаторского достоинства[18]. В то же время привилегированная верхушка курий (principales) начинала опускаться в глазах власти до уровня остальных декурионов, несших ответственность за выполнение обязанностей перед государством[19]. Социальное поведение куриалов определяется особыми распоряжениями императора. Стремление сделать курию безликим коллективным исполнителем его воли понятно; оно подтверждается и мероприятиями правительств V в. по поддержанию численного состава и имущественного состояния куриалов. После частичных послаблений, имевших место в правление Льва I[20] (видимо, по сиюминутным политическим соображениям), прежняя тенденция в политике императорской власти в отношении городских общин возобновилась[21]. В течение V в. императоры сумели в значительной мере преодолеть общественный взгляд на курию как на автономную область позднеантичного государства. Курия и практически, и теоретически оформилась в качестве звена централизованной финансовой системы. Однако вместе с тем возросла проблема иного свойства – необходимость сохранить курию "физически", поскольку имперская фискальная политика вела к экономическому ослаблению городов. Осознание опасности данной проблемы и попытки избежать ее пришлись на время правления Анастасия I.

Как известно, Анастасий I уделял значительное внимание благоустройству и укреплению городов. Параллельно с этим он потребовал замещать курии иными структурами, способными выполнять те же функции в системе налогообложения[22]. Анастасий стал повышать значение высших муниципальных институтов, начав с defensor civitatis[23]. В отдельных городах император организовал хлебное снабжение при участии государственных чиновников и церкви[24]. В целом, политика Анастасия I в отношении курий проводилась в рамках означенного направления на полное политическое и экономическое подчинение их государству, и в конце V–начале VI в. городские советы юридически лишались ряда важных позиций в экономической и общественной сферах городской жизни. Наконец, Анастасий еще более ограничил возможность покидать курии. Он изменил конституцию императора Зенона в отношении высших дигнитариев – бывших куриалов в сторону ужесточения: "...чтобы они (т.е. эти высшие государственные чиновники. – *В.С.*) не избегали сетей куриальных обязанностей из-за этого (т.е. высокой должности. – *В.С.*), но обязаны вместе со своими сыновьями... и со своим имуществом после отправления должностей служить благосостоянию курий" (CJ. 10. 32. 66). Вскоре была опубликована еще одна конституция, посвященная куриалам, которые стремились покидать курии: "...мы предписываем, чтобы они принуждались признавать свой природный статус... куриалы и их сыновья должны возвращаться на свои родины" (CJ. 7. 39. 5). Тон обоих постановлений жесток, а текст не содержит упоминаний о льготах или исключениях для куриалов. Таким образом, мероприятия Анастасия I в отношении курий в первое десятилетие его правления представляли собой завершающий этап в развитии тенденций, которые присутствовали в политике ранневизантийских правительств в данной сфере. Но на рубеже V и VI вв. правительство Анастасия учло и назревшую потребность курий в более серьезном и постоянном внимании к их экономическому положению со стороны государства. Две разные по сути своей задачи – укрепить курию и удержать ее в качестве удобного средства финансовой политики на местах – получили, казалось, универсальное разрешение: создание всеобъемлющего, в первую очередь финансового, контроля над городской общиной со стороны императора. Предстояло внедрить новые административные формы. По-видимому, выработка новой стратегии по отношению к куриям соответствует общему колориту анастасиевой эпохи как периода начала имперской унификации VI в. Анастасий стремился к рационализации административно-финансовой системы в целом[25] и каждого отдельного ее звена. В этом смысле и необходимо рассматривать введение института виндиков, которое можно считать и продолжением куриальной политики, и мероприятием в сфере налогообложения.

Литература об институте виндиков достаточно обширна[26], однако специальных исследований немного[27]. Единая историографическая версия о виндиках еще не сложилась[28], что затрудняет решение вопроса о финансовой политике византийского правительства в VI в.

Согласно данным источников, император Анастасий отстранил городские советы от участия в налогообложении и сборе налогов (Ioann. Lyd. De mag. III. 49; Evagr. HE. III. 42). Известно также, что виндики "обращались с городами как с врагами" (Ioann. Lyd. De mag. III. 49) и что "доходы курий расстроились" (Evagr. III. 42). За свое назначение виндики платили своеобразный суффрагий (Ioann. Lyd. De mag. III. 49; Ioann. Ant., fr. 215), их деятельность принесла, напротив, облегчение "земледельцам" городской округи (Priscian. Paneg. 194). Данные скудны, однако они вполне вписываются в созданную на базе законодательных источников и анализа взаимоотношений государства и курий картину финансовой и административной политики Анастасия I.

---

[17] C. Th. 12. 1. 168; 12. 1. 172; 12. 1. 175; 12. 1. 177; 12. 1. 184; 12. 1. 188; CJ. 1. 5. 7; Nov. Theod. 7. 2. 1.

[18] C. Th. 12. 1. 175; 12. 1. 180–183; 12. 1. 187; 12. 1. 189.

[19] CJ. 1. 3. 21; Nov. Theod. 15. 1. 2; 15. 2. 2–3.

[20] Например, CJ. 1. 3. 27; 10. 32. 63.

[21] Для периода правления Зенона: CJ. 1. 3. 27; 10. 32. 64; 10. 34. 3.

[22] См.: *Серов В.В.* Указ. соч. С. 42–52.

[23] С момента своего появления дефенсор противопоставлялся скорее массе куриалов, чем местной некуриальной знати. В 505 г. утвердился новый порядок избрания дефенсора, повысивший его роль и одновременно заинтересованность в положительном решении дел горожан-собственников (CJ. 1. 4. 19). К.И. Новицкая считала, что "Анастасий восстановил порядок замещения должности defensor, существовавшей при Гонории и Феодосии" (*Новицкая К.И.* Defensor civitatis // ВДИ. 1965. № 2. С. 119–120), и функции этого администратора расширились и изменились. Г.Л. Курбатов тоже полагает, что при Анастасии дефенсоры общин еще более оттеснили куриалов от общественных дел городов (*Курбатов Г.Л.* Основные проблемы... С. 197). Очевидно, что конституцию 505 г. можно трактовать по-разному в отношении куриалов, поэтому не исключена возможность того, что институт дефенсора стал дополнительным звеном между государством и городами и служил целям их укрепления.

[24] В этом тоже можно видеть двоякий эффект. С одной стороны, куриалы потеряли преимущество в важнейшей сфере жизнедеятельности города, а с другой, государство обеспечивало город, который уже не мог это делать на средства собственных куриалов (CJ. 1. 4. 17: ситоны стали избираться из числа местных чиновников епископом и поссессорами-приматами). См.: *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы... С. 196–197; *Сюзюмов М.Я.* Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в. // История Византии. М., 1967. Т. I. С. 211.

[25] *Capizzi C.* L'imperatore Anastasio I (491–518). Roma, 1969. P. 137–153.

[26] См. примеч. 9.

[27] *Ensslin W.* Vindex // PWRE. Bd. IX. Stuttgart, 1961. Sp. 25–27; *Chauvot A.* Op. cit.

[28] Точка зрения, связывавшая появление vindices с попыткой возродить систему откупа налогов, а также с необходимостью полной замены курий государственными структурами (*Левченко М.В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VII вв. // Византийский сборник. М.–Л., 1945. С. 196; *Сюзюмов М.Я.* Указ. соч.) в настоящее время пересматривается (*Chauvot A.* Op. cit. P. 274). Но разнообразие научных мнений о природе института виндиков будет преодолено не скоро (см. историографию советского периода изучения курий: *Лебедева Г.Е.* Указ. соч. С. 145–147). В дополнение к уже указанным работам см. также: *Пигулевская Н.В.* Месопотамия на рубеже V–VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический памятник // Труды института востоковедения. 1940. Т. 31. С. 54; *Панченко Б.А.* О тайной истории Прокопия // ВВ. 1986. Т. III. С. 521; *Bury J.B.* History of the Later Roman Empire. L., 1923. Vol. II. P. 442–443; *Johnson A.Ch., West L.C.* Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton, 1949. P. 324; *Jones A.H.M.* Op.cit. Vol. I. P. 236. Наиболее приемлемой кажется точка зрения Г.Л. Курбатова (Основные проблемы... С. 196–197), согласно которой учреждение виндиков было одной из реформ Анастасия, заменившей неспособные к выполнению своих обязанностей курии.

Между тем есть свидетельство о "бессмертных" Цимисхия, на основании которого можно было бы говорить о преемственности военной политики Никифора. Этот отряд, набранный императором сразу послу вступления на престол, сыграл, судя по описанию Льва Диакона, решающую роль в боях под Преславой и Доростолом[89]. Эти "сплошь одетые в железо" всадники были вооружены очень длинными копьями[90], а их действия в сражении под Преславой очень напоминают сценарий, описанный в "Praecepta Militaria"[91]. Если предположить, что катафракты к концу его правления действительно стали решающей силой в бою, то нетрудно представить, к каким последствиям привело бы дальнейшее усиление их роли[92].

Появление катафрактов, имевших значительные земельные владения, по сути открывало путь к формированию нового слоя военных людей, ибо разница между ними и остальными стратиотами была весьма ощутимой. В самом деле, стоит согласиться с мнением исследователей о том, что катафракты фактически составили бы слой мелкой и средней служилой знати, феодального типа. Открывалась перспектива преобразования социальной базы византийской армии, ускорения процесса вымывания из военного дела малопрофессиональных фемных стратиотов, превращения византийской армии в феодальное ополчение.

Но это, впрочем, только перспектива. Мы же видели, что Никифор пытался сохранить стратиотское землевладение в том виде, в каком оно сложилось при императорах Македонской династии[93]. Если в отношении крестьянского землевладения в действиях императора можно усмотреть поворот в сторону интересов динатов, то в отношении военного землевладения курс был прежним[94]. Стратиоты рассматривались как замкнутое сословие, интересы которого свято охранялись императором. Первый параграф упомянутой нами новеллы XXII предписывает динатам вернуть земли продавшим их стратиотам, причем бесплатно, если размеры их собственности не достигают установленной законом ακίνητης περιουσίας.

Однако военное сословие было неоднородным по составу. В X в. социальное расслоение в среде стратиотов становится особенно интенсивным. Вспомним новеллу Константина VII о штрафах, налагаемых на фемных архонтов за привлечение рядовых стратиотов к работам в собственном хозяйстве. И если законодательство Никифор пытался воспрепятствовать развитию этого процесса, то другие мероприятиями его ускоряли. Во-первых, общее возрастание военных тягот приводило к тому, что немногие были способны нести их бремя. Во-вторых, император, по-видимому, действительно дал толчок фискализации стратий и переходу части стратиотов на положение простых налогоплательщиков.

Именно в неоднородности военного сословия следует искать объяснение противоречивой политики Фоки в отношении стратиотского землевладения, ибо предпринятые им меры по его укреплению пошли вразрез с интересами фемной аристократии – главной социальной опорой императора. Пытаясь сохранить в целости владения средней военной знати – владельцев участков 12 литр, он также препятствовал обогащению фемной верхушки за счет покупки земли у менее обеспеченных стратиотов. Не исключено, что заложенные в законодательных актах Никифора противоречия вскоре выявились на практике, вызвав недовольство части военной знати. В этой связи представляется очень интересной мысль Т. Колиаса о том, что политика Никифора фактически оказалась направлена на ограничение могущества динатов. Последнее, возможно, и ускорило его падение[95]. Остается фактом: многочисленные сторонники Никифора не оказали организованного сопротивления перевороту Цимисхия[96]. Серьезные мятежи вспыхнули только в середине правления Цимисхия и особенно при Василии II. В этих условиях трудно говорить о преемственности социальной политики Никифора.

Мы не будем останавливаться на том, почему большинство указов Никифора было отменено[97]. Концепция борьбы за власть между чиновно-бюрократической знатью и военной аристократией, пожалуй, лучше всего объясняет эти процессы[98]. Никифор безусловно серьезно ущемил интересы чиновников, синклита, церкви. Он пытался подчинить себе церковных иерархов, присвоил себе право рукоположения епископов, передал практически все должности в государстве своим родственникам. Ограничимся лишь замечанием, что при этом внутренняя политика Никифора прежде всего была подчинена реализации его военных замыслов. Многие его мероприятия, за исключением заботы о военном сословии, не отличались ни дальновидностью, ни последовательностью, часто диктовались текущими задачами и не имели строгой социальной направленности[99].

Итак, если внутренняя политика Никифора не обрела преемственности, можно ли говорить о преемственности его военной политики, можно ли говорить о том, что последующие императоры укрепили положение катафрактов, сыгравших решающую роль в военных победах второй половины X в. Источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Напомним, что единственное свидетельство о тяжелой кавалерии "бессмертных" в армии Цимисхия мы находим у Льва Диакона. Однако этот факт не подтверждают ни Скилица, ни Зонара. Трактат "De castram-

[89] Diac. VIII. 4; 9.
[90] Diac. IX. 1.
[91] Diac. VIII. 4.
[92] Лев Диакон – единственный из историков, сообщающий о "бессмертных". Причем это сообщение касается только похода против Святослава. У Скилицы мы находим сообщение о численности войска Цимисхия в 9 тысяч воинов, из них кавалеристов – всего 4 тысячи (Scyl.-Cedr. 287–288). Бессмертные действительно занимали в этом войске самое важное место.
[93] В историографии господствуют две диаметрально противоположные точки зрения на земельную политику Фоки. Большинство зарубежных исследователей, начиная с Г. Шлюмберже: (см.: *Schlumberger G.* Un empereur... P. 394–396), рассматривают политику Никифора в отношении и крестьянского, и стратиотского землевладения как логическое продолжение курса Македонских императоров. Считаем, что в отношении стратиотского землевладения такой взгляд справедлив, однако заметим, что меры Никифора диктовались не только потребностями налогового ведомства, как считают Э. Арвейлер и Дж. Хэлдон, но в значительной степени необходимостью в сохранении стратиотской повинности как таковой. Уже В.Г. Васильевский (Материалы... С. 306 и сл.) в свое время подметил, что интересы динатов были для Никифора более близкими, чем для его предшественников. Впоследствии благодаря Г. Острогорскому (см. главным образом: *Ostrogorsky G.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerite byzantine. Bruxelles, 1956) и А.П. Каждану (Деревня и город...) в историографии распространилась трактовка Никифора как выразителя интересов провинциальной военной аристократии и в данном случае динатов. В этой связи считалось, что его политика была нацелена на ослабление крестьянской и стратиотской общины.
[94] В отношении крестьянского землевладения политику Никифора также нельзя трактовать однозначно. Интересам динатов соответствовали отмена принципа предпочтения и принципа 40-летней давности. Законодательство Никифора не облегчало, а скорее затрудняло дальнейшее приобретение крестьянских земель, хотя на практике ограничение операций купли-продажи земли рамками сословий не препятствовало развитию социальной дифференциации внутри крестьянской общины и появлению в ней новых динатов.
[95] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 108.
[96] См., например: Diac. VI. 1–2.
[97] Уже Цимисхий в самом начале своего правления сделал серьезные уступки чиновникам и синклиту, а также отменил томос Никифора о рукоположении епископов (Scyl.-Cedr. 380; о томосе см.: *Χριστοφιλοπούλου Αι.* Τόμος–νόμος Νικηφόρου Φωκά γιά τήν εκλογή αρχιερέων // BYZANTINA. 1985. 13 (1). Σ. 171–176; М.Я. Сюзюмов, примеч. к "Истории" Льва Диакона. С. 195). В 988 г. Василием II была отменена новелла 964 г. о монастырях (JGR. 303–304), а в 996 г. – положение Никифора о 40-летней давности (JGR. 307–308). Против динатов был также направлен закон об аллиленгии (Scyl.-Cedr. 456).
[98] См., например: *Литаврин Г.Г.* Внутренняя и внешняя политика Византии...; *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire se la feodalité byzantine (Corpus Beuxellense Historiae Byzantinae, Subsidia 1). Bruxelles, 1954; *Idem.* Observation on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 1971. Vol. 25; подробно и аргументированно эта концепция излагается А.П. Кажданом (Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; см. также примеч. 3.
[99] Понимание политики Никифора как решения постоянно возникающих проблем текущего момента просматривается, например, у Д. Закитиноса (*Ζακυθηνός Δ.Α.* Βυζαντινή Ιστορία 324–1071. Αθήνα, 1977. Σ. 446).

etatione", повествующий о реалиях балканских войн Василия II, наводит на вывод о том, что в этих войнах сражалось фемное войско. Сообщения же историков и хронистов показывают возрастание роли иностранных наемников в армии Василия II и последующих императоров.

Войско Никифора и Цимисхия состояло преимущественно из ромеев, свидетельства об участии иноэтнических контингентов редки и относятся в основном к армянам и ивирам. В армии Василия, напротив, начиная с 988 г. большую роль играет "варяжская дружина"[100]. О значении этого отряда можно судить не только по упоминаниям о его участии практически во всех походах Василия II, но, например, по доле военной добычи, которая отдавалась воинам варягам. Так после болгарского похода 1016 г. варяги получили треть добычи, другая треть была отдана ромеям[101], в 1019 г. варяги сыграли главную роль в победе над норманнами Южной Италии[102]. В 20-е годы численность варяжского отряда увеличилась[103]. Варяжский отряд Гаральда обеспечил разгром восстания Петра Деляна в Болгарии в 1041 г. В это же время норманнский отряд Готвилей становится ядром византийских войск на Сицилии[104].

Не исключено, что Василий сознательно усилил роль иноземцев, не испытывая доверия к фемным войскам – оплоту мятежей провинциальной знати последней трети X в. Это в принципе соответствовало и внутренней политике Василия, направленной на всемерное снижение политического веса фемной знати. Такая политика несомненно нанесла удар и по катафрактам Никифора, которые должны быть принять участие в выступлениях Варды Фоки и Варды Склира против Василия II (пример Михаила Вурцы – тому доказательство). Так или иначе, дальнейшее молчание источников относительно катафрактов неслучайно. И между тем, Э. МакГир не совсем прав, утверждая, что сведения о катафрактах полностью исчезают из источников после Цимисхия[105].

В действительности для середины XI в. мы имеем два сообщения Михаила Пселла о катафрактах, участвовавших в триумфе Константина IX после победы над мятежом Георгия Маниака[106], и о катафрактах в войске мятежника льва Торника в 1047 г.[107] В последнем случае катафракты явно ассоциируются с представителями македонской военной знати – участниками мятежа, а не с фемными стратиотами. Сопоставление этого сообщения с предыдущим наводит на мысль, что и в первом случае мы имеем дело скорее с теми же людьми (мятеж Маниака происходил в районе Фессалоник, и войско для борьбы с ним набиралось в Македонии)[108].

Таким образом, термин κατάφρακτος у Пселла имеет конкретный социальный смысл. Вопрос, насколько правомерно связывать катафрактов Пселла с катафрактами Никифора или видеть первых как результат эволюции вторых, нельзя пока решить однозначно[109]. Отсутствие промежуточных сообщений источников о катафрактах, политика Василия II против фемной знати и тот факт, что катафракты Никифора комплектовались в Восточных фемах[110], позволяют говорить скорее о зарождении новой традиции, чем о прямом континуитете. Но это – вопрос специального исследования. Заметим только, что история семей Вурц и Врахамиев дает основание предполагать, что части катафрактов удалось закрепить положение, достигнутое во время правления Фоки и Цимисхия и сохранять его в XI в.

Что касается военных реформ Никифора, то нам представляется: 1. В правление Никифора мы видим попытки прежде всего военных реформ, имевших целью усиление роли тяжелой кавалерии и обеспечение ее экономической базы. В условиях кризиса фемного строя появление в армии подразделений катафрактов во взаимодействии с другими родами войск (как это показано в "Praecepta Militaria"), действительно могло способствовать преодолению этого кризиса. 2. Радикального преобразования социальной базы византийской армии в результате появления катафрактов не произошло. Объективно меры Никифора в самом деле могли привести к превращению стратиотского ополчения в ополчение рыцарского типа. Как было показано, политика Никифора в отношении стратиотского землевладения была направлена на сохранение военного сословия в прежнем виде, хотя и не препятствовала развитию процесса имущественного расслоения стратиотов. Так или иначе, катафракты X в. в социальном плане находились еще в рамках стратиотского сословия; в плане военном они представляли собой тактическое подразделение, выполнявшее строго определенные боевые задачи. Все это не дает оснований отождествлять катафрактов с рыцарями и говорить о феодальном характере "катафрактного" войска периода Никифора Фоки.

Таким образом, несмотря на то что сам факт реформ Никифора имел место, нет причин придавать революционный характер их военным и особенно социальным последствиям. Причины неудач начинаний императора-полководца следует искать скорее в сохранении сильной центральной власти и мощного бюрократического аппарата, обусловивших консерватизм военной организации империи. Этот консерватизм в конечном итоге не позволил ей преодолеть нараставший в XI и в XII вв. кризис вооруженных сил и предотвратить катастрофу 1204 г.

---

[100] О варяжской дружине см.: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII вв. // *Васильевский В.Г.* Труды СПб., 1908. Т. 1; *Benedikz B.S.* The Evolution of Varangian Regiment in the Byzantine Army // BZ. 1969. 62; *Blondal S.* The Varangians of Byzantium. Cambridge, 1978.

[101] Scyl.-Cedr. 465.

[102] См.: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 205.

[103] Там же. С. 217. Первоначальная численность варяжского отряда составляла 6000 чел. При Василии варягам была поручена охрана дворца.

[104] *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 298–303.

[105] *McGeer E.* Op. cit. P. 239.

[106] *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077). Texte Etabli et Trad. par E. Renauld. T. I–II. P., 1926–1928. VI. 87.

[107] Ibid. VI. 107.

[108] По свидетельству Пселла, те из мятежников, кто был "рангом повыше", и коней своих покрывали доспехами.

[109] Н. Скабаланович, например (*Скабаланович Н.* Византийское государство, церковь в XI в., СПб., 1884. С. 309), проводит прямую связь между воинами Торника и стратиотами с наделом в 12 литр.

[110] Мятежи Фок и Склиров подавлялись с помощью Западных фем. Иосиф Вринга в борьбе с самим Никифором, поднявшим мятеж в 963 г., также обратился к стратигам Западных фем.Э. МакГир тоже связывал катафрактов Никифора исключительно с военными действиями на Востоке (Op. cit. P. 239).

В.В. Серов

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ КУРИЙ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

При всем многообразии работ о куриях в ранней Византии проблематика, затрагиваемая в них, остается традиционной: объектами исследования становились обычно проблемы упадка позднеантичного города[1], а также политика ранневизантийского императорского правительства в отношении городских общин[2]. Признавая в качестве условия динамического развития куриальной тематики не появление новых исследовательских направлений, а увеличение количества конкретных вопросов в рамках уже сложившейся проблематики, мы намерены обратиться к финансовому аспекту императорской политики в отношении курий, который не был до сих пор предметом специального изучения. Некоторым исключением, пожалуй, можно считать работу В. Либешуца[3], в которой сделана попытка приблизить изучение малоисследованных финансов ранней Византии к хорошо разработанной в научном плане теме египетской финансовой администрации того же периода. Бóльшая часть статьи В. Либешуца посвящена анализу модели административного устройства позднеримских городов Египта, созданной в работах Ж. Гаску. Автор еще раз отметил факты постепенного обеднения горожан в Римской империи начиная с "классического периода"[4] и установления прямого контроля императорской власти над доходами городов в целях достижения "стабильности и предсказуемости"[5]. Среди важных выводов В. Либешуца необходимо отметить указание на то, что имперское законодательство разделяло государственные и городские финансы[6], а также на строгую определенность расходных статей городских финансов[7].

Итак, в современной историографии финансовой политики ранневизантийского государства в отношении городов господствует мнение о постепенном росте финансовой зависимости городов от центральной власти[8]. Этапы же данного длительного процесса и его промежуточные формы остаются за пределами специального научного интереса[9]. Поэтому немаловажной задачей представляется возможно более полное исследование эволюции курии в финансовой системе ранней Византии. Настоящая статья является опытом подобного рода.

На изменение роли курии в финансовой системе Византийской империи в IV–V вв. оказывали влияние два обстоятельства. Во-первых, имевшие долгую традицию общественные идеологические штампы относительно городов как опоры государства (res publica) и адресуемое императору требование проявлять эвергетизм применительно к городским общинам[10]. Во-вторых, осознание императорским правительством публично-правового положения городов как определенной ячейки общества и государства с определенными же обязанностями для "publica utilitas" (в данном случае "государственной" пользы). Первое, будучи наследием римской культуры, оставалось очень устойчивым, но все же лишь абстрактным понятием. Второе было частью реальности и должно было с неизбежностью учитывать все изменения, которые происходили и в политическом положении самих городов, и в политике императорской власти. Последовательно подчиняя традицию, эта новая реальность одерживала верх над прежним, "классическим" положением городских общин. Этот процесс прослеживается, в частности, в финансовой политике императоров IV–V вв. в отношении курий.

В свое время император Юлиан прославился как благодетель курий, испытавших на себе фискальную политику Константина I и Констанции II[11]. Однако внимательный анализ внутренней политики Юлиана позволяет говорить об устойчивом стремлении императора видеть в publicus не "общественный" или "городской" институт, а "государственный" по преимуществу. При всем желании Юлиана облегчить существование ряда курий[12], он видел в них прежде всего государственную структуру с конкретными обязанностями[13]. Фактически Юлиан боролся с курией как античным институтом, и потому соответствующие его законы попали в Кодексы.

Уверенные шаги по пути подчинения курий финансовым интересам императорской власти предпринял Феодосий I. Несмотря на ряд льгот для части декурионов[14], он в конечном счете ограничил возможности оставлять куриальные обязанности[15] и обеспечил условия количественной стабильности курий с их многочисленными административными функциями (C. Th. 12. 1. 96). В целом отношение к куриям в конце IV в. ужесточилось[16], что ознаменовало переход к новому этапу их взаимоотношений с государственной властью. Феодосий I, при котором государственное

[1] *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Vol. II. P. 210 sqq.; *Ganghoffer R.* L'evolution des institutions municipals en Occident et en Orient au Bas-Empire. Thèse. P., 1963; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. 284–602. Oxford, 1964. Vol. II. P. 758–760; *Claude D.* Die byzantinische Stadt in dem 6. Jahrhundert. München, 1969. S. 181 sq.; *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gessellschaft. Struktur–Gegensätze–Spannungen. München, 1977. S. 170 sqq.; *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971; *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодекса Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 140 слл.

[2] Как правило, говорится о попытках императоров сохранить курии как элемент административной системы. См., например: *Brehier L.* Les institutions de l'Empire byzantin. P., 1970. P. 166; *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы... С. 97 слл.; *Штаерман Е.М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 208–209; *Лебедева Г.Е.* Социальная структура... С. 144; *Козлов А.С.* Основные направления политической оппозиции правительству Византии в первой половине V в. // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 16.

[3] *Liebeschüetz J.H.W.G.* Civic Finance in the Byzantine Period: The Laws and Egypt // BZ. 1966. Bd. 89. H. 2. S. 389–407.

[4] Ibid. S. 392.

[5] Ibid.

[6] Ibid. S. 407.

[7] Ibid. S. 390–391.

[8] Кроме указанных выше работ, см. также: *Chauvot A.* Curiales et paysans en Orien à la fin du V-e et a au debut du VI-e siècle: note sur l'institution du vindex // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Sirie hellénistique et romaine. Strasbourg, 1987. P. 271–281.

[9] Исключение составляет, пожалуй, вопрос о виндиках, подходы к решению которого в историографии предпринимались неоднократно. См., например: *Chauvot A.* Op. cit. P. 271 (см. здесь и библиографию); *Chrysos E.K.* Die angebliche Abschaffung der städtischen Kurien durch Kaiser Anastasios // BYZANTINA. 1971. 3. S. 95–102; *Серов В.В.* Эволюция процедуры сбора налогов в ранней Византии (в конце III–начале VI в.) // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 42–45.

[10] В императорском законодательстве IV–VI вв. термин res publica нередко означал "городской".

[11] Благодеяния Юлиана Отступника отражены в C. Th. 8. 5. 14; 11. 28. 1; 12. 1. 54; 15. 1. 8; Ep. 26(54).

[12] *Курбатов Г.Л.* К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365–366 гг.) // ВДИ. 1965. № 1. С. 152; *Он же.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962. С. 78.

[13] Так, Юлиан требовал от куриалов выполнять все повинности своего сословия: C. Th. 11. 3. 3; 11. 23. 2; 11. 28. 1; 12. 1. 50. 1; 12. 1. 55. Попытки избежать куриальной участи пресекались: C. Th. 6. 26. 1; 6. 27. 2; 8. 5. 15; 12. 1. 52.

[14] Феодосий I позволял некоторым декурионам оставлять курию, повторив указы Валента: C. Th. 5. 33. 2; 6. 35. 12; 12. 1. 82; 12. 1. 121.

[15] C. Th. 1. 15. 12; 7. 2. 1; 8. 2. 3; 12. 1. 81; 12. 1. 83; 12. 1. 108; 12. 1. 120; 12. 1. 125.

[16] Бежавших куриалов стали разыскивать как беглых рабов, независимо от срока давности (C. Th. 12. 1. 119); и применять к ним телесные наказания (C. Th. 12. 1. 127).

Отметим, что в результате походов Никифора к Византии были присоединены значительные территории в Киликии и Сирии (вплоть до Антиохии), которые вполне могли составить фонд земельных пожалований воинам и не только армянам. Мы знаем по крайней мере две фамилии военной знати, обосновавшиеся в районе Антиохии во второй половине X в. и впоследствии усилившие свои позиции в этом регионе. История Вурц и Врахамиев, прямо ассоциирующихся в XI в. с Антиохией, начинается во время походов Никифора Фоки и захвата Антиохии[73]. Михаил Вурца, один из руководителей осады Антиохии, скорее всего уже тогда получил значительные владения в захваченном городе или его округе. Едва ли случайным было его назначение на должность дуки Антиохии при Иоанне Цимисхии, особенно учитывая ту роль, которую сыграл Михаил в восхождении Цимисхия на трон. Именно Вурцу послал мятежный Варда Склир с целью привлечь на свою сторону Антиохию, рассчитывая на его авторитет в городе[74]. Вряд ли Вурца был единственным, кто получил от императора владения в результате военных завоеваний.

Не исключено, что Никифор использовал для пожалований земли внутри империи, например, часть конфискованных церковных земель. Почву для конфискаций создавала новелла 964 г. о монастырях[75]. Закон запрещал основание новых монастырей и богоугодных заведений (ξενῶνων ἢ γηροκομείων), а митрополиям и епископиям – принимать по завещаниям земельную собственность мирян. При этом монастырям не запрещалось возводить необходимые постройки (ἡ τῶν ἀρκούντων κτῆσις οὐ κωλυθήσεται), но запрещалось расширять свои владения за счет соседних полей или деревень (μὴ πρὸς κτήσεις καὶ ἀγροὺς ἐτέ ρους ἐκτεινόμένας)[76]. Власти сразу же использовали новеллу в качестве предлога для поиска и изъятия того, что они считали превышающим "необходимое". Скилица сообщает, что в епископию после смерти епископа направлялся императорский чиновник, который выявлял и конфисковывал излишки[77].

Не следует забывать также и о том, что многие стратиоты серьезно обогатились, участвуя в победоносных походах 960–964 гг.[78] Масштабы военной добычи, судя по сообщениям разных историков, были весьма велики, причем в ее составе было также оружие, панцири и т.п.[79]

Таким образом, кажется есть основания предполагать, что в 964–965 гг. имели место земельные пожалования воинам. Во всяком случае в это время были созданы источники для таких пожалований – вновь завоеванные области, конфискованные земли, помимо этого Никифор получил в свое распоряжение фонд государственных земель, да и сам клан Фок обладал обширными земельными владениями в Каппадокии и соседних областях. Возможности для земельных приобретений открывались также в результате раздач императором должностей своим сторонникам, масштабы которых становятся ясны из описания Львом Диаконом смещений, произведенных Цимисхием после убийства Никифора[80].

Завершая рассмотрение основных сведений источников о реформах Никифора, мы приходим к заключению, что глава о катафрактах в "Praecepta Militaria", сообщение Зонары о стратиях катафрактов и издание в то же время новеллы, определяющей размеры этих стратий, не могут быть простыми совпадениями. Сюда же следует отнести и сообщение Льва Диакона (единственного из хронистов современника Никифора) о всадниках, "полностью одетых в железо" Никифором во время подготовки похода против Святослава в 968 г. (πανσίδηροι ἱππόται)[81]. Анализ вышеупомянутых сообщений позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в реализации своей военной программы Никифор действительно возлагал надежды на тяжелых кавалеристов-катафрактов. Опыт их применения был невелик, что потребовало теоретического обоснования новой тактики и переосмысления ролей других родов войск. Эти цели решает военный трактат "Praecepta Militaria", составленный около 966/7 г. Во-вторых, не имея средств платить жалованье катафрактам из казны, Никифор использует институт стратиотского землевладения и создает стратии панцирных кавалеристов стоимостью 12 литр. Юридическое оформление новые стратии также получают около 967 г.

Таким образом, сам факт военных реформ Никифора все-таки трудно оспорить. Другой вопрос – каковы были последствия этих реформ, дали ли они результаты. Невозможно не согласиться с Т. Колиасом в том, что они не успели проявиться в течение 6 лет правления императора[82].

С одной стороны, нельзя с уверенностью утверждать, что победы Никифора были обусловлены именно введением катафрактов. Есть только два-три свидетельства, которые можно рассматривать как доказательство участия тяжелой кавалерии в войсках императора[83]. С другой стороны, скорее всего военные успехи Никифора были вызваны широкой мобилизацией всех сил и средств государства. Уже говорилось, что император прибег к конфискации части церковного имущества, повысил старые и ввел новые налоги[84], добавим, что с той же целью были сокращены регулярные выплаты членам синклита[85], введен тетартерон[86]. Для изыскания средств на войну Никифор не гнушался хлебными спекуляциями и прямыми поборами с населения, чем вызвал всеобщее недовольство[87]. Армия Никифора комплектовалась всеми возможными способами, причем помимо собственно ромейских войск привлекались и иноземные союзные отряды[88].

---

[73] *Cheynet J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210) // Byzantina Sorbonensia. P., 1990. 9. P. 225–227. Более подробно история этих фамилий рассматривается в специальной статье Ж.-К. Шене (*Cheynet J.-C.* Trois familles // *Cheynet J.-C., Vannier J.F.* Etudes prosopographiques // Byzantina Sorbonensia. P., 1986. 5. P. 7–122.

[74] Scyl.-Cedr. 417, см. также: *Васильевский В.Г.* К истории 976–986 гг. (из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 2. Ч. 2. С. 75.

[75] JGR. 295–296. Из описания Скилицы (Scyl.-Cedr. 368) следует, что Никифор мотивировал издание новеллы именно военными приготовлениями (κακῶς φάσκων ὑπὸ τῶν ἐπισκόπων δαπανᾶσθαι τὰ πτωχικὰ χρήματα καὶ τοὺς στρατευομένους ὀλιγοῦσθαι).

[76] JGR. 296.

[77] Scyl.-Cedr. 368; (ἐπισκόπου τε τεθνηκότος βασιλικὸν ἐκπέμπων ἄνθρωπον ἐσταθμημένην ποιεῖν τὴν ἔξοδον προσέταττε, καὶ τὰ περιττὰ ἀνελαμβάνετο).

[78] Лев Диакон упоминает о разделах добычи между стратиотами после походов 960 г. (II, 5, 8) и 962 г. (II. 9). При этом большая ее часть была присвоена самим Никифором (II. 8).

[79] См. описание триумфов Никифора у Льва Диакона (II. 9) и Скилицы. Роль военной добычи в подготовке военных реформ Фоки особо отмечает М.Я. Сюзюмов (*Лев Диакон.* История. Примеч. 31. С. 173–174).

[80] Diac. VI. 2. Смещены были не только крупные военачальники, но большинство фемных стратигов, местных военных администраторов и даже топархов.

[81] Diac. V. 2. Лев также сообщает, что Никифор обучал конницу строиться в фаланги, т.е. в порядки, предусмотренные трактатом "Praecepta Militaria".

[82] *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 19.

[83] Пассаж Льва Диакона о броненосных всадниках относится к походу против Тарса 965 г. (Diac. IV. 3, см. выше примеч. 31). Пассаж Скилицы (Scyl.-Cedr. 361) о том, что в поход 965 г. Никифор выступил с тяжелым войском из ромеев ("...ἔξεισι κατὰ Κιλικίας σὺν βαρεῖ στρατῷ Ῥωμαίων...") не содержит других уточнений.

[84] Лев Диакон (Diac IV. 6) отмечает, что введение новых налогов мотивировалось именно военными нуждами. См. также: Scyl.-Cedr. 367–368.

[85] Scyl.-Cedr. 368;

[86] О тетартероне см.: *Ahrweiler-Glykatzi H.* Nouvelle hypothése sur le tétartèron d'or et la politique monétaire de Nicéphore Phocas // ЗРВИ. 1963. 9.; *Grierson Ph.* Nomisma, tétartèron et dinar un plaidoyer pour Nicéphore Phocas // Revue belge de noumismatique, 1954. 100; *Hendy M.F.* Light Weight Solidi, Tetartera and the Book of the Prefect // BZ. 1972. 65. Установлено, что содержание золота в тетартероне упало на 1/12 по сравнению с прежней номисмой, что вряд ли могло вызвать резкий скачок инфляции. В последнее время большинство исследователей не видят оснований преувеличивать значение тетартерона для экономики Византии и объясняют его введение исключительно необходимостью платить жалованье воинам (см. *Hendy M.F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy... P. 507–508; *Κόλιας Τ.* Νικηφόρος... Σ. 86).

[87] О грабежах, чинимых воинами Никифора, см. у Скилицы (Scyl.-Cedr. 368).

[88] По данным Льва Диакона, Скилицы и Зонары нельзя сделать вывод о каком-либо серьезном присутствии иноэтнических элементов в войске Никифора, кроме разве что армян. Только однажды мы встречаем упоминание о союзных (σύμμαχοι) армянах и ивирах в походе 965 г. (Scyl.-Cedr. 361).

Осознав, что большинство городских советов являются слабыми организациями для поддержания собственного экономического благосостояния и не желая в то же время отказываться от их услуг в финансовой сфере, Анастасий I счел необходимым ускорить еще не завершившийся процесс перехода городских финансов под полный контроль государства. Эволюция в этом направлении, в том числе и благодаря усилиям самого Анастасия, создала многоуровневую систему контроля экономической деятельности городов: государственные чиновники под руководством епископа и городских приматов занимались продовольственным снабжением плебса и военного гарнизона; дефенсор общины, которого избирали практически все граждане-собственники, отвечал перед провинциальными властями за правильное распределение налогов; куриалы участвовали в сборе некоторых налогов наряду со сборщиками, присылаемыми из государственных финансовых ведомств. Неподконтрольными государству оставались лишь собственно городские доходы, а также сбор некоторых фискальных платежей[29]. Поэтому естественной для Анастасия мерой стала передача и тех, и других в руки виндиков. На них возлагалась задача перераспределить и уточнить ответственность отдельных декурионов за сбор налогов и выполнение городских расходов.

Возможно, к реализации идеи о виндиках правительство Анастасия было подвигнуто финансовыми трудностями после завершения Персидской войны; известно, что тогда Анастасий развернул в Месопотамии широкое строительство, которое потребовало больших расходов, и контроль над финансами курий мог сыграть немаловажную роль и в выполнении строительной программы, и в помощи пострадавшему от войны населению. Но у реформы обнаружилась негативная сторона. Поспешность, с которой Анастасий полностью подчинил государству часть курий, привела через несколько лет деятельности виндиков к результатам, обратным первоначально планировавшимся. Виндики, которые благодаря суффрагию видели в своей должности возможность обогатиться, постепенно истощили в ряде городов и городской бюджет, и благосостояние массы куриалов. Анастасий же, получивший после учреждения виндиков дополнительный доход, к первоначальной идее совмещения интересов курий и государства уже не возвращался[30].

Таким образом, проблема курий в начале VI в. не была решена, а ко времени правления Юстиниана I даже усугубилась, приобретя хронический характер.

В отечественной историографии, так или иначе касавшейся проблемы курий в эпоху Юстиниана I, также не выработана единая точка зрения по поводу основных вопросов: института виндиктов[31], института дефенсора городской общины[32], положения верхушки куриалов[33], наконец, важного для нас вопроса о судьбе муниципальных мероприятий Анастасия[34]. Решение последнего вопроса позволило бы подойти вплотную к освоению всего комплекса "куриальной проблемы". Основная

[29] *Серов В.В.* Указ. соч.

[30] Недаром Иоанн Лид говорил об "обогащении императора золотом" благодаря виндикам (De mag. III. 49). Поскольку финансы городов не были столь велики, чтобы обогащать и виндиков, и лично императора, то главную роль в "обогащении" Анастасия играл скорее всего суффрагий виндиков. Таким образом, Анастасий забыл не только интересы курий, но и главную объективную задачу всей куриальной политики.

[31] Например, Г.Л. Курбатов полагает, что виндики как институт сохранились до конца правления Юстиниана (*Курбатов Л.Г.* Основные проблемы... С. 198), а Г.Е. Лебедева – что они были упразднены к 531 г. (*Лебедева Г.Е.* Указ. соч. С. 147).

[32] По мнению К.И. Новицкой, дефенсор в период правления Юстиниана превратился в рядового провинциального магистрата, стоявшего по положению несравнимо ниже, чем в начале VI в. (*Новицкая К.И.* Указ. соч. С. 121–122); Г.Л. Курбатов, напротив, обнаружил повышение реальной роли дефенсора в муниципальной организации в VI в. (*Курбатов Л.Г.* Указ. соч. С. 199).

[33] Г.Л. Курбатов склоняется к признанию наиболее вероятной точки зрения об упадке роли principales вследствие процесса размывания социальной структуры курии (*Курбатов Л.Г.* Указ. соч. С. 154); по мнению Г.Е. Лебедевой, принципалы сохраняли свое положение (*Лебедева Г.Е.* Указ. соч. С. 198).

[34] Г.Л. Курбатов высказал мысль (которая не нашла полного признания) о том, что Юстиниан не изменил муниципальной реформы Анастасия (*Курбатов Г.Л.* Указ. соч. С. 198).

причина противоречивых оценок одного и того же явления, на наш взгляд, заключается в подборе разнопорядковых методов как в отечественной, так и в зарубежной историографии[35]. Между тем достаточно конкретная тема – взаимоотношения курий и императорской власти в правление Юстиниана I – требует использования строго определенной группы источников, прежде всего законодательства самого императора. Вся эволюция учреждений городских общин прослеживается при сравнении их состояний в последовательные хронологические отрезки.

Уже в первые годы своего правления Юстиниан обратился к проблеме курий. Конституции 528–529 гг., в которых присутствует муниципальная тематика, обнаруживают наличие известных в правление Анастасия городских институтов: собственно куриалов, участвующих в общественной жизни общины (CJ. 1. 3. 41–528) и в частноправовом обороте (CJ. 6. 48. 1–528/529); дефенсоров общин, которые заняты урегулированием юридических отношений среди горожан и между горожанами и негорожанами[36]; неких "отцов" (patres), которых, судя по всему, можно отнести к группе principales[37]. Вся лестница муниципального административного устройства показана в конституции 529 г. (CJ. 8. 51. 3. 3), где перечислены, очевидно, в порядке убывания значения: епископы, отцы, дефенсоры общин и "граждане" (civiles). В последующие годы названные структуры также не исчезли, что свидетельствует, по меньшей мере, о том, что не исчезла и сама курия[38]. В законодательстве конца 20-х–начала 30-х годов VI в. заметно отсутствие виндика. Этот факт нельзя не трактовать однозначно: в указанный период, а возможно, уже с конца 10-х годов VI в. виндики как институт, созданный при Анастасии, не действовали. Ниже будут приведены дополнительные доказательства этого.

Итак, курия не погибла в ходе финансовых и административных мероприятий Анастасия, более того, ее состояние в сравнении с состоянием в конце V в. было ничуть не хуже. Это означало, что Юстиниану предстояло в определенной степени повторить мероприятия Анастасия в отношении курий, т.е. еще раз уже пройденный предшественником путь, чтобы наметить собственный.

Первые важные для судеб куриального устройства конституции Юстиниана I были опубликованы 1 июня 528 г. (CJ. 10. 35. 3; 10. 44. 4; 5. 27. 9). В первых двух еще не видна готовность императора взвешенно оценить существо проблемы. Указанные постановления были предназначены решить только вопрос о куриальном преимуществе так, словно он являлся узловым. И Юстиниан решил его в духе своих законодательных реформ, распространив на завещание куриала право фалькидиевой доли для сыновей, пожелавших выполнять куриальные повинности (CJ. 10. 35. 3. pr. 3; 10. 44. 4. 1). Но третья конституция свидетельствует уже о более пристальном внимании Юстиниана I к проблеме курий (CJ. 5. 27. 9). В ней выделено место для сентенции теоретического свойства: "Настоящей санкцией мы стремимся, чтобы

[35] Наиболее распространен метод широкого охвата хронологически разных источников. Например, В. Либешуц для иллюстрации ситуации в VI в. использует данные IV и V вв. (*Liebeschüetz J.H.W.G.* Op. cit. S. 390. Not. 6). Включение в Кодекс Юстиниана огромного количества опубликованных до VI в. конституций о куриалах свидетельствует не столько о том, что положение курий при Юстиниане продолжало ухудшаться, сколько о значении, которое Юстиниан придавал проблеме курии в 30-е годы VI в.

[36] CJ. 1. 4. 22–529; 3. 43. 1–529; 4. 21. 22–?; 9. 4. 6–529.

[37] CJ. 3. 43. 1; 8. 51. 3–529. В. Либешуц называет такого "отца" «"функционером", отвечающим за все финансы» в городе (*Liebeschüetz J.H.W.G.* Op. cit. S. 391). Но в начальный период правления Юстиниана, судя по данным законодательства, "отцы" были заняты не общими финансовыми, а общегражданскими делами общины. Согласно недатированной конституции Анастасия, "отцы" выполняли обычные для куриалов обязанности ситонии (CJ. 10. 27. 2. 12).

[38] CJ. 1. 3. 52–531 (куриалы и "могутные" куриалы); 1. 4. 26–530; 5. 70. 7–530 ("приматы" общины); 1. 4. 30–531; 1. 4. 32; 7. 72. 10–532 (дефенсор общины и дефенсор "места"); 3. 2. 4–530 (епископ, отец, дефенсор). О случаях, когда в какой-либо общине не было того или иного из муниципальных учреждений, закон говорит особо, например, «если имеется в наличии (defensor civitatis)» (CJ. 7. 40. 2–531).

была прямая польза для общинных дел...". Слова преамбулы обнаруживают тревогу, которая, по-видимому, была следствием ознакомления Юстиниана с куриальной проблемой. Предлагаемые законодателем меры охватили уже всю проблему целиком, а не ее часть, как две предыдущие: подчеркивая необходимость поддержать количественный состав куриалов, он предлагает меры, уже известные по законодательству предшественников. Данная конституция в принципе повторяет положения анастасиевой конституции (CJ. 10. 32. 66). И в той, и в другой речь шла о возвращении в курию имущественно крепких выходцев из нее. Но, в отличие от Анастасия, Юстиниан предпочел не столь ригористичное решение: наряду с четкими требованиями он обещает вернувшимся "на родину" куриалам в ранге иллюстриев преимущество в получении наследства родителя-декуриона. Примечательно и то, что наследником имущества куриала курия назначена в последнюю очередь (CJ. 10. 32. 66. 3–5), как и в указах от 1 июня 528 г.

Через год Юстиниан смягчил требования возврата в куриальную корпорацию (CJ. 10. 32. 67–529). Возможность освободить от финансовой ответственности декуриона перед государством была возвращена тем членам куриального сословия, которые достигли высот ординарной службы, а также их детям вместе с их имуществом. Юстиниан сделал большой шаг назад, вернувшись к положению, сложившемуся до Анастасия I (C. Th. 12. 1. 132). Сложно понять, каким политическим расчетом была вызвана подобная акция, но ее нестандартность очевидна. Возможно, Юстиниан твердо решил продемонстрировать куриалам разницу между своей куриальной политикой и жесткой политикой Анастасия. Во всяком случае, указ 529 г. можно считать проявлением пристального внимания Юстиниана к проблеме взаимоотношений государства и курий.

В 530 г. увидела свет новая специальная конституция. За срок, истекший с момента первого обращения к теме, Юстиниан изучил финансовое состояние курий, поэтому теперь он касается насущного и для курий, и для императора вопроса о доходах и городских расходах (CJ. 1. 4. 26). Была определена финансовая компетенция курий и установлен контроль за расходованием куриальных средств. Примечательно, что Юстиниан не ограничивает ни расходов города, ни количество расходных статей; предложенные в конституции меры должны помочь курии свести бюджетный баланс. Непосредственным органом учета и контроля становилась комиссия в составе епископа и "трех мужей доброй репутации, первых во всяком деле этой общины" (CJ. 1. 4. 26. pr). Подобные контрольно-счетные функции прежде всего относились к должности виндика. Но названная городская комиссия не заступала на место виндика целиком: в дополнение к ней и над ней Юстиниан назначил особого discussor, подконтрольного только императору (CJ. 1. 4. 26. 1, 4, 5, 8). Аналогия с виндиком видна уже в порядке назначения дискуссора. Но, в отличие от виндика, дискуссор был более зависим от императора, поскольку не платил за свое назначение. Таким образом, вникая в сущность взаимоотношений курий и государства, Юстиниан отказался от наиболее радикального из известных средств. О самих виндиках в конституции 530 г. нет ни слова. По-видимому, Юстиниан решил не возрождать этот одиозный институт там, где он исчез сам по себе. И вновь, как и в 529 г., Юстиниан отошел от анастасиевых методов разрешения куриальной проблемы, не изменив, впрочем, общего направления политики в отношении курий.

Через несколько дней после издания описанной выше конституции была опубликована новая, близкая к предыдущей по содержанию (CJ. 10. 30. 4). В ней Юстиниан словно оправдывается за учреждение особого дискуссора и еще раз обосновывает свое решение тем, что именно он, император, часто финансирует городские расходы (CJ. 10. 30. 4.1). В выражениях экономической теории новейшего времени проводится граница между городскими и императорскими финансами, оставшаяся неявной даже после категорического заявления предшествующей конституции о невмешательстве императорской фискальной администрации в дела курий[39]: "А кто из собственного имущества издержится... тот не должен быть объектом никакой финансовой проверки". За столь значительные знаки внимания Юстиниан выговорил себе право решать вопрос о сдаче общинной земли в аренду (CJ. 10. 30. 4.14–15). Суммируя мероприятия Юстиниана в отношении курий в 528–530 гг., можно сделать следующий вывод. Проводя в общем ту же политику, что и Анастасий в конце V–начале VI в., Юстиниан как будто стремился понять, где она и почему не принесла положительных результатов. Очевидно, что главной причиной, по его мнению, было своеволие виндиков и общая жесткость курса Анастасия. Предложив общинам более подходящую альтернативу и одновременно пообещав куриям финансовую поддержку и одобрение их экономической инициативы, император стал ждать позитивных результатов[40].

Реакция императора на последствия его мероприятий, которая отразилась в конституциях 531 г., кажется неожиданной: в большинстве их городская тематика связывается с фигурой епископа[41]. Собственно епископ и до того признавался звеном административной цепи, но с 531 г. он стал противопоставляться куриалам и предпочитаться им в финансовых делах города. В 531 г. Юстиниан изменил политическую линию в отношении курий. Он уже не говорит об их финансовой самостоятельности, а распределяет экономический потенциал декурионов исходя целиком из конкретно-временных потребностей государства[42]. Было бы неоправданно объяснять столь разительную перемену только итогами первого этапа куриальной политики Юстиниана I; повлияла и финансовая ситуация в империи в начале 30-х годов VI в.[43] Юстиниан завершил либеральные эксперименты с куриями и вернулся в проложенную в течение IV и V вв. колею императорской политики в данной сфере. Курии вновь оказались под усиливавшимся финансовым контролем, фактически утратили возможность самостоятельно решать многие внутригородские экономические вопросы; снова большое значение приобрели в городах посторонние им лица[44]. Не случайным поэтому выглядит появление в законодательстве пресловутого виндика. Он как бы символизирует собой отношение императора к куриям как к сборщикам налогов.

Юстиниан был вынужден вспомнить о виндиках в 536 г. (Nov. 38). Однако обращение к данному термину произошло главным образом для того, чтобы официально засвидетельствовать ненужность самого этого института[45]. По-видимому, в

[39] CJ. 1. 4. 26. 11: "И чтобы наши подданные не поражались ущербом ни от нас, ни по постановлению прокурора...".

[40] Как заявил в своих указах сам Юстиниан, он "подробно вникал" во многие государственные и общественные дела, составляя для себя вполне объективную картину.

[41] Во-первых, Юстиниан изменил порядок выбора епископа, утвержденный им самим в 528 г. (CJ. 1. 3. 41); он запретил куриалам избираться в число епископов и пресвитеров (CJ. 1. 3. 52. pr.). Во-вторых, он сравнил куриала и священника, и обобщенный образ куриала проиграл в этом сравнении (CJ. 1. 3. 52. 1: "выращен неистовыми поборами и провинностями... и жесточайший из всех..."). Последнее соображение, по всей вероятности, и является объяснением дальнейшей политики Юстиниана I.

[42] CJ. 1. 3. 52. 6: куриалы, ушедшие из курии на низшие церковные должности, подлежали возвращению, но не обязательно в свою родную курию, а в любую другую в пределах данной провинции, "где имеется недостаток зажиточных куриалов". CJ. 1. 3. 52. 10: оставивший священнический сан "передается курии своего города... либо другому, как сказано выше, чтобы, если богат, то выполнял бы денежные повинности". CJ. 1. 4. 34. 10: "Если кто-либо не может вернуться в сословие клириков (из-за отлучения. – *В.С.*), но имеет средства, то курия того города, где он служит богу, а если этот город курии не имеет, то другой город провинции, который более нуждается в куриалах, принимает его вместе с его состоянием для будущего служения".

[43] Сложное состояние имперских финансов в 531 г. было обусловлено грандиозными государственными расходами в 527–530 гг., а также неудачной войной с Ираном и подготовкой к военным кампаниям на Западе.

[44] Например, в 532 г. общественным строительством на средства частных лиц руководил уже ректор провинции (CJ. 8. 10. 14).

[45] Nov. 38. pr. А. Шаво предложил остроумное объяснение столь очевидному законодательному парадоксу: "В действительности введение виндика (Юстинианом. – *В.С.*) ...являлось вызовом пугала, необходимого законодателю в ситуации ослабления еще оставшихся курий..." (*Chauvot A.* Op. cit. P. 278).

531–535 гг. Юстиниан не оставлял попыток найти иные способы разрешить куриальную проблему помимо мер традиционного нажима на курии со стороны государства. Доказательством тому служат, например, конституции, изданные в 535 г.[46] В первой половине 30-х годов Юстиниан попеременно усиливал в городе то государственных чиновников, то муниципальные структуры[47]. Но поддержка последних в делах, не относящихся к сфере налогообложения, уже обнаружила свою бесперспективность. Институт виндиков также не годился в его первоначальном виде. Юстиниану оставалось комбинировать детали муниципальных учреждений в поисках наиболее оптимального варианта, в котором сохранялись бы и курия в качестве гаранта сбора необходимой налоговой суммы, и устранялись бы неоправданные ничем расходы городов и финансовой администрации в провинциях[48]. Каковы были при этом варианты, не известно: в 536–539 гг. не было "куриальных" конституций. Итоги же юстиниановских административных исканий были проанализированы им в серии новелл 539 г. Они позволяют констатировать неустраненность самых болезненных язв городского финансового устройства – обеднения курий и сокращения численности куриалов[49].

К 540 г. Юстиниан заметно охладел к куриальной проблеме. Все его усилия повысить эффективность курии как звена финансовой системы потерпели крах. Курия не реагировала на императорские административные эксперименты, однако и не умирала. Ее состояние оставалось таким же, как и в конце V в. По-прежнему, декурионы несли ответственность за сбор некоторых фискальных пошлин и ряда государственных налогов (Nov. 96. 8. 19); важнейшие расходы курий контролировались государственными чиновниками (Nov. 2. 4. 15). С конца 30-х годов интерес Юстиниана I к куриям определялся уже только финансовым состоянием империи. Иначе говоря, периодические законодательные реминисценции Юстиниана по поводу куриальной проблематики инициировались обострениями хронического кризиса государственных финансов. Очередное после 538–539 гг. обращение законодательства к теме курий датируется 545 г.[50] Как известно, в первой половине 40-х годов VI в. правительство ранней Византии вынуждено было прибегнуть к чрезвычайным расходам на ведение войны с Ираном, на завоевание Италии, на замирение африканских владений, на дипломатические контакты с варварами и устранение последствий частных стихийных бедствий. В 545 г. была опубликована целая серия конституций, при помощи которых администрация Юстиниана пыталась увеличить регулярные доходы. Новелла 128 свидетельствует о том, что курии сохранили свое положение в государстве и закрепленную за ними финансовую роль. Юстиниан лишь усилил личный контроль за процессом сбора куриалами разных взносов[51].

Последние данные о куриалах содержатся в новеллах, датируемых серединой 50-х годов[52] и последними годами правления Юстиниана. Финансовое состояние государства в середине 50-х годов VI в. можно считать не менее кризисным, чем в начале 40-х годов, поэтому не случайно снова возникает особое внимание Юстиниана к куриям. После 556 г. наступил, однако, особый период в правлении Юстиниана I. Последнее десятилетие жизни императора ознаменовалось отходом от государственных дел; внутреннюю и внешнюю политику проводила придворная бюрократия, которая ориентировалась на политические векторы предшествующей, более активной деятельности Юстиниана. Новелла 151 свидетельствует о бюрократическом подходе к решению государственных проблем в 60-е годы VI в. Эта конституция – своеобразный итог политики по отношению к куриям в V–VI вв., так как в ней отражены все главные признаки куриальной проблемы, так или иначе связанные с финансовыми интересами императорской власти. Вновь говорится о необходимости сохранения количества членов городской курии и куриального имущества, в связи с чем снова запрещается переселяться из родного города и отчуждать за его пределы имущество. Вероятно, проблема курий так и не была исчерпана вплоть до конца VI в.

Подводя итоги, отметим ряд наиболее существенных черт в куриальной политике ранневизантийского государства.

1. В целом, курия сохранилась вплоть до конца VI в. Этому способствовали усилия императорской власти, которая видела в декурионах важное звено финансовой системы и одно из средств своей финансовой политики; имело значение также естественное стремление куриалов к самосохранению и воспроизводству своего ordo.

2. Закономерна поэтому сохранность основных институтов: собственно декурионов, главным образом среднего их слоя, а также административных структур, целью которых независимо от их формы (defensor, vindex, canonicarius, exactor, susceptor, discussor etc.) было осуществление связи государства и курии по вопросам финансов и контроля за их сбором и расходованием.

3. Смысл всех куриальных реформ в ранней Византии сводится к стремлению обеспечить "стабильность" (по выражению В. Либешуца) сложившегося положения курий в административной и экономической структуре ранней Византии. Реформы носили неизменно бюрократический характер и поэтому были обречены на неудачу. Впрочем, преобразования в этой сфере и не могли иметь иного исхода. В этом смысле на вопрос о судьбе института виндиков и о куриальных мероприятиях Анастасия в целом нельзя дать четкого ответа. Методом проб и ошибок императоры в их политике в отношении курий к середине VI в. отрегулировали более или менее адекватный существующим финансовым обстоятельствам механизм взаимодействия с городскими общинами. При этом в какой-то мере были учтены интересы части куриалов, благодаря чему жизнь курий была продлена.

---

[46] Так, согласно Nov. 15, куриалы выступают участниками раскладки налогового бремени, т.е. самостоятельно выполняют важнейшую административную функцию; по Nov. 17, "персоны в городских куриях" контролируют продажу участков частных владельцев, т.е. тоже имеют возможность повлиять на раскладку налоговой массы; в Nov. 18 речь идет о распределении городских доходов (politika) и без участия виндика.

[47] Например, по Nov. 15, повышалась роль defensor civitatis в общине, а по Nov. 17 усиливается в городских делах презид провинции; в Nov. 21 вновь угадывается попытка увеличить влияние презида среди куриалов (*Курбатов Г.Л.* Основные проблемы... С. 198).

[48] Названные компоненты некоего идеального провинциального управления, которое представляло неосуществимую цель ранневизантийского императора, присутствуют в Nov. 38: Юстиниан подвел здесь определенный итог существованию института виндиков: наметил возможное его преобразование вплоть до полной отмены ("гнусные мистоты"); далее, он в очередной раз запретил уход из курий и, наконец, настойчиво подчеркнул важность налогов (в частности, собираемых декурионами) для государства.

[49] В Nov. 96 15(538) Юстиниан, помимо прочего, указал на уменьшение собственных городских расходных статей Александрии. О необходимости пополнить курии неофитами говорится в Nov. 87. Стремление сохранить имущество членов курии составлет лейтмотив Nov. 101.

[50] В Nov. 128.5 говорится о том, что налоговую раскладку осуществляют curiales, exactores, vindices, canonicarii. Экзакторы здесь – явно оффициалы презида провинции, по аналогии с конституцией 529 г. (CJ. 8. 51. 3. 3); canonicarii – сборщики регулярного налога, от которого куриалы были давно отлучены [со знаменитыми каноникариями Анастасия (CJ. 10. 19. 9) они имели только общее название. Кстати говоря, эволюция каноникария в конце V–первой половине VI в. может служить образцом для исследования развития института виндиков]; наконец, функции виндиков в процедуре раскладки налогов в провинции не ясны, очевидно лишь, что эти виндики сильно отличаются в худшую сторону – причем от классического известного образа времен Анастасия – и по своему положению в иерархии. Главное же состояло в том, что смысловой акцент Nov. 128 сделан не на административном аспекте вообще, а на задаче устранения налоговых недоимок любым путем – благодаря использованию будь то чиновников, будь то куриалов.

[51] Nov. 128; *Панченко Б.А.* Указ. соч. С. 526.

[52] Наиболее замечательны Nov. 134 и 142. В них вновь отчетливо видна серьезная финансовая заинтересованность императора, в связи с чем опять муссируются тема сбора трибутов (Nov. 134. 2) и тема городских финансов (Nov. 142. 2).

М.В. Кривов

ПРИТЯЗАНИЯ АРАБОВ НА ПАЛЕСТИНУ ПРИ МУХАММЕДЕ

Армянский историк VII в. Себеос, повествуя о начале арабских завоеваний, в качестве единственной причины вторжения арабов в пределы Византии приводит их притязания на Палестину. В уста мусульманского пророка Мухаммеда он вкладывает следующие слова, обращенные к мусульманам: "Бог клятвенно обещал ту страну Аврааму и его потомкам на вечные времена и Он исполнил Свое обещание за то время, пока Он любил Исраила, Вы же ведь тоже сыновья Авраама, и Бог Свой обет Аврааму и его потомкам исполнит в отношении вас, только любите Бога Авраама и идите, займите вашу землю, которую Бог дал вашему отцу Арарату, и никто не сможет противостать вам войной, ибо Бог с вами".

Сразу после этой речи Себеос пишет о начале войны арабов с ромеями и разгроме ими войска под командованием Феодора, брата императора Ираклия. Затем он повествует, что захватчики «отправили послов к греческому царю и сказали: "Эту землю Бог дал во владение отцу нашему Аврааму и его поколению после него. Мы же дети Авраама. Довольно, сколько времени ты занимал нашу землю; оставь ее добром, и мы не вступим в твою землю; в противном случае мы потребуем от тебя занятые тобой земли с лихвою".

Но император не согласился и не ответил на послание по достойному, а сказал: "Эта земля – моя, а твой удел – пустыня; иди с миром в свою землю"».

Далее Себеос продолжает описание военных действий[1].

В приведенном пассаже, который, к сожалению, не был должным образом оценен исследователями, арабами движет отнюдь не стремление обратить своих противников в ислам, а реальные земные интересы, выразившиеся в территориальных претензиях к ромеям, для чего они приводят историко-религиозное обоснование. Ссылаясь на то, что подобно евреям являются потомками Авраама, они заявляют, что имеют права на Палестину[2]. В данном случае Мухаммед и его сподвижники опирались на те места Библии, где Бог обещал дать эту землю Авраамову потомству (Быт. 12, 7; 13, 15; 15, 18 и т.д.)[3]. В свою очередь византийский император, отказывая арабам в их территориальных претензиях, ссылается на другое место Библии, где сказано, что предок арабов Измаил, будучи изгнан своим отцом Авраамом, поселился в пустыне (Быт. 21, 20, 21).

Когда же состоялись описанные Себеосом византийско-арабские переговоры? Хронология начала арабских завоеваний у него крайне запутана. Сведения о переговорах даны вперемешку с описанием военных действий, причем все эти события

[1] История епископа Себеоса / Пер. С. Малхасянца. Ереван, 1939. С. 90–91.

[2] Согласно традиции, предком арабов был сын Авраама от наложницы Агари Измаил, почему средневековые христианские авторы называют их агарянами и измаильтянами. Предок евреев – другой сын Авраама Исаак от его жены Сарры.

[3] Библейскую историю в ближайшем окружении Мухаммеда знали не только в устной передаче. Арабский историк IX в. Ибн Абд ал-Хакам свидетельствует, что Абдаллах, сын мусульманского полководца Амра-ибн-ал-Аса еще при жизни пророка читал два Писания – Тору и Коран (The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain Known as the Futur Misr of Ibn Abd al-Haka / Ed. by Ch.C. Torrey. New Haven, 1922. P. 254).

отнесены ко времени жизни Мухаммеда, хотя на самом деле описанные Себеосом военные действия имели место после смерти пророка в 634 г. и позже. Однако запутанность хронологии отнюдь не свидетельствует о недостоверности сообщаемых им известий. Фактических неточностей у него немного. В свое время мы уже отмечали точность Себеоса при описании им военных действий между ромеями и арабами, соответствие его известий сообщениям других источников[4]. Поэтому нет оснований считать недостоверным известие о переговорах мусульман с ромеями относительно Палестины, которые скорее всего имели место при жизни Мухаммеда.

Наиболее вероятным нам представляется датировать переговоры концом 630 г. или 631 г., исходя из общего анализа обстановки, сложившейся в то время на византийско-арабской границе. Осенью 630 г. Мухаммед, получив известие о том, что ромеи готовятся напасть на мусульман, двинулся со своими главными силами к Табуку, расположенному на северо-западе Аравии. Слух о нападении, которое якобы готовили ромеи, оказался ложным и никакого столкновения с мусульманами у них не произошло. Однако этот поход имел большое значение для мусульман. Когда они подошли к Табуку, его население сдалось без боя, обязавшись платить поголовную подать. Затем аналогичные договоры заключили с Мухаммедом жители Макны, Айлы, ал-Джарбы и Азруха[5]. Раньше население этих пунктов, расположенных на границе Аравии и Палестины, подчинялось византийскому императору. Однако ромеи не предприняли никаких мер, чтобы отбить их у мусульман. Византийская империя была ослаблена в результате незадолго перед тем окончившейся войны с персами (604–629) и нуждалась в длительной мирной передышке. Воевать из-за населенных пунктов, зависимость которых от ромейской державы была скорее всего чисто номинальной, империя Ираклия не хотела. Более того, испытывая финансовые затруднения, незадолго до этого оно прекратило выплату руги арабам, которые находились на службе у Византии и несли пограничную службу на краю пустыни, в результате чего те перешли к своим мусульманским соплеменникам[6]. О том, что авторитет империи среди арабского населения Палестины в то время был довольно низок, свидетельствуют и другие факты. После экспедиции Мухаммеда в Табук к нему явилось из Южной Палестины посольство от рода Бану-д-Дар арабского племени Лахм, которое возглавлял монах Тамим-ад-Дари, принявший ислам и ставший сподвижником пророка. Ислам также принял византийский наместник в местности ал-Балка к востоку от Мертвого моря Фарва-ибн-Амр, араб из племени Джузам. Ромеи арестовали Фарву и после безуспешных попыток заставить его отречься от ислама распяли у водоема Ийра в Палестине[7]. Видя шаткость позиций империи на границе с Аравией и то, как она легко уступила упомянутые выше приграничные населенные пункты, Мухаммед мог предположить, что и Палестину она уступит также легко. Поэтому у нас есть основания предполагать, что переговоры с Ираклием он вел после экспедиции в Табук, тем более, что император в то время находился недалеко. В ближайшие года после окончания войны с персами он большей частью проводил время на востоке империи, посетив различные города сиропалестинского региона (Тивериаду, Иерусалим, Иераполь и т.д.)[8].

В источниках есть косвенные данные, свидетельствующие, на наш взгляд, о том, что переговоры о Палестине велись после похода Мухаммеда в Табук. Так, в поздних византийских хрониках мы находим легенду о том, как Мухаммед встретился с

[4] *Кривов М.В.* Некоторые вопросы арабского завоевания Сирии и Палестины // ВВ. 1986. Т. 46. С. 93, 95, 96.

[5] *Большаков О.Г.* История Халифата. М., 1989. Т. I. С. 173–178; *Кривов М.В.* Сражение при Муте по арабским источникам и Феофану // ВВ. 1979. Т. 40. С. 101.

[6] Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. 1. P. 335–336. (Далее: Theoph.).

[7] *Кривов М.В.* Сражение при Муте... С. 101–102.

[8] Theoph. P. 327–329. Cf. *Kaegi W.E.* Byzantium and the Early Islamic Conquests. Cambridge, 1993. P. 63–64, 74–78.

Ираклием, когда тот возвращался после окончания войны с персами, и просил у него место для поселения[9]. Несмотря на легендарный характер этого известия, в нем отразились смутные воспоминания о некоторых реальных исторических событиях. Сказано, что Мухаммед вышел из Ятриба (Медины) на встречу с императором со множеством (μετὰ πλήθου) своих последователей[10], что напоминает о его походе с мусульманами в Табук. Согласно Себеосу, переговоры велись через послов, а по легенде Мухаммед встретился с Ираклием лично, что вряд ли соответствует истине. Легенда относит их встречу непосредственно ко времени победоносного возвращения Ираклия с персидской войны. Если эта датировка и неверна, она все же недалеко отстоит от 630 и 631 годов, когда император большую часть времени проводил в восточных провинциях, которые Византия перед тем вернула себе после многих лет персидской оккупации. Согласно легенде, Ираклий удовлетворил просьбу Мухаммеда. Это невероятное известие могло возникнуть под влиянием воспоминаний о мирном занятии мусульманами названных выше населенных пунктов в палестино-аравийском пограничье. Так в течение веков в народной памяти воспоминания о реальных исторических событиях трансформировались в легенду, которую записали византийские хронисты.

Обращает на себя внимание и то, что в известиях о Тамиме-ад-Дари, сохраненных арабскими авторами, говорится, что когда он перешел в ислам, то попросил Мухаммеда пожаловать ему в Палестине селения Хибру и Айнун с окрестностями. Мухаммед удовлетворил эту просьбу. Тамим вступил в фактическое владение пожалованными селениями после переселения в завоеванную Палестину после смерти халифа Османа в 656 г.[11] Раз Мухаммед мог решиться пообещать передать Тамиму селения в еще незавоеванной стране, значит, он был уверен, что эта страна скоро окажется в его власти. Это является косвенным подтверждением тому, что переговоры о Палестине проходили примерно в это же время. Возможно, вначале у Мухаммеда была надежда, что Ираклий уступит ее без войны, а когда переговоры не увенчались успехом, стал готовиться к ее завоеванию. Война началась уже после смерти пророка, и в качестве правового обоснования для нападения на Византию арабы ссылались на то, что Палестина по праву принадлежит им.

[9] Theodosii Melitensis Chronographia / Ed. Th. Tafel. Monachon, 1859. P. 105. (Далее: Theod.); *Leon Grammaticus*. Chronographia / Ed. J. Becker. Bonnae, 1842. P. 152; *Michael Psellos*. Historia Syntomos / Ed. W.I. Aerts. B., 1990. P. 64–65; Ioannis Zonarae Epitomae historiarum / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. Vol. III. P. 215.

[10] Theod. P. 105; *Leon Grammaticus*. Op. cit. P. 152.

[11] *Медников Н.А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 249, 1300–1302.

В.В. Кучма

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЕДЕНИЯ ГОРНОЙ ВОЙНЫ ПО ДАННЫМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛЕМОЛОГИИ

Установки и рекомендации, регламентирующие правила ведения боевых действий в условиях горной местности, относятся к числу традиционных сюжетов античной и византийской военной литературы. Свою задачу мы видим в том, чтобы на фоне общего обзора этой традиции выявить степень разработанности интересующих нас проблем в различных полемологических сочинениях, сопоставить индивидуальные позиции их авторов в оценке однотипных или сходных боевых реалий. Такой анализ позволяет не только исследовать тенденции, определившие эволюцию одной из важных сфер военной теории, но и выйти на решение более общих проблем истории византийской военной организации.

Первое систематизированное изложение приемов и способов ведения горной войны содержится в трактате "Στρατηγικός", написанном в середине I в. н.э. киприотом Онасандром[1]. Не будучи профессиональным военным, этот философ-платоник сумел, тем не менее, достаточно грамотно изложить соответствующую информацию, основанную на современной ему боевой практике.

Основное внимание автора было привлечено к двум наиболее типичным ситуациям, возникавшим в процессе столкновений в горах. Первая из них складывалась в условиях, когда войску, вступавшему во вражеские пределы, предстояло преодолеть пересеченную местность. Залогом успеха считался заблаговременный захват горных вершин и перевалов специальными боевыми группами, выделенными из состава экспедиционных сил. Ликвидировав вражеские засады, они должны были взять под свой контроль ключевые пункты местности и удерживать их до полного преодоления теснин основной маршевой колонной[2]. С целью подготовки армии к таким действиям Онасандр рекомендовал организовать специальные тренировочные занятия, в ходе которых предстояло обучить солдат как захвату, так и удержанию горных объектов. Основная тяжесть тренировок должна была падать на легковооруженные пехотные подразделения, так как именно они были призваны сыграть главную роль в предстоящих боях[3]; что касается кавалерии, то ее вообще не следовало отягощать подобными занятиями[4], поскольку перспектива ее боевого использования в горах была практически ничтожной.

Вторая типичная ситуация обычно возникала на заключительной стадии военной кампании, когда войско, вступившее в теснины на обратном пути, оказывалось запертым там "как в клетке"[5]. Каких-либо оригинальных идей по выходу из такого угрожающего положения Онасандром не предлагалось – главный упор был сделан им на изначальное недопущение подобных коллизий. В высшей степени безрассуд-

[1] Пользуемся изданием: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. L.; N.Y., 1923. P. 341–352. (Далее: Onasander).

[2] Onasander. VII, 1. P. 402–404.

[3] Ibid. XVIII. P. 446.

[4] Ibid. X, 1, 6. P. 412–414.

[5] Ibid. XI, 1, 3. P. 432.

вать уже опустошенную местность. Особую опасность для них (вплоть до "конечной погибели") представляют вражеские засады, размещенные в клисурах; автору трактата известно немало подобрых трагических примеров[51].

Имеется, впрочем, сюжет и гораздо более оптимистического звучания. В главе, посвященной организации ночного боя, рассматривается вариант его благоприятного исхода. Естественно, что, потерпев поражение в открытом бою, оставшиеся в живых враги попытаются найти свое спасение в горной местности. В этих случаях нельзя допускать их, беспорядочно преследуя, а дождавшись подхода отставшей пехоты, следует выстроиться в боевой порядок и надежно блокировать район, где укрылись остатки неприятельских сил. И если станет известно, что среди них находятся "правители вражеского народа", нельзя допустить, чтобы они ушли безнаказанно: блокада должна быть усилена за счет привлечения всех войсковых резервов. Боевое воздействие на окруженного противника должно продолжаться до его полного истребления[52].

Предпринятый анализ приводит нас к заключению, что трактат "De castrametatione" ознаменовал собой качественно новое состояние научных знаний о правилах ведения боевых действий в условиях горной местности по сравнению с той моделью, которая сложилась в полемологической традиции на протяжении всех предшествующих столетий. К концу X в. произошел существенный прирост информации, настоятельно потребовавшей своего теоретического обобщения и осмысления; новые факты, свидетельства и наблюдения оказались сконцентрированными в сферах, которые до тех пор располагались на периферийных участках военно-информационного пространства; боевую практику византийские армии проходили не только на территории империи, но и за ее пределами, в ходе наступательных операций. Благоприятное сочетание всех указанных факторов и вызвало к жизни трактат "De castrametatione". А то обстоятельство, что обобщенный в нем боевой опыт далеко не всегда был исключительно лишь позитивным (по нашим наблюдениям, в отличие от мажорного, бравурного звучания установок "De velitatione bellica" в трактате "De castrametatione" явно преобладает пейоративная тональность), не только не снижало, а наоборот, повышало практическое значение этого первоклассного военно-научного наставления. Ибо давно и справедливо было замечено, что невзгоды всегда учат лучше, чем успехи, и потому чем негативнее оказывается приобретаемый опыт, тем императивнее становятся извлеченные из него уроки.

[51] Ibid. 29. P. 322, 23–30.
[52] Ibid. 25. P. 314, 34–41.

П.И. Жаворонков

ПЕРВЫЙ ПОХОД ИОАННА III ВАТАЦА НА ФЕССАЛОНИКУ (1243 г.) И СМЕРТЬ ИВАНА II АСЕНЯ (1242 г.). ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ

Во второй половине 30-х годов XIII в. Никейская империя после успешных, в союзе с Болгарией, походов (1235–1236) против Латинской империи прочно укрепилась во Фракии[1] и на очереди стоял вопрос о завоевании Фессалоникийской империи. Болгария, несмотря на возобновление в конце 1237 г. союза с Никеей[2], по существу отстранилась от борьбы за Константинополь и была занята преимущественно укреплением своих северных границ. Но Фессалоника по-прежнему находилась под влиянием болгарского царя. Летом 1237 г. император Мануил Ангел (1234–1237) был свергнут отпущенным из тырновского заточения и тайно пришедшим в город слепым братом Феодором Ангелом. Вскоре он был отослан в Атталию, откуда и прибыл в Никею[3]. Иоанн III Ватац (1222–1254) решил использовать беглеца в своих целях. Заключив с ним договор, по которому Мануил признавал сюзеренитет Никейской империи, Иоанн III дал ему деньги, 6 кораблей и отправил в Фессалию[4], чтобы вызвать междоусобную войну в Эпире. Но Мануил, овладев Ларисой, Фарсалом и Платамоном, помирился со своими братьями, Феодором и Константином[5]. Через 2 года, в 1241 г.[6], Мануил умер.

План никейского императора утвердиться в Эпире и Фессалонике с помощью Мануила Ангела потерпел крах. Тогда Иоанн III решил осуществить это с помощью слепого Феодора Ангела. Пригласив его в Никею и окружив почестями, никейский император убедил Феодора лишить его сына Иоанна (1237–1243) императорского титула[7]. Таким образом, заручившись поддержкой бывшего императора Фессалоники, Ватац с войском, состоявшим из ромеев и половцев, и флотом отправился к Фессалонике. По-видимому, используя благоприятную обстановку (перемирие с латинянами[8], договор с болгарским царем Калиманом[9]), Ватац решил вообще отнять Фессалонику у Иоанна Ангела и не столько силой,

[1] *Langdon J.S.* The Forgotten Byzantine-Bulgarian Assault and Siege of Constantinople, 1235–6, and the Breakup of the Antente Cordiale between John III Ducas Vatatzes and John Asen II in 1236 as Background to the Genesis of the Hohenstaufen–Vatatzes Alliance of 1242 // Byzantine Studies in Honor of M. Anastos. Undena, 1985. P. 105–135.
[2] Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg, correct. P. Wirth. Stüttgard, 1979. Vol. 1. (Далее: Acrop. I). P. 57.8–15; *Данчева-Василева А.* България и Латинская империя (1204–1261). София, 1985. С. 145.
[3] Acrop. I. P. 61.9–22; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessalonike (1224–1242). Thessalonike, 1996. P. 247–248.
[4] Acrop. I. P. 61.23–25.
[5] Acrop. I. P. 61.1–16.
[6] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М.–Л., 1948. Т. 3. С. 528; *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 90. № 43.
[7] Acrop. I. P. 65.5–15; *Dölger Fr.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 3. Teil. Regesten von 1204–1282. Zweite, erweiterte und verbesserte Aufgabe bearb. von *P. Wirth.* (Далее: Dölger–Wirth. Regesten). N. 1774.
[8] Alberici monachi Trium fontium Chronica // MGH, SS. 23. P. 950.23; Dölger–Wirth. Regesten. N. 1773.
[9] Acrop. I. P. 64.18–19; Dölger–Wirth. Regesten. N. 1773a.

Осведомленность Анонима в военной истории проявляется в его упоминании одного из эпизодов второй Пунической войны, когда Ганнибал, ведя армию через теснины, использовал для дробления скал уксус и огонь от костров[24]. Представляет практический интерес совет Анонима периодически менять расположение своего войска на местности: днем отводить его на возвышенности и оттуда отражать натиск врага с помощью пращей и метания камней вручную, а ночью вновь возвращаться в низину[25] – рекомендация, делающая честь и военно-аналитическому мышлению Анонима, и его боевому опыту. Наконец, он гораздо конкретнее и детальнее всех своих предшественников при описании форсирования рек, в том числе и горных[26].

Период наивысшего развития византийской военной организации представлен двумя выдающимися памятниками полемологической мысли – "Стратегиконом Маврикия" и "Тактикой Льва". Отделенные друг от друга тремя столетиями, эти трактаты, тем не менее, теснейшим образом связаны между собой. Главное, что их объединяет, – это стремление к энциклопедическому охвату и систематизированному изложению всего комплекса военно-научных знаний. Если к тому же разделить предположение, что оба труда принадлежат перу венценосных авторов, репрезентативность содержащихся в них сведений должна быть признана максимально высокой.

В "Стратегиконе Маврикия"[27] вопросы, возникающие в ходе боевых столкновений в горах, рассматриваются в традиционном контексте – при изложении правил совершения марша через труднопроходимую местность. К рассмотрению указанных сюжетов Маврикий обращается дважды – сначала при описании движения смешанной колонны, включающей и кавалерийские, и пехотные подразделения[28], и повторно – когда речь идет только о марше пехотного войска. В целом, вклад Маврикия в теорию и практику горной войны приходится признать достаточно скромным, хотя наличие у него значительного боевого опыта в ведении войны с самыми различными противниками не вызывает ни малейших сомнений. Пожалуй, более акцентированно, чем у предшествующих военных авторов, в "Стратегиконе" прозвучали лишь две важные идеи. В частности, Маврикий гораздо более императивен в своем требовании персональной ответственности военачальников всех рангов (начиная со стратига) за обеспечение мер безопасности вверенных им частей и подразделений: соответствующий военачальник должен разместиться в самом угрожающем пункте маршрута и находиться там до тех пор, пока все его подчиненные не преодолеют опасный участок[29]. Не менее категорична и вторая установка Маврикия: войско, возвращающееся из похода через горную местность, должно без сожаления пожертвовать захваченной добычей, если оно окажется в угрожающем положении. При этом пленные призваны сыграть роль своеобразного живого щита, выставленного по обеим сторонам строя, чтобы они приняли на себя удары вражеских копий и стрел. Добыча же может стать предметом переговоров с неприятелями и, в конце концов, уступлена им в качестве гарантии беспрепятственного выхода с вражеской территории[30].

Обобщающим исследованием, подведшим итог всего предшествующего развития военно-научной мысли, явился грандиозный труд императора Льва VI Мудрого,

[24] Ibid. 1. P. 60, 47–56. Приведенный Анонимом эпизод известен по сочинениям ряда историков, в частности Тита Ливия (История от основания Рима. XXI, 37).
[25] Anonymus. 37. P. 110, 3–12.
[26] Ibid. 19. P. 62–68.
[27] Пользуемся изданием: Das Strategikon des Maurikios / Ed. G.T. Dennis, E. Gamillscheg. Wien, 1981. (Далее: Strategicon).
[28] Strategicon. IX, 4. P. 322–326.
[29] Ibid. I, 9. P. 104, 39–46.
[30] Ibid. IX, 4. P. 324–326, 45–59.

созданный на рубеже IX и X столетий[31]. Главная цель Льва при работе над своим сочинением состояла в систематизации материала, почерпнутого им из более ранней военно-научной литературы, – собственный боевой опыт у этого выдающегося кодификатора полностью отсутствовал. Интересующие нас сюжеты сконцентрированы преимущественно в IX главе "Тактики", носящей наименование "Περὶ ὁδοιπορίας"[32]; в данном случае Лев просто не мог не следовать уже установившейся традиции. Гораздо более многозначительным и симптоматичным представляется тот факт, что двумя письменными источниками, заслужившими преимущественное внимание писателя-императора, явились сочинения Онасандра и Маврикия, – тех авторов, первый из которых открыл историографию горной войны в военной литературе, а второй замкнул круг предшественников Льва по жанру.

"Тактика Льва" завершила тот период в развитии военно-научных знаний, в рамках которого горная война еще не приобрела характер специфического вида боевых действий, способного претендовать на самостоятельное значение. Столкновения в горах продолжали рассматриваться как всего лишь частные и кратковременные эпизоды, возникавшие, как правило, на стадии преодоления войсками естественных пограничных рубежей. Не случайно поэтому у большинства писателей соответствующая информация оказывалась вмонтированной в изложение правил походных передвижений. При этом презюмировалось, что армия в горах не призвана действовать активно, а обязана всего лишь организовать собственную безопасность: ее первостепенная задача состояла в том, чтобы благополучно перенести свой боевой потенциал через угрожающий участок маршрута, сохранив полную готовность к решающим действиям, которые еще предстоят в будущем.

Все рекомендуемые в таких случаях меры безопасности были направлены на достижение двух целей. Главная состояла в том, чтобы исключить самую возможность боевого воздействия противника на армию, совершающую марш в условиях горной местности. Но если эта основная цель оказывалась недостижимой, тогда вторая заключалась во всемерной минимизации навязанного противником контакта, в недопущении его перерастания в масштабные боевые действия с участием главных сил. Аксиомой военной теории оставалось положение о том, что судьбы военных кампаний должны решаться в процессе непосредственного противоборства на открытой равнинной местности, и все компоненты военной организации (количественные и структурные параметры армейских подразделений, виды вооружения и снаряжения, схемы мобильных и стационарных тактических построений, модели лагерного устройства, конкретные способы вооруженной борьбы и т.п.) строились и совершенствовались именно на этом основополагающем постулате. Теория же горной войны, сохранявшая выраженный аппликативный характер, пребывала на периферии внимания военных авторов, а ее проблематика не выходила за границы, очерченные Онасандром и санкционированные Вегецием.

Значительная активизация военной мысли в анализируемой сфере произошла в конце X в., в условиях существенного изменения военно-стратегического положения империи. Два памятника военной литературы, по существу завершающие византийскую полемологическую традицию, наиболее показательно (но каждый по-своему) отразили динамику произошедших перемен.

Самой оригинальной разработкой автора трактата "De velitatione bellica"[33] должна быть признана идея стратегического заслона, выставляемого в горах Тавра на направлении вероятных арабских вторжений[34]. Эту идею предписывалось реализо-

[31] Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris Tactica / Ed. J.-P. Migne // PG. 107. 1863. (Далее: Tactica).
[32] Tactica. IX. Col. 768C–788B.
[33] Пользуемся изданием: Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Ed. G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986. (Далее: De vel. bell.).
[34] Подробнее см. об этом: *Кучма В.В.* К вопросу о военно-теоретическом уровне трактата "De velitatione bellica" // BS. 1995. LVI. P. 394–395.

вать в обширном комплексе мероприятий[35], включавшим своевременное выдвижение на намеченный рубеж, овладение ключевыми пунктами и позициями (господствующими высотами, перевалами, входами и выходами из дефиле, источниками воды), оптимальное размещение различных родов войск с учетом рельефа местности (в частности, распределение пехоты по нескольким горизонтальным уровням), обеспечение безопасности отдельных частей и подразделений. По замыслу автора, успешное осуществление маневра может привести к двояким по масштабу последствиям, но в обоих случаях благоприятным для обороняющейся стороны: либо к полному поражению неприятеля и к выигрышу всей военной кампании, либо к нанесению противнику значительного урона, который заставит его существенно скорректировать свои первоначальные планы.

Таким образом, в трактате "De velitatione bellica" боевой операции в горах был впервые придан характер особого, самостоятельного этапа военной кампании, планирование и организация которого составляла специальную цель военного командования. Без прохождения этой обязательной фазы оказывалась невозможной реализация дальнейших планов – вариантность исхода горной операции была соотнесена с возможными корректировками стратегических замыслов всей военной кампании. При этом не может быть оставлено без внимания настойчивое стремление автора подчеркнуть сугубо практический характер предлагаемых рекомендаций – он делает это, сославшись на успехи ромейского оружия, достигнутые во времена Константина Багрянородного и его сына Романа[36].

Условия горной местности могли быть эффективно использованы и на заключительных этапах военной кампании против неприятеля, возвращающегося из похода. Фрагментарные замечания, высказанные на этот счет по ходу изложения другой информации[37], в конце трактата суммированы в двух специальных главах[38]. Все правила предстоящей операции изложены здесь с исчерпывающей полнотой и привязаны к конкретному региону на юго-восточных рубежах империи, где реально разворачивалось арабо-византийское противостояние 40-х – 60-х годов X в.

В целом трактат "De velitatione bellica" предопределил перспектику существенных подвижек в традиционной парадигме горной войны. Однако говорить о радикальной качественной ее ревизии было бы еще преждевременно: по крайней мере метод παραδρομή, специально разработанный автором в качестве главного средства борьбы с арабскими рейдами[39], был ориентирован на его применение не в горах, а на открытых пространствах. Немаловажным тормозящим моментом было и то обстоятельство, что концептуальные установки трактата "De velitatione bellica" питались не наступательными, а оборонительными постулатами. Между тем вся история мировой военной науки свидетельствует, что в роли качественно новых ступеней ее прогрессирующей эволюции выступают, как правило, такие сочинения, которые строятся на принципах наступательной доктрины.

Принципиально новая модель горной войны нашла свое воплощение в трактате "De castrametatione"[40]. Преимущественное внимание его автора обращено на северо-западные рубежи; в качестве главного военного соперника империи рассматриваются болгары. Существенно, что византийская армия мыслится не обороняющейся,

[35] De vel. bell. III, 1–6. P. 41–45.

[36] Del vell. bell. III, 6. P. 43, 39–45.45. Речь идет об эпизодах военных кампаний 950, 958 и 960 гг., в которых византийские войска возглавлялись соответственно Вардой Фокой, Иоанном Цимисхием и Львом Фокой. Подробнее об этом см.: *Canard M.* Histoire de la dynastie des Hamdanides. P., 1953. P. 763–768, 795, 801–803.

[37] См., например: Del vell. bell. IV. 3. P. 45, 10–16; V, 1–2. P. 47; X, 19–20. P. 73, 141–152 etc.

[38] Ibid. XXIII, 1–7. P. 125–129; XXV, 1–3. P. 133–135.

[39] Военно-оперативная сущность этого метода, а также содержание составляющих его компонентов определены нами в статье: *Кучма В.В.* Метод παραδρομή: феномен военной теории и боевой практики X в. // ВО. 1996.

[40] Новейшая публикация – в издании, указанном в примечании 22, p. 246–326. (Далее: De castr.).

а наступающей стороной, находящейся в условиях заграничного похода, причем главнокомандующим экспедиционного войска является сам император[41].

Среди всех военно-научных проблем, занимавших внимание автора "De castrametatione", на первом месте стоят вопросы оборудования, функционирования и практического использования военного лагеря. Как известно, теория лагерного устройства является одним из самых консервативных разделов военной науки; тем более впечатляющими оказываются новые, в высшей степени оригинальные свидетельства, которые появились на страницах трактата именно в связи с особыми условиями горной войны.

Так, в специальной главе[42] рассматривается случай, когда условия местности заставляют разделить все экспедиционное войско на две части и разместить их в двух отдельных лагерях. Естественно, что подобное вынужденное отступление от традиционной схемы изменяет привычный стереотип действий, увеличивает объем инженерно-строительных работ, вынуждает командование осуществить комплекс дополнительных мероприятий, направленных как на обеспечение безопасности разделенных частей армии, так и на организацию взаимодействия между ними. И хотя подобная бинарная конструкция рассматривалась как временная, рассчитанная не более чем на одну ночь, к ее оборудованию рекомендовалось отнестись с неменьшей тщательностью, чем к строительству обычного лагеря по ординарной схеме.

Будучи профессиональным военным, имеющим соответствующую общетеоретическую подготовку, автор "De castrametatione" был хорошо знаком с общими правилами марша через трудноодолимые участки. Рекомендации, излагаемые им по данному поводу, чрезвычайно подробны[43]. Однако все они продолжают оставаться в рамках традиционной схемы, и тщательность проработки отдельных деталей пока еще не порождает какой-то качественной новизны.

Гораздо более оригинальным становится изложение материала, когда автор обращается непосредственно к реальным боевым действиям в горах. Не связанный никакой книжной традицией он осмысленно и уверенно излагает современную, хорошо известную ему информацию, основанную на собственном боевом опыте. Общий императивный тон, который вообще свойствен его писательской манере, в этих обстоятельствах приобретает особую категоричность.

В представлении автора "De castrametatione" решающими эпизодами войны в горах являются столкновения, разворачивающиеся в ключевых позициях горного рельефа – узких проходах, теснинах или ущельях, обозначаемых термином клисуры. При этом оказываются возможными два варианта развития событий. Первый вариант, рассмотренный в специальной главе[44], рассчитан на ситуацию, когда клисуры не заняты неприятелями. И хотя дорога кажется свободной, вводить сразу все экспедиционное войско в трудноодолимую местность считается крайне нецелесообразным – предварительно следует осуществить ряд мероприятий, предусмотрев их строгую последовательность. За один или два дня до перехода через клисуру должен быть выслан вперед отряд пехоты, в котором лучники и метатели дротиков должны численно преобладать над тяжеловооруженными воинами; для взаимодействия с пехотой и "с целью ее большего воодушевления" отряду могут быть приданы и кавалерийские подразделения. Во главе отряда следует поставить наиболее опытного архонта; в его подчинении должны находиться младшие командиры, име-

[41] Представляется вероятным предположение о том, что непосредственным поводом к созданию анализируемого трактата явились события лета 986 г., когда византийская армия во главе с императором Василием II совершила поход в Болгарию, окончившийся неудачей. Обстоятельства этого похода нашли яркое отражение в описании непосредственного участника этих событий (*Лев Диакон.* История. X, 8. М., 1988. С. 89–90).

[42] De castr. 7. P. 272–274.

[43] Ibid. 14. P. 284–286.

[44] Ibid. 19. P. 292–294.

ющие опыт боевых действий на Западе. Главная задача этих передовых сил состоит в захвате господствующих высот и укрепленных фортов (если они там имеются), чтобы надежно контролировать главную дорогу, по которой предстоит двигаться армии, а также охранять все подходы, откуда неприятель мог бы нанести неожиданный удар. Когда эта задача будет выполнена, о чем императору должно быть послано специальное донесение, армия может приступать к переходу через клисуру. В голове походной колонны будут следовать две таксиархии[45] пехоты, несущие с собой секиры и топоры для расчистки пути; две таких же пехотных таксиархии должны замыкать всю походную колонну. Порядок следования главных сил (строевых частей пехоты и кавалерии, отрядов императорской гвардии, обоза, арьергардных структур) должен быть установлен заранее и неукоснительно соблюдаться в течение всего перехода. Архонт передового отряда обязан контролировать клисуру вплоть до полного ее преодоления экспедиционным корпусом, лишь после этого он вместе с подчиненными ему людьми может присоединиться к арьергарду.

Еще более развернутый план действий предусмотрен на случай, когда выяснится, что клисуры уже заняты неприятельскими силами[46]. Прежде всего следует попытаться обойти занятую клисуру другой свободной дорогой, даже если она удалена от первой на расстояние трех или четырех дней пути. Автор трактата из собственного опыта знает, что враги оставляют многие дороги без внимания, полагая их либо неизвестными византийскому командованию, либо непреодолимыми. Между тем, организовав тщательную разведку и воспользовавшись помощью опытных проводников, свободно ориентирующихся на местности[47], возможно провести армию таким маршрутом, который не брался неприятелем в расчет.

Если же возможности обойти занятую клисуру не имеется, все дальнейшие усилия должны быть направлены на то, чтобы выбить неприятели с укрепленной позиции. По главной дороге, ведущей к клисуре, должен подойти отряд легковооруженной пехоты, имея целью спровоцировать врага на столкновение и выманить его на себя притворным отступлением. Одновременно по боковым дорогам и тропам с тыла или во фланг неприятелю должны зайти другие отряды. Когда неприятель будет вынужден оставить клисуру, дальнейший порядок действий должен быть таким, как это предписано в предыдущей главе. И если войску предстоит вновь преодолевать эту же клисуру на обратном пути, целесообразно выделить особый отряд, который будет оставаться здесь вплоть до возвращения армии из экспедиции.

Все вышеизложенные рекомендации относятся к начальной фазе военной кампании, когда византийское войско только вступает на территорию врага. Но особенно тщательно проработаны в трактате сюжеты, касающиеся завершающего этапа экспедиции, когда войско, обремененное добычей и пленными, возвращается к себе. Автор справедливо замечает, что в начале кампании враг, как правило, еще недостаточно организован: он не знает направления главного удара византийских сил и потому не в состоянии противопоставить ему скоординированную систему ответных мероприятий. Принципиально иными могут быть действия противника, когда экспедиционное войско возвращается назад: враг может без труда просчитать все вероятные маршруты отхода византийцев и сосредоточить силы в самых ключевых пунктах этих маршрутов.

Автор трактата убежден в том, что не следует приступать к преодолению клисуры, если армия (особенно пехота) утомлена предшествующим переходом. Убедившись, что клисура занята неприятелем, необходимо прекратить движение и стать лагерем в подходящем месте, обеспеченном водой. "Успокоив армию и возбудив ее

[45] О структуре частей и подразделений см. в исследовании: *Kühn H.-J.* Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation des Tagmata. Wien, 1991.

[46] De castr. 20. P. 294–302.

[47] Ряд интересных соображений относительно общих принципов организации разведывательной службы и службы проводников высказан в отдельной главе трактата (De castr. 18. P. 290–292).

мужество", следует начать переход на следующее утро, соблюдая все требования безопасности.

Особую осторожность необходимо проявлять в условиях, когда византийская армия, имея впереди себя занятые врагами клисуры, одновременно подвергается воздействию преследующих ее главных неприятельских сил. На этот случай в трактате предусмотрена сложная, весьма оригинальная тактическая схема, основанная на круговой системе заградительных отрядов и рассчитанная на одновременное решение обеих задач: и разблокирование клисур, и недопущение удара по тылу. Однако, если клисуры, запирающие выход, защищены настолько, что оказываются неприступными, рекомендуется решение двух названных задач развести во времени. Отказавшись от немедленного преодоления клисур, надлежит предоставить личному составу отдых. Затем, перегруппировав боевые части кавалерии, следует двинуть их против полевой армии неприятеля, нанести ей поражение и преследовать ее до полного рассеяния; в случае необходимости кавалеристам должны оказать помощь и пехотные подразделения. И если достигнутая таким способом победа окажется впечатляющей, она сможет оказать деморализующее воздействие на неприятельские отряды, охраняющие клисуры. В случае их добровольного отступления специальной операции по деблокированию клисур может вообще не понадобиться. Но если неприятельские части, охраняющие теснины, будут продолжать удерживать свои позиции, такая операция должна быть подготовлена с соблюдением всех необходимых требований. Прежде всего, должна быть произведена тщательная разведка, в результате которой византийское командование смогло бы получить точные сведения и о силах противника, и об условиях их дислокации. После этого против вражеских заградительных отрядов следует двинуть значительные силы легкой пехоты (около тысячи человек), включающей метателей дротиков, лучников и пращников. Эти силы не должны предпринимать лобовых штурмов, но вести обстрел с дальних позиций, комбинируя его с тыловыми и фланговыми ударами. Если же враг будет упорствовать, дело должны решить отряды тяжеловооруженных пехотинцев – оплитов, в состав которых будет включено отдельное подразделение менавлатов[48].

Мы сочли необходимым подробно изложить содержание этих пассажей "De castrametatione", в которых информация о правилах сражений в горах изложена с наибольшей полнотой и последовательностью. Однако интересующие нас сюжеты рассыпаны и во многих других разделах трактата, причем в большинстве случаев они тоже как или иначе увязаны с боевыми действиями в клисурах. В частности, автор обращает серьезное внимание на организацию снабжения экспедиционных сил продуктами питания и фуражом. Ему известно, что страна болгар очень бедна продовольственными ресурсами, особенно ячменем[49]. И поскольку армия не в состоянии нести с собой запас фуража более чем на 24 дня, успех предстоящей кампании находится в прямой зависимости от поступления припасов из собственной страны. Поэтому важнейшая задача командования заключается в том, чтобы разработать оптимальную схему регулярного пополнения ресурсов, определить маршруты движения продовольственных транспортов через горную местность, разместить в ключевых пунктах этих маршрутов особые боевые отряды – не только стационарные, но и подвижные, предназначенные для сопровождения обозов[50].

Контроль над клисурами необходим и тогда, когда византийская армия, уже находящаяся на территории противника, получает пополнение за счет тех военнообязанных, которые по различным причинам не попали в первый призыв. Такие дополнительные отряды, двигающиеся вдогонку главным силам, вынуждены преодоле-

[48] Подробно о вооружении различных родов войск см. в исследовании: *Kolias T.* Byzantinische Waffen. Wien, 1988.

[49] De castr. 21. P. 304, 30–31.

[50] Ibid. 21. P. 304, 36–42.

но, пишет он, идти вперед, оставляя позади себя неохраняемые "пропасти и бездны"[6]; безопасность возвращения войска должна быть обеспечена путем размещения на ключевых позициях боевых отрядов и групп, обязанных оставаться здесь до полного завершения похода.

Заслуживают внимания еще несколько конкретных рекомендаций Онасандра. Одна из них побуждает военное командование самым внимательным образом изучать предстоящий театр военных действий. Намеренно заостряя свою мысль, Онасандр пишет, что за местностью следует наблюдать даже более тщательно, чем за неприятелем[7]. В связи с этим характер местности должен обязательно учитываться при оценке результатов визуальных наблюдений, так, размер вражеского лагеря, расположенного в горах, вследствие оптической аберрации всегда представляется большим, нежели он есть в действительности[8]. Другая рекомендация, изложенная как частное предостережение, в действительности приобретает поистине универсальный характер. Первоочередная задача всякого военачальника, особенно того, чьи войска уступают превосходящим силам противника, состоит в том, чтобы обратить условия горной местности исключительно в свою пользу. Особенно важно не допустить, чтобы неприятель захватил позиции над головами нашего войска, напротив, нужно обязательно превзойти его, опередив в захвате господствующих высот[9]. Эта, казалось бы, тривиальная мысль в действительности является основополагающей аксиомой горной войны, сохраняющей свою актуальность вплоть до настоящего времени: в горах всегда сильнее тот, чьи позиции господствуют над расположением противника.

И наконец, значительный интерес представляет установка Онасандра о недопустимости чрезмерного растягивания походной колонны на марше через горную местность. Случалось, пишет он, что в момент выхода войска с гор на равнину передовые отряды походной колонны, значительно варвавшиеся вперед, ошибочно принимали арьергардные подразделения собственного войска за неприятельские боевые части, вследствие этой роковой ошибки дело доходило до столкновений между ними[10]. Изложенный казус имеет характер явной реминесценции какого-то реального боевого эпизода, но указать прямой источник данного сообщения не представляется возможным.

Информация, систематизированная Онасандром, оказала существенное воздействие на творчество Секста Юлия Фронтина[11], известного военачальника и государственного деятеля конца I в. н.э., автора трактата "Strategemata" – сборника военно-исторических иллюстраций к деяниям великих полководцев древности[12]. В частности, Фронтину хорошо известны преимущества, которыми обладает в горах более высокая позиция: она увеличивает эффективность стрельбы в позиционных сражениях и усиливает таранную мощь удара при непосредственном столкновении[13], поэтому опытные военачальники должны стремиться к тому, чтобы выше позиций противника располагался не только их боевой строй, но и лагерь[14]. Более подробно, чем Онасандр, Фронтин осветил те сюжеты, которые связаны с прорывом из окружения в теснинах: здесь необходимы и дополнительные инженерные работы, и отвлекающие удары, и дезинформация противника, и использование кажущихся недоступными боковых троп, и разумное применение всех имеющихся подручных средств[15].

[6] Ibid. XXXII, 1. P. 474.
[7] Ibid. XI, 1, 4. P. 432.
[8] Ibid. X, 8, 17. P. 422.
[9] Ibid. XXI, 3. P. 454.
[10] Ibid. VI, 5. P. 398.
[11] Тезис о взаимосвязанности сочинений Онасандра и Фронтина, а также о влиянии этих обоих авторов на Вегеция (см. о нем ниже) был впервые выдвинут и обоснован в исследовании: *Schenk D.* Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma rei militaris // Klio. 1930. 22. S. 81 ff.
[12] Имеется русское издание: *Секст Юлий Фронтин.* Стратегемы / Пер. А. Рановича // ВДИ. 1946. № 1. С. 219–306. (Далее: Фронтин).
[13] Фронтин. II, 2, 2–4. С. 240.
[14] Там же. I, 5, 11. С. 229; I, 5, 24. С. 231.

Неоспорим факт значительного влияния сочинений Онасандра и Фронтина на трактат Флавия Вегеция Рената "Epitoma rei militaris"[16], датируемый рубежом IV и V веков. Наиболее сильная сторона Вегеция заключается в умении четко, определенно и однозначно определить идеальную конструкцию того или иного элемента из сферы военных реалий, подыскать для него чеканную словесную характеристику. В полной мере сказанное относится и к эпизодам, рисующим боевые действия в горах. Первое, в чем нуждается военачальник, – это в подробном плане местности, с нанесенными на этот план всеми особенностями рельефа, с указанием точных расстояний от пункта до пункта, измеренных в шагах. Вегеций упоминает о древней практике составления подобных карт, не только размеченных условными знаками, но и разрисованных в разные цвета для удобства пользования[17]. Столь подробная проработка данного сюжета отличает Вегеция не только от его предшественников – мы не встретим подобной детализации и во всей последующей военно-научной литературе. Вегецием впервые уделено значительное внимание рациональному использованию проводников из числа местных жителей, которые должны находиться под строгой охраной[18]; этим подчеркнута необходимость сохранения маршрута предстоящего движения в строжайшей тайне. Разумеется, автору известны и общие положения о необходимости предварительного разведывания и расчистки предстоящего маршрута, о недопустимости излишнего растягивания походных колонн, об опасности вражеских засад в горах, о преимуществах господствующей позиции[19]. "Старайся, – суммирует Вегеций все вышесказанное, – чтобы ... ты прежде всего получил помощь от благоприятного тебе места; считается, что оно будет тем лучше, чем выше оно лежит. На находящихся внизу копья падают сильнее, и с большей стремительностью сторона, стоящая выше, гонит тех, кто с трудом поднимается вверх против нее. Тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой – и с местом, и с врагом"[20].

По справедливому замечанию М. Йенса[21], в трактате "Epitoma rei militaris" мы встречаем одну из первых попыток свести важнейшие основы военной теории к четким, кратким императивным постулатам, изложенным в догматической форме. Поэтому в эпоху, когда господствующим стал жанр военных энциклопедий, имя Вегеция приобрело громадную популярность. Уже с V в. трактат "Epitoma rei militaris" начал расцениваться как средоточие высшей военной мудрости; его установки и рекомендации приобрели характер непреложных истин.

Собственно византийский этап в развитии военной науки открывается анонимным военным трактатом "Περὶ Στρατηγίας"[22], датируемым временем Юстиниана I. Грандиозные проекты этого императора по укреплению рубежей своих владений нашли воплощение в весьма деловых, сугубо практичных рекомендациях Анонима по строительству, оборудованию и методам обороны пограничных городов, сооружаемых, как правило, в условиях пересеченной местности и с непременным учетом перспектив горной войны[23].

[15] Там же. I, 5, 10–21. С. 229–231.
[16] Пользуемся изданием: *Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 1. С. 231–299. (Далее: Вегеций).
[17] Вегеций. III, 6. С. 260.
[18] Там же. III, 6. С. 261.
[19] Там же. III, 6. С. 262.
[20] Там же. III, 13. С. 269.
[21] *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 117.
[22] Пользуемся изданием: Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation, and Notes by G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 1–136. (Далее: Anonymus).
[23] Anonymus. 10–13. P. 30–44.

сколько путем переговоров, так как никейское войско не взяло с собой осадных орудий.

Почти все исследователи относят этот поход к 1242 г.[10], не принимая датировку Ф. Дэльгера и П. Вирта, которые считают, что поход состоялся весной–летом 1241 г., а сам договор с Иоанном Ангелом был заключен не позднее конца 1241 г.[11] Аргументация немецких ученых строится на основании одного места у Акрополита. Там говорится, что Ватац после возвращения из-под Фессалоники провел по обычаю зиму в Нимфее, а потом отбыл в Лампсак, где пробыл лето и начало осени. В начале зимы он отправился в Пиги, но в дороге случился очень сильный холод[12]. И "это произошло, как мне помнится, – говорит историк, – 18 декабря 6741 (1232)"[13]. То, что здесь неправильная дата – несомненно. Уже издатель критического текста А. Гейзенберг исправил ϛψμα' на ϛψνα' (6751 = 1242)[14], с чем согласился Ф. Дэльгер, а затем и П. Вирт. Исходя из 18 декабря 1242 г. поход на Фессалонику и датируется ими до зимы 1241/42 г., так как год после возвращения император провел на востоке.

Однако не все так просто и ясно. Обратимся к основному и единственному источнику об этих событиях – Георгию Акрополиту: "Окружив город, император Иоанн употреблял против него [все средства], какими он располагал... Прошло немного дней и татары выступили против мусульман, сразились с ними и победили. Это известие раньше всех дошло до императора, так как было отправлено его сыном императором Феодором, которого он оставил находиться в области Пиг"[15]. И далее: "Как только император услышал эту весть, он приказал знающим это молчать и никому не сообщать, сам же вступил в переговоры с ближайшим окружением Иоанна... и в течение 40 дней союз был заключен"[16], после чего Ватац отправился на восток.

Безусловно, главное в этом сообщении – нападение татар на Иконийский султанат и поражение сельджуков. Это было второе[17] нападение монголов на Иконий. Осенью 1242 г. их войско под командованием Байджу-нойона, только что сменившего на этом посту Чормагуна, вторглось в Юго-Западную Армению, подвластную тогда сельджукам, и взяло город Эрзерум[18]. Перезимовав в Мунганской долине, весной 1243 г. Байджу вновь напал на султанат и в решительном сражении с 80–100-тысячным войском султана Гийяс ад-Дин Кай-Хюсрава II (1237–1246) одержал победу[19]. Эта битва произошла около гор Кёсе-Даг, в местности Чманкатук, расположенной между городами Эрзинджан и Севастия[20] 26 июня[21] или 2 июля[22] 1243 г. После этого монгольские войска захватили Эрзинджан, Севастию, Кесарию и сделали данником Иконийский султанат.

Вне всякого сомнения, речь у Акрополита идет об этом сражении. Поэтому ни 1241 г., ни 1242 г., как время похода никейского императора на Фессалонику, не подходят. Дата монгольско-сельджукского сражения (конец июня – начало июля) позволяет нам более точно определить время осады города. Известие о поражении сельджукского султана и находящихся у него греческих войск могло дойти до никейского императора не ранее начала августа 1243 г., учитывая более чем тысячекилометровое расстояние от Севастии до Фессалоники. После этого 40 дней продолжались переговоры о сложении императорских знаков власти Иоанном Ангелом. Следовательно, Иоанн III ушел на восток где-то в середине сентября и прибыл в Нимфей (возможно, чтобы ускорить путь, до Смирны он плыл морем), где его ждало посольство сельджукского султана, которое он хорошо принял и заключил договор с Иконией[23]. Этот союз вскоре (в конце 1243 г.) был подтвержден при личной встрече Иоанна III и султана Кай-Хюсрава II в Триполи, по которому Никея, вероятно, согласилась предоставить султану тысячный отряд[24].

После этого никейский император вновь отправился в Нимфей, где провел остаток зимы, а лето и всю осень находился около Лампсака[25]. Возможно, он был занят строительством флота и подготовкой нового похода на Фессалонику[26]. Когда же вновь пришла зима 1243/44 г., он отправился в Пиги, но около Сигрены в результате жесточайшей вьюги и мороза, у него погибло много людей[27]. Следовательно, в указанной Акрополитом дате (18 декабря ϛψμα') об этом природном явлении писцом первоначальной рукописи (сомнительно, чтобы сам историк мог так ошибиться) была допущена описка в двух последних цифрах. Таким образом, дата должна читаться 18 декабря ϛψνγ' (6753) = 18 декабря 1244 г.

Косвенно подтверждает поход никейских войск против Фессалоники весной–летом 1243 г. присутствие в них значительного половецкого контингента. Это были бежавшие от татар, вторгшихся в начале 1241 г. в Венгрию и Северное Подунавье,

---

[10] *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 138–139; История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 61; *Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarids of Nicaea (1204–1261). L., 1975. P. 179; *Данчева-Василева А.* България... С. 153; *Σταυρίδου-Ζαφράκα А.* Νίκαια καὶ Ἤπειρος τὸν 13° αἰ. Ἰδεολογικὴ αντιπαράθεση στὴν προσπάθεια τούς νά 'ανακτήσουν τὴν αὐτοκρατορία. Θεσσαλονίκη, 1990. Σ. 87; *Γουναρίδη Π.* Ἡ φεουδαρχία στὸ δεσποτάτο τῆς Ἠπείρου. Πρακτικὰ Διεθνοῦς Σύνεδρίου για Δεσποτάτο τῆς Ἠπείρου. Athens-Arta, 1993. Σ. 41; *Prinzing G.* Das Kaisertum im Staat von Epiros: Propagierung, Stabilisierung und Verfall // Ibid. S. 30; *Stavridou-Zafraka A.* The Empire of Thessaloniki (1224–1242). Political Ideology and Reality // Βυζαντιακά. 1999. 19. P. 222 и др.

[11] Dölger-Wirth. Regesten. N. 177; Сторонником этой датировки является и Ф. Бреденкамп (*Bredenkamp F.* The Byzantine Empire... P. 260).

[12] Acrop. I. P. 67.26–68.13.

[13] Ibid. P. 68.13–14.

[14] Ibid. Notae. P. 306.

[15] Ibid. P. 66.23–67.6: τὸ τῶν Ταχαρίων ἔθνος κατὰ τῶν Μουσουλμάνων χωρῆσαν καὶ πόλεμον κατ' αὐτῶν συρρῆξαν νενίκηκε (P. 67.1–3).

[16] Ibid. P. 67.11–16.

[17] Первое относится к 1236–1237 гг., в последний год правления Ала ад-Дин Кай-Кубада I (1219–1237). – Gregory Abu 'l-Faraj know as Bar Hebraeus. The Chronography. Traslated from the syriac... by E.A.W. Budge. Amsterdam, 1976. Vol. 1. P. 402; Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Hrsg. von Duda H.W. København, 1959. (Далее: Ibn Bibi). S. 206.

[18] Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 26, 35, 104, 175; Ibn Bibi. S. 223–224; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330. N.Y., 1968. P. 137.

[19] В войске султана находились вспомогательные отряды из Алеппо, Трапезунда, Киликийской Армении, а также более 2 тыс. наемников из латинян, которыми командовали Иоанн с Кипра и Бонифаций из Генуи. Был там и тысячный греческий отряд, состоящий из набранных греков на подвластной султану территории и нескольких сот, присланных из Никеи. – Ibn-Bibi. S. 227; *Simon de Saint-Quentin.* The Histoire des Tartares / Ed. J. Richard. P., 1965. P. 70; Gregory Abu 'l-Faraj... P. 406; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey... P. 135–137; *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. L., 1971. P. 234; *Галстян А.Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. М., 1977. С. 173.

[20] Ibn Bibi. S. 230–231; Gregory Abul'l-Faraj... I. P. 407; Армянские источники... С. 176; *Галстян А.Г.* Завоевание Армении... С. 113–114.

[21] Gregory Abul'l-Faraj... P. 407; *Grousset R.* L'Empire des steppes. P., 1939. P. 325–328; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey... P. 128; *Жуков К.А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 13; *Σαββίδης А.Г.* Κιοσέ Ντάγ, μάχη τοῦ 1243 // Μεγάλη Γενικὴ Ἐγκυκλοπαιδεία Ὑδρία. 33. Σ. 25.

[22] *Wolff R.L.* Latin Empire of Constantinople. 1204–1261 // A History of the Crusades. Vol. 2. The Later Crusades, 1189–1311. Philadelfia, 1962. P. 223; *Kafesoğlu I.* A History of the Seljuks. Ibrahim Kafesoğlu's Interpretation and the Resulting Controversy. Translated, Edited and with an Introduction by G. Leiser. Illinois U.P., 1988. P. 17; *Новичев А.Д.* (История Турции. I: Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л., 1963. С. 19) датирует сражение 1 июля.

[23] Acrop. I. P. 9.1–19.

[24] Ibid. P. 69.24–70.7; Dölger-Wirth. Regesten. N. 1776; *Savvides A.G.C.* Byzantium's Oriental front in the First Part of the Thirteenth Century: The Empire of Nicaea and Trabezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace // Δίπτυχα. 1982 –1983. P. 175.

[25] Acrop. I. P. 69.10–19.

[26] Около Лампсака, в Олкосе с 1225 г. находилась одна из баз строительства никейского флота. См.: *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. P., 1966. P. 316–317, 324–325.

[27] Acrop. I. P. 68.4–14.

половецкие орды. Часть их Ватац поселил в том же году (1241) во Фракии, другую же в 1242 г. в Малой Азии, в долине Меандра, около Сард и Филадельфии[28]. А поскольку, по словам Акрополита, это произошло "недавно"[29], то едва ли весной 1242 г. они могли быть уже включены в ромейское войско, отправляющееся из Малой Азии на Балканы.

Таким образом, можно определенно констатировать, что военная компания Иоанна III против Фессалоники проводилась весной–летом 1243 г. и была прервана сообщением о поражении сельджуков 26 июня/2 июля около Кёсе-Дага.

Но как в таком случае установленную хронологию похода согласовать с датой смерти болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241), поскольку никейский император пошел на Балканы после его кончины и заключения договора с новым царем, малолетним Калиманом?[30] В литературе прочно установилось, что Иван II умер около 24 июня 1241 г.[31] Если следовать общепринятой датировке похода Ватаца на Фессалонику (весна–осень 1242 г.), которая, как мы установили выше, не верна, то события, произошедшие после смерти Асеня II (договор с Калиманом и приглашение в Никею Феодора Ангела) вполне логично укладывались во временны́е рамки осени 1241 г. – весны 1242 г. Если же исходить из новой даты начала похода против Иоанна Ангела (весна 1243 г.), то несколько странным может показаться столь длительная (с осени 1241 г. по весну 1243 г.) подготовка похода и трудно установить, когда же прибыл в Никею Феодор Ангел. Но, может быть, есть основания для сомнения в принятой дате смерти Ивана II? Рассмотрим подробнее.

Эта датировка опирается на единственное свидетельство французского аббата и хрониста XIII в. Альберика, помещенное им под 1241 г.[32] Вместе с тем в нашем распоряжении имеются еще по крайней мере два современных этому событию источника. Во-первых, это стихотворная хроника Филиппа Мускэ, в которой о смерти Ивана II[33] сообщается после кончины пап Григория IX и Целестина IV[34]. Григорий IX умер 22 августа 1241 г.[35] Находившиеся в Риме 10 кардиналов после двухмесячной борьбы за святой престол 25/28 октября 1241 г. выбрали в папы кардинала Джофреда под именем Целестина IV, но уже 10 ноября 1241 г., еще до своего посвящения он был отравлен[36]. Таким образом, согласно Филиппу Мускэ, Асень умер не ранее ноября 1241 г., а скорее всего позже.

Второй источник – это "Хроника" Георгия Акрополита. Византийский историк пишет: "Прошло немного времени и Мануил умер"[37], "умерла и императрица Ирина"[38], смерть которой, по словам историка, предвещало полное солнечное затмение[39]. Далее Акрополит продолжает: "Вскоре умер и правитель болгар

[28] *Angold M.* A Byzantine Government... P. 105; *Langdon J.S.* Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about Iohn III Ducas Vatatzes Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N.Y., 1992. P. 19; *Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Οἱ κομάνοι (κουμάνοι) καί τό Βυζάντιο (11ος – 13ος αι. Μ.Χ.) // Byzantina. 1995. 13. Σ. 949–952.

[29] πρὸ Βραχέος (Acrop. P. 65.17).

[30] Acrop. I. P. 65.4–8, 20–23.

[31] *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1972. Т. III. С. 414; *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. София, 1978. С. 127; *Данчева-Василева А.* България... С. 150; *Божилов И.* Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 86.

[32] Circa festum Sancti Iohannis Alsanus rex mortuus est. – Alberici monachi Trium fontium Chronica. P. 950.

[33] Chronique rimée de Philippe Mouskès / Publ. par le Baron de Reiffenberg. Bruxelles, 1838. T. 2. V. 30749–30750.

[34] Ibid. V. 30741–30744.

[35] *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1961. С. 559.

[36] Там же; Chronique rimée... P. 673.

[37] Acrop. I. P. 62.17–18; В 1241 г., см. примеч. 6.

[38] Ibid. P. 62.19–20.

[39] Ibid. P. 64.1–2. Полное солнечное затмение в 1241 г. было 6 октября между 14 и 15 часами дня, что соответствует словам Акрополита: "около полудня", см.: Acrop. P. 62.24; *Grumel V.* La Chronologie. P., 1958. P. 467; Ф. Дэльгер и П. Вирт (Regestes. N. 1779), основываясь на мнении А. Гейзенберга (Georgii Acropolitae Opera. T. II. 1903. P. IV, VII, XV) относят смерть жены Иоанна III к 1239 г., в котором солнечное затмение было 3 июня. Но поскольку смерть Ирины последовала после кончины Мануила в 1241 г., то 1239 г. отпадает. К тому же затмение 1239 г. для широты Константинополя не было полным. См.: *Boneff N.* L'éclipse totale de soleil du 24 novembre 29 et l'ère moderne // Годишник на Софийския университет, физ.-мат. факультет, 1948/49. Т. 45. Кн. 1. С. 98. Правда, Акрополит ошибался, указывая, что солнце во время затмения было в созвездии Рака. Солнце в этом созвездии находилось с 11 июля по 11 августа 1241 г. См.: Ibid. P. 97–98.

Асень"[40]. Если расположить эти данные в хронологической последовательности, то смерть императрицы Ирины произошла в октябре–ноябре 1241 г., а Ивана II в конце 1241 г. – начале 1242 г. Во всяком случае, это не был июнь 1241 г.

Следует сказать, что у Георгия Акрополита имеется еще одно указание на космическое событие, которое также предшествовало кончине Ирины и Асеня. Оно могло бы помочь более точно определить это событие, но, к сожалению, не способствует этому. Речь идет о том, что, по словам историка, за шесть месяцев до солнечного затмения (6 октября 1241 г.) в северной части неба явилась комета, которая была видна в течение трех месяцев[41]. Но единственная комета, зафиксированная в этих широтах в 1237–1250 гг., явилась 31 января 1240 г. в созвездии Пегасов, переместившись к концу февраля в созвездие Кассиопеи[42]. Вероятнее всего, что Акрополит, писавший об этом через 20 лет, уже не помнил точно временно́й промежуток между появлением кометы и солнечным затмением и вместо полутора лет написал шесть месяцев.

Таким образом, согласно и Филиппу Мускэ, и Георгию Акрополиту, Иван II Асень умер не ранее самого конца 1241 г., а возможно, что и в первой половине 1242 г. Мы не знаем: была ли эта смерть естественной или он погиб в сражении. Что последнее не исключается, говорит одно место в "Хронике" аббата Альберика, где приводится пророчество, что Царь Небесный погубит неверных врагов (т.е. Ивана II и Иоанна III Ватаца) с помощью недругов[43]. Кто были эти недруги? По мнению Г. Цанковой-Петковой, скорее всего половцы[44]. Нам же представляется, что речь идет о татарах. Уже цитированный выше Филипп Мускэ сообщает о победе царя влахов (li rois de la tière as Blas) над татарами[45]. Когда такое сражение могло произойти?

Если проследить движение монгольских войск Батыя в 1241–1242 гг. по Центральной Европе, то картина получается следующая. Главные силы во главе с Батыем, пройдя через Карпаты, 11 апреля 1241 г. в битве при Шайо разгромили 60-тысячное венгерско-хорватское войско короля Белы IV и овладели левобережной Венгрией. Правое крыло монгольских войск после захвата Варшавы (22 марта 1241 г.) ушло из Польши и вторглось в Моравию в начале мая[46]. Проведя лето и осень 1241 г. в Венгрии и Трансильвании, монгольские войска под командованием Батыя и Кадана лишь в конце 1241 г. перешли Дунай и взяли в Хорватии и на побережье Далмации ряд городов[47]. После получения весной 1242 г. известия о смерти великого хана Угедея (11 декабря 1241 г.) и исчерпав свои военные возможности, монголы начали медленно отступать через Боснию, Сербию и Северную Болгарию. Они осадили и взяли Ниш, Тырново[48], а также, вероятно, Преслав и Шумен и

[40] Acrop. I. P. 64.6–7.

[41] Ibid. P. 64.3–5.

[42] *Grumel V.* La Chronologie. P. 474; *Williams I.* Observations of Comets from B.C. 611 to A.D. 1640. Extracted from Chinese Annals. L., 1871. P. 63.

[43] Rex inimicos perdet iniquos non per amicos. – Alberici monachi... P. 949.

[44] *Цанкова-Петкова Г.* България... С. 127.

[45] Chronique rimée... V. 30959–30962.

[46] *Ледерер Э.* Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungariae. 1953. 2. Fasc. 1–2. P. 11–12; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 286.

[47] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.–Л., 1960. Т. 2. С. 44; *Лазарев И., Тютюнджиев И., Павлов Пл.* Документи за политическата история на средновековна България XII–XIV век. Велико Търново, 1989. С. 57–58.

[48] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. С. 45; *Лазарев И. и др.* Документи... С. 60.

в конце 1242 г., перейдя Дунай, ушли в южнорусские степи[49]. Сражения болгарских войск с татарами могли происходить только в 1242 г.[50] Поэтому, если верно сообщение Мускэ, то победа Ивана II Асеня (ибо трудно предположить, чтобы болгарскими войсками командовал малолетний Калиман) действительно могла иметь место весной–летом 1242 г. И не погиб ли он в этой битве? Об этом история молчит.

Суммируя все вышесказанное, с большой долей вероятности можно предположить, что Иван II Асень умер или погиб не в июне 1241 г., а значительно позднее, возможно, летом 1242 г.[51] Не ошибся ли Альберик на один год в определении даты смерти болгарского царя? И тогда заключение договора с новым болгарским царем Калиманом следует отнести к осени 1242 г., а приглашение Феодора Ангела в Никею на конец 1242 – начало 1243 г.

[49] Хронологию и путь монгольских войск по Болгарии на основании археологических и нумизматических данных недавно исследовали болгарские ученые: *Павлов Пл., Атанасов Г.* Преминаването на татарската армия през България (1241–1242) // Военноисторически сборник. 1994. Кн. 1. С. 7–18. Подтверждением пребывания татар в Болгарии весной–летом 1242 г. служит и помета на греческой рукописи в Ватиканской библиотеке (Regin. gr. 18 от 1073 г.), что данная книга куплена за 5 иперперов в 6751 (сентябрь 1242 г. – август 1243 г.) после нападения татар в правление Калимана. См.: *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по история на България. София, 1978. Т. 2. С. 102–103.

[50] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика... С. 288.

[51] Такая точка зрения уже высказывалась в литературе. Дечей А. (*Decei A.* L'invasion des tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi-ot-Tevārīkh de Fāzl ol-lāh Rāšīd od Dīn // Revue roumaine d'histoire. 1973. 12. P. 121) датирует смерть Ивана II Асеня июнем 1242 г.

М.М. Бандиленко

ИОАНН ЕВГЕНИК И ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЕМЬИ АСАНОВ

Иоанн Евгеник, видный писатель и политический деятель первой половины XV в., был хорошо известен в высоких интеллектуальных кругах Константинополя, Трапезунда и Мистры. Среди его знакомых и друзей по переписке мы находим не только знаменитых представителей интеллектуальной элиты, но и членов императорских династий Палеологов и Комнинов, а также болгарской царской фамилии Асеней и мангупского княжеского дома. В настоящей работе мы рассмотрим отношения Иоанна Евгеника с представителями семьи Асанов. Нам известны три послания, адресованные членам этой семьи, а также утешение и эпитафия. Это весьма специфический источник, при работе с которым необходим особый подход. Для исследования уровня и форм отношений Иоанна Евгеника с его адресатами нами использованы следующие данные:

1. Возможные контакты автора и адресата.
2. Характер послания, типология.
3. Формы обращения, словоупотребление.

Одним из знакомых Иоанна Евгеника со времен учебы его в Мистре, его покровителем и адресатом, был Матфей Асан, происходивший из болгарской царской фамилии Асеней. Отец Матфея, Павел Асан, с 1438 по 1440 г. управлял Константинополем, в 1441 г. он вместе с дочерью Феодорой перебрался на Пелопоннес, где и умер в 1442 г.[1] Матфей Асан принадлежал к ближнему окружению деспота Димитрия Палеолога, седьмого сына императора Мануила II, правителя Лемноса (1429–1430, 1447–1448), Месемврии (1441–1442), а с 1449 г. – морейского деспота[2]. В 1423 г. Матфей Асан сопровождал в качестве посланника Димитрия в Венгрию к королю Сигизмунду, в 1449 г. он отправился за Димитрием на Лемнос, а затем и в Морею[3]. В 1441 г. Димитрий Палеолог женился на сестре Матфея, Феодоре Асанине, и стал не только его господином, но и родственником.

Косвенные данные переписки позволяют предположить, что Матфей Асан вместе со своим господином – Димитрием – принимал участие в платоновских штудиях и был знаком с участниками "ближнего" кружка Плифона, в том числе и с Иоанном Евгеником. В частности, Асан был адресатом учеников Плифона Георгия Схолария и Франческо Филельфо[4]. Нам известно письмо Иоанна Евгеника Матфею Асану, отправленное зимой 1448/1449 г. из Константинополя на Лемнос или же на Пелопоннес с просьбой о помощи и уведомлением о предполагаемой весной встрече[5]. Это письмо можно уверенно охарактеризовать как дружеское послание с традиционной структурой и формуляром (основные формулы – "филофронесиса (дружелюбия)", и "потребности общения"). Именно так его называет и сам автор: "прими ны-

[1] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 144. № 1518.
[2] PLP. 1989. Bd. 1/9. S. 142. № 21454.
[3] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 142. № 1508; *Zakythinos D.* Le despotat de Morée. Athen, 1957. P. 110.
[4] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 142. № 1508.
[5] Par. Gr. 2075, f. 324 // ПП. I. Σ. 205–206.

не краткое дружеское послание (δέχου καὶ νῦν βραχύ τι φίλιον πρόσφθεγμα)". Использованы типичные для такого вида посланий обращения: "светоч", "великолепный, славный, ревностный и преданный восхвалитель хорошего", "прекраснейший". Иоанн Евгеник называет Асана "самым благосклонным из друзей" и обращает к нему просьбы "остановить преследующих нас и добиться прекращения гонений на нас". Но вместе с тем адресат письма "пребывает на высоте своего благородного и необыкновенного положения", и поэтому письмо Евгеника лишено какой бы то ни было фамильярности, напротив, себя он называет "простым и малым", а высокопоставленного адресата, к тому же еще высокородного, просит "снизойти до малых, соизмерить себя с низшими и разделить участь слабых".

Но все же нет сомнений, что Асан был хорошим другом Иоанна Евгеника: не случайно ему в числе прочих друзей, кстати, не столь высокопоставленных (таких, как пелопоннесский епископ Серапион, афинский протосинкел Нил и др.), Евгеник посылает такое частного характера письмо с уведомлением о визите, не случайно называет общение с Асаном "единственным утешением и облегчением", без которого «все прекрасное на свете – это второе плавание (δεύτερους πλοῦς, в значении "неудача, фиаско")». Даже если большую часть подобных высказываний отнести за счет традиционного и необходимого в подобном случае филофронесиса, они все равно свидетельствуют о существовании дружеских отношений между Иоанном Евгеником и Матфеем Асаном.

Несомненно, Иоанн был знаком и с сестрой Матфея, женой деспота Димитрия Феодорой Асаниной Палеологиней. Интересно, что в обоих известных нам посланиях, адресованных деспоту Димитрию и носящих официальный характер, мы находим упоминание его жены Феодоры и комплименты в ее адрес. Это уникальный случай: ни в одном письме, личном или официальном, адресованном трапезундскому императору Иоанну IV, деспоту Давиду Комнину, императору Константину XI, деспоту Феодору II Палеологу, мы не найдем упоминания об их женах. Ни первая, ни вторая жена Константина Драгаша Палеолога не могла быть упомянута в послании Константину, написанном в 1448 г.: Феодора (Магдалена) Токко умерла в 1429 г., Екатерина Гаттилузи – в 1442 г. Но супруга деспота Феодора II Палеолога, Клеопа Малатеста Палеологиня, умерла в 1433 г., тогда как трактат Иоанна Евгеника "Памятный совет об исправлении жизни и начале управления в соответствии со Христом, адресованный деспоту киру Феодору багрянородному, когда возжелал [принять] монашеский обет"[6] был написан около 1427 г. и послание "Посвящение"[7], вероятно, тоже можно датировать этим временем. Супруга деспота в них не упоминается, более того, нам неизвестна ни монодия, ни соболезнование Иоанна Евгеника по поводу ее смерти, хотя известны монодии Клеопе Палеологине, написанные друзьями Евгеника Димитрием Пепагоменом[8], Никифором Хилой[9], Виссарионом[10] и даже самим Плифоном[11].

Трапезундский деспот Давид Комнин первым браком был женат на мангупской княжне Марии. Нам известны две монодии Иоанна Евгеника – ее племяннику Алексею (1446)[12] и ее брату, мангупскому князю Иоанну (1447)[13], которые свидетельствуют о наличии дружеских связей Иоанна Евгеника с мангупским княжеским домом. Тем не менее в письмах Давиду мы не найдем упоминания о Марии, и нам неизвестна монодия или соболезнование по поводу ее смерти (умерла в 1450/51 г.).

[6] Par. Gr. 2075, f. 199r–226v // ПП. I. Σ. 67–111.
[7] Par. Gr. 2075, f. 230r-v // ПП. I. Σ. 115–116.
[8] *Schmalzbauer G.* Eine bisher unedierte Monodie auf Kleope Palailogina von Demetrios Pepagomenos // JÖB. 1971. Bd. 20. S. 223–240.
[9] ПП. I. Σ. 144–152.
[10] Ibid. Σ. 154–169.
[11] Ibid. Σ. 161–175.
[12] Ibid. Σ. 215–218. Перевод см.: *Спиридонов Д.С.* Заметки из истории эллинства в Крыму // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 98.
[13] *Lampros S.* // NE. 1908. № 5. Σ. 240–242. Принадлежность этой эпитафии перу Иоанна Евгеника и посвящение ее именно князю Иоанну Мангупскому доказано А. Сидерасом, см.: *Sideras A.* Zum Verfasser und Adressaten einer anonymen Monodie // Byzantion. 1984. LIV / 1. P. 300–314.

Учитывая приведенные примеры, мы можем убедиться в особом отношении Иоанна Евгеника к Феодоре Асанине. Прежде всего, в обоих посланиях, адресованных деспоту Димитрию, она названа "царицей" (βασιλίσσα)", тогда как ее муж называется не "царем", но, как и положено, "деспотом (δεσπότης)". Примечательно, что также "царицей" Феодору Асанину величает и Георгий Схоларий[14]. В послании "Славословие Богу о церковном исправлении"[15] Феодора названа "прекрасной помощницей" супруга, "благочестивой и богоприятной госпожой нашей", а также "третьей и новой Феодорой" (подразумевается, что первой Феодорой, сыгравшей значительную роль в истории Византии, была жена императора Юстиниана (?–545), второй – императрица Феодора, вдова императора Феофила, управлявшая за своего малолетнего сына Михаила III (842–867), при которой в 843 г. было восстановлено иконопочитание) и ставится в один ряд с праматерью Евой и Богородицей. Необходимо оговориться, что "Славословие…", вероятнее всего, подготовительный экземпляр речи, произнесенной Иоанном Евгеником перед деспотом Димитрием и Феодорой, т.е. его можно считать адресованным обоим супругам.

Второе послание "Деспоту по поводу церкви Христовой предложение"[16] адресовано только Димитрию, но, тем не менее, в нем также упоминается Феодора – "святая госпожа", "истинная твоя помощница", "богоданная и благочестивая правительница наша", которая вместе с деспотом помогает Иоанну Евгенику, в то время уже митрополиту Лакедемонии, в его устремлениях, как это следует из текста послания.

Исходя из внимания, которое уделяет Феодоре Асанине Иоанн Евгеник, и учитывая, что именно ее он называет "царицей", мы можем определить адресата письма, в инскрипте которого значится "сестре царицы"[17]: вероятнее всего, это сестра Феодоры Симонина Асанина Палеологиня. О ней нам известно лишь, что она была монахиней на Пелопоннесе (прибыв туда и Константинополя скорее всего вместе с сестрой и отцом в 1441 г.) между 1452 и 1464 гг.[18] Симонина была адресаткой Схолария и несомненно состояла в переписке с Иоанном Евгеником, как это следует из прооймиона известного нам письма Иоанна, адресованного ей. Само письмо представляет собой дидактическое послание с рассуждениями на тему Успенского поста, но, тем не менее, оно содержит высказывания, позволяющие сделать вывод о существовании дружеских отношений между Иоанном Евгеником и Симониной, например: "ежечасно Божьей милостью мы друг друга видим мысленными [очами] и [друг за друга] молимся и посредством искренней любви духовно радуемся" и об их личных встречах, хотя и очень редких: "я долгое время не видел тебя телесными очами, богоукрашенная госпожа моя".

Исходя из соображений, что именно Феодору Евгеник называет "царицей", мы можем сделать вывод, что послание "Того же самого царице утешение (Τοῦ αὐτοῦ τῇ βασιλίσσῃ παραμυθητικόν)"[19] адресовано Феодоре Асанине Палеологине. Утешение написано по поводу смерти матери Феодоры, Матфея и Симонины, жены Павла Асана. Имя ее установить не представляется возможным, поэтому мы будем называть ее Асанина. Поскольку в послании упоминаются "страх от латинян" и "советы икономов", то написано оно после 1439 г., а следовательно, не могло быть адресовано жене Иоанна VIII Марии, мать которой, трапезундская императрица Феодора Кантакузина Комнина, умерла еще в 1426 г. В соболезновании упоминается су-

[14] *Медведев И.* Мистра. Л., 1971. С. 99.
[15] Par. Gr. 2075, f. 314r–315v // ПП. I. Σ. 184–197.
[16] Par. Gr. 2075, f. 312r–317v // ПП. I. Σ. 176–182.
[17] Par. Gr. 2075, f. 313r-v // ПП. I. Σ. 182–184.
[18] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 145. № 1534.
[19] ГИМ № 440. Л. 54 об.–56 // ПП. I. Σ. 62–66.

пруг адресатки – деспот, который присутствовал при кончине тещи ("твой супруг и деспот, мою молитву в последних вздохах благородно по жребию принявшее вселюбимейшее дитя"). Вряд ли Константин Палеолог мог присутствовать при смерти матери своей второй жены – Екатерины Гаттилузи. В то же время мы знаем, что тесть Димитрия Палеолога, Павел Асан, вместе со своей семьей перебрался из Константинополя на Пелопоннес в 1441 г.

Таким образом, нет сомнений, что утешение адресовано именно Феодоре Асанине Палеологине, и в таком случае может датироваться временем после 1448 г., когда Димитрий стал морейским деспотом. Сведения, которые мы можем почерпнуть из этого послания, касаются прежде всего чувств Феодоры к матери ("ты восхищалась ею, и почитала ее необыкновенно, и только что не дышала ею") и ее дочерней скорби ("[после ее смерти] такой же ты увлеклась печалью и слезами и столь великим гнетом ты теснима и стенаниями... больше многих страдаешь и печалишься по этому поводу, и плачам и горестным восклицаниям бесчисленным саму себя предаешь и слезам"). Кроме того, Евгеник упоминает, что Асанина перенесла смерть сыновей, умерших, очевидно, еще в младенческом возрасте ("по поводу умерших прежде, увы, сыновей, слезы"), что в преклонном возрасте приняла постриг ("всецело предалась ангельскому чину и заботу о смерти важнейшей частью жизни сделала") и, как уже было сказано, зять усопшей присутствовал при ее кончине. Все это свидетельствует, по нашему мнению, о том, что Евгеник был хорошо осведомлен о жизни своей адресатки и ее родственников. Это обстоятельство, так же, как и то, что утешение – самое, на наш взгляд, эмоциональное произведение Евгеника в этом жанре, – пронизано искренним желанием автора помочь утишить скорбь адресатки, говорит о близкой дружбе Иоанна Евгеника и Феодоры.

В нашем распоряжении имеется письмо Иоанна Евгеника, инскрипт которого "того же самого – брату царицы", прескрипт – "приветствие"[20]. Послание относится к типу риторических, составлено как беседа-гомилия, сам Иоанн называет его "речью (λόγος)". Кроме инскрипта, сам текст письма свидетельствует, что адресовано оно высокопоставленному человеку и члену знатной фамилии: Иоанн Евгеник употребляет такие обращения к адресату, как, например, "твоя светлость". Согласно тексту письма, адресат – антиуниат, поскольку он "страдает за общее дело", чтобы "одержана была прекраснейшая победа, желанная нашим отцам", а значит, написано оно было после Флорентийской унии. Из инскрипта нам известно, что адресат – брат некоей царицы. Наша задача – выяснить, какая именно царица имеется в виду, а затем установить и имя самого адресата.

Императрицу Марию Комнину Контакузину Палеологиню, третью жену Иоанна VIII, следует сразу исключить: ее братьями были трапезундский император Иоанн IV Комнин, деспот Давид Комнин и Александр-Скантарий, изгнанный в 1429 г. из Трапезунда своим старшим братом. Первые два были адресатами Иоанна Евгеника, но едва ли можно предположить, что адресованное им послание не содержало бы имен и титулов. Кроме того, сама Мария умерла в 1439 г., сразу после заключения унии. Вторая жена деспота Константина Драгаша, Екатерина Гаттилузи, умерла через год после заключения брака, в 1442 г., и явно не успела установить связи в морейском деспотате. К тому же, если у нее и были братья, вряд ли кто-то из них мог быть знаком с Иоанном Евгеником. Жена Феодора II, Клеопа Малатеста (умерла в 1433 г.), исключается нами по той же причине. Итак, единственный возможный вариант – Феодора Асанина, жена деспота Димитрия. Как упоминалось выше, Иоанн Евгеник неоднократно называет ее "царицей". Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемое нами послание адресовано брату Феодоры Асанины, а значит, не кому иному, как уже знакомому нам Матфею Асану.

[20] Par. Gr. 2075, f. 316r-v // ПП. I. Σ. 188–189.

Более того, если мы сравним рассматриваемое послание с письмом Асану, о котором речь шла выше, чем обнаружим схожие формы обращений, такие, как "светоч" и "любитель прекрасного". Источники скрытого цитирования в обоих посланиях относятся к античной литературе, в первом случае – "речи... тебя приветствуют, ... воспевают гимны и славят слово блистательного героя граждане благородные" (античный источник не установлен), во втором – "без тебя все прекрасное на свете – это второе плавание"[21]. В "Приветствии брату царицы" Иоанн Евгеник рисует образ идеального правителя: в его представлении, правитель должен быть "всем приятным", "кротким", "любителем прекрасного, словес и чести", "соучастник воспитанности своих граждан". Одной из важных черт, по мнению Иоанна Евгеника, является красноречие: "установив слово в качестве повелителя и истинного вождя", правитель должен использовать силу слова и для обличения ослушников и для "благодарности" и "награды" верным. И, кроме прочего, истинный правитель должен быть облечен "благодатью Бога". Именно такой правитель, подобный "античному герою", "имеет справедливый почет и похвалы, и рукоплескания всего народа".

Мы не знаем, насколько соответствовал Матфей Асан образу, нарисованному Евгеником, однако известно, что с 1454 г. он был наместником Коринфа и пытался защитить город от турок. Но в 1458 г. он по личной инициативе сдал город Мехмеду II, поскольку понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно и лишь причинит лишние страдания коринфянам. Принадлежа к туркофильской партии, он сыграл далеко не последнюю роль в сдаче Мистры 30 мая 1460 г.[22] Несомненно, комплименты, расточаемые в адрес адресата, были не случайны. И дело, конечно, не только в том, что Асан оказывал покровительство и помощь опальному писателю. Вряд ли стоит сомневаться, что Асана и Иоанна Евгеника связывали давние и теплые отношения, которые распространялись не только на него самого, но и на всю его семью, как мы это уже выяснили. Безусловно, Иоанн Евгеник знал и отца Матфея, Павла Асана, не зря он называет Матфея "хорошего корня прекрасный плод".

Одна из эпитафий Иоанна Евгеника посвящена некоему Исааку Асану – "На могилу Асана кира Исаака и его внучки во время пребывания в [монастыре] Филантропе"[23]. Об Исааке Асане нам известно немного: родственник (дядя – θεῖος) императора Мануила II Палеолога, около 1400 г. он занимал высокую должность эпарха Константинополя, в 1420 г. был послом к туркам, умер около 1429 г. будучи монахом монастыря Филантропа, где и был похоронен[24].

Чуть больше сведений предоставляет сама эпитафия. Иоанн Евгеник упоминает о царском родстве, называет Исаака отпрыском "от благородного корня и от ветви царских кровей". (Показательно, что в аналогичной форме Евгеник характеризует происхождение княжича Алексея, сына мангупского князя Иоанна, в "Эпитафии княжичу".) Судя по упоминанию в эпитафии о том, что почивший был "взращен в царских домах", возможно, Исаак действительно воспитывался при императорском дворе. Благодаря своему положению и воспитанию, он "быстро достиг наивысшей славы" и сменив несколько "властных должностей (ἀρχὰς ἀμείβων)", в конце концов, будучи эпархом Константинополя, "блистательную области славу устроил в великом этом городе", и "на пороге старости [между 1420 и 1429 гг.] принял монашеский постриг". Далее, автор эпитафии сообщает нам, что вместе с Исааком похоро-

[21] Выражение заимствовано у Менандра, в переносном смысле – "неудача". См.: *Menander*. Reliquiae / Ed. A Koërte. Lipsiae, 1959. Fr. 205(241).

[22] *Zakythinos D.* Op. cit. P. 110.

[23] Ἐθνική Βιβλιοθήκη Ἀθηνῶν, αἰῶνος, ις'. 1075. Φ. 109β–110α. Βιβλιοθήκη τῆς ἐν Μακεδονίᾳ μονῆς Εἰκοσιφοινίσσης, αἰῶνος ιε', 192, φ. 74β–75α // *Παπαδοπούλου-Κεραμεύς* Ἀθ. Ἀνέκδοτα ἑλληνικά συγγράματα, ἔγγραφα τε καὶ ἄλλα κείμενα κατ' ἐκλογὴν συλλεγέντα ἐκ τῶν ἐν τῇ Μαὺρογορδατείῳ βιβλιοθήκῃ ἀναγραφομένων χειρογράφων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884; см. также: ПП. I. Σ. 211–212.

[24] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 139. № 1493.

условия жизни в их родной или соседней деревне[6]. Чтобы это доказать, необходимо было бы, по крайней мере, провести большое сравнительное исследование и показать, что такой вариант поведения возможен, а также указать ту мотивацию, на которой он предположительно может быть основан. Насколько нам известно, на такой ответственный проект пока никто не решился.

Постепенно научный интерес к этой проблеме начал усиливаться. Поиск внешних факторов, вероятно, под влиянием компаративистских подходов, привел некоторых ученых к поиску буддийских корней христианского монашества. На основании некоторых сходств в литературе, описывающей деяния буддийских монахов, и христианской агиографией, а также учитывая найденные в Афганистане надписи Ашоки, где есть указания на миссионерскую деятельность буддийских монахов западнее Индии, делались далеко идущие выводы о влиянии буддийской аскетики на аскезу христианскую[7]. Но если исходить из исторических данных, не говоря уже о серьезных религиозно-догматических различиях двух этих феноменов, подобная теория никакой критики не выдерживает: слишком велико пространственное и временно́е расстояние между эдиктами Ашоки, буддистской "агиографией" и христианским Египтом IV в.[8] Предположения о влиянии на христианское монашество иудейской аскетики (терапевтов[9], кумранитов и других общин подобного типа), которые неоднократно выдвигались в научной литературе[10], могут выглядеть в такой перспективе куда более правдоподобными. Но это только на первый взгляд. При более детальном рассмотрении возникает множество вопросов. К примеру, остается непонятным, каким образом можно отыскать исторические связи между разрозненными и иудейскими сектами, обитавшими в Палестине и исчезнувшими после I в.[11], и социальным движением, начавшимся в Египте в конце III в.?[12]

В спектр внешних (т.е. нехристианских) факторов, повлиявших на становление и развитие христианского монашества, попали также греческая философия и манихейство. Что касается последнего, то оно действительно имело место в Египте в конце III – IV в. Действительно, в структуре манихейских общин (в том числе, вероятно, в Египте) немалую роль играли аскеты, так называемые "избранники"[13]. Но что это доказывает? Для того, чтобы начать сколько-нибудь серьезную полемику о влиянии манихейства на формирование института христианского монашества, нужны надежные данные о длительных взаимных контактах. А данных таких нет. Скорее можно говорить о том, что контакты между христианскими подвижниками и адептами учения Мани носили характер ситуативный и полемический[14].

Попытку доказать, что тропами христианской аскетики уже ходила античная философия, причем еще до рождения самого христианства, предпринял немецкий ученый И. Лейпольдт в своей известной монографии[15]. Он указал на определенное сходство во взглядах между представителями разных философских школ античности (прежде всего, киников и стоиков) и христианской аскетикой на брак и безбрачие, добровольную бедность, поиск внутренней свободы и т.д.[16] Уединенную жизнь некоторых греческих философов, а также упоминания о пифагорейских братствах немецкий ученый склонен интерпретировать как образец (Vorbild) для христианского отшельничества и киновии[17]. По его мнению, преп. Антоний своим подвижничеством реализовывал греческий идеал философской жизни, а преп. Пахомий, создавая киновию, руководствовался известной античной установкой, что человек есть ζῳον πολιτικόν. При этом тот факт, что в агиографии преп. Антония и Пахомия нет ни малейшего намека на то, что они испытывали хоть малейшее влияние греческой философии, И. Лейпольдта, как кажется, совершенно не смущает[18]. Христианские подвижники, по его мнению, постоянно используют профессиональный язык греческих философов[19]. Но тот факт, что любой философский или богословский термин, попав в поле другой духовной традиции, способен координально менять свою семантику, немецким исследователем практически полностью игнорируется[20].

Работа И. Лейпольдта, где делается попытка сопоставить реалии греческой философии и мотивы поведения христианских иноков, равно как и другие предположения о внешних влияниях неизбежно ставят вопрос о сущности и типологии монашества, или даже шире – аскетизма вообще. И здесь при предельном обобщении, как нам представляется, возможны два ответа: либо аскетизм является неким общим психологическим феноменом, а разные религии лишь "оформляют" его, либо надо признать, что разные религиозные традиции имеют свою аскетику, которая напрямую выводится из круга их мистики и догматики. Доказать любое из этих положений, пользуясь научной аргументацией и фактическим материалом, вряд ли возможно. Это скорее аксиомы, исходя из которых, исследователь и будет выстраивать свою работу. Однако можно предположить, что адепт первой точки зрения вынужден будет "скользить" по поверхности эмпирических феноменов и второстепенных (т.е. не целеполагающих) мотивов[21], тогда как сторонник второй будет иметь возможность открыть мир целеполагающих мотивов и основных величин. Как точно писал еще в начале века русский патролог И. Попов: "Прежде всего

---

[6] Ср.: *Dassmann E.* Op. cit. S. 28.

[7] Об этом см.: *Guillaumont A.* Perspective actuelle... P. 215–216.

[8] Ср.: *Guillaumont A.* Perspecitve actuelle... P. 216, достаточно подробный богословский и исторический разбор несостоятельности концепций о влиянии буддизма на христианство (в первую очередь на события евангельской истории) см.: *Шохин В.* Мнимые влияния // Альфа и Омега. 1997. № 3(14). С. 247–307.

[9] Вопрос о принадлежности терапевтов к иудаизму нельзя считать окончательно решенным, как и вопрос о характере этого образования, поскольку реальных исторических данных для этого явно недостаточно. О терапевтах применительно к истории христианского монашества, а также избранную библиографию по данному сюжету см.: *Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998. С. 20–25. М.М. Елизарова определяет их как ответвление ессеев, соединившее в себе «иудейское сектантское благочестие и черты аскетизма и мистицизма греко-римского мира» (Община терапевтов. М., 1972. С. 127).

[10] См.: *Guillaumont A.* Perspective actuelle... P. 216.

[11] В качестве временно́го показателя мы берем верхнюю границу существования подобных общин, ср.: *Guillaumont A.* Perspective actuelle... P. 216.

[12] Надо заметить, что широко распространенное ранее мнение о внутреннем сходстве учения кумранитов с Новозаветными текстами ныне подвергается обоснованной критике. См., например: Тексты Кумрана. Введ., пер. с древнееврейского и арамейского и коммент. А.М. Газова-Гинсберга, М.М. Елизаровой, К.Б. Старковой. СПб., 1993. С. 20.

[13] Об истории распространения манихейства в Египте и о социальной структуре манихейских общин см. во введении Е.Б. Смагиной к переводу коптского манихейского трактата "Главы". В частности, она указывает на упоминание в одном египетском папирусе III в. о двух манихейских монастырях для так называемых избранников и избранниц (см.: Кефалайя ("Главы"). Коптский манихейский трактат. Пер., исследов., коммент., глоссарий и указ. Е.Б. Смагиной. М., 1998. С. 32–34).

[14] О характере контактов между христианскими подвижниками и манихеями см. например: *Rufinus.* Historia monachorum. Cap. IX; Historia Monachorum in Aegypto. Cap. X. А. Гийомон в своей статье указывает также, что серьезные контакты между христианами и манихеями следует относить не к Египту, а к Месопотамии, и влияние, по его мнению, было обратным: манихейство подверглось значительным влияниям со стороны месопотамского христианства и его аскетических тенденций, см.: *Guillaumont A.* Perspective actuelle... P. 217.

[15] *Leipoldt J.* Griechische Philosophie und früchristliche Askese. B., 1961.

[16] Ibid. P. 6–16.

[17] Ibid. P. 17–19.

[18] Ibid. P. 49–59. Лейпольдт полагает, например, что идеи киников и пифагорейцев о добровольной бедности преп. Антоний нашел в Новом Завете. Попытки объяснить одни предположения через другие не кажутся нам убедительными.

[19] Ibid. P. 61.

[20] О том, как, к примеру, варьируется термин ἄσκεσις на пути от греческой философии к святоотеческому богословию см.: *Зарин С.* Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. Кн. I. Ч. II. С. III–XV.

[21] В качестве примера такого "второстепенного" мотива можно привести стремление к свободе, характерное для разных аскетических традиций. Идея свободы не включает в себя цели и в свою очередь будет определяться мотивацией, которая сможет объяснить, зачем эта свобода нужна. А эта последняя будет сильно разниться у христианского подвижника, греческого философа, буддийского монаха или манихейского "совершенного". Ср. рецензию С.С. Аверинцева на книгу П. Нагеля: *Nagel P.* Die Motivierung der Askese in der alten Kirche und der Ursprung des Mönchtums. B., 1966 // BB. 1971. T. 31. C. 209–211.

устраивая в этом великом городе,
на пороге старости он оставил [мирскую] жизнь,
приняв монашеский постриг.
С другой стороны, возле него пребывает эта прекрасная дева,
дочь любимой дочери,
блистательной супруги мужа наиславнейшего,
Филантропина великого со стороны отца;
эта прямая опора рода,
звезда сияющая, увы, в море погрузилась,
да не было бы ошибок подобающих слов.
Эта [дева], пребывавшая в юном возрасте,
вместо супружеского ложа и брачных чертогов
находится здесь [под] этим тяжелым камнем;
совсем несозревшая перед небесами,
незапятнанной из жизни унесенная.
Наконец, в утешение, горя
рассказывают вместе родители о дедушке
и к надписи еще стихи здесь прибавляют.

А.А. Войтенко

"ЖИТИЕ ПРЕП. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО" СВТ. АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО И НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОГО МОНАШЕСТВА

Достаточно долгое время вопрос о начале христианского монашества не был актуален для исследователей. Церковная традиция, согласно которой монашество возникает на рубеже III–IV вв. в Египте и оттуда распространяется в Палестину, Малую Азию, Сирию и т.д., у большинства ученых сомнений не вызывала. Первым монахом считался преп. Антоний Великий (иногда рядом с именем преп. Антония назывались преп. Павел Фивейский и преп. Макарий Египетский, основатель скитского отшельничества)[1]. Критические замечания касались лишь социальных, политических и, отчасти, экономических причин возникновения монашества как социально значимого явления в истории ранневизантийского общества. Одни ученые полагали, что причины его широкого распространения следует искать в ситуации "обмирщения" Церкви, которая начала складываться после эдикта Константина[2], другие видели здесь следствие социально-экономических потрясений империи III в., которые не обошли и Египет, вызвав обнищание достаточно большого количества египетских крестьян, которые впоследствии и составили основу нового движения[3]. Оба эти тезиса ныне вызывают серьезные возражения. Первый не подтверждается хронологически: монашество возникло и даже переживало расцвет еще до того, как начали сказываться предполагаемые отрицательные моменты pax Constantini[4]. Второй выглядит не состоятельным с точки зрения социальной психологии: наиболее распространенный вариант поведения сравнительно больших социальных групп в традиционных обществах в ситуации кризиса и обнищания – это активный протест, приводящий, как правило, к различного рода социальным волнениям[5]. Трудно представить себе, что под давлением экономического или налогового гнета люди идут в пустыню и добровольно подвергают себя испытаниям гораздо более жестким, чем

[1] См., например: *Guillaumont A.* Perspective actuelle sur les origines du monachisme // *Guillaumont A.* Aux origines du monachisme chrétien: pour une phénoménologie du monachisme. Abbaye de Bellefontaine, 1979. P. 215; *Goehring J.* The Origins of Monasticism // Eusebius, Christianity and Judaism / Ed. H.W. Attridge, G. Hata. Leiden, 1992. P. 235, примеры такого подхода у современных авторов: *Bainton R.H.* Christendom: A Short History of Christianity and its Impact on Western Civilization. N.Y., 1964. P. 104–105; *Pelican J.* Jesus through the Centuries: His Place in the History of Culture. New Haven; London, 1985. P. 110–112.

[2] "Люди убегали не только от мира во всех смыслах этого слова, они убегали также от обмирщившейся Церкви". *Гарнак А.* Монашество. Его идеалы и его история. СПб., 1906. С. 24; см. также: *Harnack A.* von. Die pseudoclementinischen Briefe de virginitate und die Entstehung des Mönchtums // Sitzungberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften. 1891. 361–385; Ascese und Mönchtum in der Alten Kirche / Hrsg. von Franc K.S. Darmstadt, 1975. S. 37–68.

[3] Обзор подобных мнений см.: *Nagel P.* Die Motivierung der Askese in der Alten Kirche und der Ursprung des Mönchtums. B., 1966. S. 86–90.

[4] Ср.: *Dassmann E.* Christusnachfolge durch Weltflucht (Asketische Motive im frühchristlichen Mönchtum Ägyptens) // Die koptische Kirche. Enführung in das ägyptische Christentum / Hrsg von Gerhards A., Brakmann H. Stuttgart; Berlin; Köln, 1994, S. 28.

[5] Что и происходило в Египте в середине 90-х годов (восстание Ахиллеса – Домиция Домициана). А.И. Павловская замечает, что, судя по некоторым документам, борьба с восставшими шла в том числе на сельских территориях – в Фаюме, Гермопольском номе, Фиваиде (см.: *Павловская А.И.* Египетская хора в IV в. н.э. Автореф. д-ра ист. наук. М., 1980. С. 5).

нена и его внучка, "дочь любимой дочери" и "мужа наиславнейшего, Филантропина великого". Зятем Исаака Асана был синклитик Георгий Дука Филантропин[25]. Внучка Исаака умерла скорее всего в подростковом возрасте, так как Иоанн Евгеник называет ее не "дитя (παῖς)", как, например, умершего во младенчестве мангупского княжича Алексея в "Эпитафии княжичу", но "дева (κόρη)" и сожалеет о том, что усопшая девушка находится "под тяжелым камнем" вместо "брачных чертогов", следовательно, "в юном пребывавшая возрасте", она не успела выйти замуж, и, возможно, умерла в возрасте около 14 лет.

Мы не случайно упоминаем "Эпитафий княжичу": очень интересным и, надо признаться, не вполне понятным представляется то обстоятельство, что эпитафий Исааку Асану очень сходен с эпитафием мангупскому княжичу Алексею, более того, 14 из 39 строк эпитафия Асану **дословно** совпадают с эпитафием Алексею. Писатель использовал аналогичный прием: упрек художнику, изобразившему (очевидно, на надгробном камне) лишь внешнее совершенство усопшего и свое намерение словами описать его внутреннюю красоту, достоинства и заслуги. Значит ли это, что удачные обороты в одном эпитафии, посвященном знатному и, вероятнее всего, малознакомому автору лицу, Евгеник использовал затем в другом эпитафии при подобных обстоятельствах? Опыт исследования эпистолярного наследия Иоанна Евгеника показывает, что писатель нередко позволяет себе несколько раз "эксплуатировать" наиболее удачные обороты в разных письмах, адресованных, конечно, разным людям. Подобное сходство в эпитафиях указывает, возможно, на формальный характер одной из них (той, что была написана позже).

Необходимо отметить, что рассматриваемый эпитафий Асану некоторыми исследователями приписывается перу старшего брата Иоанна, Марка Евгеника[26]. Но несомненное сходство эпитафия Асана с эпитафием княжичу Алексею, в то время, как авторство последнего не вызывает сомнений, является неопровержимым доказательством того, что автором эпитафия Иоанну Асану был все же не Марк, а Иоанн Евгеник.

Точно датировать этот эпитафий весьма сложно: конечно, он мог быть написан сразу после смерти Исаака Асана, т.е. около 1429 г., но, с другой стороны, поскольку инскрипт его включает оборот "во время пребывания в [монастыре] Филантропа (ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλαντρώπου)", можно предположить, что Иоанн Евгеник создал этот эпитафий, попав в Константинополе в монастырь Филантропа и увидев там могилу некогда, очевидно, знакомого ему Исаака Асана, уже через некоторое время после его смерти. С определенной уверенностью можно заключить лишь, что этот эпитафий был написан не раньше 1429 г. и не позже, очевидно, 1438 г., когда Иоанн Евгеник покинул Константинополь, отправляясь на собор в Феррару, а потом был отправлен в ссылку на Пелопоннес и в Константинополе появлялся изредка и ненадолго. Когда в 1446 г., во время пребывания Иоанна Евгеника в Трапезунде, умер мангупский княжич Алексей и соответственно понадобился его эпитафий, Иоанн Евгеник использовал удачную форму написанного ранее эпитафия Асану. Мы склонны считать, что написанный первым и, следовательно, оригинальный эпитафий был создан под влиянием творческого порыва и раздумий над могилой, отсюда можно сделать вывод, что Исаак Асан был знаком Иоанну Евгенику, хотя никаких указаний на их возможные контакты нет, как невозможно и установить родственные связи Исаака Асана с прочими представителями этой семьи.

Косвенные данные позволяют нам выдвинуть осторожное предположение о возможных контактах Иоанна Евгеника с другими представителями семьи Асанов. Так, нам известно, что некий Димитрий Асан, наместник Коринфа (1444), Навплия (1448–1453) и Мухли (Пелопоннес, 1456–1458), был тестем Франко Аччайуоли и Георгия Амируци[27]. Последний был другом юности и адресатом Иоанна Евгеника. Свой экфрасис Коринфа сам автор в заключении называет "прекрасному господину градодержавному подношение, городу же дар гостя"[28]. Возможно, что под "градодержавным господином" подразумевается Димитрий Асан.

Некий Мануил Ласкарис Асан с 1438 по 1444 г. был наместником Имвроса[29], в то время как нам известен экфрасис Имвроса[30], написанный Иоанном Евгеником скорее всего в период его скитаний, и не исключено, что именно в промежутке между 1438 и 1444 гг. Иоанн Евгеник побывал на острове и познакомился с Мануилом Ласкарисом Асаном.

В любом случае, помимо упомянутых косвенных данных и построенных на них предположениях, мы располагаем произведениями Иоанна Евгеника, которые несомненно позволяют нам сделать вывод о существовании прочных дружеских отношений Иоанна Евгеника с представителями семьи Асанов, имеющей непосредственные родственные связи с болгарской царской фамилией Асеней и византийской правящей династией Палеологов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Иоанна Евгеника]

На могилу Асана кира Исаака и его внучки,
во время пребывания в [монастыре] Филантропа

[Ἰωάννου τοῦ Εὐγενικοῦ]
Εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀσάνη κυροῦ Ἰσαακίου καὶ τῆς αὐτοῦ ἐγγονῆς,
ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλαντρόπου

Но почему мне, о наилучший, образы тел
и просиявшую из них прелесть
и красоту неподражаемую описывая искусно,
при этом ты не описываешь ни души добродетели,
не показываешь ни благородство исконное
ни царское родство и державное положение,
столь великую награду блистательных достоинств?
Или уступаешь это слову для описания,
прекрасно поступая и разумно мысля?
Тогда мы расскажем, о чем ты, описывающий, умолчал.
[Почивший] есть отпрыск от благородного корня
и от ветви царских кровей,
зовется Исаак, из рода Асанов.
Взращенный блистательно в царских домах,
он быстро достиг наивысшей славы,
властные должности меняя, во всем отличаясь,
справедливый, проницательный, деятельный, великодушный,
скромный, искренний, разумный, смиренномудрый,
открытый, свободный, приятный, исполненный прелести,
гармоничное воплощение всех добродетелей.
Наконец, блистательную славу области (τῆς ἐπαρχίας)

[25] PLP. 1994. Bd. 1/2. S. 94. № 2976.
[26] *Παπαδοπούλου-Κεραμεύς* Ἀθ. Ἀνέκδοτα ἑλληνικά… Σ. 103; См. также: PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 139.
[27] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 138.
[28] Wolfenbüttel, Gudianus 82, f. 165r–166v // ПП. т. Σ. 47–48.
[29] PLP. 1976. Bd. 1/1. S. 142.
[30] Τοῦ νομοφύλακος Ἰωάννου διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ εἰς τὴν νῆσον Ἴμβρον ἐγκωμιαστικὴ ἔκφρασις. Par. Gr. 2075, f. 231–232 / Froehner W. // Philologus. 1863. T. 20. S. 509–510; см. также: *Boissonade Fr.J.* Anecdota Nova. P., 1984. S. 329–331.

только обоснование аскетизма сообщают его различным направлениям индивидуальность. В самом деле, запас аскетических форм крайне ограничен. Для подавления своей чувственной природы трудно придумать что-либо, кроме воздержания от брака, поста, бдений и физического труда. Поэтому внешняя сторона аскетизма служит общим достоянием не только всех религий, но и многих философских систем... И для объяснения внешнего сходства нет надобности прибегать к гипотезе влияния или заимствования... Напротив, мотив, цель, обоснование аскетизма – вот что сообщает индивидуальный оттенок и самобытность известному аскетическому направлению"[22]. Внутри христианской традиции И. Попов обнаруживает семь мотивов прихода к аскетизму (которые он называет "оправданиями")[23]. Из них, как нам представляется, можно было бы выстроить определенную иерархию мотивов, которую венчало бы "мистическое оправдание" аскетизма как средства подготовки к вхождению в нетварный горизонт Божественного Бытия.

Под этим углом зрения небезынтересно проанализировать статью известного французского исследователя раннехристианского монашества А. Гийомона, где он касается семантики слова μοναχός[24]. Проанализировав смысловое поле μοναχός, а также его сирийского эквивалента (ihīdāyā), Гийомон полагает, что оно прежде всего выражает стремление к поиску внутреннего единства, что является характернейшей чертой не только монашества христианского, но и монашества вообще. В частности, те же мотивы Гийомон усматривает в индуистской и буддистской аскетике[25]. Но дело в том, что обретение внутреннего единства является в лучшем случае целью промежуточной (а лучше сказать – средством), которая в свою очередь встраивается в систему основных, целеполагающих мотивов. А вот тут имеют место серьезнейшие различия, ибо между стремлением достигнуть безличной нирваны (что является **основополагающей** целью буддистского аскета) и желанием энергийного соединения с Богом, который мыслится как Абсолютная Личность, о чем говорит "мистическое оправдание" восточнохристианского монашества, дистанции огромного размера. Подобная разница в целеполагании способна, на наш взгляд, придавать различные направления не только внутренним, психологическим магистралям, но и формам внешней аскезы, которые на первый взгляд могут казаться сходными в разных религиях.

Пора, однако, вернуться к конкретно-историческому пласту проблемы. В последнее время широкое распространение получила идея "конвергентного" развития монашества, суть которой состоит в том, что, как предполагают ее сторонники, монашество возникает, практически одновременно, в разных местах христианского Востока на почве местных аскетических традиций. В качестве таких основных центров называются, помимо Египта, Сирия и Месопотамия, а иногда и Палестина. При этом почти все сообщения источников о наличии каких-либо связей между местным монашеством и египетскими иноками объявляются вторичными или недостоверными[26].

[22] *Попов И.* Мистическое оправдание аскетизма в творениях преп. Макария Египетского // Богословский вестник. 1904. Ноябрь. С. 538–539.

[23] Там же. С. 539–544.

[24] *Guillaumont A.* Esquisse d'une phénoménologie du monachisme // *Guillaumont A.* Aux origines du monachisme chrétien... P. 228–239.

[25] Гийомон, впрочем, высказывал это в виде гипотезы, сознавая недостаток компетентности для суждений об аскетической традиции буддизма и индуизма, см.: *Guillaumont A.* Esquisse... P. 239.

[26] См., например: *Guillaumont A.* Perspective actuelle... P. 217–218; Джеймс Гёринг также пишет о том, что современные сирологи установили независимое происхождение и развитие монашества в Сирии: *Goehring J.* Op. cit. P. 235, при этом Гёринг ссылается на работы Р. Прайса, С. Брока и А. Вообуса: A History of the Monks by Theodoret of Cyrrhys. Translated with Introduction and Notes by R. Price. Kalamazoo (Michigan), 1985. P. XVII–XXIII; *Brock S.* Early Syrian Ascetism // Numen. 1973. 20. P. 1–19; *Vööbus A.* A History of Ascetism in the Syrian Orient: A Contribution to the History of Culture in the Near East. Louvain, 1958–1960. Vol. 1–2. Что касается критики источников, то она зашла столь далеко, что в "опале" оказался такой важный для истории сирийского монашества текст, как "Historia Religiosa" бл. Феодорита, поскольку он якобы представляет собой "взгляд, пропущенный через Феодоритову подборку данных и усвоенный им эллинизм" (*Goehring J.* Op. cit. P. 248).

Неожиданная, на первый взгляд, гипотеза была высказана Дж. О'Нилом в его статье, посвященной истокам христианского монашества[27]: с его точки зрения, этот институт существовал в Церкви изначально и был непосредственным продолжением ветхозаветной аскетики[28]. Исследователь начинает свои рассуждения с двух пунктов, которые, с его точки зрения, невозможно объяснить, приняв традиционную датировку начала монашества: во-первых, как объяснить факт сохранности всех трудов Филона Александрийского и более чем шестидесяти "классических иудейских сочинений" (Classical Jewish writings), часть которых сохранилась в библиотеках монастырей, и, во-вторых, почему возникшее на рубеже III–IV вв. монашество не протестовало против Церкви, раз для достижения спасения приходилось покидать городские и сельские приходы и уходить в пустыню?[29] Далее О'Нил разворачивает целую панораму аргументов, призванных показать существование монастырских скрипториев в первые три века христианства, где бережно переписывалась и хранилась "иудейская классика"[30], приводит данные, что в Новом Завете и ранней святоотеческой письменности обосновываются два пути спасения, и указывает, что аскетические общины имели место уже на заре церковной истории. Сама принципиальная возможность сосуществования "мирской" и "монашеской" жизни была зафиксирована, с его точки зрения, уже у кумранитов[31]. Ссылается О'Нил и на факт самосознания раннего монашества, возводившего свою родословную к первым христианским общинам[32]. То, что происходит в начале IV в., является не рождением нового социального института, а всего лишь его "легализацией": исчезновение гонений и приобретение Церковью легитимности делают монашество более привлекательным и популярным, а также позволяют опубликовать документы, ранее хранившиеся тайно. При этом О'Нил упрекает своих коллег в предубеждении относительно присутствия монашества в ранней Церкви и напоминает о том, что многие социальные институты могут существовать "подпольно" в течение столетий и проявлять всю свою мощь внезапно, когда условия для их деятельности становятся более благоприятными[33]. Статья О'Нила интересна не столько предложенными в ней ответами, сколько затронутыми вопросами. Недоумение О'Нила по поводу отсутствия "претензий" к Церкви со стороны первых монашеских общин, вероятно, связано с тем, что стремление считать монашество движением изначально не церковным стало в среде западных ученых, интересующихся данной проблемой, общим мнением. Но такой взгляд в свою очередь вызывает вопросы, с чем и столкнулся исследователь[34]. Другая не менее важная проблема заключается в соотношении ран-

[27] *O'Neil J.C.* The Origins of Monasticism // The Making of Orthodoxy: Essays in Honour of Henry Chadwick / Ed. Williams R. Cambridge, 1989. P. 270–287.

[28] О'Нил всерьез полагает, например, что кармелиты, традиционно претендующие на непрерывную преемственность от пророка Илии, имеют на то основания (*O'Neil J.C.* Op. cit. P. 270–271).

[29] К числу "классических иудейских текстов" О'Нил относит, например, "Завет XII патриархов", "Книги Адама и Евы", "Легенду об Иосифе и Асенеф", "Оды Соломона", "Книгу Еноха" и т.д. и т.п. (Ibid. P. 271–272).

[30] Данный пункт аргументации О'Нила является наиболее уязвимым во всей его и без того довольно хрупкой конструкции, ибо способ бытования этих текстов в раннехристианский период можно реконструировать лишь гипотетически, а О'Нил пытается с его помощью обосновать существование монастырей в первые три века. Отсюда явная логическая ошибка, поскольку нельзя доказать одно предположение с помощью другого.

[31] О'Нил ссылается при этом на работы: *Trocmé E.* Le `Livre des Actes' et l'histoire. P., 1957. *Dupont-Sommer A.* The Essene Writings from Qumran. Oxford, 1961 и пишет о том, что на основе сведений Дамасского документа, а также исходя из обнаруженных женских захоронений в Кумране можно сделать вывод о наличии так называемых семейных общин (married communities), которые селились возле общин аскетов (celibate houses) (*O'Neil J.C.* Op. cit. P. 279, 287).

[32] *O'Neil J.C.* Op. cit. P. 274, здесь О'Нил ссылается на слова аввы Пиамона (Joann. Cass. Collationes. XIII, 4–6).

[33] *O'Neil J.C.* Op. cit. P. 285–286.

[34] О'Нил отмечает, что удивление по поводу отсутствия у монахов стремления реформировать церковь и в свою очередь тому спокойствию, с которым Церковь приняла новый институт, выражал еще А. Гарнак (*O'Neil J.C.* Op. cit. P. 273), что, на наш взгляд, совсем не удивительно.

нехристианского аскетизма и монашества: стоит ли отождествлять одно с другим, как это делает О'Нил, или сводить границу между тем и другим к простым количественным характеристикам? Стоит ли отказываться от попыток отыскать черты, отличающие монашество от христианской аскезы первых трех веков, и четко зафиксировать границу между ними? Ну и, наконец, очень важный круг проблем связан с "книжными" источниками этого движения: опирались ли первые подвижники непосредственно на текст Священного Писания или он был опосредован какой-то экзегетической традицией.

По поводу последнего пункта было высказано, как минимум, два принципиальных соображения. Первое заключается в том, что помимо Священного Писания импульс формированию раннего монашества был дан александрийской богословской школой, трудами Климента и особенно Оригена. Именно они в значительной степени сформировали идеалы первых пустынножителей[35]. Противоположная точка зрения, сформулированная в частности известным немецким ученым Т. Баумайстером, связана с критикой греческих источников по истории египетского монашества, в том числе и "Жития преп. Антония" свт. Афанасия Александрийского. Взгляд грекоязычных авторов, по его мнению, не отражает подлинной духовной картины раннего монашества, коптского по своей этнической доминанте, а привносит туда идеалы, почерпнутые извне, в том числе из аллегорических текстов александрийских богословов. Если ориентироваться на коптские тексты, а также на тексты в силу своей жанровой специфики сумевшие избежать "эллинизации" или "авторского взгляда" (например, Apophtegmata Patrum), то картина получается совсем другой. Монашество изначально опирается лишь на текст Писания, а особенности его возникновения и развития следует искать в некоторых традициях египетской (или шире – ближневосточной) культуры[36].

Своеобразной "вехой" в изучении истоков египетского монашества стала статья И. Джаджа, опубликованная в 1977 г.[37] Исследователь обратил внимание на текст одного папируса, датированного 324 г., где упомянут термин μοναχός. Документ представляет собой жалобу жителя деревушки Каранис, некоего Аврелия Исидора препозиту пага (πραιπ(οσίτῳ) πάγου) на двух жителей деревни, чей скот совершил потраву на его поле. По пути в деревню он подвергся нападению с их стороны, и, если бы не вмешательство дьякона Антония и монаха Исаака ('Αντωνίου διάκονος καὶ 'Ισὰκ μοναχοῦ), дело закончилось бы весьма печально. Документ не содержит в себе ничего особенного, кроме упоминания слова "монах" почти за двадцать пять лет до предполагаемой даты написания "Жития преп. Антония"[38], и того контекста, в котором слово μοναχός было употреблено в данном папирусе. Это позволило сделать новые предположения относительно образа жизни монахов и их участия в жизни сельских общин. Джадж проанализировал достаточно разнообразный круг данных, почерпнутых из папирусных коллекций, инвектив Юлиана Отступника и Либания, архива монахов-мелетиан, послания бл. Иеронима к Евстохии, описаний паломницы по святым местам V в. Егерии, толкований на Псалмы Евсевия Кессарийского, и, наконец, даже из гностического Евангелия от Фомы, обнаруженного среди текстов библиотеки Наг-Хаммади. На основании этих данных Джадж предположил, что картина возникновения монашества в Египте имела более сложный характер, чем принято было доселе полагать на основании классических литературных источников по этой теме. По его мнению, приблизительно на рубеже III–IV вв. длительная традиция мужского подвижничества (the long tradition of male ascetism) стала принимать формы, присущие давно существующим в Церкви институтам дев и вдов. В социальном плане это выразилось в переходе от обычного "домашнего" существования к поселению в так называемых общих домах (community house), а также в перемене одежды. Эти общины селились, как правило, вблизи сел и в городах, и вели достаточно активную социально-экономическую деятельность[39]. Особенностью их существования было соблюдение безбрачия, а также разрыв кровно-родственных связей, правда, не всегда последовательно соблюдавшийся[40]. Сами члены этих общин называли друг друга братьями, официальное церковное название их было ἀποτακτικοί[41], а народное прозвище – монахи. Пахомианская киновия представляет не что иное, как перенесение принципов жизни ἀποτακτικοί на более высокий уровень. Сами ἀποτακτικοὶ дали начало городскому монашеству, что нашло свое отражение в папирусных документах и в воспоминаниях паломницы Егерии. Развивавшаяся параллельно традиция отшельничества столкнулась с традицией жизни "братьев", в результате чего начался исход многих ἀποτακτικοί в пустыню. В "народном сознании" обе традиции часто путались между собой. Наконец, свт. Афанасий и другие церковные писатели провели "ревизию" (literary campaign) термина μοναχός и стали называть таким образом преп. Антония и его учеников, в то же время инвективы бл. Иеронима и языческих авторов[42] против ἀποτακτικοί показывают, что они в тот период были еще социально значимым явлением. Надо отметить, что Джадж изложил свои выводы как ряд гипотез с надеждой на то, что его коллеги их откорректируют и дополнят.

Далеко не все в концепции Джаджа можно считать безусловно верным. Так, он с легкостью отождествляет монаха Исаака с теми remnuoth[43], о которых пишет бл. Иероним. При том тот факт, что бл. Иероним имеет в виду совершенно конкретную и не церковную группировку монашествующих, Джаджем, как кажется, в расчет не берется. Что касается папирусов, то тут доводы исследователя также основаны на весьма субъективной интерпретации изложенного там материала. Джадж просто наделяет "братьев" статусом ἀποτακτικοί[44]. Но при всех этих видимых сомнениях игнорировать одну из основных идей статьи, а именно тот факт, что в Египте рубежа III–IV вв. существовали различные аскетические сообщества, как мужские, так и женские, было бы, на наш взгляд, неправомерно. Идеи Джаджа получили свое дальнейшее развитие в статье Дж. Гёринга, также посвя-

[35] См.: *Schneemelcher W.* Erwägungen zu dem Ursprung der Mönchtums in Aegypten // Crhistentum am Nil / Ed. Wessel K., Bongers A. Recklinghausen, 1964. S. 131–141.

[36] См.: *Baumeister Th.* Die Mentalität des frühen ägyptischen Mönchtums. Zur Frage der Ursprunge des christlichen Mönchtums // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1977. 88. S. 145–160.

[37] *Judge E.A.* The Earliest Use for "Monk" (P. Coll. Youtie 77) and the Origins of Monasticism // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1977. 20. S. 72–89.

[38] Джадж называет 357 г. как предположительную дату написания "Жития" (*Judge E.A.* Op. cit. P. 77).

[39] Такой вывод Джадж делает на основании данных папирусов, где помимо просьб о молитвах за родственников адресатов и различных поручений содержатся данные о регистрации прав земельной собственности (например, P. Flor. 71.722), см. *Judge E.A.* Op. cit. P. 81–82.

[40] Так, например, в одном из документов (P. Lips. 28) вдовствующая женщина хочет, чтобы ее внук был усыновлен дядей Сильваном, который является ἀποτακτικός, и он в случае усыновления наследовал бы собственность этого внука. В другом папирусе, происходящем из архива монахов-мелетиан, речь идет о том, что на собрании монахов отъезжающий в Кессарию некий пресвитер Пагей (Пайеус?) просит назначить на должность эконома своего родного брата (*Judge E.A.* Op. cit. P. 82, 84).

[41] Т.е. "отвергшиеся".

[42] Джадж обратил внимание на то, что Юлиан в своих обличениях употребляет термин apotaktitai, Либаний вообще не использует никакой терминологии, термином μοναχός пользуется лишь Евнапий (*Judge E.A.* Op. cit. P. 72). Таким образом, можно предположить, что Юлиан (а может быть, и Либаний) обличают не монахов вообще, а apotaktitai (ἀποτακτικοί?) в частности.

[43] Remnuoth скорее всего является латинской транскрипцией коптского термина. О возможных реконструкциях коптского оригинала см.: *Хосроев А.* Из истории раннего христианства в Египте. М., 1997. С. 139–140. Есть предположение, что упоминаемые у бл. Иеронима remnuoth тождественны упоминаемым преп. Иоанном Кассианом sarabaitae (см., например: *Хосроев А.* Указ. соч. С. 110–113). Однако, на наш взгляд, осторожнее будет оставить вопрос открытым, поскольку сходство внешней организации еще не говорит о тождественности мировоззрения. Наглядный пример тому полуанахоретская община Нитрии и сходная с ней по внешней организации община монахов-мелетиан в Хаторе.

[44] Судя по приводимым Джаджем данным, папирусы можно разделить, по меньшей мере, на два типа: в одних непосредственно упоминается об ἀποτακτικοί, в других, в лучшем случае, говорится о "братьях" или "братьях возлюбленных". См.: *Judge E.A.* Op. cit. P. 80–85.

щенной дискуссиям о начале монашества[45]. Он предположил, что становление монашества в Египте прошло несколько этапов, первым из которых были ἀποτακτικοὶ или подобные им сообщества. Они сделали первый шаг на пути к монашеской аскезе – совершили "уход" от социальных связей (родственных уз и брака). Преп. Антоний "расширил" этот анахоресис, переведя его в план "физический"[46], т.е. удалился в пустыню. При этом Гёринг специально подчеркивает, что преп. Антоний был не первым, кто это совершил. Популярность преп. Антония объясняется не его личными подвигами, а широким распространением его "Жития". Таким образом, по мнению Гёринга, преп. Антония можно назвать первым монахом лишь par exellence, подобно тому, как апостол Павел является par exellence апостолом язычников[47]. Подобно этому преп. Пахомий не основатель монашеского общежития (киновии, по мнению Гёринга, существовали и до и параллельно общинам пахомиан). Его заслуга в том, что он сумел объединить общим уставом несколько киновийных монастырей[48]. Из существующих трех видов монашества осталось только два (киновия и отшельничество) только потому, что третий род монахов, который повизался в непосредственной близости от церковных приходов в городах и поселках, отказывался подчиняться церковной иерархии, в результате чего произошел конфликт, в котором церковный клир победил. Конфликт этот, как полагает Гёринг, был неизбежен, поскольку сообщества "городских" аскетов сталкивались с церковной иерархией лоб в лоб, не имея "буфера" в виде пустыни или монастырских стен[49]. Этот конфликт нашел свое отражение в трудах церковных писателей, которые ставили в пример отшельников и киновитов, которых было проще контролировать, а "городских" монахов всячески третировали или игнорировали[50]. Значение "городских" монахов для истории формирования монашества было, таким образом, потеряно.

Подобные подходы ставят ряд проблемных вопросов, касающихся самых основ истории монашества в Египте или даже истории христианского монашества как такового. Во-первых, с чего начинается история христианского монашества – с какого-то мало осознанного и слабо освещенного в источниках аскетического брожения в Египте на рубеже III–IV вв., причины и мотивы которого нам не ясны[51], или оно начинается с вполне конкретных исторических фактов? Во-вторых, следует ли отказываться от определения точной границы начала монашества и объявлять ее раз и навсегда размытой и неуловимой или все же можно отыскать водораздел между тем, что происходило до начала монашества и после него? Ну, и наконец, в-третьих, следует ли считать преп. Антония **действительно первым монахом** или он является таковым лишь на правах par exellence?

* * *

Для того, чтобы попытаться ответить на все эти вопросы нужно, как нам кажется, еще раз проанализировать текст "Жития преп. Антония"[52], основного литературного источника по интересующей нас проблеме, и попытаться найти там критерии, которые помогли бы нам в свете новых данных ответить на поставленные вопросы, или по крайней мере обозначить какие-то подходы для их решения в будущем.

Но прежде, чем это сделать, нужно хотя бы кратко коснуться проблемы критики этого источника. В 1949 г. вышла в свет работа известного немецкого исследователя Г. Дёрриса, посвященная анализу "Жития" как исторического источника[53]. Дёррис сравнил данные "Жития" и 38 апофтегм преп. Антония и указал на то, что в ряде случаев они не совпадают: в "Житии", например, содержатся сведения, что преп. Антоний резко отрицательно относится к мелетианам, публично обличает ариан и в то же время строго и благоговейно подчиняется церковной иерархии[54], а в Apophtegmata Patrum этих данных нет. Зато, по мнению Дёрриса, там содержатся намеки, что преп. Антоний ясно осознавал существование как минимум одного поколения монахов до него[55]. Подобные "разночтения" вполне могут быть объяснены жанровым своеобразием. Однако Дёррис сделал другие выводы. По его мнению, свт. Афанасий при написании "Жития" руководствовался желанием изобразить преп. Антония строгим поборником Православия, из-за чего и произошли подобные искажения, поэтому "Житие" лишь отчасти отражает подлинную историческую картину и пользоваться им следует с большой осторожностью[56]. Выводы немецкого ученого получили широкое распространение, о чем свидетельствуют ссылки на его работу в различных статьях или краткий пересказ основных ее положений[57].

---

[45] *Goehring J.* Op. cit. P. 235–255; статья Гёринга представляет собой, главным образом, историографический обзор по данной теме, хотя там и присутствуют некоторые соображения автора по данному вопросу.

[46] *Goehring J.* Op. cit. P. 243, 247.

[47] Ibid. P. 239.

[48] По мнению Гёринга, нововведение Пахомия заключалось не в основании киновийного образа жизни как такового, но в организации группы "родственных" монастырей (affiliated group of monasteries) по одному и тому же уставу. Он полагает, что центральный пахомианский монастырь в Пбоу по отношению к другим пахомианским монастырям выполнял примерно те же функции, какие выполнял Клюни в средневековой Европе по отношению к "родственным" ему монастырям (Ibid. P. 247).

[49] Ibid. P. 241.

[50] В качестве примера Гёринг приводит ту же самую инвективу бл. Иеронима против remnuoth в послании к Евстохии (Ibid. P. 241). Таким образом, он как бы предлагает "ответ" на недоумения Дж. О'Нила или А. Гарнака: конфликт был, но сведения о нем фрагментарны. Естественно, что точка зрения Гёринга не более, чем гипотеза.

[51] Ср. в этой связи точку зрения известного отечественного специалиста по раннехристианскому Египту А. Хосроева: "Формы жизни и исповедания монахов... были значительно многообразнее и многочисленнее нежели те немногие, о которых мы знаем из имеющихся в нашем распоряжении текстов" (Указ. соч. С. 109), «Если вспомнить ... о том, что стремление к различным формам уединения и аскезы рождалось не вследствие принадлежности к какому-то определенному исповеданию, что желание удалиться от общества никогда не было вызвано стремлением достичь некоей "теоретической ортодоксии", что первые христианские монашеские образования были учреждены не господствующей Церковью, но мирянами ... культурная и конфессиональная неоднородность внутри того, что мы называем монашеским движением, станет понятной» (Указ. соч. С. 112).

[52] Споры об авторстве "Жития преп. Антония" представляют собой отдельную проблему, разбор которой не входит в нашу задачу. Мы лишь ограничимся констатацией того, что подавляющее большинство исследователей ныне считают автором "Жития" свт. Афанасия Александрийского. Подробнее о дискуссии см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. Introduction, Texte Critique, Traduction, Notes et Index par G.J.M. Bartelink. Sources chrétiennes. 400. P., 1994. P. 27–35. Все греческие цитаты из "Жития" будут даваться по этому изданию.

[53] *Dörries H.* Die Vita Antonii als Geschichtsquelle // Nachrichte der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. № 14. Götttingen, 1949. P. 359–410, в 1966 г. был издан дополнительный вариант: *Dörries H.* Op. cit. // Wort und Stunde 1. Göttingen, 1966. P. 145–224.

[54] См.: Vita Antonii. Cap. 67–70.

[55] Дёррис (*Dörries H.* Die Vita Antonii... 1966. P. 156; *Judge E.A.* Op. cit. P. 78) делает такие выводы, опираясь, главным образом, на Apophtegm. Antonii, 22/23, где преп. Антоний говорит, что Бог в его времена не попускает таких искушений, какие были прежде: εἶπε πάλιν, ὅτι ὁ Θεὸς οὐκ ἀφιει τοὺς πολέμους ἐπὶ τὴν γενεὰν ταύτην, ὥσπερ ἐπὶ τῶν ἀρχαίων. Дело, однако, в том, что слово γενεά может быть переведено и как "время", и как "род, поколение". Если понимать под γενεά "род" или "поколение", то не исключено, что оно употреблено в обобщающем значении нынешнего поколения христиан (или людей вообще), а под τῶν ἀρχαίων имеются в виду поколения христиан, мучеников и исповедников, жившие во время гонений. Видеть в τῶν ἀρχαίων некие предыдущие поколения монахов, на наш взгляд, – большая натяжка.

[56] Впрочем, критика исторической ценности "Жития" началась еще до выхода в свет книги Дёрриса, см., например, статью Г. Барди о преп. Антонии в Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique, doctrine et histoire. T. I. P., 1937. Col. 702–708, особ. col. 703.

[57] См. в частности: *Baumeister Th.* Op. cit. P. 148–150; *Judge E.A.* Op. cit. P. 78; *Goehring J.* Op. cit. P. 239, 252; Athanase d'Alesandrie. Vie d'Antoine. P. 59.

Было также замечено, что некоторые идеи, высказываемые преп. Антонием в "Житии", соответствуют положениям, высказанным в других творениях свт. Афанасия, а в своих проповедях преп. Антоний использует риторические приемы[58]. Первое, однако, может свидетельствовать не о том, что свт. Афанасий "вкладывает в уста" отшельника свои мысли и идеи, а о том, что поучения отца монашества могли оказать серьезное влияние на взгляды предстоятеля александрийской церкви, который, по собственному своему признанию, бывал у преп. Антония неоднократно[59]. Второе говорит главным образом о форме, а не о содержании. Для того, чтобы обвинять свт. Афанасия в откровенном подлоге, нужны куда более серьезные аргументы. Другое дело, что, будучи непримиримым борцом с арианской и мелетианской смутой, свт. Афанасий вполне мог актуализировать обличительные моменты проповеди преп. Антония.

Однако мы постараемся не затрагивать те места "Жития", которые приобрели статус "спорных". Целью нашего исследования, как уже упоминалось, будет попытка отыскать в тексте те критерии, которые могли бы свидетельствовать за или против того, что именно преп. Антоний был отцом христианского монашества и помогли бы прояснить вопрос, в чем же заключался исходный момент этого социального движения. Сразу подчеркнем, что сам свт. Афанасий не ставит задачу объявить преп. Антония первым монахом, и, следовательно, в данном случае его нельзя упрекнуть в предвзятости. Задача агиографа, по его же собственному признанию, состоит лишь в том, чтобы дать пример для подражания подвижникам, пребывающим вне пределов Египта[60].

Содержание первых трех глав "Жития" цитировалось столь часто, что стало хрестоматийным. Кратко напомним их содержание: преп. Антоний родился в Среднем Египте[61], в благочестивой христианской семье, однако родители его скоро умерли, оставив на его попечении младшую сестру. Однажды, пребывая в храме, он услышал чтения из Евангелия о духовном совершенстве (Мф. 19, 21). Слова Писания столь сильно на него повлияли, что он продал семейное имущество, а деньги раздал нищим в качестве милостыни. Далее, услышав в храме евангельскую заповедь не заботится о завтрашнем дне (Мф. 6, 34), преп. Антоний отдает свою сестру на воспитание известным и верным девам (γνωρίμοις καὶ πισταῖς παρθένοις)[62], а сам начинает упражняться в подвижничестве перед своим домом[63].

Далее следует довольно многозначная фраза: οὔπω γὰρ ἦν οὕτως ἐν Αἰγύπτῳ συνεχῆ μοναστήρια οὐδ' ὅλως ἤδει μοναχὸς τὴν μακρὰν ἔρημον[64]. В том, что слово μοναστήρια означает в тексте "Жития" не монастыри в нашем понимании, а кельи отшельников, сейчас, как кажется, никто уже не сомневается[65]. Не совсем ясно, однако, кто имеется в виду под словом μοναχός, сам преп. Антоний или это обобщение, прилагаемое ко всем подвижникам? Скорее всего второе, поскольку далее речь идет о подвижниках, уединявшихся возле своих селений. Но основной вопрос возникает при чтении слова συνεχῆ, поскольку это прилагательное имеет по крайней мере два основных круга значений: "непрерывный, сплошной, густой, прилегающий друг к другу", и "непрекращающийся, постоянный". Таким образом, выражение οὔπω...συνεχῆ μοναστήρια может быть понято двояко: либо как отсутствие "сплошных", т.е. многочисленных келий отшельников, либо как отсутствие "постоянных", т.е. долговременных поселений подвижников на одном и том же месте. Вероятно также, что свт. Афанасий имеет в виду сразу два круга значений. Интересно в этой связи отметить, что подчеркивая большое количество поселений отшельников в пустыне после проповеди преп. Антония, свт. Афанасий выражается более однозначно и говорит πλεῖστα μοναστήρια[66].

Затем преп. Антоний подвизается по примеру некого старца, проводившего с молодых лет уединенную жизнь (τὸν μονήρη βίον)[67] вблизи своей деревни. Одновременно с этим преп. Антоний посещает неких σπουδαῖοι, у которых учится подвижнической жизни[68]. Интересно также заметить, что свт. Афанасий говорит о преп. Антонии, когда тот подвизался вблизи своей деревни, как об одном из таких σπουδαῖοι[69]. Вероятно, и тот старец, жизни которого стал подражать преп. Антоний, также принадлежал к этому кругу отшельников. Интересно также замечание свт. Афанасия о том, что со своими сверстниками преп. Антоний в состязание не входил (οὐκ ἦν φιλόνεικος), "разве только, чтобы не быть вторым после них в совершенстве"[70]. Отсюда можно сделать вывод об интересе преп. Антония именно к предшествующему поколению подвижников, которые, на наш взгляд, и замыкают круг "пред монашеской аскезы". Свт. Афанасий кратко сообщает нам, чему учился молодой подвижник у этих старцев. Данный отрывок столь интересен, что имеет смысл привести его полностью:

Καὶ τοῦ μὲν τὸ χαρίεν, τοῦ δὲ τὸ πρὸς τὰς εὐχὰς σύντονον ἐθεώρει · καὶ ἄλλου μὲν τὸ ἀόργητον, ἄλλου δὲ τὸ φιλάνθρωπον κατενόει · καὶ τῷ μὲν ἀγρυπνοῦντι, τῷ δὲ φιλολογοῦντι[71] προσεῖχεν · καὶ τὸν μὲν ἐν καρτερίᾳ, τὸν δὲ ἐν νηστείαις καὶ χαμευνίαις ἐθαύμαζεν · καὶ τοῦ μὲν τὴν πραότητα, τοῦ δὲ τὴν

[58] Главным образом, это касается трактатов свт. Афанасия "Contra Gentes", "De incarnatio". В качестве риторических приемов указываются анафоры и риторические вопросы, например, Ποῦ νῦν ὑμῶν ἐστι τὰ μαντεῖα; ποῦ αἱ τῶν Αἰγυπτίων ἐπαοιδίαι; Ποῦ τῶν μάγων αἱ φαντασίαι (Vita Antonii. Cap. 79), см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 36–37, 335–337.

[59] πολλάκις γὰρ αὐτὸν ἑώρακα (Vita Antonii, praefatio).

[60] См.: Vita Antonii, praefatio.

[61] Предположительно в селе Кома (совр. деревня Qimân al-'Arûs).

[62] Vita Antonii. Cap. 3, далее в рукописях "Жития" разночтения: в одних читается εἰς παρθενῶνα ἀνατρέφεσθαι (воспитывать в обитель дев), в других – εἰς παρθενίαν ἀνατρέφεσθαι (воспитывать в девстве). Бартелинк, вслед за Гариттом полагает, что чтение εἰς παρθενίαν более правильно. Это ставит под вопрос утверждение, что преп. Антоний отдал свою сестру в общину дев, напоминающую небольшой монастырь, см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 80–81, 135, а также: *Garrite G.* Un couvert de femme au IIIe siècle? // Scrinium Lovaniense. Mélange historiques E. van Cauwenbergh. Louvain, 1961. P. 150–159.

[63] В одной рукописи XIII в. (Oxf. Barroccianus gr. 183) вместо дома (οἰκίας) значится "возле деревни" (κώμης), что представляется нам более логичным, ведь всю землю преп. Антоний к тому времени уже раздал односельчанам.

[64] Vita Antonii. Cap. 3, существующий русский перевод: "В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни" (*Святитель Афанасий Великий*. Творения. Т. III. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1994 (репринт издания 1903 г.). С. 181), ср. французский перевод Бартелинка: En effet il n'y avait pas encore en Égypte de si nombreux ermitages et le moine ne savait absolument rien du grand désert. (Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 137).

[65] См.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 126–127.

[66] Vita Antonii. Cap. 15.

[67] Vita Antonii. Cap. 3.

[68] Термин σπουδαῖοι встречается также в папирусах и других литературных источниках, но там он скорее всего означает аскетические (или полуаскетические) объединения мирян, ведущих достаточно активную социально-экономическую деятельность и родственные, если не тождественные, так называемые φιλόπονοι. Об этом см.: *Wipszyska E.* Les confréries dans la vie religieuse de l'Égypte chrétienne // Proceedings of the XIIth International Congress of Papyrology. Toronto, 1970. P. 511–524. По характеру организации и деятельности они могли напоминать религиозные братства, сопоставимые с нынешними (например, Православными братствами), но с теми σπουδαῖοι, которые упомянуты в "Житии", они скорее всего не имеют ничего общего. Попытки отождествить одно с другим (см., например: *Хосроев А.* Указ. соч. С. 141, ср. также: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 139) кажутся нам крайне неудачными: слишком разнится характер аскезы, да и в "Житии" нигде не сказано, что σπουδαῖοι, у которых подвизался преп. Антоний, представляли собой некое организованное сообщество. Принятый русский перевод σπουδαῖοι – "рачители добродетели"; см.: *Святитель Афанасий Великий*. Творения. С. 181 и сл.

[69] περὶ γὰρ κρεῶν καὶ οἴνου περιττόν ἐστι καὶ λέγειν, ὅπου γε οὐδὲ παρὰ τοῖς ἄλλοις σπουδαίοις ηὑρίσκετό τι τῶν τοιούντων (Vita Antonii. Cap. 7)

[70] Vita Antonii. Cap. 4; *Святитель Афанасий Великий*. Творения. С. 182.

[71] Глагол φιλολογεῖν и соответственно формы, производные от него, имели в христианской литературе вполне конкретный смысл: "Читать и изучать Священное Писание", см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 141. Свт. Афанасий специально подчеркивает, что преп. Антоний учит Писание наизусть, дабы ни одно слово из него не упало на землю (Vita Antonii. Cap. 3).

μακροθυμίαν παρετηρεῖτο · πάντων δὲ ὁμοῦ τὴν εἰς τὸν Χριστὸν εὐσέβειαν καὶ τὴν πρὸς ἀλλήλους ἀγάπην ἐσημειοῦτο. Καὶ οὕτω πεπληρωμένος ὑπέστρεφεν εἰς τὸν ἴδιον τοῦ ἀσκητηρίου τόπον · λοιπὸν αὐτὸς τὰ παρ' ἑκάστου συνάγων εἰς ἑαυτὸν ἐσπούδαζεν ἐν ἑαυτῷ τὰ πάντα δεικύναι[72].

Затем, а может быть, и параллельно с этим преп. Антоний подвизается рядом со своим селом, испытывая искушения дьявола. При этом он проводит целые ночи без сна[73] (вспомним καὶ τῷ μὲν ἀγρυπνοῦντι), пищу принимает однажды в день, а то и через два дня, часто спит на рогоже, а то и на голой земле[74] (вспомним τὸν δὲ ἐν νηστείαις καὶ χαμευνίαις), дьявол пытается действовать через помыслы, преп. Антоний отражает их молитвами[75] (вспомним τοῦ δὲ τὸ πρὸς τὰς εὐχὰς), при этом он приводит себе на ум слова из Писания в качестве непосредственного руководства[76] (вспомним τῷ δὲ φιλολογοῦντι). Все это может свидетельствовать о том, что молодой подвижник "входит" в поле духовного опыта предшествующего поколения аскетов и "замыкает" его на себе.

Затем преп. Антоний удаляется еще дальше от своей деревни, в гробницу, и на некоторое время уединяется там. При этом, что примечательно, предлагает удалиться в пустыню тому самому старцу, подражая которому, преп. Антоний и начал свое подвижничество. Однако последний отказывается[77], говоря, что уже стар и не имеет навыка к пустынной жизни. Тогда преп. Антоний немедля уходит в пустыню один. Казалось бы, правы те, кто склонен видеть начало монашества в "тотальном" анахоресисе, т.е. в полном разрыве социальных связей и перевод отшельничества из плана этического в план "физический". Но не все так просто. После того как преп. Антоний провел около двадцати лет в полном затворе в пустыне, к нему приходят "некоторые из знакомых (ἄλλων τε γνωρίμων)" и нарушают его уединение. Если при этом вспомнить, что "многие желали подражать его подвижничеству", то можно признать, что здесь агиограф отображает предполагаемую ситуацию "аскетического брожения" в Египте рубежа III–IV вв.

Выйдя из затвора, преп. Антоний многих исцеляет и многих же убеждает (ἔπεισε) избрать монашество. К сожалению, свт. Афанасий не сообщает конкретное содержание первой проповеди отшельника к пришедшим. Сказано лишь, что в горах (ἐν τοῖς ὄρεσι), вероятно, рядом с местом, где непосредственно подвизался преп. Антоний[78] возникают кельи отшельников (μοναστήρια)[79], упоминается поселение отшельников в Арсеное, которое посещает преп. Антоний. Он часто беседует с монашествующими, и становится в среде отшельников руководителем подобно отцу (ὡς πατὴρ)[80]. Здесь, как нам представляется, свт. Афанасий указывает на одну характерную черту, присущую, вероятно, начальной стадии монашеского движения. Мы не можем утверждать, что преп. Антоний был первым, кто удалился в пустыню, мы не можем утверждать также, что кельи в Арсеное возникли непосредственно после проповеди пред. Антония, но мы можем предполагать, что "принципиальной схемой" формирования этого нового явления в социальном плане было объединение какой-то части аскетов-пустынников вокруг наиболее авторитетного подвижника, старца[81]. Объединение это строится не как система жестко регламентированных правил и первоначально, вероятно, даже не по "территориальному" принципу[82], оно скорее похоже на взаимоотношения отца и сыновей, учителя и учеников, о чем и сообщает нам агиограф.

[72] Vita Antonii. Cap. 4.
[73] Vita Antonii. Cap. 7.
[74] Ibid.
[75] Ibid. Cap. 5.
[76] Например: 3 Кор. 12. 10; Флп. 3, 13, 3; Цар. 18, 15, см.: Vita Antonii. Cap. 7.
[77] Vita Antonii. Cap. 11.
[78] Предполагается, что эта гора Писпир в пустыне к востоку от Нила (совр. Deir el-Meimoun), см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 44.
[79] Vita Antonii. Cap. 14.
[80] Ibid. Cap. 15.
[81] Значение в данном случае имеет не возраст, а прежде всего духовный авторитет. Преп. Антонию в то время было предположительно 55 лет, хотя он и дает советы, как старший возрастом (Vita Antonii. Cap. 16).

Возможно, этот принцип сыграл решающую роль при переходе разрозненных отшельников или даже отдельных групп отшельников к монастырям в современном смысле этого слова: относительно большим монашеским объединениям, скрепленным определенными, изначально, вероятно, устными, а затем и письменными правилами. Может быть, в этом переходе от разрозненного и непостоянного отшельничества (вспомним συνεχῆ μοναστήρια) к сыновнему подчинению старцам и стоит искать начало монашества? Не совсем так, поскольку упущенным оказался еще один принципиальный момент. Агиограф приводит одну из проповедей преп. Антония к братии[83], которая открывается следующим обращением:

τὰς μὲν γραφὰς ἱκανὰς εἶναι πρὸς διδασκαλίαν, ἡμᾶς δὲ καλὸν παρακαλεῖν ἀλλήλους ἐν τῇ πίστει, καὶ ἀλείφειν ἐν τοῖς λόγοις. Καὶ ὑμεῖς τοίνυν ὡς τέκνα φέρετε τῷ πατρὶ λέγοντες εἴ τι οἴδατε · κἀγὼ δὲ ὡς τῇ ἡλικίᾳ πρεσβύτερος ὑμῶν, ἃ οἶδα καὶ ὧν πεπείραμαι μεταδίδωμι.

Речь, таким образом, идет о непосредственной передаче (μεταδίδωμι) определенного духовного знания и опыта, усвоенного преп. Антонием (ἃ οἶδα καὶ ὧν πεπείραμαι). Ту же мысль, но иными словами преп. Антоний подчеркивает в главе 39:

ἀπὸ πείρας καὶ αληθείας πιστεύσετε ταῦτά με διεγεῖσθαι.

Именно в этой "организации" и "трансляции" определенного духовного опыта, по нашему мнению, и следует видеть начало христианского монашества. Стоит также присмотреться к внутренней структуре этого опыта.

Несмотря на то что "для научения достаточно и Писаний" (τὰς μὲν γραφὰς ἱκανὰς εἶναι πρὸς διδασκαλίαν)[84], а преп. Антоний делает акцент на передачу опытного, "изведанного" (ἀπὸ πείρας) знания, само Писание становится и оправданием и, одновременно, фактом той аскетической традиции, которую он проповедует. Так, по мысли египетского отшельника, одной из фундаментальных установок для монашествующих должно служить апостольское изречение: "Я каждый день умираю"[85], реальностью духовной жизни инока должно стать постоянное духовное совершенствование, которое мотивируется словами Христа[86], раздражительности должно избегать потому, что апостол говорит о разрушительном результате этого душевного движения[87] и т.д. К этому следует прибавить, что описывая еще самые первые подвиги преп. Антония возле своей деревни, свт. Афанасий показывает, как он "превращает" слова Ветхого и Нового Завета в конкретные установки, делая их, таким образом, фактом своего внутреннего опыта[88]. Если дополнить это простым наблюдением, что вся проповедь преп. Антония изобилует либо прямыми цитатами, либо аллюзиями из Писания[89], то одна "составляющая" той аскетической традиции, которую преп. Антоний пытается передать ученикам, станет очевидной.

[82] Переселившись в пустыню возле Красного моря (так называемую "внутреннюю" пустыню), преп. Антоний тем не менее ходит навещать и наставлять своих учеников, которые живут в трех днях пути от его поселения, ср.: Vita Antonii. Cap. 49, 54, 63.
[83] Vita Antonii. Cap. 16–43.
[84] Скорее всего здесь имеется в виду самостоятельное изучение Писания.
[85] 1 Кор. 15, 31, см.: Vita Antonii. Cap. 19.
[86] Лк. 9, 26, см.: Vita Antonii. Cap. 20.
[87] Иак. 1, 15, 20, см.: Vita Antonii. Cap. 21.
[88] Vita Antonii. Cap. 7.
[89] К примеру, Vita Antonii. Cap. 17 (прямая цитата – Рим. 8, 18, аллюзия – Еккл. 4, 8); Cap. 18 (аллюзия – Иез. 18, 24–26); Cap. 19 (прямая цитата – 1Кор. 15, 35, аллюзия – Рим. 8, 28); Cap. 20 (прямые цитаты – Лк 9, 62; Лк 17, 21; Ис. Нав. 24,23; Мф. 3,3) и т.д.

быть: **строино] прилагаеть**. Изб. Св. 1073 г.[2], 673 [ср. Срз. II, 33]), лицетворити ***олицетворять***, т.е. ***одушевлять*** (**вѣсть бо писанье и лицетворити ти аки ѡ дѹшьныихъ гѫти** – προσωποποιεῖν. Ио. екз. Бог.[2], II, 32 [ср. Срз. II, 33]), хотя здесь, конечно, присутствуют уже византийские напластования.

Христианский и византийский пласт

Выше было сказано, что в древнерусских текстах поверхностный слой земли, поля, воды и т.п. назывался лице. Византийская литература активно использовала это представление [см. Lampe, 1186]. Однако и в языке Библии это очень распространенный пассаж, отсюда соответствующие употребления в древнерусских библейских текстах (например, источникъ... напаяше все лице земли – πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς – К287-0123 – (Быт. 2, 5–6) Библ. Генн. 1499 г.; и отвръженъ бысть на лице полю – ἐπὶ πρόσωπον τοῦ πεδίου – К287-0124 – (Иезек. 16, 5) Библ. Генн. 1499 г.; раби гна моего на лици всѣх селъ пребывают – ἐπὶ πρόσωπον τοῦ ἀγροῦ – К287-0125 – (2 Цар. 11, 11) Библ. Генн. 1499 г.).

Сочетание лице с притяжательным местоимением в функции личного местоимения, которое служило указанием на самого человека, очень распространенное в древнерусских литературных памятниках, часто употребляется в Ветхом завете и, частично, под влиянием языка этого памятника попало в византийские и древнерусские тексты (да погребу мр҃твець свои пред лицем своим, т.е. перед собой – К287-0161 – ἀπ' ἐμοῦ – (Быт. 23, 4) Библ. Генн. 1499 г.; и потребит Гь с лица вашего страны великы и силны, т.е. от вас – ἀπὸ προσώπου ὑμῶν – К287-0158 – (Иис. Нав. 23, 9) Библ. Генн. 1499 г.; отвратиша лице свое от жилища Гд҃ Бг҃ нашего, т.е. сами отвернулись – averterunt facies suas a... – К287-0355 – (2 Парал. 29, 6) Библ. Генн. 1499 г., см. также – К287-0177, К287-0353 и мн. др.).

Сходным образом ведут себя сочетания с притяжательными прилагательными (Исавъ... отиде... с лица Иаковля брата своего, т.е. от него самого – К287-0159 – ἀπὸ προσώπου Ἰακώβ – (Быт. 36, 6) Библ. Генн. 1499 г.; скрытися от лица Антихсва, т.е. от Антихриста – в греч. иначе: διὰ τὴν τοῦ ἀποστάτου (καὶ ψευδοχρίστου) ἐπιβουλὴν φεύγοντας – К287-0176 – Апокал. 55 об. XIII в.; прямо лицю Иерданове, т.е. против Иордана – К287-0175 – ἐπὶ προσώπου τοῦ Ἰορδάνου – (3 Цар. 17, 3) Библ. Генн. 1499 г.).

О разных объектах, живых существах и человеке

Очень распространено употребление лице с родительным падежом существительного. Этот оборот тождествен описанному выше, т.е. подразумевается то, что стоит в родительном падеже. Из этого следует, что слово лице для древнего языка было как бы указанием на ***внешнюю оформленность*** того, что стоит в родительном падеже, хотя для современного языка и мышления оно не выполняет никакой смыслоразличительной функции, а выступает как бы во вспомогательной функции, дублируя то лицо или предмет, который употреблен в родительном падеже. По-видимому, по происхождению это гебраизм.

В родительном падеже при лице могут стоять:

I. ***Существительные, условно названные "живыми существами"***: яко же отъ лиця змиина, тако бѣжи отъ грѣха, т.е. избегай змея или беги от змея ἀπὸ προσώπου ὄφεως – К287-0166 – (Сирах. 21, 2) Изб. Св. 1076 г., 363, то же – К287-0165; подобнѣ суть... мужю, бѣгающу от лица бѣсующемуся инорогу, т.е. от самого инорога – К287-0167 – Варлаам и Иоасаф, 160. XVII в. ~ XII–XIII вв.; примеры многочисленны.

II. ***Различные природные явления***: разсѣдшимся яко воскъ отъ лица огня, т.е. от огня – К287-0169 – Суб. Мат. IV, 188. 1666 г., сходно: К287-0171; не можаху иерѣи стати службѣ пред лицем облака, т.е. из-за облака – К287-0197 – ἀπὸ προσώπου τῆς νεφέλης – (3 Цар. 8, 10–11) Библ. Генн. 1499 г.; противу лицу мраза Его [Бога] кто постоит, т.е. речь идет о морозе – К287-0198 – Псков. лет. II, 195. XVI в.

III. ***Отвлеченные понятия, содержащие критерии нравственности, характеризующие поведение, логическое-словесное выражение*** и т.п.: (о бесчестии, стыде) да не будеть тебѣ к тому отврѣсти устъ от лица бечьстиа твоего – ἀπὸ προσώπου ἀτιμίας σου: "чтобы... нельзя было тебе и рта открыть от стыда" – К287-0009 – (Иезек. 16, 63) Библ. Генн. 1499 г.; намъ ж⟨е⟩ и бц҃емъ нашимъ стыдѣние лицемъ – ἡ αἰσχύνη τῶν προσώπων – К287-0010 – (Вар. 2, 6) Библ. Генн. 1499 г.; (о милости) яко от лица милости святых икон весницы на конех прибежавше – К287-0041 – Пов. прихож. на Псков[2], 150. XVII в. ~ XVI в.; (о славе) отъ лица славы Его серафимы ужасаются – К287-0170 – Курб. Пис. 384. XVII в. ~ XVI в.; (о произнесенных словах) и възбояся зѣло от лица словесе Самоиля – ἀπὸ τῶν λόγων: "сильно испугался слов Самуила" – К287-0196 – (1 Цар. 28, 20) Библ. Генн. 1499 г.

О Боге

Лице, употребленное по отношению к Богу, означает, просто, ***Бог*** (тот нас поставит перед лицем Божиим, т.е. перед Богом – К287-0200 – Пов. о Скандербеге, 20. XVII в.; блаженъ... иже, рождьшися, не согрѣшилъ на лицы Господни – К287-0282 – Лож. и отреч. кн. 16. XVII в.). Отвращати лице, если речь идет о Боге, означает ***лишать милости*** (отъ нечистых же отвращаетъ Богъ лице свое – К287-0266 – ВМЧ, Окт. 4–18, 1039. XVI в.). Вообще любое действие Бога производится через лице (просвѣтит Гь҃ лице Свое на тя и помилова тя – τὸ πρόσωπον αὐτοῦ: "да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя!" – К287-0392 – (Чис. 6, 25) Библ. Генн. 1499 г.; въздвигнет Гь҃ лице Свое на тя и даж ти миръ – τὸ πρόσωπον αὐτοῦ: "да обратит Господь лице свое на тебя и даст тебе мир!" – К287-0392 (выписка 395) – (Чис. 6, 26) Библ. Генн. 1499 г.; лице же Гн҃е на творящая злая, иже потребити от земля памят⟨ь⟩ ихъ – πρόσωπον δὲ Κυρίου... – К287-0393 – (Псал. 33, 17) Библ. Генн. 1499 г.); примеры можно увеличить.

Идея окончательной оформленности, заключенная в слове лице, привела христианское сознание к представлению о ***воплощении***, в одном ряду с которым находится ***ипостась*** (о Бозѣ же егда реку, единѣмъ свѣтъмъ освѣтитеся и трьми: трьми же по своиствомъ, рекъше собьствомь, аште кому любы нарицати... лица («когда произношу слово "Бог", вы озаряетесь единым и тройным светом – тройственным в отношении к особенным свойствам, или к ипостасям, если угодно называть так, или к лицам»). Гр. Наз. 8 (л. 9). XI в.; не трее Бзи, единъ Бг҃ъ, по нему же едино Бжество въ трехъ лицах – Лавр. лет. 112 под 988 г., 1377 г.; Бг҃ъ есть едино естество в трехъ лицѣхъ – К287-0104 – Скрижаль II, 637. 1656 г.; потомъ же родися едино лице Христосъ, еже есть Богъ-Слово, по истинѣ въчеловѣчився и въплощенъ – К287-0106 – ВМЧ, Окт. 19–31, 1958. XVI в., ср. также – К287-0105; К287-0107 – К287-0109 и др.).

Патристическая литература подробно разрабатывала это краеугольное положение христианской религии, например, κοινὸν πρόσωπον δείκνυσιν ἡ γραφὴ τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, καὶ εἰκόνα μίαν, καὶ ὁμοίωσιν τὴν αὐτήν. [ref. Gen. I: 26] Nil. epp. I. 174 (M. 79. 152A)... ἡ τοῦ υἱοῦ ὑπόστασις οἱονεὶ μορφὴ καὶ πρόσωπον γίνεται τῆς τοῦ πατρὸς ἐπιγνώσεως. Gr. Nyss. diff. ess/8 (M. 32. 340C) – см. [Lampe, 1186].

На этом этапе развития семантики слова лице возможно пересечение со словом образъ. А.М. Камчатнов обращает внимание на контекст "Константинова дара", где в разных его списках, восходящих, по мнению автора, к разным переводам, ис-

конечно, принимать сведения бл. Иеронима и преп. Иоанна Кассиана как констатацию реальной ситуации, а не как намеренную и тенденциозную фальсификацию. В такой перспективе remnuoth, sarabaitae, а вкупе с ними и монахи-мелетиане, оказываются не "ступенью" в общей эволюции монашества, а скорее "тупиковыми ветвями" или, так сказать, параллельными линиями этой эволюции, а потому достаточно быстро сходят на нет.

Соответственно возникновение и развитие монашества вне Египта можно мыслить как взаимодействие "Антониевой традиции" и аскетических традиций, выросших на местной почве. При этом появляется возможность не отбрасывать данные многих существующих источников, повествующих о связях египетского монашества и монашества Сирии, Месопотамии и Палестины, как недостоверные, тенденциозные и т.д., а попытаться, при всей очевидной методологической сложности, рассмотреть их с позиции этого взаимодействия.

М.И. Чернышева

"ЧЕЛОВЕК" В ДРЕВНЕРУССКИХ И ХРИСТИАНСКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ. ОЧЕРК ТРЕТИЙ[1]. ЛИЦЕ

В Институте русского языка РАН находится уникальная картотека выписок из памятников письменности XI–XVII вв. Составляли ее, начиная с 20-х годов XX в., виднейшие ученые своего времени: Б.А. Ларин, Ф.И. Покровский, М.Н. Сперанский, Д.И. Абрамович, А.И. Соболевский, принимал участие также и его брат – С.И. Соболевский и многие другие. Огромный объем информации, заключенной в этой картотеке (далее: Картотека ДРС), позволяет ставить и решать разные филологические и шире – гуманитарные – задачи. Самая распространенная из них – индивидуальные исследования (диссертации) на разные темы, главным образом это темы историко-лексикологического характера. Эти разработки кажутся незначительными по сравнению с той главной задачей, ради разрешения которой и собиралась Картотека ДРС, – создание фундаментального исторического словаря. Такой словарь – Словарь русского языка XI–XVII вв. начал выходить в 1975 г., так что в 2000 г. должен появиться уже 25 выпуск этого словаря (продолжение буквы С). Словарь приближается к завершению. Вместе с этим значимым и отрадным для составителей Словаря[2] явлением встает естественный вопрос: что же Картотека теперь не нужна? Она выполнила (или, на данный момент, почти выполнила) свое предназначение? Выполнила ли? Пора ли ее сдавать в архив? Ответ приходит сам собой, если привести простые цифры: в Картотеке ДРС объем информации значительно превышает ту, что может быть предложена читателю в словарной статье на соответствующее слово (например, в СлРЯ на шести страницах убористой печати в две колонки находится 140 цитат на слово рука, в то время, как в Картотеке ДРС их 1020!). Сказанное позволяет сделать вывод о поиске других путей использования информационного массива Картотеки. Одним из таких путей могло бы быть создание серии лазерных дисков по определенным темам. Существует возможность на диске представить полный объем информации, т.е. весь картотечный материал с добавлением любых других сведений, нужных исследователю.

Одна из таких тем и была предложена нами – «"Человек" в древнерусских и христианско-византийских памятниках». Более узкая подтема внутри этой большой темы – "Облик человека" или "Названия частей человеческого тела". В отличие от лексикографического описания истории слова, являющегося (в традиционном понимании) достаточно строгим или даже жестким жанром, не допускающим размышлений, домыслов и сводящим к минимуму сомнения, данная тема разрабатывается в свободной форме лексикологического метода, сходного с методом лингвис-

[1] *Чернышева М.И.* Человек в древнерусских и византийских памятниках (лексикологический аспект) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. М., 1998. С. 569–591 (очерк первый о словах и понятиях плоть и тѣло); *Чернышева М.И., Филиппович Ю.Н.* Историко-лексикологическое (тематическое) исследование (экспериментальный опыт на основе новой информационной технологии) // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 56–83 (очерк второй о слове и понятии око).

[2] К каковым принадлежит и автор данной статьи.

тической герменевтики[3]. Метод лингвистической герменевтики предполагает допущение бесконечных смысловых ответвлений от основного ствола "идеи" слова, он позволяет почувствовать безграничность спектра символики слова, без которой слово становится мертвым, застывает в своей неподвижности; только разные типы образно-символически-эйдетических употреблений дают жизнь слову, поэтому-то современному исследователю тесно в рамках традиционной русской исторической лексикографии[4]. Герменевтический метод особенно важен как только мы приближаемся к анализу любого явления или факта, имеющего отношение к христианской культуре. Человеческое мышление, изначально образное, специфическим образом соотносится с христианскими также, но иначе, по-своему, образными представлениями, в результате чего возникает достаточно сложная картина с несколькими культурными пластами, находящимися в непростом взаимодействии.

Прежде чем перейти к собственно христианским представлениям, необходимо воссоздать доисторико-культурный пласт. Для этого есть один путь. Это можно сделать с помощью языка, потому что только язык является хранителем и носителем древнейшей информации о слове, а значит, о наиболее древних представлениях людей. Метод выявления такой информации – этимологический, он дает возможность с помощью различных лингвистических приемов реконструировать первичные представления и первичную "идею" слова путем сопоставления ряда близких слов из родственных языков. Так выявляются доисторико-культурные представления человека, т.е. те представления, которые отражают дописьменный этап развития человеческого общества. Затем наступает письменный этап, когда слово фиксируется в текстах. Здесь оно, с одной стороны, сохраняет свою собственную исконную природу и исконную семантику, ту, что реконструирована на предыдущем этапе, а с другой стороны, слово попадает в сферу разнообразных культурных влияний. Так возникают историко-культурные напластования, отражающие новое мировоззрение человека, продиктованное условиями определенной культуры. В нашем случае, доисторико-культурные представления воссозданы в этимологически реконструированном **праславянском пласте**, а историко-культурные – в двух других пластах: 1) собственно **древнерусском пласте**, выявляемом по оригинальным (непереведенным с других языков) древнерусским памятникам, 2) и в **христианско-византийском**, который частично явлен в тех же памятниках, но особенно в древнерусских и старославянских переводах с греческого языка. Именно так и строится данная работа.

В предыдущих наших исследованиях была подробно описана методика работы, ее технический аппарат, источниковедческая база и все необходимые параметры, дабы избежать повтора, отсылаем читателя к ним[5].

Для статейного варианта одного из исследований по теме "Человек" (здесь в качестве образца приводится очерк "лицо/лице") используем ряд условных сокращений. При цитировании Картотеки ДРС указывается номер ящика Картотеки (в данном случае, это 287) и номер карточки внутри ящика, рядом приводится сокращенное название источника в том виде, как это принято в Указателе источников к СлРЯ[6]. Цитаты и отдельные исследуемые слова подчеркиваются, сохраняется картотечное написание, графика упрощается в соответствии с правилами, принятыми в СлРЯ. При необходимости отсылки к другой части исследования соответствующее слово приводится в квадратных скобках в обрамлении астерисков, например [*око*].

[3] Ср.: *Камчатнов А.М.* Лингвистическая герменевтика. М., 1995.

[4] Там же; сходные мысли см. также: *Камчатнов А.М.* О символическом истолковании семантической эволюции слов лице и образъ // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. Сборник 5. М., 1992. С. 285–286, 298 (обе работы со ссылками на идеи А.Ф. Лосева в его исследованиях: Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 35 и др.; Бытие. Имя. Космос. М., 1993).

[5] См. примеч. 1.

[6] Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. / Сост. С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова. М., 1984. Частично этот указатель, более полный и совершенный, совпадает с Указателем источников, изданным в 1975 г. при первом выпуске СлРЯ. Любое сокращение названия процитированного источника совпадает с принятым в данном Указателе.

ЛИЦО (ЛИЦЕ)

(ящик К287, 399 карточек)

"И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою".

Быт. 2, 7

Этимологические данные

Представляем обзор наиболее активно цитируемых этимологий.

По свидетельству "Этимологического словаря славянских языков", данные индоевропейской сравнительной синонимии позволяют утверждать, что понятие и значение 'лицо' развилось в разных языках из понятий 'вид', а также 'форма, образ'. Эта лексика, более всего интересующая нас в данном случае, производна от глаголов со значением 'формовать', конкретно – 'делать' (как в лат. *facies* 'лицо' < *facere*; чеш. *tvář*, польск. *twarz* < **tvoriti*, см.), 'формовать резьбой' (**obrazъ*, см., в некоторых слав. языках также в значении 'лицо', < **obrězati*, **rězati*, см. s. vv.). Высказывается предположение, что исходным для слав. **likъ*, **lice* явилось понятие 'формовать литьем', а само это название лица, образа, облика соответственно произведено от глагола **liti* (см.), что отражает культурное значение литья и литейного формования в достаточно ранней слав. древности. Предлагаемая в этом Словаре этимология **likъ*, **lice* как именного производного с суф. *-k-* от **liti* «контролируется также четкими, хотя и завуалированными, особенностями современного словоупотребления, например, русск. вылитый отец (может быть сказано о сыне, очень похожем на отца), далее – повторением в гнезде **likъ* особенностей глагольного словообразования, ср. **oblikъ* (см.) – **obliti»* (см. [ЭССЯ 15, 75–78]). Это положение вызвало возражение М.Ф. Мурьянова, которое основано на том, что археологические данные не содержат сведений "о скульптурном искусстве праєлавянских литейщиков... а став христианами, ⟨они⟩ опять же не обрели никаких стимулов для развития этого вида изобразительного искусства, в сфере влияния византийской культуры запрещенного"[7].

Что касается мнения М. Фасмера, то заслуживает внимания его соображение о том, что *лик* III, предположительно родственное *лик* II, к которому восходит *лицо* (*лице*), является производным от гл. **ličiti* "делать явным" [ЭСФ II, 496].

По мнению П.Я. Черных, происхождение общеславянского **likъ*, производным которого является общеславянское **lice* (> рус. *лицо*), неясно. «Скорее всего, от и.-е. базы **leik* – "изгибать", "гнуть", "изгиб, изогнутая линия" (Pokorny, I, 309, 669). Ср. латин. прил. *obliquus* – "направленный в сторону", "боковой", "изогнутый"; ср. *imago obliqua* – "профиль"». Остальные этимологии представляются ему темными [ИЭСЧ II, 480].

Итак, наше предположение, возникшее на основе всех имеющихся у нас языковых данных и не противоречащее рассуждениям этимологов, следующее: первичной идеей слова лице была идея *облика*. *Облик*, в данном случае, это нечто осуществленное и, как правило, видимое, с признаками *оформленности*, или, просто,

[7] *Мурьянов М.Ф.* Об одной пушкинской эпиграмме // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48. № 3. С. 224. Предложенная им самим этимология слова лице также вызывает сомнения.

формы, с одной стороны, а с другой, *внешневыделительными* признаками, т.е. тем, что отличает данную конкретную форму от любой иной, что свидетельствует о наличии смысловых признаков. Может быть, так следует понимать библейский мотив о сотворении человека (Быт. 2, 7): одушевление человека мыслится как бы произошедшим после того, как он был оформлен, получил свой собственный внешний облик, свои внешневыделительные признаки.

Старославянские данные

Старославянские материалы не противоречат предполагаемой первичной идее. Это становится очевидным, когда лице выступает в значении *вид, облик*. Может быть, наиболее яркий пример: **и красота лица ѥѧ (і.е. травы) погыбе** εὐπρέπεια τοῦ προσώπου Ja 1, 11 Christ Slepč [SJS, 17, 129].

Что касается употребления лице по отношению к внешнему облику человека, то одним из встречающихся значений, кажется, не самых распространенных, в старославянских памятниках, начиная с первых евангельских переводов, было лицо в современном смысле этого слова: **тъгда запльваша лиц-е-го і пакости емоу дѣаша** εἰς τὸ πρόσωπον Mt 26, 67 Zogr Mar As Sav bis Ostr bis [SJS, 16, 128].

Существование значения *щека*, отмеченное в SJS, вызывает сомнение, так как ни один из приводимых в этом словаре примеров нельзя однозначно понимать именно так. Следует обратить внимание также на то, что "Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)", вообще не фиксирует это значение [Старосл. сл. 308–309].

Интересно, что в старославянских, а затем, как мы увидим ниже, и в древнерусских текстах получило широкое распространение такое употребление по образцу древнееврейского языка (т.е. под влиянием языка Ветхого завета), когда "словом **лице** подчеркивается развивающее его существительное, прилагательное или местоимение" [Старосл. сл. 308]. В Пражском словаре старославянского языка отмечено, что это явление присутствует по большей части в сочетании с некоторыми предлогами: "Fig. persaepe more hebraico: persona vel res, ad quam **лице** pertinet, praecipue cum praepositionibus **прѣдъ, отъ**", например, **прѣдыдеши бо прѣдъ лицемь г(осподь)немь** πρὸ προσώπου κυρίου L 1, 76 Zogr Mar As Ostr [SJS, 16, 128].

Важнейшими значениями для христианских памятников в их старославянских переводах были: "лицо, личность", затем "сущность" и, наконец, специальное – "ипостась" [SJS, 17, 129; Старосл. сл. 308].

Древнерусские данные и данные Картотеки ДРС

Понятие лице относится не только и не столько к человеку, сколько ко всему космосу. Почти каждый предмет или вещь имеет некую часть, отличающую его (или ее) от других предметов в окружающем мире. Эта-то часть, называемая лице, и придает окончательную оформленность предмету или вещи.

О разных объектах (не о человеке)

Представление о лице в древнерусских памятниках поистине безгранично. Практически любая вещь, предмет, явление природы имеет лице (лицо): храм (яко лице храму зрѣаше на въстокъ – τὸ πρόσωπον τοῦ οἴκου – К287-0007 – (Иезек. 47, 1) Библ. Генн. 1499 г.), церковь (К287-0014 – Х. Дан. иг. 65. 1496 г.~1113 г.), ткань (К287-0015 – Оруж. Мих. Фед. 65. 1640 г., К287-0016 – Кн. прих.-расх. Каз. пр. 68. 1613–1614 гг.), кузница (кузница... на два лица – К287-0061 – Кн. п. Нижегор. 73. 1622 г.), крест (крстъ... с лица скань с финифтью – К287-0037 – Кн. пер. Свир. м. № 15, 38. 1646 г.), лампада (К287-0073 – Заб. Мат. I–II, 45. XVII в.), кубок (кубокъ серебрянъ золоченъ на оба лица – К287-0148 – Заб. Разр. 697. 1631 г.), братина (братина золоченая чеканная на оба лица – К287-0147 – Заб. Мат. I–II, 45. XVII в.), чаша (чаша золотая с чернью... по краямъ с лица 4 камени – К287-0060 – Подарки патр. царю, 22. 1676 г.), икона (отшибъ от лица Богородичной иконы ту поставную свѣчю – К287-0153 – Чел. Ник. Пустосв. 7. 1658–1660 гг.), ящик (ящикъ... оклеенъ съ лица и внутри отласомъ червчатымъ – К287-0155 – СГГД IV, 635. 1656–1696 гг.), засов (засов желѣзнои... с лица извнѣ колцо луженое – К287-0157 – Кн. пер. Нил. Столб. V, 65. 1679 г.) и др.

Внешний облик, отличительная форма, придающая вид какому-либо предмету, также называется лице (лицо): у луны (яко двѣ лици имуши, едино зелено, а другое желто – К287-0103 – Моск. лет. 70 под 1160 г., XV в.), у неба и земли (имѣеши... философовъ, разсуждающихъ лице небеси и земли – К287-0100 – Суб. Мат. IV, 252. 1160 г.), у камня (онухион... лице имѣющь аки ноготь человѣчь и яко баканъ – К287-0102 – Алф.^{2} 62. XVII в.; после того исцеления яхонтъ лице свое погубитъ – К287-0333 – Травник Любч. 707. XVII в. ~ 1534 г.).

У войсковой части так называется ***фронт***, т.е. передняя часть войска (другая половина [новгородцев] удари въ лице – К287-0337 – Симеон. лет. 116 под 1375 г., XVI в., см. также (с разными глаголами) – К287-338 – К287-0344 и др.).

Во всех этих случаях речь идет о передней, внешней или лицевой части чего-либо, которая и составляет внешний формообразующий облик вещи, ее отличие от других однородных, что и есть внешневыделительный признак.

Для листа, записи, грамоты и т.п. это начальная часть документа, имеющая, как правило, заголовок или инициалы и т.п., которые играют оформляющую, "лицевую" и одновременно выделительную роль в ряду однотипных предметов: о листе (в лице у листа печать напечатана чернилы – К287-0017 – Гр. Хив. Бух., 186. 1644 г.), грамоте (въ тои грамотѣ онъ, великии господинъ, писанъ въ лицѣ – К287-0018 – Суб. Мат. I, 317. 1665 г.), записи (у тое жъ записи въ лицѣ помѣта дьяка – К287-0019 – АЮБ II, 36. 1686 г.).

Если же предмет не имеет "лицевого" (внешневыделительного) признака, то для получения его он подвергается специальной обработке. Это относится, например, к камню ([о рубине] егда олмазникъ лице наложит, тогда онъ свѣтел будетъ – К287-0075 – Травник Любч., 706. XVII в. ~ 1534 г., ср. также – К287-0346), металлу ([о шлифовке] тѣмъ каменемъ на злато лице полагаемъ – К287-0332 – Травник Любч. 707 об. XVII в. ~ 1534 г.; постави лице желѣзу и помазати воткою – К287-0144 – Указ. о промысл. 3. XVII в.; [об обработке специальным составом] а нечистому золоту лице вывести... мазати да выжигати... докуд(а) лице ся очистит – К287-0143 – Чин мастерству, 194. XVII в.).

Окончательное оформление создает своеобразный ***облик***, отсюда использование слова лице применительно к живописным изображениям; по отношению к рукописным миниатюрам, как правило, употребляется мн. число – лица (книга писана на александрийской бумагѣ... книжнымъ писмомъ въ лицахъ, лица писаны на полотнѣ изъ масла – К287-0377 – ДАИ VI, 199. 1675 г.; ср. также К287-0026, К287-0027, К287-0375, К287-0376, К287-0378, К287-0388).

Поверхностный слой (т.е. видимая часть некой формы, дающая возможность облику осуществиться) также назывался лице: поля (изверженъ бысть окаянный... изо внѣшняго града на лице поля – К287-0113 – Пов. Бор. Год. 167. XVII в.), воды (знаменавъ лице водное – К287-0112 – ВМЧ. Сент. 1–13, 292. XVI в.), земли (одожди лице земли – К287-0117 – Ж. Авр. Смол. 15. XVI в. ~ XIII в.; солнце... скры лучь свои от лица земнаго – К287-0122 – Рост. лет. 4[1] под 1415 г., XV в.). Ср. старославянский пример, толкуемый «in sensu 'aspectus'», т.е. ***вид***: **лице н(є)боу і земли оумѣете іскоушати** τὸ πρόσωπον τῆς γης L 12, 56 Zogr Mar [SJS, 16, 128]. Эта группа примеров не противоречит исконно древнерусским представлениям о внешнем и поверхностном облике, тем не менее нужно учитывать, что точно такие же представления

существовали и в византийской литературе, и в языке Ветхого завета (см. ниже). Сочетание лице всея земля (всеи земли) значило вообще ***вся земля*** – обратим при этом внимание на то, что примеры этого сочетания и чисто русские (правда, литературные), и библейские (бяше с҃мрть многа на лици всея земьля – ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς – К287-0114 – Ж. Нифонта, 353. 1219 г.; бысть сиа смерть, мню, яко по лицю всея земля походи – К287-0115 – Новг. I лет., 351 под 1352 г., XV в.; вездѣ разсѣяни по лицу всеи земли – К287-0116 – Ав. Кн. толк. 515. XVII–XVIII вв. ~ 1677 г.; егда же исяче вода отъ лица всея земля – К287-0118 – Рог. лет. 5. XV в.). Было принято отдавать поклоны, наклоняясь до земли – до лица земного (челом бием до лица земнаго – К287-0120 – Ив. Гр. Посл. 192. 1573 г.; много челом бью, падая на лице земли – Посл. С. Шаховского Д. Пожарскому, 411. XVII в.).

Семантика сочетания на лицо показывает, что существовали две линии семантического развития. Одна связана с формообразующим и видимым началом, отсюда на лицо ***означает то, что реально или ощутимо, есть, существует***, т.е. речь идет о ***наличности*** (огромное число примеров, приведем только один: и что объявится скота на лицо, и то описывать на роспись – К287-0277 – АИ, V, 196. 1685 г., см. также – К287-0267 – К287-0276; К287-0278 – К287-0281; К287-0283 – К287-0286; К287-0288 – К287-0291 и др.) или о ***поличном*** – в юридических контекстах (яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь – К287-0021 – Правда Рус. 115. XIV в. ~ XII в., ср. также 10-е значение слова лицо в СлРЯ [СлРЯ, 8, 255]).

Другая семантическая линия ведет к пониманию слова лице как ***persona***, т.е. ***личность*** (см. ниже).

О человеке

Собственно значение ‘лицо’ не столь часто удается обнаружить в оригинальных древнерусских памятниках – самые лучшие примеры находятся в старославянских текстах, которые, по преимуществу, представляют собой переводы с греческого языка с соответствующими библейскими вкраплениями. Среди оригинальных древнерусских примеров: и яко услыша с҃тыи Борисъ, начатъ тѣлъмь утърпывати, и лице его вьсе сльзъ испълни ся. (Сказ. Бор. Глеб.). Усп. сб. 44. XII–XIII вв. [СлРЯ, 8, 254]; и г҃ла ѥмоу онъ веселъмь лицьмь. ЖФП XII, 46б [СДРЯ IV, 411]. Хороший пример противопоставления внешнего, видимого – лица – в сравнении с невидимым, внутренним – сердцем: подобает нам любовь держати ко всякому не лицем, но сердцем – К287-0025 – Ерм.-Ер. Соч. 189 об. XVI в.

Еще реже под лице понимается ‘щека’, практически, примеры уникальны, все они приведены в Словаре русского языка XI–XVII вв. (2 примера, причем один взят из “Материалов” И.И. Срезневского [Срз. II, 31], который в свою очередь обнаружил его в Словаре А.Х. Востокова [Востоков]) [СлРЯ, 8, 254]. Еще убедительнее подтверждает факт уникальности или гипотетичности значения ***щека*** в древнерусском языке отсутствие указания на него в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв., хотя один пример, из приведенных в этом Словаре, можно понимать двояко – и как ***лицо***, и как ***щека***: аще оударить по лицю или за волосы иметь... платити безъ четвьрти гр҃вна сребра. Гр 1229, сп.D (смол.) [СДРЯ IV, 411–412]. Столь же неочевидно, что подразумевается – ‘лицо’ или ‘щека’ – в следующем примере: деснаа же рука [святого] бѣ под лицемъ его – Моск. лет. 165 – под 1318 г., XV–XVI вв.

Лице-человек, личность, persona

Очень часто лице идентифицируется с самим человеком, вернее, с личностью, персоной (при то(м) самомь лици, рекше ч҃лвцѣ. КР 1284, 292а [СДРЯ IV, 411]; аще ли чюже лице ѥсть наслѣдникъ. МПр XIV, 117 об. [СДРЯ IV, 411]; написавши книги от лица Ахавля – ἐπὶ ὀνόματι Ἀχαάβ – К287-0011 – (3 Цар. 21, 8) Библ. Генн. 1499 г.

О близости и пересечении космоса и мира человека свидетельствует еще раз сочетание на лицо, где одна линия семантического развития ведет к реальным вещам и их ***наличности*** (см. выше), а другая к пониманию лице как ***persona***, т.е. ***личность***, отсюда на лицо означает ***лично*** (кормовые деньги... давати всѣмъ на лицо, а за очи... не давати – К287-0292 – ААЭ III, 307. 1632 г., см. также – К287-0296, К287-0297 и др.). Еще ряд сочетаний продолжает развитие этой семантической линии: съ лица на лице, въ лицехъ также значит ‘***лично***’ (всех татар пересмотреть с лица на лицо – К287-0306 – Гр. Сиб. Милл. II, 220. 1611 г.; и ему Андрюшке стать самому в лицех – К287-0321 – Д. Олон. зав. 189. 1688 г.). Обратим внимание, что здесь прослеживается связь слов лице и око (мъногимъ людемъ добрымъ лутчимъ... обыскивати с лица на лице, и за очи обыскных люде(и) не писати. Суд. Фед. Ив. (пр.), 52. 1589 г.) [*око*].

Сочетание лицемъ къ лицу балансирует где-то на грани предметов, явлений и мира человека, поскольку речь идет о непосредственной близости к кому-либо, чему-либо (истинному Бу̑ явлениемъ лицемь къ лицю – К287-0310 – Пост. кн. Вас. Вел. 389. 1388 г.; Солнце Праведное видимъ лицемъ же къ лицу, треми свѣты сияюще – К287-0312 – Ав. Кн. Обл. 586. XVIII в. ~ 1679 г.; ср. также – К287-0309, К287-0311).

Затем лице-***человек*** приобретает определенную окраску в зависимости от социального статуса данного лица или его возможного более выгодного (в определенной ситуации) положения, по сравнению с другим человеком. Отсюда идущие от библейских контекстов призывы к объективности, недопущению лицеприятия (не приими лица на д҃шу свою – μὴ λάβῃς πρόσωπον – К287-0012 – (Сирах. 4, 25–26) Библ. Генн. 1499 г.; не подими лице се нищего, ни вчюдис⟨я⟩ лицу могущаго – μὴ λήψῃ πρόσωπον πτωχοῦ, οὐδὲ μὴ θαυμάσῃς πρόσωπον δυνάστου – К287-0013 – (Лев. 19, 15) Библ. Генн. 1499 г.: “Не будь лицеприятен к нищему, и не угождай лицу великого”; не приимеши лице сиротѣ, не дивишис⟨я⟩ лицу сил҃наго – К287-0183 – Палея ист. сокр. 53. XVI в.; примеры многочислены, из поздних: [пеня] въ казну нашу... доправлена быть имѣетъ безо всякой пощады, не смотря лица или чина. Петр, V, 290. 1707 г.; а буде кто дерзаетъ... подлоги какие чинить, таковаго, на лицо не смотря... лишить чести и пожитков – К287-0264 – Зак. Петра, I, 474. 1720 г. [ср. СлРЯ, 8, 254]). Тем не менее подобает ценить честь и достоинство лица-***человека*** (окаруя и презря лице ч҃лка окаруя тъ и презрит лице г҃не – К287-0023 – (Мерило Пр.) Корм. Балаш. 612. XVI в. ~ XIV в.).

Семантические ассоциации слова лице включают представление о ***достоинстве человека*** и о соответствующем поведении, см. в связи со сказанным оборот ударити лицемъ въ грязь ‘повести себя недостойно, проявить себя не с лучшей стороны’ (ударилъ лицемъ своимъ в гряз⟨ь⟩, хотя и кн҃язь – К287-0265 – Сим. Послов. 146. XVII в.).

Очевидна идентификация лица с человеком при постановке притяжательных местоимений, выступающих в косвенных падежах в роли личных (такая же закономерность отмечена и в слове око) (сеи уноша... достоинъ есть, да будеть предъ лицемъ моимъ, т.е. передо мной – К287-0160 – Ч. Николы, IV, 4. XIV в. ~ XI в.; пред лицем... его... украсившеся служаху, т.е. перед ним – К287-0163 – Сказ. Авр. Палицына 1, 112. 1620 г.; царь... постави мя пред лицем своим стояти, т.е. перед самим собой – К287-0164 – Каз. ист. 44. XVI в. и мн. др.) [ср. *око*]. Заметим, однако, что примеры такого рода сплошь литературные.

О том, что лице ассоциируется, а порой, и идентифицируется с человеком, свидетельствуют и производные лицетворение (лицетвореник) ***олицетворение***, т.е. ***одушевление***, наделение свойствами живого человека (лицетвореник же ѥсть, ѥгда кто къ бездоушьнымъ, акы къ тѣлесн дроугоици и словеса стрина [должно

Среди добродетелей, которые необходимо стяжать монаху, преп. Антоний называет безгневие (ἀοργησία), это же качество вкупе с благочестивой верой (εἰς τὸν Χριστὸν εὐσέβειαν) и кротостью (πρᾶον) он упоминает, когда говорит о добродетелях, которых боятся бесы. Всем этим качествам, как сообщает свт. Афанасий, преп. Антоний учится у σπουδαῖοι[90]. Египетский подвижник предупреждает своих учеников, что нужно отвергнуться раздражительности (θυμὸν). Антиподом θυμός является долготерпение (μακροθυμία), которой преп. Антоний также обучается у σπουδαῖοι. Если вспомнить еще о τῷ δὲ φιλολογοῦντι προσεῖχεν, то кристаллизуется еще одна "составляющая" этого опыта – аскетическая традиция предшествующего поколения подвижников.

Однако существует и еще одна "составляющая" – личный опыт самого преп. Антония, через который оказываются "пропущены" заветы σπουδαῖοι и в конечном итоге найден конкретный вектор реализации тех духовных установок, которые заложены в Ветхом и Новом Завете. Если сравнить описание первых десяти глав "Жития" с проповедью преп. Антония, то несложно обнаружить огромное влияние этой "составляющей". К примеру, φιλοπτωχία[91] и φιλοξενία[92], о духовной пользе которых египетский подвижник говорит в главе 17, в значительной степени выводятся из опыта самого преп. Антония, раздавшего все имущество бедным и несколько раз менявшего место своего пребывания. В этой же главе египетский подвижник говорит о рассудительности и благоразумии (σύνεσις, φρόνησις) – конкретная реализация этих качеств описана агиографом в известном эпизоде искушений преп. Антония и в менее известном сюжете с золотым блюдом в пустыне[93]. Однако наиболее тесная взаимосвязь между личным опытом преп. Антония и его поучениями обнаруживается в демонологии. Когда египетский подвижник говорит о том, что бесы боятся бессеребренничества (τὸ ἀφιλάργυριον) и отсутствия тщеславия (τὸ ἀκενόδοξον)[94], уместно вспомнить, что в главе 5 "Жития" их антонимы (сребролюбие – φιλαργυρία и тщеславие – φιλοδοξία) числятся в рязряде тех помыслов, которыми дьявол искушал юного Антония. Следствиями "налета" бесов является воспоминание о сродниках (μνήμην τῶν οἰκείων), ведь именно таким образом (ἀδελφῆς τὴν κηδεμονίαν, τοῦ γένους τὴν οἰκεότητα) дьявол искушал преп. Антония в самом начале его иночества[95]. Поучения о том, что бесы способны принимать различные виды и подобия: женщин, зверей, пресмыкающихся, великанов, способны колебать жилище подвижника, причинять монаху физическую боль[96], устрашать его криками, свистом и шумом, имеют прямые аналогии в тех главах "Жития", где описывается жизнь преп. Антония до того, как у него появились ученики[97]. "Отбиваясь" от демонов, египетский подвижник поет псалмы[98], затем он ссылается на это как на факт своего внутреннего опыта[99]. То же самое можно было бы сказать и о молитве, и о крестном знамении[100]. И наконец, перед самой кончиной преп. Антоний, посетив монахов, живущих на "внешней горе"[101], завещает им помнить его наставления: καὶ μνημονεύοντες ὧν ἠκούσατε παρ' ἐμοῦ παραινέσεων[102].

Если посмотреть данные других источников по истории египетского монашества, то можно без труда увидеть те пути, по которым заветы преп. Антония прилагали себе дорогу в формирующийся мир отцов пустыни. "Apophtegmata Patrum" содержат многочисленные примеры того, как к преп. Антонию за советом приходят и старцы, и молодые монахи. Преп. Амун, основатель нитрийской общины, почитает за честь принять его у себя[103], учеником преп. Антония был основатель скитского монашества авва Макарий Великий[104], пахомиане также посещали его[105].

Подведем итоги. Внутренняя структура "Жития преп. Антония", как нам представляется, ясно показывает, что египетский подвижник мог стать и стал реальным основателем монашества не потому, что первым отрекся от семейных уз и собственности, и не потому, что первым удалился в пустыню, а потому, что, сочетая в себе опыт пред монашеской аскезы и помножив его на свой личный опыт анахоресиса, создал условия передачи этого опыта последующему поколению подвижников[106]. Отсюда следует, что началом монашества возможно считать не некое "аскетическое брожение" в Египте рубежа III–IV вв., но окончательное формирование того внутреннего духовного опыта, который принято именовать traditio patrum[107]. В начале этой traditio patrum и стоял преп. Антоний, являясь одновременно и ее логическим центром. Такой подход к начальной стадии истории монашества, на наш взгляд, открывает целый ряд новых перспектив.

Во-первых, история монашества в Египте может выглядеть более приближенной к той ситуации, о которой повествуют источники. В частности, некой единой стадии "городского" или "около городского" монашества не существовало, а существовал целый ряд аскетических "предгородских" групп, скрепленных определенными traditiones[108]. Некоторые из этих групп существовали параллельно и даже одно время успешно "конкурировали" с теми монахами, которые держались заветов преп. Антония. О внутренней конфигурации аскетических традиций этих групп мы мало что знаем, поскольку источники сообщают очень отрывочную информацию. Но мы можем судить о их негативных последствиях на внутреннюю жизнь некоторых групп монашествующих (например, remnuoth, sarabaitae), если,

---

[90] В выше приведенном отрывке (Vita Antonii. Cap. 4) вместо πρᾶον значится синонимичное ему πραότητα.

[91] Букв. "нищелюбие", ср. также: Vita Antonii. Cap. 30.

[92] Букв. "страннолюбие", однако речь идет, как нам представляется, не о любви к перемене мест, а о том, что монаху не следует быть привязанным сердцем к какому-либо месту на земле, ибо эта привязанность может в конечном итоге заслонить путь в Царствие Божие. Сам преп. Антоний не был так называемым "бродячим" подвижником, и места обитания менял по необходимости (см., например: Vita Antonii. Cap. 49).

[93] Vita Antonii. Cap. 9, 11.

[94] Ibid. Cap. 30.

[95] Ibid. Cap. 5.

[96] См.: Ibid. Cap. 23, 36, 39, 40.

[97] Ibid. Cap. 5, 8, 9, 13.

[98] Ibid. Cap. 9.

[99] Ibid. Cap. 39.

[100] Ср.: Ibid. Cap. 13, 35, 39.

[101] Т.е. в районе Писпира.

[102] Vita Antonii. Cap. 91.

[103] Apophtegmata Patrum, Antonius, 34. В Апофтегмах не сказано прямо о том, что авва Амун был учеником преп. Антония, но есть указание, что преп. Амун признавал его первейшим себя (см.: Apophtegmata Patrum, Antonius, 26).

[104] *Rufinus*. Historia Monachorum. Cap. 28; Historia Monachorum in Aegypto. Cap. 21.

[105] Pachomii vita prima. 120, ср.: Vita Antonii. Cap. 18, см. также: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine. P. 39–40, 45.

[106] В этой связи следует отметить замечание И. Гобри, что если св. Павел Фивейский являл собой единичный пример, то преп. Антоний стал "отцом непрерывного потомства" (le père d'une descendance ininterrompue) (*Gobry I.* De saint Antoine à saint Basile. Les origines orientale. (Les moines en Occident, t. I). P., 1985. P. 147) или высказывание русского ученого С. Лобачевского, что имя преп. Антония "стало звеном, связавшим всех отдельных, неизвестно где блуждавших отшельников в братские общины... а его нравственно-аскетические наставления и воззрения легли в основание всей последующей аскетики" (*Лобачевский С.* Св. Антоний Великий, его жизнь, писания и нравственно-подвижническое учение. Одесса, 1906. С. 17–18).

[107] Интересно отметить, что А. Хосроев, скептически настроенный относительно классических источников по египетскому монашеству, отмечает большое значение traditio patrum для пахомианского монашества, см.: *Хосроев А.* Указ. соч. С. 115.

[108] О чем собственно и сообщают бл. Иероним (Jer. Epist. 22, 34) и преп. Иоанн Кассиан (Joann. Cass. Collationes. XVIII. Cap. VII). Вероятно также, что некоторые из этих групп являются "производными" от анахоретов и киновитов, но уже вышедшими из поля "Антониевой традиции": например те, которых преп. Иоанн Кассиан со слов аввы Пиаммона обозначает как quartum genus monachorum (Joann. Cass. Collationes. XVIII. Cap. VIII).

пользованы для перевода греч. μορφή в одном случае лице, в другом образъ (речь идет о Божественной Троице) τρεῖς τοίνυν αἱ μορφαὶ, ἀλλὰ μία ἡ δύναμις – три оубо образы, нъ едина сила – три оубо лица, нъ едина сила. Разница, по его мнению, заключается в том, что "у слова лице, обозначавшего предмет по признаку оформленности литьем[8], происходит постепенное метонимическое замещение предмета его частью, и это слово начинает обозначать телесно-духовную сущность в живом единстве внешней и внутренней ее сторон; слово образъ, будучи обозначением предмета по признаку оформленности резанием, напротив, все более отдаляется от сущности, у него появляются значения внешнего вида, подобия, знака"[9]. По нашему же мнению, первоначальная идея слова образъ другая – это 'слепок, отпечаток с чего-л.' (возникший в результате нанесения ударов)[10]. Она развивается далее до представления о сходстве[11], но не таком, как между родителями и детьми, а таком, при котором каждому предмету или явлению может быть подобран символ; таким образом, слово образъ используется для обозначения некоего абстрактного сходства или обобщенного символа[12]. Предлагаемое понимание образа, в сравнении со сформулированной выше идеей слова лице (облик как нечто осуществленное и зримо ***оформленное*** со своими ***внешневыделительными*** признаками, отличающими данную конкретную форму от любой иной), позволяет, с одной стороны, внести свой вклад в прочтение приведенного выше пассажа, а с другой стороны, объясняет то, почему по отношению к человеку, к такой части его облика, как 'лицо' слово образъ было в общем-то неприменимо.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Буслаев: *Буслаев Ф.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848.

Востоков: Словарь церковно-славянского языка, составленный А.Х. Востоковым. Т. I–II. СПб., 1858–1861.

Изб. Св. 1073 г.[2]: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. София, 1991.

ИЭСЧ: *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1993.

СДРЯ: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–IV (А–М). М., 1988–1991. Издание продолжается.

СлРЯ: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–24. М., 1975–1999. Издание продолжается.

Срз.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989 (Репродуц. изд. 1893–1912 гг.).

Старосл. сл.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Т. 1–26. М., 1974–1999. Издание продолжается.

ЭСФ: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. О.Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1986–1987.

Lampe: *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.

SJS: Slovník jazyka staroslověnského. 1–52. Praha, 1958–1997.

[8] Он опирается здесь на этимологию О.Н. Трубачева, сформулированную в ЭССЯ (см. выше).

[9] *Камчатнов А.М.* О символическом истолковании... 1992. С. 295–296.

[10] *Чернышева М.И.* К истории слова *образ* // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991. С. 101.

[11] Речь идет о библейской формуле о сотворении Богом человека "по образу и подобию Своему" (Быт. 1, 26–27).

[12] *Чернышева М.И.* "По образу и подобию..." // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточного славянства. М., 1991. С. 219.

К.А. Панченко

К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В ХАЛИФАТЕ (ИСТОЧНИКИ ХРОНИКИ АГАПИЯ МАНБИДЖСКОГО ДЛЯ VII–VIII вв.)

Культура ближневосточных христиан в Средние века развивалась, как известно, на стыке двух цивилизаций – византийского и арабо-мусульманского миров. Восточные, западные и автохтонные импульсы, сталкиваясь, переплетаясь, оказывали влияние на многие жанры литературного творчества христианских подданных Халифата, в частности, на их историографическую традицию. В каком-то смысле авторы ближневосточных христианских хроник стояли выше и греко-византийской и арабо-мусульманской школ летописания, более или менее самодостаточных, интересующихся прежде всего жизнью своей собственной цивилизации. В отличие от них мелькиты, сирийцы, копты вбирали информацию и из греческой и из арабской литератур, держали в поле зрения сразу обе великие империи, творившие историю Восточного Средиземноморья – Халифат и Византию.

Арабо-христианские летописи X–XI вв., большинство из которых было создано в православной среде – труды Евтихия (Саида ибн Батрика), Агапия Манбиджского, Яхьи Антиохийского – содержат массу уникальных сведений о раннесредневековой истории народов Ближнего Востока. Кроме того, эти литературные памятники могут служить источником для реконструкции культурно-политических пристрастий, мироощущения, цивилизационного самосознания их авторов и стоявших за ними этноконфессиональных групп.

Далеко не всегда летописцы прямо выражали свое отношение к излагаемым событиям. В этом случае прояснить мировоззрение средневековых историков помогает факт обращения их к тем или иным источникам, манера работы с ними, отбор достойных упоминания сведений или, наоборот, игнорирование каких-то блоков информации. Наряду с этим анализ источников мелькитских летописей позволяет судить о самом процессе развития историографической традиции ближневосточных христиан, удельном весе в ней византийских и мусульманских элементов.

Для всех подобных изысканий необходимо, разумеется, иметь четкое представление о самих этих источниках, к которым восходят православные арабоязычные исторические сочинения.

Наименее изучено в этом отношении творчество Агапия, епископа Манбиджского (арабское имя – Махбуб ибн Кустантин). Его всемирная история "Китаб аль-'Унван" ("Книга титулов"), составленная около 941 г., начиналась от сотворения мира и доходила, видимо, до времени Агапия, однако концовка ее утрачена, текст обрывается на 777 г.[1] По поводу источников летописца высказывались самые противо-

[1] Труд Агапия был издан дважды: Agapius, episcopus Mabbigensis. Historia Universalis / Ed. P.L. Sheikho // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Ser. 3. T. 5. Berit; Parisii; Lipsia, 1912; Kitab al-'Unvan. Historie universelle ecrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj edite et traduit en francais par Alexandere Vasiliev // Patrologia Orientalis. Pt. I. (T. V), P. II (T. VII, VIII). P., 1912. (Далее: Агапий; цитаты по арабскому тексту издания А.А. Васильева, т. VIII). См. также литературу по Агапию: *Розен В.Р.* Заметки о летописи Агапия Манбиджского // ЖМНП. 1884. Январь. С. 47–75; *Васильев А.А.* Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X века // ВВ. 1904. Т. XI. С. 574–587. (Далее: Васильев, 1904).

речивые мнения: А. Васильев, издатель "Китаб аль-'Унван", в одной из статей обронил фразу, что "Агапий пользовался греческими источниками и от них зависел"[2], современная исследовательница творчества Евтихия Л.В. Исакова, наоборот, отмечает, что средневековые мелькитские хронисты работали по арабским источникам, хотя и следовали законам жанра христианской историографии[3]. Разумеется, "первооткрыватели" Агапия В. Розен и А. Васильев не прошли мимо этого вопроса, отметив, что манбиджский летописец использовал – сам или через посредников – Иосифа Флавия, Птолемея, Юлия Африкана, Евсевия Кесарийского, некоего неопознанного Златоуста (Фам аз-Захаб), Яхью ибн 'Ади. Особое внимание исследователей привлекло упоминание "Феофила астролога" – маронитского ученого Феофила Эдесского (Феофила Бар Тома) (ум. в 785 г.), астролога халифа аль-Махди и автора несохранившейся хроники, о которой известно лишь по случайным ссылкам у поздних историков[4]. А. Васильев при издании "Китаб аль-'Унван" скрупулезно отмечал все случаи совпадений сообщений Агапия с данными других авторов. Так, описывая ранневизантийскую историю, манбиджский епископ, похоже, опирался на труды Сократа Схоластика, Созомена, Иоанна Эфесского; сведения Агапия часто перекликаются с информацией позднейших историков – Михаила Сирийца, Бар Эбрея.

То, что Агапий Манбиджский использовал греко-византийских авторов, когда повествовал о домусульманской истории, вполне естественно. Интересней другое: на кого опирался хронист, описывая события после Хиджры, когда, в результате арабских завоеваний, связи ближневосточных мелькитов с Византией и, следовательно, с византийской историографией оказались резко ослабленными? Целью нашей статьи и будет выявление тех источников, которые использовал Агапий в последних разделах своего труда, освещающих события VII–VIII вв. (страницы 194–287 указанного издания).

Даже при беглом взгляде на текст летописи Агапия заметны многочисленные совпадения ее с "Хронографией" Феофана Исповедника[5] (760–818), крупнейшего византийского историка того времени. Приведем один пример из множества: описание сдачи Иерусалима патриархом Софронием арабам в 637 г. Феофан: "Омар вошел в город во власянице из верблюжьей шерсти, изношенной и замаранной, и с сатанинским лицемерием хотел видеть храм Иудейский, построенный Соломоном. Софроний, увидевши это, сказал: это поистине мерзость запустения, глаголанная пророком Даниилом, стоящая на месте святе, и сей защитник благочестия со многими слезами оплакивал род христианский. Между тем, как Омар здесь стоял, патриарх просил его принять от него рубашку и платье и приличнее одеться. Тот не хотел одеться в это платье и едва согласился надеть его, пока вымоют собственное его платье; а когда вымыли, то он возвратил Софронию его платье и надел свое"[6]. Агапий: «Потом вступил Умар в Иерусалим и помолился там; и пришел к великому храму, который построил Сулейман, сын Дауда, и приказал воздвигнуть там соборную мечеть, чтобы молились в ней мусульмане. И увидел патриарх, что одежда Умара грязна, а была она из шерсти; и просил его принять от него одеяние, но он отказался. Патриарх настаивал, и Умар сказал ему: "Окажи мне услугу: возьми одежду мою и отдай ее постирать, а мне одолжи на это время то одеяние, что ты предлагал; и я верну его тебе". Патриарх так и сделал, взял одежду Умара и отдал ее прачке, а получив обратно, вернул ему (Умару); и облачился он в нее и отдал патриарху одеяние его»[7].

Чтобы не множить до бесконечности примеры подобных совпадений, приведем общий итог: на протяжении 42 страниц указанного фрагмента летописи Агапия (с. 209–251), при описании событий 632–743 гг., 60–65% информации имеет параллели в "Хронографии" Феофана; на некоторых отрезках повествования – с. 211–220 (события конца 30-х – начала 40-х годов VII в.) – эта доля еще выше – более 80%[8].

В то же время Агапий почти во всех этих случаях не повторяет дословно своего византийского предшественника, не пересказывает его в сокращении, а сообщает какие-то новые детали, иной раз добавляет подробности, у Феофана отсутствующие. Так, например, эти два историка придерживаются разных мнений насчет судьбы Колосса Родосского после захвата арабами этого острова: по Агапию, "истукан" был брошен в море, а по Феофану, продан еврейскому купцу из Эдессы, вывезшему медь Колосса на 800 верблюдах[9]. В другом месте, рассказывая о восстановлении Муавией разрушенной землетрясением церкви Эдессы, Феофан говорит, что это было сделано "из усердия к христианам"; Агапий же объясняет причину "усердия" – этот город в свое время поддержал Муавию против Али[10]. Наводнение в Эдессе 667 г. упомянуто Феофаном кратко, а Агапий подробно рассказывает, как обвалились городские стены, утонуло много людей и скота и т.д.[11] И эпидемия на Ближнем Востоке 733 г., и знамение в небе над Сирией в 743 г. описаны у Агапия детальней, чем у Феофана[12]. Рассказ о некоем лжемессии, явившемся к иудеям в 720 г. и убитом по приказу халифа Язида, у Агапия опять же занимает примерно в три раза больше места, чем в "Хронографии" Феофана[13]. Данный перечень может быть продолжен.

Единственный возможный из этого вывод: Агапий не был знаком с хроникой Феофана Исповедника. Все их совпадения объясняются использованием общего источника, нетрудно определить какого.

Давно известно, что Феофан при составлении своей истории опирался на анонимную мелькитскую летопись, созданную в Сирии в VIII в. и освещающую ход византийско-арабских войн и внутреннюю жизнь Халифата. Кроме того, этим несохранившимся сирийским источником пользовались и другие ближневосточные христианские летописцы: компилятор 775 г., известный под именем Псевдо-Дионисий Телльмахрский; анонимный автор сиро-яковитской хроники, доведенной до 846 г., и Михаил Сириец (ум. в 1199 г.) через посредство Дионисия Телльмахрского (писал в 837 г.)[14].

Британский исследователь рубежа XIX–XX вв. Е. Брукс, пытаясь вычленить из текстов позднейших авторов ту самую "первооснову", сирийскую летопись VIII в., пришел к выводу, что этих летописей на самом деле было три. Первая, охватывающая события 629–728 гг.[15], – редкий по полноте обзор византийско-арабских отно-

---

[2] *Васильев А.А.* Мавзолей, как одно из чудес мира у Агапия Манбиджского // Христианский Восток. СПб., 1913–1914. Т. II. С. 153.

[3] *Исакова Л.В.* Евтихий Александрийский и его хроника // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 1996. С. 57.

[4] *Розен В.Р.* Указ. соч. С. 57, 74; Васильев, 1904. С. 584, 587.

[5] Theophanis Chronographia // Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. CVIII. P., 1863.

[6] Цит. по русскому переводу: Летопись византийца Феофана. М., 1884. С. 249.

[7] Агапий. С. 215, 229; Феофан, 6159 г.

[8] Подсчитано по числу строк в указанном издании.

[9] Агапий. С. 222; Феофан, 6145 г.

[10] Агапий. С. 233; Феофан, 6170 г.

[11] Агапий. С. 229; Феофан, 6159 г.

[12] Агапий. С. 248, 251; Феофан, 6227, 6235 гг.

[13] Агапий. С. 244; Феофан, 6213 г.

[14] *Brooks E.W.* A Syriac Chronicle of the Year 846 // ZDMG. 1897. T. 51. S. 569–588. (Далее: Brooks, 1897); *Michel le Syrien.* Chronique. P., 1904.

[15] Сама композиция "Хронографии" Феофана явно отмечает то место, с которого началось использование сирийского источника VIII в. Повествуя о пребывании императора Ираклия в Сирии в конце 20-х годов VII в., летописец под 6121 г. заводит речь о начале монофелитской ереси и, словно забыв о своей погодной, строго хронологической манере изложения, делает большой экскурс в историю борьбы православия с монофелитством, доводит рассказ до гибели Константа II в 668 г., вплетает туда тему арабского нашествия, трактуемого как Божья кара за увлечение ересью, бегло перечисляет победы арабов, потом, под 6122 г., возвращается к личности Мухаммада, основам его религии. И после этого Феофан снова продолжает погодное повествование (с 6123 г.), сообщает о начале византийско-арабских войн. Неудивительно, что хронист, писавший в 728 г., воспринимал как отправную точку современной ему истории именно начало арабских завоеваний. 6123 г. Феофана должен соответствовать 631 г. н.э., но речь там идет одновременно и о кончине Мухаммада и начале правления Абу Бакра (632 г.) и после этого о битве при Муте, которая датируется сентябрем 629 г. О внутриаравийских делах, например, о победе Мухаммада над мекканцами в 630 г., ни у Феофана, ни у Агапия почти не говорится; их сирийский информатор представлял себе этот вопрос слабо, для летописца имели значение лишь действия арабов в Сирии. Поэтому и оказались смешаны вместе первые набеги мусульман на византийское пограничье, – и тот, что был при жизни Мухаммада, и те, которые произошли при его преемниках.

Схема 1

шений и внутренней истории обеих империй. К нему и восходит яковитская хроника 846 г., которая, после описания событий 728 г., становится суше, меняет круг тем и перестает совпадать с данными Феофана и Михаила Сирийца. Летописи же этих двух авторов перекликаются друг с другом до 746 г. – это год окончания второй сирийской хроники, вобравшей в себя предшествующую и использованной позднее Михаилом Сирийцем. Третий автор продолжил хронику 746 г. до 780 г. – это сочинение и использовал Феофан Исповедник[16].

Итак, по Е. Бруксу, эта преемственность выглядит следующим образом (схема 1).

Автор хроники 780 г. писал по-гречески (иначе Феофан вряд ли смог бы его использовать) и был мелькитом, что явствует из множества сведений о жизни именно православной церкви под арабским владычеством. Е. Брукс полагал, что эта летопись была составлена в Палестине, исходя из частых упоминаний на ее страницах Св. земли и Иерусалима[17]. Мы склонны не согласиться с этой версией. На отрезке 6238–6272 гг. (746–780 гг.) летописи Феофана Иерусалим упоминается 4 раза, а Антиохия и Эмесса (Хомс) – по 5 раз; всех палестинских топонимов встречается 10, а сиро-ливанских – 26; ни разу не упомянуто большинство городов Св. земли, в том числе важные административные центры (Лидда, Рамле, Кесария, Вифлеем, Назарет, Акра, Газа и т.д.), зато часто мелькают названия сирийских селений – Илиополис (Баальбек), Апамея, Германикия (Ма'раш), Епифания (Хама), Пальмира, Харран, Верроя (Халеб) и др. Впрочем, что касается частых упоминаний Антиохии, то она фигурирует главным образом в титуле антиохийских патриархов, чья преемственность прослеживается в мелькитской хронике с 742 по 763 г. Сама же хроника доведена, напомним, до 780 г. и ничего не говорит о кончине ок. 770 г. патриарха

[16] *Brooks E.W.* The Sources of Theophanes and the Syriac Chroniclers // BZ. 1906. T. XV. S. 578–587. (Далее: Brooks, 1906).
[17] Там же. С. 587.

Феодора и наследовании ему патриарха Феодорита; из этого можно заключить, что автор хроники 780 г. не был антиохийцем, знакомым со всеми деталями местной церковной жизни, и что список патриархов 742–763 гг. существовал как отдельное сочинение, использованное впоследствии в мелькитской летописи 780 г. Таким образом, на наш взгляд, наиболее вероятным местом написания этой хроники является Эмесса (Хомс), которая, кстати, занимает 2-е–3-е место по числу упоминаний в летописи VIII в.: с 6123 по 6272 гг. – 11 раз (Дамаск – 14, Эдесса – 11, Иерусалим – 9, Антиохия – 7, прочие города Востока – менее 5 раз каждый), при том, что Эмесса, видимо, уступала большинству перечисленных городов по демографическому и экономическому потенциалу, политическому и культурно-религиозному значению.

Сложнее дело обстоит с конфессиональной принадлежностью авторов хроник 728 и 746 гг. Их труды, возможно, подверглись редактированию сначала мелькитским летописцем 780 г., потом – Феофаном Исповедником. Впрочем, нет сомнения, что автор хроники 728 г. был православным. Мелькитский прообраз явно просвечивает сквозь слой яковитской редакции сирийской хроники 846 г., на что обращал внимание еще Е. Брукс. Дважды в этой летописи проскальзывает выражение "ересь маронитов" (т.е. монофелитство)[18], причем в контексте, уместном только в устах православного. Можно с уверенностью заключить, что составитель хроники 728 г. был для своего времени крупнейшим историком. Проживая где-то на византийско-арабском пограничье, он сумел быть в курсе внутренней жизни обеих империй, сообщая иной раз поразительные подробности из их политической истории. На отрезке феофановой "Хронографии" 6123–6220 (629–728) гг. чаще всего из городов Востока фигурирует Эдесса. Если неизвестный историк жил именно там, ему не так трудно было черпать сведения по истории Халифата, благодаря близости к его столице; но из каких источников он получал информацию о Византии? Вплоть до содержания (легендарного?) переписки Юстиниана II с хазарским каганом[19]. Может быть, автор летописи и сам бывал в Византии – как купец или скорее странствующий монах? Или наоборот – попал в Сирию как военнопленный, подобно своему старшему современнику Косьме Калабрийцу, учителю Иоанна Дамаскина? Ответить на эти вопросы пока невозможно.

Что касается составителя хроники 726 г., то Е. Брукс уже предпринимал попытку определить его личность. Отвергнув ряд вариантов, он остановился на двух "кандидатурах" – Феофил Эдесский (см. о нем выше) или, что более вероятно, некий Иоанн, сын Самуила, предположительно, сириец-монофизит[20]. Брукс писал это до публикации "Китаб аль-'Унван" Агапия и не был знаком с тем, что именно сообщал Агапий о Феофиле Эдесском – иначе бы английский исследователь сразу отбросил вариант с Феофилом. Дело в том, что Агапий Манбиджский цитирует маронитского историка при изложении ключевых событий "Аббасидской революции" 750 г., следовательно, летопись Феофила не могла заканчиваться 746-м годом; описание прихода Аббасидов к власти у Феофана Исповедника (т.е. его мелькитского информатора 780 г.) достаточно сбивчиво и имеет мало общего с данными Агапия/Феофила; следовательно, Феофан не пользовался сочинением Феофила, т.е. Феофил не был автором хроники 746 г.

Если сличить летопись Агапия Манбиджского с отмеченными Е. Бруксом[21] "точками пересечения" Феофана, хрониста 846 г. и Михаила Сирийца (точнее, Дионисия, хронику которого Михаил использовал на этом отрезке своего повествования), то можно увидеть, во-первых, что Агапий почти всегда отличается от обоих сирий-

[18] Brooks, 1897. P. 580.
[19] Феофан, 6198 г.; Агапий. С. 238.
[20] Brooks, 1906. P. 583–586.
[21] Ibid. P. 579–582.

Нельзя согласиться с А. Михелем, когда он уподобляет одно положение издаваемого им памятника ("Отец – один, единственный, цельный и целиком Отец; Сын – один, единственный, цельный и целиком Сын… [все] Трое – один Бог"[31] рассуждению Григория Назианзина: "Сын – не Отец (ибо Отец один), но то же самое, что Отец; также и Дух – не Сын, потому что Он из Бога (ибо Единородный – один), но то же самое, что и Сын; Трое – одно по божеству"[32]. Довольно заурядное высказывание византийского полемиста вряд ли идет в сравнение с изящной мыслью каппадокийского богослова, которую в самом конце XI столетия повторял Ансельм Кентерберийский[33]. Больше сходства между словами из "Свода": "Все, что [принадлежит] Сыну, [принадлежит] и Духу, кроме сыновней собственности"[34], и утверждением Григория Назианзина: "Все… что есть Сын, [принадлежит] и Духу, помимо рождения"[35], однако само это положение относится к основам всего троичного учения, и потому трудно с уверенностью говорить о его непосредственном заимствовании у великого каппадокийца. Так, подобное утверждение встречается в полемическом сочинении Николая Музалона[36], откуда оно и могло стать известным составителю "Другого свода"[37].

Итак, разбор первых же примечаний А. Михеля не свидетельствует о зависимости изданного им памятника от творений отцов Церкви. Но если создатель "Другого свода против латинян" далеко не так широко опирался в своей работе на святоотеческое наследие, как это виделось его издателю, то совершенно свободным от него он тоже не был. Всего прямых ссылок на отцов Церкви в его сочинении насчитывается шесть: три обращения к проповедям Григория Назианзина, одно – к посланию Афанасия Великого к Серапиону, одно – к "Сокровищнице" Кирилла Александрийского и одно – к "Ответу" (Псевдо-)Леонтия Кесарийского[38]. Сколь бы малым ни казалось такое количество, им нельзя пренебречь. Дело заключается в том, что самые ранние византийские противники "Filioque" крайне редко ссылались на святоотеческие сочинения. Патриарх Фотий в "Слове о тайновдстве Св. Духа" приводил в этой связи только одно место из греческого перевода "Диалогов" Григория Великого[39].

Участвовавшие в спорах с Петром Гроссоланом Феодор Смирней и Никита Сеид обошлись без ссылок на ссв. отцов, и точно так же поступил в своих опровержениях латинского учения Феофилакт Охридский. Николай Музалон однажды упомянул Кирилла Александрийского (не приводя при этом его высказывание полностью)[40], а Иоанн Фурн – Григория Назианзина[41]. Единственным исключением среди своих современников был Евстратий Никейский, в семи полемических сочинениях которого насчитывается в целом до двенадцати явных обращений к отцам Церкви[42], что, однако, составляет в среднем лишь менее двух подобных обращений на одно произведение. Положение существенно изменилось только с появлением (предположительно к середине XII в.) "Диалогов" Никиты Маронейца, где впервые была представлена обширная подборка святоотеческих высказываний о Св. Духе[43]. Еще более внушительно выглядит соответствующая антология в написанном около 1170 г. "Священном оружехранилище" Андроника Каматира[44].

Хотя "Другой свод" и уступает значительно последним двум произведениям по насыщенности ссылками на писания отцов Церкви, его все же легче отнести к тому периоду в истории противолатинской полемики, когда подобного рода обращения к первоисточникам стали для нее почти что обязательными приемами. Однако между Никитой Маронейцем, с одной стороны, и Никитой Хониатом, с другой, известно не так уж много византийцев, писавших об исхождении Св. Духа. Двое из них высказывались по этому вопросу лишь единожды и по вполне определенному поводу: Василий Охридский – в рассказе о своем споре с Ансельмом Хавельбергским в 1155 г.[45], Димитрий Торник – в письме епископу Эстергома Иову[46]. Иначе обстоит дело с Николаем Мефонским, оставившим после себя несколько сочинений против "Filioque". Одно из них, "Достопамятные слова из написанного в разных сочинениях против латинян о хуле на Св. Духа"[47], почти дословно совпадают с "Другим сводом"[48]. В свое время А. Михель понял это как свидетельство плагиата, совершенного мефонским епископом у Никиты Стифата. Однако наиболее приемлемым представляется другое решение вопроса, которое усматривает в "Другом своде" расширенную переработку "Достопамятных слов". Стоит обратить внимание на то, что в "Паноплии" Никиты Хониата "Свод" следует сразу за сочинением "К латинянам о Св. Духе" – самым распространенным в рукописях творением Николая Мефонского[49]. Уместно предположить, что именно по отношению к этому последнему произведению "Другой свод" является "другим"; с этим же обстоятельством можно связать отсутствие имени автора в его заглавии: составитель "Паноплии" просто не стал повторяться. Нежелание указывать имя создателя "Другого свода" выглядит тем более понятным в случае, если это сочинение возникло вследствие переработки "Достопамятных слов", осуществленной не самим Николаем Мефонским, а другим лицом. Менее заслуживающей доверия кажется другая возможность, согласно которой "Достопамятные слова" являются переделкой "Другого свода". В этом случае ничто, по всей видимости, не может объяснить удаление оттуда отрывка со ссылками на Леонтия Кесарийского и решения четвертого вселенского собора[50]. С очень большой степенью вероятности следует признать, что написавший "Достопамятные слова" Николай Мефонский являлся и главным, если не единственным, создателем "Другого свода против латинян".

---

[31] "εἷς μόνος καὶ ὅλος καὶ τὸ ὅλον πατὴρ ὁ πατήρ … εἷς τὰ τρία θεός" (Ἑτέρα σύνθεσις… S. 376).

[32] "οὔτε γὰρ ὁ υἱὸς πατὴρ (εἷς γὰρ πατήρ), ἀλλ'ὅπερ ὁ πατήρ … ἕν τὰ τρία τῇ θεότητι" (Ibid.).

[33] "Дух Святой есть не другое, но то же самое, что Отец и Сын" – "Spiritus autem sanctus non est aliud, sed idem ipsum quod est Pater et Filius" (PL. 158. Col. 308).

[34] "Πάντα, ὅσα τοῦ Υἱοῦ, καὶ τοῦ Πνεύματος, πλὴν πάλιν τῆς υἱικῆς ἰδιότητος" (Ἑτέρα σύνθεσις… S. 376).

[35] "Πάντα … ὅσα ὁ υἱός, τοῦ πνεύματος πλὴν τῆς γεννήσεως" (Ibid.; PG. 36. Col. 441b).

[36] "Καὶ πάνθ'ὅσα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ ἐστιν, τὰ δ'αὐτὰ καὶ τοῦ Πνεύματος, ἄνευ μέντοι τῶν ἰδιοτήτων" (*Νικόλαος Μουζαλῶν*. Op. cit. Σ. 314).

[37] Любопытно отметить, что там, где отец Церкви использовал понятие бытия ("все, что *есть* Сын"), оба позднейших участника греко-латинских споров обращались к понятию обладания ("все, что *принадлежит* Сыну").

[38] Ἑτέρα σύνθεσις… S. 383, 388–389, 405.

[39] PG. 102. Col. 369. Кроме того, в этом "Слове", как и в своем послании патриарху Аквилеи, Фотий перечисляет отцов церкви, которые, по его убеждению, ничего *не* писали о "Filioque".

[40] *Νικόλαος Μουζαλῶν*. Op. cit. Σ. 316.

[41] Ἰωάννης Φουρνῆς. Ἀντιρρητικὴ ἀπολογία πρὸς τὰ λεχθέντα παρὰ τοῦ Μεδιολάνων ἀρχιεπισκόπου Πέτρου περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐκπορεύσεως // Α. Δημητρακόπουλος. Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη. Λειψία, 1886. Σ. 43.

[42] Из них два – на Григория Назианзина, пять – на Дионисия Ареопагита, два – на Василия Великого, одно – на Григория Великого, одно – на Иоанна Дамаскина и одно – на Иустина Мученика.

[43] *Νικήτας τοῦ Μαρωνείας. Λόγος ς' // Giorgetti C.* Niceta Maronensis eiusque 5 et 6 dialogus de processione Spiritus Sancti etiam ex Filio. Romae, 1965. P. 342–392. В шестом "Диалоге" имеется не менее тридцати ссылок на греческих отцов Церкви.

[44] См.: PG 141. Col. 396–613.

[45] *Βασίλειος Ἀχριδηνός*. Συνεισφοραὶ πρὸς τὸν Ἰταλίας ἀρχιεπίσκοπον // Des Basilius aus Achrida, Erzbischofs von Thessaloniki, bisher unedierte Dialoge / J. Schmidt. München, 1901. S. 34–51.

[46] *Δημήτριος Τορνικῆς*. Ὡς ἐκ προσώπου τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἰσαακίου πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Στρογόμου // Georges et Démétrios Tornikés. Lettres et discours / *J. Darrouzès*. P., 1970. P. 190–201.

[47] *Νικόλαος Μεθώνης*. Ἀπομνημονεύματα ἐκ τῶν ἐν διαφόροις λόγοις γεγραμμένων κατὰ Λατίνων περὶ τῆς εἰς τὸ Ἅγιον Πνεῦμα βλασφημίας // [*Арсений (Иващенко)*]. Два неизданных сочинения Николая, епископа Мефонского. Новгород, 1897. С. 5–49.

[48] Между двумя произведениями есть немало отмеченных А. Михелем разночтений; помимо того, отсутствует один отрывок из "Другого свода" (Ἑτέρα σύνθεσις… S. 403–407).

[49] См. об этом: *Angelou A.* Nicholas' Works // Νικολάου Μεθώνης Ἀνάπτυξις τῆς Θεολογικῆς Στοιχειώσεως Πρόκλου Πλατωνικοῦ Φιλοσόφου. Leiden, 1984. P. XXV–XXVII.

[50] Ἑτέρα σύνθεσις… S. 403–407.

Кипра, гибель Константа в бане на Сицилии[25]. Возможно, перед нами – продолжение того конспекта византийской истории, который был приведен на с. 188–193. После же описания смерти Константа Агапий углубляется в свои любимые хронологические выкладки, подсчитывая время, протекшее от Адама до появления на исторической арене арабов.

Вслед за этим летописец открывает новую рубрику – "Дела арабов" (с. 196) – и снова возвращается вспять по хронологической шкале к 1 г. хиджры. Изложив основные постулаты ислама, автор опять повествует о синхронных деяниям Мухаммада событиях византийско-персидской войны. Как и прежде, параллели с Феофаном тут редки, описаний военных действий мало, зато много говорится о жизни Сирии, прежде всего Эдессы, под персидским владычеством и после победы Ираклия. Здесь мы склонны усматривать заимствования из неизвестного эдесского источника, написанного в жанре так называемой "прагматической истории" (т.е. не погодной летописи, а связного рассказа о событиях). Для Агапия, вообще, крайне нетипичны встречающиеся тут увлечения деталями, отклонения от погодного изложения; также нехарактерно для него на отрезке VII–VIII вв. внимание к межконфессиональным и, вообще, церковным проблемам, которых очень много именно на этих страницах хроники. Автором указанного эдесского сочинения явно был православный. Лучшее доказательство этого – описание гонений на православных[26] Эдессы со стороны Хосрова II (625 г.), повелевшего им под страхом смерти принять несторианство или монофизитство[27]. Это было образно воспринято мелькитами как выбор – есть мясо "удавленного быка" или "заколотого осла"; под удавлениной аллегорически подразумевалось несторианство, под ослятиной – монофизитство. Излишне доказывать, что подобные метафоры совершенно невозможны в устах единственного известного нам современного событиям эдесского хрониста – монофизита Кира Батнского или других позднейших яковитских авторов.

Далее, на с. 201–205, у Агапия излагается финальная фаза византийско-персидской войны; все намного короче, чем у Феофана и, иной раз, не в том порядке. Предполагать наличие какого-либо общего для этих авторов источника не было бы необходимости, если бы не приведенная и у Феофана и у Агапия история о перехваченном греками приказе Хосрова II казнить персидского полководца Шахрбараза, осаждавшего Константинополь[28].

После этого, когда Агапий повествует о послевоенном устройстве Сирии, пребывании Ираклия в Эдессе на рубеже 20-х–30-х годов VII в., снова чувствуется влияние православного эдесского автора. Об этом свидетельствуют рассказы о возвращении в православие эдесских христиан, о ссылке местного епископа Курры, уличенного Ираклием в неграмотности[29]. Кстати, Кир Батнский, повествуя о пребывании в Эдессе императора, обращал внимание совсем на другие сюжеты, прежде всего, конечно, на (пропущенные Агапием) переговоры Ираклия с монофизитским клиром о воссоединении церквей[30].

[25] Выше говорилось о подобном отступлении у Феофана (под 6121 г.), тоже доведенном до смерти Константа. Тем не менее, нет оснований предполагать что-либо общее у этих пассажей, потому что Феофан говорит о церковной истории, а Агапий – о политической.

[26] Отметим, кстати, что для наименования православия Агапий использует термин *раи аль-маликийя* (мелькитская доктрина) (Агапий. С. 198, 206). Почему-то считается, что впервые в арабской литературе слово "мелькиты" употребил Мас'уди в своем "Китаб ат-Танбих", написанном в 950-х годах (см., например: *Karalevsky K.* Antioche // Dictionnare d'histoire et de geographie ecclesiastiques. T. III. P., 1924. Col. 589). Как видно из текста Агапия (941 г.), мнение это ошибочно. А еще ранее Агапия Манбиджского тот же термин встречается у Евтихия (Саида ибн Батрика); см.: *Медников Н.А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897. Т. 2. С. 259, 273, 276, 278.

[27] Агапий. С. 198–200.

[28] Феофан, 6118 г.; Агапий. С. 201–202.

[29] Агапий. С. 206–207.

[30] *Дьяконов А.П.* Указ. соч. С. 9–10.

Единственное совпадение Кира и Агапия в этом "эдесском" фрагменте хроники – рассказ о начавшейся было по воле Хосрова II депортации жителей города, остановленной вторжением Ираклия в Персию[31]. Но ничего удивительного в таком совпадении нет – несомненно, приказ шаха о переселении эдессян в Иран настолько шокировал и православного и монофизитского современника событий, что они, независимо друг от друга, внесли это известие каждый в свою историю.

Эдесские известия заканчиваются у Агапия на с. 207. Далее следует сообщение о персидских делах, отступление об обретении Честного Древа и дальнейшей судьбе этой реликвии, информация о природных катаклизмах. Вслед за этим автор сообщает о кончине Мухаммада и начале арабских завоеваний, которые описывает, как отмечалось выше, главным образом по хронике 728 г.

Таким образом, при описании событий первой трети VII в. отчетливо прослеживается использование современного им православного эдесского сочинения в жанре "прагматической истории". Удивительна синхронность этого автора с Киром Батнским, а также совпадение их по жанру; тем не менее, как уже говорилось, они никоим образом не могут быть отождествлены. На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с заимствованием из Феофила Эдесского. Несомненно, мелькитская эдесская история начала VII в. изначально существовала как самостоятельное сочинение, а потом была включена Феофилом в состав своей хроники[32].

Обратимся теперь к отрезку летописи Агапия 632–743 гг., составленному в значительной степени по материалам хроник 728 и 746 гг. В данном случае нас интересует информация "Китаб аль-'Унван", как раз отсутствующая в этих хрониках. Часть таких сведений, по А. Васильеву, имеет совпадения с Михаилом Сирийцем, Бар Эбреем, аль-Макином; другая часть – уникальна. Могут ли все эти сообщения восходить к Феофилу Эдесскому? Аль-Макин использовал напрямую Агапия; Михаил (через Дионисия) и Бар Эбрей были знакомы с Феофилом, как уже говорилось. То есть, теоретически, все эти фрагменты текста Агапия, в том числе и не имеющие аналогий у других авторов, могут восходить к Феофилу Эдесскому.

Данные отрывки повествуют о завоевании Ирана арабами (с. 209, 221), смещении Умаром Халида ибн аль-Валида с поста наместника Сирии (с. 214), захвате Киликии арабами в 643 г. (с. 218), гражданских войнах в Халифате между Али и Муавией (с. 224) и после смерти Язида I (с. 234), о смерти Амра ибн аль-'Аса (с. 228), набеге аланов на Армению и ряде походов арабов в византийские земли (с. 227, 231, 245, 249), назначении Мервана наместником Армении при халифе Хишаме (с. 247), восстании Зейда б. Али в Куфе (с. 249) и др. Большая часть этих сведений относится к внутренним делам Халифата, сюжетам чисто арабской истории. Доступ к подобной информации вполне мог иметь придворный астролог халифа аль-Махди. Заимствования из какого-то арабо-мусульманского источника особенно заметны на с. 223–228, где четырежды упоминаются предводители хаджей в Мекку – от рубежа 40-х–50-х годов VII в. до 664 г. Подобного рода сведения абсолютно нетипичны для Агапия и большинства других ближневосточных христианских хронистов, зато весьма характеры для летописцев мусульманских, например, ат-Табари. Агапий не пользовался ат-Табари и другими мусульманскими авторами, у них абсолютно разный круг интересов. Но эта информация о хаджах явно заимствована из какой-то арабской протохроники, написанной в конце VII или в начале VIII столетия, а к Агапию попавшей, без сомнения, через Феофила.

Весьма любопытны не имеющие прямых аналогий пассажи на с. 211 и 213 о восприятии императором Ираклием арабского нашествия как неотвратимой воли

[31] Агапий. С. 200; *Дьяконов А.П.* Указ. соч. С. 10.

[32] Есть, конечно, вероятность, что рассматриваемый источник включен в "Китаб аль-'Унван" непосредственно Агапием, но, по нашему мнению, это более, чем сомнительно. Мелькитской эдесской истории начала VII в. проще было попасть в руки эдесского летописца в VIII в., чем манбиджского – в X в.

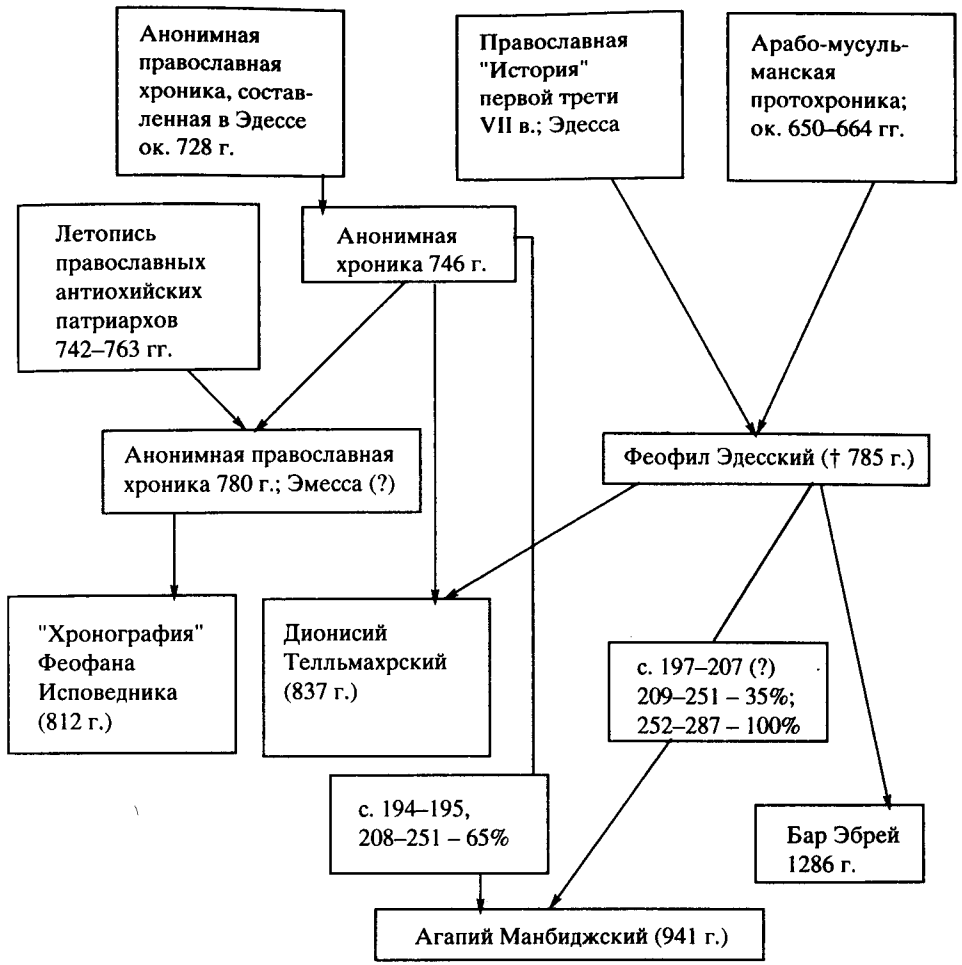
Божьей, которой бесполезно противостоять, как исполнения древнего пророчества о грядущем величии сынов Исмаила. Воззрение это было достаточно распространено на раннесредневековом Востоке, поэтому трудно сказать, кому принадлежит в данном случае авторство – Феофилу, Агапию или кому-нибудь еще?

Несколько раз "рука Феофила" прослеживается и при описании Агапием византийской истории. В частности, VI Вселенского собора 681 г.: "В первый год его (Язида б. Муавии. – *К.П.*) правления, – пишет Агапий, – собрался в Константинополе собор епископов по приказу Константина, и было число их 189 епископов. Он называется Шестым собором. Агафон, епископ Рима, писал о том, что его доктрина совпадает с воззрением 120 епископов из тех, что не присутствовали на соборе. И установили каноны, которые приняли только мелькиты, без согласия (иных) общин, называемых христианами"[33]. В этом, внешне нейтральном, сообщении присутствует какой-то посторонний, неправославный подтекст – подчеркивание того, что решения собора обязательны лишь для мелькитов, умолчание о соборном осуждении монофелитства. Могла ли так писать об этом событии хроника 728 г.? Феофан характеризует деяния собора восторженно-панегирически, монофизит Михаил Сириец – с резким осуждением; у обоих авторское отношение заглушило голос источника 728 г. Ближе всего к оригиналу стоит хроника 846 г., где яковитский компилятор не заретушировал свой православный первоисточник: "В 992 г. собрался собор в Константинополе и отлучил всякого, кто говорит об одной воле и одной энергии в Божестве. И Максим монах (Максим Исповедник. – *К.П.*) был прославлен нем"[34]. На наш взгляд, что-то подобное и было написано в хронике 728 г. То есть, Агапий описывал VI собор не по этому источнику, а по мароните Феофилу (или – не исключен и такой вариант – данный сюжет хроники 728 г. был переработан составителем летописи 746 г. и уже в измененном им виде попал к Агапию).

Не менее странно для православного епископа и описание в "Китаб аль-'Унван" иконоборческого собора 753 г. Феофан Исповедник, например, называет участников собора "еретиками", "нечестивцами", "врагами Богоматери", а преданных там анафеме защитников иконопочитания (Григория Кипрского, Иоанна Дамаскина и др.) именует "мужами святыми"[35]. Агапий же в своей каменно-бесстрастной манере пишет: "В том же году собрал Константин, царь румов, собор в Константинополе из около 300 епископов по поводу изображений (*ас-сувар*), которые в церквях. И изучили и рассмотрели, надлежит ли им поклоняться или нет. И сошлись на том, что не надлежит поклоняться им, и это ни коим образом не может быть разрешено; и приведены свидетельства из Святого Писания – Ветхого и Нового Завета – и святоотеческих творений. И предали анафеме Ияниса (Иоанна) ибн Мансура ад-Димашки и Григура аль-Кубруси и установили многочисленные каноны и назвали это: Седьмой (Вселенский) собор"[36]. Подобная нейтральная характеристика еретического собора невозможна для православного автора, даже для Агапия, который, хотя и был чужд резких эмоциональных оценок чего бы то ни было, но, в то же время, при описании богословских споров часто пояснял читателю, где воззрения еретические, а где – ортодоксальные. Конечно, подозревать Агапия в тайных иконоборческих симпатиях абсурдно, к X в. это учение давно уже исчезло. В данном отрывке хроники мы имеем дело не с завуалированным инакомыслием, а с некритической компиляцией. Тут использовано сообщение об иконоборческом соборе, явно составленное до VII Вселенского собора, предавшего анафеме иконоборчество (т.е. в промежуток 753–787 гг.). Более чем вероятно, что эта информация также восходит к Феофилу Эдесскому (умершему, напомним, в 785 г.).

[33] Агапий. С. 233–234.
[34] Brooks, 1897. P. 579.
[35] Феофан, 6245 г.
[36] Агапий. С. 273.

Схема 2



Вообще, весь финальный фрагмент "Китаб аль-'Унван" (с. 251–287, 743–777 гг.), по нашему убеждению, целиком заимствован из Феофила. Об этом говорит (помимо самого Агапия) и крайне малое количество параллелей с другими авторами, и содержание помещенной тут информации, касающейся главным образом внутренней истории Халифата, и обилие мелких подробностей. Чувствуется, что летописец, оставивший эти сведения, фиксировал свежие впечатления, впадая в аберрацию близости. Обращают на себя внимание цитаты из переписки – похоже, утраченной – халифа аль-Мансура с мятежным правителем Табаристана[37]. Для придворного астролога тексты подобного рода были вполне доступны. И, разумеется, в оригинале Феофиловой хроники мелких подробностей и цитат из официальных документов было куда больше. Агапий сам указывал, что радикально сокращал текст Феофила[38].

Таким образом, вырисовывается следующая картина источников "Китаб аль-'Унван" и места этой хроники в истории восточнохристианского летописания раннего Средневековья – см. схему 2.

[37] Там же. С. 280–281.
[38] Там же. С. 265; Васильев, 1904. С. 587.

Даже при том, что на приведенной схеме 2 отмечены далеко не все известные науке ближневосточные христианские хронисты VII–IX вв., она, тем не менее, дает представление об интенсивности историографического творчества христианских подданных Халифата. Причем не только сиро-яковитов, но и православных, о чем иной раз забывают. Первые арабоязычные мелькитские летописи X в. появились не на пустом месте после трехвекового анабиоза исторической мысли; напротив, у них был целый ряд предшественников, в том числе анонимный хронист 728 г., оказавший огромное влияние на развитие византийского и сирийского летописания. В то же время не прослеживается обратного влияния византийской исторической традиции на ближневосточных христиан после VII в. Это еще одно подтверждение тезиса об "ориентализации" мелькитской культуры Халифата, значительном ослаблении ее связей с греческим миром. Однако и арабо-мусульманские влияния не очень заметны в творчестве Агапия. Хотя манбиджский хронист работал уже после появления исторических трудов аль-Якуби, ат-Табари и др., но не похоже, чтобы он ими пользовался. Ближневосточная христианская историография раннего Средневековья, несмотря на свою конфессиональную и лингвистическую пестроту, представляла собой единое культурное пространство, самодостаточное, автономное по отношению к византийской и мусульманской литературам и, в то же время, оказывавшее значительное воздействие на их развитие.

А.В. Бармин

КТО НАПИСАЛ "ДРУГОЙ СВОД ПРОТИВ ЛАТИНЯН"?

В числе изданных А. Михелем в 1930 г. памятников греко-латинских споров середины XI в. был один, озаглавленный как "Другой свод против латинян, в чем они хулят Св. Духа, говоря, что Он исходит от Сына"[1]. Немецкий ученый был убежден в принадлежности этого произведения известному участнику церковного столкновения 1053–1054 гг. Никите Стифату, усматривая в нем те же "язык, стиль и мысль", что и в бесспорно написанных студийским монахом сочинениях. В доказательство своих слов исследователь привел внушительный список языковых соответствий между "Другим сводом", с одной стороны, и "Прением об опресноках, субботнем посте и браке иереев" и "Сотницами практических, физических и гностических глав", с другой[2].

Однако же шаткость сделанных А. Михелем наблюдений становится сразу заметной при их внимательном рассмотрении. Некоторые из приводимых ученым совпадений количественно совершенно непредставительны: если однажды встречающийся в "Другом своде" глагол παρεγγυᾶται ("повелевается") один раз обнаруживается и в "Прении о субботнем посте" (παρεγγυᾶτο), то это никак еще не свидетельствует в пользу родства двух сочинений[3]. То же самое можно сказать и о единичных появлениях в "Другом своде" глагола παρεμπίπτει ("присоединяется") или цитаты из 49 псалма: "λελάληκεν κύριος ὁ θεὸς" ("говорил Господь Бог"), которые А. Михель сопоставлял со столь же одинокими ἀντιπίπτετε ("противитесь") и словами "ἐν Μωυσῆ λελάληκεν ὁ θεός" ("в Моисее говорил Бог") из "Прения"[4]. Другие прослеживаемые ученым соответствия представляются слишком широкими: так, слова и выражения εἰ δὲ λέγεις ("если же ты говоришь"), δῆλον ("ясно"), δείκνυμι ("показываю") с производными, οὐ γάρ ("ибо не")[5] можно с равным успехом обнаружить чуть ли не в любом византийском сочинении. Наконец, многое просто относится к религиозной топике христианства, как слова о необходимости Христовой жертвы, о невидимости и неописуемости Бога или именование Христа "Словом Божиим" и "одним из Св. Троицы"[6].

Уже само надписание произведения ставит под вопрос его принадлежность ученику св. Симеона Нового Богослова. Имя Стифата указывается лишь в одной из двух рукописей, сохранивших "Другой свод" в составе "Догматической паноплии" Никиты Хониата[7], где оно было приписано к названию почерком, отличным от почерка писца[8]. Помимо того, если в "Прении" Стифат называл своих собеседников "ромеями" (т.е. римлянами)[9], то создатель "Другого свода" именовал их "латиняна-

[1] Ἑτέρα σύνθεσις κατὰ Λατίνων, ἐν οἷς βλασφημοῦσι εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον λέγοντες ἐκ τοῦ Υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι // *Michel A.* Humbert und Kerullarios. Paderborn, 1930. S. 371–409.
[2] Ibid. S. 357–360.
[3] Первый из приводимых А. Михелем примеров стилистического "сходства" см.: Ibid. S. 357.
[4] Примеры 2 и 27 см.: Ibid. S. 357–358; по той же причине неубедительно выглядят примеры 3, 15, 23.
[5] Ibid. Примеры 10, 11, 14, 18.
[6] Ibid. Примеры 28, 33, 36.
[7] Vat. gr. 680, f. 407b (Ibid. S. 355).
[8] Codices Vaticani graeci. T. 3. 1950. P. 141.
[9] *Νικήτας Στηθάτος.* Περὶ ἀζύμων καὶ σαββάτων νηστείας καὶ γάμου τῶν ἱερέων // *Michel A.* Op. cit. S. 322, 325, 340, 342.

ми"[10]. Наконец, вынесенное уже в заглавие обвинение западным в "хуле" на Св. Духа[11] плохо согласуется с почтительным отношением Никиты Стифата к своим собеседникам, которых он называл "мудрейшими и благороднейшими из всех народов"[12]. Обращению на "Вы" в "Прении об опресноках" противостоит мало уважительное "ты" в "Другом своде", предваряемое рассуждениями о "латинянах" в третьем лице, как если бы речь шла об отсутствующих[13].

О "Другом своде против латинян" молчат и все лица, принимавшие участие в событиях 1053–1054 гг. Кардинал Гумберт в своей "Памятной записке" упоминал лишь *одно* сочинение Никиты Стифата – "Об опресноках, субботе и браках священников", которое его создатель сам же и "анафематствовал" 24 июня в Студийском монастыре[14]. Если во всех посланиях Кирулария отсутствует какой-либо намек на Стифата и его участие в тогдашних спорах, то в этом нет ничего удивительного – после перехода последнего на сторону римских послов патриарх предпочитал молчать о деятельности студийского иеромонаха. Однако нельзя обнаружить и никакой связи между заявлениями по поводу троичных вопросов в подготовленном Кирулярием "Соборном определении" 24 июля 1054 г. и доводами "Другого свода". В первом из этих двух памятников делалась попытка свести западное учение к македонианской ереси[15]; во втором же вместо этого "латинянам" указывалось на опасность впадения в савеллианство, арианство, манихейство и несторианство[16].

В целом же троичные вопросы, обсуждаемые в "Другом своде", оказались почти не затронутыми в ходе споров 1053–1054 гг. Начавший полемику Лев Охридский выступал лишь против литургических обычаев латинской Церкви, так что Гумберту не нужно было защищать "Filioque" ни в "Диалоге"[17], ни в своем "Ответе" Никите Стифату[18]. Впрочем, в конечном счете такая необходимость все-таки настала. Написанные кардиналом "Рассуждения об исхождении Св. Духа" являлись ответом на любопытство со стороны императора Константина IX Мономаха, пожелавшего получить от Гумберта некоторые полезные разъяснения[19]. Содержащиеся там доводы в защиту западного учения имеют мало общего с тем, что в "Другом своде" представлено как суждения представителя западной Церкви. Правда, из девяти новозаветных высказываний, которые последний приводит в защиту своего мнения, шесть появляются и в "Рассуждениях" Гумберта[20], однако такое соотношение само по себе никак не свидетельствует о связи между двумя сочинениями. В данном случае речь идет о довольно обычном наборе ссылок на евангелия и апостольские послания, встречающиеся во многих греческих произведениях по вопросу о "Filioque"[21]; намного более (около 25) указаний на новозаветные слова обнаруживается в "Рассуждениях". "Латинянин" в "Другом своде" прямо утверждает, что слова

[10] Ἑτέρα σύνθεσις... S. 371, 377, 407.

[11] "Другой свод против латинян, в чем они хулят Св. Духа..." ("ἐν οἷς βλασφεμοῦσι εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον..." (Ἑτέρα σύνθεσις... S. 371).

[12] *Νικήτας Στηθάτος.* Περὶ ἀζύμων... S. 322, 325, 340.

[13] Ἑτέρα σύνθεσις... S. 377–379.

[14] *Humbertus.* Commemoratio brevis // Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant / Ed. C. Will. Lipsiae; Marpurgi, 1861. P. 150.

[15] *Μιχαὴλ Κηρουλάριος.* Σημείωμα περὶ τοῦ ριφέντος πιττακίου ἐν τῇ ἁγίᾳ τραπέζῃ παρὰ ἀπὸ Ῥώμης πρεσβέων // Acta et scripta... P. 160.

[16] Ἑτέρα σύνθεσις... S. 378, 384, 385, 394, 405.

[17] *Humbertus.* Dialogus // Acta et scripta... P. 93–126.

[18] *Humbertus.* Responsio sive contradictio Nicetae // Ibid. P. 136–150.

[19] *Humbertus.* Rationes de Sancti Spiritus processione a Patre et Filio // *Michel A.* Op. cit. S. 97.

[20] Отсутствуют в "Рассуждениях" ссылки на Ин. 1, 16, I Кор. 10, 1 и I Кор. 12, 13, где Дух образно называется "полнотой" и "питием" Христа (Ἑτέρα σύνθεσις... S. 396–397).

[21] См., например: *Νικόλαος Μουζαλών.* Περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκπορεύσεως // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρίδα τῆς θεολογικῆς σχολῆς τοῦ πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1978. Τ. 23. Σ. 307–308; *Ἀνδρόνικος Καματηρός.* Τερὰ ὁπλοθήκη (Mon. gr. 229, f. 28–28v).

Иисуса из евангелия от Иоанна "Я и Отец – одно" (Ин. 10, 30)[22], как и используемые апостолом Павлом выражения "Дух Сына" и "Дух Христа"[23], свидетельствуют об исхождении Св. Духа от обоих Отца и Сына, за чем в обоих случаях следуют длительные опровержения; в "Рассуждениях" эти же места из Св. Писания если и затрагиваются, то лишь вскользь[24]. Таким образом, сопоставление обоих сочинений не дает каких-либо оснований говорить о связи между ними, которая предполагалась бы в случае принадлежности "Другого свода" перу Никиты Стифата.

Окончательным доказательством позднейшего происхождения "Другого свода" являются содержащиеся в нем слова, согласно которым "латиняне" "хвалятся тем, что они подъемлют крест"[25]. Не может быть сомнений в том, что речь здесь идет о крестоносцах, понимавших свое движение именно как "несение креста"[26]. Таким образом, в качестве нижней временно́й границы для написания "Другого свода против латинян" должны быть приняты самые последние годы XI в. (появление первых крестоносцев в Константинополе), а для верхней границы – самое начало XIII в., когда Никита Стифат составил свою "Догматическую паноплию".

Не так уж много света на поставленный в заголовке статьи вопрос способны пролить выполненные А. Михелем указания на схожие места изданного им произведения и творений греческих отцов Церкви[27]. На самом деле многочисленные попытки ученого усмотреть *скрытые* соответствия между "Другим сводом" и святоотеческими творениями слишком часто представляются неубедительными, в большинстве случаев исчерпываясь использованием одних и тех же библейских высказываний. Так, А. Михель сопоставляет слова о Духе, прославляющем Сына, со схожими местами в "Послании к Серапиону" Афанасия Великого и "Гомилии на пятидесятницу" Григория Назианзина; общность всех трех произведений в данном случае ограничивается обращением к словам евангелия от Иоанна[28]. Когда создатель "Другого свода" относит к одному Христу заповедь книги Исхода о всяком младенце мужского пола, отверзающем ложесна (Исх. 34, 19), исследователь в примечаниях указывает на схожее рассуждение Исидора Пелусиота; тем не менее объяснения подобной мысли, даваемые при этом в обоих сочинениях, совершенно различны[29]. Ученый приводит высказывания Григория Назианзина и Максима Исповедника, которые близки, по его мнению, словам издаваемого им памятника, но и здесь речь идет лишь об использовании одного и того же места из книги пророка Исайи (11, 2)[30].

[22] Ἑτέρα σύνθεσις... S. 379.

[23] Ibid. S. 390–393.

[24] *Humbertus.* Rationes... S. 98–99, 106, 110.

[25] Ἑτέρα σύνθεσις... S. 377: "τὸν σταυρὸν αἴρειν αὐχοῦντες".

[26] Ср.: *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1986. Гл. 1–2, 4–5; *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. М., 1993. Гл. 2–11.

[27] Речь идет о довольно длинном списке, включающем имена свв. Климента Александрийского, Афанасия Великого, Григория Назианзина, Исидора Пелусиота, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника (Ἑτέρα σύνθεσις... S. 372–373, 375–376, 381, 383, 384–394, 396–400, 402–403, 405, 409).

[28] "Другой свод": "ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ πνεῦμα δοξάζων ἐν τῷ λέγειν περὶ αὐτοῦ, ὃ καὶ περὶ πατρὸς εἴρηκεν· ἐκεῖνος ἐμὲ δοξάσει· δοξάζουσι γὰρ ἄλληλα τὰ ὁμότιμα" (Ibid. S. 373); Афанасий Великий: "τὸ δὲ πνεῦμα δοξάζει τὸν υἱόν. ἐκεῖνος, γάρ φησιν, ἐμὲ δοξάσει" (PG. 26. Col. 580); Григорий Назианзин: "ἐπηγγέλθη δὲ (πνεῦμα) ... ὑπὸ δὲ Ἰησοῦ, καὶ ὕστερον δοξαζομένου (ὑπὸ τοῦ πνεύματος)..." (PG. 36. Col. 448). Ср. Ин. 16, 14: "ἐκεῖνος ἐμὲ δοξάσει, ὅτι ἐκ τοῦ ἐμοῦ λήμψεται καὶ ἀναγγελεῖ ὑμῖν".

[29] Согласно "Другому своду", подобное отождествление оправдано "из-за множества духовно возрождаемых в Нем (т.е. во Христе) и отверзающих ложесна Церкви" (Ibid. S. 375); по мнению Исидора Пелусиота, всякие ложесна открываются совокуплением, за исключением лишь тех, где бессеменно был зачат Иисус Христос (PG. 78. Col. 196).

[30] Создатель "Другого свода" ссылается на Исайю в желании показать, что, помимо третьего лица Троицы, есть и другие существа, которых можно именовать "святым духом" (Ἑτέρα σύνθεσις... S. 386–387); Григорий Назианзин и Максим Исповедник утверждают лишь, что под "семью духами" Исайя имел в виду действия (энергии) Св. Духа (PG. 36. Col. 432; PG. 90. Col. 365).

ских историков[22]. От хроники 846 г. больше, от Михаила/Дионисия – меньше; чаще Агапий пишет короче других, но иногда приводит свои, уникальные подробности. Отсюда следует вывод: Агапий не пользовался ни летописью 846 г., ни сочинением Дионисия, которое легло в основу соответствующих глав Михаила Сирийца, а работал с источниками VIII в. без посредников. Во-вторых, как уже отмечалось, многочисленные пересечения Агапия с Феофаном, т.е. с его сирийскими источниками, продолжаются до 743 г. (смерть халифа аль-Валида II). После этого, на с. 252–287 хроники (743–777 гг.) совпадения практически исчезают. Их, по числу строк, не более 5% от общего объема текста, причем в каждом случае речь идет о таких общеизвестных вещах (смены монархов, аббасидская революция, иконоборческий собор 753 г.), что предполагать какой-то общий источник нет надобности. То есть, из трех выявленных сирийских летописей VIII в. Агапий использовал первые две: хронику 728 г. в составе хроники 746 г. и не был знаком с последней – 780 г.

Вторым основным источником Агапия был, по его собственному свидетельству, Феофил Эдесский. Возможно, Агапий обращался к его книгам не только на отрезке VII–VIII вв., но и раньше, при описании византийской истории V–VI вв. На наш взгляд, есть возможность угадать некоторые заимствования манбиджского хрониста из несохранившихся трудов Феофила. Исходя из того, что о нем, как о своем источнике, говорил Абу аль-Фарадж Бар Эбрей, а А.А. Васильев при издании "Китаб аль-'Унван" отмечал все случаи совпадений этой хроники с Бар Эбреем, можно предположить, что места "пересечения" Агапия с Абу аль-Фараджем, не имеющие аналогий у других авторов, указывают на заимствования из Феофила. Кроме Бар Эбрея Феофила использовал и Дионисий Тельмахрский, правда, вряд ли много – он был весьма недоволен конфессиональной пристрастностью халкидонита Феофила, игнорировавшего все, что касалось монофизитов. Тем не менее, следует обратить особое внимание на совпадения Агапия и Михаила Сирийца/Дионисия, которые нельзя отнести к влиянию какого-либо известного нам общего источника. Если же в случаях пересечения Агапия, Михаила и Бар Эбрея, не имеющих аналогий у других авторов, речь идет об Эдессе, то вероятность использования Феофила Бар Томы резко возрастает. Помимо Феофила есть, кажется, только один тоже недошедший до нас автор того времени, живший в Эдессе и подробно описывавший историю этого города – Кир Батнский (ум. в 627/631 г.). Но спутать Кира и Феофила очень трудно: судя по тому, что нам известно о Кире Батнском, он был страстным монофизитом и интересовался в первую очередь церковной историей своей общины. Русский сириолог начала XX в. А.П. Дьяконов предпринял попытку выявить все заимствования из Кира, сохранившиеся у позднейших авторов[23]. Практически никаких совпадений с этими сведениями у Агапия нет; очень сомнительно, чтобы он пользовался историей Кира.

Другим предполагаемым эдесским источником Агапия мог бы быть сиро-яковитский хронист Иаков Эдесский (640–708), писавший около 692 г. Однако немногие сохранившиеся фрагменты его хроники[24] исключают подобную гипотезу, так как не имеют аналогий с "Китаб аль-'Унван".

[22] Приведем лишь один пример: упомянутое выше землетрясение 679 г. Хроника 846 г.: "В 990 году, в 30-й день месяца нисана, на Пасху, в третьем часу произошло великое землетрясение, разрушившее Батнан в Саруге и древнюю церковь Эдессы; и погибло множество народа". Михаил под 990-м годом селевкидской эры говорит о "сильном землетрясении. Разрушились Батна в Саруге, а также киворий эдесской церкви и две ее боковых стены. Муавия приказал восстановить ее" (цит. по: Brooks, 1897. P. 580; Brooks, 1906. P. 579). Агапий: "В тот год случилось землетрясение в Бейсане и провалилась одна из деревень Саруджа, называемая Катнан, и упали стены ее и все дома ее; и подобное же случилось в Рухе (Эдессе), и пострадало там многое. И приказал Муавия восстановить Руху и отстроить упавшие церкви ее, а причиной тому было то, что он пребывал в ней в то время, когда воевал с Али ибн Аби Талибом" (Агапий. С. 233).

[23] См.: *Дьяконов А.П.* Кир Батнский, сирийский церковный историк VII века. СПб., 1912. С. 17–18, 24–26.

[24] *Brooks E.W.* The Chronological Canon of James of Edessa // ZDMG. 1899. T. 53. P. 261–327.

На отрезке хроники, посвященном V–VI вв. (до убийства императора Маврикия в 602 г.) (с. 145–188), А. Васильев выделяет 44 совпадения Агапия и Бар Эбрея, в том числе 15, не имеющих параллелей в других источниках. Особо отметим упоминание об Иве Эдесском и его богословских взглядах (с. 156), голод на Востоке и завоевание Амиды персами соответственно в 10-й и 12-й год Анастасия (с. 159), войну Юстина I с персами на Евфрате на 6-м году правления, посольство Юстина к арабскому вождю Мундару и заключение мирного договора с ним (с. 165), поход Хосрова I на Эдессу и избиение ее жителей в конце 20-х годов VI в. (с. 166). Весьма интересны некоторые совпадения этих двух авторов с Михаилом Сирийцем, восходящие к какому-то общему, явно ближневосточному источнику – сообщения о литературных трудах Иакова, епископа Батнана, и Маринуса в Эмессе в царствование Анастасия (с. 164), землетрясении в Антиохии конца 70-х годов VI в. (с. 178), свержении персидского шаха Ормузда в 590 г. (с. 181) и др. Все эти сведения, вполне вероятно, почерпнуты именно у Феофила Эдесского.

Особо заслуживает внимания история о том, как шах Хосров II в 591 г. искал помощи Византии против своих мятежных сатрапов. Тут Агапий забывает присущий ему лапидарный стиль и описывает все эти события обстоятельно, со множеством уникальных подробностей, обильно цитируя переписку (вымышленную?) Маврикия и Хосрова, рассказывая о роли арабского вождя Джафны, бывшего посредником между двумя монархами. Чувствуется, что у Агапия был в руках какой-то недошедший до нас источник, составленный в Сирии, на бывшем византийско-иранском пограничье. Мы склонны считать этот фрагмент (с. 182–186) тоже заимствованным из Феофила Эдесского.

Описание же событий начала VII в. – византийско-иранской борьбы 602–628 гг., послевоенного обустройства Сирии Ираклием, возникновения государства Мухаммада и начала арабских завоеваний – у Агапия еще более сумбурно и непоследовательно, чем у Феофана. Здесь наслаиваются друг на друга не менее трех–четырех источников.

Сначала, на с. 188–193, Агапий очень сжато излагает ход византийско-иранской войны, бегло упоминает переселение мусульман в Ятриб, говорит о воцарении Ираклия, потом, пропустив несколько предельно насыщенных событиями лет, перескакивает сразу на победу Ираклия над персами, послевоенное положение в Иране, затем на страницах летописи вдруг идет описание как арабы наносят византийцам поражение на Ярмуке, что автор ошибочно датирует 22-м годом Ираклия (т.е. 632 г.). Сопоставляя этот рассказ с "Хронографией" Феофана, мы видим, что сведения у Агапия на несколько порядков более сжаты, чем у византийского летописца; при этом Агапий почти ни разу не обнаруживает достойных внимания совпадений с Феофаном. Вряд ли они пользовались каким-либо общим источником. А.А. Васильев на этом отрезке видит у Агапия параллели с Михаилом Сирийцем и Бар Эбреем; трудно определенно утверждать, использовали ли все они в данном случае Феофила или же какого-то другого автора.

После описания битвы под Ярмуком Агапий на с. 194 вдруг возвращается назад, к смерти Мухаммада и первым вторжениям арабов в Сирию (непонятно, осознавал ли сам летописец, что нарушил тут хронологию). Источник Агапия в этом месте легко узнаваем – почти дословные совпадения с Феофаном (6124 г.) указывают на использование хроники 728 г. Правда, Агапий почему-то пропустил битву при Муте, помещенную византийским историком под 6123 г., но дальше следует параллельно Феофану, правда, излагает события более лаконично. Совпадения прослеживаются до 6125 г. по Феофану (походы и сражения арабов в Сирии в 634–635 гг.).

Далее, в конце той же 194 страницы, все совпадения с Феофаном вдруг исчезают, и Агапий (с. 194–195) очень бегло, с огромными пропусками излагает дальнейшие события – посещение Иерусалима Умаром, смерть Ираклия, падение Кесарии, византийские дворцовые перевороты 642 г., правление Константа, захват арабами

А.Ю. Казарян

АРХИТЕКТУРА АРМЕНИИ IV–VI ВЕКОВ И ОСОБЕННОСТИ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОСЕДНИХ СТРАНАХ[1]

Предстоящая знаменательная дата – 1700-летие официального утверждения христианства в Армении – повышает интерес к изучению истоков армянской культуры христианского периода и особенностей формирования новых традиций национального искусства. Основным предметом обсуждений генетических корней и специфики армянского искусства чаще всего становится архитектура IV–VII веков, особый интерес к которой проявился в мировой медиевистике около столетия назад.

Традиционно этот раннесредневековый период рассматривался цельно, что определялось непрерывностью развития армянской культуры с момента установления христианства в 301 г. до установления арабского господства в начале VIII столетия. Настоящая работа охватывает лишь IV–VI столетия (исключая последнее десятилетие VI в.), не столько из-за качественных отличий архитектуры этого времени от последующей (доминирование базиликальных и зальных продольно спланированных церквей), сколько из стремления раскрыть особенности армянского зодчества периода его формирования, которые вполне четко определимы в памятниках начала VII в. С последнего десятилетия VI в. несколько меняются ориентиры развития монументальной архитектуры Армении в связи с усилением культурной экспансии Константинополя и угасанием строительной активности в Сирии и на востоке Малой Азии. Выбранные хронологические рамки позволят также плодотворнее рассмотреть армянское зодчество в контексте раннехристианской архитектурной традиции региона.

В количественном и качественном отношении культовые сооружения этого времени во много раз превосходят остальные сохранившиеся монументальные средневековые постройки, что ярко свидетельствует о сосредоточении активности в области церковного строительства. Учитывая это, логично связывать развитие зодчества Армении прежде всего с архитектурой стран христианского мира. Такому подходу, позволяющему раскрывать параллели, основываясь на иконографии архитектуры, и проявившемуся в разной степени в работах Т. Тораманяна, А. Грабара, Ж.М. Тьерри, Ю. Клайнбауэра и других исследователей, противопоставлено достаточно распространенное рассмотрение формирования христианской архитектуры Закавказья на основе местной традиции – будь то народной[2], совершенно справедливо отстраняемой А.М. Высоцким от главных путей развития монументального зодчества – детища профессиональной традиции[3], либо языческой, которая, судя по некоторым оценкам, не всегда была связана с эллинистической[4]. Однако если остатки позднеэллинистической архитектуры сохранились (ярким примером является храм в Гарни), то о существовании параллельной ей профессиональной строительной традиции нет никаких вещественных доказательств[5]. Введенные недавно в научную литературу храмы-святилища ширакаванского типа, считающиеся преобладающими вплоть до принятия христианства[6], еще требуют обстоятельного изучения.

Однако своей композицией они отличаются от христианских церквей и, следовательно, не могли являться их непосредственными прототипами. Отнесение основы некоторых базиликальных церквей к языческим храмам, подразумевающее переориентацию алтаря, т.е. строительство нового алтаря на востоке во времена Григория Просветителя, не имеет реального археологического подтверждения. В то же время, в первых христианских храмах Константина Великого в Риме, Иерусалиме, Вифлееме алтарь находился в западной части постройки[7], и надо предполагать такую же ориентацию алтарей в армянских церквях первой половины IV в. Поскольку же в Касахе, Ереруйке и других трехнефных базиликах алтари сориентированы на восток, то попытка их датировки ранее середины IV в. должна подтверждаться не только тезисом о пристройке восточной апсиды, но и данными о перестройке западной части сооружения.

Еще туманней выглядит вероятность генетической связи армянских церквей с культовыми постройками эпохи Ванского царства или Урарту[8], как из-за колоссального временно́го разрыва между ними (не менее 1000 лет), так и из-за неясности причин и путей такого развития. Ведь само по себе существование квадратного в плане храма в Алтын-тепе не может служить доказательством его связи с купольным квадратом центричных христианских храмов.

Исторические сведения о существовании зороастрийского культа и храмов огня в Армении в IV–V вв. позволяют предполагать взаимосвязь их архитектуры с одновременными христианскими постройками. Поскольку зороастрийских храмов в Армении не сохранилось, их параллелью можно считать святилище в Дедополис Миндори в Картли, а прототипами – храмы Ирана. Возникает закономерный вопрос о роли сасанидской архитектурной традиции в Армении, важность которой отмечал еще К. Шнаазе[9]. Указывая на многосторонние связи армянской архитектуры с соседними традициями, Т. Тораманян подчеркивал особую роль

---

[1] Работа является расширенным вариантом доклада, прочитанного в Ереване 15 сентября 1998 г. на международной конференции "Армения и Христианский Восток" и недавно опубликованного (*Казарян А.* Архитектура Армении V–VI веков и раннехристианское зодчество Каппадокии, Киликии и Исаврии // Armenia and Christian Orient / Под ред. П.М. Мурадяна. Ереван, 2000. С. 239–265). В октябре 1998 г. я выступил с подобной темой на заседании сектора Истории древнерусского искусства Государственного института искусствознания РФ. Хочу выразить свою благодарность сотрудникам сектора, а также проф. О.С. Поповой и А.М. Высоцкому за ценную критику и помощь в работе над настоящей статьей.

[2] *Агабабян Р.Я.* Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950. С. 23, 72; *Токарский Н.М.* Церковная архитектура // Культура раннефеодальной Армении IV–VII вв. Ереван, 1980. С. 363–365; *Асратян М.М.* Очерк армянской архитектуры. М., 1985. С. 32. Параллелью этой позиции является мнение некоторых исследователей грузинской архитектуры, см., в частности: *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Текст. Тбилиси, 1959. С. 201–208.

[3] *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран: параллели в архитектуре в эпоху Сасанидов // Искусство и археология Ирана. М., 1976. 2. С. 41 и примеч. 35.

[4] См., особенно: *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37–39.

[5] *Арутюнян В.М.* История армянской архитектуры Ереван, 1992. С. 70 (на арм. яз.). Желание видеть некую мощную, специфически местную, дохристианскую традицию вне эллинистической культуры Армении приводило к достаточно вольному отнесению древних основ некоторых раннехристианских построек к языческим временам (*Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, 1942. Т. 1. С. 85, 130 (на арм. яз.); *Strzygowski J.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918. Bd. 1. S. 140, 378; *Сашян А.* Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955. С. 276 (на арм. яз.); *Кафадарян К.* Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952. С. 268 (на арм. яз.); *Paboudjian P., Alpago-Novello A.* Ererouk // Documenti di Architettura. Milano, 1977. 9. P. 16, 56), недопустимость чего отмечали, в частности, Н.М. Токарский и А.М. Высоцкий (*Токарский Н.М.* Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван, 1961. С. 72–73; *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37. Примеч. 7).

[6] *Тер-Мартиросов Ф.И.* Храмовое святилище Ширакавана и типология античных святилищ Великой Армении // IV МСАИ. Тезисы докладов. Ереван, 1985. С. 260–261.

[7] *Комеч А.И.* Архитектура // Культура Византии, IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 576–577.

[8] *Ованнесян К.* Урартские корни древнеармянского купольного зодчества // II МСАИ. Отдельный оттиск доклада. Ереван, 1978.

[9] *Schnaase K.* Geschichte der bildenden Kunste. Düsseldorf, 1844. Bd. 3. S. 258.

восточной архитектуры, от ассирийско-халдейской до позднесасанидской, в формировании местной специфики стиля и строительной техники[10]. По мнению Й. Стриговского, на основе иранского купольного квадрата сформировались основные типы центричных церквей Армении, ставшие в свою очередь прообразами купольных построек Византии и Европы[11]. Если вторая часть этой глобальной концепции была опровергнута или поставлена под сомнение[12] и берется на вооружение исследователями для подтверждения проникновения на "запад" из Армении лишь отдельных центричных композиций[13], то первая ее половина до сих пор не оценена критически[14], а увеличившееся число параллелей между архитектурой стран Закавказья и Ирана в связи с новыми археологическими данными[15] служит укреплению мнения о важнейшей роли сасанидских построек[16]. В результате вырабатываются суждения и подходы, неопределенность которых может объясняться только тем обстоятельством, что "путь формирования раннесредневековой архитектуры стран Закавказья пока во многом, прежде всего в его отправном пункте, неустановим"[17]. Однако указание важности двух, а иногда и трех источников формирования армянской архитектуры без определения главного из них не служит, как мне представляется, прояснению сути и места раннесредневекового армянского искусства и помогает созданию о нем двойственного впечатления, как о некоем смешанном, неопределенно-синкретическом явлении. Имея иное мнение, позволю себе прояснить некоторые вопросы, отметив прежде всего существенную разницу между армянскими и иранскими четырехстолпными храмами.

Уже в первых известных купольных церквях Армении – кафедрале Валаршапата (Эчмиадзин) IV–V вв., основательно отремонтированном в 480-х годах, и храме Текора 480-х годов, – подкупольная ячейка тесно объединена с остальным пространством построек прежде всего благодаря поставленным по осям сводам, т.е. благодаря осуществлению в них крестово-купольной системы, тогда как в иранских постройках купольный квадрат резко отделен от окружающего его сводчатого прохода[18].

[10] *Тораманян Т.* Материалы... С. 84–85.

[11] *Strzygowski J.* Die Baukunst...; *Idem.* Origin of Christian Church Art. Oxford, 1923. P. 59–61.

[12] Италийское происхождение купола на квадрате отстаивается в кн.: *Rivoira G.T.* Moslem Architecture, its Origine and Development. N.Y., 1975. P. 225, 234–235; *Ward-Perkins J.B.* The Italian Element in Late Roman and Early Medieval Architecture // Medieval Architecture. N.Y.; L., 1976. P. 6, 15–18.

[13] *Dimitrokallis G.* Contribution à l'étude des monuments Byzantins et médiévaux d'Italie. Athenes, 1971. P. 45; *Мнацаканян С.Х.* Крестовокупольные композиции Армении и Византии. Ереван, 1989. С. 135–137 и др.

[14] Лишь в некоторых работах формообразующая роль иранского купольного квадрата заменена квадратной ячейкой армянского жилого дома: *Агабабян Р.Я.* Указ. соч.

[15] Особенно в связи с публикациями о постройках Центральной Азии (*Маршак Б.И.* Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста. Пенджикенд и Бамиан, V–VIII вв. // Probleme der Architektur des Orients. Haale (Saale), 1983. Bd. 26. S. 53–64) и с установлением того факта, что для сасанидских храмов наиболее характерным является структура в виде чахартака (четырехстолпного купольного квадрата), окруженного обходом и ограниченного стенами постройки (*Хуф Д.* Сасанидский храм огня // Борзисы докладов и сообщений. Душанбе, 1990. С. 484–486; *Huff D.* Architecture sasanide // Splendeur des Sasanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642). Bruxelles, 1993. P. 53–56.

[16] Оно отчетливо отразилось даже в работах сторонников предпочтительного изучения иконографии христианской архитектуры. А.М. Высоцкий считает, что "возникновение собора в Эчмиадзине и центрических купольных построек с четырьмя опорами в странах Закавказья можно считать обязанным Ирану и вызванным распространением вслед за зороастризмом храмов огня, хотя, если допустить прежнее раннее широкое распространение в качестве христианских культовых построек их прототипов в Византии, близкие аналогии с Ираном могут быть объяснены древней традицией мемориальных построек-балдахинов" (*Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 48; *Thierry J.M.* Les tetraconques à niches d'angle // Bazmavep. Venise; St. Lazare, 1980. 1–4. P. 124–180).

[17] *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37.

[18] Там же. С. 48–49.

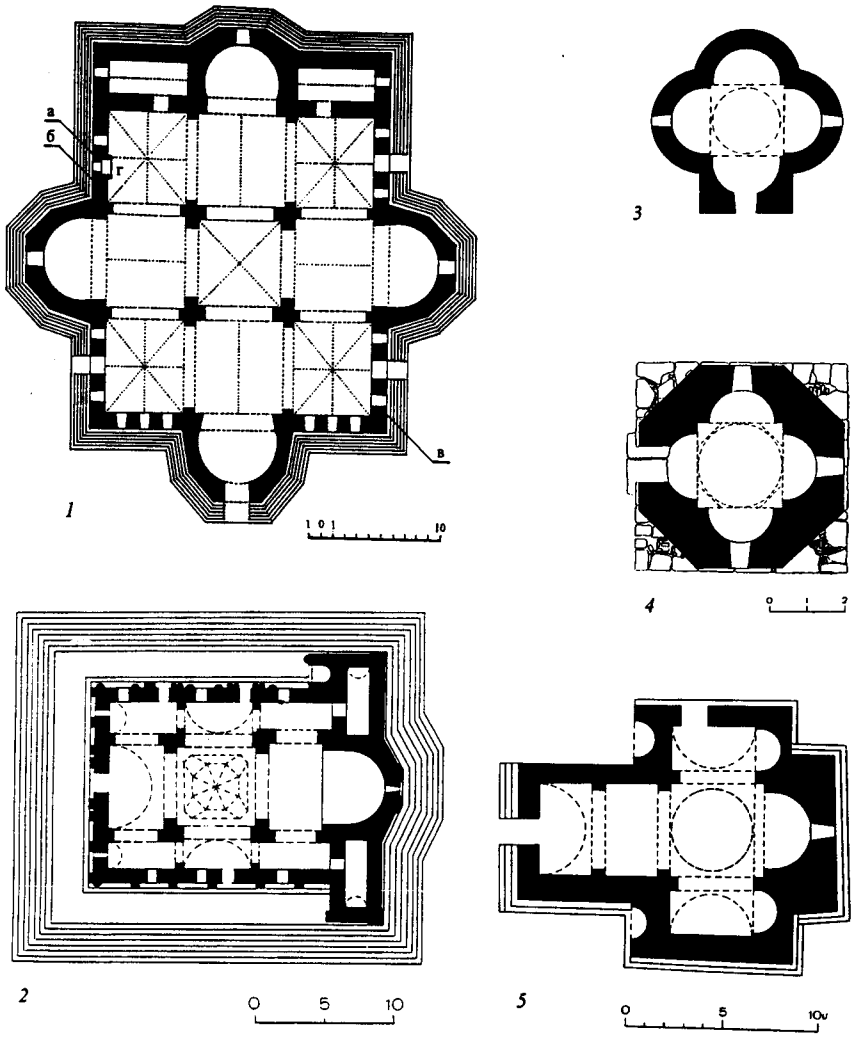


Таблица I. Планы центричных и купольных армянских построек IV – VII вв.: *1* – Эчмиадзин, реконструкция собора конца IV в.; а), б), в) – расположение древнейших рельефов; г) – ниша с купелью; *2* – церковь Св. Саргиса в Текоре, 80-е годы V в.; *3* – церковь Аствацацин в Црвизе; *4* – баптистерий (?) в Арзни; *5* – церковь Св. Мариам в Артике

Кроме того, такая центральная ячейка появилась в Армении не в виде отдельной формы и не в составе четырехстолпного сооружения с квадратным планом, а в качестве центральной ячейки достаточно сложной композиции с внешними стенами в виде квадрифолия (Эчмиадзин), что в большей мере ставит под сомнение ориентацию этих церквей на храмы зороастрийского культа[19]. Занимаясь поиском внешних аналогий композиции Текорского храма, нельзя не учесть существования памятни-

[19] О. Ройтер видит возможность перенесения купольного квадрата в Армению из Ирана лишь при допущении последующего прибавления апсид по осям (*Reuther O.* Sasanian Architecture. A History // A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present / Ed. by A.U. Pope. Tokio, 1964–1965. Vol. 2 (1-е изд.: L.; N.Y., 1938–1939). P. 557–558.

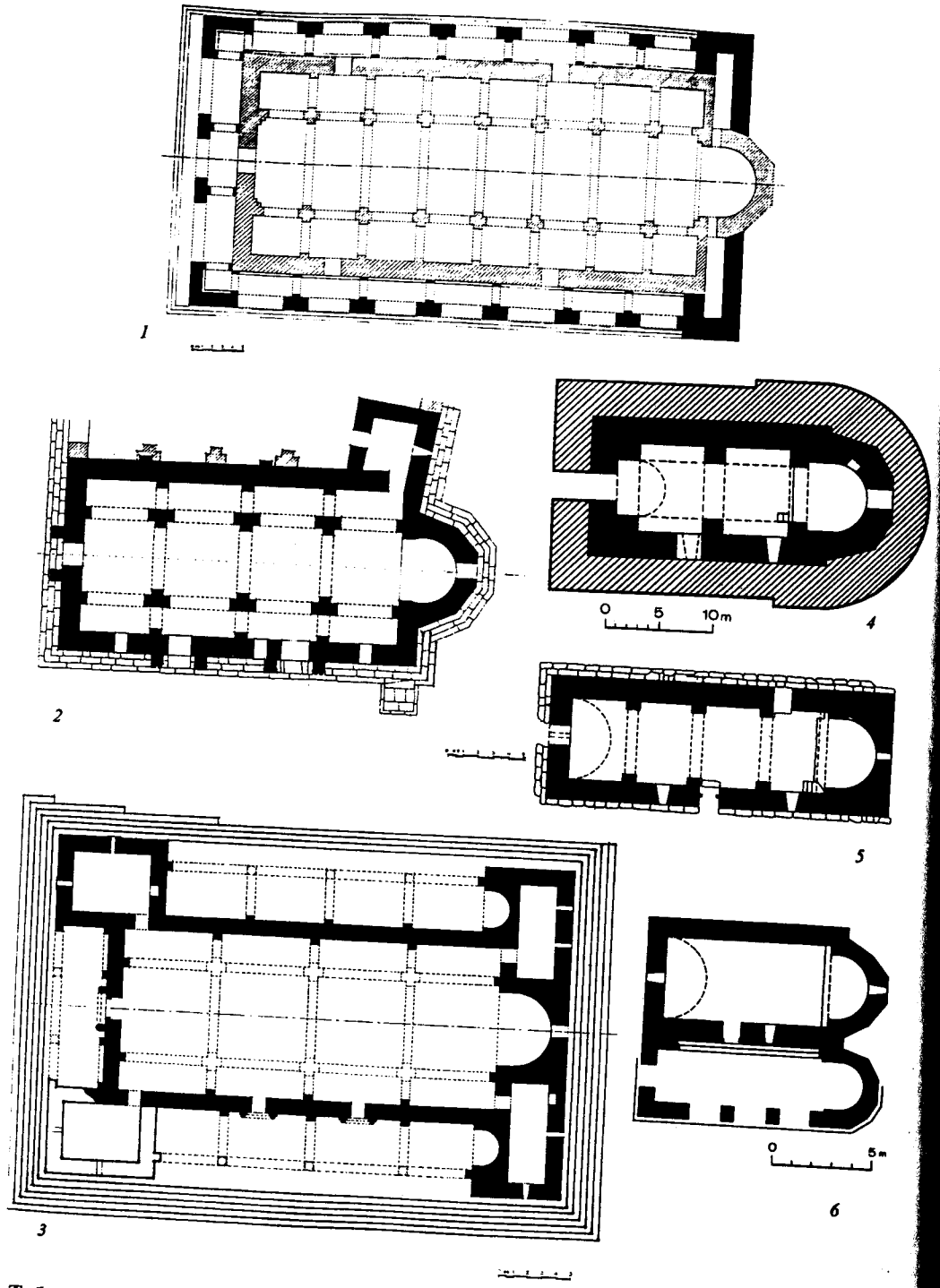


Таблица II. Планы базиликальных и однонефных армянских построек IV–VI вв.: *1* – Двин, структура собора к середине V в.; *2* – Касахская базилика в Апаране; *3* – Ереруйк (пос. Анипемза); *4* – церковь Цираванор в Парпи; *5* – Лернакерт; *6* – Байбурт

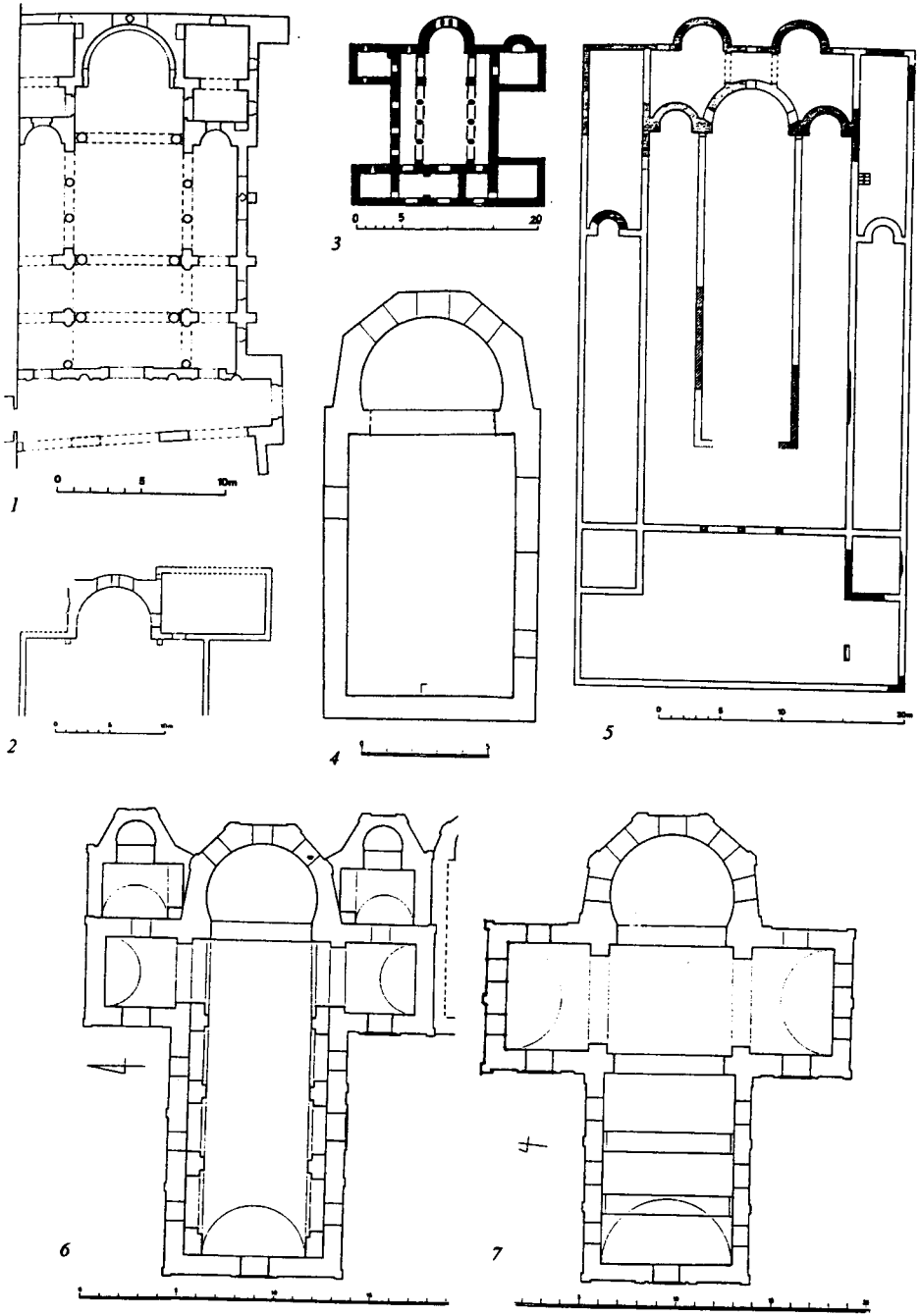


Таблица III. Планы раннехристианских построек Малой Азии: *1* – Алахан-монастырь (Исаврия), восточная церковь; *2* – Диокесария / Узунчабурдж (Киликия), восточная часть церкви в театре; *3* – базилика № 43 в Бинбир килисе; *4* – Едикапулу (Каппадокия); *5* – церковь extra muros Корикоса (Киликия); *6* – Церковь-мартирий в Скупи (Каппадокия), *7* – Панагия в Томарзе (Каппадокия)

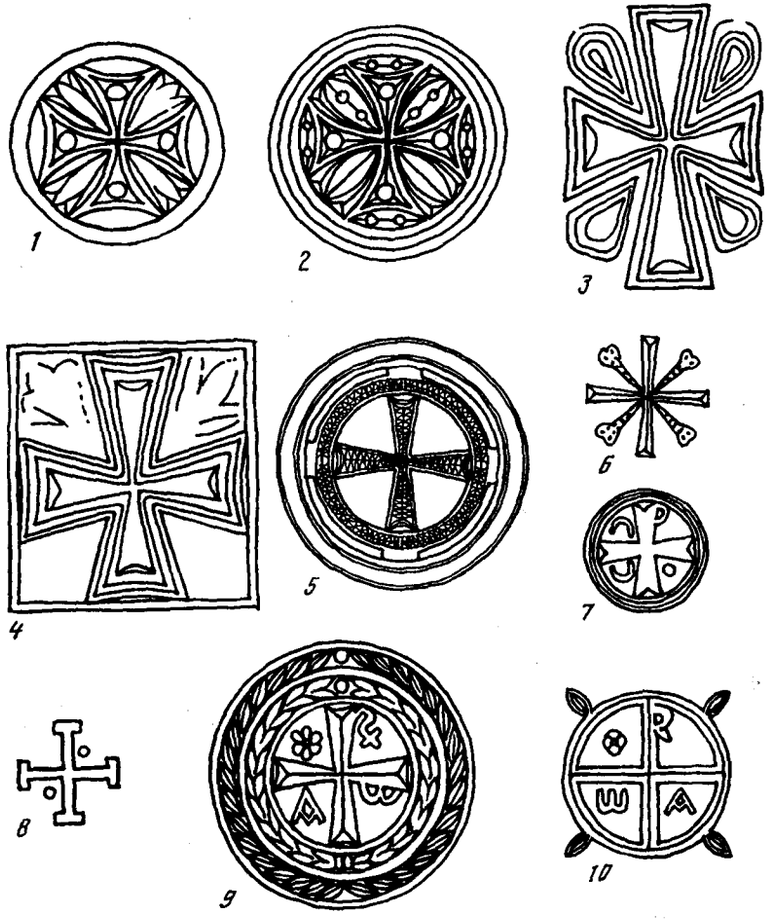


Таблица X. Рельефные кресты Каппадокии (*1–4*) и Северной Сирии (*5–10*) V–VI вв.: *1* – Берг килисе в Гёреме; *2* – Панагия в Гёреме; *3* – Эски Андавал; *4* – Бузлук у Перзека; *5* – Калат Семан; *6* – Куканая; *7, 8* – Банкуса; *9* – Калб Лузе; *10* – Аршин

ма не имеет прямых аналогий ни в образцах Ирана, ни в раннехристианской архитектуре Средиземноморья, где наиболее распространенным был парусный свод[22]. Остается неизвестной конструкция каменных куполов исаврийских церквей Мериамлик и Даг Пазари (последняя четверть V в.)[23]. Внешний облик второй из этих построек, сохранившей высокий кубообразный объем центрального квадрата, особенно близок с Текором. В ранних образцах Валаршапатского собора (до ремонта ок. 620 г.) присутствовало перекрытие в виде деревянного шатра[24], подобие которо-

[22] Таковы, к примеру, перекрытия центральных ячеек в мавзолее Галлы Плацидии (424–450) и в первом юстиниановском соборе Софии в Константинополе (532–537) (*Michelis P.A.* L'estetique d'Haghia – Sophia // CCARB. 1963. X. Fig. 13–17).

[23] Археологически обосновано существование каменного перекрытия в Мериамлике (*Gough M.* The Imperor Zeno and Some Cilician Churches // AS. 1972. XXII. P. 202; *Herzfeld E., Guyer S.* Meriamlik und Korikos // MAMA II. 1930. P. 61–62). О Даг Пазари см.: *Gough M.* The Imperor Zeno... P. 204–205. Fig. 3–9; *Hill S.* Dag Pazari and its Monuments. A Preliminary Report // Yayla. 1979. 2. P. 8–12.

[24] О замене деревянного перекрытия собора на каменное сообщается в хронике VII в.: История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасяна. Ереван, 1939. С. 76.

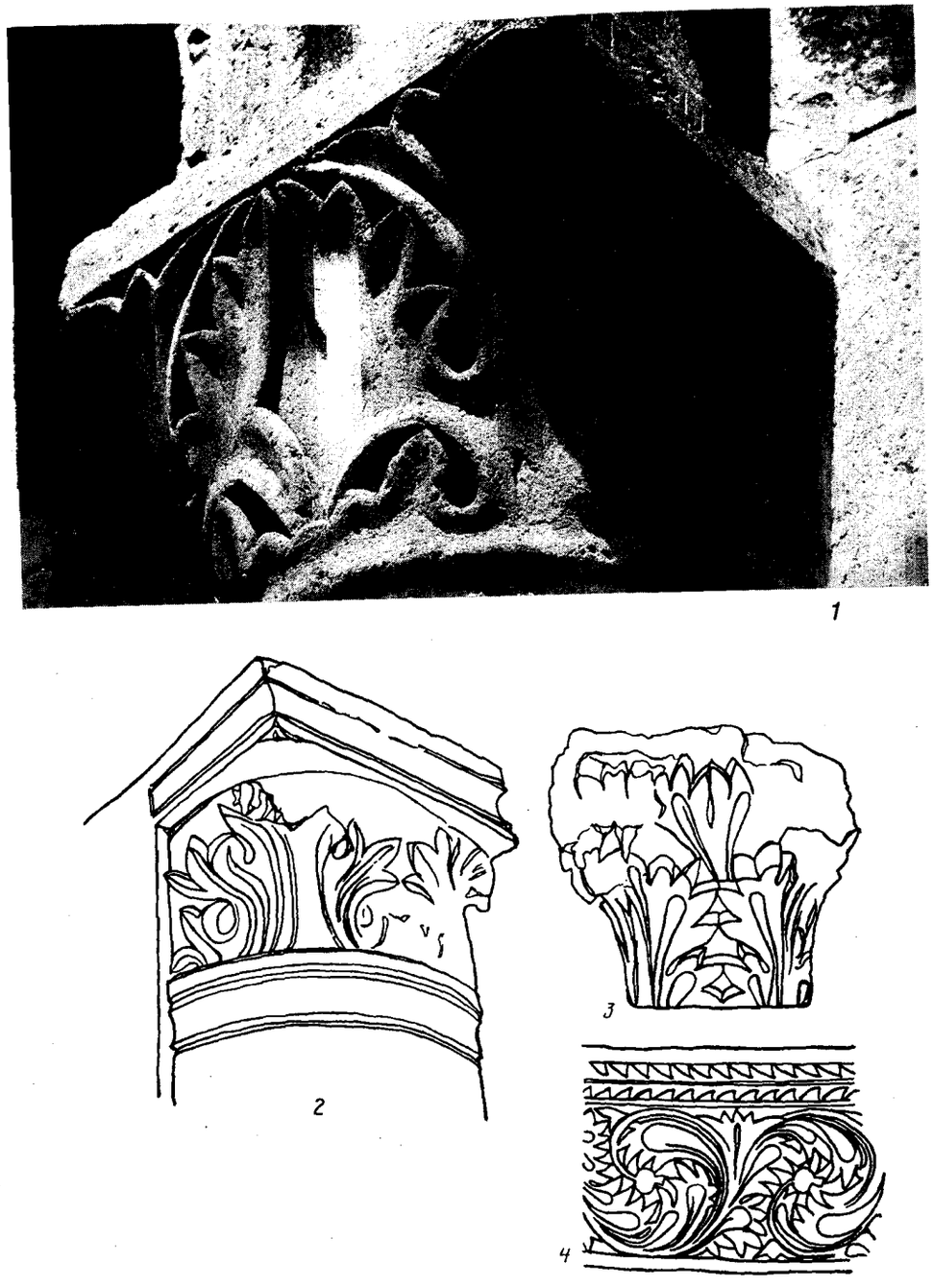
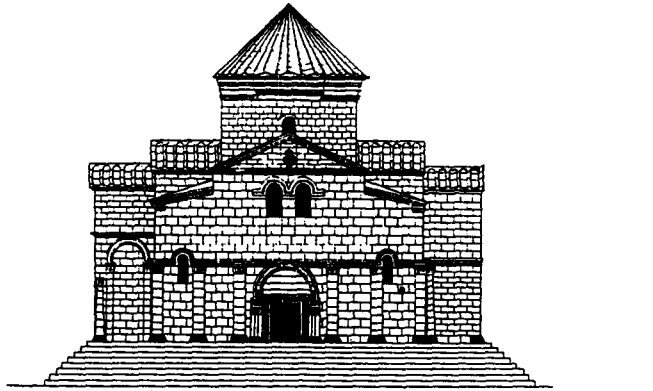
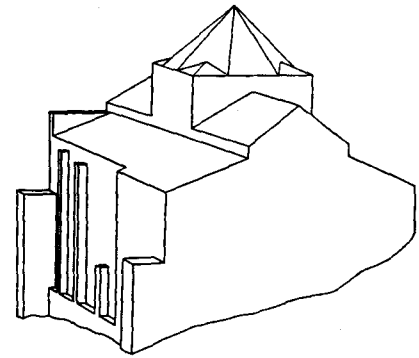


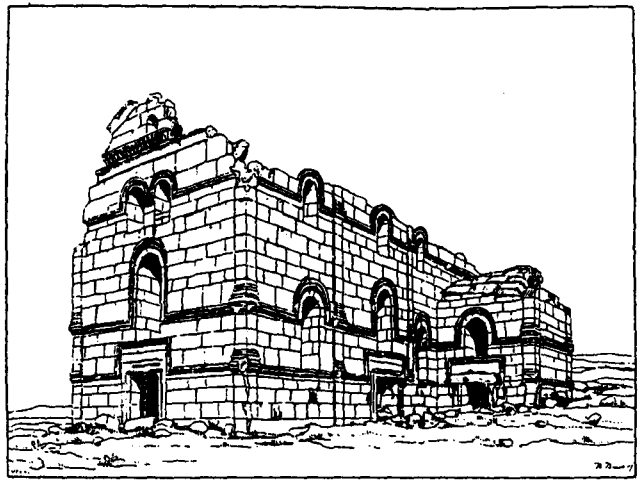
Таблица XI. Мотив аканфа на раннехристианских памятниках: *1* – Ереруйк, капитель портала; *2* – Ягбашлар в Гонориасе (Малая Азия), капитель портала; *3, 4* – Калат Семан, октагон, капитель X496 и фрагмент рельефа восточной базилики



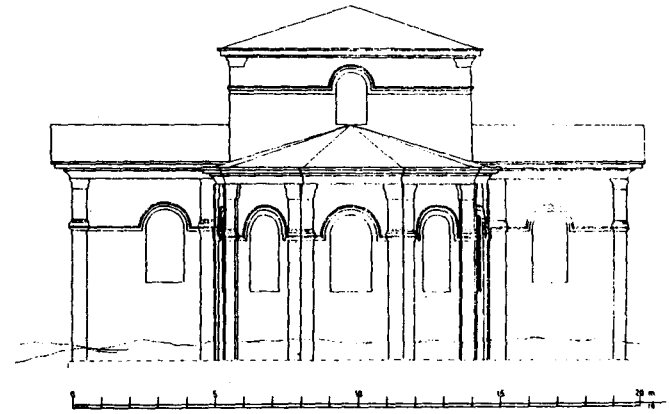
1



2



3



4

Таблица VI. Объемная композиция храмов Армении и Малой Азии второй половины V – начала VI в.: *1* – Текор, западный фасад; *3* – Алахан-монастырь, аксонометрическая реконструкция; *3* – Скупи, вид с юго-запада; *4* – Томарза, восточный фасад

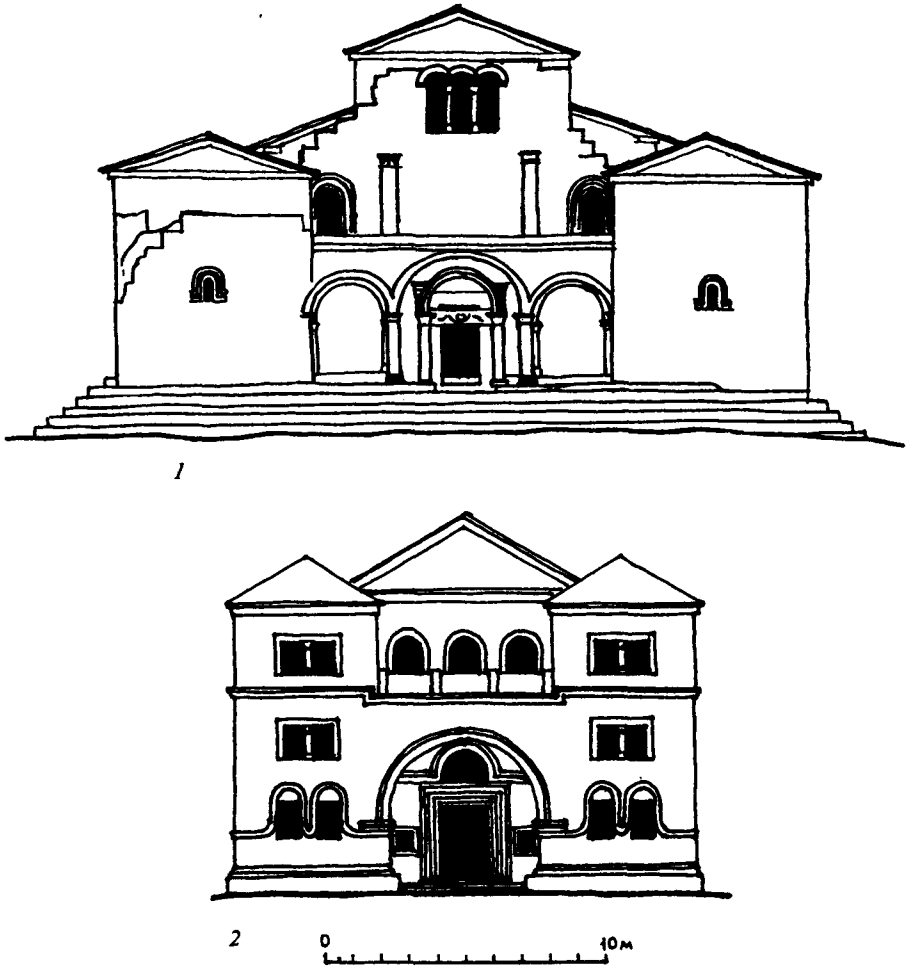


Таблица VII. Западные фасады Ереруйка (*1*) и Калб Лузе (*2*)

ка, гораздо более близкого, чем иранские образцы, – четырехколонного зала (претория или храма) в Мусмийе (164–169)[20].

Нет абсолютного подобия и в формах центральных ячеек армянских и иранских купольных построек, обычно объединяемых наличием в обеих тромповой системы перехода от квадрата к основе купола, в отличие от характерной для Византии парусной. Однако такой принцип классификации не обоснован. В Текорском храме, судя по схеме обмера, имелся вытянутый кверху, яйцеобразный свод с маленькими трompами в его нижних углах. Эта архитектурная форма была установлена на квадратное основание – карниз, проходящий по верху подкупольных арок[21]. Такая фор-

[20] *Hill S.* The "Praetorium" at Musmiye // DOP. 1975. N 29. P. 347–349. Ill. 1–6.

[21] Чертеж схемы купола Текора см.: *Тораманян Т.* Материалы... Рис. 112, 117, 123. Камень с маленьким высеченным трompом, обнаруженный при раскопках церкви Вохчаберда (датируется IV–V вв.), не может свидетельствовать о применении в этой постройке чисто тромпового перехода. Вариант реконструкции с постановкой купола – восьмигранной полусферы на неправильное восьмиугольное основание с короткими сторонами по диагоналям (*Токарский Н.М.* Джрвеж II. Вохчаберд // Археологические раскопки в Армении. Ереван, 1964. № 11. С. 48–70; *Он же.* Архитектура Армении IV–XIV вв. С. 95) не имеет аналогов в Армении, да и в соседних странах. Наиболее вероятным представляется существование тут свода наподобие Текора или, скорее, тромпово-парусного перехода.

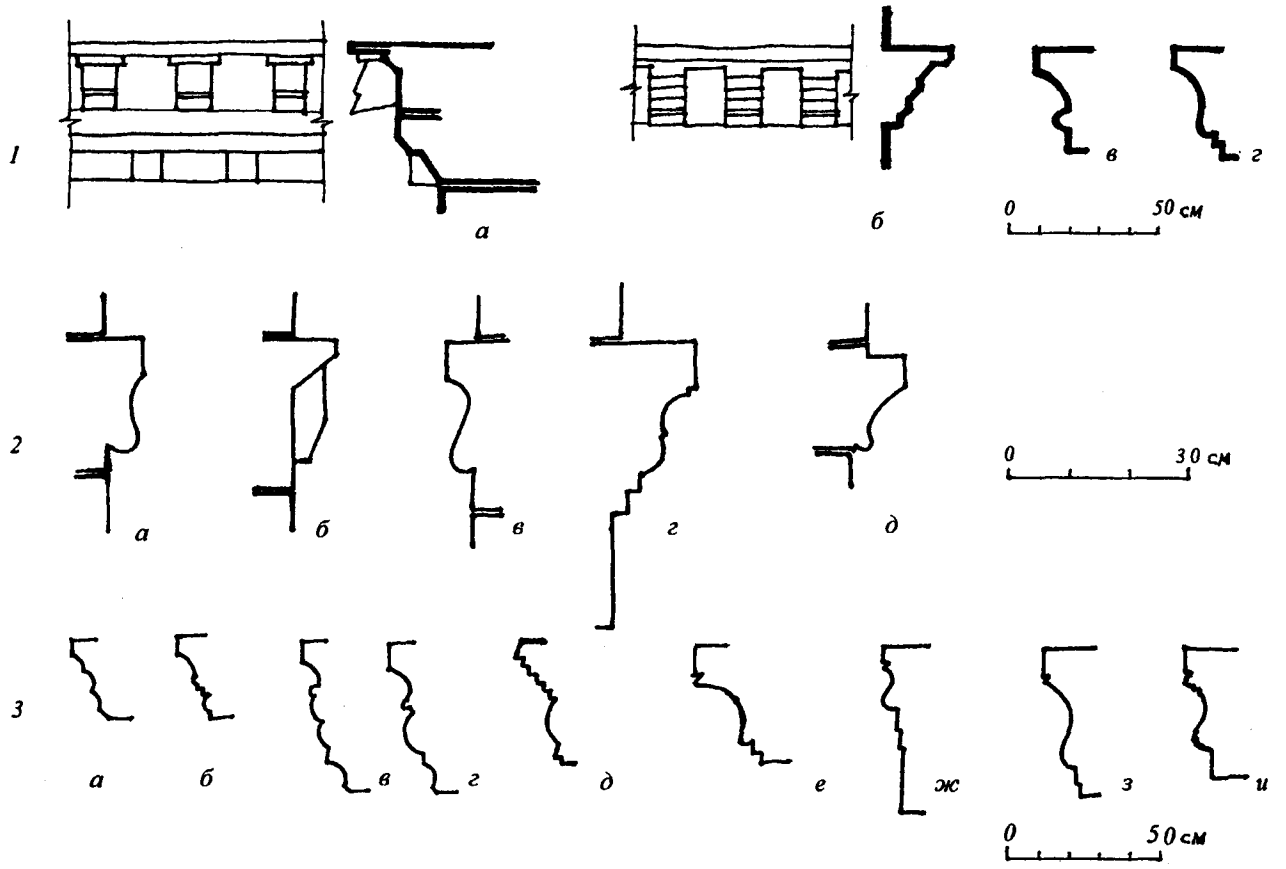


Таблица VIII. Профили карнизов построек V–VI вв. в: *1* – Армении: *а*) Цираначор в Аштараке; *б*) Лернакерт; *в*) баптистерий (?) в Арзни; подобный в соборе Эчмиадзин; *г*) Текор; подобные в Ереруйке и соборе Эчмиадзин; *2* – Каппадокии: *а*) Анатепе; *б*) Чавдарлик; *г*) базилика в Кайсери; *д*) Зют килисе; *3* – Северной Месопотамии (а–д) и Северной Сирии (е–и): а), г) Мар Саба в Алаюрте; *б*) Мерсимекли; *в*) церковь Марии в Диркупе; *д*) Мар Абаи в Дереичи; *е*) Бакирха; *ж*) Турманин; *з*), *и*) Калат Семан

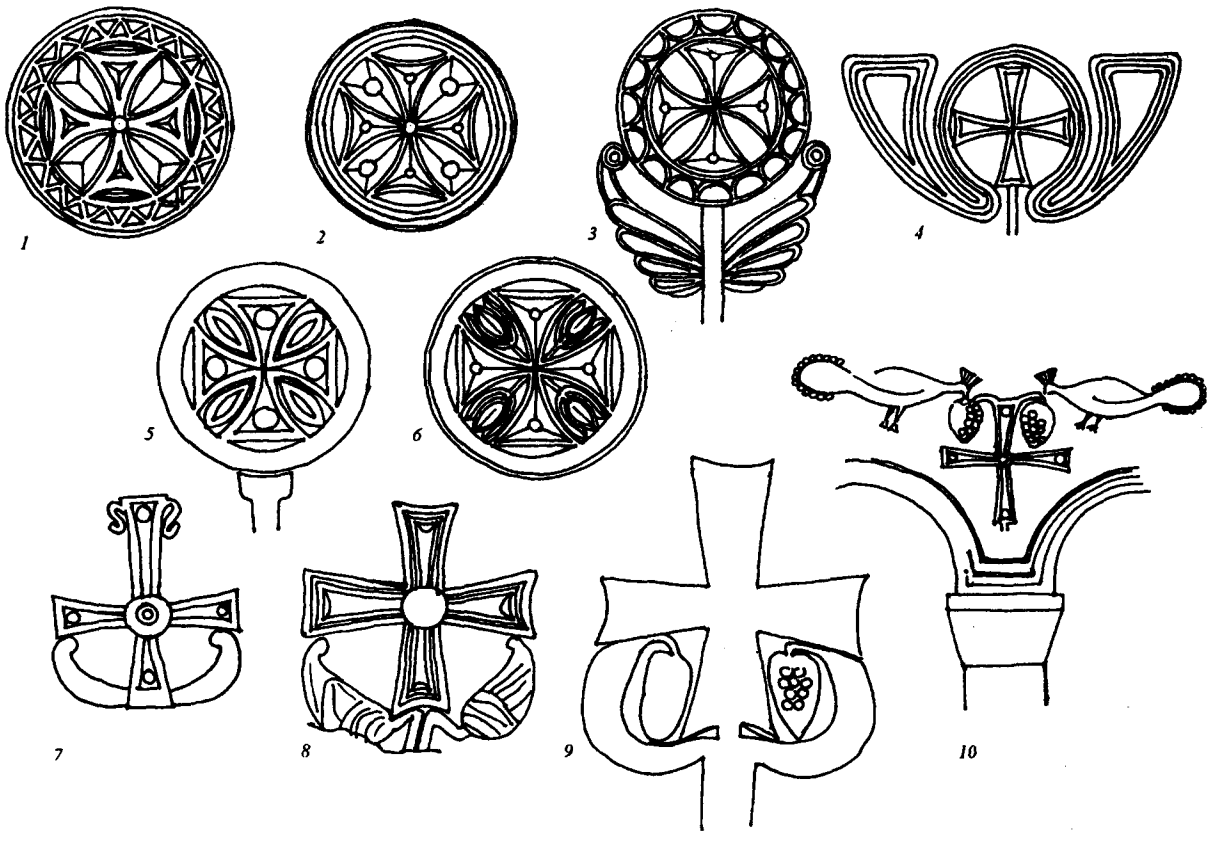


Таблица IX. Рельефные кресты армянских церквей V–VI вв.: *1,2* – Ерурейк; *3, 6* – Цицернаванк; *4* – Аван (в Арагацотне); *5, 7, 8, 9* – Касах; *10* – Цирановор в Аштараке

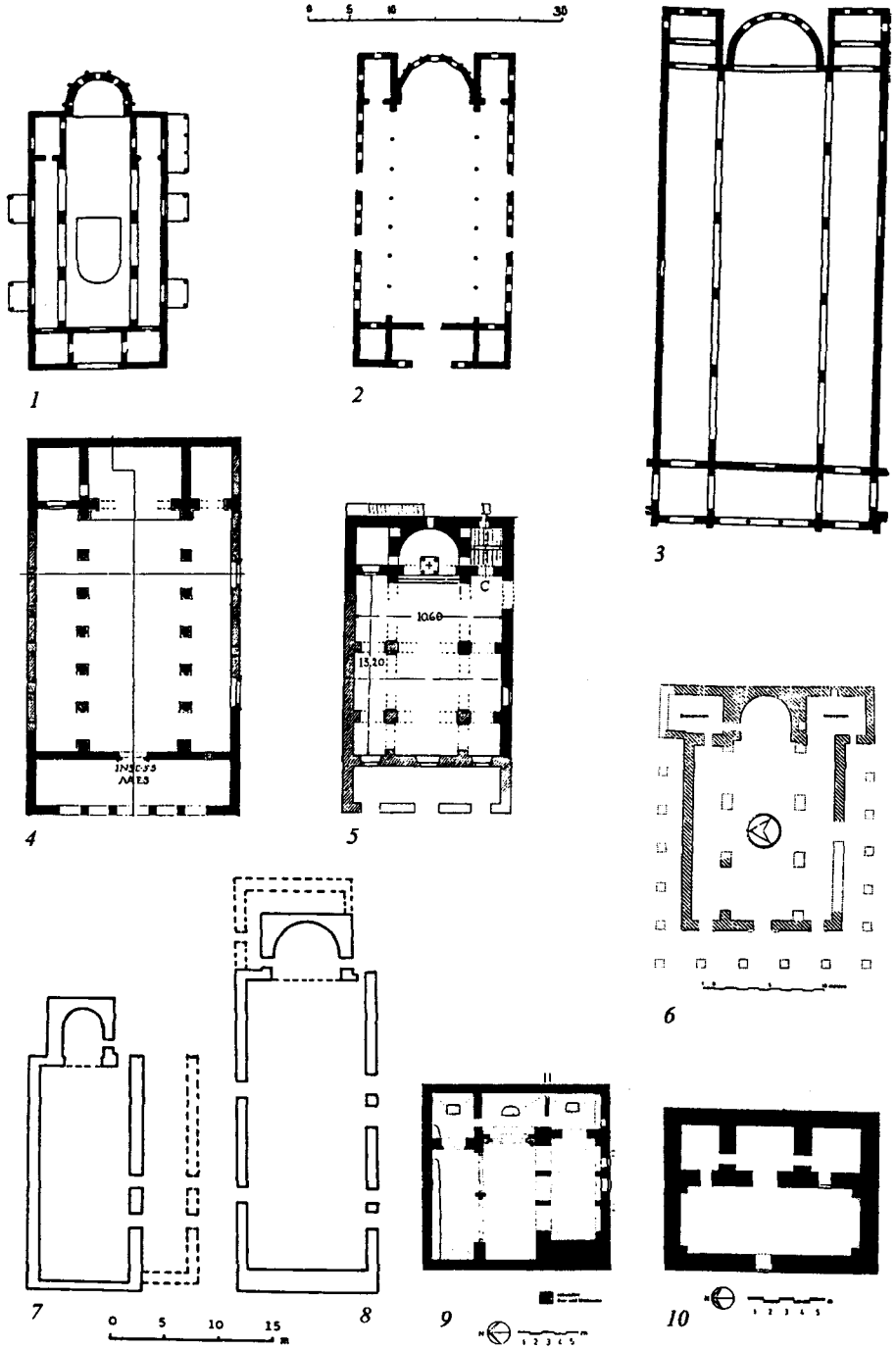


Таблица IV. Планы церквей Сирии (*1–6*) и Северной Месопотамии (7–10): *1* – Калб Лузе; *2* – Турманин; *3* – Керратин (505/6 г.); *4* – Бакирха (546 г.); *5* – ит-Туба (583 г.); *6* – Каср Серидж; *7* – Мар Филоксенос в Мидиате; *8* – Мар Сово в Хахе; *9* – Мар Кириакос в Даргеджите (Кербуран); *10* – Мар Габриел в Избираке

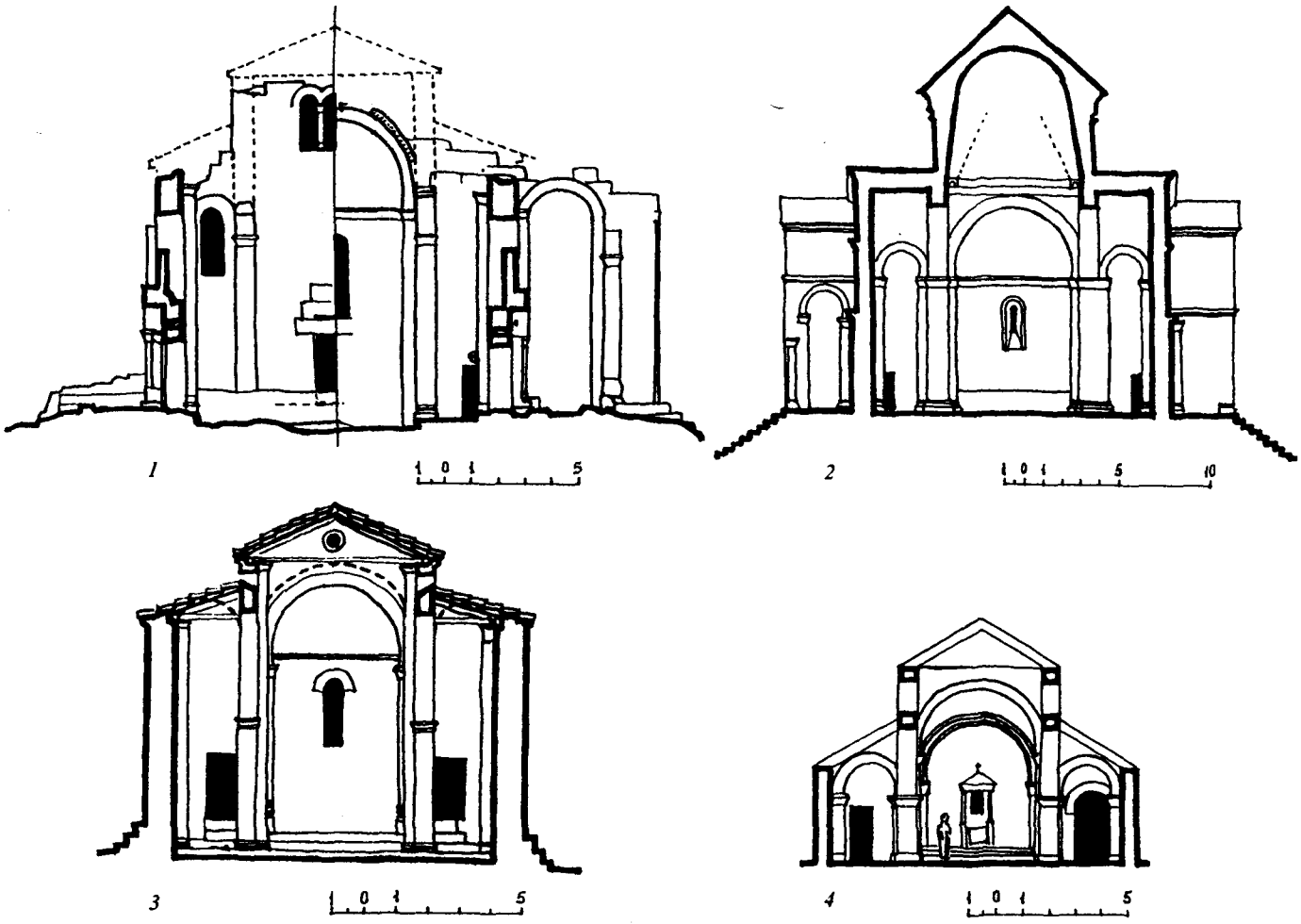


Таблица V. Поперечные разрезы церквей V–VI вв. Армении (*1–3*) и Сирии (*4*) с видом на алтарную апсиду: *1* – Ереруйк; *2* – Текор; *3* – Циранавор в Аштараке; *4* – ит-Туба

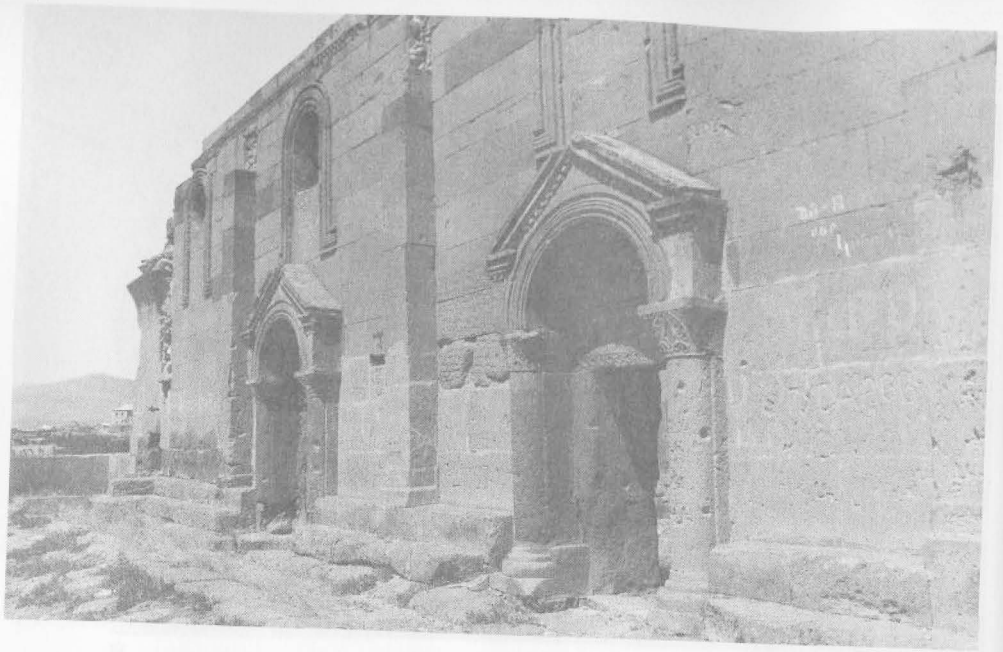


Таблица XII. Вверху. Ереруйк: порталы южного фасада. Внизу. Церковь Циранавор в Парпи. Фрагмент южной стены

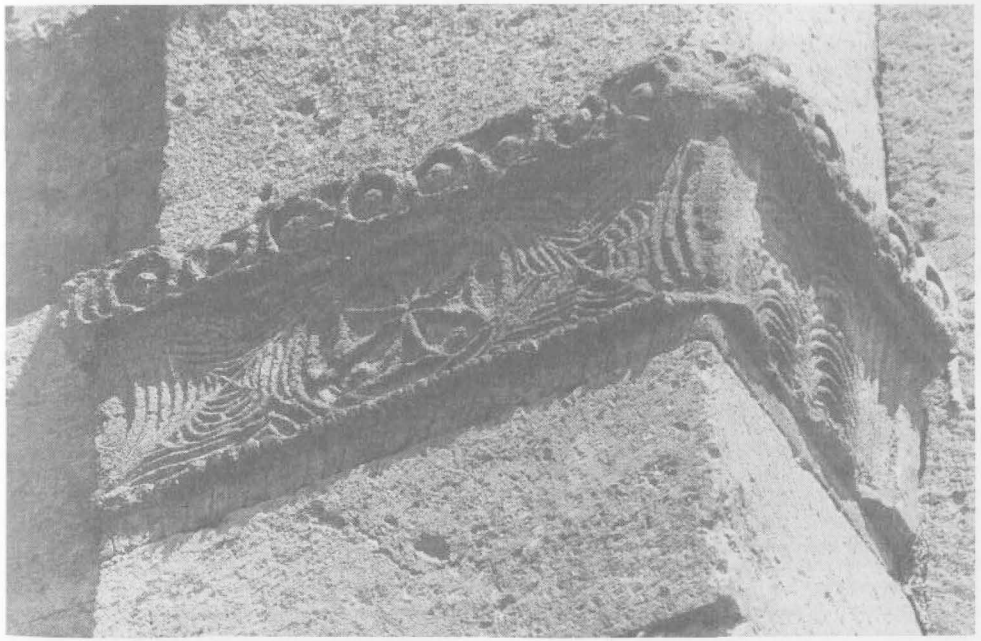


Таблица XIII. Резные капители армянских храмов: вверху – Касах; внизу – Ереруйк

го, возможно, имелось в ряде раннехристианских построек, таких, как восточная церковь Алахан-монастыря (474–491) или церковь в Томарзе (ок. 500 г. или начала VI в.)[25]. Если быть корректными в датировках некоторых армянских памятников[26] и руководствоваться лишь точно датированными образцами, то следует признать, что вначале строились купола на парусном переходе, причем в оригинальных арочно-парусном или трompово-парусном вариантах (Аван, 590-е годы; Рипсиме, 618 г.; Багаран, 624–631 гг.). Трompовая система перехода впервые появляется в храмах 630-х годов (Гаяне, Мрен, Аламан и др.). Более того, такие особенности армянских образцов, как наличие высокого светового барабана под куполом (в первых постройках с большим количеством окон), сближает их скорее с византийскими храмами VI в., имевшими кольцевой ряд окон по низу полусферы купола, чем с тяжелыми, почти глухими куполами иранских построек. Даже армянские образцы с трompами резко отличаются от сасанидских прежде всего своими пропорциями[27]. Отличается и техника кладки трompов в обеих странах. Тот факт, что армянская кладка из клинообразных камней более соответствует конической форме трompов (в Иране выкладывались горизонтальными рядами)[28], свидетельствует не только в пользу независимого использования этой формы в Армении, но и о возможной связи армянских зодчих с позднеантичной и раннехристианской традицией кладки сферических трompов (конх) последовательными концентрическими арками[29]. Создание первых армянских образцов с трompовой системой в 630-е годы, т.е. в период активизации халкидонитских кругов армянской церкви, пользовавшихся покровительством Византии, также ставит под сомнение возможность обращения зодчих к сасанидским образцам. Иные и соотношения пролета куполов армянских храмов к толщине стен купольных квадратов, в результате чего армянские купольные структуры выглядят несравненно более легкими[30].

Еще одно обстоятельство позволяет достаточно четко отрицать возможность непосредственного обращения армянских зодчих к архитектуре сасанидских храмов. Дело в том, что даже архитектура построек восточносирийской церкви, гораздо теснее связанной с реалиями существования в сасанидском государстве и часто пользовавшейся покровительством шахской власти (известны случаи, когда в V–VI вв. из среды епископов этой церкви назначался католикос в Армению), не испытывала на себе влияния четырехстолпных храмов огня. К тому же, при учете имеющихся аналогий армянским образцам сасанидского зодчества, с одной стороны (как выясняется – не очень близких), и раннехристианского мира, с другой, вправе

[25] Об отсутствии в Алахане каменного купола см.: *Gough M.* The Imperor Zeno... P. 203; *Idem.* Excavations at Alahan Monastery, Third Premilinary Report // AS. 1964. XIV. P. 186. О Панагии в Томарзе см.: *Hill S.* The Early Christian Church at Tomarza, Cappadocia. A Study Based on Photographs Taken in 1909 by Gertrude Bell // DOP. 1975. N 29. P. 149–164; *Restle M.* Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens // TIB. 1979. Bd. 3. S. 67–73, 170–171. Датировка Алахана временем императора Зенона по некоторым оценкам слишком ранняя (Op. cit. P. 170; *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965. P. 177–179).

[26] Постройки с куполом на трompах, относимые к концу VI в. (Птгни, Гарнаовит), проявляют стилистическую близость с образцами архитектуры второй половины VII в., что подробно проанализировано в готовящейся к изданию моей статье о купольных залах Армении.

[27] *Antablin F.* The Squinch in Armenian Architecture in the Sixth and Seventh Centuries // REArm. 1984. 18. P. 503–513.

[28] *Strzygowski J.* Die Persische Trompenkuppel. Heidelberg, 1909. Abb. 6, 7; по непонятной причине О. Ройтер представляет технику сасанидских трompов кладкой концентрическими арками (*Reuther O.* Sasanian Architecture... P. 500–503. Fig. 130–131, 152).

[29] Ближайшими к Армении образцами такой кладки трompов являются конха центральной апсиды нимфея в Аммане (Филадельфия) в области Аммонитис Южной Сирии, II–IV вв. (*Butler H.C.* Ancient Architecture in Syria // Archaeological Expedition to Syria in 1904–1905. Division II. Pt. I. Leyden, 1907. P. 54–59. Fig. III37, III38), трompы Кызыл килисе Сиврихисара в Каппадокии (*Restle M.* Studien... Abb. 123) и Алахан-монастыря.

[30] Особенно это ощутимо в храме Мастары: *Brechia Fratadocchi T.* La catedrale di S. Giovanni a Mastara // CCARB. 1973. XX. P. 184–187.

ли мы рассматривать их равноценно, и возможно ли видеть в сасанидских храмах огня такой же источник вдохновения армянских зодчих, как в христианских памятниках Средиземноморья и генетически связанных с ними постройках поздней античности? Равнозначное отношение может выглядеть по крайней мере странным, если учитывать идеологическую общность Армении с христианским миром. Более того, Армения не только граничила и контактировала с разными областями этого мира, где главным образом на базе наследия античности развивалась христианская традиция, но и, являясь составной частью христианской ойкумены, обогащала эту культуру. Особенно цельно и пока слабо поддаваясь делению на нарождавшиеся региональные и национальные школы, христианская культура развивалась в IV–V вв. Поэтому маловероятным представляется версия о формировании зодчества одной из областей христианского мира под активным влиянием чуждой и, по крайней мере начиная со второй половины IV в., враждебно настроенной идеологии, каковой являлся иранский зороастризм, даже в случае тесных политических связей между территориями. Следовательно, имеющееся некоторое подобие между раннехристианскими армянскими центричными храмами и сасанидскими храмами огня не являлось результатом непосредственной взаимосвязи, но может восприниматься в качестве близкого локального проявления общности направлений развития римско-эллинистической и иранской архитектурных традиций.

Вторая, основная группа вопросов, отраженных в статье, связана с уточнением регионов христианского мира, культурные связи с которыми могли в наибольшей мере повлиять на становление новой архитектуры Армении. Развитие монументальной архитектуры всегда тесно связано с историей страны, политической и духовной жизнью общества. Эта зависимость ярко отразилась и на армянском средневековом зодчестве[31]. В дохристианской Армении, по крайней мере в дворцовом окружении Аршакидов, активно развивалась эллинистическая культура, свидетельством чему является, в частности, археологический материал первых трех веков нашей эры[32]. Античная религия Армении вобрала в себя многообразие и специфику древних верований Ближнего и Среднего Востока, но более всего имела родство с малоазийскими культами хеттов и фрако-фригийцев[33]. Как известно из ранних хроник, официальный переход к новой религии в начале IV столетия произошел исключительно резко и, в отличие от пределов Римской империи, сопровождался военными столкновениями христиан с язычниками, массовым разрушением языческих святилищ и воздвижением на их месте крестов. После рукоположения св. Григория Просветителя в епископы в Кесарии каппадокийской последовало активное храмовое строительство: сперва в западных областях Армении, где была основана первая соборная церковь в Аштишате, а затем (после 314 г.) и в восточных преде-

[31] См., в частности: *Асратян М.М.* Армянская архитектура и историко-географические и демографические факторы // ИФЖ. 1996. № 1–2. С. 169–178. Зависимость архитектуры от политического состояния страны отражена также в ст.: *Moeller L.K.* Architectural Style as an Expression of National Integrity // Terzo simposio internationale di arte Armena. Atti. S. Lazzaro; Venice, 1984. P. 434–437).

[32] *Тирацян Г.* Культура древней Армении, VI в. до н.э. – III в. н.э. (по археологическим данным). Ереван, 1988; *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.; Л., 1953. Параллельно, возможно, существовала и культура, не имеющая связей с эллинистической (*Тер-Мартиросов Ф.* Храмовое святилище Ширакавана...). Как считает исследователь, "рассмотрение археологического материала показывает, что принятие христианства в Армении не было одномоментным актом, вызванным субъективными обстоятельствами, но было обусловлено длительным периодом (около 100 лет) развития страны в условиях кризиса античной культуры" (*Он же.* Преддверие христианства в Армении // Международная конференция "Армения и Христианский Восток". Тезисы докладов. Ереван, 1998. С. 56–57).

[33] *Капанцян Гр.* Хеттские боги у армян. Ереван, 1940. Основываясь на некоторых других исследованиях (новейшее из них: *Russell J.R.* Zoroastrianism in Armenia. L., 1987), возможно прийти к заключению о распространенности в Армении, на заре христианизации, зороастризма и о распространенности несохранившихся храмов огня (*Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37–39). Не исключена вероятность гетерогенности армянских культов.

ко в Венеции (XII в.)[61] и штампа эфиопской просфоры[62]. Как антиохийская церковь и миланский храм, так и Эчмиадзин являлись дворцовыми храмами и важнейшими кафедралами и знаменовали собой концепцию единства светской и духовной властей. С другой стороны, древнейшие рельефы собора, представляющиеся одновременными раннему археологическому материалу и находящиеся ныне в кладке его северной стены, возможно датировать концом IV в. В них использован тот же символический числовой ряд, который присутствует в структуре композиции собора, а исходя из своего содержания, эти рельефы изначально принадлежали той же стене северного фасада и фланкировали окно над крещальной купелью. Примечательно, что эти рельефы содержат образы св. Феклы и апостола Павла, история и культ которых своим происхождением связаны с Антиохией и киликийским регионом, а стилистические особенности скульптуры роднят ее с исаврийско-киликийскими образцами[63].

С 20-х годов V в. начинается упадок в жизни страны, сопровождаемый, с одной стороны, упразднением царской власти и иранским владычеством в восточной части Армении, а с другой – укреплением позиций сирийского духовенства. Отсутствие документальных данных о монументальном строительстве той эпохи в некотором смысле свидетельствует о пассивности в этой области.

В то же время, несмотря на главенство в армянской церкви консервативных течений, дело, начатое Маштоцем и Сааком Партевом, было продолжено их учениками, получившими высокое образование главным образом в греческих культурных центрах. С середины 450-х годов оформилось начало так называемой грекофильской школы армянской философии, выражавшейся "...в научно-литературной ориентации на наследие греческой культуры, как мерила духовного развития и образованности" и не имевшей политического оттенка и конфессиональных рамок. Ей принадлежат и наиболее яркие страницы истории армянской философской мысли, и на основе именно этого направления формируется новая армянская культура[64]. Приходится удивляться, что до сих пор не делалось попыток увидеть взаимосвязь между направленностью новой национальной философии и формированием раннесредневекового зодчества Армении. Между тем о существовании такой зависимости говорит не только логика связи архитектуры с общекультурными процессами, но и хронологическое совпадение этапов деятельности грекофильской школы с этапами развития армянского зодчества. Первый мощный взлет национальной армянской культуры приходится на 450–509 гг., связанные с героической борьбой за независимость и с созданием автономного управления в 484 г. Это время, определяемое "золотым веком" армянской культуры, ознаменовано деятельностью Мовсеса Хоренаци, Елише, Лазара Парпеци, Давида Анахта (Непобедимого). Начало этого периода сопровождалось антииранскими восстаниями, нестабильностью ситуации в стране, и не могло оставить значительных следов в архитектуре, но он явился базой для расцвета культуры в 480–510-е годы – в период самоуправления в стране и активного строительства храмов. Концом 484 г. или началом 485 г. можно датировать основательный ремонт Валаршапатского собора правителем (вскоре – марзпаном) Армении Вааном Мамиконяном[65], а

[61] *Grabar A.* L'art de la fin de l'Antiquite. P., 1968. T. 1. P. 282–284, 427. Pl. 61, 62; *Hahnloser H.* Tesoro di San Marco. Florence. 1971. Vol. 2. N 109; *Kalavrezou I.* Luxury Objects // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261 / Ed. by H.C. Evans, W.D. Wixon. N.Y., 1997. А. Хачатрян выдвинул предположение о том, что эта курительница (или реликварий) являлась копией Эчмиадзина или Жерминьи де Пре (*Khatchatrian A.* Sur l'architecture de l'eglise de Germigny des-Prés // Cah. Arch. 1954. T. VII. P. 162. Fig. 2–5).

[62] *Spritzing G.* Lexikon byzantinische-christlische Simbole. München, 1989. S. 61.

[63] *Казарян А.* Древнейшие рельефы собора Эчмиадзин // Исторический вестник. 1999. 2. С. 130–152; 2000. 5. С. 183–198.

[64] *Аревшатян С.С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973.

[65] *Лазар Парпеци.* История Армении. Послание Ваану Мамиконяну / Пер. и коммент. Б. Улубабяна. Ереван, 1982. С. 380–381 (на арм. яз.). Год начала работ совпадает со временем победного возвращения Ваана Мамиконяна в Айрарат летом 484 г. (История армянского народа. Т. 2 / Под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1984. С. 200 (на арм. яз.)).

между 485 и 490 гг. – возведение купольного храма в Текоре[66]. В последней четверти V или начале VI в. была воздвигнута Ереруйкская базилика[67], а также перестроены крупные базиликальные храмы в Аштараке и Касахе и построены многие однонефные церкви[68], в 489 г. строятся усыпальница и церковь в Амарасе[69]. Надо полагать, что строительство конца V – начала VI в. отличалось повышенным качеством и несравненно возросшей техникой, поскольку именно с этого времени до нас дошли относительно лучше сохранившиеся монументальные постройки. Архитектура этого периода послужила прочной основой эволюции местной традиции и национального художественного стиля. Основными факторами, стимулирующими процесс развития армянского зодчества, следует считать наличие в стране атмосферы духовного и интеллектуального подъема и благотворную для строительной деятельности ситуацию 484–509 гг., а вовсе не решения Двинского собора 506 г. и так называемый разрыв связей с византийской церковью, которым все чаще придается первостепенное значение[70]. Созыв этого собора[71] армянских, грузинских и албанских епископов и принятые на нем решения не только не ставили под сомнение отношения с византийской церковью, но и имели цель их упрочения принятием положений Энотикона, поддерживаемого императором Анастасием I[72]. В итоге и ярко развивающаяся армянская культура этого времени продолжала родственные связи с западным соседом[73].

Изучение архитектурных памятников V – первой половины VI столетия выявляет особо тесные связи с зодчеством сопредельных Армении малоазийских земель. Архитектура Киликии, Исаврии, Каппадокии и некоторых соседних им районов многими чертами отличается как от западных областей Малой Азии, так и от Северной и Северо-Восточной Сирии и Северо-Восточной Месопотамии. С зодчеством же Закавказья и, в частности, Армении того времени наблюдается такое сходство, которое позволяет объединить искусство этих двух крупных регионов в единое богатое явление восточно-христианской культурной традиции.

Еще на основе позднеантичной строительной техники в рассматриваемых областях началось формирование нового типа каменной кладки, совмещавшей преимущества бетонных и каменных конструкций и позволяющей значительно экономить средства и рабочее время[74]. Витрувий описывает подобную кладку, являющуюся упрощенной разновидностью кладки "энплектон" и состоящую из трех слоев: двух лицевых и одного среднего, набитого щебнем на растворе[75]. В армянской технике

[66] Датируется согласно строительной надписи. Уточнение датировки: *Высоцкий А.М.* Церковь в Текоре и ее строительная история // II МСАИ. Сборник докладов. Ереван, 1978. С. 43–50.

[67] *Мирр Н.Я.* Ереруйкская базилика. Армянский храм V–VI вв. в окрестностях Ани. Ереван, 1968. С. 24–28.

[68] Например, Циранавор в Парпи. К сожалению, ни одна из них не имеет документированной датировки.

[69] *Асратян М.М.* Архитектурный комплекс Амараса; *Он же.* Амарас. М., 1990.

[70] *Асратян М.М.* Армянская архитектура... С. 171; *Moeller L.K.* Architectural Style... P. 433 и др.

[71] По предположению Н. Гарсоян, двух последовательных соборов, созванных католикосом Бабкеном I в 491 г. в Валаршапате и в 505/6 г. в Двине: *Garsoian N.G.* Was there a Council Val'ars'apat in 491 A.D.? // International Conference "Armenia and Christian Orient". Thesis of Reports. Ереван, 1998. С. 62–63.

[72] История армянского народа. Т. 2. С. 211; *Петросян Е.* История армянской церкви. Ахпатаванк, 1990. Ч. 1. С. 49–50 (на арм. яз.).

[73] Не оказались по началу особым препятствием для этих связей и решения Халкидонского собора. Подчинение его актами Кесарийской кафедры Константинополю – это стало главной причиной разногласий армянской церкви с константинопольской (*Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. С. 358–359) – предположительно могло оказаться причиной корректировки отношений с греческими областями в пользу преимущественного общения во второй половине V в. с киликийско-исаврийским регионом – единственным в Малой Азии, оставшимся под юрисдикцией Антиохии, а также укрепления связей с сирийской церковью.

[74] О строительной технике Армении и кладке, именуемой "мидис", см.: *Тораманян Т.* Материалы... С. 134–141; *Халпахчьян О.Х.* Строительные традиции народных мастеров Армении // АН. 1953. 3. С. 36–73; *Арутюнян В.М.* История армянской архитектуры. Ереван, 1992. С. 104–108 (на арм. яз.).

[75] *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1936. Кн. 2. 7. С. 51.

этого времени характеризуется ориентацией на "западные" ценности и поиском своих, национальных образов в рамках восточно-римской христианской культуры. Во главе этого процесса не оказалось ни представителей духовенства местного происхождения, которые "не смогли полностью расстаться со своим жреческим прошлым – им помешали в этом традиции и местничество", ни сирийцев, которые играли значительную роль в жизни церкви, но которые "никогда не стали национальными [деятелями]: этого не дали им сделать консерватизм и тесная связь с родной сирийской церковью"[47]. Процесс возглавил Саак Партев – потомок Григоридов – рода, носившего традиции греческой церкви и с конца IV в. согласовавшего свои интересы с национальной политикой Армении, создав под кровлей церкви национальную христианскую культуру[48]. Создание армянской письменности Маштоцем в 405 г. явилось фундаментом развития новой армянской культуры. "Для создания своего алфавита Маштоц избрал греческий вариант письма [огласованное, пишется слева направо и раздельно], и порядок букв у него в чем-то совпадает с греческим... Армянская письменность – детище христианизированного эллинизма", – заключает А. Мартиросян[49].

В этот период армянской истории становится ощутимыми связи не столько с Каппадокией, как с расположенными южнее ее малоазийскими и северомесопотамскими областями, а также с северосирийскими центрами. Ярким свидетельством такого сотрудничества служат маршруты поездок Маштоца и его учеников, заказы Маштоца самосатскому греческому каллиграфу Ропаносу (Руфину), графически оформившему буквы армянского алфавита[50], и Федору Мопсуэстскому, написавшему сочинение "О магии персов"[51].

От этой эпохи также не сохранилось точно датированных построек. К концу IV в. относится восстановление Валаршапатского собора католикосом Сааком[52]. Вероятно, в результате этой работы храм приобрел нынешнюю композицию. Несмотря на то что древнейшие фрагменты стен и подкупольные столбы обоснованно относятся большинством исследователей к реконструкции 480-х годов, более древний археологический материал – особенно крестообразные базы под базами нынешних столбов, мозаичные кубики, скорее всего от настила пола, обнаруженные под всей площадью постройки, включая апсиды, а также два ряда кладки грубо обработанными блоками в основе стен V в. (были оценены А.А. Саиняном в качестве основания V в., но поскольку такая практика строительства неизвестна, можно предположить о принадлежности этих рядов более раннему времени) – позволяет выдвинуть гипотезу о раннем существовании структуры четырехстолпного центричного храма с внешним периметром в виде квадрифолия и поперечно вытянутыми пастофориями[53]. Своей плановой композицией, сочетающей четырехстолпную структуру с широким квадрифолием внешней стены, Эчмиадзин примыкает к структурам большого семейства раннехристианских тетраконхов с обходом, первые известные образцы которых относятся к концу IV – началу V в. [Сан-Лоренцо в Милане, ок. 370 г.[54] (совпадение с Эчмиадзином не только формой квадрифолия и размерами его основы: 23,80 м в Милане и 22,55 м (длина) в Эчмиадзине, но и присутствием крестообразных столбов в углах внутреннего квадрата, как и угловых "башенок"); церковь в библиотеке Адриана в Афинах, ок. 400 г.[55], постройка в Акдегирмен-Хююк в Евфратесии, не позднее начала V в.][56]. Возможно, все эти постройки, как и Эчмиадзин, восходили своей иконографией к Золотому октаэдрону, Великой церкви Антиохии, основанной Константином Великим в 327 г. и освященной в 341 г., которую Ю. Клайнбауэр обоснованно реконструирует в виде двойного тетраконха и считает прообразом тетраконхов с обходом Сирии и Северной Месопотамии второй половины V–VI в.[57] Идея подобной реконструкции и возможность интерпретации ее средневековыми зодчими в виде плановой композиции Эчмиадзина II (ок. 400 г.)[58] подтверждаются изучением изображений центричных построек на мозаиках в Екто[59] и на куполе ротонды Св. Георгия в Салониках (ок. 400 г. или первой половины V в.)[60], а также курительницы из Сан-Мар-

---

[47] *Мартиросян А.* Маштоц. С. 26, 27.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 75–107; см. также: *Агаян Э.Б.* Месроп Маштоц. Ереван, 1986. А. Мартиросян убедительно показал независимость акта создания нового алфавита и связь поездки Маштоца в Сирию с решением политической задачи – вероятным получением одобрения своей деятельности от епископов Эдессы и Амиды с целью повлиять на сирийцев в армянской церкви – противников введения богослужения на армянском языке.

[50] *Корюн.* Житие Маштоца. Ереван, 1981. С. 204–205; *Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашьян К.* Потомки Хайка. Ереван, 1998. С. 54–55.

[51] *Мартиросян А.* Маштоц. С. 70–71, 86.

[52] Собрание историографических писаний Самуэла Анийского (Самуэл Анецво авакмунк и гроц патмаграц). Валаршапат, 1893. С. 267); *Мнацаканян С.Х.* Крестовокупольные композиции... С. 49 (считает эту перестройку значительной).

[53] О результатах археологических работ 50-х годов в Эчмиадзине см.: *Саинян А.* Новые данные об архитектуре Эчмиадзинского собора // XXV Международный конгресс востоковедов. Отдельный оттиск доклада. М., 1960; *Sahinian A.* Recherches scientifiques sous les voutes de la cathedral d'Etchmiadzin // REArm. 1966. T. 3. P. 67 ff; *Khatchatrian A.* L'architecture Arménienne... P. 67–100. Fig. 76–107. Большинство исследователей храма полагают, что ранее была иная структура этой постройки, в виде: 1) трехнефной базилики с тремя парами Т-образных столбов (*Саинян А.* Новые данные...; *Он же.* Первоначальный вид Эчмиадзинского собора // ИФЖ. 1966. № 3. С. 71–94); 2) такой же базилики, сокращенной в начале V в. до двух пар столбов (*Мнацаканян С.Х.* Крестовокупольные композиции... С. 38–58. Табл. 30); 3) центрально-купольного четырехстолпного сооружения с крестообразными столбами (соответствующими форме обнаруженных древнейших баз) (*Khatchatrian A.* L'architecture Arménienne...); 4) четырехстолпной центричной композиции с ограждающей стеной в виде широкого квадрифолия, т.е. повторяющей нынешнюю композицию собора, принятую считать произведением 480-х годов (*Григорян В.* Эчмиадзинский кафедрал // Вестник общественных наук АН Арм ССР. 1986. № 7. С. 77–85 (на арм. яз.)) Последняя версия наиболее соответствует совокупности фактического материала. Однако предложенная исследователем датировка древнейших крестообразных баз, других находок и этого варианта композиции эпохой Григория Просветителя не выглядит убедительной (Критику мнения В. Григоряна см.: *Мнацаканян С.Х.* Крестовокупольные композиции... С. 43–51). Вопросы анализа упомянутых и других работ (последняя: *Халпахчьян О.Х.* Кафедральный собор Эчмиадзин в истории архитектуры Востока и Запада // АН. 1996. 40. С. 7–17), новой интерпретации археологического материала, реконструкции и генезиса композиции конца V в. будут подробно исследованы в готовящейся к изданию специальной статье.

[54] *Krautheimer R.* Early Christian... P. 55–57; *Calderini A., Chierici G., Cecchelli C.* La Basilica di S. Lorenzo Maggiore in Milano. Milano, 1951.

[55] *Travles I.* Athen // RBK 1963. Bd. I. S. 364 ff; *Panayotova-Piguet D.* Les tetraconques dans les Balkans et en Armenie aux Ve–VIIe siècles // Terzo imposio Internazionale di Arte Armena. Atti. S. Lazzaro; Venezia, 1984. P. 456. Fig. 12.

[56] *Candemir H., Wagner J.* Christliche Mosaiken in der Nordlichen Euphratesia // Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens. Festschrift für F.K. Dörner. Leiden, 1978. Bd. 1. S. 206 ff. Textabb. 1 Abb. 1–11; *Hild F., Hellenkemper H., Hellenkemper-Salies G.* Kommagene – Kilikien – Isaurien // RBK. 1984. Bd. IV. S. 194, 344–47. Abb. 68.

[57] *Kleinbauer W.E.* The Origin and Function of the Aisled Tetraconch Church in Syria and Northern Mesopotamia // DOP. 1973. N 27. P. 89–114, esp. P. 110–114.

[58] Впервые высказанное предположение (*Казарян А.* Отражение образа "Майр екелеци" (Матери-церкви) в композиции Эчмиадзинского храма // Восьмая республиканская научная конференция по армянскому искусству. Тезисы докладов. Ереван, 1997. С. 71–73) относилось к собору конца V в. Датировка композиции Эчмиадзина концом IV в. укрепляет историческую обоснованность выдвинутой версии о происхождении структуры храма.

[59] *Dynes W.* The First Christian Palace-church Type // Marsyas. 1962–1964. XI. P. 2–4; *Levi D.* Antioch Mosaic Pavements. Princeton, 1947. Vol. 1. P. 323–332. Vol. 2. Ill. LXXX и др. В отличие от установившегося мнения об идентификации изображения небольшой ротонды с "Золотой церковью" Антиохии, имеется гораздо больше оснований считать изображением этой постройки здание в левой части рассматриваемого фрагмента мозаичного бордюра, представляющего комплекс центральных сооружений Антиохии. Именно эта, наиболее масштабная постройка (интерпретируется Д. Леви в качестве образа одной из крупных сирийских базилик), обладающая сходством с изображениями на куполе ротонды Георгия и с условным разрезом "двойного" тетраконха типа Сан Лоренцо в Милане, могла, вероятно, представлять главную церковь Востока.

[60] *Kleinbauer W.E.* The Iconography and Date of the Mosaics of the Rotunda of Hagios Georgios, Thessaloniki // Viator. 1972. 3. P. 27–108.

лах, в частности, в столице страны – Валаршапате (ныне Эчмиадзин). Несомненно, христианство проникало в Армению задолго до его официального триумфа. Тут проповедовали апостолы Фаддей (по Фавстосу Бюзанду) и Варфоломей (по Мовсесу Хоренаци), а христианские общины существовали уже во II–III вв. Возможно, правы исследователи, отдающие ведущую роль проповеднической деятельности сирийцев в это время[34]. В целом выбор Григория Просветителя в качестве основателя официальной церковной организации в Армении и связь ее с каппадокийской церковью были вызваны, вероятно, не столько особой активностью малоазийских проповедников в стране[35], сколько политическими устремлениями и стратегией царя Трдата, основанной на его западной ориентации. Акт принятия христианства был не только революционным, отрицающим старую систему духовных ценностей, но, будучи одновременно вызванным соображениями обезопасить страну прежде всего от становящегося агрессивным сасанидского зороастризма, в некотором смысле являлся продолжением политики предшественников Трдата в их обращении к культурным и духовным ценностям греко-римского мира (что ощущалось даже в периоды соперничества с Римской империей)[36].

Эту особенность исторического выбора (а не только и, возможно, не столько значительность деятельности сирийских проповедников[37]), а также географическое расположение Армении, способной непосредственно контактировать с несколькими цивилизациями Среднего Востока, следует учитывать при изучении истоков архитектуры первых армянских церквей, самые значительные из которых возводились при непосредственном участии царя Трдата и св. Григория[38]. Последнее обстоятельство делает предпочтительной вероятность создания этих построек по образцам Каппадокии. В то же время, армянские церкви начала IV в. должны были иметь монументальный характер, чего нельзя сказать о культовых постройках малоазийских общин, не пользовавшихся официальным покровительством властей. Следовательно, именно в это время могло иметь место обращение к монументальным сооружениям дохристианских культов Армении (от эллинистических до зороастрийских).

С сожалением приходится констатировать отсутствие какого-либо точно датированного археологического материала той эпохи. Не сохранилось ни одного христианского культового сооружения первой половины IV в. как в Армении, так и в сопредельных областях Римской империи. Церкви Валаршапата неоднократно перестраивались, а ранние постройки Западной Армении археологически не изучены.

[34] *Тер-Минасеанц Е.* Отношение армянской церкви с сирийскими церквями. Эчмиадзин, 1908 (на арм. яз.).

[35] Роль греческого миссионерства, возможно, уступала сирийскому (там же. С. 17–31).

[36] История армянской церкви первых ее столетий была нестабильной и часто драматической. Наметившийся уже с самого начала конфликт между царской и церковной властями сопровождался враждой трех крупных епископских родов, претендующих на патриарший престол: потомков Просветителя; происходящих из местного жреческого рода – Альбианидов, и сирийской партией (*Тер-Минасеанц Е.* Отношение Армянской церкви... С. 11 сл.; *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван, 1971. С. 352 сл.; *Мартиросян А.* Маштоц. Ереван, 1988. С. 17 сл.) Соглашаясь с вероятностью версии Н. Адонца о связи восхождения Григоридов на патриарший престол с усилением политической ориентации на Рим (*Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана), А. Мартиросян отметил и культурный аспект проблемы: "Склонность или, скажем, слабость Аршакидов к роду Просветителя была того же свойства, что и Арташесидов – к грекам. Только в первом случае она выражала христианство, а во втором – эллинизм, и последовательные пути эти привели к V в. – к национальному и культурному возрождению" (*Мартиросян А.* Маштоц. С. 24–25).

[37] Е. Тер-Минасянц изолирует деятельность представителей греческой церкви от процесса становления национальной традиции, полагая, что Армянская национальная партия была объединена с "представителями сирийского влияния" и при поддержке Ирана старалась оградить Армению от эллинистического воздействия, создавая независимую национальную церковную организацию (*Тер-Минасеанц Е.* Отношение армянской церкви... С. 11–12).

[38] Агафангела история Армении (Агатангелай патмутюн Хайоц). Тифлис, 1909. С. 400, 424–425, 439 и др. (на арм. яз.).

Предположительно к IV в. относятся некоторые зальные церкви с выступающей, полукруглой снаружи апсидой[39], а также центричные постройки первого Валаршапатского (Эчмиадзинского) храма – по описанию балдахинообразного сооружения Агафангелом (V в.) – и церкви Шалата в Сюнике (306–353) – по описанию Степаноса Орбеляна (XIII в.)[40]. Идея сооружения Валаршапатского храма в виде четырехколонного балдахина, поставленного в центре прямоугольного помещения, имеет корни как в позднеримской (Мусмийе), так и в иранской архитектуре, а в христианской культуре приобрела особый символический контекст, отразившийся и в описании храма Агафангелом. Мы не располагаем какими-либо материальными данными, свидетельствующими об ином облике этого храма. Полное отрицание идеи центричного здания, заложенной в его композицию, невозможно хотя бы потому, что центричными композициями были некоторые первые храмы и мартирии Константина Великого.

Единственным хорошо сохранившимся и точно датированным памятником IV столетия является усыпальница Аршакидов в Ахце (364 г.)[41]. Неоднократно отмечались сирийские аналоги этого сооружения: мавзолеи в Сухани[42] и в Мидж-лейа[43]. Указывая на их подобие, М.М. Асратян подчеркнул отличия армянской усыпальницы: она имеет апсиду с востока и является не подземным сооружением, а лишь слегка углублена в грунт[44]. Мои наблюдения на месте позволили усомниться в первоначальности апсиды: она могла быть пристроена во время ремонта всего комплекса Ахца при возведении соседней с усыпальницей церкви. Аналогичная же в плане, причем наземная мемориальная постройка имеется в Каппадокии, в Вираншехире близ Инчесу[45], стилистически близкая другой римской усыпальнице в Шаре (Кирик килисе), датируемой серединой IV в.[46]

Не исключено, что тяжелые десятилетия отстаивания независимости страны, яростная борьба внутри церкви, распри между армянскими царями и католикосами и трагический раздел страны стали причиной ограниченности монументального строительства в середине – второй половине IV в. Резким подъемом общественно-политической и культурной жизни страны характеризуется конец этого и начало следующего столетия, отмеченные единением царской и духовной властей, их совместной борьбой против иранской экспансии, как политической, так и религиозной. Это время активизации проповеднической деятельности, оно же ознаменовано актом создания армянской письменности. Символом эпохи и всей последующей истории Армении становится автор нового алфавита – Маштоц. В этот короткий период времени был сделан наиболее серьезный вклад в процесс национализации армянской церкви и культуры. В отличие от событий 372 г., когда по воле царя Папа армянский католикос не стал получать благословения на престол в Кесарии каппадокийской, новый этап национализации церкви не сопровождался конфронтацией с Империей и ее институтами. Наоборот, деятельность правящих кругов Армении

[39] *Асратян М.М.* Раннесредневековые зальные церкви с выступающей наружу апсидой // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. М., 1978. 10. С. 109–114.

[40] *Hasratian M.* La coupole dans l'architecture Arménienne aux IVe–Ve siècles // Atti del Quinto Simposio Internationale di Arte Armena. Venezia; S. Lazzaro, 1992. P. 197–205, о церкви в Шалате: P. 198. Fig. 2 (реконструкция).

[41] *Токарский Н.М.* Архитектура Армении... С. 73. Рис. 19а; *Thierry J.M.* Armenische Kunst. Freiburg, 1988. S. 63, 494. Abb. 570–571. Fig. 196.

[42] *Khatchatrian A.* L'architecture Arménienne du IV au VI siècle. P., 1971. P. 93. Fig. 136; *Токарский Н.М.* Архитектура Армении... С. 73. Рис. 19б.

[43] *Khatchatrian A.* L'architecture Arménienne... P. 93.

[44] Из доклада на конференции "Армения и Христианский Восток", Ереван, 1998. Полуподземной первоначально была и усыпальница в Амарасе (*Асратян М.М.* Архитектурный комплекс Амараса (Амараси) чартарапетакан хамалире // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1975. № 5. С. 44).

[45] *Restle M.* Studien... 2. Pl. 56–57.

[46] *Restle M.* Studien... 1. S. 171. 2. Pl. 54–55.

IV–VI вв., именуемой "мидис", ощущается отражение как этого типа кладки, ставшего в последующих веках основным в Закавказье, так и приемов, относимых Витрувием к характеристике греческих мастеров и заключающихся в чередовании ложков с тычками и применении сквозных поперечных камней, "с обеих сторон входящих в облицовку"[76] (армянский пример – Ереруйк).

Несмотря на наличие этих сведений, строительная техника средневековой Армении рассматривалась изолированно от римской традиции[77]. На фоне слабой изученности строительной техники центральных и восточных областей Малой Азии армянская кладка выглядела исключительно уникальной, резко отличаемой от "византийской", под которой имелось ввиду известная техника кирпичной или каменно-кирпичной кладки западного побережья Малой Азии, в наибольшей мере отразившаяся на константинопольском зодчестве. Армянская кладка казалась также близкой к сирийской, а наличие каменного строительства в этих двух странах представлялось доказательством их общности[78]. Однако имеется принципиальная разница между двумя подходами к каменной кладке: 1) с известково-песчаной заливкой посреди толщи стены в Армении и 2) сухой кладкой Сирии, восходящей к более ранней эллинистической традиции. Разница отражается и на конструктивных особенностях построек. Первая, имея цельную для всего сооружения бетонную прослойку, предоставляет расширенные возможности при возведении сложных пространственных структур со сводами, столь характерных для раннесредневековой Армении, но не встречаемых в Северной Сирии, где традиционными являются деревянные перекрытия[79]. Учитывая опубликованный за последние десятилетия богатый фактический материал по памятникам восточных и юго-восточных провинций Малой Азии, следует критически отнестись к традиции противопоставления строительной техники Закавказья и Византии. М. Рестле выделяет большой регион граничащих с Арменией на юго-западе земель с подобной или близкой каменно-бетонной кладкой и указывает на необходимость совместного изучения строительной техники Армении, Грузии и Каппадокии[80]. Примечательно, что если в Каппадокии доминирует кладка из крупных чистотесанных блоков, то в Киликии и Исаврии, как и в Армении, наряду с этим типом кладки использовалась и смешанная, сочетающая элементы чистой тески с фрагментами стен из более мелкого грубо обработанного камня. Близость строительной техники следует считать фактором сотрудничества мастеров отмеченных областей, а с другой стороны, отсутствие в Закавказье памятников с сухой кладкой служит отрицанию предполагавшейся ранее активной деятельности в стране сирийских мастеров[81], как и, впрочем, подобной деятельности армян в Сирии.

[76] Там же.

[77] В.М. Арутюнян видит отличие кладки "мидис" от римской в более активной роли камня (*Арутюнян В.М.* История... С. 105). Однако это заключение вызвано плохим пониманием римской техники, сводимой автором к созданию сплошных известково-бетонных стен с облицовкой их камнем или кирпичом. В реальности римская техника была разнообразнее, ее облицовка обычно выкладывалась заранее, составляя опалубку для заливки поверх внутренних слоев колотого камня (*Шуази О.* Строительное искусство древних римлян / Пер. А.А. Сапожниковой и В.Н. Калиш. М., 1938. С. 16–23).

[78] См., в частности: *Якобсон А.Л.* Армения и Сирия. Архитектурные сопоставления // ВВ. 1976. Т. 37. С. 193. Р. Краутхаймер считал это совпадением провинциального развития римской кладки (*Krautheimer R.* Early Christian... P. 229).

[79] На эту разницу, как на отражение своеобразия армянской архитектуры, указывал, в частности, А.Л. Якобсон: "Конечно, принципиальное различие между сводчатыми армянскими базиликами и сирийскими трехнефными базиликами с деревянным покрытием... слишком велико, чтобы ставить рядом те и другие, но все же следует признать, что армянские зодчие – строители сводчатых базилик – вырабатывали их формы, исходя из архитектуры Сирии, восприняв оттуда самую планировку базилик" (*Якобсон А.Л.* Армения и Сирия... С. 200).

[80] *Restle M.* Studien... 1. S. 137–141. Такая же техника встречается и в других регионах Византии, в частности, Гауране. Подобной кладкой выложены стены мартирия Св. Евфимии в Константинополе.

[81] *Якобсон А.Л.* Армения и Сирия... С. 194. Это распространенное мнение в последнее время находит место и в научно-популярной литературе (*Бусева-Давыдова И.* Искусство стран византийского круга. Армения // Энциклопедия для детей. М., 1997. Т. 7. С. 214–216).

Близость армянской архитектуры с восточно-малоазийской отразилась и на композиционных особенностях храмов IV–VI вв. Эта точка зрения, наиболее отчетливо выраженная Р. Краутхаймером в кратком разделе об Армении его известной монографии[82] и частично отраженная в работах Н.Я. Марра, требует развития, расстановки акцентов и претендует на превращение в новую перспективную концепцию о развитии раннесредневековой архитектуры на христианском Востоке[83]. До недавнего времени господствовало мнение об устойчивых связях армянского зодчества с сирийским, что обосновывалось специфической трактовкой церковной истории и анализом отдельных армянских построек на неполноценном фоне восточнохристианского искусства (в отличие от хорошо изученной в начале века Сирии и части Месопотамии, зодчество многих областей Малой Азии оставалось не раскрытым). Исключительно характерно в этом смысле одно из высказываний Н.Я. Марра: "Первоначально [до конца VI в. – *А.К.*]... христианство в Восточной Армении органически было связано с Сирией, откуда с духовным содержанием церковности притекали, надо полагать, воплощающие его нормы христианского зодчества"[84]. Кроме того, А.М. Высоцкий, указывая на часто искаженное представление, связанное с обозначением арамеев этнонимом "сирийцы", особо выделяет арамейское (северомесопотамское) влияние на раннесредневековую архитектуру стран Закавказья[85]. Однако в последнее время как на уровне исследования А. Тер-Минасян церквей зального типа, так и в монографии Ш. Тер-Геворгяна, отмечено имевшееся в литературе преувеличение роли сирийского зодчества и подчеркнута важность каппадокийской традиции в сложении армянской архитектуры[86]. Поэтому только совместный анализ армянского, восточно-малоазийского и сирийского зодчества середины V – середины VI в. позволит составить более объективное мнение об особенностях архитектурных связей в регионе.

Сравнительный анализ архитектуры исследуемых областей сопровождается затруднениями, связанными с ограниченностью фактического материала и относи-

[82] *Krautheimer R.* Early Christian... P. 129.

[83] Правда, указывая на явные малоазийские параллели, исследователь считал приводимые образцы, в частности, исаврийский храм Ходжа Калеси или восточную церковь Алахан-монастыря, родственной сирийским храмам и в итоге делал заключения о главенстве сирийских истоков армянской традиции (*Марр Н.Я.* Ереруйкская базилика... С. 32–33). Для А.Л. Якобсона также культурные или архитектурные связи Армении с Малой Азии служат дополнительным аргументом в пользу сирийского влияния (*Якобсон А.Л.* Армения и Сирия... С. 193–194, 200).

[84] *Марр Н.Я.* Ереруйкская базилика... С. 29–30. Ярким выражением того же мнения являются следующие высказывания: "Подобно тому, как письменность и первые литературные произведения были внесены в Армению первыми проповедниками христианства на Востоке – сирийцами и местными деятелями сирофилами, так и первые архитектурные памятники носят чисто сирийский характер с выступающими иногда и местными ирано-сасанидскими чертами (особенно в орнаментации). Безусловно следует отказаться от мысли, что первыми насадителями христианского зодчества в Армении были византийцы". (*Орбели И.Я.* Армянское искусство // Новый энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1911. Т. 3. С. 665); "Всеобщее распространение христианства, пришедшего в Армению и Грузию из соседней Сирии, вызвало интенсивное строительство храмов" (*Якобсон А.Л.* Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества // СА. 1970. № 4. С. 42; см. также: *Он же.* Армения и Сирия... С. 193–194, 206).

[85] *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 40. Об архитектуре византийской и иранской частей Северной Месопотамии см.: *Hellenkemper H.* Kirchen und Klöster in der Nördlichen Euphratesia // Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens. Festschrift für F.K. Dörner. Leiden, 1978. Bd. 1. S. 389–414; *Wießner G.* Nordmesopotamische Ruinenstatten // Göttinger Orientforschunger, II. Reihe. Bd. 2. Wiesbaden, 1980; *Van Berchem M., Strzygowski J.* Amida. Heidelberg, 1910; *Bell G.L.* The Churches and Monasteries of the Tur Abdin // Amida. Heidelberg, 1910. S. 224–261; *Leroy J.L.* L'état présent des monuments chrétiens du Sud-Est de la Turque (Tur Abdin etenvirons) // Académie des inscriptions et belles-lettres (1968), P., 1969. P. 478–493 и др.

[86] *Ter-Minasian A.A.* Armenian Early Medieval Aisleless Churches // Atti del quinto simposio internationale di arte Armena, 1988. S. Lazzaro; Venezia, 1991. P. 249–259; *Der-Kevorkian Ch.* Affinites de l'architecture paleochretienne d'Armenie et de Syrie. Erevan, 2000 (на арм. яз. с франц. резюме). Последнее исследование является наиболее полноценным сопоставлением зодчества двух стран, выводы которого во многом совпадают с нашими. Монография опубликована перед самым изданием настоящей статьи и я вынужденно не останавливаюсь на ее деталях.

тельностью многих датировок. Ни один из армянских храмов не имеет совершенно близких аналогов в зодчестве региона. То же самое можно констатировать относительно архитектурных памятников Исаврии, Каппадокии, Сирии, что свидетельствует в первую очередь о разнообразии архитектурного творчества и об отсутствии жестко устоявшихся схем даже на уровне иконографии плана. В то же время, обнаруживается удивительно много схожих черт среди построек как однотипных, так и разного типа.

1. Особенности литургического устройства храмов. Практически ничего не известно об устройстве алтаря ранней армянской церкви. Как и в Малой Азии, алтарная апсида фланкируется двумя пастофориями, идентичными по облику и оформлению, либо храм не имеет дополнительных восточных помещений. Под алтарем иногда устраивается сводчатая крипта с захоронением почитаемого мученика, что имело распространение и в Константинополе[87]. В церквях Северной Сирии того времени наличие пастофориев было обязательным явлением, причем один из них был дьяконником и имел обычный дверной проем, тогда как второй, чаще всего южный, служил мартирием и открывался в пространство храма широким и высоким арочным проемом. Почти во всех рассматриваемых областях пространство храма было обычно продольно спланированным. Исключение составляет группа церквей Северо-Восточной Месопотамии, отличающихся поперечно вытянутым наосом. В Армении, как и на востоке Малой Азии, не известны амвоны посреди среднего нефа, который, будучи свободным, предоставлялся, вероятно, прихожанам. В то же время в Армении не обнаружены характерные для Сирии экседры для клира, устраиваемые в центре или в западной части среднего нефа и обращенные к алтарю[88]. В Армении исключительно мало примеров прямоугольных алтарных пространств[89], тогда как прямоугольные апсиды характерны для сирийского и месопотамского зодчества. Редкой особенностью двух армянских храмов – Аштаракской и Касахской базилик – является четырехуровневый настил пола со ступенчатым повышением его с запада на восток[90]. В армянской церкви Сурб Мариам в Артике (V–VI вв.) поперечные рукава крестообразной композиции снабжены с востока малыми апсидами. Подобное трехапсидное решение имеет Алахан-монастырь и Большая церковь extra muros (VI в.) Корикоса[91]. В той же киликийской базилике можно встретить распространенное в Армении (Ереруйк, Текор, Артик и памятники VII в. в Талине, Одзуне, Хневанке и др.) явление – завершение наружных боковых галерей апсидами.

2. Особенности планово-пространственной композиции. В Армении и Малой Азии одновременно существовали традиции возведения как базиликальных, так и центрально-купольных храмов. В северосирийских областях центричных построек значительно меньше, и большинство из них приходятся на конец рассматриваемого периода. Крестообразность и крестово-купольность армянских церквей сравнима прежде всего с каппадокийскими храмами в Томарзе, Бузлуке у Перзека и др. В них, как и в Артике, пространственные зоны-ячейки простого крестообразного

[87] *Арутюнян В.М.* История... Табл. 46 (по М.М. Асратяну), 47; *Mathews T.* Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. Univ. Park; L., 1971. Fig. 5, 8 и др.

[88] *Lassus J., Tchalenko G.* Ambons syriens // Cah. Arch. 1951. T. V. P. 75–124.

[89] *Асратян М.* Архитектура грузинских и армянских церквей с прямоугольным внутри алтарем. Тбилиси, 1977. Нет ни одной такой церкви с точной датировкой доарабским временем. К тому же, приводимая в качестве характерного примера церковь около Сарнахпюра следует отнести к VII в., а форма ее первоначального алтаря неизвестна (*Казарян А.* Замечания о раннесредневековых малых центрально-купольных церквах / Науч. конф., посвящ. 90-летию акад. Р. Заряна. Тез. докладов. Ереван, 1999. С. 23–25 (на арм. яз.)).

[90] *Акопян М.* Церковь Циранавор Аштарака и ее основные строительные этапы // Ушардзан. Ереван, 1993. 2. С. 22–37. Черт. 1, 4 (на арм. яз.).

[91] *Hild F., Hellenkemper H., Hellenkemper-Salies G.* Op. cit. S. 218–221, Abb. 15; *Herzfeld E., Guyer S.* Meriamlik und Korikos. P. 150–154.

плана подчеркнуты резко выступающими мощными пилястрами, поддерживающими подпружные арки сводов и арки купольного куба. Текорский храм близок восточной церкви Алахан-монастыре не только распределением пространственных зон, но в большей мере пропорциями и абсолютными размерами наоса: 19×12 м (60×40 футов) в Алахане и 19×14,48 м в Текоре. Пропорции наосов армянских базилик (Ереруйка, Касаха, Аштарака и др.) стабильно имеют соотношение 1×2. Только базилика Ахца компактна и походит на структуру центричного четырехстолпного сооружения. Армянским храмам чуждо разделение на нефы аркатурами на круглых колоннах, что характерно на раннем этапе базиликам всех рассматриваемых областей. Большинству армянских базилик свойственна крестообразная форма областей. Большинству армянских базилик свойственна крестообразная форма столбов, реже встречается Т-образная. Разделение пространства столбами практиковалось и в постройках с деревянным перекрытием. Вне Армении крестообразные столбы применимы редко и только в центричных постройках Каппадокии и Месопотамии. Выступам таких столбов соответствуют пилястры на продольных стенах постройки – характерная особенность армянских базилик. Однако для базиликальных построек во всех соседних областях, где появление столбов было связано с переходом к сводчатому строительству или к желанию увеличить пролеты продольных арок, характерны квадратные или прямоугольные (Сирия) в плане столбы.

Археологические поиски в Аштараке и Ереруйке установили наличие в этих храмах повышенного освещенного среднего нефа[92], что разрушило теорию о распространении в Армении темных сводчатых сооружений с внешним покрытием единой двускатной кровлей на подобии базилик Бинбир килисе в Малой Азии[93]. Апсиды имеют в плане две основные формы: с подковообразным очертанием (Эчмиадзин, Текор, Касах, Аштарак, Цицернаванк, Ахц), схожим с апсидами многих каппадокийских построек, и с полукруглым, с прямо удлиненными концами, контуром (Текор, Ереруйк), имеющим аналогии в зодчестве как Сирии, так и Малой Азии. Форма пастофориев обычно прямоугольная, узко вытянутая в поперечном направлении (Эчмиадзин, Текор, Двин, Ереруйк). Эта форма вместе со структурой Текорского храма связывается Н.М. Паглазовой с композициями укороченных северосирийских базилик в Каср Серидж и Эль-Бара[94]. Аналогичны и пастофории короткой базилики Диокесарии в Киликии (церковь у театра)[95]. Однако эта особенность Текора и других армянских храмов, кажется, восходит к ранней базилике Двина (не позднее середины V в.) и Эчмиадзину конца IV в. Именно временем около 400 г. датируется церковь Марии в Эфесе с такими же пастофориями и со слегка выявленной снаружи апсидой[96], как в армянских образцах. С постройками Малой Азии, в частности с церковью № 32 (VI в.) Бинбир килисе, перекликается и планировка Ереруйка, имеющего отдельные западные помещения, примыкающие к углам наоса. В отличие от сирийских церквей Калб Лузе (середина V в.), Дейр Турманин (VI в.), Керратин (505/6 г.)[97] и др., с которыми обычно связывали появление армянского образца, эти помещения не представляют собой продолжений боковых нефов, что особо сказывается на разнице композиций западных фасадов.

Влияние архитектуры Северной Месопотамии на армянскую можно усматривать лишь в отдельных памятниках на сопредельных с Месопотамией территориях

[92] См. в частности: *Акопян М.* Церковь Циранавор Аштарака...

[93] Приходится только сожалеть, что в таком неприглядном виде недавно отреставрирована, точнее, перестроена Касахская базилика.

[94] *Паглазова Н.М.* Архитектурные связи раннесредневековой Армении и Византии на примере Текорского храма // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. С. 843–844.

[95] *Hild F., Hellenkemper H., Hellenkemper-Salies G.* Op. cit. S. 244. Abb. 26.

[96] *Krautheimer R.* Early Christian... P. 80. Fig. 27.

[97] *Butler H.C.* Early Churches in Syria / Ed. and comp. by E. Baldwin Smith. Princeton, 1929. P. 71–72, 94–96, 158. Ill. 98, 169, 193M.

(в Тухе, Хнцоргине, Пашваце, Огеацванке)[98]. Однако распространение такого влияния на армянские зальные церкви с нишами вообще (А.М. Высоцкий) противоречит данным нового исследования Г. Коха, согласно которым месопотамские церкви первоначально имели вид удлиненной залы с деревянным перекрытием и приобрели пилоны (образовавшие ниши в продольных стенах) позднее, при перестройке в сводчатые сооружения. Планы Г. Белл не учитывали этих этапов строительства[99].

3. Пропорции и художественные особенности интерьера. Пропорции высотного построения армянских и малоазийских базиликальных храмов схожи. Они близки также балканским образцам. Основной пропорциональный строй задает апсида, соотношение высоты которой (до пяты арки) к ширине – 1×1 (в Аштараке и Ереруйке более вытянутая кверху). Высота арок продольных аркатур находится чуть ниже вершины апсидной конхи. Если в византийских храмах это расстояние занимала двухъярусная аркатура (или колоннада), то в армянских базиликах – одноярусная аркатура на высоких столбах, почти достигающих капителей апсиды. При этом высота нефа сохранялась. В сирийских базиликах один ряд с круглыми колоннами определял высотное построение нефа. Чуть выше капителей этих колонн начиналась конха апсиды. Структура эта идентична армянской, но более низкие по сравнению со столбами колонны сирийских церквей привели к пониженным пропорциям апсиды и нефа. Такая пропорция стала традиционной и при переходе к широким аркатурам на столбах с сохранением прежней высоты арок привела к понижению (примерно вдвое) высоты опор аркатуры. Это отличие между армянскими и сирийскими базиликами существенным образом сказалось на разнице в выразительности внутреннего пространства. Армянским храмам свойственна строгость, граненность и геометричность форм интерьера в сочетании с пластичностью и четкостью исполнения арок и сводов. Все это придает пространству храма исключительную величественность. Эти же качества свойственны и сирийским интерьерам. Однако в них благодаря понижению перекрытий усилена жесткость ритма и взаимная обусловленность ахритектурных элементов. Вся пространственная структура особенно материальна и осязаема. Строительная техника сухой кладкой обусловила частую постановку подпружных арок на консолях (в армянских базиликах эти арки имеются лишь над столбами), что создает в перспективе нефа поперечную полосатость свода. Все это, в том числе и приземистость столбов, способствует усилению ощущения мощи и земной материальности. Еще более оно свойственно постройкам с обильным резным декором и богатой профилировкой не только апсидной, но и всех продольных арок. Армянским базиликам характерен спокойный, непринужденный, мерный ритм небольшого числа устремленных ввысь столбов, пластично завершаемых рядами арок. Высоко поставленный свод лишь слегка входит в рамки перспективного обозрения. Движению взгляда в продольном направлении не мешают редкие подпружные арки, намечающие лишь пространственные зоны. Этими качествами армянская базилика исключительно специфична и своей величавостью сопоставима с греческой и с монументальной архитектурой малоазийского побережья.

4. Особенности экстерьера. Внешний облик армянских храмов на редкость близок исаврийским и каппадокийским постройкам[100]. Во многом это определено единой строительной техникой и материалом. Не меньшую роль играют пропорции объемов, такие характеристики экстерьера, как компактность композиции, лаконичность общих форм и использования декоративного убранства. Значительное сходство усматривается между объемными решениями Текора, Алахана, Даг Пазари, Томарзой, и другими постройками. Визуальное сходство обусловлено четкой граненностью объемов, щипцовым завершением средних зон фасадов, степенью наклона кровель, формой и соотношениями вырастающего из средокрестия или середины композиции мощного кубовидного объема с пирамидальным покрытием. В Алахане и Даг Пазари, как и в Текоре и ряде армянских храмов, встречается редкий прием обработки почти глухих фасадов пилястрами. Еще большее сходство имеется между простыми композициями однонефных зальных церквей Армении и Каппадокии. Пятигранность апсид многих церквей этих областей и Исаврии усиливает подобие между ними (церкви в Ферхатли, в Акёрен I, Апостолов в Аназарбосе[101], Едикапулу, Тилкёй, Чардаккёй, Экси Андавал, Панагия Гёреме, Бузлук у Перзека, Кизил килисе в Сиврихисаре, Скупи, Томарза и др.)[102]. Другая, не менее часто встречаемая черта армянских построек – скрытость апсиды за внешним, прямоугольным в плане объемом церкви, в начале нашего столетия считавшаяся типичным вариантом армянских храмов и относимая к сирийскому влиянию, имеет аналогии как в Сирии, так и в архитектуре малоазийского побережья. В то же время в Сирии V–VI вв. возводится множество храмов с полукруглой апсидой, оформленной выразительной, чаще всего двухъярусной колоннадой[103]. Возможно, связям с малоазийской архитектурой обязана разработка в Армении некоторых специфических решений. Среди них – горизонтальные профилированные пояса, проходящие по основанию апсиды или ее окон, как в Касахе (Фертахли, Акёрен I, Касталаун или Кара килисе в Эски Феке[104] и каппадокийские церкви в Чардаккёй и Скупи[105]); пристенные аркатуры на сдвоенных полукронах с окнами под арками (базилика в Флабиосе (Кадирли) начала VI в.)[106], распространившиеся в Армении в VII в., но, возможно, имевшие ранние, одновременные с малоазийскими, примеры, спаренные бровки над окнами (на том же памятнике[107], на храмах Апостолов и Аназарве[108], Фертахли, в близких Текору вариантах – на каппадокийских памятниках). В киликийском регионе, а именно в базилике Окюзлю близ Себастии[109], можно обнаружить аналогию такому редкому композиционному элементу, как надапсидная аркатура на колонках, сквозь которую проникает в храм таинственный мистический свет. В Армении такое решение сохранилось в Цицернаванке[110].

При сопоставлении фасадных композиций особый интерес представляет рассмотрение ряда памятников, объединенных пышностью оформления стен и получивших распространение в последней четверти V – первой половине VI в. во многих восточно-христианских областях. Фасады разнотипных построек, решенные в рамках этого стиля, отличаются двух или трехъярусным членением широкими полосами профилированных карнизов, пластично огибающих поверху оконные проемы. В одном или двух ярусах стены украшают плоские пилястры. Соответственно парадно оформлены порталы. Появление именно этого стиля в Армении связывалось с

[98] *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 49–50.

[99] *Koch G.* Probleme des nordmesopotamischen Kirchenbaus: die Längstonnenkirchen im Tur 'Abdin // Studien zur spätantiken und frühchristlichen Kunst. Wiesbaden, 1982. Bd. 6. S. 117 ff; *Wießner G.* Christliche Kulturbauten im Tur Abdin. Teil II // Göttinger Orientforschungen, II. Reihe. Bd. 4. Wiesbaden, 1982. Очевидность поздней перестройки основана не только на автономном характере пилонов, вне связи со стенами, но и на их возведении в другой, каменно-кирпичной византийской технике.

[100] Общие черты этих памятников, отмечая обусловленность подобием строительной техники и декоративным убранством, указывались в литературе (*Паглазова Н.М.* Указ. соч.).

[101] *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien // TIB. 1990. Bd. 5. Abb. 176 (Ferhatli), 31–34 (Akören I); *Gough M.* Anazarbus // AS. 1952. II. P. 116–118. Fig. 7 (план).

[102] Отмеченные каппадокийские постройки см.: *Restle M.* Studien... 2. Plane 7–9, 12, 14–15, 16–19, 20–21, 27–29, 35–38, 39–41, 42-44 und Abb. 3, 11, 17–18, 41, 52, 110, 132, 134.

[103] *Biscop J.-L., Sodini J.-P.* Qalat Semân et chevets à colonnes de Syrie du Nord // Syria. 1984. 61. № 3–4. S. 267–330.

[104] *Hild F., Hellenkemper H.* Op. cit. Abb. 176, 31–34, 135.

[105] *Restle M.* Studien... 2. Plane 15, 41.

[106] *Hild F., Hellenkempere H.* Op. cit. Abb. 335.

[107] Ibid. Abb. 332–334.

[108] *Gough M.* Anazarbus. Fig. 8.

[109] *Hild F., Hellenkemper H.* Op. cit. 2. Abb. 322–323. S. 369.

[110] *Cuneo P.* La basilique de Tsitsernavank (Cicernavank) dans le Karabach // REArm. 1967. 4. P. 203–216. Fig. 10, 11; *Асратян М.С.* Цицернаванк // ИФЖ. 1980. № 2. С. 39–56.

сирийским влиянием. Однако новые исследования заставляют пересмотреть традиционные взгляды. С. Хилл считает аналогичные каппадокийские постройки (яркий образец – церковь Панагия в Томарзе) явлением, параллельным сирийскому, а происхождение обеих групп памятников относит к деятельности исаврийских строителей, активность которых в Малой Азии и антиохийском регионе отмечал К. Манго[111]. М. Рестле предлагает возможность начального развития этого стиля в Каппадокии, считая прообразом римскую гробницу в Комане (первая половина или середина IV в.), а первыми образцами базилику в Кайсери (середина V в.) и крестообразные церкви в Скупи (конец V в.) и Томарзе (ок. 500 г.)[112]. Так или иначе, каппадокийский или исаврийский импульс в развитии этого стиля в Армении представляется вполне вероятным как по причине аналогии в строительной технике, так и в связи с тем,что и Скупи, и Томарза, и Текор являются крестообразными постройками (последнее сопоставление не противоречит мнению о генетических связях Текора с Эчмиадзином). В Текоре и Томарзе применен и идентичный прием полихромного оформления фасадов путем замены цвета камня примерно с середины фасадной кладки. В этих же памятниках и в некоторых других каппадокийских постройках углы апсид оформлены плоскими пилястрами, чего нельзя встретить в Сирии. Стилистически близкие сирийские постройки (Калат Семан (ок. 470 г.), Калб Лузе (ок. середина V в.), Дейр Турманин, Рувейя) обработаны более выразительными горизонтальными лентами карнизов, резко членящими фасады, и более изощренными изгибами оконных обрамлений. Постройкам этого стиля присущи те же традиционные для сирийских базилик приземистые пропорции и та же строительная техника. Многими чертами отличается от остальных стилистически родственных построек Ереруйкский храм, на фасадах которого отсутствуют резкие горизонтальные членения и значительно более существенна роль высоких, доходящих до карниза, пилястр. Экстерьеру постройки свойственна большая легкость форм и более спокойный ритм. Последние обстоятельства не позволяют связывать распространение парадного торжественного стиля в разных областях восточнохристианского региона путем миграции мастеров. Можно предположить, что в последней четверти V в. имело место распространение особой стилистической моды, поддерживаемой в Византии императорскими заказами, а в Армении – ктиторством влиятельных князей. Несмотря на то что рассмотренный стиль не получил дальнейшего развития в Армении, храмы Текора и Ереруйка оказали несомненно положительное влияние на ее зодчество. Они способствовали приданию монументальной архитектуре большей торжественности и величия, отхода от аскетическо-суровой эстетики.

5. Особенности декоративного убранства. Эта часть сопоставительного анализа нацелена на выявление лишь наиболее общих качеств и базируется на ограниченном рассмотрении форм декора. Представленный в таблицах материал, иллюстрирующий характерные примеры рельефной пластики, позволяет высказать некоторые замечания. С формальной точки зрения очевидна близость армянских образцов малоазийским и расхождения с сирийскими и месопотамскими, наблюдаемые как в прорисовке архитектурных профилей, так и в структуре рисунка крестов, аканфа. Условная схематичность, свойственная всему раннехристианскому и особенно восточному искусству, проявилась по-разному. Армянским и малоазийским образцам свойственна большая пластичность форм и линий, отсутствие большого числа острых углов и прямолинейных элементов, что создает общую ненавязчивость форм и способствует спокойному характеру декора на фасадах построек. В сирийских орнаментах наблюдается некоторая композиционная усложненность, приводящая к более богатому характеру декора. Но вместе с тем ощущается исключительная жесткость рисунка, его приведение к прямолинейной геометрии (кресты), к строгой четкости форм, остроконечности их завершений. Кружевной характер орнамента создан контрастным противопоставлением гладкой внешней поверхности рельефа резко углубленному фону. Пластика выпуклая, но скорее линейная, а не объемная. Особенно это ощутимо в образцах аканфа памятников круга Калат Семана[113]. Часто сравниваемые, оформленные в стиле триумфальных арок обрамления апсид Ереруйка и Калб Лузе, также существенно отличаются. Если в армянском образце присутствует скромный профиль с одним рядом мелких арочек, то в сирийском широкая арка оформлена многорядным активным орнаментом, что впоследствии отразилось в декорации апсид многих сирийских и месопотамских церквей.

Таким образом, предпринятая попытка сопоставления армянского зодчества с архитектурой некоторых областей восточнохристианского мира, откуда, исходя из географического положения и исторических реалий, можно ожидать наиболее важных взаимных контактов, влияющих на развитие культуры в регионе, показывает первостепенность связей с малоазийской архитектурой. Характер этих глубинных многосторонних связей, их устойчивость на протяжении IV–VI вв. указывает на развитие армянского зодчества в рамках общей раннехристианской традиции Малой Азии и Закавказья, родственной архитектурной традиции Сирии и Северной Месопотамии. Вместе с тем, отмеченные в ходе анализа многочисленные особенности армянского зодчества позволяют утверждать о существовании особой местной школы уже на ранней стадии своего развития.

Намеренно обойден вниманием вопрос о взаимоотношениях армянского зодчества со странами Закавказья. Нахождение восточногрузинских и албанских епархий в структуре армянской церкви вплоть до начала VII в. (албанских – и в последствии) определяло характер культовой архитектуры этих стран примерно так же, как, возможно, в рамках каппадокийской архитектуры решались задачи армянскими зодчими первой половины IV в. Взаимное географическое расположение этих стран в регионе также способствовало вовлечению Албании (Алуанка), Картли, Кахети и грузиноязычной части Гугарка в сферу процесса становления нового, христианского искусства, главным образом, посредством Армении. Этими обстоятельствами возможно объяснить общность (скорее единство) развития раннесредневековой архитектуры в Закавказье[114], результатом которого стало стилистическое и типологическое подобие монументальных построек Армении, Грузии и Албании до Багратидской эпохи. Подобно тому, как греческое и сирийское влияния в раннюю грузинскую литературу проникали в значительной мере посредством армянской, аналогично должны были протекать и общекультурные процессы[115], и взаимоотношения в архитектуре. Следовательно, изучая генетические корни раннесредневекового армянского зодчества, обращенного лицом на запад и юго-запад, необходимо в первую очередь рассматривать его связи с архитектурными явлениями вне стран Закавказья. При расширенном анализе образцы зодчества этих стран могут служить хорошими примерами подтверждения процессов, характерных для становления армянской архитектуры.

---

[111] *Hill S.* The Early Christian Church at Tomarza. Cappadocia. // DOP. 1975. N 29. P. 149–164; *Mango C.* Isaurian builders // Polychronion. Festschrift F. Dölger zum 75. Geburstag / Ed. by P. Wirth. Heidelberg, 1966. P. 358–365. Ранее считалось особо значительным сирийское влияние в Малой Азии (в Киликии и Ликаонии) и Сирия считалась единственной областью на Востоке с доминирующим искусством (*Butler H.C.* Early Churches in Syria. P. 263).

[112] *Restle M.* Studien... 1. S. 168–169.

[113] *Sodini J.-P.* Un type particulier d'acanthe à Qual'at Sem'an: les feuilles à limbe recreusé "en cuiller" // ... P. 113–132; *Naccache A., Sodini J.-P.* Le décor architectural en Syrie byzantine // Archeologie et histoire de la Syrie. 1989. II. P. 477–490.

[114] Об общности армянского, грузинского и албанского архитектурного творчества и необходимости совместного изучения зодчества этих стран см.: *Якобсон А.Л.* Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества // СА. 1970. № 4. С. 41–53 и др.

[115] "Роль Армении особенно велика в процессе христианизации народов Кавказа, в их общении с культурными ценностями Христианского Востока, в трансформации достижений новой христианской цивилизации" (*Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и Армения. ARMENO-GEOGRICA // ИФЖ. 1996. № 1–2. С. 135 (на арм. яз. с рус. резюме). См. также: *Мартиросян А.* Маштоц. С. 174 сл.

Еще более сложен вопрос о степени выделения армянского искусства за рамками византийского. Такое выделение совершенно оправдано, если видеть под византийским искусством стилистическое направление, определяемое константинопольской традицией. Но в этом случае за пределами единой традиции окажется искусство стран восточнохристианского мира, включая южную и восточную части Малой Азии. Однако подобное представление о византийском искусстве в последние десятилетия уступает место более условному и более широкому пониманию этого явления, не связываемого ни с географическими границами Византии и тем самым не совпадающему с понятием "искусство Византии"[116], ни с греческой или какой-либо иной национальной традицией (Т. Метьюз считает византийскую школу средневековой архитектуры, подобно готической, интернациональным измерением)[117]. В этом случае рассмотрение армянского зодчества в рамках общего явления, распространенного от Италии на западе до Кавказской Албании на востоке и от Руси на севере до Северной Африки на юге, не только оправдано, но и необходимо. Однако армянское искусство, как и искусство Закавказья в целом, пожалуй, выделяется наибольшим своеобразием, причиной чему явился исключительно ранний выход этого региона из иерархического подчинения структуре Вселенской церкви. Тем не менее вовлечение Армении в широкие рамки раннехристианского и византийского искусства сохранялось и в дальнейшем, и "западное" воздействие не было одномоментным, заменившим собой в VII в. предполагаемое более раннее иранское или сирийское влияние, а являлось традиционным и важнейшим источником обогащения сложившейся уже к концу V в. собственной национальной школы. Не самоизоляция от внешнего мира, а воплощение общехристианских идей исключительно в рамках этой школы, окончательно окрепшей к началу VII столетия, определили яркий индивидуальный облик армянского зодчества. Поэтому даже заимствование некоторых черт сильной константинопольской школы, в отличие от многих других регионов, не только не приводило к проявлению особенностей столичной византийской строительной школы, но подвергалось такой серьезной переработке, что ныне с трудом удается обнаружить и проанализировать эти воздействия[118]. Открытость армянских зодчих для заимствований и черпание ими идей из широкого круга источников: от Каппадокии до Антиохии и Месопотамии в IV–VI вв. и от Палестины[119] до Константинополя в VI–VII вв., во многом обеспечили их высочайшую творческую активность, отразившуюся в удивительном разнообразии архитектурных типов раннесредневековой эпохи, не встречаемом ни в одном другом регионе византийского и иранского миров.

[116] *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М., 1987. С. 6–7.

[117] *Methews T.* Religious Organization and Church Architecture // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261 / Ed. by H.C. Evans, W.D. Wixon. N.Y., 1997. P. 27.

[118] Отражение черт константинопольской школы путем ориентации армянских зодчих на важнейшие ее образцы, особенно на собор Св. Софии усматривается в крупнейших храмах Армении: *Thierry J.M.* Les influences byzantines sur l'art Armenien // JÖB 1982. Bd. 32. S. 237–242; *Ghazarian A.* Tetraconches with Corner Niches: Function and Symbolism // Acta, 18th International Byzantine Congress. Selected Papers: Main and Communications. Moscow, 1991. Shepherdstown, 1996. Vol. 3. P. 464–475; *Казарян А.Ю.* Копирование в средневековье и современности (На материале армянской архитектуры) // Копирование в европейском искусстве. М., 1998. С. 30–43).

[119] *Казарян А.Ю.* Ротонда Воскресения и иконография раннесредневековых храмов Армении // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / Ред.-сост. А.М. Лидов. СПб., 1994. С. 107–120.

О.С. Попова

ОБРАЗ ХРИСТА В ВИЗАНТИЙСКОМ ИСКУССТВЕ V–XIV ВЕКОВ

В византийском искусстве изначально преобладал[1] исторический образ Христа, запечатленный в человеческом Его облике. Такой образ стал обязательным после Трулльского собора, который повелевал изображать Христа только так, "в напоминание о Его жизни во плоти"[2].

Исторический облик Христа включал в себя разные Его имена и разные смыслы Его образа. Таких имен, как известно, много. Св. Григорий Богослов говорит о двух категориях имен Христа, встречающихся в Писании: тех, которые подчеркивают Его Божество, и тех, которые соответствуют Его человеческой природе[3]. Первые из них: Сын, Единородный, Слово, Премудрость, Сила, Истина, Образ, Свет, Жизнь, Правда, Освящение, Избавление, Воскресение. Вторые: Сын человеческий Путь, Дверь, Пастырь, Овца, Агнец, Архиерей, Мельхиседек.

Имена Христа, служившие надписями на иконах с Его образом, совсем не всегда соответствуют тем, что употребляются в Писании. На мозаиках, фресках, иконах был свой ряд имен. Среди них особенно часты: Вседержитель (Пантократор), Спаситель (Сотер), Душеспаситель (Псюхосотер), Спаситель, жизнь дающий (Христос Жизнедавец, или Страна живых, Живодатель), Сострадающий (Елеемон) и др. На одной из икон с изображением Христа, созданной в XIV в. в Фессалониках, написано имя Софии[4].

Мы попытаемся обрисовать, как воплощался образ Спасителя в византийском искусстве в разные века и периоды, тем самым – как понимали Его образ в византийском обществе, какие акценты в этом образе подчеркивали, какие смыслы в многогранном его содержании в разные времена выделяли. При этом всегда сохранялась необходимая евангельская полнота Его образа. Однако какие-то черты образа могли вдруг стать более важными, какие-то нюансы могли иногда быть уви-

[1] Христос мог быть изображен крылатым ангелом, так, как Бог являлся Аврааму у дуба Мамврийского. Например, в александрийских катакомбах (в Кармузе) крылатого ангела с нимбом сопровождает надпись "София IC XC". Такие изображения были рождены раннехристианскими представлениями (см. об этом: *Флоровский Г.В.* О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси // Труды V съезда русских академических организаций за границей в Софии 14–21 сентября 1930 года. София, 1932. С. 489–492. Перепечатка: *Протоиерей Георгий Флоровский.* Догмат и история. М., 1998. С. 400–404). Отцы церкви называют Христа Ангелом, Архангелом и Архистратигом (Он – вестник воли Божией). Псевдо-Дионисий Ареопагит говорит, что "Христос, Бог откровения, именуется Ангелом Великого Совета". Однако изображения Христа-Премудрости в образе Ангела Великого Совета не были широко распространены в византийском искусстве (кроме палеологовского времени), и особенно в раннем его периоде, возможно, потому, что были не вполне ясны (об этом см.: *Флоровский Г.В.* Указ. соч.). Изначально преобладал исторический образ Христа.

[2] Пято-Шестой, Трулльский собор (691–692), правило 82.

[3] *Иеромонах Илларион (Алфеев).* Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998. С. 331–332.

[4] Χατζηδάκη Ν. Συμβολή των φυσικοχημικών μεθόδων ανάλυσης στη μελέτη 13 εικόνων του Βυζαντινού Μουσείου // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. Περίοδος Δ, τόμος ΙΓ. 1985–1986. Αθήνα, 1988. Σ. 219. Εικ. 12; Βυζαντινοί Θησαυροί της Θεσσαλονίκης. Το ταξίδι της επιστροφής. Υπουργείον πολιτισμού. 9η εφορεία βυζαντινών αρχαιοτήτων – Θεσσαλονίκη, Μουσείο Βυζαντινού Πολιτισμού, Ν 20–21. Σ. 36–37.

денными более пристально. Мы не претендуем ни на какую полноту освещения этой темы, ибо проследить изменения в образе Христа в византийском искусстве – это значит рассказать историю этого искусства. Позволим себе остановиться лишь на отдельных, кажущихся нам важными моментах.

Сознательно отказываясь от рассмотрения иконографических вариантов изображений Христа, сосредоточимся на характере и духовном содержании Его образов, пытаясь прочитать их в оттенках типологии облика, в степени унификации или индивидуализации, в физиогномической выразительности, в особенностях стиля изображений.

Правила Трулльского собора о необходимости изображать Христа в человеческом облике, во плоти, давало возможность художникам вносить в Его образ детали, свойственные душевной природе человека. В результате множество сохранившихся образов Христа никогда не совпадают, а иногда даже значительно различаются. Однако во всех них всегда сохраняется постоянство типологии и некое непременно угадываемое соотношение духовно недоступного и человечески узнаваемого начал.

Мы будем рассматривать только такие изображения Христа, где лик Его представлен в фас, как моленный иконный образ, хотя это могут быть и мозаики, и фрески, и миниатюры, и иконы. Изображение бывает поясное, как чаще всего в иконах, бывает также в полный рост, погрудное или оплечное; Христос может быть стоящим, как в апсиде храма или на листе манускрипта, может быть сидящим на троне; образ Его иногда помещали в медальон, по типу античного портрета; чаще всего Он был явлен в золоте иконного поля. При этом во всех рассматриваемых изображениях лик Спасителя представлен как на всех смотрящий и принимающий молитвенное обращение. Каковы бы ни были масштаб изображения, техника исполнения и иконографический тип, это всегда – образ-икона. Именно о таких изображениях пойдет речь в статье. Образы Христа в различных евангельских сценах в рассмотрение (за редкими исключениями) не входят.

Можно почти без преувеличения сказать, что уже в самом начале путей византийского искусства были сформированы основные типы византийского духовного образа и найдены основные художественные средства для его выражения. Разумеется, они не оставались неизменными и варьировались в течение последующих веков. Однако процесса эволюции, понимаемого как поступательные шаги от простого к сложному, от незрелого к зрелому в византийском искусстве не было. Все наиболее значительное по смыслу и по полноте выражения было найдено в самом начале его существования.

Границей между раннехристианской и собственно византийской культурой, когда достаточно четко оформились основные категории последней, можно считать рубеж V–VI в. или начало VI в. Проблематику образа Христа раннехристианского периода (IV–V вв.) мы в этой статье рассматривать не будем и начнем с тех Его образов, которые можем считать выражением уже собственно византийского сознания.

Такие образы есть в мозаиках Архиепископской капеллы в Равенне (конец V в.) (рис. 1), где Христос представлен юным, безбородым, как изображали Его нередко в раннехристианском искусстве и как будут любить изображать дальше в средневековой Европе. Один из Его образов расположен в медальоне восточной подкупольной арки[5], на склонах которой, в таких же медальонах, – портреты апостолов.

В облике молодого Христа античная красота сочетается с выразительностью восточного типа. Округлое широкое лицо с пластическими скульптурными чертами обладает привлекательностью цветущей юности – совсем как в портретах молодых

[5] *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. II. М., 1986. Рис. 49; *Bovini G.* Ravenna. Kunst und Geschichte. Ravenna, 1991. Abb. 88–89.

персонажей в римском искусстве. Вместе с тем подчеркнуто крупные и симметрично поставленные глаза, отрешенный взгляд, монолитность пластического объема, неподвижная симметрия черт, – похожи на художественные образы Востока. Черты античные и восточные создают симбиоз, уже не раз осуществленный в разных формах в искусстве II–IV вв. (Фаюмский портрет, скульптурные портреты из Пальмиры и др.). Здесь, в мозаике Архиепископской капеллы, все нюансы соединены в тончайший сплав, ни одна из этих черт не выглядит ярко выраженной, слишком отчетливой, все они трансформируются, подчиняясь новой, теперь главной цели – христианской спиритуализации образа. Именно она уже полностью доминирует над всем античным, в римском или восточном его вариантах.

Малейшее движение, ракурс исключены. Внешняя неподвижность соответствует внутренней концентрированности. Расположение строго в фас имеет иконный характер и предполагает молитвенную обращенность смотрящего на образ человека. Никакого эмоционального, психологического, душевного напряжения нет, образ свободен от малейшей экспрессии. Обретенное спокойствие исходит из торжества христианской веры. Внутренний покой, необходимый для духовной сосредоточенности, сообщает образу полное равновесие.

Сообразно этому новому идеалу, изменяются и художественные средства. По сравнению не только с античным, но и с раннехристианским искусством они выглядят незаметнее и деликатнее: контуры – очень легкие, строение пластики – тонкое и мало ощутимое, никаких пластических акцентов нет, в цветовой гамме лика – слитность легких оттенков смальты, так что карнация выглядит светлой, насыщенной светом, мало материальной. Поверхность смальты в большей мере, чем раньше, выровнялась, благодаря чему ее фактура утратила ощутимость, стала незаметнее, при этом усилилась ее способность отражать свет, или нести в себе свет. Художественные ценности классического искусства сохраняются, не мелко и тонко видоизменяются. Переориентация в содержании образа очевидна, и она происходит на рубеже V–VI вв.

В искусстве VI в., когда полностью оформляются все категории византийского стиля, преобладает иной образ Христа – не молодого, но средних лет, с бородой – так, как будет дальше в византийском искусстве всегда. Такой образ мы видим в мозаике Сан Витале в Равенне, в медальоне вверху арки, ведущей из центрального подкупольного пространства в пресбитерий[6] (546–547) (рис. 2). Несмотря на очень сильную позднюю реставрацию, дополнившую половину лика, облик Христа обладает большой силой. Образ поражает аскетической отрешенностью. Все черты – преувеличенно крупные и симметричные. Глаза (левый – подлинный) – огромные, взгляд – неподвижный. Лицо – восточного, семитского типа, пропорции – необычные: низкие лоб и череп подчеркивают большую величину глаз и придают облику несколько гротескную и весьма острую выразительность. Внешняя неподвижность сочетается с внутренней интенсивностью. Античных, классических ассоциаций больше не возникает; в Архиепископской капелле они были еще важны. Стержень образа – отрешенность, вневременно́е пребывание, ощущение вечного, и при этом – великая внутренняя сила и власть. Физиогномика отходит от античных классических норм, приближается к восточным вкусам, содержание образа удаляется от привычных человеческих представлений, устремлено к духовному максимализму. Главное во внешних чертах облика – строгость, потеря интереса к классической красоте. Главное во внутреннем содержании – аскетизм и духовная сосредоточенность.

Именно такой образ Христа в искусстве VI в. был доминирующим. Могли меняться нюансы, склоняя выразительность в ту или в другую сторону, к более жизненной мере, или к еще большей от этой меры отстраненности. Однако главное ос-

[6] *Oakeshott W.* Die Mosaiken von Rom von dritten bis zum vierzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1967. Abb. 23; *Lowden J.* Early Christian and Byzantine Art. L., 1997. P. 129 (видно местоположение медальона).

интеллектуальной избранности. Более того, печать традиционной византийской созерцательности, воспринятой, однако, без какой-либо аскетической отрешенности, но в образе совершенной классической красоты и интеллектуальной утонченности. Сама идеальность типа подразумевает возможность бесконечной глубины восприятия.

Такие образы созданы ясно выраженными и интенсивными пластическими средствами. Однако их соподчиненность, слитность в общую гармонию снимает их физически ощутимую заметность. Объем осознается как трехмерный, но он лишен тяжести, обладает минимальной весомостью. Свет, сильный и вместе с тем мягкий, ровно скользит по форме и сливается с ней органически. Он не выделен как главный стимул духовной жизни образа и физического существования плоти и потому не имеет особой символической значительности. Цвета, разнообразные в оттенках, сплавлены в общей гамме, похожей на телесный тон. Нюансы цвета подчинены строению формы. Каждое из художественных средств обладает пластической реальностью, при этом присущая им общая соразмерность, а также какая-то особая ровность, слитность нейтрализуют их материальную очевидность. Чувственная в своей основе система приобретает нечувственный облик. Физическая природа художественных средств оказывается скрытой, вся живописная поверхность становится иррационально гладкой (особенно это ощутимо в образе Христа из Деисуса с Исааком Комнином и монахиней Меланой).

Пантократор периода Палеологовского Ранессанса – это образ спокойного равновесия между идеальной красотой и идеальным созерцанием, классицистическим внешним совершенством и религиозным внутренним углублением, образ византийской гармонии, где христианская одухотворенность подарена античной классике, где эллинская человеческая красота и достоинство соединились с молчаливой и отрешенной духовностью.

Византийская церковная жизнь в XIV в. была полна событий. Религиозные диспуты 30-х – 40-х годов кончились в середине века (собор 1351 г.) полной победой Григория Паламы и торжеством исихазма – древнего православного духовного созерцания, ведущего к мистическому единению с Богом. Этот ранневизантийский духовный опыт ожил с новой силой в конце существования Византии, в XIV в. Замечательный образ Спасителя, наиболее адекватно отражающий идеи этого времени – икона Христа Пантократора (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж)[40], созданная в Константинополе около 1363 г. для монастыря Пантократора на Афоне (рис. 26).

Облик Спасителя – совершенно человеческий, индивидуальный, портретный. Взгляд живой, ясный, конкретный, некрупные черты лица кажутся привычными, все выглядит близким, знакомым, никакого подчеркивания особого достоинства личности нет. И при всем том – поражающая красота иконы. Голова, лицо, руки написаны с пластическим совершенством. Шея обладает столь правильной округлостью, что вызывает ассоциации с античной статуей. Краски текут сообразно скруглениям формы. Цветность ни в малой мере не снижена, нет ни малейшей доли аскетизма, разнообразие тонов соответствует цветению природы и жизни. В колорите – полная гармония, и в ней доминирует мажорное звучание. Будто воспевается красота человеческого облика, пластической формы, красок мира и самой живописи.

На такой совершенной форме и такой великолепной живописной поверхности лежат белые штрихи – лучи Божественного света, одухотворяющего образ и материю. Это и есть те Божественные энергии, которые, по учению св. Григория Паламы, могут отделяться от Божественной сущности и сообщаться человеку. В иконе этот свет лежит поверх прекрасной формы, обогащает ее, но не формирует, ибо она существует самостоятельно, во всей своей зримой красоте.

Замысел – это мажорная полнота бытия, осененного, одухотворенного Божественным присутствием, и благодаря ему поднятая на такую, уже неземную высоту, где все – совершенство и сияние.

Эта икона с образом Христа исполнена большого оптимизма. Можно удивляться и восхищаться, как в самом конце своей исторической жизни, в своей старости Византия находила силы для такого высокого духовного подъема.

---

[40] *Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.-М., 1966. Табл. 265, 269; Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. 3. М., 1977. № 947; Византия. Балканы. Русь. Иконы XIII–XV веков. Каталог выставки. Государственная Третьяковская галерея. Август-сентябрь 1991. М., # 35; *Попова О.С.* Аскеза и Преображение. Образы византийского и русского искусства XIV века. Milano, 1996 (на итал. и рус.). С. 65–72. Ил. 50.

Мы не ставим цели описать изображение Христа в византийском искусстве каждой из эпох. Мы опускаем византийское искусство VII в., среди созданий которого не знаем больших образов Спасителя; они несомненно были, но не сохранились. Мы опускаем также искусство периода иконоборчества (VIII – первая половина IX в.), когда в Византии не допускались антропоморфные религиозные изображения. Образы Христа VIII – первой половины IX в. в мозаиках и фресках Рима[14], где не было иконоборчества, мы здесь не рассматриваем, так как у искусства Италии в это время была своя, особая по отношению к Византии, биография.

В 843 г. в Византии победило иконопочитание, и возобновились традиции изображения священных персонажей и сцен. Рассмотрим несколько образов Христа, сохранившихся от искусства второй половины IX в. Они созданы примерно в одно время – в позднем IX в. (возможно, в 80-е годы IX в.). Один из них – это мозаика в Софии Константинопольской над царским входом в храм, в сцене, где император Лев VI пал ниц перед Спасителем, сидящим на троне[15]. Другой – это фреска в церкви Богоматери в Кастельсеприо (Ломбардия)[16] (рис. 8) – погрудный образ Пантократора в медальоне, помещенном в центре вимы восточной апсиды. Все фрески этого храма исполнены греческим мастером.

Типы лика в этих образах – заметно разные. В константинопольской мозаике у Спасителя – ширококостное лицо с окладистой, очень короткой бородой, еще более его расширяющей, широкий, симметричный, на две половины обрисованный нос, большие, кажущиеся чуть приоткрытыми губы. На фреске Кастельсеприо лицо Спасителя узкое, продолговатое, вытянутое вниз, с острой, как будто треугольной бородой, еще больше его удлиняющей, тонкий нос с асимметрично очерченными ноздрями, плотно сомкнутые, небольшие, с подчеркнуто красивым изгибом губы. По физиогномическим чертам изображение Христа в Кастельсеприо кажется созданием более рафинированной культуры; на мозаике в нартексе главного столичного храма облик Спасителя выглядит как образ более широкого звучания, укрупненный, чуть упрощенный, обобщенный – для всех культур, всех слоев общества, всех людей.

Однако при таких различиях в этих двух изображениях есть и значительное сходство; более того, именно оно является может быть самым важным в их содержании. Главное в них обоих – внутренний свет, изливающийся на все окружающее. В Кастельсеприо это выражено очень интенсивно, физически наглядно: сияет лик, изливает внутреннюю силу взгляд, образ – вдохновенный, при этом никаких открытых эмоций нет, вся выразительность – только во внутреннем акценте, и он – светлый, мажорный. Этот образ – как будто замковый камень (он так и расположен на стене) всего фрескового цикла справа и слева, посвященного истории Богоматери и Рождеству Спасителя; все фрески исполнены нежными, как будто небесными красками, насыщены особым радостным вдохновением. Красота и гармония исходят,

[14] Мозаики в базиликах Санти Нерео эд Аккилео (795–816), Санта Прасседе, Санта Мария ин Домника, Санта Чечилия ин Трастевере (последние три – 817–824), Сан Марко (827–844); фрески в базилике Санта Мария Антиква (741–767) – *Oakeshott W.* Op. cit. s. 211–228. Taf. XXI, XXIII. Abb. 114, 122, 124, 125, 127, 130, 133–134.

[15] *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. II. М., 1948. Табл. 88; *Kähler H.* Die Hagia Sophia. Mit einem Beitrag von Cyril Mango über die Mosaiken. B., 1967. Abb. 90; *Lord Kinross.* Hagia Sophia. N.Y., 1972. P. 54–55; *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making. Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art 3rd – 7th Century. L., 1977. P. 122. Fig. 223; *Лазарев В.Н.* История… II. 1987. Табл. 130–131.

[16] Современные технические исследования определяют датировку фресок в Кастельсеприо как период между концом VIII в. и серединой X в.: Paula Leveto – Jabr. Carbon-14 Dating of Wood from the East Apse of Santa Maria at Castel Seprio // "Gesta". 1987. Vol. XXVI/1. P. 17–18. Основные предлагавшиеся ранее атрибуции: конец VII в., IX в., первая половина X в. Библиографию см.: *Lazarev V.* Storia della pittura bizantina. Torino, 1967. P. 70–72, 97. Not. 13; *Peroni A.* Spunti per un aggiornamento della discussioni sugli affreschi di SMaria di Castelseprio // Rassegna Galbaratese di Storia e d'arte. 1973. 32. P. 19–23; Sironi, P.G., Mazza S. Nuova Guida di Castel Seprio. Tradate, 1979. P. 43–47.

кажется, от Божественной силы, изливающейся в мир как дар, как благодать. Кульминация этого счастливого подъема, ощущаемого во всем, изображенном на стенах – образ Христа в медальоне в центре ансамбля. Этот образ – очень большая художественная удача даже среди всего византийского искусства, создавшего сотни и сотни выразительнейших примеров Божественного присутствия в мире. Известная всем эллинизированность фресок Кастельсеприо, как и совершенно особая человеческая индивидуальность, редкостная портретность, нестандартность облика Христа (возможно, сформированная вкусами особой культуры периода Македонского Ренессанса) сочетается с ощущением изливающихся от этого образа в мир Божественных света и энергий.

Столь же интенсивное исхождение внутреннего света от фигуры и лика выражено в мозаике Св. Софии (рис. 9), в композиции с коленопреклоненным императором Львом VI, хотя содержание образа и весь художественный контекст изображений в Кастельсеприо и в Константинополе – разные. Смысл раскрыт в надписи на книге в руках Спасителя: "Мир вам. Я свет миру". В ровном выражении лица нет эмоций, облик – человечески конкретен и даже прост. При этом взгляд не направлен ни на кого из людей и устремлен в некую невидимую сферу внемирного пребывания. Однако в образе нет отрешенности. Он исполнен и энергии, и спокойной мудрости. По всей структуре своей это – коренной и сущностный византийский образ, в котором все сгармонировано, есть идеальный баланс, где внутренняя сила, дающая покой, сочетается с созерцательной глубиной, располагающей к молитвенному состоянию.

К этому же периоду – концу IX в. – относится еще один весьма значительный византийский образ Христа – Его фигура в сцене Вознесения в куполе церкви Св. Софии в Фессалониках[17] (рис. 10). В скуфье купола, над всем пространством храма, на небесной радуге в мистической синей сфере возносится Христос, облаченный в золотые ризы. У Его подножия – два ангела, поднимающие эту чудесную сферу. Правой рукой Христос благословляет, в левой Его руке – Евангелие, – так же, как в изображениях Пантократора.

Содержание образа – иное, чем в двух предыдущих случаях, и может быть выражено понятиями "отрешенность" и "аскеза". Весь облик и черты лица – восточного типа. Голова – чрезмерно большая по сравнению с пропорциями фигуры. Волосы и борода сливаются в непроницаемую темную массу, охватывающую лик. Черты лица застыли в неподвижной симметрии. Взгляд обладает властной силой. Диссонансы и акценты, по законам которых здесь организуются основные художественные приемы (пропорции, цветовые сопоставления, пластическая структура), предпочтены плавности и гармонии. Благодаря этому повышается острота и даже пронзительность художественного воздействия. Духовная концентрированность сопряжена с физической неподвижностью. Преобладает чувство масштабного, великого, вечного. Все это далеко от гибкой нюансированной выразительности любого классического типа. Еще раз воскресают художественная образность и язык искусства VI в. круга синайских и равеннских мозаик, сущность которого – аскетическая сосредоточенность и отрешенность, соответствующие максимальной духовной полноте.

Византийское искусство X в. не сохранило больших значительных образов Спасителя, и мы вправе были бы обойти это время молчанием. Однако все же хотим привести один пример такого образа в миниатюре, созданной на исходе X в. Это – лист из Четвероевангелия в монастыре св. Екатерины на Синае (Cod. 204), с изображением фигуры Христа[18], стоящего в золотом фоне (рис. 11). Кодекс создан около 1000 г. Миниатюры его отражают основную проблематику искусства X в. – ориен-

[17] *Chatzidakis N.* Greek Art Byzantine Mosaics. Athens, 1994. Pl. 43; *Лазарев В.Н.* История… II. Табл. 86.

[18] *Weitzmann K., Galavaris G.* The Illuminated Greek Manuskrits. The Monascripts of Saint Catherine at Mount Sinai. Vol. I. From the Ninth to the Twelth Century. Princeton, 1990. N 18. P. 42–47. Fig. 92–108, особенно 95. Colorplate VII.

тацию на классические модели античного и раннехристианского прошлого. В несколько измененном виде, но все же она остается живой еще и на исходе X в., и в самом начале XI в.

Образ Христа в миниатюре этой рукописи создан в границах именно таких представлений. Фигура Спасителя возвышается на пьедестале как монумент, похожий на античную статую философа или ритора. В соответствии с этим – прекрасные с точки зрения античных норм пропорции, контрапост, обеспечивающий гибкую подвижность тела и естественность пребывания его в пространстве, мягкие, скользящие вдоль фигуры драпировки, пластическая и цветовая гармония, плавность линий и отсутствие каких-либо особых акцентов.

Всей этой художественной атмосфере соответствует и облик Спасителя – совершенно живой, с чуть скошенным, как будто мгновенно схваченным взглядом. Перед нами – образ Христа – учителя, проповедника, говорящего с людьми и к людям близкого. Однако даже при таком подходе сохраняется извечная византийская идеальность и возвышенность: фигура окружена беспредметным иррациональным золотым пространством, и вместе с образом учителя, наставника, друга предстает также образ торжественного явления Господа в золотом Божественном свете.

Несколько позже, во второй четверти XI в., особенно в 30-х – 40-х годах, атмосфера византийского искусства и все основные его установки совершенно изменятся. От классицизма X в. и раннего XI в. останутся только отдельные отголоски, зато в сильнейшей степени возродятся традиции древнего искусства VI в., уже повторенные во второй половине IX в., искусства, ориентированного на аскезу, создававшего образы суровые и стиль крайне строгий. Такие перемены художественных вкусов всегда были связаны с какими-либо особыми явлениями в духовной жизни: с монастырской ее ориентацией, с появлением духовного подвижника или учения. Останавливаться на этом в столь кратком очерке мы не можем; наша цель – только характеристика произошедшего художественного результата, появление новой образности и стиля. В 30–40-х годах XI в. были созданы четыре больших ансамбля монументальной декорации храмов: мозаики и фрески кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде, мозаики и фрески церкви Св. Софии в Киеве, фрески церкви Св. Софии в Охриде, мозаики монастыря Неа Мони на Хиосе. При ярких индивидуальных особенностях каждого из них, они представляют явную общность, и не только потому, что являются современниками, но и потому, что основные смысловые и художественные понятия в них сходны, более того – даже весьма близки. Во всех них, разумеется, присутствует образ Христа, но только в двух сохранились главные в храме огромные монументальные образы Пантократора: в Софии Киевской – в куполе[19], в Осиос Лукас – в нартексе, в громадном люнете над входом во внутреннее пространство храма[20]. Кроме того, в Осиос Лукас есть еще два больших образа Христа – в сводах южного и северного рукавов креста[21], точно также и в Софии Киевской находятся еще два мозаических образа: Христос в Деисусе над главной апсидой и Христос – иерей над восточной подкупольной аркой[22].

Христос в куполе Софии Киевской (рис. 12) как будто воспроизводит древний иератический аскетический тип. Он даже внешне, физиогномически очень похож на Христа на предалтарной арке церкви Сан Витале[23] (рис. 2). Тот же лик с огромными глазами, твердыми бровями, похожими на архитектурные арки, низким лбом, симметрией всех черт.

[19] *Логвин Г.Н.* София Киевская. Киев, 1971. Ил. 28; *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Pl. 126.
[20] *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Pl. 57; *Idem.* Hosios Loukas. Byzantine Art in Greece. Mosaics – Wall Paintings. Athens, 1997. Pl. 28.
[21] *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Pl. 53; *Idem.* Hosios Loukas... Pl. 34–45.
[22] *Логвин Г.Н.* София Киевская. Ил. 32, 46–47; *Лазарев В.Н.* История... II. Табл. 164.
[23] См. примеч. 6.

Внушительность, мощь, властная сила сочетаются с полной отрешенностью. Моделировка формы, линии и лучи света образуют условные схемы, не имеющие ничего общего с каким бы то ни было иллюзионизмом, символизирующие преображенную жизнь всякой формы и материи, тем самым – их причастность к надмирному существованию. Симметрия, склонность к отвлеченной схеме вместо природной естественности соответствуют главному в содержании образа: чувству незыблемого, вечного, для приближения к которому требуется духовная собранность и аскетическая строгость.

Такой образ Христа, в целом характерный для всего искусства этого времени, тем не менее был варьирован в разных ансамблях. Так, образ Христа в мозаиках Осиос Лукас (рис. 13) выглядит по сравнению с мозаиками Софии Киевской как более индивидуальный и даже острый; в нем сильнее выражена человеческая "портретность", характерность облика, пластически тоньше форма и колористически разнообразнее поверхность. Однако это – только нюансы; во всем главном, содержательном эти образы одинаковы: величественные, замкнутые, удаленные от суеты мира, вознесенные над всем привычным в сферу идеальную, недоступную, обладающие абсолютной духовной полнотой.

После середины XI в. византийское искусство снова претерпело значительные изменения. Извечные его колебания между классическими традициями и спиритуальными требованиями приводили к усилению то одного, то другого из них. Во второй половине XI в. вновь обратились к классическим воспоминаниям. Однако еще одного прямого, буквального и сильного переживания классики, как было в X в., не произошло, классика была совершенно переосмыслена.

Самый известный образ Христа этой эпохи – мозаика в куполе церкви Успения в монастыре в Дафни, около 1100 г. Пантократор[24] (поясной) (рис. 14), огромного размера, смотрит с самого верха, из купола на храм и все, находящееся на стенах и происходящее в пространстве. Лицо редкостно индивидуально, при том, что черты Спасителя легко узнаваемы по другим Его изображениям. Но нюансы в облике, как и нюансы душевного состояния, как и оттенки духовного смысла – совершенно особые, неповторимые. Лицо кажется по-человечески портретным и притом характерно греческим; создается впечатление, что такой благородный красивый облик мог бы иметь житель Константинополя комниновской эпохи, принадлежащий к интеллектуальным слоям общества. В лице очевидны, как всегда ум, сила, власть. Но кроме таких типологических крупных черт-понятий есть мелкие, совсем личностные, благодаря чему облик кажется необыкновенно конкретным. Они создаются легчайшим поворотом, скорее благодаря взгляду, чем пластическому ракурсу (вместо прямого фаса первой половины XI в.); чуть-чуть скошенной складкой губ, из-за чего их движение выглядит совсем живым; наконец, острым, даже пронзительным взглядом.

Технически и стилистически лицо проработано очень тонко, несмотря на великий масштаб; отмечены даже малые детали пластической формы и деликатные нюансы цвета; все сделано слаженно, мелко и постепенно, как будто это краска, наложенная мягкой кистью, а не ряды кубиков смальты. Такая индивидуализация облика и столь нюансированные художественные приемы могли осуществиться благодаря переориентации искусства, отходу от духовно максималистских и стилистически условных принципов предыдущего периода к позициям гораздо более смягченным. Стали цениться человеческие и классические нормы.

Однако при столь явном приближении к человеческим понятиям, в образе нет никакой сниженности духовного содержания; более того, он буквально пронизан тончайшей одухотворенностью, отмечающей все его внешние черты. Это – образ

[24] *Diez E., Demus O.* Byzantine Mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. Cambridge (Mass.), 1931; *Лазарев В.Н.* История... II. Табл. 273; *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Pl. 124.

великой концентрации внутренних сил. Его невозможно назвать спиритуальным, ибо это понятие включает в себя некий мистический смысл. Скорее в этом художественном образе осуществлено полное одухотворение всего конкретного. Физическое мыслится как пластически естественное и одновременно идеальное, что близко античным принципам. Человеческое понимается в совершенно индивидуальном и остро портретном ключе. Посмеем сказать, что никогда еще в византийском образе божественное и человеческое не сливались так легко, гармонично и полно.

Такой тип образа Пантократора, как в Дафни, был характерен для искусства XI в.; он не раз варьировался в миниатюрах греческих кодексов этого времени. Примерами могут быть: из Нового Завета с Псалтирью 1084 г. (Вашингтон, Dumbarton Oaks, MS. 3); начальный лист евангелия от Иоанна из этого кодекса, где в заставке – изображение Панктократора[25], находится в Государственной Третьяковской галерее (рис. 15); Четвероевангелие последней четверти XI в. (Москва, Исторический музей, Син. гр. 518), в котором точно так же первый лист евангелия от Иоанна начинается заставкой с изображением Пантократора[26] (рис. 16). В образах Вседержителя в куполе Дафни и на обеих миниатюрах очень похож тип лика; более того, у всех них – единые смысловые и художественные акценты, единая степень и одухотворенности, и гуманизации образа.

Сочетание таких свойств не составляло содержания византийских образов на протяжении сколько-нибудь долгого времени. Искусство XII в. показывает уже новые воззрения, которые в свою очередь несколько раз менялись на протяжении века, что соответствовало и разным временны́м фазам, и разным художественным направлениям. В тонкости этой эволюции мы вглядываться сейчас не можем. Отметим только, что при всех стадиальных, локальных и стилистических различиях для всей живописи XII в. характерно стремление к все большей спиритуализации образа.

Среди произведений XII в. (мозаики, фрески и иконы) есть несколько монументальных образов Пантократора. Один из них – крупная мозаическая икона (Берлин) с поясным изображением Христа, с надписью "Христос Елеемон", т.е. "Христос Сострадающий"[27] (около середины XII в.) (рис. 17). В знакомом лике Спасителя, и в чертах, и в выражении, появилась некая утонченность, интеллектуальная и духовная. Тот же портертный облик, что и в Дафни, но без присущих ему остроты, внутренней подвижности, характерности. Все это вытеснено ценностями иного порядка: тихой созерцательностью, внутренней углубленностью. Отсутствует какая-либо суровость; более того, в образе есть даже некая мягкость, делающая более доступным для человека контакт с ним. Может быть, столь особый душевный оттенок связан с надписью на иконе – добавлением к имени Христа дополнительного наименования – Сострадающий.

Однако при этом не исчезает необходимая для восприятия византийского религиозного образа иерархическая дистанция, на которой моленный образ пребывает; она создается благодаря отстраненности взгляда и фасной неподвижности облика. Сочетание внешнего спокойствия и внутренней глубины соответствует идеалу византийского религиозного сознания. В иконе доминирует тема молитвенной сосредоточенности и спиритуального созерцания, тонко пронизывающих все изображение.

Близкие образы Пантократора – в мозаиках Палатинской капеллы в Палермо (оба главных образа, поясные, в куполе и в апсиде)[28] (рис. 18) и в церкви Санта Мария дель Амиральо, или Марторана в Палермо (в куполе – Пантократор на троне[29]). Все эти изображения выполнены в 40-х годах XII в. греческими мастерами. В отличие от берлинской иконы Христа Сострадающего, изображения в сицилийских мозаиках – это крупные образы в главных местах больших монументальных ансамблей, поэтому все они при типологическом сходстве с этой иконой отличаются бо́льшим физическим масштабом и укрупненной внутренней активностью; в них есть еще воспоминание об образе Пантократора в куполе Дафни, есть еще властность и сила, интенсивность внешняя и энергия внутренняя, т.е. качества, необходимые для монументального искусства. Однако по сравнению с Дафни эти свойства в значительной мере нейтрализуются особой печатью ровного спокойствия, сопутствующего состоянию созерцания.

Отметим, что мозаики XII в. в церквах Палермо принадлежат к наиболее классическому направлению византийской живописи комниновской эпохи, в них сохраняется большая преданность искусству предшествующей поры, гармоничному и цельному, такому, как в Дафни. Поэтому общее для искусства XII в. тяготение к спиритуализации образа проявляется в них тонко, малозаметно и выражается именно в интересе к состоянию созерцания.

Однако это был не единственный художественный путь. Для достижения большей духовной насыщенности образа нередко использовали какие-либо особые приемы, отступающие от классических, повышающие остроту и экспрессию. Таково мозаическое изображение Христа Пантократора в апсиде собора в Чефалу[30] (1148 г.) (рис. 19).

По важности положения в храме, масштабу, иконографии и типологии образ похож на изображение Христа в куполе храма в Дафни, как будто даже повторяет его. Однако различий все же больше, чем сходства. В Дафни все было более мощно и цельно: сила, энергия, власть, пластическая мощь. В Чефалу все эти черты тоже есть, однако каждая из них – не в максимальной полноте, но нюансирована, имеет какие-то особые грани. Огромное изображение Христа, появляющегося в золотой сфере апсиды и распростертое в ней во всю ее гигантскую величину, производит ошеломительное впечатление своей абсолютной доминантой над храмом и вообще над всем жизненным пространством. Однако это достигается не за счет концентрированной внутренней энергии образа, а скорее благодаря разнообразным внешним эффектам: необыкновенная величина, сияние золотых волос, необычное положение фигуры, которая перестала быть скульптурой, не имеет реального пластического объема и веса и как чудо возникает из золотого светящегося пространства, что повышает впечатление сверхъестественности и значительности явления. Между тем, сам образ, лик Христа обладает многосложностью содержательных оттенков, среди которых главное – не сила и власть, но размышление и некая печать горести и сострадания. Психологические моменты, столь заметные в этом образе, утоньшают и усложняют его, приближают к человеческой мере. Лицо изборождено морщинами; лоб наморщен, на переносице – глубокая складка, какая бывает при сдвинутых нахмуренных бровях, хотя они здесь ровные как архитектурные арки; щеки впалые, плоть стала худой, все черты обрисованы тонко и пронзительно. Стилистические приемы значительно изменились по сравнению с классическим вариантом, какой был в Дафни: в линиях появилась жесткость, в цветовых моделировках – контрастность, в строении пластики – условность и схематизм.

Во всем – и в содержании образа, и в физиогномике, и в художественной выразительности, – подчеркнуты акценты. Характер их всех общий: внешняя острота и внутренняя экпрессия, что создает напряженность. И все это – вместе с усилением

[25] Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. 2. Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков. М., 1977. № 496. С. 44–45.

[26] *Попова О.С.* Византийский кодекс второй половины XI века в Государственном Историческом музее // Музей. 7. Художественные собрания СССР. М., 1987. С. 143.

[27] *Demus O.* Die byzantinischen Mosaikikonen. I. Die grossformatigen Ikonen. Wien, 1991. N 5. S. 29–33. Taf. VI.

[28] *Demus O.* The Mosaics of Norman Sicily. L., 1950. P. 37–43, 396–398; Pl. 106,13; *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Pl. 133.

[29] *Kitzinger E.* I mosaici di Santa Maria dell' Ammiraglio a Palermo. Palermo, 1990. Tav. I, 5–7.

[30] *Demus O.* The Mosaics of Norman Sicily. P. 11–12, 375–377; Pl. 1–2; *Лазарев В.Н.* История византийской живописи... II. Табл. 298; *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Pl. 132.

эмоционального, человеческого акцента. Если в искусстве периода Дафни главной целью было одухотворение классики, то в Чефалу, в середине XII в., основным стержнем стала повышенная спиритуализация образа, ставшего вместе с тем более эмоциональным, психологически более сложным, тем самым – приближенным к человеческим понятиям и измерениям.

Византийское искусство второй половины XII в. отличается большой вариативностью; в нем были созданы образы Христа, в которых оказались усиленными отдельные грани сложного, но все же еще цельного образа из Чефалу: экспрессия (церкви св. Николая Касници (рис. 20) и свв. врачей в Касторие[31], св. Георгия в Курбиново[32], Спаса на Нередице в Новгороде[33]), психологическая и эмоциональная утонченность (церковь Панагии Аракиотиссы в Лагудера на Кипре[34]) (рис. 21), властная сила, достигаемая за счет еще бóльших, чем в Чефалу, титанического масштаба и стилизации художественных приемов (собор в Монреале[35]).

Драматичность византийской истории XIII в. хорошо известна: после четвертого крестового похода 1204 г. и до 1261 г. Византия была оккупирована крестоносцами, ее территории были превращены в так называемую Латинскую империю. Однако византийское искусство не умерло, более того – осуществилось с великолепным качеством (впрочем, более всего – в эмиграции; греческие мастера, по-видимому, особенно много работали в Сербии). Не останавливаясь на перипетиях его биографии, скажем только, что главным стержнем его был снова классический идеал, однако обновленный, насыщенный, как не раз уже было в Византии, новыми, современными идеями.

Один из лучших и притом типичнейших образов Христа этой эпохи – икона с поясным изображением Пантократора из монастыря Хиландар на Афоне[36], созданная в 60-х годах XIII в. (рис. 22). Лик красив благородной человеческой красотой. Спокойный, без каких-либо акцентов и преувеличений, с конкретно направленным взглядом, со светлым выражением, с мягким светом глаз, доброй складкой губ, этот образ исполнен духовной ясности, душевного благородства, подлинной человеческой приветливости и обнадеживающего всепонимания. Всему этому сопутствуют стилистические приемы, взятые из арсенала классических средств: правильная классическая форма, постепенность моделировки, текучесть и слаженность красочных перетеканий, натуральность облика, общая иллюзионистичность. Никогда еще в византийском искусстве образ Спасителя не был столь близок человеку, поставлен настолько рядом с ним, так с человеком соизмерим и, позволим себе сказать, так гуманизирован. Возможно, это была предельная мера приближения понятий Божественного к человеческим ценностям, дальше которой византийское религиозное сознание с его устремленностью к умозрению, созерцанию, к отрешенности от всего конкретного, пойти не могло.

[31] Церковь св. Николая Касници; Христос в сценах Успения, Преображения, Вознесения, в композиции со св. Николаем, стоящим, в рост (*Pelekanidis S., Chatzidakis M.* Kastoria. Byzantine Art in Greece. Mosaics-Wall Paintigs. Athens, 1985. P. 63. Pl. 16; P. 62. Pl. 15; P. 95. Pl. 11). Церковь свв. врачей: Христос в сценах Успения, Вознесения (*Pelekanidis S., Chatzidakis M.* Op. cit. P. 33. Pl. 12; P. 49; Pl. 30).

[32] *Hadermann-Misguich L.* Kurbinovo. Les fresques de Saint George et la peinture byzantine du XIIe siècle. I–II. Bruxelles, 1975. T. I. P. 224–234; T. II. Pl. 116, 165.

[33] *Мясоедов В.К.* Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. Табл. XIX, *1–2*; XXV, *1–2*; XXXIX, *1–2*; LXI, 1; LXVII–LXVIII.

[34] *Αχειμαστού-Ποταμιανού Μ.* Βυζαντινές Τοιχογραφίες. Athens, 1995. P. 91. Pl. 64; *Nikolaides A.* L'église de la Panagia Arakiotissa a Lagudéra, Chypre: Étude iconographique des fresques de 1192 // DOP. 1996. Vol. 50. P. 37–41. Fig. 9, 35.

[35] *Kitzinger E.* I mosaici di Monreale. Palermo, 1960. P. 110–112; Fig. 51, 54; *Лазарев В.Н.* История... II. *Demus O.* The Mosaics... P. 422–432. Pl. 61. Табл. 383.

[36] *Радојчић Св.* Иконите в Югославия // Икони от Балканите. Синай. Гръция. България. Югославия. София, Белград, 1966. № 157; *Петковић С.* Иконе монастира Хиландара. Манастир Хиландар, Света Гора Атонска, 1997. № 67–68.

В византийском искусстве XIII в. есть еще один образ Спасителя, который невозможно обойти молчанием: Христос – центральная фигура огромного мозаического Деисуса на южной галерее Софии Константинопольской[37] (рис. 23). Этот образ Спасителя – не самый типический для XIII в. (не случайны разногласия в вопросе о его датировке), но несомненно самый выдающийся. Присоединяемся к мнению, что он создан во второй половине XIII в., возможно, в 70-х – 80-х годах Хиландарская икона Пантократора была написана совсем незадолго до исполнения этой мозаики, и тоже, возможно, в Константинополе. При больших различиях масштаба, техники, функциональной роли и, особенно, степени важности замысла, есть у них и нечто общее; оно – в самом художественном языке, в его подлинной классичности. В великолепной мозаике из Св. Софии это выражено много ярче, чем в скромной иконе, вероятно, одной из многих подобных.

Лик Христа в мозаике выполнен с редкой даже для Византии пластической красотой и колористической тонкостью, все нюансы цвета согласованы с самыми малыми переливами округлой формы. Мозаика из очень мелкой смальты выглядит как текучая живописная поверхность. Совершенная форма уподоблена объемной скульптуре. Все телесное не умалено, но предстает в прекрасном обожествленном виде; все материальное и чувственное поднято на уровень представлений об идеальном. Снова божественное и человеческое соприкасаются наглядно, как и в иконе из Хиландара. Однако образ из Софии Константинопольской при сходстве типа лица с обликом Христа на этой иконе не обладает такой человеческой доступностью, как в ней. Присущая мозаическому образу Пантократора созерцательность делает его более отстраненным, ставит некую незримую преграду между Божественным образом и смотрящим на него человеком. Прямой, личный и почти равный контакт, как в хиландарской иконе, здесь исключен. Тому же вторит и особая печать высокородной избранности, отмечающая лик Христа на этой мозаике. Образ поднят на недоступную высоту Божественного пребывания. Старая традиция византийских духовных представлений оказывается здесь сильнее новшеств XIII в.

Византийская культура первой трети XIV в. носит название "Палеологический Ренессанс" из-за чрезвычайной увлеченности античностью. Византийское искусство ориентировалось на классические модели и в целом имело классицистический характер, однако не сводилось полностью к этому явлению и создало ряд особых, оригинальных вариантов.

Сохранилось много образов Христа Пантократора раннего XIV в., в мозаиках, фресках и иконах, в Константинополе, в Фессалониках, в Охриде, в монастырях Сербии. Разумеется, в образах Христа – много дефиниций, хотя в целом все они укладываются в понятие палеологовского классицизма. На тонких различиях мы останавливаться не будем.

Наиболее значительные по содержанию и одновременно самые крупные по масштабу – два образа Пантократора в Кахрие Джами: в экзонартексе – в люнете над входом во внутренний нартекс[38] (рис. 24), и во внутреннем нартексе – в композиции Деисуса с Исааком Комнином и монахиней Меланой[39] (рис. 25). В обоих изображениях – самый классический тип образа Христа, созданный искусством Палеологовского Ренессанса. Он полон импозантного величия и великолепной, эффектной, даже эстетизированной красоты. Благородство облика сочетается с ясностью и спокойствием внутреннего состояния. Нет никаких психологических акцентов, никакой эмоциональной, душевной конкретности. Образ совершенно нейтрален, внутренне почти индифферентен. Однако на лике лежит печать физиогномической и

[37] *Лазарев В.Н.* История... II. Табл. 296 (с датой: вторая четверть XII в.); *Chatzidakis N.* Greek Art. Byzantine Mosaics. P. 66. Pl. 41.

[38] *Underwood P.* The Kariye Djami. Vol. 2. The Mosaics. N.Y., 1966. P. 17–19.

[39] Ibid. P. 36, 39, 41.

тавалось неколебимым. Это было обретение нового идеала, воплощение одного из главных качеств византийской духовности, ее наиболее аскетической стороны, связанной с мистическим созерцанием и необходимым для этого отшельничеством. История ранневизантийского монашества изобилует такими живыми человеческими образами подвижников[7]. Судя по византийскому искусству, духовное излучение на обычный мир от этой особой среды святых людей, рассеянных по уединенным горам и пустыням Египта, Сирии, Палестины, несомненно было заметным, более того – большим, если даже в императорские художественные заказы, один из которых – церковь Сан Витале в Равенне, полные помпезности и роскоши императорского мира, проникают такие вкусы. Можно сказать, что искусство VI в., призванное соответствовать блеску юстиниановской империи, ретроспективизму политики и культуры, утверждению своей римской родословной, насквозь пронизано идеями совсем иного порядка, рожденными из самых подлинных и важных глубин христианского мироощущения.

Описанный здесь образ Христа в искусстве VI в. неоднократно варьировался. В Риме, в апсидной мозаике базилики свв. Косьмы и Дамиана[8] (526–530) (рис. 3), где Спаситель представлен в рост, иератическая величественность сочетается с воистину божественной светоносностью. Здесь та же, что и в равеннской мозаике из Сан Витале, великая духовная сосредоточенность, точно также в облике – чрезмерно крупные глаза восточного типа, тоже превалирует крайне строгий акцент, ощущение "надмирного" пребывания. Но при этом в большей мере, чем в Сан Витале, здесь усилены другие черты: великолепие и даже роскошь изображения фигуры Христа в золотых сверкающих одеждах, церемониальный пафос, императивность взгляда и всей исходящей от образа силы, наконец, пластическая активность лика, как будто осязаемая телесность его черт, крупного носа и больших выпуклых красных губ, по-римски тяжелая, величественная, похожая на искусство типа колоссальных императорских статуй IV в. Римская традиция в этом образе совершенно жива, такого акцента нет в образах Равенны, в силу своей истории более связанной с византийским Востоком, как с Константинополем, так и с Сирией.

В большинстве образов Христа VI в. усилен другой акцент: аскетическая духовная программа доводится до предельного напряжения. Она выражает себя даже в физиогномике: в лике Христа на триумфальной арке в базилике Сант Аполлинаре ин Классе[9] (середина VI в.) (рис. 4) – изможденность черт, полная отстраненность взгляда, присутствие особого эмоционального состояния, сияющего и страдающего одновременно (все это, разумеется, тонко, не навязчиво).

В византийском искусстве восточного круга этот тип образа Христа осуществился наиболее адекватно такой духовной программе, в наиболее чистом виде, без дополнительных нюансов, происходящих из старой классической традиции. Таков лик Христа в "Преображении" на мозаике из апсиды монастыря св. Екатерины на Синае[10] (около 565–566) (рис. 5), созданной константинопольскими мастерами. Семитский облик, огромные, увеличенные большими тенями глаза как в восточноримском (Пальмира) и восточнохристианском искусстве. Полная застылость, строгий фас, взгляд глубокий и лишенный конкретной направленности, как будто устремленный в вечность; отсутствие какого-либо индивидуального оттенка в физиогномических чертах или в эмоциональном состоянии. Такой образ призван выразить возможные характеристики образа Христа (по апостолу Павлу)[11] в наивысших величинах: великая сила, мудрость, превосходящая доступное миру понимание, потому – надмирность.

Именно такой образ, но в более упрощенном варианте, характерен для искусства восточных окраин византийского мира: фрески Бауита, икона "Христос и св. Мина" (Лувр)[12] (рис. 6). Типология лика и внутреннее содержание этих образов совершенно сходны с теми, что описаны выше, однако художественные приемы сокращены до предела по сравнению с любым классическим вариантом, в его византийском или итальянском исполнении, благодаря чему получают односложную прямолинейную выразительность.

В VI в. был создан еще один образ Христа, иной, чем все описанные выше. Это – икона Христа Пантократора из монастыря св. Екатерины на Синае[13] (рис. 7). Лик поражает индивидуальностью, как будто перед нами – портрет. Связь с традициями позднеантичного портрета несомненна. При всей точной узнаваемости облика Спасителя, типологической и иконографической, образ Христа на этой иконе – единственный, не ставший типовым, в отличие от всех описанных выше случаев. "Портрет" проработан тонко, в мелких деталях; нюансы и в чертах лица, и в выражении говорят о совершенно личностном характере изображения. Глаза – живые, взгляд – конкретный, соизмеримый с привычной человеческой мерой. Тонко изогнутая бровь, асимметрия усов, едва заметная чуть скорбная складка губ придают лицу большую жизнеподобность, даже натуральность, намекают на психологические оттенки и эмоции: несомненно – размышления, может быть даже – сострадание. Все это, разумеется, – только на полутонах, не прямо, скорее – намеком. Все противоположно тому, как решался образ Спасителя в круге искусства типа мозаик Равенны и Синая. Подчеркнуты не сила, власть, надмирность, вечность, но другие грани: человеческая соразмерность, участие, присутствие рядом, видение и скорбь, сострадание, созерцание. Это – первый известный нам образ Христа, решенный в таком ключе. Некоторые его смысловые грани станут в дальнейшем византийском искусстве большими темами.

Все стилистические средства – столь же мягки, сложны и тонки, как содержание образа. Художественные приемы – полностью классические. Объем передан сверщенно, все нюансы пластики учтены. Цвета взяты в полтона и сгармонированы. Перетекание красок эластично и соответствует структуре формы, освещенность плавная и уподоблена естественной, во всей художественной поверхности – деликатность, постепенность. Эти качества – наследие античной живописи, и они удачно использованы для создания именно такого образа Христа, будто находящегося рядом, вникающего в дела людские и им помогающего, очеловеченного более, чем в других художественных опытах.

Правда, такие черты, как мудрость, мягкость, милосердие, – не составляют полного содержания этой иконы. Они – только часть образа Христа-Вседержителя. В иконе присутствует должная Божественная отстраненность, Божественное превышение привычных земных свойств. Созданию такого впечатления способствует особая иконная гладкость и сдержанность, фасная обращенность, полная световая равномерность, какая не свойственна природе и предполагает какое-то особое излучение. Благодаря этому чувственная эллинистическая живописная поверхность приближается к иконной плави, конкретность психологически тонкого портрета растворяется в возвышенной идеальности иконного образа, предназначенного для молитвенного созерцания.

---

[7] *Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV в. Париж, 1931 (переиздание 1990); *Он же.* Восточные отцы V–VIII веков. Париж, 1933 (переиздание 1990); *Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998 (с литературой); см. также приложение к указанной книге: *Казанский П.С.* Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. М., 1872 (из 4ой книжки прибавлений к Твореним Святых Отцов в русском переводе, 1871 года).

[8] *Grabar A.* Byzantium. From the Death of Theodosius to the Rise of Islam. [P.; L.], 1966. P. 138; *Oakeshott W.* Op. cit. Taf. XI.

[9] *Volbach W.F.* Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike in West und Ost Rom. München, 1958. Abb. 173; *Лазарев В.Н.* История... II. С. 61.

[10] *Forsyth H., Weitzmann K.* The Church and Fortress of Justinian. The University of Michigan Press, (1965). Pl. CIV–CV.

[11] "Мы проповедуем... Христа, Божию Силу и Божию Премудрость" (1 Кор. 1. 24).

[12] *Grabar A.* Byzantium... P. 189. Pl. 204.

[13] *Weitzmann K.* The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Icons. Princeton, 1976. Vol. I. N 1. Pl. II.

А. Семоглу

ВОСКРЕСАЮЩИЙ МОИСЕЙ. О РЕДКОЙ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ СЦЕНЫ "ПРЕОБРАЖЕНИЯ" В НАСТЕННОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИВОПИСИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРЕЦИИ XVI ВЕКА ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО ВЛИЯНИЯ[1]

Поводом для написания этой работы послужила одна иконографическая деталь, обнаруженная в сцене "Преображения" ряда памятников, в основном XVI в., найденных на территории Северо-Западной Греции (Эпир и Македония), деталь, придающая сцене "Преображения" особое значение и раскрывающая ее смысловое и догматическое содержание. Речь идет о дополнительном, но отнюдь не второстепенном эпизоде перенесения ангелами на облаке двух сопровождающих Мессию[2] пророков – Моисея и Ильи на гору Фавор, где происходит сцена "Преображения". Упомянутый эпизод не содержится в евангельском повествовании (Мф. 17, 1–9; Мк. 9, 2–13; Лк. 9, 28–36), но встречается, насколько мне известно, в одном песнопении великой вечерни на "Преображение": "И пророков верховныя, Моисея и Илию, привел еси, непрекословне свидетельствующия Его божество"[3].

Особого внимания заслуживает то, что пророк Моисей изображается держащим дощечки с заповедями в саркофаге, что свидетельствует о его воскрешении из Ада[4]. Эта иконографическая деталь, хотя и была отмечена некоторыми исследователями[5], тем не менее изучена недостаточно. Мы постараемся показать, что эта деталь является не просто иллюстрацией некоторых церковных текстов, а придает изображению завершенный характер, подтверждая уже установленную в богословии связь между Преображением и Воскресением.

Как отмечает С. Дюфрен[6], в литургических текстах просматривается тема Воскресения в Преображении. Отцы церкви в своих комментариях также видят в празднике Преображения приход воскресшего Мессии и возвращение Адама в первичный Рай[7]. Обратим внимание и на то, что Иоанн Златоуст, говоря о Преображении, обращает внимание на Воскресение[8]. Следовательно, Церковь считает Преображение предвидением Воскресения. На основании вышеизложенного возникает закономерный вопрос: каким образом отражены в сцене "Преображения" комментарии Отцов церкви и явные ссылки на Воскресение.

Мы полагаем, что с введением вышеуказанного эпизода, изображение приобретает наконец тот особый характер, который ему уже был придан в церковной литературе. Так, если пророк Илья является символом живых по той причине, что он никогда не умирал, но "понесся... в вихре на небо" (4 Царств. 2, 11), то Моисей явно связан с умершими; согласно Второзаконию, "и умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской по слову Господню... и никто не знает *места* погребения его даже до сего дне" (34, 5–6). Разграничение природы двух пророков наглядно показано и в стихотворении Христофора Митилинского, где говорится следующее "οἱ δὲ προφῆται τὰς φύσεις διτὰς ἅμα, θνητὴν ὁ Μωυσῆς, ζῶσαν ὁ ζῶν Ἠλίας"[9].

Это разграничение повторяется и в некоторых гимнах праздника, подчеркивающих различия в природе двух пророков: "ὡς ἐξ οὐρανοῦ δὲ ὁ Θεσβίτης Ἠλίας, Μωυσῆς δὲ ἐκ ψεκάδων". Стало быть, изображение факта воскрешения пророка Моисея в сцене "Преображения" есть реализация Божественного обещания перед пророком (Исх. 33, 19–23) и символически перед всеми верующими во время Воскресения.

Таким образом, воскрешение пророка Моисея является одновременно пророческим для Воскресения Христа. Сам факт Преображения считается исследователями повторением Крещения, где Иисус был объявлен новым Моисеем и Мессией, а сияние его лица подобно сиянию, исходившему от Моисея, когда тот спускался с Синайской горы[10].

Следовательно, логично предположить, что сцена "Преображения", изображенная в новой софистической иконографической форме приобретает еще более описательное и одновременно символическое содержание, которое позволяет ей прямо и непосредственно соединиться с пророческим значением Воскресения, обосновывая тем самым роль Воскресения в великом празднике. Символическое и редчайшее для иконографии присутствие пророка Моисея, держащего дощечки с заповедями в сцене "Сошествия в Ад", в целом ряде памятников XV в. и в основном XVI в., подтверждает предположение о взаимосвязи между воскрешением Моисея и Воскресением Господа[11].

Этот эпизод, который обогащает в изобразительном плане сцену и открывает скрытый в текстах символизм, не является, по нашему мнению, находкой итальянской живописи, как утверждали в прошлом профессора Г. Милле и А. Ксингопулос[12], несмотря на то что в изображении летящего ангела легко узнается итальянский стиль[13].

Одно из первых изображений, основанное, вероятно, на не дошедшем до нас тексте, находим в армянском рукописном Тетраевангелии (1035 г., F. 6r), где Моисей

[1] Настоящая статья написана на основе материала моей докторской диссертации: *Semoglou A.* Le décor mural de la capelle athonite de Saint Nicolas (1560). Application d'un nouveau langage pictural par le peintre thébain Frangos Catellanos. Lille, 1998. Хочу выразить особую благодарность проф. А. Ангеллопулосу, который одобрил мое участие в научном симпозиуме, организованном во дворце Карипио в Салониках Центром по изучению национальных и религиозных проблем с темой "Мир православия на Балканах и в Закавказье в прошлом и в настоящем. Роль Салоник".

[2] Об этом определении см.: *Riesenfeld J.* Jésus Transfiguré. Copenhague, 1947. P. 245.

[3] Минея. Август. Ч. 1. М., 1989. С. 160.

[4] См.: Première Encyclopédie Théologique (ou première série de dictionnaires sur toutes les parties de la science religieuse). Изд.: PG 4. Col. 845.

[5] *Покровский Н.* Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1882. С. 201; *Millet G.* Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles. P., 1916 (réimpression 1960). P. 680; *Ξυγγόπουλος Α.* Σχεδίασμα ἱστορίας τῆς θρησκευτικῆς ζωγραφικῆς μετὰ τὴν ἅλωσιν. Ἀθῆναι, 1957. Σ. 120; *Αχειμαστοῦ-Ποταμιανοῦ Μ.* Η μονή των Φιλανθρωπηνών και η πρώτη φάση της μεταβυζαντινής ζωγραφικής. Αθήνα, 1983. Σ. 71; *Garidis M.* Le peinture murale dans le mond Orthodoxe après la chute de Byzance (1450–1600) et dans les pays sous domination étrangère. Athènes, 1989. P. 192.

[6] *Dufrenne S.* La manifestation divine de l'iconographie Byzantine de la Transfiguration // Actes du Colloque International: Nicée II, 787–1987. Douze siècles d'imageries religieuses, 2–4 octobre 1986. P., 1987. P. 189. N 31.

[7] *Mathews Th.F., Sanjan Av.K.* Armenian Gospel. Iconography. The Tradition of the Glajor Gospel. Washington, 1991. P. 96.

[8] PG 58. Col. 554.

[9] Цит. по: *Dufrenne S.* Op. cit. P. 206.

[10] О вышеизложенной точке зрения см.: *Müller H.P.* Die Verklärung Jesu. Eine motivgeschichtliche Studie // Zeitschrift für die Neuetestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Älteren Christentums. 1960. 51. S. 56–64.

[11] Отметим, что Дионисий Фурнаграфиот в "Ерминии" не упоминает о присутствии пророка Моисея в сцене "Сошествия в Ад". Наоборот, упоминает о нем в сцене "Второго Пришествия", держащем илитарий с текстом из Второзакония (8, 15–16), см.: Ерминия. М., 1993. С. 143–145. О присутствии Моисея в сцене "Сошествия в Ад" в настенной живописи см.: *Αχειμαστοῦ-Ποταμιανοῦ Μ.* Op. cit. Σ. 92.

[12] Оба исследователя поддержали точку зрения, что этот эпизод заимствован у Рафаэля (*Millet G.* Op. cit. P. 660; *Ξυγγόπουλος Α.* Op. cit. Σ. 120). Также и М. Гаридис придерживался точки зрения, что этот эпизод сформировался под итальянским влиянием (*Garidis M.* Op. cit. P. 92).

[13] См.: *Grabar A.* La peinture religieuse en Bulgarie. P., 1928. T. 1. P. 276.

изображен в рост, закутанным в белое полотно, что свидетельствует о его воскрешении[14]. Этот эпизод мы встречаем на иконе, приписываемой Феофану Греку и датируемой началом XV в.[15] (рис. 1). Эту тему повторит художник при росписи старого кафоликона в Преображенском монастыре в Метеорах (1483)[16]. В XVI в. этот эпизод встречается только в небольшой группе памятников Северо-Западной Греции, например, в монастыре Моливдоскепастис в Эпире (вторая четверть XVI в.)[17], в кафоликоне монастыря прп. Никанора в Заворда в Гревене[18] (после 1542 г., по нашему мнению), в кафоликоне монастыря Варлаама в Метеорах (1548 г.)[19] и в часовне св. Николая в монастыре Великой Лавры на Афоне (1560)[20] (рис. 2). Три последних упомянутых памятника были расписаны великим фиванским художником Франко Кателлано.

Из всех известных на сегодняшний день примеров можно установить, что в течение XVI в. преимущественно монастырское искусство Центральной Македонии и Эпира принимает эту особую и оригинальную форму, которую игнорирует большая часть греческих мастеров той эпохи, в том числе и представители Критской школы. Насколько мне известно, на территории Греции еще не найдена икона с изображением сцены перенесения ангелами пророков на облаке и сценой воскрешения пророка Моисея.

Напротив, в России этот эпизод встречается намного чаще, в иконографии большинства икон XVI в.[21], а в течение XVII в. примеров становится еще больше, как на иконах, так и в иллюстрированных рукописях из Киева, Новгорода и Пскова[22].

На основании всего вышеизложенного приходим к выводу, что уже начиная с XV в. и в основном в XVI в., монастырская живопись Центральной Македонии и Эпира, идя по пути поиска, выбирает оригинальную завершенную иконографическую форму Преображения с введением сцены воскрешения Моисея из саркофага. Эту сложную иконографию отвергают мастера Критской школы.

Я думаю, что эта иконографическая деталь вписывается в рамки общих тенденций расширения и углубления содержания некоторых композиций: "Преображения", "Распятия", "Сошествия в Ад". В тоже время она объясняет усилия греческой церкви защитить православную веру от опасности ее исламизации. Эту роль берут на себя, как известно, на протяжении XVI в. греческое монашество, и поэтому мы обнаруживаем новое художественное выражение лишь в некоторых монастырских кругах континентальной Греции (Центральная Македония и Эпир)[23].

Наконец, если мы согласимся с тем, что иконографическая формула воскрешения Моисея в композиции "Преображения" находит благодатную почву в России и не является чем-то редкостным для русских икон и рукописей XVI и XVII вв., то должны объяснить ее появление на территории Греции и вообще на Балканах проникновением сюда русского искусства в указанный период[24].

Следуя этому предположению, мы принимаем автоматически к обсуждению и "традиционное" мнение, которое выражает проф. Д. Триандафиллопулос. Согласно этому мнению, русское искусство и иконография являются чуждыми искусствоведческой традиции Балкан и по этой причине не имеют достаточного влияния на формирование нового иконографического типа на этой территории[25]. Считаю, что пример сцены "Преображения", наряду с другими примерами в настенной живописи целого ряда памятников Северо-Западной Греции XVI в., ставит это мнение под сомнение и требует его пересмотра.

---

[14] *Stichel R.* Una rappresentazione armena della Transfigurazione di Christo // Atti del Primo Simposio Internazionale di Arte Armena. Venezia, 1975. S. Lazaro, 1978. P. 669–673. Благодарю проф. К. Лепаж за то, что обратил мое внимание на значимость вышеприведенного эпизода.

[15] Принадлежность иконы Феофану Греку доказана К. Онаш (*Onash K.* Ikonen. B., 1961. S. 387. Ill. 91), а также М. Алпатовым (*Алпатов М.* Феофан Грек. М., 1979. С. 134, 138, Ил. 110). Наоборот В.Н. Лазарев считает, что художником этой иконы является не сам Феофан Грек, а его ученик родом из Москвы, а не из Новгорода (*Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1947. Т. 1. С. 245; 1948. Т. 2. Ил. 347).

[16] *Georgitsouanni E.* Les peintures murales du vieux catholicon du monastère de la Transfiguration aux Météores (1483). Athènes, 1993. P. 120–123. Ill. 39–41. Автор не разъясняет новый элемент в вышеуказанной сцене.

[17] Данные о памятнике еще не опубликованы и информация о нем – мои личные заметки и М. Ахимасту-Потамиану (*Αχειμαστού-Ποταμιανού Μ.* Op. cit. Σ. 71).

[18] Личные заметки.

[19] *Αχειμαστού-Ποταμιανού Μ.* Op. cit. Σ. 71.

[20] *Semoglou A.* Le décor mural de la capelle athonite de Saint Nicolas (1560). Application d'un nouveau langage pictural par le peintre thébain Frangos Catellanos. Lille, 1998. Ill. 24b.

[21] См. в качестве примера икону Моисея из Новгорода (*Onash K.* Ikonen. Ill. 58) (рис. 3), икону из церкви св. Николая в Пскове, датируемую первой половиной XVI в. (*Alpatov M., Rodnikova I.* Les Icônes de Pscov du XIIIe au XVIe siècle. Leningrad, 1991. Ill. 108) (рис. 4). И наконец, икону церкви Спаса на Нередице, которая датируется концом XVI в. (*Покровский Н.* Указ. соч. С. 200).

[22] См. славянское Евангелие из Антониева Сийского монастыря (второй половины XVIII в.), как и петропавловское Евангелие. Отмечаем также среди других и иконы в музеях городов (*Onash K.* Op. cit.), Киева (*Покровский Н.* Указ. соч. С. 200), а также икону, которая была выставлена в New Grecian Gallery в Лондоне в 1973–1974 гг. (Catalogue. Feast Day Icons 14th–17th Century (New Grecian Gallery). November 1973–January 1974. L. Ill. 24 (рис. 5).

[23] Эта точка зрения обосновывается в моей докторской диссертации – с. 105–106.

[24] Не верю, что армянский прототип оказывает влияние на развитие греческой иконографии. Значительные иконографические отклонения, которые отмечаются в рукописи и несомненно объясняются его архаичностью, исключают возможность такого влияния. Поэтому представляет интерес изучение происхождения и развитие этого прототипа до XV в., когда его встречаем в иконе, которая приписывается Феофану.

[25] Вышеизложенное положение принимается Д. Триандафиллопулосом на основании возникшей с его точки зрения сложной иконографической формы изображения "Сошествия во Ад" в ряде памятников в основном XVI в., которые приписываются мастерам школы Северо-Западной Греции. См.: *Triantafhyllopoulos D.* Die Nachbyzantinische Wandmalerei auf Kerkyra und den anderen Ionischen Inseln. Untersuchungen zur Konfrontation zwischen ostkirchlicher und abendländischer Kunst (15–18 Jahrhundert). München, 1985. Bd. 1. S. 105.

Кладуиа Соде

А.Д. МОРДТМАН МЛАДШИЙ (1837–1912) И НАЧАЛО ВИЗАНТИЙСКОЙ СИГИЛЛОГРАФИИ*

В Византии, в противоположность Западу, сохранились лишь немногие архивы, в связи с чем византийские моливдовулы являются важным материалом для понимания политического и административного устройства Византийской империи, ее гражданского, военного и церковного аппарата. Именно поэтому печати все чаще привлекаются в качестве исторического источника.

До XVIII в. свинцовые печати в основном были случайными дополнениями коллекций монет и медалей. Впервые они были рассмотрены в работе Ф. Фикорини "I Piombi antiqui", которая вышла в 1740 г. в Риме. Лишь в XIX в. печатями начинают интересоваться специально. Появляется целая серия публикаций, посвященных отдельным моливдовулам: Н.Д. Марше, Е. Миллера, Дж. Сабатье и др.[1] В 1884 г. публикует свою монографию Густав Шлюмберже (1844–1924), французский врач, историк и археолог[2], "Сигиллография византийской империи"[3] – основополагающий труд по византийской сфрагистике. Издание им огромного числа моливдовулов – в общей сложности свыше тысячи – разработка их классификации, определение основных понятий византийской сигиллографии в значительной степени повлияло на формирование интересов к изучению византийских печатей. Этому способствовали также и другие работы Г. Шлюмберже[4].

* Настоящая статья представляет собой доклад (на английском языке), прочитанный на научной конференции "Византия и христианский Восток", посвященной памяти А.В. Банк, которая проходила 19–21 мая 1999 г. в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). См.: *Sode C.* Andreas David Mordtmann (1837–1912) und die Anfänge der byzantinischen Sigillographie // Византия и Христианский Восток. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1999. С. 64. Сердечную благодарность за помощь в переводе этой статьи я выражаю Виктории Булгаковой (в настоящее время проживающей в Берлине).

[1] *Marchant N.-D.* Lettres sur la numismatique et l'histoire: Nouvelle edition annotée par divers savants. P., 1851; *Miller E.* Bulles byzantines de la collection de M. le baron de Koehne et de diverses autres provenances // Revue numismatique. Nouv. sér. 1867. 12. P. 416–434. Pl. XIII–XIV; *Sabatier J.* Iconographie d'une collection choisie de cinq mille mèdailles romaines, byzantines et celtibériennes. St. Petersburg, 1847–1860; *Idem.* Plombs, bulles et sceaux Byzantines // Revue archéologique. 1858. 15. P. 82–100.

[2] Исчерпывающее представление о становлении Г. Шлюмберже как личности и ученого предлагает реферат Н.П. Лихачева, прочитанный им 15 ноября 1924 г. на открытом научном собрании Российской академии истории материальной культуры по случаю 80-летия Г. Шлюмберже и 50-летия его научной деятельности. Текст доклада издан в недавнее время по рукописи из архива ученого. См.: *Лихачев Н.П.* Деятельность Густава Шлюмберже (по случаю исполнившегося 17 октября 1924 года его восьмидесятилетия и полустолетия ученых трудов) (Публикация, послесловие и примечания Е.В. Степановой) // ВИД. 1991. XXIII. С. 233–260. (Далее: Лихачев). О Г. Шлюмберже как основателе византийской сигиллографии см., *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963. S. 6; *Seibt W., Zamitz M.L.* Die byzantinischen Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung. Wien, 1997. S. 21.

[3] *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. P., 1884 (переизд.: Turin, 1963). (Далее: Sig.). Перечисление важнейших сигиллографических работ, предшествующих монографии Г. Шлюмберже, см.: Sig. P. 2–3.

[4] См. об этом у Н.П. Лихачева (Лихачев. С. 243–244). Перечисление других работ Г. Шлюмберже в области византийской сигиллографии см. там же, а также: Sig. P. 2–3.

Наряду с Г. Шлюмберже основоположником византийской сфрагистики был Андреас Давид Мордтман младший (в отличие от своего отца[5]), врач немецкой больницы в Константинополе[6]. Обладатель одной из крупнейших в свое время коллекций печатей[7], А.Д. Мордтман издает в 70-х – 80-х годах XIX в. многочисленные работы по византийской сигиллографии[8]. Перу Мордтмана принадлежит весьма ценный научный труд, в котором впервые были определены принципы хронологического деления печатей. Основой его публикации[9] послужил доклад Мордтмана, прочтенный в 1873 г. в Греческом филологическом обществе (Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος) Г. Шлюмберже пишет о нем: "Enfin est venu M. le Dr A. Mordtmann de Constantinople qui, dans une Conférence publiée dans le Memoires du Syllogue grec de cette ville, a dit le plus complètement ce qu'étaient les sceaux byzantins et quels services immenses leur étude approfondie pouvait rendre à la connaissance de l'archéologie et de l'histoire de l'empire d'Orient"[10].

Кроме этого, Г. Шлюмберже в предисловии к "Сигиллографии" обращается со словами благодарности к Мордтману за использование его заметок: "M. le Dr Mordtmann, avec sa bienveillance habituelle, a bien voulu me communiquer la description de tous les sceaux lui appartenant, relatifs a l'histoire de la grand cité d'Antioche, et aussi de toute sa précieuse série de sceaux concernant la topographie de Constantinople"[11]. В другом месте, в "Considerations generales", Г. Шлюмберже пишет: "Je publie un nombre très considerable de sceaux de plomb byzantins, plusieurs milliers, dont les quatre cinquièmes sont inédits; j'ai, on outre, donné soigneusement la description de toutes les bulles qui avaient été déjà publiées par d'autres auteurs. J'ai fait précéder la description et l'étude critique des diverses catégories de sceaux, description et étude qui constituaient le but principal de mon livre, d'une série de Considérations générales dans lesquelles j'ai réuni toutes les indications qui pouvaient présenter une utilité quelconque pour l'étude de la sigillographie byzantine envisagée à un point de vue général. Cette partie de mon travail m'a également coûté de grands efforts, car personne n'avait abordé ces questions avant moi, et je n'ai eu pour m'aider que la lecture de quelques pages bien incomplètes de M. Mordtman"[12].

Публикуя отдельные работы по сфрагистике, Мордтман приходит к мысли о необходимости написания обобщающей работы о византийских печатях. Постепенно

[5] Д-р. А.Д. Мордтман (1811–1879) был ориенталистом. См. о нем: Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 22. Leipzig, 1885. S. 219; *Mordtmann A.D.* d.Ä. Anatolien. Äkizzen und Reisebriefe aus Kleinasien (1850–1859), eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von F. Babinger. Hannover, 1925 (переизд.: Osnabrück, 1972). S. VII–XXXIV (с указанием дальнейшей библиографии).

[6] О нем см.: *Schröder H., Close C.R.* Lexikon der Hamburgischen Schriftsteller bis zur Gegenwart. Bd. 5. Hamburg, 1870. S. 385 (молодые годы); литература о поздних годах жизни мне не известна; *Babinger F.* S. XI (см. примеч. 5); *Bettelheim A.* (Hrsg.). Biographisches Jahrbuch und deutscher Nekrolog. Bd. 18. B., 1917. Sp. 45*.

[7] Ср.: Sig. P. 7: "Au moment des découvertes faites lors des grands travaux de Constantinoplee, deux ou trois collections importants se sont formées dans cette ville: celle du Dr. A. Mordtmann, de beaucoup la plus considerable et dont bien des pièces rares ont été publiées par leur proprietaire (ср. об этом примеч. 8). ...A Paris, je ne puis citer que ma propre collection, la plus considérable après celle de M. Mordtmann".

[8] *Mordtmann A.D.* (jr.). Beiträge zur Kenntnis der byzantinischen Bleisiegel // Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde, 1870. 5. S. 271–282; *Idem.* Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse // Revue archéologique. Nouv. sér. 1877. 33. P. 289–298; 1877. 34. P. 47–60; *Idem.* Μολυβδόβουλλα Κομνηνῶν // Ἑλλ. Φιλολ. Σύλλ. (Παράπτ. τοῦ ιγ τόμου). 1881. Σ. 44–49; *Idem.* Μολυβδόβουλλα τῆς Δύσεως ἤγουν τῆς Εὐρώπης // Ibid. Σ. 84–94; *Idem.* Μολυβδόβουλλα βυζαντινὰ ἐπαρχιῶν Εὐρώπης // Ἑλλ. Φιλολ. Σύλλ., 1886. Σ. 144–152.

[9] Περὶ βυζαντινῶν μολυβδοβούλλων // Ἑλλ. Φιλολ. Σύλλ. 1872–1873. Σ. 57–81 (= Sur les sceaux et plombs byzantins: Conference tenue dans la Societe Litteraire Crecque. Konstantinopel, 1873) (здесь P. 64–65). См.: *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 67–69 слл.; *Степанова Е.В.* Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 141–142.

[10] Sig. P. 3. Н.П. Лихачев пишет, что Шлюмберже в теоретической части своего свода опирается на превосходную "Conférence Dr Mordtmann'a" (Лихачев. С. 246).

[11] Sig. P. VII. Помимо этого Г. Шлюмберже приводит наблюдения А.Д. Мордтмана о различных типах монограмм (ср.: Sig. P. 84–90).

[12] Sig. P. VI.

зультате моей работы над Львом, то я льщу себя тем, что теперь, когда я приобрел больше знаний о сущности византийской истории, Пселл еще больше бы стал соответствовать его, да и Вашим, ожиданиям. Однако и сейчас все еще печатают заметки (Noten), в которых я, как и у Льва, пытаюсь сосредоточить столько предметных и языковых примечаний, сколько могу, а также сделать все от меня зависящее, чтобы этот второй том наших Byzantina стал вечным памятником, достойным как усопшего, так и Вас (in denen ich, wie früher zu Leo, so viele Sach – und Sprachbemerkungen als ich kann zusammenzustellen suche, und mein möglichstes thun, um aus diesem zweiten Band der Byzantina ein bleibendes Denkmal zu machen, das des Verewigten, und Ihrer, nicht ganz unwürdig sei). О том, что канцлер незадолго до своей смерти еще перевел денег (как я предполагаю, на издание "Хроники" Амартола), я, по настоящему растроганный, узнаю из письма Зиннера[14]; какое это счастье, что человек столь благородного рвения, который, находясь уже по ту сторону своей смерти, все еще пытается действовать на пользу науки, нашел в Вас столь разумного советчика. Я, конечно, также постараюсь добросовестно выполнить взятые на себя обязательства, и мои рукописи обоих трудов ("Морейской хроники" и "Хроники" Георгия Амартола? – *И.М.*) почти готовы; но, разумеется, я смогу думать о начале печатания "Хроники" только тогда, когда появится Пселл, т.е. примерно в первой половине следующего года. Амартол, который, в принципе, менее важен, может, пожалуй, и подождать последней очереди. Вплоть до того, как издание Пселла окажется в Петербурге, лучше, чтобы все суммы, предназначенные для следующих изданий, оставались в Ваших руках. Ясно, что Пселла мы должны посвятить memoriae aeternae усопшего. Вы должны достаточно своевременно получить корректуры предисловия и посвящения, чтобы смочь сообщить мне Ваши замечания и предложения по изменению текста; том (Морейской. – *И.М.*) хроники я хотел бы с моим полным сердечным расположением посвятить Вам, разумеется, с новым благоговейным упоминанием бессмертных заслуг канцлера. Я Вам столь часто и со столь давнего времени был обязан, что поистине является потребностью моего сердца еще раз и публично высказать Вам свою признательность» (л. 90–90 об.).

Почему же все-таки стало невозможным довести, казалось бы, полностью обеспеченное издание "Хроники" Михаила Пселла до выхода в свет (я уже не говорю о прочих, также оплаченных русскими деньгами изданиях, о которых шла речь), – остается пока тайной. Возможно, объяснение этому можно усмотреть в других словах Газе, содержащихся также в данном письме от 6 августа 1826 г.: "Если бы для Пселла не было сделано все (необходимое), а для других двух изданий – уже по большей части, то я бы затруднился со временем, которого требует работа; ибо я теперь, согласно воле министерства, занят подготовкой Catalogue raisonné всех наших греческих рукописей, который должен появляться выпусками. Но ведь для трех других моих византийцев мне почти ничего больше не надо делать, кроме как просматривать аккуратно корректуры и гнать печатание; и это при том, что я, спасибо Господу, чувствую себя вполне бодрым, так что в конце концов все же прийду к завершению с Byzantinis, а может быть, даже (прежде, чем умру) и с моим долгим каталогом" (л. 91).

Ничему из этого не суждено было сбыться, хотя судьба действительно отпустила ученому долгую жизнь (ум. в 1864 г.). Почему-то прервалась его переписка с Ф.И. Кругом (ум. в 1844 г.). Ничего об этих издательских проектах и причинах их приостановки не говорится и в возникшей в 1845 г. переписке Газе с другим "немецко-русским" академиком – А.А. Куником (1814–1899), хотя, отвечая на запросы последнего, Газе дает подробные разъяснения о произведениях многих византийских авторов, в том числе и о "Хронографии" Михаила Пселла. Публикацией этого отрывка (в оригинале) письма Газе к Кунику от 26 июля 1845 г. мы и завершим наш краткий очерк: "Die Geschichte des Psellus umfasst den Zeitraum vom Tode des Johannes Tzimiscus (976) bis zur Alleinherrschaft Michael's VII. Paparinacus, nach Untergange des Romanus Diogenes (1071). Die früheren Regierungen werden kurz abgehandelt; nur von Michael V. Kalaphatus an wird Psellus eine Hauptquelle für die Palastrevolutionen und Hofränke, an denen er in der lezten Zeit thätigen Antheil genommen zu haben scheint. Weit minder kümmert ihn was fern von Konstantinopel vorging. Bolgaren erwähnt er hin und da, Russen (Σκύθας?) fast nicht, und noch weniger lässt sich aus ihm, so wie überhaupt aus dem was ich sonst abgeschrieben und gesammelt, etwas für oder wider die normannische Abkunft der lezteren entnehmen, welche Sie in Ihrem trefflichen Geschichtswerke mit eben so viel Gelehrsamkeit als Scharfsinn besprochen haben. Wünschen Sie es so Ihnen H. Miller gern die wenigen Stellen des Psellus mittheilen von jenen Völkern die Rede ist[15]. Er trägt mir auf Ihnen seine Verehrung zu bezeigen und werde auch jede andere Anfrage, die Sie etwa an ihn richten könnten, mit Freuden beantworten"[16].

[14] Об этом деятеле говорит сам Газе в письме от 24 февраля 1825 г., представляя его Кругу как "одного молодого швейцарца, который в Париже был моим слушателем и которого я рекомендую Вам; свои филологические познания он убедительно продемонстрировал в только что вышедшем издании сочинения Bondelmonti "De insulis Archipelagi" (л. 88 об.).

[15] Позднее Э. Миллер опубликовал несколько отрывков из "Хронографии" Пселла, пользуясь материалами Газе. См.: Recueil des historiens des Croisades, Historiens Grecs. P., 1875. T. I. P. 3–99.

[16] ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 190. Л. 5. Письма К.Б. Газе к А.А. Куник также готовятся к изданию.

материалы для издания Берлинской академии, как только та окончит работу над корпусом надписей. Однако, как пишет Мордтман, для этого ему не доставало связей в руководящих кругах. Все внимание там целиком было поглощено классической эпиграфикой. Немецкое издание представлялось А.Д. Мордтману наиболее приемлемым. Материал, как уже говорилось, был собран и требовал лишь доработки, упорядочивания и компоновки. Однако А.Д. Мордтману не доставало самого главного – издателя.

К большому сожалению А.Д. Мордтмана его рукопись так и не была никогда напечатана. Огорчительно, что и И.Г. Штикель не поддержал его, хотя заслуги А.Д. Мордтмана перед Восточным мюнцкабинетом в Йене ни в коем случае нельзя было не недооценить. Наработки А.Д. Мордтмана к корпусу печатей в известной степени поступили в распоряжение Г. Шлюмберже, который, как упоминалось уже, использовал их в своей "Сигиллографии Византийской империи".

Что касается судьбы коллекции А.Д. Мордтмана, то некоторые из его печатей были приобретены русским нумизматом И.И. Толстым (1858–1916)[32]. Около 500 экземпляров были закуплены в начале века для мюнцкабинета в Вене[33].

В 1924 г. Н.П. Лихачев в связи с чествованием Г. Шлюмберже по случаю его 80-летия особо отмечает значение А.Д. Мордтмана для византийской сигиллографии: "Во второй половине XIX столетия постройки Константинополя, а особенно рытье фундаментов для нового здания Сераскериата обнаружило все богатство византийской сфрагистики. Найдены были тысячи булл, к сожалению, большей частью в попорченном окисью виде. Появились коллекционеры, как например, Макриди-бей, Алишан и многие другие, и собиратели-исследователи, как, например, Mordtmann, Sorlin-Dorigny. Особенно высоко стоит имя Dr Mordtmann Junior (в отличие от отца его, ученого-ориенталиста")[34]. Как представляется, о запланированном корпусе печатей Мордтмана и Н.П. Лихачев не имел никакого представления. Местонахождение рукописи Мордтмана до сих пор не установлено, но вышедшие в свет труды ученого не утратили своего значения для всех занимающихся византийской сфрагистикой и интересующихся ею.

[32] Печати изданы: *Толстой И.И.* О византийских печатях Херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. Новая серия. 1887. 2. С. 28–43; см. об этом также: *Гавриленко В.А.* Византийская сфрагистика в дореволюционной историографии России // Нумизматика и сфрагистика. 1974. 5. С. 49–56 (здесь С. 51).

[33] О местонахождении коллекции А.Д. Мордтмана в Вене см.: *Seibt W.* Die byzantinische Bleisiegel... S. 35.

[34] Лихачев. С. 244. К сожалению не сохранился доклад Лихачева "Деятельность А. Мордтмана и Г. Шлюмберже как основоположников в изучении византийской сигиллографии", который он прочитал в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В 1920 г. он был утерен вместе с другими бумагами и печатями Херсона и Болгарии на Николаевском вокзале в Петрограде в результате вокзальной кражи, см.: *Степанова Е.В.* Деятельность Н.П. Лихачева... С. 139–140; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. С. 9–10 (*Шандровская В.С., Янин В.Л.* Н.П. Лихачев и его труд "Моливдовулы греческого Востока". С. 5–19) и С. 27 (Введение Лихачева. С. 26–29).

И.П. Медведев

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ "ХРОНОГРАФИИ" МИХАИЛА ПСЕЛЛА

О том, что знаменитый парижский эллинист немецкого происхождения Карл Бенедикт Газе (1780–1864) по поручению и на средства графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) осуществил первое издание "Истории" Льва Диакона, было известно давно[1]. Неизвестными или малоизвестными, однако, остались другие его неосуществленные издательские проекты ("Хроника" Георгия Амартола, письма и "Хронография" Михаила Пселла, "История" Никифора Григоры, сочинения Григория Паламы), "спонсором" которых также должен был выступить Н.П. Румянцев и о которых мы узнаем, в частности, из обширной переписки К.Б. Газе с акад. Филиппом Ивановичем Кругом (1764–1844), ученым посредником во взаимоотношениях Газе с Румянцевым и вообще доверенным лицом последнего по связям с европейскими научными центрами (прежде всего Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства[2].

Наиболее "продвинутым" из этих малоизвестных издательских проектов К.-В. Газе был проект первого издания "Хронографии" Михаила Пселла, причем, по той же парижской греческой рукописи XII в., на базе которой им было осуществлено editio princeps "Истории" Льва Диакона (Paris. gr. 1712 – codex unicus как для Льва Диакона, так и для "Хронографии" Михаила Пселла)[3]. Уже в самых первых двух письмах Газе (от 24 сентября и 18 октября 1814 г.), предметом которых в сущности был ответ на запрос относительно предложения издать Льва Диакона, упоминается и "Хронография" Пселла как составная часть подготавливаемого дополнительного тома к луврской серии Corpus Byzantinae Historiae (Газе, впрочем, кратко обозначает ее как Byzantina)[4]. Сообщив, что над этим томом он работает уже шесть лет, и высказав сожаление, что работа затянулась из-за частых перерывов, к которым его вынуждает служба в Национальной библиотеке ("мне, в частности, пришлось изучать и описывать все поступившие в библиотеку со времен революции греческие и латинские рукописи"), Газе извещает, что эта отвлекавшая его от «главного занятия и потребовавшая много времени "обуза" закончилась ("за несколько месяцев до вступления союзников в Париж"), и что он возобновил работу над томом, который должен был включить следующие inedita: 1) Лев Диакон; 2) "Хронография" Пселла; 3) его же письма ("поскольку они исторического содержания"); 4) несколько книг из "Римской истории" Никифора Григоры ("они у нас не все изданы"); 5) Анонимы; причем, "из них готов к печати Лев и почти готова Хро-

[1] Подробно об этом см.: *Медведев И.П.* К истории первого издания "Истории" Льва Диакона (в печати).

[2] ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Письма готовятся нами к изданию. В дальнейшем все указания листов со ссылками на письма К.Б. Газе делаются в тексте статьи. Письма цитируются в нашем переводе с немецкого (рукописная "готика"), иногда с французского (к Н.П. Румянцеву). К сожалению, нам не удалось воспользоваться той частью переписки Газе с Румянцевым, которая хранится в архиве последнего в Москве: ОР РГБ. Ф. 255. Оп. 5. Д. 34. См. о ней Appendix II к цитируемой (примеч. 6) работе И. Шевченко.

[3] Как известно, именно по этой рукописи "Хронография" Пселла и публиковалась позднее. Критическое издание см.: *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par E. Renauld. P., 1926–1928. T. 1–2.

[4] См. об этом издании: *Karayannopulos I.E.* Πηγαὶ τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας. Β′ ἔκδ. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 57.

нография Пселла"» (л. 3 об., 5–5 об.)[5]. Но поскольку в первую очередь речь шла о напечатании Льва Диакона, то было предположено, что Пселл и все прочее из планировавшегося тома будут опубликованы позднее, "приблизительно в следующем году" ("Мне самому, – подчеркивает Газе, – отнюдь не неприятно предпослать через издание Льва своего рода предтечу более крупному труду" – л. 6).

Работа, однако, растянулась на годы. Обсуждая в письме от 23 февраля 1816 г. предложенные Кругом варианты перевода на латинский язык некоторых слов и выражений из Льва Диакона ("Здесь в Париже латинская ученость полностью в упадке; за исключением Буассонада и Висконти, во всем институте нет ни одного лица, которое было бы в соответствии написать какую-либо латинскую книгу, да даже одну страницу, без грубых ошибок, так что мне здесь совершенно не к кому обратиться за дружеским советом, и поэтому Ваш мне вдвойне ценен"), Газе констатирует: "К счастью, Лев легок (для перевода на латынь. – *И.М.*), Амартол – еще более; но Пселл полон аллюзий из неоплатоников, аристотеликов и менее известных поэтов, так что я иногда при переводе становлюсь в тупик" (л. 11).

Судя по всему, инициатором включения Пселла в число субсидируемых Н.П. Румянцевым изданий был Ф.И. Круг, хотя черновика его письма с подобным предложением среди его бумаг мы не находим. Зато Газе в письме от 11 июля 1817 г., сообщая о том, что Лев Диакон через несколько месяцев будет закончен ("то, что печатание растянулось на более, чем два года, объясняется тем, что на меня теперь (в Королевской типографии. – *И.М.*) трудится один-единственный человек, да и он, когда приходится много печатать для правительства, прерывает свою работу; в дальнейшем, надеюсь, дело пойдет лучше"), говорит об этом как о деле уже решенном, что сможет тогда определенно составить смету расходов на печатание Пселла. "Расходы на Льва, – продолжает он, – превысят, как я предвижу, 3000 франков (именно такая сумма была выделена Румянцевым на издание Льва Диакона. – *И.М.*), так как том содержит около 350 страниц; впрочем, поскольку немалое число экземпляров забирает (с оплатой. – *И.М.*) здешнее правительство, то я легко смогу компенсировать то, что будет недоставать в присланной мне канцлером сумме. Точный расчет Вы получите в оригинале с первым полным экземпляром Льва, и одновременную смету того, сколько может стоить печатание Пселла. После него я думаю издать Амартола, если, конечно, я найду со стороны канцлера столь же щедрую поддержку; в примечания я пытаюсь, по примеру Бандури, всунуть как можно больше inedita historica из наших рукописей" (л. 18)[6]. В ответном письме (черновик) от 31 августа 1817 г. Ф.И. Круг лишь просит уточнить стоимость напечатания Пселла и сообщить, должен ли он снова просить у графа 3 тысячи франков или больше, "с тем, чтобы предоставить их в Ваше распоряжение"[7].

В письме от 19 октября 1817 г. Газе еще раз пишет о том, что если французское правительство оплатит по 40 фр. за экземпляр Льва Диакона (из тех 100, на которые оно подписалось), то все издержки будут полностью покрыты и даже создастся некоторый излишек, который позволит начать печатание Пселла. "Я также, – пишет он, – лишь по получении счета за напечатание Льва и отправления его Вам с надлежащими расписками смогу совершенно определенно составить смету на печатание Пселла. Я все же думаю, что если у нас не исчезнет с министерским векселем надежда на здешнюю подписку, то 3000 фр. будет, пожалуй, достаточно; текст Пселла не намного больше, чем текст Льва и Никифора вместе взятых. И будьте любезны сказать мне (когда у Вас будет весь Лев), отвечает ли то расширение, которое я придал примечаниям, Вашему и канцлера мнению, ибо естественно, что краткость или полнота примечаний к Пселлу будет влиять на стоимость его печатания" (л. 40/7). А в письме от 4 января 1818 г. Газе пишет о желательности того, чтобы к концу марта или началу апреля канцлер прислал 6000 франков, "которые он столь любезно предложил мне". "Так как печатание Льва, – продолжает он, – определенно подходит к концу, то я бы внес потом всю сумму в кассу Королевской типографии под расписку, и одновременно попросил бы для меня письменное удостоверение, что через 18 месяцев печатание ("Хронографии" Пселла. – *И.М.*) будет завершено. Если там увидят наличные деньги и, следовательно, будут полностью покрыты все затраты, то я не сомневаюсь, что (в типографии) снизойдут до этого" (л. 21 об. – 22).

Письмом от 10 апреля 1819 г. Газе снова извещает Круга: "Мой Пселл с разнообразными историческими и географическими заметками, которые я собрал в примечаниях, уже давно целиком готов к печати" (л. 38 об.)[8], а 28 августа 1819 г., сообщив о получении тиража Льва Диакона и об отправке в Петербург 124 экземпляров, с письмом к канцлеру и счетом с квитанциями, он добавляет: «Из них Вы увидите, что печатание обошлось дороже (6898 фр.), чем мы предполагали, в частности, из-за примечаний, и я, таким образом, изъял некую часть из денег, предназначенных для Пселла (...). Для Пселла у нас еще есть 4102 фр., из которых 2000 лежат у Эберхарта, королевского типографа из Коллеж де Франс (...). Пожалуйста, постарайтесь побудить канцлера, чтобы он выслал нам, по крайней мере, еще 2000 фр., а если можно, то 4000; либо я вижу на основании сравнения моих рукописей, что Пселл будет помощнее, чем Лев, даже если я буду более краток в примечаниях; он, стало быть, может стоить, согласно сейчас произведенному расчету, 7–8 тыс. фр., из которых у нас здесь есть только 4100. Мне неизвестно, получим ли мы подписку для Пселла от здешнего министерства, с которым я уже немного поссорился из-за Льва. Я предоставляю дело Вам. Деньги за Пселла понадобятся уплатить Королевской типографии только после окончания печатания, так что у нас до этого срока еще полтора или два года, чтобы быть уверенными в этом. Нужно только, конечно, чтобы это было точно определено, иначе Королевская типография возьмется за меня по окончании печатания Пселла и заставит возместить недостающее (...). Далее – скажите мне совершенно откровенно Ваше мнение о форме моей работы. Должен ли я сделать более краткими примечания к Пселлу или приблизительно в том же соотношении (что и при издании "Истории" Льва Диакона. – *И.М.*)? Вы, почтеннейший друг, из тех немногих, мнение которых для меня и компетентно, и в высшей степени важно» (л. 35–36).

9 сентября 1819 г. Газе извещает Круга о том, что "из Пселла сейчас напечатано 4 листа", которые он обещает прислать "при следующей большой посылке" (л. 29); то же – в письме от 27 октября 1819 г.; в нем, кстати, Газе ставит в известность о катастрофе с судном, на котором были отправлены в Петербург 124 (а не 150, "как сказано в репортаже", – уточняет он)[9] экземпляров "Истории" Льва Диакона "кажется,

[5] В отношении писем Пселла Газе отмечает: "Psellus Briefe habe ich diesen Sommer in Schweisse meines Angesichtes Ciceronianisches Latein zu zwingen gesucht" (л. 5 об.).

[6] Не здесь ли и кроется "мотив преступления" Газе, сотворившего, если верить И. Шевченко, для своих примечаний к изданию Льва Диакона пресловутую "Записку Готского топарха"? См. об этом: *Ševčenko I.* The Date and Author of the So-colled Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188. Pl. 1–28. В данном издании (p. 174–175, not. 173) в самом общем виде упоминается и "пселловский" проект К.Б. Газе.

[7] ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 214.

[8] Здесь же Газе сообщает сведения еще об одном своем неизвестном и неосуществленном проекте – первом издании знаменитой "Морейской хроники". "Для моего урожая колосьев и стеблей из латинских inéditis, – пишет он, – я снова нуждаюсь в добром совете. Так как работа Королевской типографии продвигается столь медленно, не могли бы мы этот том нашего корпуса напечатать где-нибудь в другом месте, скажем, у Эберхарта или Дидо? В основу я мог бы положить "Libri due de bellis Hierosolymitanis, versibus politicis graecobarbaris", которые содержатся в нашем Cod. Regius graecus N 2898 (Catalog. Bibl. Reg.II. 567 c) и в которых есть много сведений о расчленении Восточноримской империи латинянами, а кое-что и о Трапезундской империи, о генуэзцах и их судоходстве в Черном море. Эта своего рода стихотворная хроника, которую я списал и перевел и которую хотел издать уже Дюканж, могла бы стать главным произведением данного тома, а все мои Inedita по истории Восточной Европы, Руси и прибрежных стран Понта, с XIII в. до падения Константинополя, могли бы найти место в примечаниях" (л. 38 об. – 42).

[9] Репортаж о затонувшем судне "Меркурий" был опубликован в: Journal des Débats, mercredi. 20 Octobre 1819.

впрочем, что экземпляры были застрахованы (...) и, таким образом, у нас, пожалуй, достаточно денег на печатание Пселла" – л. 30). В письме Газе от 30 декабря 1819 г. речь идет уже о 125 экземплярах "Истории" Льва Диакона (25 на веленовой бумаге и 100 на обычной), затонувших во время кораблекрушения, "но они, – говорит он, – были застрахованы на 4800 фр., из каковой суммы (...) все же 4500 фр. или около этого будет выплачено нам; 300 фр., наверное, пойдут на покрытие непредвиденных расходов (...). Будьте любезны сказать мне, что я должен делать с 4500 фр., если они поступят" (л. 34). "Если канцлер, – пишет Газе 30 декабря 1819 г., – которому я в любом случае вышлю 125 других экземпляров, ибо все издание является его собственностью, хочет, чтобы я сохранил эти 4506 фр., то я могу это сделать лишь при условии, что он скажет любезность – подумать о нашем издании Пселла в другом месте. Ибо из нынe, несомненно, уже дошедших счетов Вы увидите, что издержки на печатание Льва составляют 6898 фр. Но в целом у нас теперь, считая 2000 фр. от здешнего министерства, лишь 10 тысяч франков. Следовательно, в Королевской типографии осталось еще лишь 4102 фр. Стоимость печатания Пселла, который значительно толще, чем Лев, может, пожалуй, доходить до 8 или 9 тысяч франков, и я, таким образом, могу действительно принять с позволения канцлера, страховочные деньги только в том случае, если Вы полагаете, что он к 4102 фр., которые лежат в Типографии, добавит еще недостающее, чтобы сумма в 8/9 тысяч франков была целиком. Передайте все это, почтенный друг, как Вам будет угодно, а я полностью буду следовать Вашим намерениям, Вашему чутью и Вашему совету" (л. 45).

В письме от 30 января 1820 г. к Кругу Газе, однако, предлагает иное применение страховочным деньгам. «Если канцлер желает, – пишет он, – чтобы я сохранил страховочные деньги за утраченные экземпляры (4506 фр.), то я использую их на напечатание Лаврентия Лида, неизданное сочинение которого "De ostensis et prodigiis" содержится в одной здешней рукописи, которую Шуазель Гуффье привез из Константинополя и которая после его смерти была приобретена нашей библиотекой (...). Сочинение "De ostensis" я с трудом прочитал по рукописи, в этой части разорванной и плохо выделанной; оно давно уже готово к печати, но пример Льва Диакона показывает Вам, что работы такого рода здесь могут долго лежать без внимания, и я не вижу никакой другой возможности выпустить ее в свет иначе, чем на том пути, о котором я говорю[10]. Для меня это будет желанный повод показать мое знакомство также с более высокой и классической литературой; так как сочинение небольшого объема, и все, даже мои примечания, уже подготовлено (единственное, на что потребуется время, это на просмотр корректур), то издание моего основного предмета занятий также ни в малейшей степени не будет убыточным» (л. 46 об. – 47).

Самому Румянцеву (в письме от 23 февраля 1820 г., которое также "застряло" среди его писем к Кругу) Газе, сообщив о своем намерении выслать Его светлости 100 экземпляров "Истории" Льва Диакона ("как только откроется море"), пообещал, между прочим, приложить к посылке и первые напечатанные листы Пселла (л. 48), а 24 февраля того же года в письме к Кругу Газе снова скрупулезно подсчитывает свои, полученные из Петербурга, деньги и завершает их следующим пассажем: «Таковы мои денежные дела, причем, я надеюсь, почтеннейший друг, они целиком отвечают и Вашим намерениям. Все, что об этом написано в моем последнем письме, теперь урегулировано и определено. Благодаря Вам я нашел средства отправить в набор мои "Prodigia Lydi", ибо для этого я хочу употребить те 4000 франков, которые составляет цена 100 экземпляров ("Истории" Льва Диакона, отправленные в Петербург. – *И.М.*), – и в предисловии точно также должно быть упомянуто о Вас и о канцлере. Но будьте любезны обеспечить, по возможности, и печатание Пселла, стоимость которого наверняка будет доходить до 8, а может быть и до 9 тысяч, в то время как в Типографии лежат лишь 4102 фр.; при нынешних, чреватых грозами временах мы не можем рассчитывать на то, чтобы получить поддержку от здешнего министерства, которое не на жизнь, а на смерть сражается с демагогическими и олигархическими партиями. Но если печатание будет завершено, то Королевская типография потребует от меня уплаты недостающего, то есть, может быть, 5000 фр. Между тем, печатание Пселла продвигается вперед, правда, сейчас несколько медленнее, но так как заседание и перебранка палат идет к концу, я уверен, что два станка должны будут работать для меня одного» (л. 51–51 об.).

Еще в одном письме к Румянцеву (от 23 мая 1820 г.), также застрявшем среди его писем к Кругу, Газе пишет: "Том Льва повсюду встречен с таким воодушевлением, что мы можем смело заказывать тираж следующих томов (и прежде всего, конечно, Пселла. – *И.М.*) по 500 экземпляров каждый. Я даже жалею, что мы не сделали этого для Льва, которого издали только тиражом в 400 экземпляров. 50 из этих экземпляров, подлежащих тиражированию, я тотчас бы отправил Вашей светлости; для себя я бы сохранил 100, если Ваша Светлость не против; остальные 350, отданных тому из книготорговцев, который предложит самую большую цену, позволили бы покрыть часть расходов, требуемых на напечатание следующего издания. Том Пселла будет более объемным, чем Льва, и издержки печатания могут подняться до 8–9 тыс. фр. Тем не менее, поскольку у нас уже есть 4102 фр. (лежат в Королевской типографии), то достаточно, чтобы Ваша Светлость соблаговолила в течение этого лета приготовить 5000 франков и переслать их сюда нам. Я их передам в кассу Королевской типографии – где уже находятся 4102 фр., и я не сомневаюсь, что наши печатники удвоят тогда рвение и активность" (л. 53 об.). "В письме к графу, – пишет Газе Кругу в тот же день, 23 мая 1820 г., – которое идет по почте одновременно с этим, я прошу его, по Вашему совету – о 5000 франков, благодаря которым печатание Пселла полностью обеспечено и независимо от непредвиденных обстоятельств. Для стихотворной (Морейской. – *И.М.*) хроники мы, как я полагаю, еще ничего не можем от него просить, так как печатание Пселла идет очень медленно. Конечно, приходится опасаться смерти графа через несколько лет или внезапного упадка его духовных сил, когда бы все приостановилось (какое предвидение! – *И.М.*). И хотя невозможно даже намекать ему на такие опасения, все же, – не мог ли бы он, скажем, в следующем году отложить у Вас хотя бы 6000 фр. для стихотворной хроники и гравюры с картой для того же издания? Ибо хотя это издание из-за гравюры с картой будет стоить гораздо дороже, чем какое-либо из более ранних, все же и Типографическая касса, о которой говорит канцлер, наверняка уже появится от продажи Пселла и будет в состоянии покрыть значительную, если не самую значительную часть расходов. Затем я с радостью соглашаюсь с предложением графа о том, чтобы из 500 экземпляров (Пселла. – *И.М.*) он получил 50, я – 100, а остальные 350 должны быть отданы тому из книготорговцев, который предложит бóльшую цену" (л. 55 об.)[11].

[10] Издание "De ostensis" появилось в 1823 г. Рукопись, о которой идет речь и которую в 1784 г. действительно привез из Константинополя пресловутый граф Marie Gabriel Florent Auguste de Choiseul–Couffier (1752–1817), – это нынешний cod. Paris. suppl. gr. 257.

[11] Вот что написал Н.П. Румянцеву по этому поводу акад. Круг в письме от 15 июня 1820 г. (цитируется по черновику, см.: ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 54–54 об.): "Monseingneur! J'ai reçu il y a 8 jours une lettre de Mr Hase du 23 Mai n.st., dans laquelle il me mande, que les premiers 50 exemplaires de Léon Diacre ont été envoyés le 28 Avril par la maison Gontard à la maison Krause ici; mais avant hier le vaisseau qui doit les apporter n'était pas encore arrivé à Kronstadt, et hier le premier commis de Mr Krause n'avoit point encore reçu de connaissement. Quoique je ne doute pas, que l'arrivée de ce navire doit maintenant être très-proche, il ne sera pas pourtant possible, d'envoyer à Votre Excellence six exemplaires à Moscou, comme Vous aviez préscrit; car j'attends Votre retour vers la fin de ce mois ou au commencement du Juillet. Mr Hase me mande en même tems, qu'il Vous a adressé une lettre, dans laquelle il Vous prie d'assigner la somme de 4 à 5000 francs pour le Psellus, de laquelle il tiendra compte. Il est très satisfait de l'arrangement que je lui ai proposé pour l'avenir, savoir que des éditions (fortes de 500 exemplaires) de Psellus, Hamartolus, ainsi que de son volume avec les cartes, V.E. se reserve 50 exemplaires, qu'Elle lui accorde 100, et que le reste de 350 doit être vendu au plus offrant des libraires, pour nourrir une caisse typographique, afin de couvrir une partie de depenses nécessaires. Il me prie seulement de tâcher, s'il est possible, la permission de V.E. pour que 20 exemplaires de chaque ouvrage fussent distribués aux différentes rédactions des principaux journaux littéraires en France et en Allemagne, de sorte, qu'il ne seroit vendu que 330 exemplaires de chacun; et je vous prie, Monseigneur, de m'autoriser à accorder cette demande, qui me semble être raisonnable.

Письмом к Кругу от 4 августа 1820 г. Газе извещает: "Наконец, вчера я получил письмо канцлера от 30 июня из Москвы, и в нем чек на 5000 франков, которых нам еще не хватало, чтобы полностью покрыть печатание Пселла. Сегодня утром я ответил ему по почте. Так что, благодаря Вашей любезности и Вашему ходатайству, и это дело полностью урегулировано (...). Первая книга Пселла некоторое время назад уже была отпечатана; корректуры я пошлю Вам при первой оказии" (л. 58 об. – 59). Письмом от 15 августа он ставит Круга в известность, что "5000 фр. на Пселла прибыли", и добавляет: "Я снова хочу воспользоваться Вашей любезностью, – на этот раз для моего Lydus. Печатание его уже началось и будет стоить примерно 3000 фр. Но я не хочу и не могу хотеть, чтобы канцлер и эти расходы полностью взял на себя, тем более, что он, собственно говоря, не санкционировал это издание. Состояние нашей кассы таково (следуют долгие подсчеты, в результате которых остается сумма в 1349 фр. – *И.М.*). Их, конечно, недостаточно для напечатания Лида, но остальное я могу легко добавить и сам. Будьте любезны, скажите, как мне, по Вашему, представить дело канцлеру, должен ли я ему писать об этом сам, или же послать Вам вышеупомянутый счет на французском языке. Все, что и как Вы решите, я одобряю без всяких условий (...). Со следующим, более крупным пакетом Вы получите и пробные оттиски (Aushängenbogen) Пселла (...). Сам я, пользуясь каникулами, еду в сентябре в Милан, чтобы сличить и списать из рукописей Амброзианской библиотеки меньшие по объему и письма Пселла" (л. 60–61 об.).

Информацию о печатании Пселла мы находим также в письмах Газе к Кругу от 5 ноября 1820 г. (о получении из банка 5000 фр., "которые полностью покрывают печатание Пселла" и о внесении их в Королевскую типографию – л. 62; "Пселл медленно продвигается вперед" – л. 63); от 14 ноября 1820 г. (отправляет через посольство первые листы Пселла, "теперь уже почти год как принятого к печати, но я все еще нуждаюсь в корректурах, пока не получу, наконец, une série de bonnes feuilles, с тем, чтобы сразу же их послать Вам" – л. 64); от 15 февраля 1821 г. ("Печатание Пселла так хорошо Вами обеспечено, что я не знаю как мне выразить Вам мою признательность. Считайте поэтому, что среди многих, кому Вы сделали одолжение и кому Вы дороги, нет никого более преданного Вам, чем я (...). Со следующим, более крупным пакетом Вы получите bonnes feuilles Пселла до стр. 54: так много уже теперь оттиснуто" – л. 65, 66); от 16 апреля 1821 г. (обещает прислать в пакете с другими материалами также кое-что из напечатанных в последнее время листов Пселла; "Печатание Пселла идет, к сожалению, очень медленно" – л. 76); от 7 мая 1821 г. ("Из-за небольшого недоразумения в организации издания печатания Пселла снова прервалось на какое-то время. Когда мы его начинали, Руссо[12] считал, что данное ему от Garde des Sceaux на мое прошение разрешение печатать продолжение византийской истории будет действительно не только для Льва, но и для всех последующих томов. Однако недавно директор Королевской типографии Аниссон дю Перрон из-за чего-то поссорился с Garde des Sceaux, и трусливый Руссо теперь считает, что я должен испрашивать на каждый том особое разрешение, чтобы Королевская типография была всегда в нормальных отношениях с Garde des Sceaux. Поэтому несколько дней назад я написал прошение и разрешение будет получено" – л. 72); от 28 июля 1821 г. ("Приостановка печатания Пселла, о которой я писал Вам, сейчас прекращена, и близкое завершение заседания палаты позволяет надеяться, что мы можем не бояться дальнейшего перерыва" – л. 70); от 20 октября 1821 г. («Я эти каникулы провел в Генуе (...). Путешествие в Геную было быстрым и кратким. Так как еще есть время для того, чтобы приложить "последнюю руку" к примечаниям к Пселлу, я захотел попытать счастья: не найдутся ли в архивах древнего вольного города каких-нибудь византийских документов. В начале сентября я проехал через Лион в Марсель, погрузился на корабль и после трехдневного плавания прибыл в

[12] По-видимому, типографский сотрудник.

Геную. К сожалению, древние архивы со времен объединения были доставлены в Турин, а я из прошлого опыта знаю, как трудно там пробиться к тому, что находится под непосредственным контролем правительства. Так что я удовольствовался тем, что порылся в прочих, оставшихся там, собраниях, запас которых, особенно рукописей, незначителен. Я все же списал кое-что, кое-что сличил из того, что Вы увидите в примечаниях к Пселлу, печатание которого этой зимой, я думаю, быстро пойдет вперед» – л. 73–73 об.); от 19 августа 1822 г. ("Только что, почтеннейший друг, я получил Ваше любезное письмо от 4 июля сего года, с письмом канцлера, и с ужасом вижу из него огромные лакуны в нашей переписке. Со времени моего письма от 20 октября я писал в Петербург трижды (...) причем, во второй раз – по морю, в мае, также к Вам mit Aushängebogen des Psellus (...). Какое несчастье, что печатание Пселла идет так медленно" – л. 77, 78); от 26 октября 1822 г. ("Очень печально, что наше печатание Пселла идет столь медленно и теперь снова прервется, так как приближается начало заседаний палаты. По крайней мере, чем дольше будет продолжаться печатание, тем содержательнее будут, я надеюсь, мои примечания к неизданным вещам и к не лишенным значения фрагментам всякого рода" – 79 об.)[13]; от 20 января 1823 г. ("Как я и предвидел, печатание Пселла снова застопорилось. Я написал канцлеру об этом и использую задержку, чтобы по возможности обогатить с помощью Inedita мои примечания" – л. 81 об.); от 10 мая 1823 г. ("Печатание Пселла, наверное, через несколько недель снова возобновится (...). Я использую долгую задержку, чтобы разобрать и обогатить примечания к Пселлу; они будут гораздо богаче по historicis и ineditis, чем примечания к Льву, конечно, в какой-то степени за счет филологических комментариев, ибо всегда приходится учитывать объем. Последнее, хотя, может быть, и не бесполезны, в основе своей суть не что иное как ἐκδρομαὶ πολύπονοι как говорят греки, und Abschweifungen in's Blaue" – л. 83–83 об.); от 12 ноября 1823 г. ("От Пселла, печатание которого – именно текст – теперь все же довольно сильно продвинулось, я буду иметь честь прислать Вам переплетенный экземпляр, как ранее от Льва" – л. 85 об.)[13]; от 24 февраля 1825 г.: («Спешу, почтеннейший друг, использовать представившуюся мне оказию, чтобы дать Вам отчет (...) о постепенном, хотя, к сожалению, весьма медленном продвижении нашего издания Пселла. Вы вряд ли можете себе представить, со сколь многими затяжками, которые даже меня лишают присутствия духа, нам приходится сражаться. Сейчас, правда, значительная часть текста напечатана, и я льстил себя надеждой – еще прошлой поздней осенью дать в руки себе, Вам и канцлеру его bonnes feuilles в полном и сброшюрованном виде; но с тех пор мы снова скатились в проклятые заседания палат, а при недостаточной оснащенности Королевской типографии, которой никто не может помочь, "labeurs" (филологические работы) снова уступили место этим "travaux" (французским изданиям) (...). Вы, наверное, уже получили мою так называемую книгу ведьм – "De Ostentis" Лида» – л. 88, 88 об.).

И, наконец, последнее известие о неудачнике Пселле – в последнем же письме Газе к акад. Кругу от 6 августа 1826 г. (графа Н.П. Румянцева уже не было в живых): «А как страстно мне хотелось, чтобы покойный канцлер дожил еще до полного издания Пселла. Ведь если я был так счастлив заслужить его одобрение в ре-

[13] В этом же письме упомянуто об издании Лида: "Далее – я прилагаю мою книгу прорицаний (mein Augurienbuch), о которой шла речь ранее и изданием которой я занимался этим летом. К сожалению, поскольку книга печаталась полностью на мои деньги, я располагаю столь малым количеством экземпляров, что у меня нет ни одного ни для канцлера, ни для Академии. Но Вам, высокочтимый друг, прежде всего надлежит иметь знак моей искренней преданности и верной любви. Впрочем, сам по себе опус не очень значителен, но древняя рукопись была в столь безнадежном состоянии, что вызывала опасение, что лет через 100 она превратится в гниль. Поэтому мне захотелось спасти сочиненьице, которое все же заполняет небольшую лакуну; и при многих дополнениях, мне очень пригодился бесславный навык в неаттическом греческом, который мне позволили выработать византийцы, отцы церкви и полуэллинские новогреки; с чистым аттиком я бы не отважился обходиться столь дерзко" – Л. 85–85 об.). Как тут снова не вспомнить о "Записке Готского топарха"!

у него созревает решение о создании корпуса моливдовулов[13], который бы позволил сравнивать печати между собой и тем самым способствовать восстановлению чтения плохо сохранившихся экземпляров. Основные положения запланированного Мордтманом корпуса печатей, можно предполагать, совпадали с идеями, изложенными им в докладе в Греческом филологическом обществе. Они также нашли отражение в его письмах, адресованных к И.Г. Штикелю (1805–1896)[14], профессору ориенталистики Йенского университета и заведующему великогерцогским Восточным мюнцкабинетом в Йене[15]. В библиотеке Йенского университета[16] сохранилось десять писем А.Д. Мордтмана, датируемых 1869–1877 гг. В настоящее время полный текст писем на немецком языке подготовлен к печати[17].

Предлагаемый здесь материал позволяет представить неизвестные прежде сведения о находках византийских печатей в Константинополе, о формировании коллекции Мордтмана и направлении деятельности этого исследователя.

Поводом обращения Мордтмана к И.Г. Штикелю в 1869 г. послужила статья И.Г. Штикеля и, в частности, публикация им христианско-арабской свинцовой печати в журнале Немецкого Восточного общества[18].

В своем письме к И.Г. Штикелю от 25 августа 1869 г. А.Д. Мордтман сообщает об ок. 2000 исследованных им византийских свинцовых печатях, которые были обнаружены на площади Эски-Сарая, идентифицируемой им с античным форумом Феодосия или Тавра[19]. Печати были обнаружены во время строительства Военного министерства – Сераскерата (сегодня главное здание Стамбульского университета)[20]. Земляные работы были начаты в 1865 г.[21] Часть печатей, как сообщает А.Д. Мордтман, сразу же попала на антикварный рынок. Другая часть вместе с землей, вырытой во время работ на площади Сераскерата, была сброшена в Мраморное море. При сильном южном ветре печати были снова вымыты на берег. По предположению А.Д. Мордтмана, большое число обнаруженных печатей должно было быть связано с размещением на территории Эски-Сарая византийских архивов. Так как печати периода после 1204 г. обнаружены не были, А.Д. Мордтман делает вывод, что архивы времени после 1204 г. до турецкого завоевания находились в другом месте[22].

Как следует из письма А.Д. Мордтмана от 15 марта 1870 г.[23], к этому времени он сам приобрел около 500 печатей. Значительное число моливдовулов находилось во владении других собирателей и торговцев, таких как османский министр Суби Бей, армянолог Леонтий Алишан и антиквар Хадьи Агоп, которые всегда с большой готовностью предоставляли А.Д. Мордтману печати для исследования. Наконец, все коллекции византийских печатей, составленные в Константинополе, как, например, Русского археологического института в Константинополе, состоят из печатей, которые были найдены либо непосредственно на площади Сераскерата, либо сброшены со строительным мусором в Мраморное море. Еще несколько десятилетий назад, до строительства стамбульской набережной, умершему в 1983 г. Георгию Закосу дети приносили собираемые по его поручению на берегу Мраморного моря вымытые печати.

Г. Шлюмберже и Н.П. Лихачев связывали происхождение большей части печатей, в том числе обнаруженных на берегу Мраморного моря, с земляными работами на площади Сераскерата[24]. Однако в сигиллографических исследованиях недавнего времени указывается лишь то, что эти печати происходят из Мраморного моря и были собраны на его берегу[25]. Как представляется, сведения о том, что обнаружение этих печатей находится в тесной связи с работами на площади Сераскерата, оказались современным исследователям уже не известны[26].

Во время строительных работ на площади Сераскерата было обнаружено вместе с тем большое количество восточнохристианских печатей, на одной из сторон которых помещалось изображение Богоматери или святых, на другой – арабская, сирийская или армянская надпись. Некоторые из этих печатей также попали в коллекцию А.Д. Мордтмана. В 1869–1875 гг. он дарит более чем 20 из них Восточному мюнцкабинету в Йене. Подробности об этом содержатся в упомянутых письмах А.Д. Мордтмана к И.Г. Штикелю[27].

Из писем А.Д. Мордтмана к И.Г. Штикелю, а также из опубликованных его работ начала 70-х годов XIX в. становится очевидным и то, что он одним из первых обращает внимание как на способы изготовления печатей[28] так и на их иконографию[29].

Из письма А.Д. Мордтмана к И.Г. Штикелю от 8 ноября 1877 г.[30] мы узнаем, что А.Д. Мордтман уже в 70-х годах XIX в. подготовил к изданию рукопись корпуса печатей из 2000 миоливдовулов с кратким комментарием в стиле "Corpus Inscriptionum graecarum", в 4-м томе которого в числе "Inscriptiones christianae" были опубликованы также византийские печати[31]. Долгое время он рассчитывал предоставить свои

---

[13] Уже А. Салинас в 1864 г. вынашивал идею о создании корпуса печатей, ср.: Лихачев. С. 246 и *Seibt W.* Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. I. Teil. Kaiserhof. Wien, 1978. S. 38 (обе работы без указания источника).

[14] О нем см.: Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 54. Leipzig, 1908. S. 519–522; *Holzhausen P.* Von Napoleon bis heute. Ein Professorenleben // Deutsche Revue. 1895. 22. S. 233–239; *Nützel H.* (Nekrolog) Johann Gustav Stickel // Numismatische Zeitschrift. 1896. 27. S. 213–220; *Kohlschmidt.* Johaim Gustav Stikel (Nekrolog) // *Bettelheim A.* (Hrsg.). Biographisches Jahrbuch und deutscher Nekrolog. Bd. 1. B., 1897. S. 292–294; *Siegfried K.* Zur Erinnerung an D. Gustav Stickel // Protestantische Kirchenzeitung für das evangelische Deutschland, Nr. 7 vom 19. 2. 1896. Sp. 148–152.

[15] О Восточном мюнцкабинете и его истории см.: *Vollers K.* Das orientalische Münzkabinett der Universität Jena im Jahre 1906 // Blätter für Münzfreunde. 1906. 41. Heft 6. Sp. 3516–3520; Heft 7/8. Sp. 3529–3537; *Heidemann S.* Hidden Treasure – The Oriental coin Collection in Jena // Oriental Numismatic Society Newsletter. 1996. 147. P. 9–10; *Idem.* Das Orientalische Münzkabinett in Jena // Erfurter Munzblätter. 3. Jahrbuch 1995 (1997). S. 43–51.

[16] Университетский архив (Orientalisches Münzkabinett, Nr. 105); отдел рукописей и редких собраний (Фонд И.Г., Штикеля, Nr. 17).

[17] *Sode C., Heidemann S.* Christlich-orientalische Bleisiegel im Orientalischen Münzkabinett Jena // ARAM. 2000 (в печати). В статье помимо публикации писем Модртмана дается очерк истории Восточного мюнцкабинета в Йене, обзор изучения восточной сигиллографии, а также каталог восточнохристианских печатей йенского собрания. Предварительные наблюдения, сделанные в ходе работы над письмами А.Д. Мордтмана, см.: *Heidemann S., Sode C.* Metallsiegel in der islamischen Welt, ihre Forschungsgeschichte und orientalische Bleisiegel aus einem Siegelfund in Konstantinopel // *Gyselen R.* (Hrsg.). Les sceaux d'Orient et leur emploi (Res Orientales X). P., 1997. S. 41–60.

[18] *Stickel J.G.* Neuentdeckte kufische Bleisiegel und Verwandtes // Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1866. 20. S. 336–376. N 10.

[19] До недавнего времени предполагалось, что форум Тавра и Эски-Сарай находились в одном месте. Современные сведения о местоположении и размерах форума Тавра см.: *Berger A.* Tauros e Sigma. Due piazze di Constantinopoli // *Barsanti C.* (Hrsg.). Bisanzio e l'Oriente: arte, archeologia, storia. Studi in onore di Fernanda de[1] Maffei. Rom, 1996. P. 17–28 (здесь P. 17–24).

[20] Письмо I в вышеназванной редакции (см. примеч. 17). Ср. также: *Mordtmann A.D.* Περὶ βυζαντινῶν μολυβδοβούλλων. Σ. 57; *Idem.* Beiträge... S. 281.

[21] Ср. *Dethier Ph.A.* Μνημεῖον Θεοδοσίου Β' ἐπὶ τῆς Ἀγορᾶς Ταύρου // Ἑλλ. Φιλολ. Σύλλ. 1867. 3. Σ. 62–67 (здесь P. 62). Ср. также: *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Tübingen, 1977. S. 264.

[22] Письмо III от 12 ноября 1869 г. Ср. также: *Mordtmann A.D.* Περὶ Βυζαντινῶν μολυβδοβούλλων. Σ. 57.

[23] Письмо IV в указанной редакции.

[24] Sig. P. 12; Лихачев. С. 244 (см. ниже).

[25] См.: *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. VII; *Oikonomides N.* Byzantine Lead Seals. Washington, D.C., 1985. P. 8.

[26] В то же время необходимо принимать во внимание, что в Мраморное море сбрасывался грунт, вместе с находившимися в нем печатями, также со всей территории города.

[27] В названной выше статье С. Хайдеманна и К. Соде (см. примеч. 17) была предпринята попытка установить число восточнохристианских печатей в различных частных и музейных собраниях, происхождение которых должно связываться с описанной выше находкой в Константинополе.

[28] Ср. письмо II, а также: *Mordtmann A.D.* Περὶ Βυζαντινῶν μολυβδοβούλλων. Σ. 58.

[29] Ср. письмо I.

[30] Ср. письмо X.

[31] О берлинском корпусе надписей см.: *Klaffenbach G.* Griechische Epigraphik. Göttingen, 1966. S. 15–19.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Иеромонах Иларион (Алфеев). **Жизнь и учение св. Григория Богослова.** Крутицкое Патриаршее Подворье. М., 1998

Первая из трех вышедших в свет в течение одного года книг иером. Илариона Алфеева ("Жизнь и учение св. Григория Богослова", "Мир Исаака Сирина", "Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание") посвящена человеку, оказавшему исключительно большое влияние на развитие богословской мысли в Византии. Работа отличается как внушительным объемом использованных и частично переведенных в ней источников, так и обоснованностью бóльшей части высказываемых исследователем оценок. Воззрение св. Григория рассматриваются в ней в тесной связи с троичными спорами IV в. (с. 37–43, 255–258, 267–274, 339–344 и др.) и философским наследием древнего мира (с. 116–122, 241–242, 269–270 и др.), постоянно сопоставляясь с мнениями других отцов Церкви (с. 100–102, 106–107, 112–116, 315–318, 383–385 и др.). Иером. Иларион описывает не только догматику Назианзина, но и его мистическое учение, антропологию, представления об обществе, учение об обóжении; особенно любопытными могут показаться страницы, где рассказывается о порой непростых отношениях между героем книги и его ближайшим другом св. Василием Великим (с. 23–28, 31–32, 50–62, 473–474) и где приводятся нелестные отзывы Григория о рабах (с. 30) или современном ему духовенстве (с. 190–193), как и его нелицеприятная оценка отцов второго Вселенского собора (с. 82–83, 86). Похоже, однако, что при этом создатель книги не всегда в полной мере считается с зависимостью творчества Назианзина от обыкновений эллинской культуры красноречия, привитой ему в годы его афинской учебы. Так, требованиями вкуса и приличия могли быть обусловлены жалобы Григория на "тиранию" со стороны родного отца или Василия (с. 35, 54–59), как и его заверения в том, что он страстно не желал священства (с. 48), ведь на "насильное" рукоположение и на обременительность священного сана было почти что принято жаловаться[1]. Определенная художественная условность проступает в некоторых не вполне скромных высказываниях святителя о себе самом (с. 27–29, 75–77, 79–80), а также, возможно, в его словах о пережитом им некогда божественном свете (с. 16–17).

Совсем нельзя согласиться с теми замечаниями иером. Илариона, где он противопоставляет восточное христианство (в лице св. Григория) западному. По мнению исследователя, "общим местом в западной традиции стало утверждение о том, что единственной целью и единственным оправданием брака является деторождение" (с. 153). Поскольку ученый здесь, как и в других местах своей книги, говорит о "западной традиции" в целом, не ограничиваясь современниками Назианзина, то уместно будет сослаться на суждения по этому поводу корифея латинской схоластики св. Фомы Аквинского (XIII в.). Последний полагал, что *главной* целью брачного союза является "благо потомства" (bonum prolis), включающее в себя наряду с рождением детей их кормление и воспитание, а *вторичной* целью – "взаимное угождение" ("взаимопомощь", mutuum obsequim) супругов[2]. Совершенно неверно заявление иером. Илариона о том, будто "краеугольным камнем западной схоластики" было "противопоставление Писания и Предания" (с. 262); тот же Аквинат в своей "Сумме богословия" вообще не употреблял понятие "Священного Предания", а потому и не мог ставить вопрос о его отношении к Писанию. По словам ученого, теория "удовлетворения" (satisfactio) св. Ансельма была "отвергнута христианским Востоком на поместных соборах 1156–1157 гг. в Константинополе" (с. 347), однако связь между ней и осужденным тогда учением Сотириха Пантевгена о принесении искупительной жертвы Христа одному только Богу-Отцу выглядит весьма сомнительной. В действительности латинское богословие было настолько неизвестно византийцам в XII в., что даже взявшийся тогда защищать учение о "Filioque" фессалоникский митрополит Никита не был знаком не только с сочинением св. Ансельма "Об исхождении Св. Духа", но и с соответствующими доводами св. Августина и других отцов западной Церкви[3]. Более вероятным кажется предположение, что Сотирих в своих рассуждениях исходил из хорошо знакомых ему анафор свв. Василия Великого и Иоанна Златоуста, в которых евхаристическое приношение обращено как раз к Богу-Отцу. Лишенным всяких видимых доказательств представляется утверждение исследователя, согласно которому развитие средневекового западного христианства, в отличие от восточного, ознаменовалось "разрывом между духовностью и богословием, между мистицизмом и догмой" (с. 354).

Нельзя назвать приемлемыми и некоторые другие встречающиеся в книге высказывания. Чрезмерным обобщением выглядят слова иером. Илариона об "отказе [христиан] от участия в борьбе за гражданские права и свободы" (с. 144), – ведь христианство знает и совсем другие взгляды на этот вопрос. Трудно принять положение исследователя, согласно которому "вмешательство гражданских властей [в избрание епископов], хотя и продолжалось на протяжении всей истории Церкви, всегда признавалось не вполне законным" (с. 185): история Церкви как на востоке (например, в России в синодальный период), так и на западе предлагает немало случаев узаконенного участия государства в назначении духовных владык. Из переводов иером. Илариона явствует, что св. Григорий проводил различие между "толпой" и "стремящимися достичь высоты" (или добивающимися "очищения", с. 233–236); называя этих последних "посвященными", ученый, как представляется, придает совершенно излишний "эзотерический" привкус воззрения Назианзина. Исследователь пишет о надеждах святителя по отношению к будущему веку, "когда человек освободится от материальности и телесности" (с. 247), однако же Григорий вряд ли не разделял общую христианскую веру в воскресение тел, да и приводимые в книге выдержки из его сочинений достаточных оснований для столь широких выводов не дают (с. 240–247). Наконец, не совсем понятно, почему, отмечая представления Назианзина о "дихотомизме человеческой природы" (с. 308), создатель книги не оговаривает, что тот признавал и "трехчленную" схему устройства человека "тело – душа – ум" (σῶμα–ψυχή –νοῦς)[4].

Все отмеченные недостатки работы никак не должны умалять заслугу иером. Илариона, давшего своим читателям замечательную возможность познакомиться с жизнью и творчеством св. Григория Богослова.

А.В. Бармин

[1] Ср. с похожим случаем: Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его / Пер. и коммент. Д.Е. Афиногенова // ВДИ. 1998. № 3. С. 252.

[2] *Thomas Aquinas*. Summa Theologiae, Suppl. 41, 1. Судя по приводимым иером. Иларионом выдержкам, как раз в обоюдной поддержке супругами друг друга видел основание для брака и св. Григорий (с. 155).

[3] См. об этом: *Бармин А.В.* Полемические источники "Диалогов" Никиты Маронейского // Ученые записки Российского православного университета им. св. Иоанна Богослова. М., 1999. Вып. 5. С. 43–49.

[4] PG. 36. 132b; PG. 37. 465.

Ristow Sebastian. Frühchristliche Baptisterien // Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband 27, 1998. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung. 384 с., 37 ч/б табл., 5 графиков и 9 рис. в тексте, 3 карты. ISBN 3-402-08111-3

Свыше 30 лет назад "Византийский временник" опубликовал рецензию С.А. Кауфман на книгу А. Хачатряна[1], в которой были собраны планы известных к тому времени раннехристианских баптистериев, числом свыше 300. Тогда эта цифра казалась огромной. Все эти десятилетия корпус А. Хачатряна, как и другая его книга о баптистериях, изданная посмертно[2], служили необходимыми справочными пособиями для всех, кого это касается. С тех пор археологи открыли множество новых памятников, появилась серия публикаций по разным регионам, в том числе и в нашей стране[3]. Наступило время ново-

[1] *Кауфман С.А.* Рец.: *Khatchatrian A.* Les baptistères paléochrétiens (Plans, notices et bibliographie). P., 1962 // ВВ. 1964. Т. 25. С. 249–257.

[2] *Khatchatrian A.* Origines et typologie des baptistères paléochrétiens. Mulhouse, 1982.

[3] *Khroushkova L.* Les baptistères paléochrétiens du littoral Oriental de la mer Noire // Зборник радова Византолошког института. XX. Београд, 1981. С. 15–24, *Хрушкова Л.Г.* Крещальни древнерусских храмов: к вопросу об истоках // Russia Mediaevalis. München, 1992. Т. VII. 1. С. 23–38.

го синтеза. Этой цели и служит монография кельнского археолога Себастиана Ристова, в основе которой лежит диссертация автора о баптистериях Северного Средиземноморья, защищенная на философском факультете Боннского университета. Однако в книге поставлена более трудная задача: собрать все данные о раннехристианских крещальнях, рассеянные во множестве изданий на разных языках. Очевидно, что такая цель потребовала большого труда и усердия. Читатель убедится в том, что с этой задачей автор справился. Помощь в сборе информации ему оказали коллеги из разных стран – длинный список их имен перечислен в предисловии.

Монография обладает четкой структурой, она делится на две части: аналитическую, довольно краткую (98 с.), и Каталог, который и составляет главное содержание книги. Он включает свыше 1 тысячи памятников. Во введении автор объясняет значение термина "баптистерий" и хронологические рамки своей работы: со второй трети III в. – это дата самого раннего знаменитого баптистерия в Дура-Европос – и до IX в. Далее Ристов довольно сжато излагает историю вопроса, но дает хорошую библиографию. Первые работы о крещальнях восходят к середине XVIII в., они появились в Риме и Амстердаме на латинском языке (П.М. Пачауди, А. Карсон), потом последовала серия богословских сочинений в рамках темы "догматическая, литургическая и археологическая история таинства крещения", как у Ж. Корбле; вопрос освещался и историками раннехристианского и византийского искусства (Х. Хольцингер, О. Вульф), а также авторами многочисленных учебников по христианской археологии и в энциклопедических словарях (не менее двух десятков). Затем Ристов характеризует публикации по отдельным регионам, учитывая, хотя и неполно, литературу на русском языке, касающуюся Крыма и Восточного Причерноморья. Большое внимание Ристов уделяет вопросу о достоверности атрибуции сооружений как крещален – это ново, по сравнению с Корпусом А. Хачатряна, и вполне оправданно. В виде наглядного графика представлено соотношение баптистериев точно определенных и предполагаемых, причем отдельно для Запада и для Востока.

После вводных разделов следуют главы: Архитектура, Купели ("писцины"), Хронология, Символика и литургия, а также Каталог. В главе Архитектура обсуждается вопрос о положении крещальни по отношению к главному помещению церкви, здесь приводятся различные подсчеты и график, из чего следует, что строгой закономерности в расположении баптистериев не было. Можно отметить только, что предпочитали его размещать с юго-востока (16% рассмотренных памятников). Что касается плановых решений, здесь преобладает прямоугольная форма (автор и тут дает цифру – 59%), а среди баптистериев с центральным планом больше всего октогонов (9% от общего числа). Эти соотношения автор рассматривает и в географическом аспекте. Справедливо отмечается связь архитектуры крещален с античными прототипами, особенно с термами, а тем более, что иногда баптистерии в них и размещались. В тех случаях, когда крещальни состоят из двух или трех помещений, речь идет о таких структурах, как consignatorium и catechumeneum (правда, определение их всегда составляет проблему, поскольку литургических устройств в них практически нет исключая разве что скамьи, да и то редко). В положении баптистериев внутри "церковных комплексов" или "епископских комплексов" или "церковных групп" (нюансы этих терминов дискутируются, автор предпочитает последний как наиболее нейтральный) закономерностей не прослеживается.

Положение и формы купели разнообразны, это хорошо показал еще А. Хачатрян. Ристов приводит график, свидетельствующий, что круглые купели преобладали (30%), затем по количеству следуют крестовидные. Приводятся данные о распространении купелей различных форм по регионам, отмечается, что круглые купели часты в зонах византийского влияния. Нередко формы купелей восходят к римским светским постройкам: термам, хозяйственным или жилым сооружениям. Вряд ли существовала зависимость формы купели от архитектурной формы баптистерия, хотя в некоторых случаях октогональные купели находились в центре крещален-октогонов. Например, в 51 круглой крещальне только 8 купелей круглые. Что касается размеров купелей, здесь, пожалуй, определенную закономерность все-таки можно выявить. Купель в Дура-Европос довольно велика: 100 × 60 см в плане при глубине 95 см. Для IV в. глубина около 1 м или несколько больше считается обычной, с V в. купели уменьшаются. Монолитные, высеченные из мрамора или простого камня купели, характерны больше для областей византийского влияния, они появляются не ранее VI в., их высота колеблется 10 до 40 см.

В специальной главе Ристов рассматривает трудные вопросы хронологии. Здесь, конечно, речь не идет о том, чтобы датировать памятник, исходя из его архитектурного типа или формы купели, а выяснить, в какие периоды отдавалось предпочтение тем или иным типам, при этом любой из них могли использоваться длительное время и сосуществовать с другими. Самыми ранними признаются прямоугольные (как в Дура-Европос) либо квадратные баптистерии, но эти типы сохраняются вплоть до начала VIII в. (Фарас). Октогональные и круглые крещальни сооружались с IV в., крестовидные – с V в., а тетраконхи строились в IV–VII вв.

Хронология купелей, по мнению Ристова, несколько более точна. В Дура-Европос купель прямоугольная, в константиновское время было немало круглых, овальных или октогональных купелей; для конца IV в. встречаются полукруглые купели, для V в. известна серия датированных квадратных и крестовидных купелей. Прямоугольная и овальная формы продолжали пользоваться популярностью во всех частях Средиземноморья до VII–VIII вв. Одним словом, из приведенных автором материалов видно, что и в этом пункте ясных хронологических закономерностей проследить не удается. Что же касается киториев над купелями, то они встречаются (не часто) в разных частях христианского мира, начиная с Дура-Европос и до начала IX в. Отдельно автор рассматривает хронологию группы октогональных баптистериев Верхней Италии и Южной Галлии – в этом вопросе автор, что называется, узкий специалист.

В начале главы о символике и литургии Ристов говорит о трудности истолкования символики раннехристианского здания. В данном случае это центрально-купольные сооружения, в которых писцина помещается в центре, под куполом, а также полигональные и крестовидные крещальни. Ристов отмечает, что христианское крещение находит параллели в обрядах иудейского крещения прозелитов, а также в мистериальных ритуалах культов Исиды и Митры. Здесь видим характерное для Боннской школы христианской археологии стремление проследить античные, языческие и иудейские истоки всех явлений раннехристианской жизни (известная концепция "Antike und Christentum"). Ристов рассматривает крещальную литургию начиная с таких известных источников, как Тертуллиан, Кирилл Иерусалимский, Амвросий Медиоланский, затем Иоанн Златоуст и др. Однако внимательный читатель не встретит среди ссылок работ В. Саксера, который в своей объемистой монографии систематизировал латинские и греческие источники об обряде крещения, а другую книгу (в соавторстве с Г. Маестри), посвятил специально Катехизису Кирилла Иерусалимского[4].

В особом разделе автор стремится реконструировать конкретное развитие крещальной литургии в зависимости от связи баптистерия с церковным зданием, от расположения входов и выходов и т.п., обсуждается старая проблема "погружения" при малой глубине купелей (иногда не более 40 см), а также роль маленьких боковых писцин, которые иной раз археологи открывают в крупных баптистериях, например, в Эфесе. Вопрос о декорации рассмотрен очень кратко: крещальни украшались мраморной инкрустацией и штуком, настенными мозаиками и фресками. В декоративном репертуаре часты мотивы монограмматического креста с альфой и омегой, павлины и канфар, олени, а также морские и буколические темы, идущие из античности. В этой аналитической части книги автор еще раз собирает воедино в общем уже известные сведения, что безусловно полезно как сводка информации и характеристика современного состояния проблемы. Читатель отдаст должное и эрудиции автора, и скрупулезно подсчитанным количественным данным, и графическим схемам, и тщательной проработке истории вопроса. Однако главная часть книги все-таки не эта, а Каталог, именно им она ценна в первую очередь, он обеспечит ее популярность и долговечность, по крайней мере на несколько десятилетий.

Бесспорно полезное новшество, которое вводит Ристов, – это классификация всей массы памятников "по степени достоверности". К первой группе отнесены крещальни, атрибуция которых по археологическим остаткам или письменным источникам "достоверна или очень вероятна". Таких памятников большинство: из общего количества свыше тысячи они составляют 788. Во вторую группу (свыше 140 объектов) включены крещальни предполагаемые, в них нет купели, поэтому не вполне ясны функции этих помещений. И последняя группа, около 120 памятников, определение которых как баптистериев Ристов считает сомнительным или прямо ошибочным.

[4] *Saxer V.* Les rites de l'initiation chrétienne. Spoleto, 1988; *Saxer V., Maestri G.* Cirillo e Giovanni di Gerusalemme, Catechesi prebattesimali e mistagogiche (Letture cristiane del primo millennio, 18). Milano, 1994.

Статьи Каталога расположены по алфавиту, в соответствии с современными названиями стран, на территории которых расположены памятники. Автор всюду соблюдает единообразную схему: место, дата, положение крещальни по отношению к церкви, архитектурная форма сооружения, положение входа, форма купели, глубина (для монолитных купелей высота), особые замечания и библиография, при этом выделены публикации, где приводится план памятника.

Автору известна литература на русском языке по Крыму и Восточному Причерноморью, и в Каталог включены все открытые здесь крещальни. К сожалению, новые публикации, касающиеся крымских памятников, почти не указаны (с. 266). Ристов ссылается в основном на работы А.Л. Якобсона, а в некоторых случаях – только на А. Хачатряна. По-моему, этого недостаточно, поскольку датировки ряда важных памятников, в том числе и Уваровской базилики, служат предметом споров. Мангупскую базилику, например, Н.И. Бармина относит не к VI в., как А.Л. Якобсон (и вслед за ним Ристов), а ко времени не ранее IX в.[5] Для крестовидного загородного храма археологи предлагают очень позднюю дату, XII в.[6] (Р. указывает V–VI вв., со знаком вопроса). Независимо от того, верны или нет поздние датировки церквей Херсонеса и Крыма в целом, библиографические сведения, приведенные Ристовым, явно скудны, к тому же и в иллюстрациях Крым никак не отражен. Западный читатель, интересующийся Крымом, может почерпнуть много полезного в недавней статье А. Пильца о херсонесских церквах, где автор приводит полную новую библиографию, при этом тактично избегая дискуссий о датах[7].

Что касается Грузии, здесь в группе "вероятных" памятников, я думаю, можно было бы привести базилику Болниси V в., где с южной стороны расположено помещение с двумя апсидами по продольной оси. Аналогичный случая – в кафедрале Ниноцминда VI в.[8] Эти помещения действительно могли служить крещальнями, уж очень их план напоминает фригидарии римских бань. Отмечу неточность в описании церкви № 3 в Цебельде в Абхазии (с. 151), которая отнесена к 3-й фазе комплекса, в действительности же она, напротив, самая ранняя. Армения представлена крайне недостаточно и в основном по старой литературе, иногда только по И. Стриговскому (с. 121, 309–310). Читателю, который не занимался Арменией специально, приходят на память по крайней мере две специальных публикации на западных языках[9].

Книга завершается обширной библиографией, которая занимает свыше 40 страниц, и географическим указателем. На таблицах представлены как планы, так и фото. Однако здесь присутствуют далеко не все памятники, а только наиболее известные и типичные. Боюсь, что это самое слабое место книги. Как тут еще раз не вспомнить Корпус А. Хачатряна, который ставил целью собрать именно графическую документацию, и надо ли говорить о том, сколь важно это для археолога и историка архитектуры. Три карты книги Ристова хороши и наглядны: на одной – баптистерии достоверные и вероятные, на другой – распределение памятников по основным архитектурным формам (октогональные, крестовидные и круглые), на третьей – распространение октогональных и крестовидных купелей.

В целом фундаментальная монография С. Ристова безусловно заслужит признательность читателя. Книга отражает типичное явление современной христианской археологии – систематизировать огромный накопленный материал в форме сводов, корпусов и таким образом облегчить специалистам стремительно усложняющуюся задачу поиска необходимой информации. Это трудный или, точнее, трудоемкий жанр, зато и благодарный и долговечный. Именно к числу таких насущно полезных изданий и принадлежит книга д-ра Себастьяна Ристова.

Л.Г. Хрушкова

[5] *Бармина Н.И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем Крымского средневековья // Античная древность и средние века. 1995. Вып. 27. С. 77–85.

[6] *Домбровский О.Ю.* Архитектурно-археологическое исследование крестообразного загородного храма Херсонеса // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. 1993. III. С. 289–318.

[7] *Pülz A.* Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos / Krim // Mitteilungen zur christlichen Archäologie. 1998. 4. S. 45–78.

[8] *Беридзе В.В.* Грузинская архитектура "раннехристианского" времени (IV–VII вв.). Тбилиси, 1974. С. 22.

[9] *Zarian A.* Les baptistères dans l'Arménie paléochrétienne // Haigazian armenological révew. Beirut, 1980. P. 77–95; *Falla Castelfranchi M.* BAPTISTERIA, Intorno ai piu noti battisteri dell'Oriente. Roma. 1980 (специально об Армении гл. VI).

Tomasz Derda. Deir el-Naqlun: The Greek Papyri (P. Naqlun I). [Studia Antiqua], Wydawnictwa Universytetu Warszawskiego, Warszawa, 1995. 195 p. XVI Plates

Работа польского исследователя Томаша Дерды, вышедшая в серии Studia Antiqua, представляет собой публикацию 12 папирусных документов и двух надписей на амфорах ранневизантийского времени, обнаруженных во время раскопок польской экспедицией монастыря Дейр эль-Наклун (Deir el-Naqlun) в Фаюме (1986–1993).

Публикацию папирусов предваряет обширное введение (с. 19–40) об истории монастыря, его современном виде, а также о результатах археологических раскопок. История этого археологического проекта не совсем обычна. Началась она с изучения известной польской исследовательницей проф. Евой Випшицкой правил монастыря Nacalon, сохранившегося в арабской и латинских версиях и известных так же, как "Правила преп. Антония Египетского"[1]. Эти правила долгое время оставались вне поля зрения исследователей христианского Египта, которые описывали историю монастыря Дейр эль-Наклун, пользуясь другими арабскими и коптскими источниками. С другой стороны, правила преп. Антония считались в лучшем случае сборником рекомендаций, но никак не действующим уставом монастыря, как, например, "Правила преп. Пахомия". Можно сказать, что это была уникальная ситуация для монастырской археологии: перед началом раскопок экспедиция уже имела в своем распоряжении устав того монастыря, который собиралась исследовать. Раскопки показали, что Дейр эль-Наклун представлял собой весьма необычный для Египта монастырский комплекс, поскольку здесь киновийный монастырь долгое время соседствовал с полуанахоретской лаврой, состоящей из отдельных келий, вырубленных в скалах и окружавших плато, где находились руины киновии. Как предполагается, поселение анахоретов возникло на несколько веков ранее киновии и продолжало существовать параллельно с ней как минимум до первой половины XII в.

Этот факт, если рассмотреть его на фоне других данных (например, из Келлий), позволяет предположить, что полуанахоретская (а возможно, и анахоретская) форма монашеской организации была очень устойчивой для районов Дельты Нила и Фаюма, и не была полностью вытеснена киновией[2]. Это в свою очередь дает весьма интересный материал для понимания начальной стадии монашеского движения. Переход от спонтанных и неорганизованных (или слабо организованных) форм христианской аскезы рубежа III–IV вв. к стройной монашеской организации слабо освящен в письменных источниках, и поэтому многие детали этого процесса остаются и по сей день не ясными. Интересно также сравнить типы жилищ в скалах Дейр эль-Наклун и монахов Келлий. И те, и другие, правда в разной степени, предполагают наличие поселений старца и его учеников в непосредственной близости друг от друга, представляющих собой некую "микроорганизацию" внутри полуанахоретской колонии, или, как в случае с Келлиями,

[1] Арабский текст правил см.: *Mocbel A.* La Règle de saint Antoine le Grand // Melto. 1966. 2. P. 207–227. Латинские переводы см.: PG. 40. Col. 1065–1074. Одна из версий латинского перевода правил находится в "Codex Regularum" Бенедикта Аньянского, известного реформатора Бенедиктинского ордена, жившего в конце VIII – первой четверти IX в. Авторство преп. Антония большинством ученых оспаривается. Е. Випшицка, например, полагает, что правила могли быть составлены не ранее конца IV в., поскольку первым поколением отшельников не было свойственно составлять подобные тексты. Но в любом случае этот текст представляет собой на сегодняшний день единственный свод правил, которыми **реально** регулировалась жизнь полуотшельнической монашеской общины в Египте.

[2] Известный французский исследователь египетского монашества А. Гийомон, производивший раскопки в Келлиях, отмечает, что приблизительно со второй половины V в. там начинает происходить перегруппировка отдельных жилищ отшельников и их слияние в относительно большие группы, окруженные стенами. По всей видимости, эти изменения происходили под воздействием набегов кочевников. Аналогичные процессы, вероятно, имели место и в Скиту, породив современные монастыри. Но при этом А. Гийомон отмечает, что в крайнем северо-западном секторе раскопок были обнаружены отдельно стоящие кельи, которые можно датировать концом V – началом VI в. (см.: *Guillamont A.* Aux origine du monachisme chrétien, Abbaye de Bellefontaine. 1979. P. 164–166). Значит, не смотря на всеобщую тенденцию к объединению, еще в VI в. находились те, кто предпочитал отшельничество, пусть и в непосредственной близости от обнесенного стенами монастыря.

бы нескольких исключений. Однако для мотивационно ангажированного историка это означало бы, что Мефодий говорит неправду, чего допустить нельзя уже по вненаучным соображениям. Поэтому такому исследователю остается лишь отстаивать крайне сомнительную версию событий, априорно отбрасывая другие, которые свободному от данного типа предвзятости ученому показались бы гораздо более правдоподобными.

Мотивационную предвзятость можно считать наиболее опасным видом ангажированности, потому что она имеет совершенно реальную опору в сохранившихся текстах. Действительно, практически все церковно-политические деятели Византии приводили для своих поступков именно те мотивы, которые ученым рассматриваемого здесь направления представляются единственно возможными для людей, чья святость засвидетельствована Церковью. Даже когда эти деятели стремятся выставить своих противников в черном свете, они, за редчайшим исключением, не покидают чисто этического поля, приписывая оппонентам такие побуждения как личная корысть, властолюбие, гордыня и т.п., которые, даже если и имеют место, по большей части отнюдь не исчерпывают список движущих сил реальной политики и исторического процесса в целом. Единственно, что требуется от мотивационно ангажированного историка – это как можно неприметнее отождествить идеологию (представляющую несомненно огромный самостоятельный интерес для исследователя) с политической деятельностью как таковой. Отсюда возникает требование верить источникам на слово[1].

Однако, поверив источникам на слово и отказавшись от чтения "между строк" (предполагающего, что у того или иного лица могли быть самые разнообразные мотивы, и пытающегося их отождествить), историк вынужден идти на поводу у своих информаторов и закрывать глаза на все, что не вписывается в ту мотивационную картину, которую он считает приемлемой. Так, те, кто полагает, будто Феодор Студит столь ревностно боролся против снятия запрещения с Иосифа Кафарского только потому, что не мог вынести ни малейшего отступления от церковных канонов, совсем не замечают, намеренно или бессознательно, вопиющего попрания канонической дисциплины, происходившего в то же самое время в стенах самого Студийского монастыря. Брат Феодора Иосиф, архиепископ Фессалоникийский, прибыв к нему в гости, ничтоже сумняшеся служил Божественную литургию в чужой епархии без ведома правящего архиерея (т.е. патриарха Никифора, легитимность которого студиты на тот момент не оспаривали). Между тем, как видно из постановлений ряда Вселенских и поместных соборов, подобное поведение Церковь считала весьма тяжким прегрешением[2]. Это вовсе не должно означать, что Феодор был лицемером. Просто в деле об Иосифе Кафарском он, по-видимому, преследовал гораздо более далеко идущие цели, нежели каноническая акривия.

Некоторые вещи мотивационно предвзятые исследователи вообще вряд ли смогут объяснить, не прибегая к грубым натяжкам, просто потому, что заранее поставили себе барьер на некоторых направлениях научного поиска. Приведем напоследок еще один красноречивый пример, взятый из литературного наследия все того же Феодора Студита. В беседе 74 из Малого оглашения[3] игумен обрушивается на императора Михаила II за его брак с Евфросиньей, дочерью императора Константина VI от его первой жены Марии. Евфросинья была монахиней, поэтому логично было бы ожидать, что Феодор будет говорить о нарушении обетов, неверности небесному жениху – Христу и т.п. На самом деле, упомянув об этом вскользь в одной фразе, автор сосредоточивается на обличении Константина VI, этого "злого корня". Выходит, основная вина Михаила в глазах Феодора в том, что он взял себе жену с плохой родословной. Между тем, Евфросинья и ее мать Мария были как раз главными жертвами, а отнюдь не соучастницами "злодейств" Константина. Любители верить источникам на слово обязаны будут в данном случае заключить, что, по мнению Феодора, грехи передаются по наследству и дети отвечают за преступления родителей, даже если они никак в них не замешаны или, более того, пострадали от них. Отсюда уже недалеко до прямой ереси. Однако несколько менее предвзятый историк может предложить иное, достаточно убедительное объяснение[4]. В борьбе между клановыми группировками византийской аристократии Феодор Студит занимал весьма четкую позицию. Он представлял интересы той группы, которая была оттеснена от власти при императоре Никифоре, отчасти вернула себе влияние при Михаиле I и одержала полную победу при Льве V Армянине (именно так, ярый иконоборец Лев и защитник Православия Феодор в системе клановых взаимоотношений принадлежали к одной и той же "партии"). Поскольку Михаил II по обстоятельствам своей карьеры был также связан с представителями данной группировки (Вардан Турок, тот же Лев Армянин), Студийский игумен вместе со значительной частью византийской знати ожидали, что новый император сохранит политическую ориентацию Льва, но без его иконоборческих эксцессов. Михаил же своей женитьбой на Евфросинье недвусмысленно продемонстрировал, что будет опираться на противоположную группировку. Вот это и вызвало столь сильный гнев Феодора, заставивший его применить аргументы, мягко говоря, сомнительные в догматическом отношении.

В заключение хотелось бы высказать одно субъективное мнение. На мой взгляд, читать византийские источники также и "между строк" совершенно необходимо уже хотя потому, что их авторы, насколько можно судить, вкладывали в свои сочинения гораздо больше информации, чем это представляется при поверхностном чтении. Конечно, мы никогда не сможем расшифровать всего, что предназначалось только для посвященных, но это не значит, что не нужно и пытаться. И чем меньше у исследователя будет априорных ограничений, тем плодотворнее будут такие попытки.

Д.Е. Афиногенов

[1] В таком духе, в частности, выдержана рецензия А. Бармина на мою книгу "Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. 784–847" (М., 1997) в ВВ. 2000. Т. 59. С. 249–252. На поверку, однако, оказывается, что прочтение А.В. Барминым даже моего текста, лишенного, в отличие от византийских, намеков и неявного смысла, оказывается не вполне адекватным. Так, по мнению Бармина, автор «отказывается принимать за "риторические преувеличения" некие слова... Феодора (Студита), согласно которым ...архиереи будто бы допустили освобождение василевса от церковных правил» (с. 251). На самом деле в книге предпринимается попытка реконструировать в постановлениях собора 809 г. нечто, что Феодор риторически преувеличил до "освобождения василевса от церковных правил". В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что обязательной предпосылкой чтения "между строк" является адекватное понимание самих этих строк.

[2] Большой вклад в анализ деятельности Феодора с мотивационно непредвзятой позиции внесла статья П. Карлин-Хайтер с весьма характерным названием: *Karlin-Hayter P.* A Byzantine Politician Monk: St. Theodore Studite // JÖB. 1994. 44. P. 217–232.

[3] Theodori Studitae Parva Catechesis / Ed. E. Auvray. P., 1891.

[4] Подробное обоснование для периода до 820 г. см. в работе: *Turner D.* The Origins and Accession of Leo V (813–820) // JÖB. 1990. 40. P. 171–203. Мною собран дополнительный материал, подтверждающий эту концепцию, который будет представлен в статье о Михаиле II.

А ф и н о г е н о в Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М.: Изд-во "Индрик", 1997. 221 с.

Книга Д.Е. Афиногенова посвящена одному из наиболее сложных и запутанных периодов византийской истории вообще и истории византийской церкви в частности, "героической эпохе", когда византийской церкви в лице ее выдающихся патриархов свв. Тарасия, Никифора и Мефодия удалось, в ожесточенном единоборстве с представителями "второго иконоборчества", не только отстоять позиции православия, но и покончить с иконоборческой ересью, что оказало поистине судьбоносное воздействие на последующее развитие всего восточнохристианского мира. Автора при этом, как мне кажется, интересуют даже не столько события этой борьбы сами по себе, не их богословско-догматическая интерпретация как таковая, сколько те тексты, в которых эта борьба запечатлелась, их качество как источников по истории событий "непреходящего значения".

Объем проделанной молодым исследователем работы впечатляет: изучен весь обширный комплекс относящейся к делу житийной литературы, эпистолография и хронография того времени, принята во внимание большая исследовательская литература по данной теме, в том числе основополагающие труды Гуйара, Джероу, Шпека и др. Работу пронизывает стремление автора избежать "опасных методологических ловушек, способных сделать беспредметным любое концептуальное утверждение" (с. 8, 133), преодолеть "чрезмерную приверженность предвзятым концепциям, которые давно пора радикально пересматривать" (с. 87), пересмотреть устоявшиеся представления, невзирая на авторитеты (на страницах книги достается немало таким известным исследователям, как Бек, Дворник, Грюмель, Александер, Дагрон), противопоставить "традиционной интерпретации свежий взгляд" (с. 49). И

юма. Однако само упоминание о том, что монахи в пищу употребляют моллюсков (о чем, насколько нам известно, не сообщается в литературных текстах) представляет большую ценность для реконструкции деталей монашеского быта, хотя и ставит в свою очередь ряд вопросов. Интересны также данные ономастики, содержащиеся в документе 9. Там среди имен "контрагентов" составителя счета преобладают еврейские имена. В данной связи нельзя исключать того, что монастырь поддерживал тесные контакты с некой торгово-ремесленной общиной, где присутствовали, если не преобладали, евреи[8]. Письмо епископа (?) Николая (папирус 12) дает интересный материал о взаимоотношении монастыря и государственной администрации. Речь в нем идет о том, что епископ (?) Николай просит через апу Ора комита Василия "выправить" документы некоему Тимофею на приобретение участков земли (вероятно, монастырских). Апа Ор в свою очередь в постскриптуме к письму, выражает недоумение по поводу присланного комитом вина для нескольких монахов. Последнее, впрочем, может трактоваться как пожертвование, являющееся неким видом покаяния, которое требовали от комита. Но, судя по тону письма, то, каким образом оно было сделано, явно не устроили епископа (?) Николая. Если такая интерпретация верна, то мы имеем дело с пожертвованием, сделанным вопреки воле епископа – факт сам по себе интересный и примечательный.

Две надписи на амфорах VI в., изданные под номерами 13 и 14 (с. 165–178) интересны, главным образом благодаря начертанной на них формуле Θεοῦ χάρις κέρδος. Подобная надпись встречается не только на египетских амфорах, но и на предметах, происходящих из других частей Средиземноморья. Существительное κέρδος, которое по своему первоначальному смыслу означало материальную прибыль, использовалось в Новом Завете (Флп. 1,21), а затем и в патристической литературе для выражения, главным образом, не материальных, а духовных категорий. В таком же метафорическом смысле по крайней мере в виде формулы Θεοῦ χάρις κέρδος или ее модификациям, оно вошло в повседневный язык, что и показывают надписи на амфорах. Все это в свою очередь выводит на более общую проблему переосмысления категорий, связанных с торговой деятельностью, в гомилетических и аскетических построениях ранневизантийской литературы (которые, вполне вероятно, проникли и в обыденное сознание). Ведь не секрет, что образ купца – один из немаловажных символов в беседах и поучениях Отцов Церкви[9].

В качестве дополнения Т. Дерда опубликовал заметку о значении греческой аббревиатуры ХМГ (с. 179–187), довольно часто встречающейся в папирусах и различных надписях, в том числе и в надписях на амфорах из Дейр эль-Наклуна. Она, по сути дела, является небольшим самостоятельным исследованием[10].

Следует также отметить, что работа выполнена с учетом всех стандартных требований для изданий подобного рода. Публикации документов снабжены развернутыми введениями и обширными историко-филологическими комментариями. Помимо индекса-указателя (с. 189–193) имеется также приложение, где содержится общий план Фаюма с указанием местоположения Дейр эль-Наклун, подробный археологический план самого монастыря, схема двух исследованных жилищ и фотокопии изданных папирусов и надписей.

А.А. Войтенко

[8] Впрочем, как указывает издатель, библейские имена Иосиф, Иаков, Исаак, взятые из Ветхого Завета, были в широком употреблении и у христиан, как и еще два имени (Симон и Илия), упомянутые в списке. Но другие имена (Иуда, Иосия, сын Коила, Феодор, Феопемп, Альфий, Херомен, Стефаний, Карор) предполагают еврейскую общину (с. 125–126).

[9] Например, в одной из своих Бесед преп. Макарий Египетский уподобляет христиан купцам (ἐμπόρους), приобретающим от торговли большую прибыль (μέγιστα κέρδη). Как купцы с земли получают земную прибыль, так христиане, собирая рассеянные помыслы сердца своего, получают высшее и истинное приобретение (ἐμπορία), см.: Die 50 Geistlichen Homilien des Makarios / Hrsg. von H. Dörries, E. Klostermann, M. Kroeger. B., 1964. S. 196–197. Hom. 24,1. Говоря о тайниках сердца, преп. Макарий сравнивает противоречивые процессы там происходящие с честной и нечестной торговлей (ἡ ἀγαθὴ ἐμπορία καὶ ἡ ἐναντία): Ibid. S. 146. Hom. 15,32. Ср. также рассуждения Паисия и Исайи перед приходом в монашество о том, как распорядился имуществом своего отца, вероятно, александрийского купца, торговавшего на испанском направлении (ἐμπόρου Σπανοδρόμου), чтобы получить от него прибыль (κερδήσωμεν): Pall. Hist. Laus. XIV.

[10] Этот материал является немного измененной версией статьи: *Derda T.* Some Remarks on the Christian Symbol ХМГ // JJP. 1992. 22. P. 21–27. Папирусы 11 и 12 были ранее также опубликованы в JJP (см. соответственно: JJP. 1993. 23. P. 43–48 и JJP. 1992. 22. P. 11–19). Папирус 10 был ранее подробно рассмотрен автором в докладе на 20-м Конгрессе папирологов (см.: *Derda T.* P. Naqlun inv. no 35/88: a Papyrus from the Recently Excavated Monastic Center in Fayyum Oasis // Proceedings of the 20th Congress of Papyrology (Cairo 1989). Cairo, 1992. P. 603–611).

Еще раз о пользе чтения "между строк". Методологические размышления

Вряд ли какой-либо историк осмелится утверждать, что он совершенно свободен от личных пристрастий по отношению к предмету своих занятий. Тем не менее, наука в целом, как корпорация или сообщество профессионалов, обязана постоянно стремиться к выявлению различных видов ангажированности и, по возможности, к избавлению от них. Цель настоящей заметки – внести посильный вклад в эту необходимую работу. Даже если нижеследующие рассуждения покажутся тривиальными, большого вреда от лишнего напоминания о подводных камнях исторической методологии, как мне кажется, не будет.

Хотя ангажированность или, попросту говоря, предвзятость порождается всякий раз вполне индивидуальным набором причин, среди последних можно выделить несколько более общих типов, под которые в той или иной мере подпадают почти все индивидуальные случаи. Один из таких типов – это банальный фаворитизм, когда ученый испытывает глубокую личную симпатию или антипатию к тем или иным действующим лицам исторического процесса. Другой, очень хорошо нам известный, вид предвзятости – это методологическая предопределенность, заставляющая историка искать в исследуемых им явлениях и процессах некоторые категории, о которых он заранее знает, что они *должны* там присутствовать, поскольку так говорит жесткая методологическая конструкция, заданная a priori. Что из этого получается, известно всякому, кто наблюдал, к примеру, бесконечные баталии вокруг византийского феодализма в марксистской науке или современные разыскания на тему гомосексуальных переживаний в византийской монашеской литературе.

Сейчас, однако, мне хотелось бы сосредоточить внимание на еще одной разновидности предвзятого, или априорного, подхода к анализу эмпирических данных, т.е. применительно к исторической науке, к интерпретации источников. Этот тип ангажированности можно для краткости назвать мотивационной предвзятостью. Чтобы не вдаваться в пространные теоретические рассуждения, попытаемся раскрыть его сущность через одно из частных его проявлений, чрезвычайно распространенное именно в отечественной византинистике. Всем известно, что значительное число личностей, сыгравших выдающуюся роль в истории Восточной Римской империи, почитается Церковью, как Православной, так и во многих случаях Римско-католической, в качестве святых. Некоторых исследователей, принадлежащих к одной из вышеназванных конфессий, этот факт заставляет делать вывод (в сущности вовсе не обязательный ни с догматической, ни с какой-либо иной точки зрения), что мотивы, которыми руководствовались такие люди в своих действиях, всегда были возвышенны и высоконравственны. Только закоренелый приверженец Емельяна Ярославского будет отрицать, что так оно очень часто и было. Предвзятость, а потому и методологическая несостоятельность упомянутого подхода заключается в том, что другие возможные объяснения тех или иных поступков той или иной исторической фигуры отвергаются с порога. Более того, получается, что исследователь как бы навязывает свой этический кругозор, зачастую весьма недалекий и примитивный, тем личностям, которых он, по своим вненаучным убеждениям, должен был бы считать более квалифицированными судьями в этом вопросе. Если какой-либо святой был, скажем, политическим деятелем, его цели и методы их достижения выводятся за рамки политической сферы и подгоняются под некий моральный шаблон, хотя опыт человечества свидетельствует, что политические цели достигаются лишь с помощью некоторых специфических средств, которые могут быть более или менее нравственными, но в любом случае не сводятся к чисто этической мотивации. Среди таких средств очень важное место занимает пропаганда, т.е. целенаправленное воздействие на общественное мнение с целью формирования определенных настроений и завоевания поддержки. Однако в сознании некоторых благочестивых ученых пропаганда отождествляется с ложью, в результате чего из-за мотивационной предвзятости не только сам термин (употребление его, в конце концов, – дело вкуса), но и описываемое им явление с позором изгоняются из исторического дискурса.

Чтобы нагляднее представить проистекающие отсюда последствия, приведем конкретный пример. В 846 г. патриарх Мефодий пишет письмо патриарху Иерусалимскому, где говорит, что не может вернуть священнический сан никому из бывших иконоборческих клириков, потому что ни один из них не покаялся. С точки зрения здравого смысла и теории вероятностей невозможно поверить, что среди сотен и тысяч людей не было хотя

вполне самодостаточную[3]. Этот факт очень интересен в перспективе (точнее "ретроспективе") начальной истории египетского монашества. Результаты раскопок Дейр эль-Наклуна, на наш взгляд, предполагают и еще один интересный поворот: нельзя исключать того, что организация колонии анахоретов в Дейр эль-Наклуне может напоминать организацию монахов на горе Писпир (совр. Deir el-Meimoun), возникшую на месте первого монашеского поселения преп. Антония. Реальный вид и организация этого очень важного для истории египетского монашества поселения практически не освящены в известных нам литературных источниках[4].

Наиболее достоверные сведения о монастыре Дейр эль-Наклун содержатся в коптском "Житии Самуила из Каламуна". Там упоминается, что Самуил, будучи строгим монофизитом, вынужден был покинуть в 631 г. Скит и три с половиной года жить в отдаленной келье лавры Дейр эль-Наклуна, посещая киновию монастыря по субботам и воскресеньям. Из этого можно сделать вывод, что как минимум к 30-м годам VII в. монастырь был монофизитским, хотя нельзя сказать точно, с какого времени он перешел на позиции монофизитства.

Греческие папирусы, опубликованные в данном издании, датируются VI–VII вв. Папирусы 1–5 (с. 41–78) представляют собой небольшой архив отшельника VI в. обнаруженный в одном из помещений жилища, вырубленного в скале. Архив включает в себя отрывки из Псалмов 117, 108, 103, 65 и 98, а также список первых строк Псалмов 103–135. Помимо этого, опубликован принадлежащий этому же архиву пергамент, на котором находится список Псалмов, совпадающий с классификацией Евсевия Кессарийского, содержащейся в его "Commentaria in Psalmos" (PG. XXIII, XXIV), а также так называемый "Канон дневных Псалмов" (Κανόνες ἡμερινῶν ψαλμῶν). Инципит Псалмов 103–135 интересен уже тем, что, вероятнее всего, это единственный папирус с подобным текстом. Но помимо этого сам факт такого списка в архиве египетского отшельника предполагает, что культура идентификации текстов, свойственная александрийским филологам еще с эпохи эллинизма, не была утрачена полностью, но, благодаря посредничеству библейских текстов, все еще существовала в монашеских общинах ранневизантийского времени[5]. Папирус 5, содержащий написанные рядом фрагменты Псалмов 65 и 98, позволяют сделать вывод, что отшельник вполне сознательно переписывал (или воспроизводил по памяти) не весь текст подряд, а именно те отрывки, которые по тем или иным причинам считал актуальными. Это в свою очередь может послужить интересным материалом для уточнения целого ряда конкретных моментов использования текста Псалтири в среде египетского монашества. Значительный интерес представляет также пергаментная полоска со списком Псалмов. По мнению издателя, наличие списка, классифицирующего псалмы по типам (прежде всего по авторству, но присутствуют также заглавия ἀνόνομοι, ἀλληλουία, ἀνεπίγρ(αφοι)), либо является выражением благочестивой монашеской эрудиции, либо преследует сугубо утилитарные цели. Отшельник мог пользоваться этим списком как индексом к Псалтири. Не менее интересен Κανόνες ἡμερινῶν ψαλμῶν, т.е. список Псалмов, которые должны были произноситься в определенный час дня. Подобного рода список содержится в Александрийском кодексе Септуагинты, а также в Комментариях на Псалмы Евсевия Кессарийского. Находка пергамента неопровержимо доказывает, что такие Каноны – реальная традиция, имевшая место в среде египетского монашества. Т. Дерда с сожалением констатирует тот факт, что эти списки до сих пор остаются вне поля зрения специалистов по раннехристианской литургике, хотя их изучение могло бы, вероятно, пролить свет на формирование и практику богослужения часов. Он также указывает, что сама форма списка, вероятно, имеет параллели с практикой двенадцати дневных молитв, принятой в "Правилах преп. Пахомия" и упомянутой в "Лавсаике" еп. Палладия (Pall. Hist Laus. XXXII).

Документы, опубликованные по номерам 7–12 (с. 97–163), связаны с социально-экономическими аспектами истории монастыря Дейр эль-Наклун. Документы 7–8[6] представляют собой, видимо, небольшую часть хозяйственного архива большого поместья. Первый содержит список зерновых запасов, предназначенный разным лицам, включая и монахов, второй – список урожая, сделанный скорее всего для подсчета ренты в зависимости от качества и доходности земельных участков. Происхождение этих документов не до конца ясно. Они могли происходить как из канцелярии монастыря, так и из канцелярии поместья, расположенного рядом с монастырем. Документ 9 – это счет к разным лицам, главным образом торговцам и ремесленникам, в получении и выдаче денег предположительно за их товары и услуги, а также в качестве платы, возможно, арендной, за земельные участки. О принадлежности этого документа к монастырской канцелярии можно говорить более уверенно, хотя и не безусловно. Документ 10 содержит перечень продуктов, сданный некоему "господину и отцу" скорее всего настоятелю монастыря, а документ 11 содержит краткий перечень монашеской одежды, проданной монастырю. Папирус 12 представляет собой письмо некоего Николая, вероятнее всего, настоятеля монастыря или даже епископа, сделавшего Дейр эль-Наклун своей резиденцией, к комиту Василию. Письмо написано по поручению Николая апой Ором, вероятно, служившим у Николая секретарем.

Все документы безусловно представляют определенный интерес. Исходя из данных этих папирусов, можно предположить, что Дейр эль-Наклун поддерживает довольно тесные хозяйственные связи с внешним миром, и приобретает необходимые продукты и товары, расплачиваясь при этом не только натуральными продуктами (если считать, что документы 7–8 происходят из канцелярии монастыря), но и деньгами. Эти данные находятся в видимом противоречии с фактами, сообщаемыми классическими текстами по истории египетского монашества IV в. (например, "Лавсаиком" еп. Палладия), где рисуется картина определенной экономической "автаркии" монастырей как Нижнего, так и Верхнего Египта (Pall. Hist. Laus. VII, XXXII). Монахи Нитрии, например, по описанию Палладия, стараются производить все необходимые им продукты (одежду, хлеб, вино) и закупать лишь то, что не в состоянии сами произвести. Можно, таким образом, предположить, что как минимум к VI в. происходит известная эволюция, и монастыри имеют уже достаточное количество средств, чтобы закупать не только самое необходимое, но и пользоваться услугами ювелиров, вероятно, для закупки церковной утвари, и производителей благовоний. Денежные средства, судя по данным этих и других папирусов, могли поступать в монастырь от продажи или аренды земельных участков, бывших в монастырской собственности (на что указывают сведения документа 9, где среди прочего упомянут некий продавец пурпура (πορφ(υροπ-ώλ)) и кондитер (πλακο(υντᾶς)) Херомен, уплатившие за участки земли)[7]. Документ 10 упоминает, помимо прочего, моллюсков (πεταλ-ίδες), вероятно, служивших ингредиентом для приготовления какого-то особого блюда. Значение πεταλίς остается до конца не выясненным: речь идет либо о морском моллюске, обитавшем возле морского побережья Александрии, либо, наоборот, о пресноводном, который водился, например, в окрестностях Фа-

[3] Археологический материал Келлий дает довольно ясные тому свидетельства: жилища отшельников, там обнаруженные, содержат иногда до семи – восьми комнат. Это можно считать подтверждением многочисленных свидетельств письменных источников о том, что старцы зачастую обитали вместе со своими учениками, или в непосредственной близости от них. Археологические свидетельства из Дейр эль-Наклуна не столь очевидны, однако там был найден интересный папирус, упоминающий некоего монаха, апу Нила. В документе он назван также προεστὼς Πύργου κα[ὶ τοῦ] ἁγ[ίο]υ Φοιβάμμ(ωνος). Данное выражение может обозначать монаха, возможно старца, в распоряжении и ответственности которого находились две кельи: pyrgos, т.е. ранее служившая складом, и келья св. Фивамона (с. 24–25). В этой связи следует также вспомнить, что термин προεστὼς упоминается среди папирусов архива монахов-мелетиан (например, P. Jews. 1913), где он, по всей видимости, обозначает *приора* нескольких келий, входивших как составная часть в полуотшельническую мелетианскую общину.

[4] В 14 главе "Жития преп. Антония" свт. Афанасия Александрийского говорится только о том, что в горах (ἐν τοῖς ὄρεσι – вероятно, вокруг Писпира) возникают обители отшельников (μοναστήρια). Интересно отметить данные 15 главы о том, что преп. Антоний посещает и наставляет братию из Арсенои. Скорее всего имеется в виду колония анахоретов, находившихся где-то в непосредственной близости от главного города Фаюмского оазиса.

[5] Эта идея впервые была высказана известным польским исследователем проф. Збигневом Борковским, светлой памяти которого и посвящено данное издание Т. Дерды, его ученика и друга.

[6] Документы 7 и 8 обнаружены в жилище того самого отшельника, которому принадлежит опубликованный выше архив. Документ 7 соседствует на recto папируса с фрагментом из 108 Псалма, опубликованном под номером 3. Документ 8 находится на recto папируса, где на verso содержатся фрагменты Псалмов 65 и 98, опубликованные под номером 5. Можно предполагать, что папирусы были отданы отшельнику для его нужд тогда, когда написанные на них документы стали не нужны.

[7] Строго говоря, там, где напротив имени Хиромен должна была стоять сумма денег, текст не сохранился, но, исходя из общей логики документа, она должна была быть там обозначена. Доказательством того, что еще в VIII в., т.е. после арабского завоевания, египетские монастыри занимались покупкой и арендой земель могут служить, например, несколько коптских папирусов, опубликованных П.В. Ернштедтом (*Ернштедт П.В.* Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.; Л., 1959. С. 17–25, папирусы № 3–4; С. 35–42, папирус № 7; С. 50–55, папирус № 13; ср.: *Ернштедт П.В.* Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.; Л., 1959. С. 9–11, папирус № 1).

надо признать: во многих случаях подобное стремление представляется оправданным, а выводы, к которым в результате анализа материала источников приходит автор, действительно, как он сам выражается, "далеки от общепринятых" (с. 48).

Монография изобилует примерами вдумчивого анализа структуры и языка рассматриваемых текстов, весьма тонкими наблюдениями в деле обнаружения интерполяций, органическим соединением исторической методологии с филологической (expresses verbis этот метод охарактеризован автором на с. 155). Бросается в глаза добротность переводов, в том числе и таких темных текстов, как послание патриарха Мефодия патриарху Иерусалимскому, которое, пользуясь приведенными в книге словами Питры, "толковать впору самому Эдипу" (с. 93). Результативным оказывается и широко практикуемый Д.Е. Афиногеновым метод сопоставления разных версий того или иного события.

Очень интересно охарактеризованы события, связанные с "легитимизацией" императрицы Ирины, с зарождением легенды о патриархе Германе. Остроумным представляется объяснение огромного числа жертв (20 тысяч по житию Мефодия) и истинного смысла "великой чистки" в рядах византийского духовенства, которую осуществил патриарх Мефодий (с. 88 сл.). Убеждает (по крайней мере автора этих строк) интерпретация Д.Е. Афиногеновым событий, связанных с присягой императора Льва V (с. 62–63), с рождественской аудиенцией у царя в 814 г. (с. 67–68). Очень важным является его наблюдение о зарождении в Византии, вопреки утверждению Ж. Гуйара, идеи о том, что и император мог быть анафематствован за иконоборческую ересь (с. 110). Логичным и вытекающим из рассмотренного автором материала представляется и главный результат исследования, а именно: трактовка иконоборчества как "покушения на церковь со стороны императорской власти" (см., например, с. 125, 126), хотя как раз этот вывод, по-видимому, не отличается особенной новизной и, боюсь, не покажется вполне убеждающим для кого-то из специалистов: очень уж много во всем этом остается "между строк". Для меня лично важность исследования Д.Е. Афиногенова заключается, помимо всего прочего, и в том, что в результате проведенного им исследования деятельности выдающихся православных патриархов Тарасия, Никифора и особенно Мефодия становится понятным и закономерным появление монументальной фигуры Фотия с его идеями о строгом разграничении полномочий императорской власти и власти патриарха, с его ясно выраженным стремлением ограничить власть императора рамками βασιλεία и оградить от ее посягательств церковную сферу, возвысить и эмансипировать власть патриарха, придав ему своего рода папский статус.

К сожалению, не обошлось в книге Д.Е. Афиногенова и без издержек. Порою с присущим молодости максимализмом, гиперкритицизмом, а иногда в "додумывании" за своих героев мотивов их действий (чаще всего они объясняются "пропагандистскими намерениями", недаром выражениями типа "пропагандистская тенденция", "пропагандистская модель", "пропагандистское клише", и т.д., буквально уснащена вся работа) автор явно "перегибает палку" (например, во всех действиях и во всем поведении императрицы Ирины Д.Е. Афиногенов усматривает "пропагандистский козырь", видимо, полагая, что Ирина с самого начала поставила перед собой задачу "стать святой"). При том, что реконструкция действительных решений собора 809 г. выглядит убедительной (см. с. 50–61), у автора ощущается недостаточное знание памятников византийского права, в том числе и тех, которые появились в рассматриваемое время. Не восходит ли, например, к возникновению "михианской схизмы" включение в Частную Распространенную эклогу неясной по своему происхождению нормы о признании ухода в монастырь в качестве причины для расторжения брака (EPA. II.16, 19)? Или: что за "царский закон" имелся в виду, перед которым, по постановлению иконоборческого собора 754 г. (если верить "Опровержению" его на VII Вселенском соборе), должен был отвечать "осмелившийся изготовить икону, или поклониться таковой, или поставить в церкви, или в частном доме, или спрятать ее" (с. 29)? Эклога, во всяком случае, в виду не имеется, ибо в ней нет подобной нормы. Важное наблюдение об определении природы власти в III Антирретике патриарха Никифора ("царская и императорская власть не обязательно даруется непосредственно Богом – она может иметь такой вполне земной источник как мнения толпы") уместно было бы сопоставить с похожими определениями власти с фотиевой "Исагоге" и т.д.

Не премину указать также на одну непоследовательность автора: отметив на с. 128, что ни одна возможность высказаться по адресу императоров-еретиков не использована Феодором Студитом, Д.Е. Афиногенов цитирует на с. 130 одно из писем Феодора, где тот недвусмысленно подчеркивает, что ересь эта имеет одно оружие – власть, и если той не будет, и она без труда прекратится" (ἓν ὅπλον κτωμένη, τὴν ἐξουσίαν ἧς ἀναιρουμένης ἀκαμάτως συναναιρεθήσεται καὶ αὐτή). Не думаю, что ἐξουσία здесь означает нечто иное, нежели власть императоров.

Осмелюсь вторгнуться и в наиболее сильную сторону исследования – в качество переводов. При том, что, как я уже отметил, они вполне добротны, встречаются и огрехи: в цитате из Феодора Студита о противопоставлении праведного Рима порочной Византии важно было перевести глагол πλεονάζει не прошедшим временем ("здесь, похоже, преумножилось безверие и беззаконие" – с. 130), а именно настоящим – "множится", "изобилует"; в гл. 6 Жития Никиты Мидикийского (с. 158) правильно, по-видимому, будет не "он сеял не их на дороге", а "он сеял их не на дороге" (т.е. как разъясняется дальше, "на поверхности разума, чтобы их топтали"); выражение οἱ κοσμικοὶ ἄρχοντες лучше переводить не "мирские начальники" (с. 30, 120), а просто "светские власти" (Троянос, посвятивший этому выражению специальный экскурс в своей книге о VII Вселенском соборе, подчеркивает, что под этим выражением имелись в виду "все без исключения носители светской власти, включая и императоров, хотя прямое указание на них было, конечно, невозможно"[1]; усматриваю неточность в переводе 3-го канона того же VII Вселенского собора (с. 30): слова "да будет низложен и отлучен, и все имеющие с ним общение" точнее перевести так: "да будет лишен сана", и далее "да будут отлучены и те, кто с ним связан" (технический термин καθαίρεσις) и производные от него означают именно лишение сана; мне кажется, так и надо переводить вместо повсюду автором предпочитаемого "низложение"; соответственно ἀφορισμὸς означает отлучение от церкви.

И наконец, еще одно место в книге прямотаки поставило меня в тупик. В приложении Д.Е. Афиногенов издает текст такого интересного и важного памятника как Слово патриарха Мефодия о святых иконах, причем в греческом подлиннике по синодальному списку (л. 182–188) и в своем переводе (с. 189–195) – честь ему и хвала за это, но... Я, конечно, не выверял изданного автором греческого текста целиком, как и не сверял целиком оригинал с переводом. Но одну главу (седьмую), воспроизводящую почти целиком 82 канон пято-шестого (т.е. Трулльского) собора о святых иконах с изображением Агнца я имел возможность выверить по "каноническому" изданию актов этого собора (изд. Иоанну). Мое подозрение оправдалось: хотя предложенный Д.Е. Афиногеновым перевод правилен, он соответствует не издаваемому им тексту синодального списка, который явно содержит в данном тексте глубокую порчу текста (προυπεμφάνων вместо προϋποφαίνων – τοὺς παλαιοὺς νόμους вместо τοὺς παλαιοὺς τύπους несогласование τοῦ αἴροντος ... ἀμνὸν Χριστοῦ τοῦ θεοῦ вместо нужного τοῦ αἴροντος ἀμνοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἀντὶ τοῦ παλαιοῦ νόμου вместо ἀντὶ τοῦ παλαιοῦ τύπου, не считая других, более мелких разночтений), а именно тексту канона в издании актов Трулльского собора. В чем тут дело, я затрудняюсь ответить. Во всяком случае, этот пример лишний раз показывает, как опасно издавать какой-то греческий текст по одному списку.

В заключение хотелось бы отметить, что книга Д.Е. Афиногенова – замечательное, будоражащее (отсюда и "придирки") произведение, которое несомненно должно быть признано вполне оригинальным и глубоко самостоятельным исследованием. В нем изучен и осмыслен богатый источниковый материал, содержится множество весьма проницательных авторских наблюдений и уточнений, пересматривается и корректируется ряд распространенных в современной историографии представлений.

И.П. Медведев

La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre. Introduction, Édition et Traduction Marie-France Auzépy / Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 3, Variorum, 1997

Все большее количество византийских агиографических произведений переиздается и комментируется в последние годы. Наступила, наконец, очередь и "Жития Стефана Нового", написанного, по всей видимости, тезкой святого Стефаном Диаконом. Трудно переоценить важность такого издания, ведь произведение это – не только богатый источник по истории первого периода иконоборчества, но и весьма значительный историко-

[1] *Τρωιανοῦ Σπ.* Ἡ Ζ' οἰκουμενικὴ σύνοδος καὶ τὸ νομοθετικὸν αὐτῆς ἔργον. Ἀθῆναι, 1989. Σ. 18.

литературный памятник. На фоне агиографической литературы того времени, отличающейся, как правило, крайней свободой (если не отсутствием!) композиции, сочинение Стефана Диакона удивительно четко структурировано и во многих отношениях открыло новые пути в развитии житийного жанра. Его значение для историко-литературных исследований определяется также и тем, что в отличие от многих других сочинений дата написания этого жития устанавливается относительно просто, а его герой известен по историческим источникам, поэтому существует возможность видеть, каким образом и когда исторический материал перерабатывался в литературный агиографический сюжет (редкая возможность для исследователя, имеющего обычно дело с анонимными, трудно датируемыми сочинениями, о героях которых известно крайне мало).

Определенное значение этого сочинения имеет и для древнейшей истории России, на что одним из первых обратил внимание В.Г. Василевский, посвятивший "Житию" большую и основательную работу, которая, к сожалению, в рецензируемом издании не используется и не упоминается[1]. Есть и другая причина для "первоочередного" издания "Жития Стефана": использующие это произведение ученые до сих пор вынуждены были обращаться к Patrologia Graeca, где воспроизводился текст парижского издания конца XVII в., сделанного, естественно, по одной рукописи. Между тем, рукописей сохранилось девятнадцать и М.-Ф. Озепи пришлось очень основательно изучать рукописную традицию прежде чем приступить к изданию текста. В результате была составлена стемма (носящая, по словам автора, предположительный характер) и отобраны десять манускриптов, по-видимому, наиболее точно отражающих прототип; они и легли в основу издания.

Конструируя текст, М.-Ф. Озепи придерживалась похвального принципа: всюду, где только можно, воздерживаться от поправок и стараться сохранить рукописное чтение. Делается это в отдельных случаях даже тогда, когда конъектуры напрашиваются сами собой...

Книга издана в относительно новой серии Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, публикуемой учеными Бирмингемского университета под патронажем А. Брайера и Дж. Хэлдона (серия начала выходить в 1996 г., в том числе в ней издан и другой агиографический памятник: "Житие патриарха Тарасия" Игнатия Диакона[2]). Принадлежность книги к новой серии позволила немного варьировать эдиционную технику, которая в отдельных деталях отличается от принятой в тойбнеровских изданиях и в CFHB. Все места, где встречаются разночтения между рукописями, отмечены в тексте звездочками, точные библейские цитаты в тексте выделены курсивом. Помимо рукописных разночтений в подстрочных примечаниях отдельно указывают цитаты или заимствования из Священного Писания, источники и наконец testimonia, т.е. случаи цитирования самого "Жития Стефана Нового". Нельзя не видеть, что все эти "нововведения" служат одной цели – максимальной наглядности критического аппарата. Если при этом учесть наличие подробнейших греческого и французского индексов, то следует признать, что поставленная цель была издателями выполнена замечательно. Весь богатый реальный и исторический комментарий сконцентрирован в подстрочных примечаниях к французскому переводу "Жития".

Не совсем обычны для изданий византийского литературного памятника также и объем и содержание статьи, предшествующей греческому тексту и французскому переводу. Помимо традиционных для такого рода книг сведений об агиографе, святом, рукописях произведения и предшествующих его изданиях М.-Ф. Озепи предварила книгу настоящим историко-филологическим исследованием о двух Стефанах – авторе и герое "Жития". Не пытаясь пересказать его содержания, отмечу две интересные мысли, в нем заключенных.

Истинным заказчиком "Жития" был не Епифаний, которому эта роль приписывается в произведении, а женский монастырь Трихинарии, монахини которого желали прославить монастырь и засвидетельствовать его православие в период гонений на иконопочитателей.

Сам же Стефан Новый отнюдь не был смиренным монахом, а скорее политическим деятелем и даже своего рода "политическим провокатором", развернувшим против Константина V религиозно-политическую пропаганду; именно его деятельность вынудила императора начать преследование монашества. Короткая рецензия не место для обсуждения таких принципиальных и неожиданных выводов. В какой степени они отражают историческую истину, а в какой настроения левой европейской интеллигенции, стремящейся десакрализировать историю и в любой ситуации найти сугубо материальные и политические пружины действия? На этот вопрос нельзя отвечать умозрительно.

Единственно чего читатель не находит во вступительной статье к изданию – литературного анализа очень интересного текста "Жития". Однако расстраиваться по этому поводу явно преждевременно. Уже широко анонсируется (а может быть, сейчас уже и вышло) исследование М.-Ф. Озепи, озаглавленное "Агиография и иконоборчество (Житие Стефана Нового)", которое должно составить (или уже составило) пятый том той же серии, в которой вышла и обсуждаемая книга. Зная направление работ французской исследовательницы, можно предполагать, что литературоведческая проблематика занимает в этом исследовании достойное место. "Житие Стефана Нового" – предмет многолетних занятий М.-Ф. Озепи. Рецензируемое издание – свидетельство того, сколь плодотворным может быть комплексное и всестороннее изучение литературного памятника.

Я.Н. Любарский

[1] *Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1908. Т. 1.

[2] The Life of the Patriarch Tarasios by Ignatios Deacon (BHG 1698). Introduction, Edition, Translation and Commentary by S. Ruthymiades. Birmingham, 1998.

Corrigan K. Visual Polemics in the Ninth-Century Byzantine Psalters. Cambridge Mass. Univ. Press, 1992. 325 p. 86 ill.

Рецензию на книгу К. Корриган можно начать словами, служащими обыкновенно вступлением к сказкам: "Это старая и запутанная история...". Книга посвящена миниатюрам псалтирей IX в. с иллюстрациями на полях (ГИМ. Хлуд. гр. 129д, Pantocrator 61 и Paris Bibl. Nat. gr.20) и носит всеобъемлющий характер: автор затрагивает практически все проблемы, когда-либо ставившиеся в научной литературе в связи с этой группой манускриптов. В ней также представлены самые разные методы исследования: художественный анализ миниатюр как современных поименованным псалтирям рукописей, созданных в Византии и на христианском Востоке, и каролингских манускриптов, так и более поздних, а также кодикологическое и палеографическое их исследование. Огромное значение имеет, кроме того, обращение к дошедшим до нас текстам IX в., принадлежащим представителям партии иконопочитателей – патриархам Никифору (Antirrheticus, Refutatio et Eversio), Мефодию (Канон на восстановление священных образов, Синодик православия), Фотию (Гомилии), Иоанну Дамаскину (Contra imaginum calumniatores orationes tres, О святых иконах, О ересях), Феодору Студиту (Antirrhetici tres adversus Iconomachos) и др. В центре внимания К. Корриган – полемический характер иллюстраций псалтирей IX в., их уподобление устному диалогу – одной из наиболее распространенных в Византии форм опровержения политических и религиозных оппонентов в эпоху иконоборчества. Исследование содержит интереснейший и обширный материал о духовной жизни Византийской империи иконоборческого времени и периода восстановления иконопочитания (840-е – 860-е годы), но избранная автором тема заставляет его везде, почти в каждой миниатюре, искать элементы полемики, что приводит иногда к тенденциозности в толковании изображений. Так, рассматривая вопрос достоверности священных текстов, в подделке и фальсификации которых часто обвиняли иконоборцев, исследовательница упоминает миниатюру псалтири Pantocrator 61 (к псалму 25:5), где представлены иконоборческий собор 815 г. и (слева) патриарх Никифор, отказавшийся принимать в нем участие. Среди участников собора узнаваем будущий патриарх Иоанн Грамматик со свитком, содержащим собрание цитат из патристических текстов, которые могли быть приведены в оправдание иконоборчества (этот документ был составлен по заказу Льва V). Далее автор отмечает, что свиток в руках Иоанна Грамматика отражает обвинение, выдвинутое на II Никейском соборе против иконоборцев в неправильной интерпретации и цитировании вне контекста патристических источников, что в данном случае получило отражение в изображении свитка (напоминающего таблицы с фрагментами текстов, использовавшихся иконоборцами во время собора в Иерии 754 г.), а не кодекса. Невозможно отрицать полемический характер этой миниатюры, однако трудно поверить, чтобы он проявился в такой мелкой детали.

Создатели псалтирей IX в. с маргинальными иллюстрациями и их идейные вдохновители "принадлежали к высшему слою византийского интеллектуального общества". Их главной задачей была защита основ православия. Среди их главных оппонентов

хронологическом порядке. Здесь даны палеографические, исторические, кодикологические, текстологические, графологические и другие традиционные характеристики манускриптов. Автор сообщает все известные на сегодня основные факты, связанные с историей их создания, бытования, хранения и изучения, продолжает поиск и пересмотр некоторых атрибуционных доводов, подытоживая результаты всех исследований (в том числе собственных). Особое внимание Е.В. Герцман уделяет музыкальному аспекту. Внимательно рассмотрены и прокомментированы с этой точки зрения особенности источников, касающиеся самых разных специальных проблем: текстологических, теоретических, исполнительских, литургических, учебно-педагогических и др.

Затем следует подробное изложение содержания рукописи (в большинстве случаев – певческий репертуар). Все заголовки (самоназвания) книг, их частей, разделов, отдельных сочинений или их групп приводятся, как правило, полностью, с сохранением особенностей орфографии. Детально переданы все имеющиеся данные о музыкально-поэтических текстах: жанровая и гласовая принадлежность, местонахождение в том или ином богослужебном круге, имена гимнографов и мелургов etc. Приведены и выделены курсивом начальные слова каждого песнопения или фрагмента. Описание завершает список литературы, содержащей сведения о данной рукописи.

Вторая часть книги (Opera) представляет собой алфавитный перечень инципитов литургических текстов, сгруппированных, во-первых, по принципу авторской, во-вторых, по жанровой принадлежности (§ 1. Opera anonyma; § 2. Opera ab auctoribus composita). В этой части читатель найдет перечень всех песнопений и музыкально-теоретических сочинений из греческих рукописей РНБ.

Заключают Каталог семь указателей (Indices), помогающих ориентироваться в материале источников. В их числе – указатели имен мелургов, писцов, а также ученых-византинистов.

К Описанию прилагаются 29 черно-белые и 4 цветные фотокопии отдельных листов и снимков внешнего вида избранных кодексов, что особенно важно для исследователей, не имеющих возможности лично взглянуть на рукописи.

Объем книги – 736 страниц, тираж – 450 экз. Издание выполнено на достаточно высоком полиграфическом уровне.

Таким образом, впервые осуществлено достаточно полное, по некоторым аспектам почти исчерпывающее, и всестороннее описание греческих музыкальных рукописей РНБ. Работу отличают высокий профессионализм, добросовестность и аккуратность. Все суждения, выводы и предположения продуманы, взвешены и аргументированы. (Конъектуры в квадратных и угловых скобках в подавляющем большинстве случаев не вызывают возражений.) Вместе с тем, авторским комментариям отведено достаточно скромное место: источникам предоставлена возможность побольше самим рассказать о себе, прежде всего путем подробной передачи содержания.

Материалы описания представлены в свободной форме. Отказ от жесткой схемы автор мотивирует стремлением отразить неповторимое своеобразие каждого источника (vide p. 33, Preambula). Поэтому все сведения о рукописи выстроены не по общему шаблону, а по степени важности для исследования – всякий раз в новой иерархии, соответствующей, по мнению составителя Каталога, особенностям данного раритета.

Данный стиль изложения очень импонирует, когда читаешь книгу именно как "серию очерков о греческих музыкальных рукописях" (vide ibid.), страницу за страницей. Однако, когда уже в процессе работы возникает необходимость выяснить состав книг того или иного кодекса, время его создания, тип нотации и т.п. "паспортные" данные, приходится всякий раз в поисках нужной информации заново просматривать текст Описания.

К спорным моментам может быть отнесен также главный принцип организации материалов второй части Каталога (Opera). Часть эта состоит из двух разделов, но деление это весьма условно, так как § 1 (Opera anonyma) можно рассматривать и как одну из авторских рубрик § 2 (Opera ab auctoribus composita), каждая из них построена по схеме § 1: инципиты песнопений в алфавитном порядке объединены в жанровые группы, названия которых также расположены по алфавиту. Таким образом, в этой части Каталога Е.В. Герцман систематизирует весь певческий репертуар рукописей исключительно с точки зрения а в т о р с к о й принадлежности, тогда как в Описании отсутствует существенно важный, на мой взгляд, сводный ж а н р о в ы й указатель, по которому можно было бы составить мнение о в с е м жанровом и внутрижанровом многообразии греко-византийских песнопений из рукописного собрания РНБ. Такой указатель мог бы быть неоценимым помощником в изучении

певческого наследия Греческой Церкви в любом исследовательском контексте.

Что же касается немногих несущественных недостатков рассматриваемой работы, то здесь можно отметить прежде всего: при передаче и употреблении автором некоторых литургических (гимнографических) терминов, случаи несогласованности с отечественной традицией и отсутствие определенного единообразия. Так, например, несколько необычны "*псалм*" и "*псалмовый стих*", а также "*ода*" вместо привычных "*псалом*", "*псаломский стих*" и "*песнь*". Введение подобных эквивалентов кажется тем более излишним, что и в греко-византийской, и в зависимой от нее русской традиции определения всех указанных пар совершенно равнозначны[6]. Также и название стихир δοξαστικὰ ἰδιόμελα, переводимое автором и как "*доксологии*" и как "*славословные*" (см. с. 30–31), в отечественной традиции передано, по моему мнению, более удачно термином "*словники*". "*Славословие*" ("*доксология*") – калька с греческого δοξολογία, и этим словом чаще обозначается совершенно другой жанр (δοξολογία μεγάλη – славословие великое: "Слава в вышних Богу..." или же δοξολογία μικρή – так называемое *краткое славословие*: "Слава: И ныне:"). В этих и подобных случаях, как мне представляется, вполне уместно учитывать опыт русских книжников, что особенно важно для сравнительного изучения богослужения и богослужебного пения наших церквей.

Вообще во избежание терминологической путаницы и всевозможных недоразумений целесообразно было бы, например уже в Предисловии, кратко представить все упоминающиеся в каталоге наименования жанров и некоторых других литургических, гимнографических, певческих и прочих наиболее важных терминов и их вариантов вместе с русскими переводами (и транслитерациями), а также с церковнославянскими эквивалентами, когда таковые имеются[7].

Обращают на себя внимание и случаи неоправданного объединения в одну группу песнопений разных жанров или песнопений из разных чино-последований. В частности, в рубрику "Ἄμωμος" (псаломские стихи из 17 кафизмы: *Блажени непорочный...*) автор включает также тропари, поющиеся после "Непорочных": *Благословен еси, Господи...* (Pars II, § 1. Opera anonyma, p. 480). Несмотря на общий ихос и общий припев, это уже другой жанр, а именно – εὐλογητάρια (см. с. 523), о чем нередко предупреждает заголовок: «Μετὰ τὸν "Ἄμωμος" ψάλλονται τὰ παρόντα εὐλογιτάρια (sic!), ἦχος πλ. α' · Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε, δίδαξόν με...» (vide p. 359. MS № 64, Fol. 40).

Сюда же, очевидно по недоразумению, вошла также строфа из Великого славословия "Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε ὁ Θεός...", которое никак не связано ни с 17 кафизмой, ни с тропарями по "Непорочных" (vide p. 480 et p. 360. MS 64, Fol. 108, 107 et 82).

В репертуаре Божественной Литургии (Λειτουργία) оказалось девять песнопений из Утрени, Литии и Вечерни (см. на с. 525, начиная с "Ἰδοὺ ὁ Νυμφίος ἔρχεται ἐν τῷ μέσῳ..." до "Τῆς σωτηρίας Εὔθυνον..."), а также стихи великого прокимна Вечерни "Τίς θεὸς μέγας, ὁ Θεός..." (vide p. 591 et p. 439, MS 75, Fol. 19). Среди Φημες неожиданно встречается тропарь Пасхи "Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶν..." (p. 676) и т.п. несоответствия.

Немало досаждают опечатки в отсылках на порядковые номера рукописей и их листов, особенно многочисленные в части Opera. Кстати, намного удобнее было бы отыскивать содержание нужной рукописи по отсылке, если бы ее порядковый номер был вынесен на колонтитулы посвященных ей страниц в части Manuscripta. Впрочем, оговорюсь еще раз: указанные недостатки и недоразумения не являются существенными, тем более что у автора есть возможность учесть эти и другие замечания и пожелания при выпуске второго тома Каталога.

И в заключение хотелось бы привлечь внимание читателя к еще одной области музыкальной византинистики, а именно – к теории церковного пения.

Собрание греческих музыкальных рукописей РНБ включает в себя не только списки собственно богослужебных книг и их фрагментов. Не меньшую ценность для византийских церковно-певческих штудий представляют содержащиеся в рукописях теоретические трактаты (в том числе по литургике) и пособия учебно-методического характера. К таким сочинениям, традиционным и ориги-

[6] Употребление автором термина "ихос" (ἦχος) вместо "глас" кажется вполне уместным, так как есть достаточные основания полагать, что слова эти при одинаковом л и т у р г и ч е с к о м контексте употребления имеют различные м у з ы к а л ь н о е осмысление в обеих указанных традициях, в том числе в рамках каждой и них в разные периоды их истории.

[7] Оптимальным решением проблемы мог бы служить прилагающийся к описанию "Краткий терминологический словарь".

различия со столичной практикой, автор приводит литературные источники, свидетельствующие о возможном существовании нескольких алтарей в константинопольских церквах.

Главной особенностью наоса в Каппадокии, отмечаемой во второй главе (с. 79–128), является размещение в нем ниши жертвенника (в северо-восточной части), что вызвано отсутствием отдельного помещения жертвенника. Это определяет многие функции наоса, местоположение духовенства, направление внимания всех верующих во время службы, особенности росписи. Другая отличительная черта – наличие бассейна, что указывает на обязательный ритуал омовения рук и лица перед молитвой.

В третьей главе (с. 129–164) исследование архитектурных типов, внутренней организации и обрамлений портика и нартекса открывает множество функций этих помещений: утилитарные и эстетические – спрятанная в скалах церковь могла быть различима только по входу, портик мог укрыть от ветра и непогоды; посвятительная и литургические – в нартексе проходили определенные ежедневные ритуалы, он служил местом погребений. Нартексы редко встречаются в ранних церквах Каппадокии и характерны в основном для постиконоборческого периода. Основными отличиями от константинопольских церквей является взаимозаменяемость нартекса и портика, многообразие их типов, возможность их расположения не только с западной стороны. Функциональные аспекты нартекса – общие с церквами других регионов. Важность оформления входного пространства определялась также тем, что он был местом молитвенного сосредоточения перед входом в церковь.

Присутствие погребений во входных компартиментах, наосах, капеллах оказывало влияние не только на архитектурную форму, но на литургическое функционирование этих помещений. Поэтому целая глава посвящена этой проблеме (с. 165–182). Появление захоронений указывает на совершение соответствующих поминальных служб. Их большое разнообразие, согласно автору, вызвано особенностями пещерного расположения, а популярность погребальных капелл, (параклессиев) определялась их возрастающим литургическим значением.

При исследовании социальных, экономических и географических аспектов основания каппадокийских церквей и монастырей (с. 183–224) Н.Б. Тетерятникова очерчивает круг донаторов, среди которых были монахи, миряне, женщины; приводит конкретные цифры их участия по векам; определяет их имущественное положение; соотносит топографию расположения церквей с близостью к городским центрам.

Книга Н.Б. Тетерятниковой ярко и полно описывает своеобразие многих аспектов культуры Каппадокии. Ее выводы выходят за рамки только этого региона. Возможность существования отдельного святилища в каждой апсиде (концепции "апсидасвятилище"), отсутствие помещений жертвенника и диаконника, расположение ниши жертвенника непосредственно в наосе, частный выбор мест для погребений изменяют многие представления об организации службы в храме, ее порядке, о включении верующих в ее ход, иерархии размещения людей в храме, трактовки сюжетов росписи. Все эти особенности носят не только локальный характер, они имеют параллели в искусстве Сирии, раннехристианской Армении, Грузии и позволяют иначе трактовать сходные проблемы в столичном искусстве.

Н.В. Герасименко

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, D.C. 1995 (Dumbarton Oaks Studies, 33). XVIII + 405 p. Maps Tables.

Время трех императоров – Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимисхия (969–976), Василия II Болгаробойцы (976–1025) – с легкой руки Гюстава Шлюмберже принято называть "византийской эпопеей". То был период наивысших военно-политических успехов Византии, когда империя вернула себе от арабов Крит, Кипр, Киликию, ряд территорий в Сирии и Палестине, отразила балканскую экспансию киевского князя Святослава, разгромила и затем подчинила Первое Болгарское царство. Эпоха наивысшего расцвета военной мощи совпала с эпохой такого же расцвета военной литературы. Роль последней, однако, оценивается в историографии по-разному. Г. Дельбрюк в известной "Истории военного искусства" объяснял достижения Византии в X–XI вв. чем угодно: стабилизацией финансов, выгодным положением Константинополя, слабостью противников – только не эффективностью военной системы, тем более – не влиянием военной науки, о которой он отзывался, как о "лишенной всякого основания фантазии и теории"[1]. Последующие конкретные исследования не подтвердили столь суровый вердикт. Византийские трактаты по военному искусству ныне широко используются в качестве полноценных исторических источников. Знамением времени явился выход в свет в последние два десятилетия новых научных изданий текстов и их переводов[2]. Исследование Эрика Макгира укладывается именно в эту, основанную на уважительном отношении к источнику, тенденцию современного византиноведения.

Рецензируемая книга посвящена "теории и практике византийского военного дела в эпоху трех солдат-императоров" (с. VII). Объемистый том в 400 страниц состоит из 2-х частей. В первой представлены оригинал, параллельный английский перевод и комментарии к тексту двух трактатов – Praecepta militaria (PM), известного в русскоязычной литературе как "Стратегика императора Никифора" (ок. 965 г.), и расширенной его версии, изложенной в гл. 56–65 "Тактики Никифора Урана" (ок. 1000 г.). Вторая часть "Исторический комментарий" состоит из пяти глав: 1. Никифор Фока и Praecepta militaria (рассматриваются проблемы авторства PM, вклад Никифора Фоки в военную теорию, роль военной литературы в профессиональной подготовке); 2. Византийская экспедиционная армия (ее организация, основные рода войск в X в.); 3. Потомки Агари (характеристика арабских противников Византии – Хамданидов и Фатимидов); 4. Сеять драконьи зубы: византийская армия в бою (боевые порядки, тактика пехоты и конницы); 5. Армия в походных условиях (на марше и в лагере). В Приложении приведены два документа (в переводе) об условиях пребывания военнопленных в Византии: 1) короткий отрывок о крещенных сарацинах из трактата Константина VII Порфирогенита "О церемониях" и 2) новелла Иоанна Цимисхия о компенсации хозяевам за рабов, взятых на войну. Книгу заключают глоссарий английских, индекс греческих технических терминов и общий индекс. Схемы, диаграммы, иллюстрации с миниатюрами из византийских хроник сопровождают основной текст.

Исследование текста трактатов сопровождается анализом исторических реалий, известных из параллельных источников, что в принципе позволяет избежать крайностей как чисто филологического, так и сугубо исторического подходов. Замысел автора в целом удался, хотя не обошлось без некоторых накладок. В частности, примечания к тексту обоих трактатов (они вынесены в особые разделы) из первой части порой дублируют исторический комментарий второй части; читатель испытывает затруднения в поисках исторического комментария к конкретному месту того или иного трактата, поскольку отсутствуют указатели и перекрестные ссылки. Проблемы почти неизбежны ввиду естественных трудностей, возникающих при распределении материала; решаются они разными авторами и изданиями неодинаково. В изданиях отечественных – серии "Свод древнейших источников по истории Восточной Европы" (с 1977 г.)[3], "Свод древнейших письменных свидетельств о славянах" (Т. I–II. М., 1991; 1995) – принято объединять исторический комментарий с филологическим, используя систему сносок для связи с основным текстом; историко-филологический комментарий, однако, при этом дробится на отдельные фрагменты. Оба варианта имеют плюсы и минусы выбор в значительной степени остается делом вкуса.

"Стратегика" в отдельных главах до того издавалась однажды Ю.А. Кулаковским (1908 г.)[4]. Единственная рукопись XIV в. – Синодальная греческая № 436/298 – ныне хранится в Москве в Государственном Историческом музее, подробные ее описания сделаны Б.Л. Фонкичем и Г.Г. Литавриным в связи с изучением находящегося в том же кодексе

[1] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. Средневековье. СПб., 1996. С. 124.

[2] *Dennis G.T.* (ed.) Das Strategikon des Maurikios. Wien, 1981 (CFHB 17); Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy / Transl. G.T. Dennis. Philadelphia, 1984; *Dennis G.T.* (ed., tr.). Three Byzantine Military Treatises. Washington, 1985 (CFHB 25); *Dagron G., Mihaescu H.* Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). P., 1986 и др.

[3] Выпуски византийской части Свода: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Ред. и комм. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989; 2-е изд. М., 1991; *Бибиков М.В.* Византийские исторические сочинения: византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.

[4] *Кулаковский Ю.А.* Стратегика императора Никифора. Nicephori praecepta militaria ex codice Mosquensi ed. Kulakovskij // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. VIII. № 9. С. 1–59.

трактата Кекавмена[5]. Из-за ремонта ГИМа сама рукопись оказалась недоступной и Макгиру пришлось довольствоваться микрофильмом, предоставленном Национальной библиотекой в Париже. Хотя первое издание считается вполне добротным, за прошедшее время накопилось немало нового сопоставительного материала. Особенно значимы в этом плане "Тактика Никифора Урана" и Sylloge tacticorum ("Неизданная тактика Льва"), неизвестные Кулаковскому и использованные Макгиром. Новое издание дает более точный текст РМ; впрочем, расхождения с вариантом Кулаковского не столь велики, чтобы полностью от него отказываться.

"Тактика" Никифора Урана (TNO) задает более сложные проблемы. Огромный трактат из 178 глав разбросан по разным рукописям (три основные) и до сих пор не опубликован целиком. Макгир издал главы с 56 по 65-ю, причем главы 56–62 публикуются впервые (editio princeps). Указанные десять глав представляют переложение трактата РМ, дополненное разделами по тактике набегов (гл. 63), боевым действиям в походных условиях (64) и осадного дела (65). Издание основано на рукописи второй половины XIV в. Monacensis graecus 452 (Мюнхен), содержащей все десять глав; для 65-й главы дополнительно использована рукопись Oxoniensis Baroccianus 131 (Оксфорд). Оценка произведения Макгиром отличается от привычной. Так, если В.В. Кучма рассматривает "Тактику Никифора Урана" как "крайне несамостоятельную", "образец компиляции практически в чистом виде, в которой попытка обнаружения собственных мыслей автора встречает неодолимые препятствия"[6], то Макгир считает, что трактат представляет значительный интерес именно в силу личных качеств ее автора – видного военачальника Василия II, командующего войсками в Северной Сирии. По мнению Макгира, в TNO нашел отражение переход от политики завоеваний в регионе к политике закрепления территории, имевший место после заключения мира с халифом ал-Хакимом (1001 г.) из династии Фатимидов. Тем самым подчеркивается значимость трактата не только в качестве "достоверного парафраза РМ", но также как "важного источника по византийской военной истории конца X века" (с. 81).

Перевод – по первому впечатлению – выполнен качественно, без явных ошибок и опечаток. Отмечу следующую его особенность: технические термины не переводятся, а транслитерируются (т.е. "хилиархия", а не тысяча; "декарх", а не десятник; "катафракты", а не панцирники и т.д.), объяснение же терминов дается в специальном индексе – в конце книги.

Во второй, исторической части, доминируют две темы. Первая – проблема авторства РМ. Макгир однозначно решает ее в пользу императора Никифора Фоки на основе сообщения Никифора Урана и анализа содержания самого трактата. Кроме того, императору принадлежит заслуга составления другого трактата, "De velitatione", который был окончательно обработан одним из его офицеров. Вторая большая тема, рассмотренная в нескольких главах – военное дело X в.: византийская армия, ее организация, структура, стратегия и тактика, ее противники на Востоке (арабы) и отчасти на Балканах (Русь). Макгир искусно сопоставляет данные военных трактатов и византийских исторических сочинений, особенно Льва Диакона и Скилицы, добиваясь доказательности основного своего тезиса – о реалистичности РМ, об отражении в трактате современной ему военной практики. Выводы Макгира интересны и по большей части убедительны; погружаться в детали не время и не место.

Тем не менее есть одно обстоятельство, которое я склонен рассматривать как методическое упущение. Успешно решив главную задачу, Макгир оставил в тени сравнительно (для данного случая) малозначительную. Речь вот о чем. Реальный мир – это не только окружающая нас действительность, то и наши представления о нем. Менталитет авторов и читателей военных трактатов – тоже реальность, которая включает в себя особым образом осмысленный опыт прошлого. В произведении, где встречаются термины и понятия античного времени, – фаланги, таксиархии, контубернии, тагмы – современность соседствует с многовековой традицией. Если подходить к книге со специальной целью отыскать в ней сколько-нибудь существенный изъян, то он, на мой взгляд, заключается в недостаточном внимании к античному наследию. Казалось бы, какие могут быть претензии к тому, кто поставил перед собой совсем другую задачу? Но в том-то и дело, что без учета традиции легко преувеличить оригинальность византийских "Тактик", степень соответствия их описаний реальной картине военного дела.

Как пример могу привести тему катафрактов – тяжелой кавалерии, возрожденной Никифором Фокой, в освещении которой встречаются досадные неточности. Первые подразделения катафрактариев появились у римлян не в третьем (с. 211, 214), а во втором веке нашей эры[7] и под влиянием не персов, а сарматов. Сравнение кавалерийского клина с журавлиным (с. 288) отсутствует у Арриана, но есть у Асклепиодота (Tact. 7.3). Меня не убедила трактовка тактики катафрактов X в. Для Макгира их "треугольное" (название из РМ, на деле трапециевидное) построение являет аналог "скифскому" клину Арриана (Tact. 16.6). Тот и другой строй предназначались для нанесения таранного удара по противнику. Если так, напрашивается сравнение по типу наступательного оружия. Всадники Арриана почти наверняка имели длинные копья наподобие македонской сариссы[8]. В схеме кавалерийского клина-трапеции катафрактов, реконструируемой Макгиром (с. 287), первые пять шеренг состоят из булавоносцев. Почему не копьеносцы (kontaravtoi)? Как объяснить разницу в вооружении? Можно ли считать описание вооружения катафрактов (РМ III. 60–65) вполне ясным, или оно оставляет простор для сомнений? Макгир обходит эти вопросы. Обращение к историческому материалу мало помогает делу. Макгир (с. 313) приводит одно место из Льва Диакона (144.23–145.3), где Феодор Лалакон действует булавой в гуще врагов. Но из текста Льва никак нельзя заключить, что Феодор начинал бой в первых шеренгах клина, скорее следует предполагать ситуацию общей схватки, когда ряды воинов перемешались. Зато странным образом Макгир проходит мимо гораздо более явных случаев, приводимых им же, но по другому поводу (с. 314–315; 316), случаев, когда в голове строя катафрактов располагались копьеносцы с длинными копьями (Leo Diac. 59.2–22; 133.22–134.7; 140.10–13, 22–23; 143.15–24). Похоже, что автор оказался в плену некой idée fixe, выискивая в источниках только те факты, которые подтверждают правоту слов императора-солдата.

Сильные стороны книги видны невооруженным глазом, слабости приходится рассматривать под лупой. Замечания, высказанные здесь, не должны поколебать общего впечатления от прекрасной работы, которая сослужит добрую службу всем, занимающимся изучением греческой военной литературы – от античности до позднего средневековья.

С.М. Перевалов

[5] *Фонкич Б.Л.* О рукописи "Стратегикона" Кекавмена // ВВ. 1971. Т. 31. С. 108–120; *Литаврин Г.Г.* Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972. С. 11–35.

[6] *Кучма В.В.* Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 61.

[7] Ю.А. Кулаковский (Указ. соч. С. 39) совершенно правильно отнес появление катафрактариев в римской армии ко времени правления Адриана (117–138).

[8] *Markle III. Minor M.* The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // AJA. 1977. 81. № 3. P. 339.

М а к с и м о в и ч К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М.: "Языки русской культуры", 1998. 574 с.

Никон Черногорец, плодовитый писатель конца XI–XII в. и человек интересной судьбы, в значительной степени обойден вниманием византинистов. Подавляющая часть его сочинений еще не издана, в том числе и "Пандекты" – обширная компиляция канонического права, организованная по тематическому принципу. Именно это делает публикацию К.А. Максимовича, предназначенную главным образом специалистам по истории русского языка, столь важной для византиноведения.

Автор издает юридическую часть древнерусского перевода "Пандектов", осуществленного в XII в. (до сих пор публиковался лишь второй, южнославянский перевод XIV в.), по одиннадцати рукописям, древнейшая из которых относится к XIII в. Но одновременно он приводит соответствующие эксцерпты из греческого оригинала памятника, публикуемые (параллельно славянскому тексту, sub linea) впервые, причем критически: за основу взята рукопись Великой Лавры (В 108, XII в.), обозначаемая литерой L, а разночтения подводятся по кодексам Парижской национальной библиотеки (Coisl. gr. 37, XIII в., сигл С и Paris. gr. 876, XIII в., сигл Р – последняя привлекалась лишь в случаях лакуны). Насколько можно судить после беглого сравнения двух версий, перевод был сделан с рукописи, весьма близко родственной L (иногда глоссы с полей этого кодекса попадают в славянский текст, с. 188.10–11; 410.11–411.1, впрочем, иные глоссы были в общем прототипе L и С, ср. с. 418.1). Однако в большом числе мест славянский текст соответствует именно варианту рукописи С (см., например, с. 9.8; 27.1–2; 32.2–3; 47.5; 48.6; 68.2–3; 70.4–5; 84,6; 142.9–10; 207.1–2; 252.3–4; 385.10–11; 406.7–8; 409.6; 413.5; 460.1

и др.). Впрочем, поскольку в некоторых местах текст С уходит совершенно в сторону от согласованного варианта Афонской рукописи и славянского перевода (ср. с. 420; 428), следует признать, что прототип, с которым работал славянский книжник, являлся общим предком L и С, но в какой-то гипархетип С были внесены большие изменения.

В любом случае, тексты оригинала и перевода настолько близки (за исключением финала, с. 469), что кое-где последний помогает восстановить правильное чтение первого: например, бессмысленное ἐξ νομίσματα (с. 418.8) благодаря славянскому тексту "S златникъ" (с. 418.7) можно реконструировать в ἕξ νομίσματα. Иногда славянский текст подсказывает вариант, выпавший в дошедших греческих списках: "великаго" (с. 3.1), "святаго Василия" (с. 32.4), "попомъ и чернечьскыя чрь(не)цемъ" (с. 301.5), "и тоже приношенье" (с. 319.8).

Несмотря на все сказанное, нельзя утверждать, чтобы переводчик особенно хорошо разбирался в тексте, с которым он работал. Во-первых, в славянском варианте встречается множество прямых ошибок: "роукама" (при ποσὶν (с. 32.9–32.11), "приносимая облажения" при γυμνάσια τὰ προσήκοντα (с. 34.7–34.7–8), "видении" при ἰδιωμάτων (с. 116.2–116.2), "седяща" при καθεύδοντας (с. 117.5–117.6), "Моиси створи" при συνομοσίας καὶ φατρείας ποιοῦντες (с. 179.3–179.4), "судьныхъ" при δημοτικοῖς (с. 326.6–326.7), "въ церковьныхъ вещехъ творящеи" при ταῖς ἐκκλησίαις πραγματείας ποιούντας (с. 331.4–331.4), "истребить ся" при ἐχειρουργήθη (с. 352.2–352.2), "печьцемъ" при ἐμαγκιπατιῶνας (с. 427.6–427.9), "презреша" при ὑπερείδουσι (с. 461.12–461.15) и т.д. Но еще важнее, что переводчик часто впадает в буквализм и очевидным образом не следит за смыслом оригинала. О том, где именно был выполнен перевод, мы, естественно, судить не беремся, быть может, специалисту что-нибудь смогут подсказать такие особенности славянских Пандектов как "конюси" в качестве эквивалента для βορδονάριοι (с. 416.1–416.1), "наимиты" для ναῦται (с. 416.8–416.10), "сочиво мочено" для βρεκτὰ (с. 413.8–413.9), "отварен сочиво сух" для ἕκζετα ὄσπρια στεγνά (с. 414.6), "капоуста" для ἀλμαία (с. 413.2–413.2), "оукропъ везижьныи" для θερμὸν νερόν (с. 412.8–412.14), "похвалу Богородице" для ᾽ακάθιστον (с. 413.9–413.12) или "чьрньца" для ἄββαν (с. 91.5–91.5).

Следует сказать несколько слов и об оригинале "Пандектов", впервые, пусть и не целиком, увидевшем свет благодаря самоотверженной работе К. Максимовича. Казалось бы, жанр компиляции практически не позволяет судить о личности компилятора – и тем не менее кое-какие выводы можно в предварительном порядке сделать. Никон, чьим духовным наставником был юродствовавший Лука Аназарбский, и сам пережил в юности увлечение юродством. Однако позднее он отверг эту форму аскезы – в его "Пандектах" не только содержатся два прямых пассажа с осуждением юродства (с. 269.8–207.7; 468.6–9 – кстати, в этом последнем пассаже не разобрался древнеславянский переводчик, истолковавший глагол σαλεύω как "двигнути"), но и весь пафос этого сочинения направлен против религиозного экспериментаторства и веры в особую, личную харизму, противостоящую церковной. "Страшно и опасно для слабых душой принимать иные исповеди, но даже сильных и духовных людей они иногда тянут в пропасть" (с. 362.4–7); "Насчет творящих знамения, пророчествующих и сновидцев… не следует рассматривать делающих такое как святых… Многие выкрикивали пророчества, будучи обмануты и сами обманывая" (с. 323.1–4,7); "Следует избегать искушения ⟨…⟩ и не делающий этого подлежит обвинению. Тщетна надежда, что… в час искушения мы просто скажем: На Бога уповаем!" (с. 254.4–8). Впрочем, все это лишь самые поверхностные наблюдения.

Можно лишь поблагодарить К. Максимовича, оказавшего столь великую услугу византиноведам. Набор греческого текста "Пандектов" осуществлен с минимальными опечатками. Разумеется, жаль, что памятник издан не целиком и что соотношение включенного и выпущенного никак не оговорено в предисловии. Можно пожалеть и об отсутствии там каких бы то ни было предположений о месте и цели перевода (на первый взгляд кажется, что "Пандекты" переводились совершенно не с теми задачами, ради которых писались). Но чего нет, о том не следует и говорить. Единственный упрек, который можно сделать издателю, – это недостаточная внимательность при сличении оригинала и перевода: обязавшись в предисловии заключать в скобки те фрагменты греческого текста, которые были опущены древнеславянским книжником, он, однако, в целом ряде мест забывает это сделать (греч.: с. 21.1–2; 76.4–5; 78.3–4; 134.8; 135.3; 188.8–9; 330.10; 331.5; 413.2–4; 427.7–8, 11–12 и др.). Издание снабжено греко-славянским и славяно-греческим словоуказателями юридических терминов, а также списком использованных Никонов источников с указанием их самостоятельных изданий.

С.А. Иванов

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 563 с.

Вышедшая из печати книга Л.А. Беляева является первым исследованием, которое выводит средневековые русские надгробия – этот весьма специфический вид каменной пластики – из стадии накопления материала, растянувшейся более чем на столетие. Казалось бы, следовало пойти традиционным путем первичной простой каталогизации памятников, насколько можно охватывающей все существующие находки, чтобы затем перейти к их анализу. Однако самый элементарный учет надгробий (и особенно их фрагментов) оказывается бесконечным процессом, осуществление которого трудно возложить на одного исследователя. И тот путь, которым пошел автор данной книги, в конечном итоге представляется и единственно правильным, и (что не менее важно) позволяющим присоединить к решению поставленных задач усилия всех, кто проявляет интерес к изучению рассматриваемого материала.

Свои задачи исследователь четко сформулировал на первых страницах книги, объяснив их постановку прежде всего факторами практической работы археолога, оказывающегося перед необходимостью дать истолкование внешне мало чем примечательным каменным плитам с загадочными изображениями и орнаментом. Это прежде всего – развитие форм московских надгробных плит, проблемы их генезиса и трансформации в хронологических пределах XIII–XVII вв. Вторую часть работы составляют каталог надгробных плит, собранных при раскопках и реставрационных работах, и справочный аппарат. Чтобы получить более полное представление о структуре книги, следует отметить приложенные к ее первой части несколько специальных экскурсов с более широким охватом материала по избранной проблематике. Они дают сведения о том историческом и культурном контексте, вне которого изучение русских каменных надгробий не может быть ни плодотворным, ни перспективным, если только не сводить его к простой инвентаризации находок.

Первые две главы исследования посвящены вопросам изучения и сохранения надгробий, методическим аспектам их анализа (говоря о типологии, автор вводит классификацию с учетом четырех ее видов, а по отношению ко второму из них определяет шесть групп формальных признаков); особо отмечены проблемы атрибуции и датировки, периодизации (с выделением четырех этапов).

Третья глава, посвященная древнейшим надгробиям Москвы и Подмосковья (XIII–XVII вв.), в сущности представляет опыт осмысления русского материала со всеми его типологическими особенностями в широком культурном контексте европейского средневековья. Здесь можно найти немало точных и важных для анализа наблюдений, позволяющих понять генезис мотивов, а также общей композиции типа "ось" или же известной как "три круга". Привлечение сравнительного материала хорошо показывает его "районирование", косвенно отражающее в определенной мере культурные векторы русского средневековья. Последнее тем более поразительно, что, как показывают известные примеры, привозные византийские саркофаги не находили на местной почве широкого отклика. Весьма существенны наблюдения, подтверждающие знакомство Руси с иерусалимскими святынями, а также возможность влияния на иконографию той трансенны Гроба Господня и плиты XII в., прикрывавшей погребальное ложе Богородицы в Гефсимании. Тем самым убедительно обоснована источниковедческая ценность памятников средневековой иконографии.

Не менее ценный и трудный предмет следующей четвертой главы книги – формирование антропоморфного надгробия на протяжении середины XIV – конца XV в. Л.В. Беляев основывает свои наблюдения опять-таки на изучении генезиса конкретных элементов формы, композиции, орнамента, открывая "глубину памяти", о которой вряд ли имели какое-либо реальное представление московские резчики-каменотесы. Вместе с тем, именно европейская "предыстория" помогает понять роль и происхождение первоисточников, столь радикально переосмысленных в Московской Руси. Исследователь дал истолкование и мотиву Т-образного креста или посоха на рельефных надгробиях Русского Севера, с привлечением боснийских, армянских и западных параллелей.

Композиция, орнаментика и надпись в своей взаимосвязи составляют содержание пятой главы книги, сравнительно небольшой по объему и целиком построенной на тщательном анализе памятников конца XV – середины XVI в. Ее аналитический характер надо особенно оценить с учетом того, что исследователь в сущности оказывается в "замкнутом

пространстве", будучи лишен того широкого сопоставительного материала[1], к которому мог апеллировать в предыдущих главах. Сравнительно немного может дать в этом плане и привлечение сербского средневекового материала[1], хотя учесть его не излишне. Не оспаривая осмысление мотива "свечи" и "астральной" семантики надгробия, не имеет ли смысл соотнести его с таблицами канонов Четвероевангелия? Их схема, как известно, была разработана уже в эпоху раннего средневековья[2]. В греческой художественной традиции она продолжала развиваться и эволюционировать и в эпоху Палеологов, что можно проследить по иллюминованным рукописям[3]. Правда, в Московской Руси она не получила отклика, но ведь распространение сюжетных изображений и орнаментики легко преодолевало языковые барьеры.

Чрезвычайной скрупулезностью отличается анализ архитектурных форм надгробий конца XVI – первой половины XVII в., являющийся содержанием шестой главы книги. Речь идет об изменении пропорций в XV–XVI вв., о первых надгробиях с каннелюрами, о мотивах каннелюр и аркад в памятниках Европы, о мотиве аркады и его семантике на Руси, о трансформации каннелюр в XVII в. и о новых элементах в оформлении верхней грани (жутовом плетении, обронной резьбе, растительном орнаменте). Наиболее ранние примеры надгробий с каннелюрами зафиксированы под 1562 г. Л.А. Беляев закономерно приходит к предположению о том, что мотив мог быть занесен в Москву работавшими здесь итальянскими резчиками, и в таком случае мог появиться даже значительно раньше. Европейский фон не противоречит этой гипотезе, равно как и историческая схема развития мотива аркады, столь излюбленного в пластическом декоре саркофагов. Вероятно, совершенно не случайно трансформация каннелюр в XVII в. в плане утраты архитектурного смысла мотива в сущности означает деградацию орнаментальной композиции. Отмечаемый автором книги возрастающий в конце XVI в. интерес к таким компонентам в пластическом оформлении надгробия как "тяжелеющие" надписи и орнаментальная рама трудно воспринимать иначе, чем отражение тех же тенденций, которые характеризуют художественный облик книги и образцы ювелирного искусства годуновского времени. Здесь же сказались и все этапы эволюции оборонной вычурной вязи, "пик" развития которой приходится именно на 1630–1640-е годы.

Трудно что-то добавить к наблюдениям Л.А. Беляева над особенностями надгробий середины XVII – начала XVIII в., изложенными в седьмой главе, в которой речь идет о новых видах памятников, о первых надписях на боковых гранях и оформлении торцов, об общем характере некрополей и о надгробиях внутри храма, о "памятных досках" и их связи с архитектурой. Однако невольно хочется все это соотнести с широко известным материалом у западных соседей, особенно в Польше, где была развита пышная похоронная церемония, в конечном итоге оставившая следы[4]. Имеем в виду надгробия и эпитафионы внутри костелов.

Объем, содержание и стиль заключения говорят о том, что автор книги предпочел детальный анализ и тонкие характеристики далеко идущим общим выводам и, надо оказать, поступил очень осмотрительно. Вместе с тем он достиг главного: осуществил изучение общего направления развития надгробной плиты в средневековой России, что, казалось бы, никак не сулило эффектных результатов. В дальнейшем можно бесконечно уточнять различные детали, характер отдельных иконографических мотивов, но вряд ли кто может игнорировать общую концепцию, построенную на прочном фундаменте разностороннего изучения культурного наследия европейского средневековья. Именно с учетом этого Л.А. Беляев имеет все основания заявить: "Оказалось, что стадии развития надгробной плиты хорошо сочетаются с общей историей Московского государства, его культуры (в том числе письменности) и особенно – московской (среднерусской) – ремесленно-художественной культуры" (с. 178). И, что весьма существенно, автор отчетливо видит перспективы дальнейшего изучения материала. Таким образом, обсуждаемая монография составляет лишь определенный, притом совершенно необходимый этап большой многотомной работы, предполагающей и параллельное создание свода каменных надгробий.

Первую часть книги существенно дополняют пять специальных экскурсов, заметно расширяющих ее проблематику. Первый из них – "Элементы романской иконографии XII века в древнерусских изображениях Гроба Господня". Автор не ставит своей задачей изучение всего комплекса сохранившихся каменных образцов русского происхождения, но уделяет внимание прежде всего способам оформления саркофага, особо выделяя при этом вариант в виде ряда из трех концентрических кругов или лунок. Привлечение широкого сравнительного материала из круга образцов романской пластики приводит исследователя к заключению, что здесь нашло место отражение реалии – появление трансенны у саркофага в комплексе храма Гроба Господня в Иерусалиме на рубеже XI–XII вв., той самой, которую около 1107 г., видел русский игумен Даниил. Подобные реалии Палестины, как известно, в средневековом европейском искусстве получали широкое символическое истолкование[5]. Второй экскурс посвящен рельефному надгробию Ивши Ободаева в Ферапонтовом монастыре и связан с вопросом толкования трехконечного креста как посоха; третий – возможности изображения на средневековых русских плитах знака креста; четвертый – надгробию Каспара фон Эльферфельдта, оказавшегося в Москве в первые годы Ливонской войны. Наконец, пятый экскурс – последний в этом ряду – рассматривает происхождение и функции надписей на белокаменных надгробных плитах Московской Руси. Самые ранние из них относятся к концу XV в. Очень существенно указание на близость форм надписей началу боснийских текстов XIII–XVI вв., с формулой: "А се лежи...". Важен и вывод о том, что "первые надписи на плитах похожи чаще не на поминальные или мемориальные, не на обычные владельческие, которые хорошо известны по древнерусским бытовым предметам" (с. 251). Подробно проанализированы устойчивая структура текста и ее признаки в XVI–XVII вв., когда дата, по замечанию автора книги, стандартизирована, а последний элемент надписи содержит крестильное и (иногда – либо) монашеское имя погребенного (иногда – еще и прозвище). События Смутного времени, как отмечает исследователь, обусловили еще стремление указывать на обстоятельства смерти. В XVII в. уже появляется стихотворная эпитафия. Вряд ли стоит подробно пересказывать содержание этого заключительного экскурса, но отметить наиболее существенные элементы его структуры, думается, необходимо. Не будем здесь касаться соотношения надгробных текстов с поминальными граффити и записями в поминальных книгах ввиду особой специфик этой проблематики. В целом экскурс точно и вместе с тем лаконично отражает процесс эволюции надписей в течение двух столетий.

Вторая часть книги – каталог надгробий, обнаруженных при археологических раскопках и архитектурных исследованиях в 1970–1980-х годах, в количестве 130-ти целых изделий либо их фрагментов, из 9-ти мест в пределах Москвы, ее окрестностей, а также из Спасо-Воротынского монастыря близ места впадения Угры в Оку, в окрестностях Калуги. Эта обширная серия надгробных плит, имеющая в своем составе и уникальные, представляет материал для будущего свода, с образцовыми описаниями, хорошими рисунками и очень качественными фототаблицами.

К тексту книги приложены краткое изложение на английском языке, обширная библиография, список сокращений, сводный именной указатель к надписям русских надгробий XV–XVII вв., общий именной указатель к тексту, географический и топографический указатели и список иллюстраций. Благодаря столь тщательно составленному справочному аппарату пользоваться книгой, при ее достаточно большем объеме и сложной структуре, легко и удобно. А пользуясь, невозможно не оценить не только объем заключенной в ней информативности, но и значение в качестве руководства, которое теперь не сможет обойти ни один исследователь материала. Конечно, книгу можно дополнять новыми наблюдениями, можно вносить некоторые уточнения в истолкования исторических фактов, но в целом труд несомненно заслуживает самой высокой оценки. И это объясняет то, что наш отклик отчасти, может быть, напоминает панегирик. В любом случае сомневаться в исключительной научной ценности столь многопланового исследования и в его практической необходимости просто невозможно.

В.Г. Пуцко

[1] *Максимовић Ј.* Камени надгробии споменици. Прилог проучвању надгробних споменика у средњовековној Србији // Зборник Музеја примењене уметности. Београд, 1975/76. Бр. 19–20. С. 7–17. *Томовић Г.* Морфмологија ћириличких натптиса на Балкану. Београд, 1974 (Историјски институт. Посебна издања. Књ. 16).

[2] *Nordenfalk C.* Die spätantiken Kanontafeln. Göteborg, 1938.

[3] *Marava-Chatzinicolaou A., Toufexi-Paschou Chr.* Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1985. Vol. IX. Manuscripts of New Testament Texts 13th – 15th Century.

[4] *Bystroń J.St.* Dzeje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI–XVII. Warszawa, 1976. T. II. C. 98–118.

[5] *Kobielus S.* Niebiańska Jerozolima. Od sacrum miejeca do sacrum modelu. Warszawa, 1989. *Kobielus S.* Romanska kadzielnica z Trzebnicy jako symbol utraconego i odzyskanego raju // Biuletyn historii Sztuki. Warszawa, 1993. R. LV. Nr. 1. C. 21–27.

Герцман Е.В. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог. Том I. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург: "Глаголъ", 1996. 736 с. (Серия "Основания христианской культуры")

Отечественная музыкальная византинистика – наука сравнительно молодая: процесс ее становления еще не завершен. Как всякая историческая дисциплина, она зиждется на документах и фактах, и до тех пор, пока в ее фундаменте зияют пустоты или находятся факты непроверенные и просто выдумки – все возведенные на нем стройные историко-теоретические конструкции останутся временными постройками в аварийном состоянии.

Научный факт – это факт не только тщательно проверенный и беспристрастно точно зафиксированный, но еще и грамотно опубликованный. Только после публикации факты перестают быть личным достоянием и "заложниками" частного мнения одного-двух исследователей, и могут считаться помещенными в фундамент научного здания.

Для истории и теории греко-византийского церковного пения поиск и публикация его памятников – дело первостатейной важности. Однако многие песнопения и теоретические трактаты, особенно традиционные, воспроизведены в нескольких кодексах с более или менее существенными вариантами и разночтениями на самых разных уровнях (список, редакция, обработка, переизложение, транспозиция, транснотация etc). Отсюда ясно, что публикация всякого памятника тем ценнее и достовернее, чем больше его рукописных источников она учитывает. А для их выявления исследователю крайне важно иметь под рукой сколь возможно более подробные и точные своды, каталоги, описания, отражающие как содержание каждого манускрипта, так и его палеографические, текстологические, литургические, музыкальные и прочие характеристики и особенности.

Составление фактографических справочников – черная работа: "телеграфный" стиль изложения материала почти исключает пространные построения, демонстрирующие "незаурядную эрудицию", "широкий кругозор", "глубину и свежесть мысли", "несомненное литературное дарование" и прочие достоинства автора. Здесь больше ценится не поэзия, а проза: неповерхностное знание и богатый опыт, терпение и внимание, точность и аккуратность... Но это вовсе не значит, что лучшее описание – это некий статистический свод с равнодушно зарегистрированными параметрами, инципитами, вариантами и прочими объективными данными. Настоящий ученый в любой работе останется творцом, умеющим разумно сочетать "стихи и прозу, лед и пламень". Одним из успешных результатов такого сочетания и является, на мой взгляд, новая книга Е.В. Герцмана "Греческие музыкальные рукописи Петербурга"[1].

В каждой области научного знания есть имена, которые в рекомендациях не нуждаются, сами являясь рекомендацией и гарантией объективности, точности и добросовестности. Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств Евгений Владимирович Герцман является автором свыше 50 работ по античной и византийской музыке. Только в 1996–1997 гг. в издательствах Санкт-Петербурга и Москвы вышло четыре новых его книги. В последнее время этот ученый свои труды и дни чаще посвящает проблемам истории и теории греко-византийского певческого искусства[2].

[1] В 1995 г. в этой же серии вышла его книга под названием "Музыкальная боэциана".

[2] Вот перечень только основных его публикаций в этой области. Книги: Византийское музыкознание. Л., 1988; Петербургский теоретикон. Одесса, 1993; В поисках песнопений греческой церкви. Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей. СПб., 1997. Статьи: Становление [византийской] музыкальной культуры // Культура Византии. Т. I: IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 618–631; Развитие музыкальной культуры [Византии] // Там же. Т. II: вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 557–570; Музыкальная культура поздней Византии // Там же. Т. III: XIII – первая половина XV в. М., 1988. С. 528–550; Греческий учебник музыки XVIII века // Памятники культуры... Ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 161–177; Греко-арабская музыкально-теоретическая рукопись // Музыкальная культура средних веков... Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. 1988. С. 5–13; Терминологические парадоксы византийской "musica theorica" // ВВ. 1990. Т. 51. С. 183–192; Об одном византийском музыкально-теоретическом источнике // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIII. Л., 1991. С. 118–126; Modern perception of Ancient and Byzantine Music // Orbis musicae. № 10. Tel-Aviv University, 1990/91. P. 39–49; Византия и Русь. К проблеме музыкально-художественных контактов в XI–XII вв. // Cyrillomethodianum. T. XV/XVI. Thessalonique, 1991/92. P. 41–50; Музыкально-теоретические знания Михаила Пселла // ВВ. 1993. Т. 54. С. 75–80; Музыковедческие экскурсы Никифора Каллиста Ксантопула // ВВ. 1994. Т. 56. С. 203–209; К загадкам наследия протопсалта Иоанна Глики // ВВ. 1995. Т. 56. С. 215–227; Византийский трактат о древнегреческой трагедии // ΜΟΥΣΕΙΟΝ... Санкт-Петербургский государственный университет. 1997. С. 274–281 и др.

Нельзя не отметить, что указанными в примеч. 2 изданиями отечественные исследования новейшего времени в области музыкальной византинистики практически исчерпываются. И дело здесь не только в том, что до недавнего времени это направление музыкознания было почти наглухо закрыто у нас прежде всего по идеологическим соображениям. (Бдительным стражам советской науки было ясно, что за нейтральным названием темы "Музыка Византии" скрывается интерес преимущественно к *богослужебному пению христианской церкви...*) Не менее существенным препятствием к исследованиям в этой области была и остается неразрывная связь церковного пения как с системой собственно богослужения, так и со всей традиционной христианской культурой в ее целостности, глубоко укорененной в религии и Церкви Нового Завета. Следовательно, полноценный и плодотворный труд на этой ниве невозможен без освоения целого ряда специальных дисциплин – Священного Писания, литургики, эортологии, патристики, апологетики, догматики, церковной истории, церковной археологии, агиографии, гимнографии, риторики, поэтики и т.п. Для работы с рукописными источниками необходимо изучение текстологии (в том числе музыкальной), палеографии, кодикологии, графологии, а также фундаментальное знание древних языков с их исторической грамматикой, диалектными особенностями и специальной богослужебной и церковно-певческой терминологией.

Этих трудностей вполне достаточно для объяснения отсутствия интереса у отечественных музыковедов к данной теме, в разработке которой Е.В. Герцман является одним из одиноких энтузиастов-подвижников, которых не останавливают ни эти, ни другие преграды.

На этот раз своей целью ученый поставил включить в мировой научный обиход сведения о всех греческих музыкальных рукописях из хранилищ Санкт-Петербурга. В первый том вошли описания манускриптов Российской национальной библиотеки (РНБ)[3]. Предшественниками Е.В. Герцмана в этой работе были не музыковеды, а литургисты и палеографы: А. Пападопуло-Керамевс, Ж.-Б. Тибо, В.Н. Бенешевич, Е.Э. Гранстрем, светлой памяти которой посвящена книга, и другие. Однако в их каталогах и рабочих описаниях отсутствуют певческие и многие другие музыкальные особенности источников, что вполне понятно, так как почти никто из них (кроме А. Пападопуло-Керамевса) специально не занимался проблемами истории и теории музыки. Е.В. Герцман взял на себя труд заполнить столь существенные для источниковедения греко-византийского церковного пения пробелы и составить первое полное и достаточно подробное, именно с точки зрения музыкознания, описание этих рукописных памятников.

Замечательно, что коллекция греческих певческих рукописей РНБ, создававшаяся около восьмидесяти лет и насчитывающая в настоящее время 83 манускрипта, включает в себя образцы всех четырех разновидностей византийского и поствизантийского музыкального письма, хронологически охватывая почти тысячелетний период греко-византийского церковного пения (от первой половины X до первой половины XIX в.). Таким образом, у нас имеется уникальная возможность изучать греческое церковно-певческое искусство на протяжении всего его "письменного" периода, не выходя из читального зала Отдела рукописей РНБ[4].

И вот перед нами справочник-путеводитель по источникам для новых исследований в области истории, теории и практики богослужебного пения греческой церкви.

Книга состоит из двух больших частей – предисловия и указателей[5]. В Предисловии (Preambula) кратко излагается история коллекции греческих музыкальных манускриптов, сообщаются сведения о ее собирателях, хранителях, каталогизаторах. Затем обосновывается необходимость создания нового каталога, рассчитанного прежде всего на исследователей истории и теории музыки. Далее, после приведения важнейших сведений по музыкальной текстологии, обзора певческих книг, составляющих кодексы, и некоторых других данных, касающихся описываемых источников, автор объясняет структуру основных частей книги.

Часть первая (Manuscripta) и есть собственно описание рукописей, представленных в

[3] Второй том автор предполагает посвятить рукописям из собраний Библиотеки и Архива Российской Академии наук, Санкт-Петербургского университета и Эрмитажа.

[4] Музыкальные рукописи Византии, созданные до X в., пока не обнаружены.

[5] В качестве образцов автору послужили описания, составленные современными греческими византинистами – проф. Григориосом Стафисом (Γρ. Στάθης) и Манолисом Хадзигиакумисом (Μ. Χατζηγιακουμῆς). Выходные данные и другие подробности см. на с. 25 рецензируемой книги.

К. Корриган называет иконоборцев, иудеев и мусульман, подчеркивая, что применявшиеся сторонниками почитания икон приемы полемики против столь разных соперников были подчас очень похожими. Безусловно, этот факт связан не только с обычным византийским пристрастием к традиции, канону, "привычной" схеме или формуле. Спорными моментами были прежде всего возможность изображения Христа, основанная на догмате о боговоплощении, и евангельское свидетельство о страстях и крестной смерти Спасителя. Таким образом, многие иллюстрации можно рассматривать как опровержение позиций сразу трех оппонентов, как миниатюру с Распятием и иконоборцами, замазывающими известью образ Христа. Часто используемый художественный прием изображения пророков (чаще всего Давида) рядом с евангельскими ценами предназначен для того, считает автор книги, чтобы акцентировать достоверность представленных событий. Основные аргументы в защиту православия были сформулированы значительно раньше в так называемой литературе Adversus Judaeos. Масштаб полемики с иудеями, кажется, несколько преувеличен автором. В изображениях новозаветных сцен, дающих аллюзию на ветхозаветные события, Христос действительно почти всегда противопоставлен иудеям, однако такой способ построения изображения проистекает скорее из особенностей иллюстрируемого текста, где, как отметила Ф. Де Маффеи, *добро* и *зло* часто бывают противопоставленными[1].

Исходной предпосылкой исследования является идея о существовании прототипа иллюстрированной псалтири, возникшего в VIII в. в Сирии или Палестине, в котором преобладали буквальные иллюстрации. По мнению Корриган, их число в псалтирях IX в. заметно уменьшилось, а в тех случаях, когда такие изображения сохранились, им можно найти аналогии в миниатюрах Утрехтской и Штутгартской псалтирей. Большинство *типологических* иллюстраций было, напротив, создано уже в IX в.; именно иллюстрации такого типа, как полагает исследовательница, многозначные и требующие специального истолкования (или, правильнее сказать, сами основанные на сложных толкованиях текста псалтири), заняли господствующее место в манускриптах IX в. и стали носителями антииконоборческой полемики.

Псалтири IX в. с маргинальными иллюстрациями, с точки зрения состояния изученности, представляют собой удивительный феномен, напоминающий отражение в мутной воде: о них мало что можно сказать точно[2], и это немногое – лишь размышления самого общего плана. О времени и месте их создания было высказано множество самых разных гипотез, но ни одной нет более или менее надежного подтверждения. К. Корриган вносит свою лепту в эту затянувшуюся дискуссию, высказывая мнение, что псалтири были созданы в правление патриарха Мефодия (843–847) в скриптории Студийского монастыря, но рассуждения ее не выглядит вполне убедительными, как не выглядят достаточно убедительными статьи и гипотезы других авторов, посвященные этой проблеме.

Большим достоинством данной книги является важное для работы с таким материалом отсутствие категоричности и безапелляционности авторской позиции, нередко присущее научным исследованиям. Корриган не делает глобальных выводов, поэтому несколько спорных моментов, связанных по преимуществу с истолкованием смысла отдельных миниатюр, не наносят ущерба ее целостной и разумной концепции.

И.А. Орецкая

[1] *De' Maffei F.* Le figurazioni marginali del Salterio Khludov e l'iconoclastia // Bessarione. La Cristologia nei Padri della Chiesa. Roma, 1989. P. 35: «Псалтирь ... отличается от других книг Ветхого Завета, которые лишь указывают на зло, но не намечают пути его преодоления... в псалтири содержатся поступки "как тех, кто следует наставлениям, так и тех, кто ими злоупотребляет"...».

[2] Разногласия между учеными существуют по вопросам как времени, так и места создания псалтирей – Хлудовской, Pantocrator 61 и Paris gr. 20; большинство исследователей, однако, соглашаются с тем, что рукописи могли быть написаны и украшены миниатюрами уже после восстановления иконопочитания. Такого мнения придерживались Н.П. Кондаков (История византийского искусства по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1877.), Тикканен (*Tikkanen J.* Die Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1895–1900), И.И. Шевченко (*Ševčenko I.* The anti-iconoclastic Poem in the Pantocrator Psalter // Cahiers Archéologiques. 1965. 1. P. 39–60) – 840-е годы, А. Грабар (*Grabar A.* L'iconoclasm byzantin, dossier Archéologiques. P., 1957; *Idem.* Quelques notes sur les psautiers byzantines du IXe siècle // Cahiers Archéologiques. 1965. 15. P. 61–82) – первое правление патриарха Фотия (858–876), С. Дюфренн (*Dufrenne S.* Illustration des Psautiers grecs du Moyen Age. I. P., 1966) – первое правление Фотия. Некоторые ученые, тем не менее, датируют псалтири вторым периодом иконоборчества: В.Н. Лазарев (История византийской живописи. М., 1986) – около 830 г., А. Фролов (*Frolow A.* La fin de la querelle iconoclaste et la date des plus anciens psautiers grecs à illustration marginales // Revue de l'Histoire des Religions. 1963. 163. P. 201–223) – между 815 и 837 гг., М.В. Щепкина (Миниатюры Хлудовской псалтыри. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977) – между 828 и 837 гг. Относительно места создания рукописей было высказано несколько предположений, среди которых наибольшее число сторонников снискали две точки зрения: 1) в скриптории при константинопольском патриархате (*Malikij N.* Le psautier a illustrations marginales du type Chludov est-il de provenance monastique. Melanges Th. Uspensky. II. P., 1932. P. 235–243; *Lazarev V.* Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-Psalter // BZ. 1929–1930. (Bd. 29. S. 279–284 [*Лазарев В.Н.* Несколько критических замечаний о Хлудовской псалтири, Византийская живопись. М., 1971]; *Grabar A.* L'iconoclasm byzantin...) и 2) в мастерской Студийского монастыря (*Кондаков Н.П.* Миниатюры греческой рукописи псалтыри IX века из собрания А.И. Хлудова в Москве, Древности // Труды МАО. 1878. VII. 3; *Tikkanen J.* Op. cit.; *Stichel R.* Zur Herkunft des griechischen Chludov Psalter // XXV Congrès International des études byzantines. Athens, 1976. II; *Лозовая И.Е., Фонкич Б.Л.* О происхождении Хлудовской Псалтири. Искусство рукописной книги Византия. Древняя Русь // Тезисы докладов международной конференции. Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб., 1998).

Natalia B. Teteriatnikov. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. – Orientalia Christiana Analecta. 252. Roma, 1996

Книга Н.Б. Тетерятниковой посвящена проблемам взаимосвязи архитектурной планировки церкви и литургии в одной из провинций Византийской империи – Каппадокии. Основными целями ее исследования являются: определение функционального назначения и использования различных помещений каппадокийских храмов; выявление эволюции церковных планов с раннехристианского времени до XIII в.; обозначение отличительных особенностей архитектурной планировки церквей Каппадокии по сравнению с памятниками Константинополя, Греции, Сирии, Палестины, Армении, Грузии.

По описанию пещерных храмов Каппадокии было предпринято множество работ в течение всего XX в. В этих исследованиях не раз отмечалось своеобразие этого искусства, обсуждалась проблема его провинциализма и/или самостоятельности[1]. При этом проблемы каппадокийского искусства рассматривались в большинстве случаев на примере одного или нескольких храмов. Обобщающие исследования в данной области только начинают появляться[2]. Н.Б. Тетерятникова в своей книге выбирает одну из сквозных тем каппадокийского искусства, результаты изучения которой важны для понимания всей византийской культуры. Анализируя организацию каппадокийских храмов, исследовательница постоянно фиксирует типичность или самобытность определенных их черт в контексте византийского искусства.

Книга состоит из пяти глав. Первые три посвящены описанию структуры каппадокийских церквей: I – святилища, II – наоса, III – входа (понимаемого в данном случае как входной компартимент, что позволяет анализировать в этой главе портик и нартекс). Предметом изучения в четвертой главе является местонахождение погребений и практика поминовения. Вопрос происхождения и эволюции мест захоронений взаимосвязан с развитием литургической планировки церкви. Идентификация отдельных погребений, анализ надписей и донаторских портретов предоставляет богатый материал об основателях и патронах церквей. Исследование этого материала в пятой заключительной главе позволяет рассмотреть состав и структуру каппадокийского общества.

В первой главе (с. 33–78) изучается все многообразие планов (одноапсидные, многоапсидные, крестообразные, церкви с поперечным нефом, базиликальные и т.д.) и перечислены все составляющие каппадокийского святилища в ранневизантийский и средневизантийский периоды (форма апсиды, положение алтаря, ниши жертвенника, синтрона, амвона и др.). Один из важнейших выводов: боковые апсиды в многочастных святилищах – не жертвенник и диаконник, а дополнительные независимые святилища. Этот факт объясняется необходимостью служения литургий и других служб в один и тот же день в одной церкви, а совершать литургию более одного раза на одном алтаре в один день было запрещено. Феномен существования нескольких святилищ в одной церкви имеет много параллелей с организацией святилищ Палестины, Сирии, Египта, Грузии, Армении. По мнению Н.Б. Тетерятниковой, он характерен для среды негородского монашества. Несмотря на постоянно подчеркиваемые

[1] Прежде всего, это книги и статьи: A.W. Epstein, G. de Jerphanion, J. Lafontaine-Dosogne, M. Restle, H. Rott, N. Thierry, G. Schiemenz.

[2] Среди них в первую очередь стоит назвать книгу: *Jolivet-Lévy C.* Les Eglises Byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991.

нальным, автор относится с особым вниманием как к источникам, оказывающим значительную помощь в решении многих проблем и загадок восточноправославного богослужебного пения.

В частности, особо интересными для исследователей, по мнению автора, могут оказаться: список 1656 г. трактата выдающегося мелурга XV в. Мануила Хрисафа (кодекс под шифром **Греческая 750**, по Каталогу № 49) "Περὶ τῶν ἐνθεωρουμένων τῇ ψαλτικῇ τέχνῃ καὶ ὧν φρονοῦσι κακῶς τινες περὶ αὐτῶν", а также раритет конца XVII в. – фрагмент сочинения Никифора Каллиста Ксантопула (XIV в.) "Ἑρμηνεία εἰς τοὺς ἀναβαθμοὺς τῆς ὀκτωήχου". Автограф первого трактата уже опубликован, поэтому в описании кодекса Е.В. Герцман приводит лишь разночтения, а текст второй рукописи воспроизводит целиком, так как, по его мнению, этот источник – "один из интереснейших византийских опытов по теоретическому осмыслению литургики" (с. 251).

Первый том Каталога был издан в 1996 г. Однако целый год он не мог дойти до читателя, поскольку из-за финансовой катастрофы издательства "Глаголъ" всему тиражу грозило уничтожение. Целый год автор обращался за помощью к "сильным мира сего" и в России, и в Греции (кстати, и в Греческое посольство в Москве, и в Министерство культуры Греческой Республики в Афинах), но, увы, напрасно. И только директору Российской национальной библиотеки Владимиру Николаевичу Зайцеву, несмотря на нищий бюджет библиотеки, удалось, выкупив тираж, спасти его от ножа. Поистине подвиг! Теперь результат многолетнего труда Е.В. Герцмана и первый отечественный опыт многостороннего описания значительной части греческих музыкальных рукописей Санкт-Петербурга[8] будет доступен российским и зарубежным исследователям и послужит делу дальнейшего плодотворного изучения многих проблем истории и теории литургики и искусства богослужебного пения и Греческой, и всей Восточной Греко-Кафолической Церкви.

Священник Виталий Головатенко

Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 631 с.

Когда в рецензии на первый выпуск "Архивов..."[1] я написала "надо продолжить работу по созданию портретов русских византинистов старой школы... нужна галерея портретов, которая объединила бы мир интеллигенции этого круга"[2], с трудом думалось, что эта галерея появится так скоро. Новый, второй, выпуск издания – органичное продолжение ценнейшего издания, создаваемого усилиями и энтузиазмом участников научного проекта "Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге". Второй выпуск "Архивов..." вышел, как и первый, под редакцией И.П. Медведева, чьим подвижничеством, думается, были собраны воедино результаты работы большого творческого коллектива. Издателями этого непростого для печати труда были, как и в 1995 г., Т.В. Буланина и Д.М. Буланин, деятельность которых по выпуску тома самими участниками проекта определена как "беспредельная самоотверженность" (с. 7).

Первая часть 2-го выпуска "Архивов..." скромно озаглавлена "Обзоры" (с. 8–520). Она состоит из тринадцати очерков, посвященных петербургским ученым XIX – начала XX в. в области греко-византийской письменности, археологии и культуры – архимандриту Антонину Капустину (автор очерка Л.А. Герд), Э.Г. Мюральту (Л.Б. Вольфцун), В.Г. Васильевскому (Л.А. Герд), В.К. Ернштедту (И.В. Куклина), П.В. Никитину (О.В. Иодко), В.В. Латышеву (И.В. Тункина), А.И. Пападопуло-Керамевсу (И.П. Медведев), И.И. Толстому (А.А. Нейхгардт), М.Н. Крашенинникову (А.Н. Анфертьева), В.Е. Вальденбергу (В.И. Земскова), Я.И. Смирнову (Л.Г. Климанов), Ф.И. Шмиту (Е.Ю. Басаргина), М.А. Шангину (С.Н. Гукова).

Каждый из названных очерков самодостаточен и индивидуален по авторской манере изложения, по новизне и объему вводимого в научный оборот рукописного наследия. Но, будучи объединены в книгу, очерки стали монолитом, монографическим исследованием, одно из достоинств которого – создание коллективного социального портрета петербургской интеллигенции, ее академического гуманитарного круга.

[8] По утверждению Е.В. Герцмана, в РНБ находится около половины от общего числа рукописных источников из всех хранилищ нашего города.

[1] Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. 462 с.

[2] ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 273–276.

Очерки расположены в книге в хронологическом порядке: открывают серию старшие из ученых – архимандрит Капустин (род. в 1817 г.) и Э.Г. Мюральт (род. в 1808 г.); М.А. Шангин же, очерком о котором завершается раздел "Обзоры", родился через два года после смерти А. Капустина. Принцип расположения материала позволяет проследить ту идею наследственности, учительства и ученичества, без которой оборвалась бы нить исследовательских штудий в столь непростой, требующей изначально высокого профессионального уровня в области греко-византийского культурного (преимущественно рукописного) наследия. Образцом в ученых занятиях для Антонина Капустина был архимандрит Порфирий Успенский[3]; В.Г. Васильевский был наставником молодого поколения – В.Э. Регеля, Хр. М. Лопарева, Б.А. Панченко, О.Ю. Кулаковского; учителем М.Н. Крашенинникова, Г.Ф. Церетели, С.А. Жебелёва был В.К. Ернштедт; Я.И. Смирнов был "ближайшим и наиболее блестящим из учеников Н.П. Кондакова" (с. 444)[4].

Образцом преданности науке в созданном авторами рецензируемой книги "коллективном портрете" выступает та солидарность, которая проявлялась в стремлении вложить свой труд в исследования другого ученого, если это было необходимо для получения научного результата. Так, В.К. Ернштедт и В.В. Латышев проверяли в Афинах надписи для П.В. Никитина (с. 133), Н.П. Попов выверял корректуру работы Никитина по Успенскому списку (попросив лишь о марках для почтовой переписки), В.Н. Бенешевич сверил по просьбе Никитина рукописные тексты на Патмосе (с. 144). Сам же П.В. Никитин завершил две работы В.К. Ернштедта, труды Порфирия Успенского. Научные сборники в честь юбилея коллеги порой издавались на деньги авторов статей. Особенно волнует неформальный высокий стиль некрологов: жанр oratio funebris был одним из знаков культуры ушедшей эпохи в жизни старой византинистики XIX в. (с. 157–158, 211, 334 и др.).

"Коллективный портрет" академической гуманитарной интеллигенции XIX в. характеризует довольно скромный в целом уровень достатка, необходимость совмещения нескольких служебных мест, интенсивная работа по ночам, отсутствие светской жизни и одновременно – обширные библиотеки, страсть к коллекционированию рукописей и, если возможно, поездки по центрам античной и восточнохристианской культуры. Многие ученые вели дневники и записные книжки – совершенно утраченные ныне проявления культуры самонаблюдения.

Классическая филология и византинистика были в XIX в. элитарной отраслью науки. Знание древних языков, профессиональные навыки работы с греческими рукописями, общая мыслительная культура в значительной степени отличали этот круг ученых, давая им право ощущать свое особое предназначение. Выразительны в этом смысле слова из записной книжки В.К. Ернштедта: "С филологией дело обстоит так же, как с дачными местами: они приятны и иногда даже прелестны, покуда не войдут в моду; затем они делаются заплеванными и загаженными... Предпочитаешь укромный уголок, прелестный хотя бы только тем, что туда дачники науки еще не простираются..." (с. 112). Но элитарность петербургской научной интеллигенции не была снобистской и почти всегда сочеталась с жертвенностью.

Если отойти от идеи "коллективного портрета", то видишь, насколько несхожи судьбы героев рецензируемой книги. Антонин Капустин – настоятель монастыря в Афинах, настоятель русской посольской церкви в Константинополе, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, не раз посетивший монастыри и библиотеки Афона, совершивший путешествие на Синай, собиратель греческих рукописей, передавший перед смертью свое собрание рукописей Императорской публичной библиотеке. Э.Г. Мюральт, швейцарец по рождению, сотрудник Императорской публичной библиотеки, получивший от императора за составление каталога греческих рукописей бриллиантовый перстень, за "Византийскую хронографию" – Демидовскую премию II степени и второй бриллиантовый перстень. В.Г. Васильевский – основатель петербургской школы византинистики. В.К. Ернштедт (швед по отцу) – академик РАН, профессор Санкт-Петербургского университета, крупный специалист по греческой палеографии, так много свершивший на ниве классической филологии, но не доживший однако до 48 лет. П.В. Никитин, ректор Петербургского университета, декан исторического факультета, вице-президент Академии наук, Почетный член Дерптского университета, Петербургской Духовной академии, Историко-филоло-

[3] Очерк о Порфирии Успенском см.: Архивы русских византинистов... С. 8–21.

[4] Главу от Н.П. Кондакове см.: Там же. С. 93–119.

гического общества при Новороссийском университете. В.В. Латышев – академик РАН, член-корреспондент Берлинской, Парижской, Римской Академий наук, почетный член многих университетов и институтов, труды которого до сих пор являются настольной книгой по исследуемой им отрасли знаний. И.И. Толстой – граф, министр народного просвещения, выдающийся знаток византийской нумизматики. И наконец, А.И. Пападопуло-Керамевс, выдающийся греческий византинист, связавший свою судьбу с Петербургом, давшим ему признание, возможность максимально реализоваться как ученому, но не принесшего ему душевного комфорта: в своих "Noctes Petropolitanae" он сетовал на "всегда свинцовое, лишенное звезд небо..." (с. 290). Это поколение петербургских ученых имеет славу первопроходцев на трудных тропах грецистики и византинистики.

Судьбы тех, кто шел за ними, сложились в большинстве случаев трагично. М.Н. Крашенинников, ученик В.К. Ернштедта, после вынужденного – в связи с немецкой оккупацией – переезда в Воронеж, находясь в ужасных бытовых условиях, не принял идеологического наступления на науку, считая "необязательным материалистическое объяснение продуктов художественного творчества" (с. 399); будучи назван в местной газете "Коммуна" "исступленным противником марксизма", он был официально уволен из университета, отдан под суд и сослан в 1931 г. в Казахстан (о последних годах и днях его жизни ничего неизвестно). Директор Российского института истории искусств Ф.И. Шмит пытался найти с новой власть контакты, но в одной из бумаг после ухода с этой и ряда других должностей он был определен (по свидетельству самого Шмита) как "дворянин по происхождению, осужденный контрреволюционер по поведению, немарксист по убеждению, необщественник по работе" (с. 490), что предопределило финал его жизни – расстрел в 1937 г. Я.И. Смирнов, любимый ученик Н.П. Кондакова, умер в голодном Петрограде в октябре 1917 г. Была распродана по частям библиотека В.В. Латышева, собиравшаяся им в течение всей жизни (с. 219). Личный архив А.И. Пападопуло-Керамевса был сожжен его вдовой (с. 29) в 20-е годы.

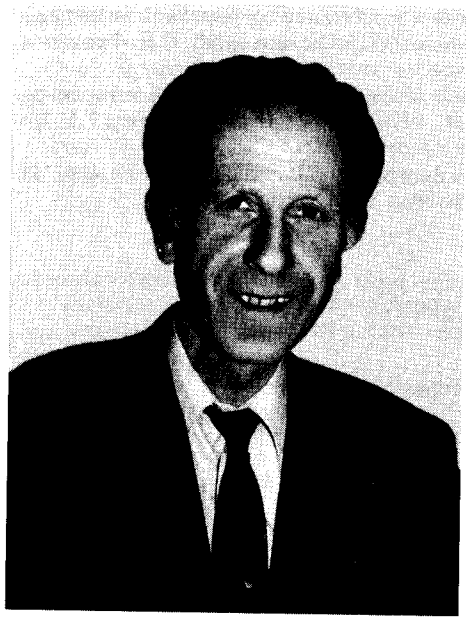
Ученые, через жизнь которых прошел смерч революции 1917 г., пытались сохранить научное направление, в предыдущем поколении представлявшее вершину гуманитарного знания в нашей стране. Писались исследования, с 1918 г. существовала академическая Комиссия "Константин Багрянородный", сориентированная на изучение и перевод важнейших источников по истории Византии и Киевской Руси. Но, к сожалению, ситуация в стране была крайне неблагоприятной для византиноведения. Ее очень точно описал С.Ф. Ольденбург: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России... длинные ряды "первых" томов, "первых" выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний" (с. 287–288). Византиноведческие штудии постепенно, под насильственным нажимом, замерли.

В основе очерков лежит тщательное изучение участниками научного проекта разнообразных архивных материалов, как опубликованных, так и неопубликованных трудов петербургских византинистов, а также их писем, дневников, записных книжек, документальных материалов, хранящихся в различных архивохранилищах: Санкт-Петербургском филиале архива РАН, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей РНБ, Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и др. Наряду с ценнейшими архивными материалами, позволяющими характеризовать различные грани научного творчества ученых, использованы и такие документы, которые позволяют высветить из столетней истории византинистики какой-нибудь один миг. Как ярок в этом смысле листок с "диалогом" между А.И. Пападопуло-Керамевсом и Хр. М. Лопаревым во время заседания русского археологического общества 13 апреля 1890 г. – в виде карандашом записанных французских фраз (с. 332–333)! Или страничка из записных книжек В.К. Ернштедта (с. 111) с расписанием дня с 6 часов утра (подготовка к лекциям) до 10 часов вечера (чтение русских авторов)!

Вторая часть книги "Рукописное наследие русских византинистов" названа "Публикации" (с. 521–615). Эта часть подготовлена к печати И.П. Медведевым, А.Э. Шукуровой, О.А. Белобровой, М.Ш. Файнштейн. Наряду с материалами из эпистолярного наследия Г.С. Дестуниса (письма к Ф.И. Успенскому), Л.А. Мацулевича, проектов лекций В.Н. Бенешевича, опубликованы бумаги Фонда с так называемым "византийским" проектом Россий-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

КАРЕН НИКИТИЧ ЮЗБАШЯН



К.Н. Юзбашян

Карен Никитич Юзбашян – армяновед и византинист, знаток истории и культуры средневековой Армении и армяно-византийских отношений, специалист по армянским средневековым рукописям и текстологии. Его труды снискали ему широкую известность в научных кругах России и за рубежом.

К.Н. Юзбашян родился 6 января 1927 г. в Тбилиси в семье инженера. В 1946 г. он поступил на исторический факультет Ереванского государственного университета, а в 1948 г. перевелся на третий курс исторического факультета Ленинградского университета. Его наставниками были такие ученые, как А.Г. Иоаннисян, М.В. Левченко, Е.Э. Гранстрем, С.В. Полякова. В ранний период своей творческой деятельности К.Н. Юзбашян проявил интерес к глобальным проблемам истории Армении и Византии, детально рассмотренным им в последующие годы. Так, дипломная работа К.Н. Юзбашяна была посвящена истории павликиан (впоследствии эта тема прочно вошла в круг его научных интересов). Кандидатская диссертация К.Н. Юзбашяна называлась "Византия накануне IV Крестового похода". Книга "Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и IV Крестовый поход" вышла в Ереване в 1957 г., легла в основу главы К.Н. Юзбашяна в трехтомной "Истории Византии" и прочно вошла в соответствующие учебные курсы.

С 1955 по 1958 г. К.Н. Юзбашян был заведующим Отделом рукописей Института рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран). Результат его работы в архивах Матенадарана – критическое издание "Повествования" автора XI в. вардапета Аристакэса Ластивертци (1963 г.). В 1968 г. исследователь издал русский перевод источника (с предисловием и комментариями), а в 1971 г. на основе этих двух книг вышло французское издание.

Публикация памятников армянской средневековой историографии – серьезный вклад К.Н. Юзбашяна в армяноведение.

Являясь знатоком древнеармянского языка, исследователь не просто переводит сложные произведения, но передает стиль и образ мыслей средневекового автора. Широта эрудиции позволяет К.Н. Юзбашяну сопровождать тексты обстоятельным комментарием. В последние годы ученый подготовил к печати два источника V в.: "Елишэ. О Вардане и армянской войне" и "Историю Армении Лазаря Парнеци".

Серьезная источниковедческая работа легла в основу научных трудов К.Н. Юзбашяна, посвященных проблемам социально-административной, политической, экономической и культурной истории Армении и Византии. Их своеобразным итогом стала обобщающая работа "Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв.". Наибольший интерес для специалистов в этой книге представляет давно разрабатываемая исследователем тема: Армения в международно-правовом аспекте. Армянские династы, по К.Н. Юзбашяну, в сношениях с Византией занимали определенное для каждого положение в двух системах, функционирующих независимо друг от друга: 1) семья правителей и народов ("братья", "сыновья" и "друзья" императора); 2) те, кто имели титул не по родству, а по дипломатическому протоколу и признающие сюзеренитет империи как ее "рабы".

В монографии дана оригинальная разработка фискальной политики Византии и интересное исследование о движении тондракитов (особенную ценность представляет четкая географическая локализация движения). К.Н. Юзбашян написал книгу, богатую фактическим материалом, полезную для кавказоведов, византинистов и медиевистов широкого профиля. В настоящее время исследователь работает над вторым изданием, где будут рассмотрены армяно-византийские отношения начиная с IV в.

Значительное место в жизни К.Н. Юзбашяна занимает научно-организационная деятельность. В 1980 г. он был избран председателем Палестинского общества ЛО и провел в 80-х годах ряд конференций, пользовавшихся широкой популярностью в отечественных научных кругах.

К.Н. Юзбашян преподавал в Санкт-Петербургском и Ереванском университетах, приглашался для чтения лекций во Францию, Швецию, Италию.

Его перу принадлежат книги по истории науки и работы, адресованные широкой аудитории (например, монография, посвященная жизни и деятельности И.А. Орбели и др.).

В рамках просветительской деятельности К.Н. Юзбашяна выходят такие его работы, как капитальная монография "Потомки Хайка" (написана в соавторстве с Г.Х. Саркисяном и К.С. Худавердяном). В этой книге предпринята попытка выявить непрерывность жизни армянского народа на протяжении тысячелетий, проследить конкретные формы исторического бытия армян, обрисовать их культуру. Широкий научный диапазон и эрудиция К.Н. Юзбашяна позволяют ему проводить сравнительный анализ разновременных явлений и делать убедительные выводы об этапах исторического пути армянского народа.

Список основных трудов К.Н. Юзбашяна

1963

Повествование Аристакэса Ластивертци. Текст, подгот. и предисл. К.Н. Юзбашяна. Ереван, 1963 (на арм. яз.).

1968

Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / Пер. с др.-арм., вступ. ст., коммент. К.Ю. Юзбашяна. Ереван, 1968.

1988

Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.

1989

От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Ереван, 1989, 265 с. [общественно-политические условия и культура Армении в IV–V вв., антисассанидские движения 450–451 и 482–484 гг., на арм. яз.].

1993

Quelques observations sur l'identité arménienne en Cilicie // Actes du Colloque "Les Lusignans et l'Outre Mer". Poitiers-Lusignan, 20–24 October 1993. P. 293–300.

ГЕОРГИЙ ЛЬВОВИЧ КУРБАТОВ

Г.Л. Курбатов

Исполнилось 70 лет видному ученому, профессору Санкт-Петербургского университета, члену редколлегии "Византийского временника" Георгию Львовичу Курбатову.

Георгий Львович родился 16 мая 1929 г. в Ленинграде. Поступив в 1947 г. на исторический факультет Ленинградского университета, он прошел там хорошую школу на кафедре византиноведения. Создатель кафедры М.В. Левченко, прилагавший все усилия, чтобы возродить захиревшую в межвоенные десятилетия отечественную византинистику, стал его научным руководителем и ориентировал начинающего византиниста на разработку истории города IV–VII вв., чья эволюция, как известно, во многом определила специфику перехода Византии от античности к средневековью.

Среди учителей Георгия Львовича были такие знатоки своего дела, как искусствовед А.В. Банк, филолог С.В. Полякова, палеограф Е.Э. Гранстрем. Чрезвычайно много ему дали занятия с Н.В. Пигулевской – прежде всего именно ей он обязан своим глубоким пониманием своеобразия путей развития средневекового Востока.

Оставленный по окончании университета в 1952 г. в аспирантуре, Георгий Львович избрал темой диссертации "Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии". Однако со смертью М.В. Левченко занятия в аспирантуре пришлось прервать. Г.Л. Курбатов был зачислен в штат кафедры истории средних веков (куда после очередной реорганизации была влита недолговечная кафедра византиноведения). На него возложили ведение практических занятий, а вскоре и чтение лекционных курсов.

Таким образом, весной 1955 г. началась – продолжающаяся уже без малого полвека – самостоятельная преподавательская и научная деятельность Георгия Львовича Курбатова. Она неразрывно связана с историческим факультетом Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, где он прошел путь от ассистента до профессора. С 1970 по 1989 год Георгий Львович возглавлял кафедру истории средних веков.

Будучи сторонником широкого историко-сравнительного подхода к изучаемым явлениям и процессам, Г.Л. Курбатов и в исследованиях, и в лекционной практике многократно обращался к ключевым вопросам медиевистики. Но, конечно, на первом месте у него всегда стоят византиноведческие студии.

С первых шагов в науке сосредоточив внимание на урбанистической проблематике, он в 1962 г. выпустил монографию "Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке)", в основе которой лежала защищенная шестью годами ранее кандидатская диссертация. Молодой ученый сумел сделать ряд плодотворных наблюдений над характером взаимоотношений города с округой, стремясь на локальном материале раскрыть важнейшие особенности развития восточноримского общества на пороге средневековья. Но концептуально автор в значительной мере еще находился в плену традиционных для византинистики представлений о непрерывном нарастании кризиса в обществе и государстве, о постепенной трансформации Византии в вариант восточно-деспотической монархии, в которой только всепоглощающая сила последней сдерживала действие разлагавших общество процессов.

В ходе дальнейших изысканий Георгий Львович внес существенные коррективы в представления о темпах и специфике социальной эволюции ранней Византийской империи. Новые идеи нашли четкое и аргументированное выражение в изданной в 1971 г. книге "Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии)", а также в цикле статей, посвященных кризису VII века. Вопреки распространенному мнению, автором было показано, что для ряда регионов можно говорить не столько о кризисных явлениях, сколько об известной стабилизации экономической жизни. Нет оснований преувеличивать масштабы развития крупного ремесленного производства и соответственно – переоценивать размах люмпенпролетаризации массы городского населения. Опытный полемист, Г.Л. Курбатов энергично отстаивал свою точку зрения на характер перерождения полисных структур, на роль цирковых партий, доказывая, что ни правительство, ни крупные землевладельцы не могли не считаться с интересами массы городского люда и свободного крестьянства. Опираясь на эти выводы, он решительно отвергал столь популярную тогда теорию "спонтанной феодализации" ранней Византии.

Развиваемая им концепция выдержала проверку временем. В последующие годы он дополнил и уточнил ряд моментов. При этом в его трудах все большее место стала занимать проблема общественного сознания.

И прежде при анализе социально-экономических и политических процессов в городе и в обществе в целом Георгий Львович широко привлекал нарративные памятники. Сочинения Ливания или Иоанна Златоуста рассматривались им не только как источник информации о численности рабов и состоянии ремесла. Опираясь на эти сочинения, исследователь настойчиво пытался выяснить, как обществом воспринимались происходившие в стране перемены, как менялась его ценностная ориентация. Теперь такого рода темы выходят у него на первый план.

В этом отношении показательны разделы, написанные Г.Л. Курбатовым для трехтомной коллективной монографии "Культура Византии" (М., 1984–1991). Как отмечалось отечественными и зарубежными рецензентами, автору удалось, с одной стороны, показать позднеантичные основы формирующегося политического мировоззрения византийцев, а с другой – выделить те элементы, которые составляли фундамент политической теории собственно византийского общества.

В книге "Ранневизантийские портреты (К истории общественно-политической мысли)" (Л., 1991) тема получила дальнейшее развитие. Исследуя литературное наследие IV–VI вв. – от антиохийского ритора Ливания до Прокопия Кесарийского, историк ставил своей задачей не столько охарактеризовать взгляды самих этих писателей (данному вопросу в науке всегда уделялось большое внимание), сколько через призму их сочинений выявить суть мировоззрения различных социальных групп Византии в его временной динамике.

Обширный материал, характеризующий эволюцию византийского менталитета – в том числе материал, собранный в ходе работы в центре византиноведческих исследований Думбартон Окса – Георгий Львович отчасти использовал в опубликованных за последние годы статьях. Сейчас он готовит к печати две монографии.

Книги, статьи, выступления на региональных и международных научных форумах принесли Г.Л. Курбатову заслуженную известность у нас в стране и за ее преде-

лами. Не менее популярны и его учебники и учебные пособия – такие, как "История Византии" (Л., 1984), которую автор посвятил памяти Н.В. Пигулевской. В них он остается верен себе: мастерски препарируя источники, приобщает читателей к фундаментальным, зачастую остродискуссионным проблемам современной науки.

Особое место среди учебных пособий занимает "История Византии: Историография" (Л., 1975) – первый в отечественной и зарубежной литературе целостный очерк развития византиноведческих исследований на протяжении примерно пяти столетий – от эпохи Возрождения и до 1970 г. Книгу составили читаемые в течение многих лет лекции и занятия с аспирантами.

Собственно, и все прочие учебные пособия Георгия Львовича сложились на основе многолетней педагогической деятельности, которая неотделима от его научно-исследовательской работы. Центр тяжести здесь, естественно, лежит в области византиноведения. Он значительно расширил тематику специальных дисциплин, включив, к примеру, в курс источниковедения обширные разделы об археологических памятниках и методике работы с ними. Не замыкаясь в кругу византиноведческих дисциплин, ученый разрабатывает и общемедиевистические курсы ("Запад и Восток в эпоху средневековья", "История средневекового города" и др.). Не одно поколение студентов-историков слушало у него общий курс истории средних веков...

За прошедшие десятилетия Георгий Львович воспитал немало одаренных византинистов. Его ученики работают в академических институтах, музеях, архивах. Под его началом защищено 15 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Подготовленные им специалисты активно содействуют развитию византиноведческих студий в Барнауле, Иваново, Тюмени, других университетских центрах. Былые дипломанты и аспиранты Г.Л. Курбатова трудятся и во многих городах ближнего зарубежья. Под его руководством писали дипломные работы, проходили стажировку, готовили диссертации исследователи из Польши, Франции, Кубы, Сирии, США.

Нельзя не сказать и об организационной деятельности, которой Георгий Львович отдал много времени и сил. Так, участвуя в работе Редакционно-издательского совета Минвуза РФ, он деятельно способствовал реализации таких проектов, как выпуск проблемно-тематических межвузовских сборников и др. Особо надо отметить плодотворные усилия юбиляра, направленные на расширение сотрудничества между университетской средой и академическими учреждениями.

Коллектив "Византийского временника" сердечно поздравляет Георгия Львовича Курбатова со славным юбилеем, желая ему долгих лет здоровья и новых творческих успехов.

Список научных трудов Г.Л. Курбатова*

1956

Городские курии и сословия куриалов в ранней Византии (IV–VI вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1956. 18 с.

Положение народных масс в Антиохии в IV в. // ВВ. 1956. Т. VIII. С. 42–60.

1957

Византиноведение в Ленинграде в 1950–1956 гг. // ВВ. 1957. Т. XII. С. 348–353.

Рец. на кн.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956 // ВВ. 1957. Т. XII. С. 270–284 (в соавторстве с А.А. Зиминым).

Юбилей Л.А. Мацулевича // ВВ. 1957. Т. XII. С. 353–354.

* Список не полон. В него включены далеко не все опубликованные тезисы докладов и сообщений на Международных конгрессах, византиноведческих конференциях, проблемных симпозиумах и статьи в энциклопедиях.

1958

Восстание Прокопия (365–366) // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 3–26.

Классовая сущность учения Иоанна Златоуста // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.–Л., 1958. Вып. II. С. 80–106.

1959

Византия в VI столетии. Л., 1959. Рец.: *Фрейденберг М.М.* // ВВ. 1963. Т. XXII. С. 319–321.

1960

Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. // Вестник ЛГУ. 1960. Сер. 2. Вып. 1. С. 47–61.

1961

Скандербег – народный герой Албании. Л., 1961. 116 с.

К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М., 1961. С. 64–91.

О работе секций византиноведения и смежных дисциплин на XXV Международном конгрессе востоковедов // ВВ. 1961. Т. XX. С. 315–335 (в соавторстве с И.Ф. Фихманом).

1962

Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962. 285 с. Рец.: *Сюзюмов М.Я.* // ВВ. 1964. Т. XXV. С. 243–249.

Рец. на кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960 // ВИ. 1962. № 3. С. 130–137 (в соавторстве с В.И. Легким, С.Л. Пештичем, Э.Д. Фроловым, А.Л. Шапиро, В.В. Штокмар).

К вопросу о "хуляющих Бога" (βλασθημοῦντες) и восстание 387 г. в Антиохии // Древний мир. Сб. в честь акад. В.В. Струве. М., 1962. С. 572–578.

Либаний о Фракии // Известия на Института за история БАН. София. 1962. Т. XI. С. 151–164.

М.В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. I. Л., 1962. С. 72–80.

Термин "δῆμος" у Либания и вопрос о происхождении византийских домов // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1962. Т. I. С. 504–511.

1964

Рабы и проблема рабства в произведениях Либания // ВДИ. 1964. № 2. С. 92–106.

1965

К вопросу о корпорации хлебопеков в Антиохии IV в. // ВДИ. 1965. № 1. С. 141–154.

Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города IV–VI вв. // Вестник ЛГУ. 1965. № 14. Вып. 3. С. 62–72.

1966

Ранневизантийский город (IV–VI вв.) (Антиохия IV–VI вв. и основные проблемы внутреннего развития города): Автореф. дис. д-ра наук. Л., 1966. 39 с.

1967

Образование Византии. Территория, природные условия и население // История Византии в трех томах. Т. I. М., 1967. С. 66–75.

Аграрный строй Византии в IV–V вв. // История Византии в трех томах. Т. I. М., 1967. С. 76–100 (в соавторстве с И.Ф. Фихманом).

Города, ремесло и торговля в Византии IV–V вв. Константинополь и провинции // История Византии в трех томах. Т. I. М., 1967. С. 101–128.

Социально-политический строй и административная организация империи в IV–V вв. // История Византии в трех томах. Т. I. М., 1967. С. 129–143.

Ἀραβία и ἀραβίοι в произведениях антиохийского ритора IV в. // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 67–73.

1969

Византиноведение в Петербургском–Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. 1969. Сер. 2. Вып. 4. С. 130–136.

В.Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете // Проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 1969. С. 133–152.

Зилоты и чомпи // ВВ. 1969. Т. 30. С. 3–37 (в соавторстве с В.И. Рутенбургом).

Рец.: Античная древность и средние века. Сборники статей по истории древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского гос. университета им. А.М. Горького. Вып. 1–5. Свердловск, 1960–1966 // ВВ. 1969. Т. 30. С. 243–247 (совместно с В.И. Рутенбургом).

1971

Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971. 220 с.

Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения. Г.С. Дестуннис (1818–1895) // ПС. 1971. Вып. 23. С. 179–191.

Из истории научных связей русской византинистики. (В.Г. Васильевский в Германии) // ВВ. 1971. Т. 31. С. 79–83.

Из истории зарождения научных связей русской и румынской византинистики // Actes du XIVe Congrès International des Etudes Byzantines. (Bucarest, 6–12 Septembre). Bucarest, 1971. Vol. III. P. 633–637.

1973

Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 19–32.

Рец. на кн.: *Кекавмен*. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Подготовка текста и перевод Г.Г. Литаврина. М., 1972 // ВИ. 1973. № 11. С. 158–161.

Либаний об Иране // Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 88–94.

1974

К проблеме типологии городских движений в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1. С. 44–61.

К вопросу о характере балканского города IV–V вв. // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 46–52 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Замечательный ученый и педагог. 100-летие со дня рождения О.А. Добиаш-Рождественской // Ленинградский университет. 1974. 11 октября.

Ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества // Межвузовский сборник ЛГУ. Л., 1974. Вып. 1. 147 с.

1975

История Византии (историография). Л., 1975. 256 с. Рец.: *Литаврин Г.Г.* // ВИ. 1977. № 2. С. 174–177; *Карпов С.П.* // ВВ. 1978. Т. 39. С. 232–236; *Наумов Е.П.* Развитие историографии славянских стран и история византиноведения // Советское славяноведение. 1978. № 4. С. 105–107.

Межвузовские сборники университетов РСФСР // ВИ. 1975. № 4. С. 139–141 (в соавторстве с В.В. Мавродиным и В.А. Петровой).

Традиции университетской школы медиевистики // Ленинградский университет. 1975. 26 сентября.

Ред.: *Якубовский В.А.* Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975. 118 с.

Еще раз о византийских димах и новой теории А. Кэмирона // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 3–21.

1976

100 лет византиноведения в ЛГУ // Очерки истории Ленинградского университета. Л., 1976. Вып. III. С. 26–54 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой и Л.В. Исаковой).

Нина Викторовна Пигулевская // *Пигулевская Н.В.* Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976. С. 10–50 (в соавторстве с А.Г. Лундиным, А.В. Пайковой, К.Б. Старковой).

Δημοκρατία в политической жизни византийского общества и города // Проблемы отечественной и всеобщей истории. 1976. Вып. 3. С. 173–178.

Рец.: *Удальцова З.В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974 // ВВ. 1976. Т. 37. С. 258–262.

1978

Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 181–188.

К проблеме рабства в ранней Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвузовский сборник. Л., 1978. Вып. 2. С. 3–11.

Ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества // Межвузовский сборник. Л., 1978. Вып. 2. 143 с.

Рец.: *Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 a 451. P., 1974. 578 p. // Byzantinoslavica. Prague, 1978. T. XXXIX. № 1. P. 44–49.

1980

К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвузовский сборник. Л., 1980. Вып. 3. С. 3–21.

Ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвузовский сборник. Л., 1980. Вып. 3. 140 с.

Ред.: *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. 166 с.

1981

К проблеме типологии византийского общества // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 19–31.

К 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.И. Рутенбурга // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 28–36 (совместно с А.Д. Роловой).

Рец.: Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1979. 239 с. // Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 273–276 (совместно с В.В. Штокмар).

1982

Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 56–77 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

1983

Рец.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. 229 с. // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 352–356.

1984

История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. 207 с.

Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. 97 с. (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 98–118.

Риторика // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 331–357.

Византийский город в раннефеодальную эпоху и некоторые вопросы своеобразия социальной структуры византийского общества // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. Вып. 4. С. 37–56.

Кафедра истории средних веков // Вопросы исторической науки. Л., 1984 (совместно с В.И. Рутенбургом).

Рец.: *Алексидзе А.Д.* Мир греческого рыцарского романа (VIII–XIV вв.). Тбилиси, 1979 // Литературная Грузия. 1984. № 4. С. 187–192.

Ред.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвузовский сборник. Л., 1984. Вып. 4. 163 с.

1985

Проблемы византийского города и некоторые основные вопросы развития Византии в современной историографии // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985. С. 53–58.

1986

Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 100–176 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Памяти В.В. Штокмар // Средние века. М., 1986. Вып. 49. С. 330–331.

Рец.: Проблемы византийской истории на страницах сборника "Античная древность и средние века". Свердловск, 1960–1984. Вып. 1–20 // ВВ. 1986. Т. 47. С. 222–234 (в соавторстве с Е.П. Глушаниным).

Ред.: Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Межвузовский сборник. Л., 1986. 190 с.

Ред.: Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986. 335 с.

1987

О некоторых современных зарубежных концепциях истории Византии // Критика концепции современной буржуазной историографии. Л., 1987. С. 10–23 (в соавторстве с Л.Н. Заливановой).

От позднеантичного к раннесредневековому городу в Византии (некоторые сопоставления) // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 27–37.

Ред.: Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Межвузовский сборник. Л., 1987. 187 с.

1988

Византийская церковь IV–XII вв. // Христианство: античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С. 107–188 (в соавторстве с И.Я. Фрояновым и Э.Д. Фроловым).

Византия и Русь в IX–X вв. (Некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 215–231.

К вопросу о социальной структуре византийского общества VIII–IX вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 5–12.

1989

Рец.: *Чекалова А.А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. М., 1986 // ВВ. 1989. Т. 50. С. 192–194.

1991

Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли в Византии. Л., 1991. 272 с.

Рец.: *Чекалова А.А.* // ВВ. 1998. Т. 55. Ч. 2. С. 240–244.

Византия во второй половине XIII – середине XV в. // Культура Византии. XIII – середина XV в. М., 1991. С. 202–223.

Ред.: Из истории Византии и византиноведения. Межвузовский сборник. Л., 1991. 160 с.

Ред.: Европа на этапе от классического средневековья к новому времени. Тюмень, 1991. 94 с.

1993

Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии. Ч. 1 // Вестник С.-Петерб. ун-та. СПб., 1993. Сер. 2. Вып. 4. С. 3–11.

1994

Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии. Ч. 2 // Вестник С.-Петерб. ун-та. СПб., 1994. Сер. 2. Вып. 1. С. 25–36.

К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: Некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55. Ч. 1. С. 69–74.

Ред.: Европа на этапе от классического средневековья к новому времени. Сборник научных трудов. Тюменский гос. университет. Тюмень, 1994. 94 с.

К проблеме византийского города в отечественной византинистике конца XIX – начала XX в. // Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического института в Константинополе (С.-Петербург, 24–26 мая 1994). М., 1994. С. 70–72.

1996

Традиции и новации в истории Византии в русской и зарубежной современной византинистике // Средневековая и новая Россия. Сб. научн. статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 76–86.

Некоторые вопросы истории византийской церкви в освещении современной историографии // Феномен истории. К 70-летию В.Л. Керова. М., 1996. С. 46–59 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

Н.В. Пигулевская: Штрихи к портрету и научной биографии // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. СПб., 1996. Вып. 2. С. 87–92.

1997

Предисл.: *Рудаков Д.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 5–22 (в соавторстве с Г.Е. Лебедевой).

1999

Христианская церковь в Византии // Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, Реформация) / Под ред. проф. Ю.Е. Ивонина. Смоленск, 1999. С. 45–67.

* * *

О научной и организаторской деятельности Г.Л. Курбатова см.: Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований. К XVIII Международному конгрессу византинистов. (Москва, 8–15 августа). М., 1991. С. 65–68.

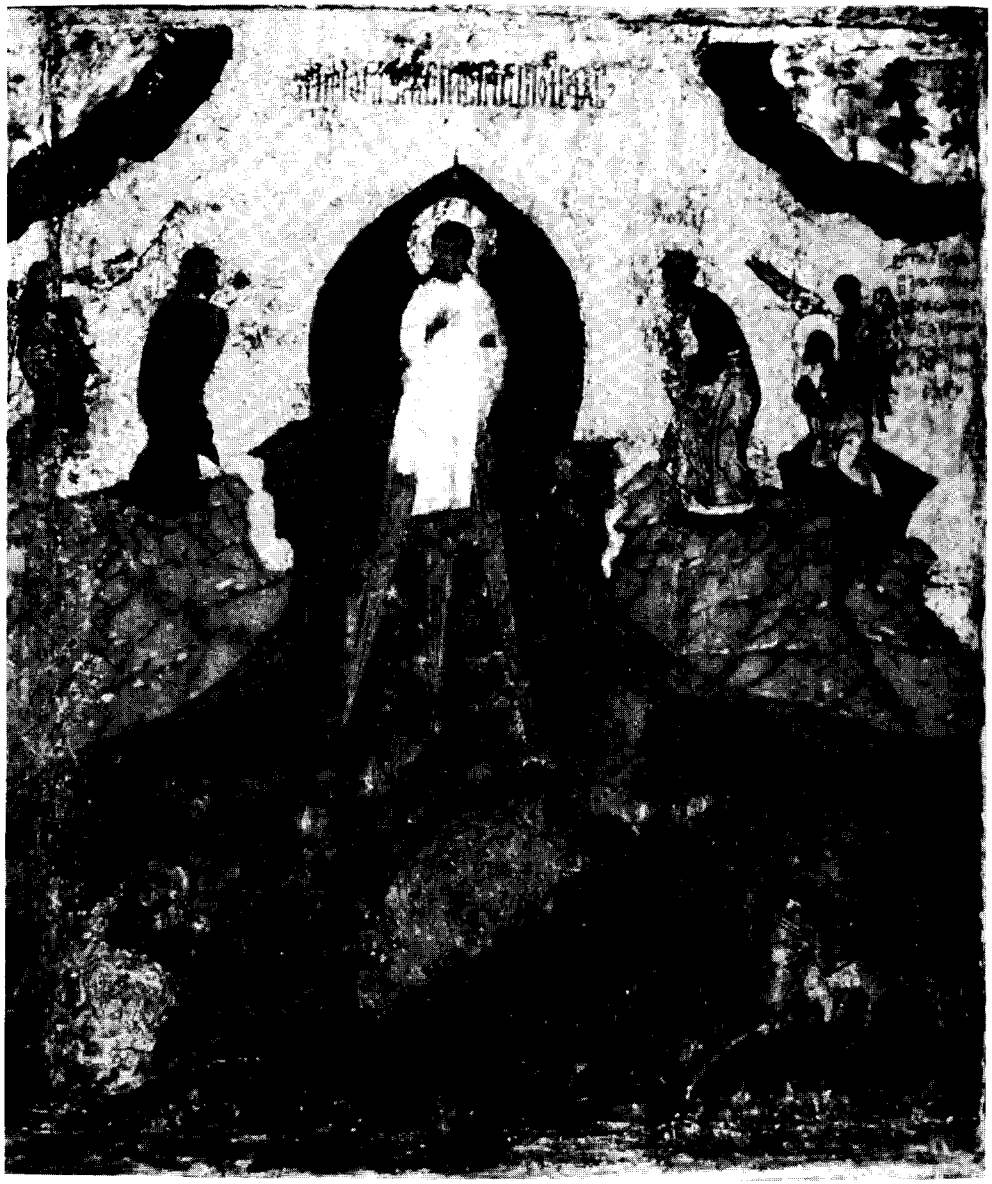


Рис. 5. Икона, выставленная в New Grecian Gallery в Лондоне. XVII в.

ской академии и каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса.

Публикация выписок из журнала Российской академии от 1837 г. отражает заинтересованность Академии в переводах сочинений византийских историков (с оплатой по 150 рублей за каждый печатный лист). Сохранились договоры о переводах с греческого языка сочинений Константина Багрянородного "Об обрядах византийского двора", исторических сочинений Агафия, Льва Диакона, Георгия Пахимера, Михаила Глики, трудов Иоанна Малалы, Никиты Хониата, Никифора Вриенния, Иоанна Киннама, Георгия Синкелла, Феофилакта Симокатты, Иосифа Генесия, Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина. Как мы знаем, многое из этого проекта не получило реализации. Но публикация документов, связанных с проектом 1837 г., позволяет определить круг участников работы и те источники, которые были выбраны для перевода.

Публикацией И.П. Медведевым "Каталога греческих рукописей" Константина Симонидиса вписана "русская страница" во "всемирную Симониаду". Константин Симониадис – знаменитый подделыватель греческих рукописей, которые он продавал Британскому музею, университетской библиотеке Лейпцига. С его "деятельностью" палеографа–пластографа связаны сенсационные скандалы в европейской науке середины XIX в. В фонде 95 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранился каталог предлагаемой русскому правительству для покупки коллекции древнейших рукописей (81 единица). Каталогу предшествует пролог с описанием Симонидисом его жизни и истории "чудесного" приобретения рукописей. В "Симониаду" включен и негативный отзыв с Афона от марта 1863 г. Публикация этих материалов в рецензируемой книге предварена знаком вопроса: "Грандиозная палеографическая мистификация?" (с. 537). Если это мистификация, то безусловно талантливая. Чего стоит только описание предлагаемых К. Симонидисом рукописей! К примеру, "Илиада" и "Одиссея", писанные древними заглавными аттическими буквами на тончайшем и прозрачнейшем пергамене, навитом на золотой прутик и уложенном в ящичек, равный яйцу (с. 555). Пожалуй, история науки была бы неполной без подобных мистификаций, а Константина Симонидиса можно счесть в связи со сферой его деятельности образованнейшим из плутов мира.

Итак, перед нами лежит том объемом более 600 страниц. Этот труд соединил научные поиски двух поколений петербургских ученых – прошлого века и наших современников. Усилиями далеких потомков спустя сто или почти сто лет воскрешаются образы и дела тех, кто составлял славу русской науки в сфере византиноведения и грецистики. Деятельность участников научного проекта "Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге" достойна подражания, отражая благодарность к ушедшему поколению ученых и неисполнимый долг перед ними. Подвижничество петербургских академистов XIX в., столь очевидно обнаруженное через материалы их рукописного наследия, имеет в наши трудные времена эффект живого воздействия, когда, прочитав книгу, жалеешь, как некогда А.И. Пападопуло-Керамевс, что в сутках не 8 часов...

Подвиг создания второго выпуска материалов из архивов византинистов Петербурга оставляет надежду на встречу с третьим томом.

М.А. Поляковская

1994–1995

Le destin de l'alphabet de Daniel en Arménie // Revue des Études Arméniennes. 1994–1995. T. 25. P. 171–181.

1996

Les titres byzantins en Arménie // L'Arménie et Byzance. Histoire et culture. Byzantina Sorbonensia. 1996. 12. P. 213–221.

Le Caucase et les Sassanides // Settimane di studio del Centre italiano di studi sall'alto medioevo, XLIII. II Caucaso: Cemiera fra Culture dal Mediterraneo alia Persia (secoli IV–XI). Spoleto, 1996. P. 143–167.

L'universalisme dans l'historiographie médiévale [armeniénne] // Arménie entre Orient et Occident. Trois mille de civilisation, sous la direction de Raymond H. Kévorkian. P., 1996. P. 65–70.

1997

Naxanj in the letter of Łazar P'arpec'I // Armenian Perspectives, 10th Anniversary Conference of the Association Internationale des Études Arméniennes. School of Oriental and African Studies / Ed. by Nicholas Awde, CURAZON – Caucasus World. L., 1997. P. 59–60, 380–381.

L'amertume de Lazar P'arpec'i // From Byzantium to Iran. Armenian Studies in Honour of Nina Garsoian. Scholars Press, Atlanta, Georgia, 1997. P. 325–340.

1998

Отступники от христианства в политической жизни Армении IV–V вв. // Восток. М., 1998. № 1. С. 108–117.

Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времен до утверждения Третьей республики. Ереван, 1998 (в соавторстве с Г. Саркисяном и К. Худавердяном).

1999

Лазар Парпеци – последняя звезда золотого века. Эчмиадзин, 1999 (на арм. яз.).

2000

Палестинское общество – страницы истории. Москва; Воронеж, 2000. Вып. 1.

De la langue parlée à la langue écrite. Histoire de l'invention de l'alphabet arménien (в соавторстве с Jean-Pièrre Mahe).

На стадии редакционной подготовки каталог "Армянские рукописи в собраниях Петербурга", содержащий 470 номеров описаний с публикацией 124 текстов колофонов.

Подготавливаются к изданию переводы сочинений армянских историков Елишэ и Лазара Парпеци (V в.), выполненные И.А. Орбели и К.Н. Юзбашяном.

ХРОНИКА

Международный коллоквиум в Конке (Франция) "Миграция и диаспоры в Средиземноморье, XI–XVI вв." (14–16 октября 1999 г.)

Коллоквиум был организован исследовательской группой "Государство и колонизация в средние века" французского Национального центра научных исследований (CNRS), возглавляемой М. Баларом и А. Дюселье, а также Европейским центром искусства и цивилизации средних веков в Конке, небольшом средневековом городке на юге Франции, в Авейроне, хранящем выдающиеся памятники романского искусства.

В работе коллоквиума приняли участие делегаты из 11 стран. Были заслушаны и обсуждены доклады: Ж. Дедеян (Монпелье) – "Миграции из Великой Армении в Средиземноморские регионы с середины X до конца XI века"; К. Мутафьян (Париж) – "Армяне в Италии: мотивы и распределение эмиграции"; К. Делакруа (Амьен) – "Греки-униаты, беженцы в Италии, и их культурное влияние"; С. Карпов (Москва) – "Тана, центр иммиграции в средние века, 13–15 вв."; А. Мингираш (Бухарест) – "Джакомо Бадоэр: анализ путешествия в Трапезунд"; Д. Дюран (Барселона) – "Община за границей: каталанцы по переписке их консула в Константинополе"; Ж.-К. Шене (Париж) – "Латинская эмиграция в Малую Азию до Первого крестового похода"; В. Тыпкова-Заимова (София) – "Пограничные миграции в средневековой Болгарии"; Т. Ганшу (Тулуза) – "Зарубежные связи византийской элиты в 15 в.: семья Нотара"; П. Баденас (Мадрид) – "Испанские евреи до изгнания и романиоты в последние века Византии"; Н. Беренд (Кембридж) – "Миграции тюркских номадов в Венгрии"; П. Чуфи (Тирана) – "Славяне в Греции в 15 в."; М.-Т. Феррер (Барселона) – "Миграционные феномены у мусульман под властью Каталано-арагонской короны в средние века"; Ж. Жеэль (Амьен) – "Генуэзский род Чибо, средиземноморские связи в средние века"; Л. Баллетто (Генуя) – "Женская эмиграция в генуэзских факториях Ближнего Востока"; Д. Валериан (Рим) – "Андалузская эмиграция в Северной Африке"; Т. Мансури (Сфакс, Тунис) – "Насильственные перемещения и депортации между Византией и исламским миром"; Ж. Павьо (Париж) – "Сведения о европейцах атлантического побережья и севера Европы в Средиземноморье в конце средних веков"; М. Рашида-Шапуто (Тунис) – "Диаспора Бану Сайид ал-Нас эн Ифрикья в Магрибе и на Востоке в 13–15 вв."; Э. Бассо (Генуя/Сассари) – "Генуэзцы в Англии в конце средневековья"; Д. Якоби (Иерусалим) – "Семейные миграции и торговая стратегия венецианских семейств в 12–13 вв."; Б. Думер (Тулуза) – "Прием венецианских репатриантов на родине в 15 в."; Р. Саликру (Барселона) – "Каталанские наемники в Марокко в начале 15 в."; П. Гурдэн (Париж) – "О статусе иностранных купцов в христианских и мусульманских странах Западного Средиземноморья"; Д. Штэкли (Цюрих) – "Попытки индивидуальных миграций венецианцев на Кипр и Крит в начале 15 в."; М. Уэрфелли (Париж) – "Миграции, связанные с производством сахара в Восточном Средиземноморье, 13–15 вв."; П.-В. Клавери (Париж) – "Пример тыловых перевозок, связанных с защитой Святой Земли: путешествие на Восток Гийома из Русильона, 1275 г."; П. Расин (Страсбург) – "Путешествия в эпоху Крестовых походов"; Д. Кулон (Барселона) – "Каталанское присутствие в Египте и Сирии с середины 14 до середины 15 в.".

Итоги работы и перспективы исследований были рассмотрены в выступлениях А. Дюселье и М. Балара.

С. Карпов

XIV Международный конгресс по христианской археологии

Христианская археология в Европе – старейшая научная дисциплина исторического цикла, начало которой возводят по крайней мере к XVI веку. Область ее интересов – раннехристианский период, со II по VII в. Международные конгрессы по христианской археологии проводятся на протяжении более 100 лет, они объединяют археологов, искусствоведов, эпиграфистов, историков церкви и литургии, специалистов в области поздней античности и византинистики и др. Российские исследователи принимали участие в первых двух конгрессах и в нескольких последних. На первом конгрессе в 1894 г. в Сплите Россию представляли Я.И. Смирнов и П. Сырку. На II конгрессе в 1900 г. в Риме доклад о раскопках базилики в Абоба-Плиска, которые вел Русский археологический институт в Константинополе, сделал Ф.И. Успенский. Затем наступила долгая пауза. Участие российских специалистов в конгрессах по христианской археологии возобновилось в эпоху, именуемую "перестройкой", сначала только заочное, в форме публикации доклада в Актах очередного конгресса[1], а затем и личное начиная с Боннского конгресса 1991 г.[2] Поскольку христианская археология как ветвь исторической науки сложилась в Риме, естественно, что долгое время международные конгрессы были "романо-центричными", западный латиноязычный мир был главным предметом интереса. Сейчас положение меняется, христианская археология стремится объять все раннехристианское пространство, от Ирландии до Ирана. Боннский конгресс в качестве своей главной темы избрал паломничества, и здесь христианский Восток, пожалуй, впервые был представлен с особенной полнотой, традиционная римская тематика даже несколько отошла в тень[3]. Конгресс 1994 г. в Сплите-Порече был внеочередным, юбилейным, главных темы было две. Одна посвящалась столетию смерти "отца-основателя" христианской археологии Джованни Баттиста де Росси и столетнему юбилею I международного конгресса по христианской археологии в 1884 г. Вторая тема была византийской: "Юстиниан и проблемы VI–VII вв.".

Вообще археологическое исследование византийских памятников долгое время развивалось вместе с христианской археологией, составляя ее часть. Даже и само понятие "византийская археология" Н.П. Кондаков когда-то употребил (по-моему, впервые) именно как параллель археологии христианской: "Русская археологическая наука, как и западная, почерпает свой метод и руководящие принципы в древнехристианском отделе, но по своим собственным, ей присущим задачам, становится в то же отношение и к археологии византийской"[4]. В последние два десятилетия византийская археология обретает собственный дисциплинарный статус, при этом дело не обходится без дискуссий[5]; предпринята и первая, пока скромная, попытка создания учебного пособия[6]. В то же время "византийские вопросы" по-прежнему не только входят в поле христианской археологии, но и играют все более важную роль.

Последний, XIV, конгресс состоялся в Вене с 23 по 26 сентября 1999 г. Его удачно выбранная основная тема "Раннее христианство между Римом и Константинополем" позволила охватить раннехристианский мир во всей его полноте. В конгрессе участвовали представители свыше 30 стран Европы, Азии, Африки, США, Австралии. Широким, как никогда прежде, было участие специалистов из России и Украины, при этом были представлены разные города и научные центры. В Вену приехали В.Н. Залесская, Ю.А. Пятницкий (Санкт-Петербург), П.А. Диатроптов, А.И. Иванчик, автор этих строк (Москва), А.И. Романчук (Екатеринбург), В.М. Зубарь (Киев), А.И. Айбабин (Симферополь), М.И. Золотарев (Севастополь).

Я уже упомянула о том, что в первых конгрессах по христианской археологии участвовали российские византинисты, представители светской науки. В наши дни можно говорить о первых, пока эпизодических, контактах между европейской христианской археологией, которая при своем рождении была католической, и российской церковной археологией. Последняя переживает обновление, выйдя за стены высших учебных заведений Русской Православной Церкви[7]. Как знак перемен отмечу участие монс. проф. Патрика Сен-Рока (тогда – ректора Папского института христианской археологии) в работе Первой всероссийской конференции по церковной археологии во Пскове в ноябре 1995 г.[8] На венском конгрессе в качестве наблюдателя присутствовал диакон Александр Мусин, представитель Санкт-Петербургской Духовной академии.

Организатором конгресса в Вене был Институт классической археологии Австрийской Академии наук. Официальная часть длилась три дня. На открытии конгресса выступили его председатель проф. Рената Пиллингер, председатель постоянно действующего Инициативного комитета по подготовке международных конгрессов по христианской археологии проф. Ф. Пергола (по традиции им является ректор Папского института христианской археологии), вице-президент Австрийской Академии наук проф. К. Шлегль, декан факультета религиозных наук проф. Ф. Ремер, а также представители разных конфессий: митрополит Австрии д-р М. Стайкос, епископ Венского диоцеза д-р Г. Кретцль, епископ Евангелической церкви Австрии маг. Г. Штурм. Председатель предыдущего конгресса в Хорватии проф. Н. Камби в своем выступлении, как обычно, "передал факел" венскому конгрессу.

П. Донсель-Вут (Бельгия) в первом, почетном, пленарном докладе "От Мадабы до Майорки: иконографическая программа церковного здания и образ в их контексте" нарисовала широкую панораму декорации раннехристианских церквей в их связи с архитектурой и литургией, в контексте иконологических и церковно-исторических проблем. Основные памятники, о которых шла речь, расположены на противоположных концах христианского мира: знаменитая "церковь с картой" Мадабы в Трансиордании и церковь Санта Мария дель Ками на о. Балеарик. Для изображений Иерусалима, Вифлеема и др. автор привела серию аналогий в качестве "иконологического комментария к семантическим синонимам". Главная мысль автора доклада: церковное здание на Востоке является выражением "мистического символизма", западный же храм воплощает "исторический христианский мир".

Темы остальных пленарных докладов равномерно распределялись по жанрам и носили максимально широкий характер. Ж.-П. Содини (Франция), который должен был сделать доклад "Религиозная архитектура IV–VII веков между Востоком и Западом: сходство и особенности", не смог приехать, но развернутое опубликованное резюме дает достаточное представление о выводах автора. Ж.-П. Содини отмечает некоторые общие черты раннехристианского церковного здания в разных регионах: строительные приемы, базовые элементы плана (трехчастный алтарь, трансепт, атриум и др.). Автор характеризует также типологию культовых центров.

Ф. Бисконти (Италия) в своем докладе сопоставил изобразительные программы в памятниках раннехристианской живописи на Востоке и Западе, на пространстве от Дура-Европос до Рима. Доклад Д. Короля и А. Арбайтера (оба – Германия) обобщил недавние открытия археологов и искусствоведов, изучающих стенные мозаики IV–VII вв. Авторы рассмотрели стилистические и иконографические характеристики, разграничив сюжетные и декоративные композиции. И.Г. Декерс (Германия) сделал доклад о сюжетных погребальных рельефах из Константинополя и некоторых западных городов. Особенно подробно он остановился на недавно открытых и уже ставших широко известными рельефах из ипогея на ул. Силиври-Капы в

---

[1] *Khrouskhova L.G.* Pitiunt et le littoral oriental de la mer Noire a l'époque paléochrétienne // Actes du XI-e Congrès international d'Archéologie Chrétienne, 21–28 sept. 1986, Lyon-Aoste (Studi di Antichita Cristiana XLI, Collection de l'École Française de Rome 123). Cittá del Vaticano-Rome, 1989. III. P. 2657–2686.

[2] Более подробно см.: *Хрушкова Л.Г.* О международных конгрессах по христианской археологии // РА. 1998. № 2. С. 207–214.

[3] *Хрушкова Л.Г.* Рец.: Akten des XII internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn 22–28 Sept. 1991. T. 1–2. Citta del Vaticano-Münster, 1995 // Византинороссика. Т. 2 (в печати).

[4] *Кондаков В.Н.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. С. V.

[5] *Rautman M.L.* Archaeology and Byzantines Studies // Byzantinische Forschungen. 1990. XV. P. 137–165; *Sodini J.-P.* La contribition de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IV–VII siècles) // Dumbarton Oaks Papers. 1993. 47; *Gregory T.E., Kazhdan A.K.* Archaeology // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford. 1991. I. P. 152–153.

[6] *Zanini E.* Introduzione all'archeologia bizantina. Roma, 1994. Рец.: *Хрушкова Л.Г.* в: Византинороссика. Т. 2 (в печати).

[7] См. материалы конференций: Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. Ч. 1–3. СПб.; Псков, 1995; Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998. СПб., 1998. После долгого перерыва появились и учебно-популярные издания по церковной археологии: *Беляев Л.А., Чернецов А.В.* Русские церковные древности (археология христианских древностей средневековой Руси). М., 1996; *Беляев Л.А.* Христианские древности. М., 1998.

[8] Русский пер. доклада П. Сен-Рока опубликован: *Сен-Рок П.* Христианская археология на Западе сегодня // РА. 1998. № 2. С. 202–206.

Стамбуле, которые имеют довольно точную дату: они не позже 415 г.

Ф. Пергола (Италия) рассмотрел проблему топографии "христианских пространств", имея в виду церкви и прилегающие к ним приходы в городской черте и кладбищенские зоны за стенами городов как на Востоке, так и на Западе. Надо сказать, что эта тема в последние годы стала приоритетной в христианской археологии. В частности, XI Международный конгресс (Лион-Аоста, 1986) показал важность проблематики "Епископ и город" для понимания трансформации позднеантичного города в город средневековый. На широком материале Ф. Пергола показал, как изучение топографии позволило отказаться от распространенного мнения о "рурализации" в V в. некоторых городов, в том числе и Рима.

С интересом был встречен доклад Г.Х. Бреннеке (Германия) "Христианская археология как протестантская богословская дисциплина". Он отметил, что исторически протестантская ветвь христианской археологии была связана преимущественно с Германией. В последнее время эта область науки развивается больше в рамках классической археологии, византинистики или истории искусства, нежели в качестве богословской академической дисциплины. Этот вывод несомненно справедлив. Надо сказать, что материалов по истории самой дисциплины на этом конгрессе почти не было – "историческим" был предшествующий Сплитский конгресс. Вообще же конец тысячелетия – хороший повод осмыслить пройденный путь, и христианская археология делает это живо и активно. Заинтересованный читатель легко найдет необходимые сведения в двух-трех последних публикациях, снабженных достаточно полной библиографией[9].

Д. Фейсель (Франция) рассмотрел латинскую эпиграфику на ранневизантийском Востоке. Тема доклада Ф. Глазера (Австрия) – церковные здания в районе Альп, в сильно романизованной области, где церкви строились в римских крепостях и поселениях. Особенно интересны двойные церкви в крупном паломническом центре в Хеммаберге. Интересное и редкое явление – отдельно стоящая полукруглая скамья для духовенства в восточной части некоторых базилик, напоминающая "бему" ("сирийский амвон") церквей Северной Сирии. Доклад П.К. Финни (США) дал обширную картину истории изучения произведений прикладного искусства и возможных способов их классификации по материалу, центрам производства, владельцам и т.п.

Далее работа конгресса шла по секциям: архитектура, мозаики и нумизматика, история культуры, история церкви и история, скульптура, эпиграфика и новые открытия. Архитектурная тематика, пожалуй, преобладала, много сообщений было посвящено и скульптуре. Большинство авторов рассматривали конкретные памятники в контексте разнообразных воздействий и влияний, "между Римом и Константинополем". Ф. Гуидобальди (Италия) сравнил особенности церквей константиновской эпохи в Риме, Иерусалиме, Антиохии, Константинополе. Невозможно перечислить все сообщения, назову некоторые. О. Брандт (Италия) показал роль Латеранского баптистерия в распространении октогонального типа и его античные истоки. На примере Равенны К. Рицциарди (Италия) раскрыла тему разнообразных многосторонних влияний. Ф.А. Бауер (Германия) рассказал о епископской базилике константиновской эпохи, которая недавно была раскопана в Остии. Сообщение Г. Бранденбурга (Германия) об архитектурной типологии Сан Стефано Ротондо основывалось на многолетних архитектурно-археологических исследованиях этого крупного римского памятника. Р. Остерхут (США), известный своими работами о византийской архитектуре Константинополя и пещерных комплексов Каппадокии (некоторые читатели помнят, вероятно, его лекции в Москве), на этот раз сделал сообщение о раскопках церкви в Имбросе, одном из Эгейских островов. Э. Марин (Хорватия) ведет раскопки памятника, давно известного как "basilica discoperta" в Марусиняке, в окрестностях Сплита. Автор показал, что эта церковь имела перекрытие, кроме того, здесь были открыты надписи, саркофаги и др.

Несколько сообщений содержали новую информацию о литургических устройствах и обычаях. П. Шевалье (Франция) показала,

[9] *Frend W.H.C.* The Archaeology of Early Christianity. A History. Bodmin, Cornwall, 1996. Книга о. У. Френда дает обширную и суховато изложенную историографическую сводку (хотя и неполную, особенно когда речь идет о России и других странах Восточной Европы). Что же касается работы монс. проф. В. Саксера, это увлекательный рассказ о пути христианской археологии, увиденном и прочувствованном "изнутри" видным представителем римской традиции: *Saxer V.* Cent ans d'archéologie chrétienne // Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christanae. I / Ed. N. Cambi, E. Marin (Studi di Antichita Cristiana LIV, Vjesnik za arheologiju i istoriju Dalmatinsku Suppl., vol. 87). Cittá del Vaticano-Split, 1998. P. 115–162.

что в церквах Адриатики, включая Истрию, Далмацию, Равенну, амвоны появились в VI–VII вв., возможно, под влиянием Константинополя. Х. Гольдфус (Израиль) обобщил большой археологический материал о гробницах и погребальных зонах в церквах и монастырях византийской Палестины, особенно района Негева. П. Фигуэрас (Израиль) исследовал типологию и символизм замковых камней сводчатых могил в Палестине, использовав новые материалы своих раскопок церкви в Хорват Каркур Иллит. Е. Ястребовская (Польша) изучила четырехколонное сооружение IV–V вв. в Эфесе, определив его черты в следующих выражениях: римская идея, константинопольский декор, местное исполнение.

Саркофаги Рима и Константинополя, их производство и экспорт, датировки – сюжет сообщения Ю. Дрескен-Вайланд (Германия), автора многих работ на эту тему. А. Ялчин (Турция) рассказала о подготовке каталога византийской скульптуры, хранящейся в музее Изника-Никеи, подробно рассмотрев типологию и хронологию капителей, плит и др. изделий из проконнесских мастерских. Е. Халкиа (Греция) изучает скульптурный декор базилик Никополиса, столицы провинции Старый Эпир. Р.М. Карра Бонаказа (Италия) исследовала нильские темы в мозаиках церквей Киренаики, показав, что на Востоке эти мотивы появились позже, чем в Италии и Северной Африке. Произведения прикладного искусства из слоновой кости и драгоценных металлов послужили темой сообщений М. Чичиковой (Болгария) и Д. Пиге-Панайотовой (Франция). К. Снивли (США) избрала интересную и трудную тему: особенности развития кладбищенских зон в "старом Риме и новом Константинополе". Здесь исследователь сталкивается с досадной скудостью сведений о некрополях византийской столицы, в то время как обширные кладбища Рима интенсивно изучаются в течение нескольких столетий.

На секции "История культуры" В. Битракова-Грозданова (Македония) показала особенности развития города Лихнида, важного епископского центра на Балканах, в котором изучено 8 базилик, украшенных мозаиками и скульптурой. В. Лунгу (Румыния) исследовал сложный вопрос об евхаристии у первых христиан Малой Скифии, привлекая для анализа росписи гробницы Томиса и сравнивая их с изображениями в катакомбах. Н. Готье (Франция) на секции эпиграфики рассказала о результатах изучения Салоны, где сохранилось свыше тысячи латинских и греческих позднеантичных надписей, при этом многие из них содержат даты.

На последних конгрессах по христианской археологии сложился обычай сообщения о новых открытиях выделять в особую секцию "Novitates", которая всегда привлекает внимание участников. В. Фьокки-Николаи (Италия) рассказал о раскопках подземного погребального сооружения "Рома Векья" неподалеку от древней Латинской дороги. Ф. Ореб и Т. Рисмондо (Хорватия) изучают базилику в Сплите. Я. Чус-Руконич (Хорватия) – архитектурную скульптуру церквей островов Крес и Лошинь в Адриатике. А. Милчева (Болгария) показала новые материалы о раскопках базилики в деревне Ореше в Западных Родопах. Е. Попеску рассказал о проникновении христианства в Румынию, основываясь на недавно открытых данных.

Особый интерес вызвали сообщения о хорошо известных городах христианского Востока. Шт. Вестфален (Германия) рассказал о раскопках Резафы (Сергиополиса) в Сирии, где изучалась система дорог, топография города и его превращение из римского военного лагеря в центр культа св. Сергия. Б. Бренк, К. Эгги, Г.-Р. Мейер (Швейцария) сделали сообщение об изучении кафедрального комплекса в Герасе (Джераш) в Иордании, где археологи открыли строительные остатки разных периодов, от античной эпохи до VIII в. В городе Аполлония-Арзуфа И. Ролль (Израиль) открыл церковь, а также торговые и ремесленные кварталы. И. Цафрир (Израиль), который уже давно раскапывает город Скифополис (совр. Бет Шин), продемонстрировал находки глиняных штампов-евлогий с изображением "Поклонения Волхвов" и других сцен. Сюжет сообщения В.Н. Залесской (Санкт-Петербург) – неизданные эрмитажные интальи IV–VI вв. с христианскими сценами. Ю.А. Пятницкий (Санкт-Петербург) рассказал о раннехристианском реликварии из коллекции Петра I, некогда купленном русским послом в Риме.

На венском конгрессе впервые широко были представлены Крым и Херсонес, которые многие десятилетия были и остаются важной областью отечественной византийской и раннехристианской археологии. В последние годы Херсонес стал открытым городом, здесь совместно с украинскими и российскими археологами работает несколько зарубежных миссий, в том числе и австрийские коллеги. Отмечу, в частности, что Андреас Пильц, деятельный и гостеприимный секретарь конгресса, опубликовал обстоя-

рукопись моих беззаконий и губкой Твоего милосердия сотри ужасные мои прегрешения!".

Такие страстные речи возносил разбойник, исповедуясь в течение многих часов и вытирая слезы своим платком[9], [а потом] испустил дух, как рассказали те, кто лежал поблизости от него. А один благочестивый врач[10], надзиравший над этой больницей, почивал [тогда] в своем доме. Был он праведен и боялся Бога. В тот самый час, в который скончался разбойник, увидал этот врач во сне, как к ложу разбойника пришли какие-то многочисленные эфиопы со множеством хартий, содержавших прегрешения разбойника[11], а потом – два светозарных мужа. Затем принесли весы[12], и когда эфиопы положили на них все рукописи [с перечислением грехов] разбойника, одна чаша весов опустилась вниз, а вторая поднялась высоко вверх. И говорят два светлых ангела: "После этого нечего нам тут делать". И один обратился к другому: "Что [еще] могли мы получить? Ведь не прошло и десяти дней, как он пришел из шайки и [прекратил] свои убийства – что хорошего мы ждем от него?" И с этими словами они пустились шарить в его постели, пытаясь найти хоть что-нибудь доброе. И один из них, найдя платок, которым разбойник утирал слезы, сказал товарищу: "Воистину, у нас здесь нет ничего другого, кроме платка, пропитанного его слезами. Давай положим его на вторую чашу весов, а с ним и человеколюбие Божье, и вообще – будь с ним что будет". И лишь только возложили они его на поднявшуюся чашу весов, как вдруг она опустилась, а все те хартии, что лежали на второй чаше, расточились. И воскликнули ангелы в один голос, говоря: "Человеколюбие Божье победило!" И взяв душу разбойника, они увели ее с собой, а посрамленные эфиопы бежали с причитаниями.

Увидев все это, добродетельный врач проснулся и, надев плащ, бегом побежал в больницу[13]. Подойдя к постели разбойника, он нашел его тело еще теплым, а душу ушедшей к Господу. Его платок покоился на его глазах, весь пропитанный слезами. Узнав от тех, кто лежал рядом, о той исповеди, которую принес Богу разбойник, [врач] взял платок и вошел с ним к благочестивейшему императору[14]. Он показал его и рассказал о тех чудесах, которые услышал от больных и увидал во сне. И так сказал врач царю: "Возблагодарим Бога, о благочестивейший владыка! [Раньше] мы слыхали о разбойнике, спасшемся через исповедь у креста Царя небесного – а [теперь] видим разбойника, спасшегося через исповедь перед властью царя земного[15]".

Веруем мы, что все это истинно. И все же, лучше заранее ждать страшного мига смерти и готовить себя путем покаяния. Ведь сколько людей, скажи мне, были похищены [смертью] внезапно, не успев ни слова молвить, ни заплакать. И кто тебе удостоверит, что в этот час у тебя найдется столько слез, чтобы принести их Богу, сколько принес тот разбойник? Поэтому давайте не будем ни медлить, ни ждать, чтобы исповедаться Богу в момент смерти, но скорее явимся к исповеди с упреждением. Я написал это не для того, чтобы ослабить ваши души, но чтобы пробудить, не для того, чтобы сделать вас более легкомысленными, но – более бодрыми[16].

---

[9] Слово φακιόλιον употребленное в нашем тексте, обычно означает тюрбан. Ср.: *Sophocles S.V.* Тот же смысл безусловно подразумевается во втором, несколько отличном от нашего, изводе данной истории: там этот предмет назван κεφαλῆς περικάλλυμα или κεφαλόδεσμον (см.: PG. Col. 1141). То есть, речь должна идти о своего рода ночном колпаке. Однако не исключено, что в нашей версии подразумевалось едва отличимое от первого слово φακιόλης, обозначавшее носовой платок, от латинского facies – "лицо". Ср. в словаре Суда: φακιόλιον ἢ σουδάριον (Σ. 429).

[10] Должность ἀρχιατρός ("главный врач") существовала еще в античности. Юстиниан перевел таких врачей из муниципального ведомства на бюджет больниц. Главный врач подчинялся лишь директору больницы, ксенодоху, и имел в подчинении целый штат обычных врачей, служащих и медбратьев, см.: *Miller T.S.* The Birth of the Hospital... P. 4, 48, 148.

[11] Мотив посмертного суда как бюрократического прения, в котором участвуют ангелы и бесы со списками всех прижизненных грехов человека, получил развитие в житиях Василия Нового и Андрея Юродивого, а также в Видении Анастасии. Можно предположить, что наша "душеполезная история" является самым ранним образчиком этой загробной бюрократии.

[12] Образ весов, на которых взвешивают грехи умершего, появляется еще у Василия Великого (Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1755–1756), однако графическое воплощение этот мотив получает гораздо позднее – в сценах "Страшного Суда" в росписях св. Стефана в Кастории (X в.) и Торчелло (XI–XII вв.).

[13] По всей видимости, дом главврача мыслился как расположенный поблизости от больницы. О бытовой стороне жизни главврача больницы Самсона не сохранилось никаких данных, но про больницы Христодота и Пантократора нам известно, что там главных врачей было по два и они работали посменно, через месяц, ср.: *Miller T.S.* The Birth of the Hospital... P. 153.

[14] Должность главного врача не считалась слишком высокой, и, согласно церемониальной книге Философа, таковые встречались с императором всего раз в году (*Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IX et X siècles. P., 1972. P. 183.13).

[15] Любопытно, что все герои рассказа являются светскими лицами. Возникшие в X в. Чудеса св. Сампсона, описывающие будни этой же больницы, также не упоминают ни о каких монахах, см.: *Miller T.S.* The Birth of the Hospital... P. 127.

[16] Вариант окончания, опубликованный Минем, содержит смысловую привязку к посту по случаю коего была произнесена та проповедь, в которую вставлена наш "душеполезная история", см.: PG. Col. 1115.

сыном сестры родного дяди Михаила III, т.е. приходился императору двоюродным братом. Выступление И.Н. Попова "Заговор Анны Комнины 1119 г." было посвящено проблеме развития политического режима Византии в эпоху династии Комнинов. В нем был рассмотрен один из важных эпизодов в процессе становления государственной власти и идеологии династии, ее отношений с аристократическими кругами Византии. Н.Г. Пашкин (Екатеринбург) посвятил свой доклад "Вселенский собор как предмет греко-латинской полемики первой половины XV века" вопросу о византийско-латинской полемике относительно категории Вселенского собора на Базельском соборе (30-е годы XV в.), которая проистекала из разного понимания самой природы собора: классической имперско-византийской концепции и западной, рассматривавшей Вселенский собор сквозь призму национального представительства.

Несколько сообщений были посвящены исследованию различных аспектов византийской литературы. М.А. Харитонова в своем докладе "Литературное и фольклорное у Продолжателя Феофана" проанализировала соотношение этих двух категорий в важнейшем произведении византийской историографии, переходном от так называемых "темных веков" к Македонскому Ренессансу памятнике. В работе Д.А. Черноглазова (Санкт-Петербург) "Краткая история Пселла: проблема источников" перечисляются предположительные источники этого историко-литературного памятника и рассматриваются художественные приемы автора при переработке материала источника. Заимствуя исторический материал из хроники, Пселл использовал различные приемы: в некоторых главах сохраняя структуру источника – имперской хроники, а в других случаях избирая лишь немногие сведения, как правило, имеющие то или иное отношение к главному герою-императору, зачастую нарушая хронологический принцип изложения исторических событий и разрывая при этом смысловые связи источника. По истории византийской гимнографии было прочитано три доклада: В.В. Василика (Санкт-Петербург) "Проблема происхождения канона: однопеснец и двупеснец", А.Ю. Никифоровой "Акафист ко Пресвятой Богородице в византийском богослужении" и Н.С. Чалкиной "Ямбические каноны Иоанна Дамаскина". В первом выступлении было отмечено, что однопеснец, в форме нескольких различных припевов на библейской песне, впервые появившийся в "Апокалипсисе" (Ап. 16, так называемая "песнь Агнца") и в ветхозаветной книге "Исхода" (Исх. 15, песнь Моисея), существовал вплоть до середины V в. (тропари прп. Авксентия Вифинского). В 30-е годы V в. в Палестинское богослужение входит песнь Богородицы с припевами – тропарями, и так формируется двупеснец, и только затем появляются трех-, четырех- и девятипесненные каноны. В докладе А.Ю. Никифоровой были прослежены особенности употребления Акафиста ко Пресв. Богородице в греческой литургической практике византийского и поствизантийского периодов.

Лексикологические доклады М.О. Астрахановой "Понятие παῤῥησία у античных и византийских авторов" и А.О. Богдановского "Семантика слова ἀθλοφόρος" базировались на анализе употребления этих слов в многочисленных контекстах византийской литературы по компьютерной версии Thesaurus Linguae Graecae и словарям греческого языка византийского периода. В античный период παῤῥησία была качеством свободного человека, правом безбоязненно говорить перед людьми и богами. В византийском сознании παῤῥησία представляет собой Божий дар; потерянный человеком при грехопадении, вновь его обрести могли только праведники. В агиографии святой всегда говорит с дерзновением (μετὰ παῤῥησίας), подтверждая тем самым свою святость. Это значение развивают и раннехристианские авторы. Но уже в поздневизантийскую эпоху слово приобретает значение дерзновения говорить перед императором. Эпическое слово ἀθλοφόρος, употреблявшееся в античности в узком значении и обозначавшее победителя в состязаниях, в трудах христианских авторов приобрело новое терминологическое значение "мученик" и свободу употребления в рамках широкой метафоры, описывающей путь духовной борьбы и, конкретнее, путь мученичества в категориях античного агона. В докладе А. Адабашьян «Эллинизмы в "Повести о Царьграде" (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера» проанализированы кальки, заимствования, огласовки имен и названий, взятые из греческого языка, в связи с этим выявлено несколько пластов текста и высказано предположение относительно авторства "Повести". Д.К. Туманская (Санкт-Петербург) в своем сообщении "Некоторые особенности функционирования турцизмов в новогреческом языке (в сопоставлении с болгарским)" выделила определенные языковые стили (разговорный стиль, арго, обиходные слова) и семантические сферы лексических заимствований, в которых именно эти заимствования являются самыми частыми: дом, домашняя утварь; одежда и все, что с ней связано, аксессуары; еда и питье; человек и его семья; военное дело, администрация; искусство и ремесла.

В своем докладе "Художественная природа византийской агиографии (тенденции изучения)" А.А. Белозерова (Санкт-Петербург) показала, что именно этот аспект в последнее время стал одним из перспективных направлений в исследовании византийской житийной литературы. Среди основных тем автор доклада выделила изучение жанровой природы агиографии, ее связи с другими жанрами византийской литературы, устойчивых жанровых элементов, а также художественных особенностей житий (стиль, образы героев, композиция). В докладе О.Н. Заец "Житие святителя Стефана Сурожского как исторический источник о походе Руси на Византию" был рассмотрен круг вопросов, касающихся возникновения пространной славянской редакции жития и происхождения князя Бравлина, названного в славянской редакции "русским", датировки похода его дружины.

В выступлении М.А. Курышевой "Южноитальянские рукописи: к постановке вопроса" анализировались палеографические и кодикологические особенности греческих рукописей южноитальянского происхождения X в., было высказано обоснованное сомнение в их окончательной локализации, существующей в историографии.

Византийскому искусству на этот раз было посвящено всего два доклада: Н.В. Герасименко "Греческие иконы XVIII в. из собрания Церковно-археологического кабинета Московской Духовной Академии. Проблемы датировки и атрибуции" и А.С. Преображенского "Донаторский портрет киевского митрополита Киприана в контексте византийской традиции", который интерпретировал донаторский портрет митрополита Киприана на иконе "Спас на престоле" из Успенского собора Московского Кремля. Пренебрежение этим важным памятником связано с проблемой его сохранности, поскольку его первоначальная живопись (если она вообще сохранилась) находится под слоем записи 1700 г. Изучение же письменных источников, вписывающихся в круг текстов XIV в., пространной молитвенной надписи на полях иконы и иконографических особенностей позволяют констатировать связь с искусством палеологовской эпохи и заставляют считать достоверным сообщение древнейшей описи Успенского собора, согласно которой к ногам Христа припадает именно митрополит Киприан.

"Новогреческие" доклады так же, как и византийские, можно разделить на литературоведческие и лингвистические. В сообщении Ю.С. Субботиной "Жертвоприношение Авраама: библейский сюжет и его трактовка у В. Корнароса" произведение этого средневекового критского поэта характеризуется как религиозная драма, рассмотрены влияния итальянской литературы Возрождения (новые для греческой литературы психологические типы), бытовые и социокультурные черты жизни Крита XVII в., привнесенные автором в интерпретацию ветхозаветного сюжета. Отдельные моменты взаимовлияния русской и греческой литературы были проанализированы в докладах Е.А. Сартори "Россия в творчестве А. Эмбирикоса" и А.О. Ковалевой "Костас Тахцис и Лев Толстой. К вопросу о творческом влиянии". Целью сообщения А.Б. Борисовой "Эволюция одиннадцатисложника (пятистопного ямба) в новогреческой поэзии XVI–XX веков" было изложение ее выводов о попытке применения дискриптивного метода математической статистики, разработанного славянским стиховедением, для анализа стихотворных произведений греческой литературы.

Большая часть докладов касалась языковых явлений. В исследовании Д.В. Егоровой "Кафаревуса. Истоки и цели в трудах А. Кораиса" отмечено, что на взгляды этого языковеда повлияли идеи французского просвещения. В решении им языковой проблемы находит отражение двойная ориентация на западную и античную культуры, приведшая к провозглашению древнего языка образцом и архаизации народного языка. А.А. Лукина (Санкт-Петербург) в докладе "Диглоссия и проблемы фонологии новогреческого языка" показала существование двух фонологических систем, находящихся на разных стадиях развития, которые безусловно постоянно интерферируют между собой, что значительно усложняет выделение единого репертуара фонем для новогреческого языка, а может быть, даже ставит под вопрос возможность его выделения в данном случае. Особо стоит отметить одно из интереснейших выступлений К.А. Пономаренко "Опыт изучения мифологических персонажей в Мани", сделанное на основе фольклорной экспедиции. Мифологическая традиция Мани представляет собой часть общегреческой мифологической традиции, уходящей корнями в

древнегреческую мифологию и претерпевшей большое влияние христианства. Так, самым распространенным способом избавления от демонов, которые подразделяются на демонов, определяющих судьбу (οι Μοίρες), духов жилища (το στοιχειό, το φίδι), водоемов и гор (οι Νεράιδες, οι Γοργόνες, ο μακρόχειρας Αράπης), души покойников (ο βρεκόλακας, φουσάτα, αερικά), появляющиеся в период от Рождества до Крещения (Καλικαντζαραίοι), является крест. Также мифологическим и фольклорным сюжетам были посвящены материалы, подготовленные О.А. Бакулевой в докладе "Мифологические истоки греческих баллад (παραλογές)"и Е.В. Цветковой – "Греческий фольклор и песни Ребетика".

Ряд докладов был посвящен проблемам новой и новейшей истории Греции, а именно – Е.В. Жуковой "Россия и греческая Церковь в XVIII в.", М. Свинцова "Малоазийская катастрофа (1919–1923)", М. Рукомойниковой "Новый экономический курс правительства Константина Караманлиса в Греции. 1956–1963 гг.", А. Прокопчука «Формирование концепции "третьего пути" в работах А. Папандреу», Е.Г. Круговой «Греция в период режима "черных полковников" по материалам архива МИД РФ».

В издательстве "Индрик" готовится сборник статей конференции.

А.Ю. Никифорова

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Иванов

"ДУШЕПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ" О РАСКАЯВШЕМСЯ РАЗБОЙНИКЕ (*BHG*, 1450 m)

В Синодальной греческой рукописи ГИМа № 296 (Владимир 483), созданной в XVI в., содержится весьма обширная антология "душеполезных историй" (л. 367–394). Под номером 10 в этой антологии фигурирует рассказ, поименованный в указателе Ф. Алькэна Bibliotheca Hagiographica Graeca "De latrone converso" (№ 1450 m)[1]. В центре повествования – знаменитая константинопольская больница Самсона, однако характерно, что ни сам святой Самсон, покровитель этой больницы, ни даже кто бы то ни было из духовных лиц не фигурирует в рассказе. Можно заметить также, что финал новеллы находится в резком противоречии с ее основным смыслом: мораль основной части в том, что даже самый страшный преступник может спастись, если покается хоть перед смертью – писателю же, составившему послесловие, такой "экстремизм" не очень нравится. Он предпочитает более традиционные пути спасения души. Действие отнесено к концу VI в., быть может, рассказ сложился в Константинополе в первые десятилетия VII в., когда в моде были повести о нетрадиционной святости, а культ императора Маврикия всячески пропагандировался Ираклием.

История эта была известна Анастасию Синаиту, автору проповеди на Шестой псалом (CPG, 7751)[2]. Известны два варианта данной проповеди, близкие друг другу, но все же достаточно различающиеся, чтобы их невозможно было считать рукописными. Обе проповеди опубликованы в 89-м томе Миневой Patrologia Graeca. "Душеполезная история" из московской рукописи № 296 весьма близка к первому из опубликованных у Миня вариантов. К сожалению, издатель XIX в. не сообщил, по какой именно рукописи публикуется текст, ограничившись замечанием, что издает его "ex Regio codice"[3].

Поскольку широко известно, что под именем Анастасия Синаита скрывается несколько авторов, писавших в разное время, от VII до IX в.[4], нельзя с уверенностью говорить, когда именно наша история была записана в своей нынешней форме. В принципе, стилистика повествования напоминает Павла Монемвасийского и авторов его круга[5], да и встречающиеся в рассказе мотивы взвешивания грехов на весах и записывания их бесами на специальных хартиях похожи на агиографические тек-

[1] Согласно Алькэну, эта же история содержится в рукописях Cod. Vatic. 1510, написанной в 1431 г., и с несколько иным окончанием в Cod. Hieros. Sab. 223, XIV в.

[2] В "Пандектах" Никона Черногорца (мы судим лишь по славянскому переводу в издании Почаевской лавры 1795 г.: Слово 52, л. 428–429), где приводится наша "душеполезная история", ее авторство также приписывается Анастасию Синаиту.

[3] Anastasii Sinaitae Homilia dicta in Sextum Psalmum // PG. 89. Col. 1078.

[4] См.: Εγκυκλοπαιδικό προσωπογραφικό λεξικό Βυζαντινῆς ιστορίας και πολιτισμοῦ / Εκδ. Α.Γ.Κ. Σαββίδης. Τ.Β'. Αθῆναι, 1997. Σ. 150–151 и литература.

[5] *Wortley J.* Les récits édifiants de Paul évêque de Monembasie, et d'autres auteurs. P., 1987. P. 18–25.

ты средневизантийского периода. Но можно ли на таких косвенных основаниях троить датировку – сказать трудно.

Новелла о разбойнике была популярна в переводной славянской письменности. Она фигурирует уже в древнейшем Прологе № 1329 Софийского собрания XII–XIII вв.) под 17 октября, л. 205–206. Ниже эта любопытная новелла публикуется по московской рукописи, с вариантами по изданию Миня (М). Орфография нормализована, оговариваются лишь отдельные отклонения от нормы.

(fol. 388v)

Ἐπὶ Μαυρικίου τοῦ* βασιλέως ἐγένετό τις ἀρχιλῃστὴς ἐπι** τὰ μέρη τῆς Θρᾴκης. ὡμὸς καὶ ἀπάνθρωπος καὶ τοιοῦτος ἦν ὡς καὶ τὰς ὁδοὺς ἐκείνας ἀβάτους πεποίηκε***. τοῦτον χειρώσασθαι (fol. 389) πολλῶν στρατιωτῶν καὶ στρατηγῶν**** πάσῃ μηχανῇ ἐπιχειρησάντων, καὶ μὴ δυνηθέντων, ἀκούσας τοίνυν***** ὁ θειότατος βασιλεὺς Μαυρίκιος διά τινος νεανίσκου παιδὸς τὰ ἴδια φυλακτὰ ἀπέστειλε καὶ ἐγκόλπια[1*] τῷ ἀρχιλῃστῇ λόγον καὶ ὅρκον αὐτῷ διδούς[1**]. ὁ δὲ ἀρχιλῃστὴς κατ' ἐνεργείαν[1***] Θεοῦ αἰδεσθεὶς τὸν λόγον τοῦ βασιλέως καὶ[1****] ἀποβαλὼν τὸ ἔθος τὸ λῃστρικὸν, ἐν πραΰτητι προβάτου δίκην[1*****] κατελθὼν τοῖς[2*] ποσὶ τοῦ βασιλέως μετ' ἐξομολογήσεως προσέπεσεν. εἶτα μικρῶν ἡμερῶν τινων[2**] διελθουσῶν καὶ[2***] εἰς ἀσθένειαν ὁ λῃστὴς πυρεκτικὴν περιπεσὼν ἔκειτο ἐν τῷ νοσοκομείῳ τῷ λεγομένῳ τοῦ Σαμψὼ[2****] καὶ χρησάμενος οἰνοποσίῳ[2*****] εἰς φρενητικὴν ἔκστασιν περιέπεσεν[3*], εἶτα ἀνανήψας καὶ εἰς ἑαυτὸγ ἐλθὼν καὶ[3**] καταλαβούσης λοιπὸν τῆς νυκτὸς, ὡς[3***] εἶδεν ἑαυτὸν βαρούμενον καὶ τοῦ βίου πάντως ἐξερχόμενον[3****] εἰς οἰκεσίαν τοῦ πανοικτίρμονος Θεοῦ ἐτρέπετο σὺν δάκρυσιν ἐξομολογούμενος καὶ συγχώρησιν (389 v) τῶν αὐτοῦ ἁμαρτιῶν[5*****] αἰτούμενος καὶ λέγων "Οὐ ζητῶ τι ξένον παρὰ σοῦ, φιλάνθρωπε[6*], ὅσα γάρ σοι δι' ἐξομολογήσεως ὁ λῃστὴς ὁ πρὸ ἐμοῦ[6**], οὕτως καὶ εἰς ἐμὲ[6***] θαυμάστωσον τὰ ἐλέη σου τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ[6****], καὶ δέξαι μου τοῦτον τὸν ἐπὶ θάνατον[6*****] κλαυθμὸν ἐν τῇ κλίνῃ[7*] καὶ ὡς ἐκείνους τούς περὶ[7**] τήν ἐνδεκάτην ὥραν μηδὲν ἄξιον ἐργασαμένους, οὕτως κἀμοῦ τὰ πικρὰ ταῦτα καὶ[7***] μικρὰ δάκρυα καθαίρων με καὶ βαπτίζων ἐν αὐτοῖς[7****] ἐνθανάτιον τήν[7*****] συγχώρησιν ὡς βάπτισμα παράσχου[8*] μὴ ἀπαιτῶν τι[8**] πλέον, οὐ γὰρ παρέχει[8***] ἡ ὥρα, τῶν ἐκσπιλευτῶν μου ἐγγισάντων, ἀλλὰ μὴ ἀντιτείνῃς ἢ[8****] στιβαρήσῃς οὐ γὰρ εὑρήσῃς[8*****] ἐν ἐμοί τι[9*] ἀγαθὸν. προκατέλαβόν με γὰρ αἱ ἀνομίαι μου καὶ[9**] πρὸς ἑσπέραν ἐφθάσθην κακῶς[9***] ὅτι ἀμύθητά μου τὰ χρέη. ἀλλ' ὡς ἐδέξου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου[9****] τὸν πικρὸν[9*****] κλαυθμὸν, οὕτως πρόσδεξαι[10*] καὶ τὸν ἐμὸν, φιλάνθρωπε, ἐπιχέων[10**] ταῦτα τὰ δάκρυα ἐπὶ τὸ τῶν ἀνομιῶν[10***] μου χειρόγραφον καὶ τῷ σπόγγῳ τῆς εὐσπλαγχνίας σου ἐξαλείφων τὰ ἀνήκεστα[10****] μου πλημμελήματα".

ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐπὶ πλείστας ὥρας ὁ λῃστὴς ἐξομολογούμενος καὶ τῷ ἰδίῳ φακιολίῳ τὰ δάκρυα ἐκμάσσων παρέδωκε τὸ πνεῦμα, καθὼς οἱ πλησίον αὐτοῦ κοιμώμενοι διηγήσαντο. ἀρχιατρὸς δέ τις εὐλαβὴς ὁ[10*****] ἐκεῖνον τὸν ξενῶνα[11*] ἐπισκεπτόμενος ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ καθεύδων δίκαιος καὶ φοβούμενος τὸν Θεὸν[11**] ὅρα[11***] κατ' ὄναρ κατ' αὐτὴν τὴν ὥραν ἐν ᾗ ὁ λῃστὴς ἐτελεύτησε, τινὰς Αἰθίοπας πολλοὺς ἐλθόντας πρὸς τὴν κλίνην τοῦ λῃστοῦ μετὰ πλείστων χάρτων περιεχόντων τὰ ἁμαρτήματα τοῦ λῃστοῦ, εἶτα καὶ δύο τινὰς φωτεινούς ἄνδρας. ἤνεγκαν οὖν ζυγὸν καὶ[11****] βαλόντων τῶν Αἰθιόπων ἅπαντα[11*****] τὰ χειρόγραφα τοῦ λῃστοῦ, κατεβάρησεν[12*] ἡ μία πλάστιγξ, ἡ δὲ ἑτέρα ἐφ' ὑψηλοῦ[12**] ἦν ἀνακεκουφισμένη. λέγουσι οὖν οἱ δύο τοῦ φωτὸς ἄγγελοι "εἶτα ἡμεῖς οὐδὲν ἔχομεν ὧδε". λέγει ὁ ἕτερος[12***] πρὸς τὸν ἄλλον "τί ἔχομεν ἐχειν; οὔπω δεκάτην ἡμέραν ἔχει ἐλθὼν ἐκ τοῦ λῃστηρίου (fol. 390 v.) καὶ τῶν φόνων αὐτοῦ καὶ τὶ ἀγαθὸν ζητοῦμεν ἐκ τούτου"; καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον προσεποιήσαντο[12****] τὸ ψηλαφᾶν ἐν τῇ κλίνῃ αὐτοῦ ὅπως[12*****] εὕρωσι καὶ αὐτοί τι ἀγαθὸν. καὶ εὑρὼν ὁ εἷς τὸ φακιόλιον αὐτοῦ[13*] ἔνθα τὸν κλαυθμὸν ἐξήμεσε[13**], λέγει πρὸς τὸν ἑταῖρον[13***] αὐτοῦ "ὄντως οὐδὲν ἕτερον ἔχωμεν ὧδε, εἰ μὴ[13****] τὸ φακιόλιον τῶν δακρύων αὐ-

---

* τοῦ τῶν Χριστιανῶν
** περὶ
*** ἐποίησε
**** λῃστοδιωκτῶν
***** om. M
1* ἐγκόλφια cod.; om. M
1** λογόν – διδούς om. M
1*** ἀπέστειλε τῷ ἀρχιλῃστῇ καὶ ὥσπερ ἐξ ἐνεργείας
1**** om. M
1***** δίκην προβάτου
2* ἐν τοῖς
2** τινων ἡμερῶν
2*** om. M
2**** τῶν Σαμψὼν cod.
2***** οἰνοποσίου cod.
3* μετέπεσεν
3** om. M
3*** ἤδη ὥς
3**** καὶ – ἐξερχόμενον om. M
3***** ἁμαρτημάτων
6* Δέσποτα φιλάνθρωπε
6** ὅσα – ἐμοῦ cod. ὡς γὰρ εἰς ἕνα τῶν πρὸ ἐμοῦ λῃστῶν M
6*** εμὲ τὸν λήστην
6**** τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ om. M
6***** ἐπιθανάτιον
7* κλαυθμὸν ὃν ἐν τῇ κλίνῃ κατακείμενος ποιοῦμαι
7** μετά
7*** πικρὰ ταῦτα καὶ om. M
7**** om. M
7***** ἑαυτοῖς cod.
8* om. M
8** μέ τι
8*** ἔχει
8**** μὴ
8***** οὐ γὰρ εὑρήσῃς om. M
9* τό
9** om. M
9*** φθάσαντα καλῶς
9**** ἀποστόλου σου
9***** πικρότατον
10* πρόδεξαι cod.
10** ἐπιχέον μου cod.
10*** ἁμαρτιῶν
10**** ἀνείκαστα
10***** εὐλαβης ὁ om. M
11* ξενόνα cod.
11** δίκαιον – Θεόν om. M
11*** ὁρᾷ
11**** om. M
11***** πάντα
12* ἐκατεβάρησεν cod.
12** ὕψους
12*** εἷς
12**** προσεποίησαν cod.
12***** εἴ πως
13* om. M
13** ἐξέμασσεν ὁ λῃστής
13*** ἕτερον cod.
13**** οὐδὲν – μὴ om. M

τοῦ[13*****]. ἀλλὰ βάλωμεν αὐτὸ[14*] εἰς τὴν ἑτέραν πλάστιγγα καὶ τὴν φιλανθρωπίαν τοῦ Θεοῦ σὺν αὐτῷ, καὶ[14**] πάντως γένηται αὐτῷ[14***] τί ποτε". καὶ ὡς μόνον ἔβαλον αὐτὸ[14****] εἰς τὴν πλάστιγγα τὴν ἀνακεκουφισμένην κατεβάρησεν ἐξαίφνης[14*****] καὶ ἐσκορπίσθησαν ὅλα τὰ χειρόγραφα τὰ ὄντα εἰς τὴν ἄλλην πλάστιγγα καὶ ἐβόησαν μιᾷ φωνῇ οἱ ἄγγελοι λέγοντες "ἐνίκησεν ἡ φιλανθρωπία τοῦ Θεοῦ[15*]". καὶ λαβόντες τήν ψυχὴν τοῦ λῃστοῦ ἀπήγαγον αὐτὴν μεθ' ἑαυτῶν, οἱ δὲ Αἰθίοπες ὀλολύξαντες[15**] ἔφυγον κατησχυμμένοι[15***].

καὶ ταῦτα ἰδὼν ὁ ἰατρὸς ἐκεῖνος ὁ ἐνάρετος[15****] ἔξυπνος γενόμενος εὐθὺς ἐνεδύσατο τὰ ἱ(fol. 391)μάτια αὐτοῦ καὶ δρομαῖος εἰσῆλθεν[15*****] εἰς τὸν ξενῶνα καὶ ἐλθών εἰς τὴν κλίνην τοῦ λῃστοῦ εὗρε τὸ μὲν[16*] σῶμα αὐτοῦ σχεδὸν ζέον[16**], τὴν δὲ ψυχὴν αὐτοῦ ἀπελθοῦσαν πρὸς Κύριον, τὸ δὲ φακιόλιον αὐτοῦ[16***] ἐπὶ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ κείμενον γέμον[16****] τῶν[16*****] δακρύων. καὶ δὴ μαθὼν παρὰ τῶν πλησίον[17*] κοιμωμένων[17**] τὴν ἐξομολόγησιν ἣν ἐποιήσατο ὁ λῃστὴς πρὸς τὸν Θεὸν λαβὼν τὸ φακιόλιον εἰσῆλθε πρὸς τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα, δεικνὺς αὐτὸ[17***] καὶ διηγούμενος ἅπερ ἐκ τῶν κοιμωμένων ἀκήκοεν καὶ ὅσα ἐν ὀνείρῳ εἶδε θαυμάσια[17****] λέγων ὁ ἰατρὸς[17*****] τῷ βασιλεῖ οὕτως[18*] "εὐχαριστοῦμεν τῷ Θεῷ εὐσεβέστατε δέσποτα ἠκούσαμεν λῃστὴν σωθέντα δι' ἐξομολογήσεως ἐπὶ τοῦ σταυροῦ τοῦ οὐρανίου βασιλέως καὶ ἴδωμεν λῃστὴν σωθέντα δι' ἐξομολογήσεως ἐπὶ τοῦ κράτους τοῦ ἐπιγείου βασιλέως[18**]".

καὶ[18***] πιστεύωμεν ἀληθῆ εἶναι. ὅμως καλόν τὸ[18****] προλαβεῖν τὴν φοβερὰν ὥραν τοῦ θανάτου (fol. 391v.) καὶ προετοιμάσαι ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας. πόσοι γὰρ, εἰπέ μοι, ἐξαίφνης ἁρπάζονται μήτε λαλῆσαι μήτε δακρύσαι[18*****] ἰσχύοντες, τίς δέ σοι[19*] καὶ ὁ ἀντιφωνῶν ὅτι εὑρήσεις τοσαῦτα[19**] δάκρυα τὴν[19***] ὥραν ἐκείνην τῷ Θεῷ προσαγάγαι[19****] ὅσα ὁ λῃστὴς ἐκεῖνος προσήγαγεν; διὸ μηδὲ ἀναμένωμεν[19*****], μηδὲ ἐκδεξώμεθα ἐν τῷ θανάτῳ τῷ Θεῷ ἐξομολογήσασθαι, ἀλλὰ μᾶλλον προφθάσωμεν τὸ πρόσωπον[20*] ἐν ἐξομολογήσει. οὐ γὰρ ἵνα χαυνώσω τὰς ὑμετέρας ψυχὰς ταῦτα συνέγραψα, ἀλλ'[20**] ἵνα διεγείρω, οὐχ ἵνα ἀμελεστέρους ἀλλὰ προθυμωτέρους ποιήσω[20***].

[13*****] αὐτοῦ ἦν
[14*] αὐτῷ cod.
[14**] εἰ cod.
[14***] om. M
[14****] αὐτῷ cod.
[14*****] om. M
[15*] Δεσπότου
[15**] om. M
[15***] καταισχυνόμενοι
[15****] om. M
[15*****] δρομαίως ἦλθεν
[16*] om. Cod.
[16**] ζέοντα cod.
[16***] om. M.
[16****] μεστόν
[16*****] τά cod.
[17*] πλησίων cod.
[17**] κειμωμένων ἐκεῖ cod.
[17***] αὐτῷ
[17****] κατ' ὄναρ ἐθεάσατο
[17*****] om. M
[18*] om. M
[18**] ἐπὶ – βασιλέως cod. ἐπὶ τῆς σῆς βασιλείας M
[18***] καὶ ταῦτα μὲν ἀκούοντες
[18****] τοῦ cod.
[18*****] δακρύσαι μήτε διαθήκην ποιῆσαι
[19*] σε
[19**] om. M.
[19***] μετὰ τὴν
[19****] προσαγαγεῖν

[19*****] μὴ ἀναμείνωμεν
[20*] πρόσωπον αὐτοῦ
[20**] ἀλλὰ μάλλον
[20***] ποιήσω post ἀμελεστέρους M ponit et addit: ὅπως ἐν τῷ σταδίῳ τῶν νηστειῶν καλῶς ἀγωνισάμενοι, στεφανῖται γενόμενοι, τῆς ἀφέσεως τῶν ἁμαρτιῶν καὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν ἀξιωθῶμεν* χάριτι καὶ φιλανθρωπίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μεθ' οὗ τῷ Πατρὶ δόξα, ἅμα τῷ ἁγίῳ καὶ ζωοποιῷ Πνεύματι, νῦν, καὶ ἀεὶ, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

Перевод

Жил во времена императора Маврикия один разбойничий атаман в области Фракии. Таким он был жестоким и бесчеловечным, что из-за него тамошние дороги сделались непроезжими. Многие воины и военачальники всячески старались поймать его, но не смогли. И вот прослышал [о нем] божественный император Маврикий и через одного молодого слугу послал атаману разбойнику свои личные ручательства и нательный крест, давая [тем самым] ему свое клятвенное слово. Усовестившись по Божьей воле слову царскому, тот отбросил разбойничий нрав и, усвоив овечью кротость, пал к ногам императора с исповедью. Потом, по прошествии немногих дней, охватила разбойника лихорадка, и он лег в больницу, называемую Сампсон[6]. [Там] его пользовали винопитием[7], он впал в исступление ума, а потом, когда уже спустилась ночь, опамятовал и пришел в себя. Видя себя в тяжелом состоянии, совершенно готовым уйти из жизни, он обратился к обиталищу всемилостивого Бога, со слезами исповедуясь и прося прощения за свои грехи. Говорил он: "Я не прошу у Тебя ничего чуждого [Тебе], Человеколюбче: ведь [я умоляю] ровно о том, что через исповедь [получил] у Тебя [евангельский] разбойник, который был до меня. Вот так же яви и мне свою удивительную жалость, по благоутробию Твоему, и прими от меня этот плач с предсмертного ложа. Ведь и те [евангельские, "работники] одиннадцатого часа" (Матфей 20, 1–13) не совершили ничего достойного – вот так же и от меня [прими] эти горькие скудные слезы и, очистив меня, окунув в них, предоставь мне предсмертное прощение, словно крещение. Не проси ничего больше, ибо нет у меня времени – охотники за моей душой[8] уже приближаются. Но не держи зла и не гневайся, ибо не найдешь Ты во мне ничего хорошего. Ведь "постигли меня беззакония мои" (ср. Псалмы 39,13), и плохо пришел я к закату моему, ибо несказанны долги мои. Но как принял Ты плач апостола Петра, окажи так же благосклонность и моему, Человеколюбче! Вылей эти мои слезы на

[6] Больница Самсона была одной из старейших и самых известных в Константинополе: она существовала с IV до XIV в. В VI в. Юстиниан расширил ее и превратил в крупное специализированное медицинское учреждение, осуществлявшее как амбулаторное лечение, так и стационирование больных, см.: *Miller T.S.* The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimor, 1985. P. 27–28, 80–81 etc.

[7] Винопитие считалось в византийской медицине важным лечебным средством, ср.: Pauli Aeginetae Epitomae. III, 5, 1; Actii Medici Iatricorum. VIII, 65; Alexandri Tralliani Therapeutica / Ed. T. Puschmann. Wien. 1963. Vol. II. P. 29. Можно предположить, что разбойник страдал желчехарканьем, ср.: Aetii Iatricorum. IX, 3.

[8] Слово Ἐκσπηλευτής (в нашей рукописи – ἐκσπιλευτής) – от латинского expellator – означало чиновника, занимавшегося взысканием недоимок, ср. Justiniani Novellae, 128. Cp. PG. Col. 1112, n. 28.

тельный обзор-синтез о раннехристианских церквах Херсонеса в одном из последних номеров нового венского журнала по христианской археологии[10]. С другой стороны, немало работ специалистов по античному и византийскому Крыму появляется в различных европейских изданиях. Крыму было посвящено заседание на секции истории церкви и истории. А.И. Романчук (Россия) сделала обзор свидетельств агиографических и археологических источников, которые могут подтвердить мнение о континуитете позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса. А.И. Айбабин (Украина) сделал обзор материалов некрополей, дающих сведения о распространении христианства в Крыму, самые ранние находки датируются III в. Интересно недавнее открытие В.М. Зубаря (Украина) на херсонесском некрополе у Карантинной бухты – склеп с росписями, в которых хорошо сохранились изображения павлинов и чаши. "Раннехристианские памятники Абхазии между Востоком и Западом" – тема сообщения автора этих строк.

Особая секция была полностью посвящена памятникам Австрии, здесь наиболее насыщена памятниками Альпийская зона.

Чтобы лучше использовать ограниченное время, организаторы конгресса применили новую форму презентации сообщений в виде постеров. Их авторы представили немало новых материалов, в частности, В. Петков (Болгария) – о недавно раскопанной трехнефной базилике с мозаиками в Сандански, Р. Ардеван (Румыния) – о памятниках провинции Дакия, Н. Гудеа (Румыния) – о начале христианства у дако-римлян в доконстантиновскую эпоху, Э. Энсс (Германия) – о деревянных изделиях из коптского Египта, которые хранятся в различных музеях Европы, М.Ч. Профумо (Италия) – об епископском комплексе в Пезаро, П.А. Диатроптов (Россия) – об иконографии Ноева Ковчега в раннехристианском искусстве, М.И. Золотарев (совместно с Д.Ю. Коробковым) – о перестройке херсонесской синагоги в базилику, А.И. Иванчик (Россия) – о раскопках на агоре Аргоса. Постер Н. Чаневой-Дечевской (Болгария) об архитектуре ранних церквей Болгарии мог бы служить кратким резюме ее только что изданной монографии[11]. Нетипичной для конгрессов по христианской археологии была тема постера М. Кадироглу Лейбе (Турция) об архитектуре грузинских монастырей IX–X вв. в исторической провинции Тао-Кларджетия, сейчас на территории Анатолии. Надо отметить, что Кавказ с его богатейшими традициями христианской культуры на этих конгрессах представлен чрезвычайно мало (исключение составляет только Абхазия).

Участники конгресса осмотрели интересные экспозиции: "Христиане в текстах и тканях из Египта" в Музее истории искусства, коллекцию печатей и папирусов в Австрийской национальной библиотеке, выставку документов по истории христианской археологии в Австрии, развернутую в Институте классической археологии, где проходила работа конгресса. Экспозицию "Раннее христианство на территории австрийского дунайского Лимеса" организовал музей города Трайсмауер в окрестностях Вены. Мы осмотрели также знаменитую коллекцию античной скульптуры из раскопок Эфеса, которая является украшением Музея истории искусства. В том же музее хранятся ценные раннехристианские и ранневизантийские вещи, среди них такие первоклассные памятники, как клад из Сент-Миклоша, а также светильники, бронза, стекло, рельефы и др.

Несколько экскурсий состоялись вне официальных рамок конгресса. До его начала мы осмотрели древний Карнунтум, где австрийские археологи раскопали римскую крепость с ее храмом Дианы, термами, жилыми домами и музей, который хранит находки из раскопок этого комплекса. По окончании конгресса было организовано две больших четырехдневных поездки: одна в Эфес, другая – по Австрии (Дунайский Лимес–Кернтен–Восточный Тироль). В последней я имела возможность принять участие благодаря любезности Оргкомитета, о чем вспоминаю с признательностью. Мы посетили серию позднеантичных, раннехристианских и средневековых памятников в Трайсмауере, Эннсе, Лорхе, Кремсе и др. городах. Для историка раннего христианства особенно интересны памятники Тироля и предальпийской зоны. Это Лаванд близ Линца с двумя раннехристианскими церквами, комплекс позднеантичных сооружений и богатый археологический музей в Аугунтуме. В Теурнии уникальна епископская церковь св. Петра, здесь же еще две раннехристианских церкви, одна из них украшена мозаикой, и музей. В Хеммаберге, конечном пункте нашего путешествия перед возвращением в Вену, нас ждало самое интересное: комплекс из пяти раннехристианских церквей, среди них "двойные" базилики. Нельзя не сказать об отрадном и утешительном зрелище хорошо отреставрированных памятников, просторных и светлых хранилищах археологических коллекций. Участники этой замечательной поездки были благодарны нашему гиду проф. Францу Глазеру, знатоку памятников этого региона, который рассказывал о них подробно и увлеченно.

Венский конгресс дает хорошее представление о новых тенденциях современной христианской археологии. Это ее стремление к "глобализации" (так теперь говорят), т.е. намерение изучать всю полноту исторической жизни раннехристианского общества или, по красочному выражению П.-А. Феврье, это "археология, которая не забывает ни Венеру, ни Христа..."[12]). Христианская археология открыта для представителей всех конфессий и всех стран, в том числе и стран Восточной Европы, чьи связи с западноевропейской христианской археологией ранее были очень ограничены, в особенности это касается России (СССР). Эта дисциплина давно уже перестала быть только "римской школой", она охватывает весь раннехристианский мир, и в круге ее интересов византийская проблематика занимает, в сущности, такое же место, как и западная. И еще одна деталь: все предыдущие конгрессы по христианской археологии проходили в городах западных стран, а в некоторых из них – не по одному разу: Сплит, Рим, Равенна, Экс-ан-Прованс, Барселона, Трир, Лион, Бонн. И только однажды, сравнительно недавно, православная Греция стала местом проведения большой международной встречи ученых (X конгресс 1980 г.). Следующий конгресс состоится в 2003 г., впервые запланировано провести его на Востоке – в Иерусалиме.

Л.Г. Хрушкова

Третья Всероссийская конференция молодых специалистов по византинистике и неоэллинистике (Москва, 8–10 апреля 2000 года)

Конференция молодых специалистов по византинистике и неоэллинистике, организованная кафедрой византийской и новогреческой филологии, прошла в Московском университете им. Ломоносова с 8 по 10 апреля 2000 года. Весенняя сессия византинистов уже стала доброй традицией этой молодой кафедры, причем с каждым годом пополняется список участников, расширяется спектр тем. На заседаниях, проходивших под председательством профессоров, преподавателей МГУ – Б.Л. Фонкича, О.С. Поповой, И.С. Чичурова, М.В. Бибикова, С.А. Иванова, Д.Е. Афиногенова, Д.А. Яламаса, Т.И. Самойленко, М.К. Цанцаноглу, А.Ф. Михайловой, Т.В. Никитиной, студентами и аспирантами филологических и исторических факультетов университетов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга было прочитано 42 доклада, из них 22 – по византиноведению, 15 – по новогреческой литературе и языкознанию, 5 – по новой и новейшей истории Греции. Основанные на анализе источников исследования в области литературоведения и языкознания, палеографии, агиографии, искусства, внешней и внутренней политической истории охватывали весь период существования Византии.

В докладе А.Б. Ваньковой "Некоторые проблемы статуса византийского монашества в IV–начале V века" было показано, что императорское и церковное законодательство IV в. с большим опозданием отреагировало на возникновение монашества как в сфере регламентации внутренней жизни монастыря, так и в вопросе его отношений со светскими и церковными властями. Для светского законодательства объединения монахов как особого рода корпорации долгое время не существовало, и монастырь управлялся на основе собственного устава. П.В. Кузенков в своем сообщении, вызвавшем жаркое обсуждение, разрешил вопрос о родстве патриарха Фотия с так называемой "Аморийской династией": как свидетельствует тщательный анализ источников, святитель был

[10] *Pülz A.* Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos / Krim // Mitteilungen zur christlichen Archälogie. 1998. 4. S. 45–78.

[11] *Чанева-Дечевска Н.* Ранно-християнската архитектура в България IV–VI в. София, 1999.

[12] *Février P.-A.* Discours // Actes du XI-e Congrès international d'Archéologie Chrétienne, 21–28 sept. 1986, Lyon-Aoste (Studi di Antichita Cristiana XLI, Collection de l'École Française de Rome 123). Citta del Vaticano-Rome, 1989. I. P. XCIX.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная Древность и средние века
АО – Археологические открытия
АН – Архитектурное наследство
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВО – Византийские очерки
ВФ – Вопросы философии
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП – Журнал Московской Патриархии (Москва)
ЗВОРАО – Записки восточного отделения Русского археологического общества
ЗЛУ – Зборник за ликовне уметности
ЗРАО – Записки Имп. отделения Русского археологического общества
ЗРВИ – Зборник Радова Византолошког института (Београд)
ИАК – Известия Имп. археологической комиссии
ИАСК – История и археология средневекового Крыма
ИГАИМК – Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИИБИ – Известия на Института за българска история (София)
ИИИ – Известия на Института за история (София)
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР
ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРАО – Известия Имп. русского археологического общества
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
ИФЖ – Историко-филологический журнал (Ереван)
КСИ – Краткие сообщения Института археологии (Москва)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МСАИ – Международный симпозиум по армянскому искусству
НЭ – Нумизматика и эпиграфика (Москва)
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия
ППС – Православный палестинский сборник
ПС – Палестинский сборник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАИК – Русский археологический институт в Константинополе
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения государственного Эрмитажа
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТОВГЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
УЗИС – Ученые записки Института славяноведения
AASH – Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AASS – Acta Sanctorum Bollandiana

AB – Analecta Bollandiana
AHASH – Acta Historiae Academiae Scientiarum Hungaricae
AJA – American Journal of Archeology
АП – Αρχεῖον Πόντου. Ἀθῆναι.
AS – Anatoleian studies
BA – Byzantinisches Archiv
Bb – Byzantinobulgarica
BCH – Bulletin de la Correspondances Hellénique
BF – Byzantinische Forschungen
BHG – Bibliotheca Hagiographica Graeca
BMGS – Byzantine and Modern Greek Studies
BNJ – Byzantinish-Neugriechische Jahrbücher
BS – Byzantinoslavica
Byz. – Byzantion
BZ – Byzantinische Zeitschrift
Cah. Arch. – Cahiers archéologiques
CCAG – Catalogus codicum astrologorum graecorum
CCARB – Corsi di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina
CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
DAI – De administrando imperio
DOP – Dumbarton Oaks Papers
DOS – Dumbarton Oaks Studies
DOT – Dumbarton Oaks Texts
ΔΧΑΕ – Δελτίον τῆς Χριστιανικῆς Ἀραιολογικῆς Ἑταιρείας
ΕΕΒΣ – Ἐπετερὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EO – Échos d'Orient
FHG – Fragmenta historicorum graecorum
FJRA – Fontes juris Romani antejustiniani
GGM – Geographi graeci minores
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
JEN – Journal of Ecclesiastical History
JHS – Journal of Hellenic Studies
JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
JÖBG – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
JRS – Journal of Roman Studies
MAMA – Monumenta Asiae Minors Antiqua
MGG – Musik in Geschichte und Gegenwart
MGH – Monumenta Germaniae Historica
MHR – Mediterranean Historical Review
MM – Acta et diplomata medii aevi sacra et profana, collecta ediderunt F. Miklosich – J. Müller. Vol. I–VI. Vindobonae, 1860–1890
MMB – Monumenta musicae byzantinae
NE – Νέος Ἑλληνομνήμων
OCA – Orientalia Christiana Analecta
OCP – Orientalia Christiana Periodica
PG – Patrologiae cursus completus. Series Craeca
PL – Patrologiae cursus completus. Series Latina
PLP – Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit
ΠΠ – *Λάμπρος Σπ.* Παλαιολογεῖα καί Πελλοποννησιακά. Т. I–IV. Ἀθῆναι, 1912–1923
RBK – Reallexikon zur byzantinischen Kunst
RE – Pauly–Wissova–Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft (Stuttgart)
REA – Revue des Études Arméniennes
REB – Revue des Études Byzantines
REG – Revue des Études Greques
RESEE – Revue des Études Sud–Est Européennes
RH – Revue historique

RHC – Recueil des historiens des croisades
RJ – Revue juridique
RN – Revue numismatique
ROCh – Revue de l'Orient Chrétien
ROL – Revue de l'Orient Latin
RSBN – Rivista di studi byzantini e neoellenici
RSBS – Rivista di studi byzantini e slavi
SBAW – Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SBNE – Studi byzantini e neoellenici
SBS – Studies in Byzantine Sigillography
SDHJ – Studia et documenta historiae et juris
SK – Seminarium Kondakovianum
SKAW – Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften
ST – Studi et Testi
SV – Studi veneziani
TIB – Tabula Imperii Byzantini
TM – Travaux et Mémoires. Centre de recherches d'histoire et civilisation de Byzance (Paris)
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
ZSSRA – Zeitschrift der Savigny – Stiftung: Romanische Abteilung

Научное издание

Византийский временник

Том 60(85)

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Н.В. Баринова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 02.02.2001. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 20,8+2,6 вкл. Усл.кр.-отт. 23,7. Уч.-изд.л. 30,5
Тираж 700 экз. Тип. зак. 1204

Издательство "Наука" 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6